

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ
ИСКУССТВ

Наука

Культура

Словесность

5/2012

Журнал
«Семь искусств»

Май 2012

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2012

Журнал

«Семь искусств»

Май 2012

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Эдуард Бормашенко	
Мысли о науке.....	5
Оскар Шейнин	
И. Кеплер	12
Владимир Тихомиров	
Олег Вячеславович Локуциевский.....	16
Борис Альтшулер	
Экстремальные состояния Льва Альтшулера.....	26
Павел Нерлер	
Мандельштамовские дни и вечера в Альбионе и Новом свете.....	69
Исанна Лихтенштейн	
Эмиль Золя – штрихи к портрету.....	83
Григорий Фридман	
Чета Рэтлендов в роли Шекспира	94
Борис Рублов	
Мой мир оперы	105
Наум Зайдель	
В начале сотворил Бог звук и ритм	155
Игорь Ефимов	
Айн Рэнд.....	166
Леонид Шейнин	
Неразгаданные страницы истории	186
Борис Тененбаум	
1812.....	192
Леонид Смиловицкий	
Невостребованная память: письмо читателям	216
Эмма Шкурко	
Пока дышу (живу), рисую... Старый художник умирал... ..	224
Татьяна Разумовская	
Нурит	241
Виктор Каган	
Из декабрьской тетради.....	245
Алексей Борычев	
Ком переживаний.....	250
Анатолий Николин	
И что-то между тьмой и светом.....	261
Виктор Голков	
«Свободы страшное лицо»	
Предисловие Михаила Юдсона.....	266
Григорий Канович	

Местечковый романс	274
Елена Матусевич	
Из Американского Цикла	347
Инна Иохвидович	
«Эмигранты». Рассказы	355
Моисей Борода	
Наваждение	377
Александр Ласкин	
Высокий и Толстой	387
Леонид Столович	
Вспоминая Юрия Леваду	422
Владимир Слуцкий	
Владимир Фридман – Vladimir Friedman – פרידמן ולדימיר	443
Соня Тучинская	
Встреча с Бродским в Пало Алто	461
Александр Бураковский	
Двенадцать мнений о последней волне «русской» эмиграции в Америку	467
Об авторах	520

Эдуард Бормашенко

Мысли о науке

ד"ר

Ученый для себя

"...чтобы убедиться в том, что Достоевский – писатель, неужели же нужно спрашивать у него удостоверение?"

М. Булгаков, "Мастер и Маргарита"

дин мой сослуживец по Ариэльскому Колледжу, крупный математик, недавно посетовал: стало трудно печатать статьи в научных журналах (вечный стон пишущей братии – не печатают). Почему же не печатают? Некому реферировать, мои статьи, их не понимают (еще одна беда, помните: "счастье – это когда тебя понимают"). Во-первых, сказал математик, в моей области математики работают два-три человека, а, во-вторых, представляемые мною доказательства столь длинны и запутанны, что на их проверку их надо затратить, как минимум пару недель. А кому хочется на две недели оторваться от собственной сладкой научной каторги? Тут нужен коллегальтруист.

Я подумал, что рассказанная история носит очень общий характер. Я сталкивался с тем же. Хуже того, давно установил: чем тривиальнее, серее статья, тем легче ее напечатать. Если представленный результат воистину нов, редактор впадает в панику, а вдруг ошибка, нелепость, чушь? Напечатаете – скандал. И прикрывая заднее место, рассылает статью для реферирования бесчисленным экспертам, а те, мы уже знаем, или ни черта не понимают, или сильно заняты, и, на всякий случай, пишут отрицательные рецензии (Рав Овадия Йосеф, говорит, что в ешиве надо учиться, чтобы разрешать, запретить можно все и сразу безо всякого учения).

Но здесь мы сталкиваемся с реальной проблемой: а, как же, бедному редактору знать, что статья, в самом деле, хороша? Он же не может разбираться во всем. Никакого другого механизма кроме слепого (черного) рецензирования, когда рецензент автору неизвестен, наука не знает. Есть и вопрос и еще более серьезный, а

как самому ученому знать, что он написал дельную работу?

Нельзя сказать, что ученые на эту тему не думали, уже, кажется, обо всем думали. Развилась целая область знания – "наукометрия", и, вроде бы, в ней установлены довольно общие закономерности, но, как же быть с нашим вопросом: как узнать хорош ученый или плох, талантлив или шарлатан? Количество публикаций – явно не мерило, графоман-профанатор, напечатавший тысячу статей в "Записках Пиквикского Клуба", окажется гением человечества. Есть куда более объективный критерий – число цитирований. Если тебя цитируют коллеги – тебя знают, оценили, ты "внес вклад". Но количество цитирований пригодно для оценки статьи, а не ученого. И в 2005 году Профессор Гирш из Калифорнийского Университета придумал незамысловатый *h*-factor (Hirsch-factor), вычисляемый очень просто: твой *h*-фактор равен *n*, если у тебя есть *n* статей, которые цитировались *n* раз. Гирш-фактор очень полюбился академическому начальству, уж до того полюбился, что его официально принимают во внимание при приеме на работу в американские университеты (и не только американские, по дошедшим до меня слухам с ним считаются и в Еврейском Университете в Иерусалиме).

Отрезвление пришло довольно быстро. Представим себе, что Эйнштейн ушел из жизни, написав всего 5 работ, в которых заложил основы специальной и общей теории относительности. Его *h*-фактор никак не мог бы стать больше пяти. А сегодня, есть корифеи, имеющие Гирш-фактор за сотню, но их и упоминать рядом с Эйнштейном совестно. Или вот еще дивный пример абсурда: самая цитируемая статья Эйнштейна посвящена вязкости коллоидных суспензий. Слов нет, и эта изящная работа несет на себе отпечатки когтей маэстро, но она никак несравнима по значению с "Электродинамикой движущихся тел", положившей начало новой физике.

Своей лучшей работой я считаю статью, в которой удалось решить одну застарелую задачу. Эта статья почти не цитировалась, ибо я применил математический аппарат несколько более тяжеловесный, нежели принято в данной области знаний. Работа осталась непрочитанной коллегами. Напротив, довольно средние работы на модные темы цитировались недурно.

Нет, число цитирований, и все с ним связанное – определенно не критерий. Скажу точнее для работ посредственных, быть может, и критерий, но для работ настоящих, формирующих науку – нет. Исайя Берлин делил ученых на лис и ежей: лисы охотно решают тьму мелких задач, ежи – небольшое

число задач фундаментальных. Берлин вежливо добавлял: и те и другие нужны науке. Я отношу себя к серым лисам, и, поверьте, нет лисы, которая не мечтала бы стать хоть на время ежом, да – не дано. Науку делают, конечно, ежи, но к ним, колючим, ни с какой меркой деревянной не подлезешь; воистину: "не сравнивай, живущий – несравним".

Профессор Семен Кутателадзе верно писал недавно, что все эти *h*-факторы – вне науки, это дело бюрократическое, чиновничье ("7 Искусств (8), 2011). Это справедливо, но за невозможностью найти объективный параметр, оценивающий научное творчество, прячется глубокая проблема: по-видимому, *такого критерия вовсе не существует*. Ученому, в оценке своей работы, все более приходится опираться на собственное ощущение значимости и ценности добытого результата.

Нынешнее положение науки необычно, классический идеал рациональности, опиравшийся на Декартовы требования прозрачности, очевидности знания, дал трещину. Все больше работ, скорее всего, верных этим требованиям не удовлетворяют. В такой ситуации следует ожидать "научной Реформации". Я писал об этом недавно в очерке о Генрихе Соколике, и заключил, что затрудняюсь представить себе, как эта Реформация будет выглядеть. Думаю, что моя нерешительность была обусловлена тем, что я смотрел на науку изнутри науки. Стоит отойти от нее в сторонку, и станет ясно, что Реформация уже идет.

У Борхеса есть дивный рассказ: "Поиски Аверроэса". В нем знаменитый арабский врач и философ Аверроэс занят любимым делом – переводом Аристотеля. Аверроэс доходит в "Поэтике" до отрывка, рассказывающего о театре. Здесь он приходит в замешательство. В арабской культуре нет ни театра, ни даже слова его обозначающего. В растерянности Аверроэс подходит к окну и смотрит, как во дворе мальчишки играют в минарет и муэдзина. Несмотря на свою бесспорную мудрость, Аверроэс не в состоянии распознать в этой игре – театр.

Для того чтобы заметить уже идущую в науке реформацию потребовалось от науки дистанцироваться, и обратиться к иному человеческому опыту. Европейская реформация началась с Лютеровского "Верую так, и не могу иначе". Но именно это и остается современному ученому: "мыслию так, и не могу иначе". На помощь коллег, мнение научного сообщества ему зачастую рассчитывать не приходится.

Обратим внимание на девальвацию Нобелевских Премий, призванных, вроде бы, это самое мнение отражать. В последние годы эти премии в физике вручались или за работы полувековой

давности, или за работы современные, но не настолько гениальные, чтобы их премирование не поднимало в недоумении брови. Да нет, награжденные ученые не плохи, но немало и ничуть не худших. Налицо размывание критерия "выдающегося вклада в науку".

В ситуации, когда твои эзотерические результаты вняты полудюжине коллег, и вовсе теряет смысл борьба за приоритет. Одна из самых скверных страниц в истории науки, – грязная свара, разгоревшаяся между Ньютоном и Лейбницем вокруг приоритета в открытии интегрального и дифференциального исчисления. А ведь было за что бороться, любому студенту известны имена Ньютона и Лейбница. Но нет никакого смысла воевать за приоритет эзотерических каракулей. Становится понятной и оправданной позиция Григория Перельмана, он знает, что получил серьезный результат, а мнение широких научных масс, все равно не смыслящих в его деле, его законно не интересует.

Создается очень нелегкая ситуация, в которой полагаться можно только на свои интуицию, научную совесть, внутренний "гамбургский счет". Нелегкая оттого, что "пораженья от победы ты сам не должен отличать". И часто не отличаем. Велика опасность превратиться в чеховского "ученого соседа". В этой ситуации особое значение приобретает выработка *научного стиля* у себя и у студентов. Современный докторант, чтобы пробиться к быстро движущемуся переднему краю науки должен прочесть от сотни до тысячи узко ориентированных статей. Стягивание научного горизонта в "точку зрения" ему при этом гарантировано. Да и что греха таить, далеко не все эти работы написаны блестящими умами. В этой ситуации я не вижу никакого противоядия кроме чтения работ классиков. Лучше следить за ходом мысли Гюйгенса, Лагранжа и Эйнштейна, чем набивать голову ультрасовременным и актуальным. Не меньшее значение имеет возврат в науку изгнанного из нее философского духа. Вникать в мысли Аристотеля, Декарта и Леонардо не только интереснее, но и полезнее, нежели изучать последнюю книжку специализированного журнала (Эйнштейн говорил, что чтение Достоевского ему в *профессиональном* отношении дает больше, нежели работа с научной литературой). Не говоря уже о том, что подобное чтение прививает от мегаломании.

Рав Штейнзальц определял талмудиста так: "истинный ученый стремится не выдумать новое, но вскрыть подлинное, глубинное единство своего творчества с высшими достижениями древних". Думаю, что эта максима в не меньшей мере приложима к творчеству научному. Наука учит нас говорить о вещах, изымая

их из контекста, но сам научный результат остается невнятен вне контекста человеческой деятельности, именуемой наукой.

Люди, которые хотят странного

Научное познание начинается не с узнавания, а с "остранения" (в том смысле, в котором употреблял это слово Шкловский). С превращения давно знакомого в странное; о странном спрашивают, что же спрашивать об известном? Ученые – люди, которые хотят странного. Миллионы людей наблюдали падение предметов на Землю и до Галилея, и никто не видел в этом странного; в крайнем случае, можно себя убаюкать, сказав, что такова природа тел – падать, а не взмывать к небесам и спокойно засопеть, удовлетворившись собственной находчивостью. Надо быть Галилеем, Ньютоном и Эйнштейном, чтобы разглядеть в столь привычном – непонятное. Самое близкое нам, остается и самым темным, оттого мы так дурно знаем наших близких. Мы же не можем смотреть на них как на "чужих", а познание, "остранение" неотделимо от отчуждения. В иврите слово "странный" תמוך точнее следовало бы перевести: "отчужденный".

Здесь язык играет с нами злую шутку, ведь прекрасно известно, что есть знание и совсем другого рода. То, самое близкое и непосредственное знание, которого мы достигаем, впуская познаваемое в себя, соединяясь с ним в единое целое и предаваемое ивритским существительным מודע; знание, которое мы приобретаем, познавая женщину. Но, вот несчастье, словарь беден: для знания-отчуждения и знания-соединения язык предоставляет одно и то же слово.

Язык и вообще сбоит в области знания – מודע. Уж, как вроде бы постарались поэты в разработке языка любви, а все равно сбоит. Вроде бы стихи лучше всего передают непосредственные, естественные движения души, но, как заметил М.Л. Гаспаров: "Естественные натуры" стихов не пишут. Чтобы писать стихи ... нужно иметь трезвый ум и твердую волю. Сочинять стихи значит: пропускать разгул буйного чувства через фильтр обдуманного слова". А много ли остается от чувства после такого фильтра? И совсем язык не пригоден для передачи чувственности. "Сексуальность приводит язык в действие, однако она пронизывает его, нарушает, возвышает, оглушает, превращает в шепот, в заклинание; сексуальность лишает язык его посреднической роли; сексуальность – это Эрос, а не Логос. Таким образом, целостное воссоздание сексуальности средствами Логоса совершенно невозможно" (П. Рикер, "История и истина"). Лев

Толстой ограничился строкой точек, в "Анне Карениной" в том месте, где надлежало быть эротической сцене, потому что язык не пригоден для написания таких сцен, а не из-за скудости изобразительного таланта, и не в угоду цензуре.

Но в науках язык разгулялся вовсю. Научное познание начинается с удивления, с вопроса, и именно язык делает мир, пригодным к вопрошанию. Язык разбивает мир, в том смысле, в каком человек "разбивает сад" (В. Библихин). Но требует за это и немалую цену, диктуя вопросы, которые мы задаем.

Современное научное познание началось с отчуждения языка от вещей. Человек, закончивший школу, приучен четко отделять слова от вещей, предметы от символов их означающих, неизвестное можно обозначить иксом, игреком или зетом, ни в одной из этих букв нет намека на таинственность неизвестного. Но так было не всегда. "В своей изначальной форме, когда язык был дан людям самим Б-гом, он был вполне определенным и прозрачным знаком вещей, так как походил на них. Имена были связаны с самими вещами, которые они обозначали, как сила вписана в тело льва, властность – во взгляд орла... Это осуществлялось посредством формы подобия... На всех известных нам языках мы говорим теперь, отталкиваясь от этого утраченного подобия ... Есть лишь один язык, который хранит память об этом подобии ..., так как этот язык позволил рассказать о древнем союзе Б-га с его народом; так как, наконец, именно на этом языке Б-г обратился к тем, кто слушал его". (М. Фуко, «Слова и вещи»). И еще из того же источника: древний ученый "созерцал природу, которая была сверху донизу исписана".

Отделение слов от вещей оказалось необычайно эффективным, разрешившись теорией относительности и квантовой механикой. Но, кажется, эта программа, запущенная Декартом, зашла несколько дальше, чем об этом думали ее основатель. Символы взбесились, им, вообще, теперь не нужны вещи; знаки, оказывается, они прекрасно могут играть со знаками, они – самодостаточны.

Подобная ситуация, как и все под Солнцем, не нова. В Талмуде слова комментаторов взаимодействуют со словами Писания, образуя многослойное знаковое пространство. Но при этом стили талмудического и научного познания принципиально отличаются. Иврит и арамейский – бедны абстракциями, разумеется, беден абстракциями и Талмуд, а наука ими переполнена. И вот, что более интересно: вы не найдете ни в Танахе, ни в Талмуде ни одного определения (это со свойственной ему проницательностью заметил С.С. Аверинцев). Наука любит

дефиниции, и не случайно; там, где присутствуют четкие определения, возможные *окончательные* ответы, замкнутые, в конечном счете, на дефиниции. Талмудическое исследование, бегущее точных определений, разворачивается в бесконечность.

Странствие по Талмуду более всего напоминает путешествие к краю безграничной Вселенной. По-видимому, тяга к странствиям в людях затрагивает те же струны, что и стремление к странному, а ученый, это именно тот, кто хочет странного.

Оскар Шейнин

И. Кеплер

Новая астрономия. Введение (отрывок)

J. Kepler, *New Astronomy* (1609). Cambridge, 1992.

Translated by W. H. Donahue (Introduction, an extract, pp. 59 – 61, 65 – 66)

Русский перевод О. Б. Шейнина

ногие, побуждаемые набожностью, отказываются согласиться с Коперником. Они опасаются, что могут последовать обвинения во лжи при утверждении, вопреки Духу Святому в Священном Писании, что Земля движется, а Солнце стоит на месте. Но пусть они поразмыслят, что, поскольку мы получаем наибольшую долю информации, и по качеству, и по количеству¹, посредством чувства зрения, то не можем исключить его из нашей речи. Так, мы многожды ежедневно говорим в соответствии с этим чувством, хоть вполне уверены, что истины в этом не было. Примером послужит строка из Вергилия:

*Нас уносит от порта, и земля и города удаляются*².

И так же, выходя из узкой части какой-либо долины, мы говорим, что перед нами открывается громадная равнина. И так же Иисус сказал Петру: *Отплыви на вышину*³, будто море было выше берегов. Так это кажется глазу, но оптика указывает причину этой ошибки. Иисус лишь использует распространенную идиому, которая тем не менее произошла от этого обмана зрения.

И так же мы называем восход и заход звёзд “восхождением” и “снижением”, но в то же время когда говорим, что Солнце восходит, другие говорят, что оно заходит, см. *Astronomiae pars optica*, гл. 10, с. 327⁴.

И так же астрономы, придерживающиеся Птолемея, говорят даже сейчас, что планеты неподвижны, когда видим, что они несколько дней остаются вблизи одной и той же неподвижной звезды, хоть и думают, что на самом деле планеты тогда движутся вниз по прямой, или вверх, вдаль от Земли.

И так же писатели всех стран применяют слово “солнцестояние”, хоть фактически и отрицают, что Солнце неподвижно. И так же не появился ещё ни один столь упрямый коперниканец, который избегал бы говорить, что Солнце входит в созвездие Рака или Льва, хоть и желают высказать, что Земля входит в созвездие Козерога или Водолея. И есть и другие схожие примеры.

Далее, при обсуждении простых вещей (не имея целью обучать им человечество) Священное Писание говорит с людьми на человеческий манер, чтобы быть понятным ими. Оно использует то, что всеобщее признано, чтобы вплести другие вещи, более возвышенные и божественные. Неудивительно поэтому, что, когда истина противоречит органам чувств, вне зависимости от того, сознают ли люди это или нет, Священное Писание говорит в соответствии с человеческим восприятием. Кто не знает, что упоминание в Псаломе 18 является поэтическим? Здесь в образе Солнца воспевается распространение Евангелия и даже о пребывании Иисуса в этом мире ради нас. И в песне говорится, что Солнце появляется из скинии горизонта как *женех из брачного чертога своего, радуется как исполин, пробежать поприще*⁵. И Вергилий подражает этому таким образом:

*Аврора оставляет шафранного цвета ложе Титона*⁶.

(Древнееврейская поэзия была, конечно, до него.)

Псалмопевец знал, что Солнце не выходит из горизонта как из скинии (хоть так могло показаться). С другой стороны, он полагал, что Солнце движется именно потому, что так кажется. В обоих случаях, он таким образом выразил это, потому что так казалось. Нельзя считать, что он говорил неправду, потому что восприятие глазом тоже обладает своей истиной, хорошо подходящей к более скрытой цели псалмопевца, а именно показу очертания Евангелия, а также Сына Божьего.

И так же Иисус Навин упоминает долины, над которой двигались Солнце и Луна⁷, потому что так это ему казалось, когда он был у [реки] Иордан. И всё же каждый писатель полностью представлял себе значение его [слов]. Давид [Псалом 18] рассказывал о проявленном великолепии Бога (и Сирацид⁸ вместе с ним), которое он описал так, чтобы показать их глазам, а возможно также и ради мистического смысла, который становится понятным ввиду этих видимых вещей. Иисус Навин имел в виду, что Солнце должно быть удержано целый день на своём месте в середине неба, потому что для других людей оно в то же время будет оставаться под Землёй.

Но безрассудные люди обращают внимание только на

словесное противоречие “Солнце стояло неподвижно” и “Земля стояла неподвижно” не учитывая, что это противоречие могло возникнуть только в оптическом и астрономическом контексте, но не имело места в обычном [слово]употреблении. И эти безрассудные люди не хотят замечать, что Иисус Навин просто молился, чтобы горы не затемняли для него солнечного света, и он эту молитву выразил словами, которые соответствовали зрению.

Ему было бы крайне неуместно думать в тот момент об астрономии и обмане зрения. Ибо, если кто-нибудь укажет ему, что Солнце на самом деле не движется относительно долины Аялона, что это лишь кажется так, не воскликнул бы Иисус Навин, что он просил только удлинить день каким угодно путём? Он поэтому так же ответил бы, если кто-либо начнёт представлять ему доводы в пользу постоянной неподвижности Солнца и движения Земли. Но Бог легко понял из слов Иисуса Навина, что он имел в виду и отозвался, остановив движение Земли, так что Солнце могло показаться ему остановившимся. Ибо суть прошения Иисуса Навина сводилась к тому, чтобы ему могло так показаться, какова бы ни была в то время действительность.

Но тому, кто слишком глуп, чтобы понять астрономическую науку, или слишком слаб, чтобы поверить Копернику не задевая своей веры, я бы посоветовал покончить с изучением астрономии и, прокляв какие ему угодно философские мнения, заняться своими собственными делами, и, прекратив бродить по свету, отправиться домой ковыряться на своём участочке.

Тут следует привести скромную (но не слишком) рекомендацию просвещённым по поводу мнения Тихо Браге о структуре мира, поскольку в некотором смысле он идёт по среднему пути. С одной стороны, она освобождает астрономов, насколько возможно, от ненужного арсенала стольких эпициклов, и, вместе с Коперником, включает не известные Птолемею причины движения, предоставляя некоторую роль физической теории, поскольку признаёт Солнце центром планетной системы. С другой стороны, она полезна сборищу буквоедов и исключает движение Земли, в которое так трудно поверить, хоть многие трудности поэтому вкрадываются в теорию планет при обсуждениях и доказательствах в астрономии, и не менее того нарушается физика небес.

Примечания

1. Информацию Кеплер, конечно же, не понимал в современном смысле, но его выражение, *количество информации*,

заслуживает упоминания. О. Ш.

2. Энеида III.2. Эту же строку цитировал Коперник (*De Revolutionibus (О вращениях небесных сфер*. М., 1964), I.8. У. Д.

3. От Луки 5:4. Латинское *altum* может означать либо *высоко*, либо *глубоко*. Но Кеплер не мог не знать, что в первоначальном греческом стихе недвусмысленно применялось второе значение. Его следует поэтому обвинить в довольно глупом искажении с целью доказать свой довод. У. Д.

В русском тексте Библии сказано *отплыти на глубину*. Упомянут не Пётр, а Симон, но Иисус назвал Симона Петром (От Луки 6:14).- О.Ш.

4. См. Кеплер *Ges. Werke*, Bd. 2, p. 281. У. Д.

5. Курсивом мы выделили цитату из Библии. *Поприще* должно означать заданную дистанцию. Перевод 1876 г., видимо частично использовавший предшествовавшие тексты, так и не был обновлён. *Скинии горизонта* в Библии нет. О.Ш

6. Энеида IV.585. У. Д. Титон – герой древнегреческой мифологии. О. Ш.

7. Книга Иисуса Навина 10:12 и далее. У. Д.

8. Это – ссылка на второканоническую *Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова*. О.Ш.

Владимир Тихомиров

Олег Вячеславович Локуциевский

Олег Вячеславович Локуциевский (1922-1990) – выдающийся математик, жизнь которого была связана с двумя замечательными московскими научными центрами –Московским университетом и Институтом прикладной математики им. М.В. Келдыша.

О.В.Локуциевский родился 11 ноября 1922г. в Новосибирске. В 1937 году семья переезжает в Москву. Об отце, матери Олега Вячеславовича и о причине переезда в Москву можно прочитать в отрывке из воспоминаний вдовы Олега Вячеславовича Тамары Викторовны, помещенном в конце этого очерка.

Огромную роль в жизни Олега Вячеславовича сыграл механико-математический факультет МГУ. Еще в школьные годы он стал посещать кружки при МГУ и получил первую премию на седьмой Московской математической олимпиаде 1941 г. И потом на протяжении значительной доли своей жизни он с большим увлечением занимался со школьниками и мехматскими младшекурсниками. В том же 1941 году юноша поступает на мех-

мат. Шла война, Олег Вячеславович был призван на нестроевую службу, где он провел около трех лет, и в итоге он кончил мех-мат только в 1948 году.

В студенческие годы Локуциевского увлекла топология, и его научным руководителем стал Павел Сергеевич Александров. По окончании университета Олег Вячеславович поступает в аспирантуру к Александрову. Тот ставит перед своим аспирантом некоторые проблемы, связанные с теорией размерности.

Начала этой теории были заложены Пуанкаре, Лебегом и Брауэром. Пуанкаре предложил индуктивное понятие размерности, Лебег – определение при помощи кратности покрытий. Теория была глубоко развита П.С. Урысоном. Исследования Урысона были далеко продвинуты П.С. Александровым. Может вызвать удивление тот факт, что до 1949 г. не было известно, совпадают или нет эти два определения. Как пишут в своем обзоре, посвященном топологии, в книге «Математика в СССР за сорок лет» П.С. Александров и В.Г. Болтянский: «А.Л. Лунцем [в работе в ДАН, 66, (1966)] построен пример бикомпакта R , $ind R$ которого не совпадает с размерностью $dim R$, определяемой посредством покрытий. Этот замечательный результат был затем усилен и получен посредством более простой конструкции О.В. Локуциевским». Некоторое время был открыт вопрос о возможности повышения размерности при открытых отображениях. Первый пример повышения размерности на единицу одномерного компакта при открытом отображении был построен А. Н. Колмогоровым. Олег Вячеславович, усовершенствовав пример Колмогорова, построил отображение одномерного компакта на кубы любых размерностей и даже на гильбертов куб. Этот результат составил его кандидатскую диссертацию, защищенную в 1951 году.

Олег Вячеславович был прекрасным студентом, прекрасным аспирантом и общественником. Его кандидатура была предложена для оставления на мех-мате, но этого не произошло (как это нередко случалось в ту пору) по анкетным сообщениям.

Олег Вячеславович поступил в ОПМ – Отделение прикладной математики при Математическом институте им. В.А. Стеклова АН СССР, – которое именно тогда, в 1951 году, начал формировать М.В. Келдыш (ныне Отделение прикладной математики выделилось в Институт прикладной математики, носящий имя М.В. Келдыша). Целью Института было создание новой науки – компьютерной вычислительной математики.

В обеспечении кадрами ОПМ принимал участие И.Г. Петровский. По его рекомендации туда были направлены

математики, успешно кончившие мех-мат *вне зависимости от узкой специализации*. Так в ОПМ для выполнения работ по созданию ядерной бомбы попали общие топологи Я.М. Каждан и О.В. Локуциевский, специалист в области комплексного анализа М.А. Евграфов и другие. Мысль о том, что те, кто проявил себя на мех-мате, способен освоить любую научную профессию, оправдалась. О. В. Локуциевский стал выдающимся специалистом в области вычислительной математики.

В некрологе О.В. Локуциевского, опубликованном в «Успехах математических наук» (т. 46, вып. 2 за 1993 г.) говорится, что О.В. Локуциевскому «пришлось иметь дело с уравнениями гидродинамики с учетом теплопроводности, причем, расчету подлежали процессы, сопровождавшиеся образованием тепловых и ударных волн, контактных разрывов волн разряжения и их взаимодействие. В 1953-54 гг. им совместно с И.М. Гельфандом и В.Ф. Дьяченко была разработана одна из первых в стране методик решения таких задач на ЭВМ.

За проведение важных расчетов, заказчиками которых были Я. Б. Зельдович, А. Д. Сахаров и другие физики, О. В. Локуциевский был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и удостоен Государственной премии СССР.

О.В. Локуциевский был одним из авторов широко используемого теперь для практики метода прогонки, а также континуального замыкания этого алгоритма.

Значение этой работы велико и в том смысле, что она была одной из первых, формулирующих новые требования к алгоритмам, которые связаны с реализацией на ЭВМ, когда многие миллионы операций совершаются без контроля со стороны человека.

Наряду с интенсивной работой в области прикладной математики, О.В. Локуциевский продолжал свои топологические исследования. Он ввел и тщательно изучил понятие пространства относительной топологии, обобщающее относительную метрику Мазуркевича–Урысона, и построил примеры, решающие две связанные с относительной метрикой проблемы Урысона. Это составило его докторскую диссертацию, защищенную в 1965 г. О. В. Локуциевский продолжал свои топологические исследования и после защиты диссертации. Он искал и нашел «правильные» определения «малой» и «большой» индуктивных размерностей, которые для компактов давали совпадение с размерностью, определяемой при помощи покрытий.

В работе «Об аппроксимации некоторых функциональных компактов конечномерными» Олег Вячеславович связывает

вопросы аппроксимации с поперечниками Урысона. Эта работа интересна еще и тем, что задача экономной аппроксимации функциональных компактов связана с задачами вычислительной математики».

Кемерово, 1988 год

В.М. Тихомиров, И.П. Сопруненко, О.В. Локуциевский,
Т.В. Локуциевская, Н.Н. Ченцов, Л.Г. Страховская,
Р.П. Федоренко

Истинным призванием О.В. было просветительство. Говорилось о том, что он был руководителем школьных кружков в студенческие и аспирантские годы. О его вдохновенной работе во Второй школе, где Олег Вячеславович преподавал с 1965 по 1969 год, можно прочесть в статье, публикуемой ниже, написанной его учеником М.Б. Гавриковым. Олег Вячеславович с большим воодушевлением принял предложение Ивана Георгиевича Петровского стать профессором-совместителем на новой кафедре на мех-мате, нашей кафедры – общих проблем управления и проработал на кафедре свыше двадцати лет. Велика его роль в формировании научной программы кафедры. Его личность, благородная и бескорыстная, способствовала созданию той творческой атмосферы дружелюбия и взаимопомощи, которая сложилась на кафедре. Огромный труд вложил О.В. Локуциевский в новый и богатый идеями курс методов вычислений (созданный им вместе с К.И. Бабенко), который они читали все эти годы.

Олег Вячеславович был человеком возвышенной порядочности. Он отказался от выдвижения в академию, сказав, что разговор о его выдвижении может идти лишь после того, как

изберут Константина Ивановича Бабенко; он отказывался от защиты докторской диссертации по совокупности своих выдающихся достижений в вычислительной математике, считая своим долгом завершить свои планы в своей изначальной специальности – топологии; он стал старшим научным сотрудником лишь после того, как М.В. Келдыш случайно узнал, что работник его института, имеющий выдающиеся заслуги, так и остается младшим научным сотрудником.

Олег Вячеславович имел широкий круг интересов – музыка, поэзия, литература, он живо откликался на все текущие события жизни, был верным товарищем, интересным собеседником. У Олега Вячеславовича была прекрасная семья, его жена Тамара Викторовна была замечательным, редкостным человеком. Они воспитали сына и дочь, которые тоже окончили наш факультет. Внук Олега Вячеславовича стал сотрудником нашей кафедры.

Тамара Локуциевская

Об Олеге Вячеславовиче Локуциевском

К сожалению, у меня не сохранились архивы, надо бы поискать их в Москве: 10 лет назад (может быть 12) из Иркутска приезжали какие то ребята, которые забрали архивы для диссертации, вероятно, о революционных деятелях Сибири. Правда, кажется, они всё вернули где-то через полгода. Но я помню только то, что изустно слыхала от Олега Вячеславовича, его мамы и няни.

Отец Олега Вячеславовича – Вячеслав Иосифович Локуциевский, происходил из семьи крупных польских магнатов, которые были высланы в Сибирь во время польского восстания. Один из братьев этой семьи был приговорён к смертной казни, другой к сибирской каторге. Брат, приговорённый к высылке в Сибирь, бежал, передав свои документы брату, приговорённому к смерти, и этот второй брат и был выслан в Сибирь. Таким образом, предки Олега Вячеславовича оказались в Иркутске и сохранили свои революционные традиции.

Отец Олега Вячеславовича – Вячеслав Иосифович, не раз сидел в царских тюрьмах, заболел там туберкулёзом (при этом он окончил Университет как инженер-мостовик). Тётка Вячеслава Иосифовича – весьма важная дама, носила в муфте заклочённым записки, прокламации и орудия для бегства. В Иркутске в краеведческом музее есть или была (не знаю как сейчас) стена,

посвящённая революционной деятельности семьи Локуциевских. Во время революции Вячеслав Иосифович был комиссаром ЧК и устанавливал Советскую власть в Сибири. Но, поняв кровавый характер новой власти, своевременно ушёл из политики и работал начальником строительства мостов и нескольких новых железнодорожных веток. Позже он организовал научно-исследовательский строительный институт в Новосибирске, в котором, кстати, был впервые создан железобетон. У нас есть несколько томов-выпусков этого института.

В 1937 году, когда начались повальные аресты, по просьбе жены Вячеслав Иосифович бросил в Новосибирске дом, работу директора института и уехал с семьёй в Москву. Прожил он здесь недолго – он простудился в одной из командировок, заболел воспалением лёгких, возобновился туберкулёз и в 1939 году он умер.

Интересно, что в начале перестройки (ещё был жив Олег Вячеславович) к нам приходил корреспондент, который изучал жизнь узников Александровского центра (отец Олега Вячеславовича в своё время там сидел). Корреспондент уверял нас, что Вячеслав Иосифович был расстрелян в тюрьме, и не верил в его смерть в собственной постели. Проработав досконально это странное расхождение, корреспондент обнаружил, что было распоряжение об аресте Вячеслава Иосифовича, но, так как его не оказалось в Сибири, то расстреляли его родственника с той же фамилией, но именем Викентий, а не Вячеслав.

Теперь о матери Олега Вячеславовича – Наталье Александровне. Её отец – дед Олега Вячеславовича, в семилетнем возрасте вместе со своей татарской деревней был крещён в реке попом Гаврилой, после чего вся деревня получила фамилию – Гаврилов. И этот татарский мальчик при «гнусном» царизме, так говорил мой папа, закончил юридический факультет Университета и дослужился до действительного статского советника – он был председателем суда в Екатеринбурге. Естественно, что перед приходом красных в Екатеринбург, он бежал – ведь Ленин особенно уничтожал судейских. Бежали всей семьёй на восток в двух кибитках: в одной дед Олега Вячеславовича с женой, в другой – его единственная 22-летняя дочь Наташа с кузиной. Добежали они до Иркутска, а после Иркутска в метель разминулись и потерялись. И Наташа с сестрой вынуждены были без средств вернуться в Иркутск. Там девушки сняли комнату и нашли работу – подавальщицами в ресторане. Наташу – девушку очень красивую – хозяйка послала обслужить комиссара, после чего хозяйка обругала Наташу, сказав, что комиссар недоволен и

послала её снова. Наташа, выйдя второй раз, довольно гневно выговорила комиссару за его «барское» поведение и тут же около столика упала в обморок. Очнулась она через 2 недели в больнице – у неё оказался тиф. В \hat{U} ходил её комиссар, который ежедневно приносил еду, лекарства и даже цветы. Вскоре они поженились. Комиссар – Вячеслав Иосифович Локуциевский, спас и отца Натальи Александровны, а мать её тогда же умерла от тифа...

Михаил Гавриков Олег Вячеславович Локуциевский и Вторая математическая школа

Я познакомился с Олегом Вячеславовичем Локуциевским в 1965 году, когда поступил в 7-й класс 2-й школы. В те годы преподавание математики во 2-й школе было двухуровневым. С одной стороны, давалось базовое образование в рамках обязательной программы, которую проходили с нами «обычные» учителя. С другой, – были занятия по специальной программе, составленной приглашенными известными математиками (И.М. Гельфандом, Е.Б. Дынкиным, Ю.И. Маниным, Б.В. Шабатом и др.). Они же и занимались со школьниками.

Одним из таких математиков был О. В. Локуциевский — известный тополог и, одновременно, специалист в области вычислительной математики, работавший в Институте прикладной математики АН СССР.

Именно он взял шефство над нашим 7 «А» классом, и с тех пор четыре года, вплоть до окончания школы, мы испытывали научное и человеческое влияние этого незаурядного человека.

Начиная с 7-го класса, занятия по спецматематике строились по университетскому принципу. В частности, нам не ставили оценок, но в конце семестра устраивали зачет и экзамен с оценкой.

Темы занятий в 7-м классе были традиционными: метод математической индукции, раскраска карт с обсуждением проблемы четырех красок, классификация правильных многогранников, теория делимости, включая основную теорему алгебры, элементы комбинаторики, бином Ньютона, классические неравенства и пр.

Тщательно подбирались задачи, которые сначала предлагались для самостоятельного решения, а затем подробно разбирались на занятиях. Обстановка на уроках по спецматематике в целом напоминала занятие математического кружка, но уровень занятий был весьма высоким.

Михаил Гавриков - школьник

В 8-м классе Олег Вячеславович читал лекции потоку 8-х классов, а семинары вели его помощники (в нашем 8 «А» классе их вел ведущий сотрудник ИПМ Леонид Григорьевич Хазин).

В первом семестре читалась теория множеств. Олегу Вячеславовичу удалось доступно изложить понятия и результаты канторовской теории множеств, прежде всего, связанные с мощностью множеств. Конспект этих блестящих лекций, составленный самим Олегом Вячеславовичем, был отпечатан и выдан каждому слушателю. Сейчас эти материалы стали раритетом.

Во втором семестре читалась топология: индекс замкнутой кривой относительно точки, теорема о неподвижной точке; основательно обсуждалось топологическое доказательство основной теоремы алгебры. Для этого подробно изучались комплексные числа и элементарные функции.

Эта часть курса изобиловала нетрадиционными подходами. Например, натуральный логарифм определялся через площадь криволинейной трапеции под графиком гиперболы, а комплексные числа понимались, как минимальное расширение поля вещественных чисел, в котором разрешимо уравнение $x^2 = -1$.

В 9-м классе Олег Вячеславович и Борис Владимирович Шабат объединили в один поток четыре класса (девятые классы «А», «Б», «В» и «Г»), и стали читать лекции этому большому потоку. При этом уменьшилась возможность для личного общения с Олегом Вячеславовичем. В девятом классе Борис Владимирович прочитал классический курс линейной алгебры, а в десятом — курс теории функций комплексного переменного. Олег Вячеславович в эти годы рассказал про метрические пространства, ввел ряд топологических понятий и перешел к непрерывным функциям. После этого он начал читать дифференциальное и интегральное исчисление (9-й класс). Под конец обучения он рассказал основы теории меры и интеграла Лебега (первый семестр десятого класса).

Главной целью занятий было формирование у слушателей математической культуры, развитие мышления на базе современных математических понятий, языка и результатов. Понять, что такое математика, только из школьной программы (при всей ее важности) невозможно. Современная математика говорит на другом языке, она решает другие задачи. Приобщить ребят к миру «взрослой» математики, помочь им обжиться в этом мире, а заодно понять, хотят ли они дальше жить в нем, и было целью обучения.

Поэтому отсутствовало «натаскивание» на решение задач с целью победы на олимпиадах. (Разумеется, такие победы приветствовались, но были частным делом каждого ученика). В этом проявлялся и научный и государственный подход к математическому образованию: приоритет отдавался постижению универсальной картины математического мира, а не мозаичным представлениям о нем. Именно такой подход дает на выходе людей, способных глубоко разбираться в проблемах математики и смежных наук (механики, физики, астрономии, биологии, экономики и др.) и решать возникающие в этих областях сложные задачи.

Олег Вячеславович был не только крупным математиком, но тонким ценителем и знатоком музыки, живописи, литературы. Его исключительная порядочность создавала на занятиях непередаваемую атмосферу благожелательности, одухотворенности и принципиальности.

Олег Вячеславович не делил учеников на бездарных и одаренных, перспективных и безнадежных. Он готов был возиться с каждым. В то же время, Олег Вячеславович не был добреньким. Он был нетерпим к пошлости и низости, само его присутствие буквально очищало мысли, речь и душу. Вероятно, здесь

проявился некий общий закон: достичь больших высот в той или иной области знаний могут, в основном, люди разносторонние и духовно неиспорченные.

С позиций сегодняшнего дня отчетливо понимаешь, насколько уникальным культурным явлением была Вторая школа тех лет. В ее становлении огромная заслуга тогдашнего (и нынешнего) директора школы Владимира Федоровича Овчинникова, которому удалось, преодолевая многие препоны, собрать под общей крышей выдающихся ученых и наладить совместную работу.

В то же время Вторая школа – продукт советской цивилизации с ее приоритетом духовности, культуры знаний и востребованностью этих знаний обществом. По этой причине вряд ли в обозримом будущем станет возможным воссоздание подобного культурного феномена.

Борис Альтшулер

Экстремальные состояния Льва Альтшулера

Главы из книги
(продолжение. Начало №7/2011 и №3/2012)

ЧАСТЬ I. И ОРУЖИЕ, И НАУКА

Глава 3

Друзья и коллеги о Л.В. Альтшулере
От составителей:

Десятого ноября 2003 г. Л.В. Альтшулеру исполнилось 90 лет, 23 декабря того же года он ушел из жизни. Эти события не могли не вызвать отклик у друзей и коллег Льва Владимировича.

В газете города Саров «Новый город» 6 ноября 2003 г. была опубликована большая статья-поздравление З.М. Азарх-Цукерман, А.А. Бриша, В.Л. Гинзбурга, Н.Н. Калиткина, Г.И. Канеля, К.К. Крупникова, Ю.Н. Смирнова, Р.Ф. Трунина, В.Е. Фортова, А.И. Фунтикова.

В связи с кончиной Льва Владимировича в журнале Успехи физических наук (2004. Т. 174. № 3) был опубликован некролог за подписью А.А. Бриша, В.Л. Гинзбурга, Р.И. Ильяева, Н.Н. Калиткина, Г.И. Канеля, К.К. Крупникова, Б.В. Левина, А.Ю. Румянцева (в то время министр Российской Федерации по атомной энергии), Л.Д. Рябева, В.М. Титова, Р.Ф. Трунина, В.Е. Фортова. В журнале «Атом» (2004. № 24), посвященном 100-летию Ю.Б. Харитона, была опубликована статья С.М. Бабадея «Сподвижник Ю.Б. Харитона Лев Владимирович Альтшулер». Некрологи были напечатаны в журналах «Физика горения и взрыва» (2004. Т. 40. № 2) и «Математическое моделирование» (2004. Т. 16. № 3).

На смерть Льва Альтшулера сразу же отреагировал американский коллега Билл Неллис (William J. Nellis): на сайте

AIRAPT (Международная Ассоциация по Развитию Исследований в области Высоких Давлений - МАРИВД) <http://www.ct.infn.it/airapt/> в разделе "In Memoriam" было размещено Прощальное Слово.

Круг друзей и коллег Л.В. Альтшулера, чьих друзей и как ученого, и как человека, очень широк – в России и за рубежом. Большинство материалов данной главы – статьи, специально написанные для этой книги. Мы в нее включили также воспоминания Д.А. Балашова о работе в лаборатории Л.В. Альтшулера в первые годы существования «объекта» и публикации в юбилейном номере журнала «Атом» А.Л. Михайлова и Л.М. Тимонина о Газодинамическом отделении ВНИИЭФ № 3 (ныне Институт физики взрыва), в состав которого в течение многих лет входил отдел, возглавляемый Л.В. Альтшулером. Мы благодарны М.В. Жерноклетову, в настоящее время возглавляющему этот отдел, за предоставление замечательных дружеских шаржей и коллективной фотографии отдела Л.В. Альтшулера накануне его отъезда из Сарова в сентябре 1969 г.

В.Л. Гинзбург

Памяти Льва Альтшулера

Хочу написать о Лье, но, чтобы было ясно, должен начать с себя. В 1931 г., когда мне было 15 лет, я окончил школу-семилетку (это была 57-ая школа СОНО¹, бывшая французская гимназия, находившаяся на Милютинском переулке, называвшемся тогда ул. Мархлевского; как называется сейчас, не знаю). В это время произошла какая-то очередная школьная реформа, и средняя школа кончалась как раз седьмым классом, т.е. старшие классы были ликвидированы. А после семилетки полагалось, точнее, предлагалось идти в ФЗУ (фабрично-заводское училище). После его окончания нужно было работать, например, на заводе. А кто хотел учиться дальше, мог поступать на рабфак, после которого можно было, в принципе, поступить в ВУЗ. Реформа, конечно, была глупейшая, и после нескольких лет школы-девятилетки или десятилетки (уж не помню какие) были восстановлены.

Итак, я кончил семилетку, но в ФЗУ не пошел, как-то не хотелось, а принудительно туда не посылали, и я оказался

¹ Сокольнический отдел народного образования. – *Сост.*

неприкаянным мальчиком, в семье больше детей не было, друзей было мало. Помню, очень страдал, не знал, что делать.

Моя тетя Роза, младшая сестра моей умершей еще в 1920 г. матери, насколько это было возможно, заменяла мне ее. Она работала в «Международной книге». Это была организация (кажется, она существует и сейчас), занимавшаяся, в частности, снабжением ученых иностранной литературой. Одним из ее «клиентов» был такой профессор Евгений Федорович Бахметев. Я его видел потом только несколько раз, и хорошо не запомнил, был он тогда молодежким мужчиной в расцвете лет. Это бывший подводник, большевик, ставший научным работником, он занимался рентгенографией, был, видимо, профессором (тогда еще ученых степеней и званий в СССР не было). Где была его основная работа – не помню, но он также заведовал кафедрой (вероятно, рентгеноструктурного анализа) в некоем машиностроительном институте (ВУЗ'е) имени Лепсе. И вот тетя Роза рассказала ему обо мне, просила совета. Он предложил мне пойти работать лаборантом или сначала препаратором (была такая должность, ее, вероятно, нет теперь; по сути, это младший лаборант). Так и оказался я в упомянутом институте имени Лепсе. Как-то тогда я не знал, кто же такой товарищ Лепсе. Помню только, что через несколько лет институт стал носить имя Бубнова. Это были годы репрессий и, помню, я думал, что Лепсе посадили, а Бубнов был тогда министром (наркомом) просвещения, вот ему и оказали честь, присвоив его имя институту. И только сейчас или, точнее, недавно выяснил, что товарищ Лепсе это старый большевик, умерший еще в 1929 году, видимо своей смертью. Но потом, очевидно, вспомнили (в начале тридцатых годов), что Лепсе был потенциальным «врагом народа», и заменили его на Бубнова. Но ненадолго. Бубнов тоже вскоре стал «врагом народа», его посадили и расстреляли. В энциклопедическом словаре издания 2001 года указано, что он умер в 1938 году и был «необоснованно репрессирован»; когда – не указано, ясно, что не позже 1938 года, когда и расстреляли. Чье имя присвоили институту после Бубнова – не знаю, может быть, вообще никакое. Находился этот институт одно время на Большой Ордынке и одно время вблизи Покровских Ворот (кажется, в Вузовском переулке), но уже не помню, где раньше и где позже.

Чтобы уж кончить с репрессиями, сообщу, что Е.Ф.Бахметев тоже был репрессирован, потом на некоторое время был освобожден и где-то работал в провинции. Потом его, кажется, опять арестовали и он сгинул в ГУЛАГ'е. Помню, что в перерыве между посадками, Е.Ф. появился в Москве, и Веня

Цукерман и Лева Альтшулер ему помогали, в частности, получить какую-то аппаратуру для лаборатории, в которой он работал между посадками. Я, конечно, забежал на несколько лет вперед, но не хочу к этому возвращаться, отмечу лишь, что и Веня, и Лева вели себя абсолютно достойно в отношении Е.Ф., что тогда было нетривиально. Я тогда уже давно не работал в лаборатории, был студентом МГУ и ничем помочь Е.Ф. не мог, меня и не просили.

Итак, в 1931 г. или, быть может, уже в начале 1932 г. я стал лаборантом в рентгеновской лаборатории института имени Лепсе. Лаборатория была небольшая, и главной фигурой в ней был Веня Цукерман, он же Вениамин Аронович Цукерман. Е.Ф.Бахметев показывался там очень редко, вероятно, читал кое-какие лекции. Еще с лабораторией и кафедрой были (помимо Вени) связаны Нина Константиновна Кожина (кажется, она кончила физфак и была близка с Е.Ф.; я ее через много лет, в 1945 г. встретил в г. Горьком, она была женой известного физика Г.С. Горелика). Еще в лаборатории и на кафедре работал физик Яков Петрович Селицкий.

Наконец-то я добрался до Льва или, как мы тогда говорили, Левки (конечно, Веня и я были Венькой и Витькой). Лев был ближайшим другом Вени, его школьным товарищем. Он формально работал в каком-то другом месте, но часто приходил к нам. Ребята, т.е. Веня и Лева, были на три года старше меня, кажется, успели кончить девятилетку. В таком возрасте разница в три года это много, и я, конечно, был «младшим товарищем», но как-то дружили мы на равных. Веня называл нас три В (ВВВ – Веня, Витя и Владимирович Лева или «Всегда впереди всех»). Веня был личностью замечательной, был изобретателен и уже слепой продолжал успешно и плодотворно работать. Но писать здесь о Вене я не буду, его биографии посвящена специальная книга², в которой есть и моя статья. Лева был совсем не похож на Веню, но они всю жизнь оставались близкими друзьями, да и работали вместе вначале в Институте машиноведения АН СССР, а с 1946 г. на «объекте» Ю.Б. Харитона в г. Сарове, тогда очень секретном, который потом стал называться Институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ). Насколько понимаю, они принадлежали к числу основных, так сказать, ведущих сотрудников этого института.

² «Ученый, мечтатель, борец. Посвящается профессору В.А. Цукерману». / Ред. З.М. Азарх, Российский федеральный ядерный центр – ВНИИЭФ, Саров, 2006. – *Сост.*

И тут я опять должен вернуться к себе. Я окончил физфак МГУ в 1938 г., два года был там аспирантом, и с 1940 г. и до сих пор работаю в ФИАНе в Отделе теоретической физики, который был создан И.Е. Таммом в 1934 г. после переезда АН СССР из Ленинграда в Москву. Во время войны мы старались делать что-либо полезное для обороны, но, в общем, находились, так сказать, на вторых ролях. Но вот в конце 1947 или в начале 1948 г. И.В. Курчатов привлек И.Е. Тамма к работе по созданию водородной бомбы. И.Е. Тамм начал собирать свою «команду» для этой работы. Я был тогда зам. зав. отделом, и И.Е. включил меня в эту команду, но, как я узнал через много лет, меня вначале в нее не включили, т.к. моя жена была в 1943 г. репрессирована, и с 1945 г. жила фактически в ссылке, официально под г. Горьким, а фактически в этом городе. Не знаю, что произошло потом, но несколько позже меня все же допустили к этой работе (а с самого начала в команде были С.З. Беленький и Ю.А. Романов). Был в нее включен и А.Д. Сахаров, тогда аспирант Отдела. Как мне приходилось об этом уже писать, Сахаров был включен в спецгруппу по совету, в те времена директора ФИАН, С.И. Вавилова. Дело в том, что у Сахарова была тогда маленькая дочь, но не было своей жилплощади, и он мыкался, где-то снимая комнату. Вот С.И. Вавилов и просил включить его в спецгруппу в надежде получить для Сахарова какую-то жилплощадь. И действительно, ему дали в начале какую-то комнатенку в общей квартире.

Пишу об этих подробностях потому, что когда мы взялись за дело, было совершенно неясно, как сделать водородную бомбу. И как раз Сахаров и я предложили две «идеи», сделавшие возможным создание бомбы. Долгие годы все это было засекречено, в силу чего А.Д. Сахаров в своих воспоминаниях пишет о двух идеях – первой и второй (т.е. его и моей), не раскрывая их содержания. Потом, чуть ли не через 40 лет это рассекретили, и стало известно, что «первая идея» - это создание «слойки» - слоев из «горючего» и урана, что обеспечивает дополнительное сжатие. А «вторая идея» - это использование в качестве «горючего» ${}^6\text{LiD}$, что позволяет в ходе взрыва получать основное «горючее» - тритий (реакция ${}^6\text{Li} + n = \text{T} + {}^4\text{He}$; n – нейтрон, $\text{T} = {}^3\text{H}$ – тритий). Такое предложение пошло «наверх», и там решили делать «водородку» на базе этих двух идей. Для этой цели И.Е. Тамм и А.Д. Сахаров должны были переехать на «объект», т.е. в Арзамас-16. Чтобы объявить об этом решении,

Ванников – зам. Берии в атомном проекте³, пригласил Тамма и Сахарова к себе. Как рассказал мне один из них (вероятно, И.Е. Тамм), они начали просить оставить их в Москве (там семьи, можно наезжать на «объект»). И тут раздался телефонный звонок, Ванников стал слушать, а потом сказал: «Это звонил Лаврентий Павлович, он очень советует вам принять наше предложение». Вопрос был исчерпан. Мне же повезло, в силу упомянутых «дефектов» в моей биографии, к этой работе меня не допустили. И я остался в Москве во главе, так сказать, «группы поддержки» - Тамм и Сахаров иногда приезжали, просили сделать те или иные вычисления. Занимались этим в основном С.З. Беленький (допущенный в Саров, но не поехавший на «объект» по болезни) и Е.С. Фрадкин. Я же в таких вычислениях не силен, и не помню уже, что делал, пока А.Д. Сахаров не рассказал мне об идеях осуществить термоядерный синтез (установка «Токамак» и т.д.), и я занялся этой проблемой. Успел написать несколько отчетов, но в один прекрасный день в конце 1951 г. или начале 1952 г. мне перестали в 1-ом отделе давать даже мои собственные отчеты, меня лишили допуска к этой работе. Как я позже узнал, «Токамак» или какую-то другую термоядерную установку хотели использовать для получения трития (за счет излучаемых ею нейтронов и того же ${}^6\text{Li}$). В этой связи (недавно я видел постановления того времени) т. Берия приказал «усилить бдительность», и меня от этого, совершенно не секретного, по сути, дела отшили. Лишь через несколько лет, после смерти и «корифея всех наук», и т. Берия, И.В. Курчатов добился рассекречивания термояда, и И.Е. Тамм даже ездил с докладом на конференцию по термояду в Женеве. В «отместку» я через несколько лет даже опубликовал главный из своих отчетов по термояду в «Трудах ФИАН».

Я опять ушел в сторону, недаром меня кто-то назвал «идиотом с побочными ассоциациями». Но сейчас я сделал это, чтобы пояснить, почему в 1955 г. меня в составе целой комиссии (председатель И.Е.Тамм, приехавшие из Москвы члены комиссии – М.В.Келдыш, М.А.Леонтович, И.М.Халатников и я⁴) послали в

³ Борис Львович Ванников (1897-1962), в 1945-1953 гг. - начальник Первого Главного управления при СНК (с 1946 — при Совете министров) СССР, которое осуществляло организацию всех исследований и работ по созданию в СССР атомной бомбы, а затем и производства ядерного оружия – *Сост.*

⁴ Состав комиссии: И.Е. Тамм - председатель, члены - В.Л. Гинзбург, Я.Б. Зельдович, М.В. Келдыш, М.А. Леонтович,

Саров. Дело в том, что «слойка» сработала, но не давала возможности сделать бомбу с колоссальной мощностью. И поэтому вместо «слойки» предложили использовать радиационное обжатие – это, по Сахарову, «третья идея». Мой литий, конечно, «сохранился», но, разумеется, я очень хочу, чтобы он никогда не сработал в «деле» убийства людей. Правда, Хрущев успел его использовать, чтобы показать США «кузькину мать», взорвав бомбу с мощностью, кажется, в пятьдесят мегатонн, над Новой Землей. Помню, что никакой пользы комиссии я не принес, был уже очень далек от «бомбовой области». Запомнил только, что, приближаясь на самолете к Сарову, мы пролетели над полосой вспаханной земли, видимо, такой же, как на границе страны. Пишу здесь об этом, конечно, потому, что в Сарове (Арзамас-16) встретил и Веню, и Леву – они были, как я уже упомянул, в числе главных научных сотрудников «объекта». Есть фотография, вероятно, ее поместят и в этой книге, на которой стоят «три В», молодые, сорокалетние, еще черные⁵.

В.Л. Гинзбург, Л.В. Альтшулер, В.А. Цукерман у коттеджа В.А. Цукермана в Сарове, 1955 г.

В последующие годы я виделся с Веней во время его приездов в Москву. Льва видел реже, до тех пор, пока он не переехал в Москву в 1969 году. Он работал сначала в каком-то институте, мне неизвестном⁶, а с 1989 года перешел в Институте

А.Д. Сахаров, И.М. Халатников. – *Сост.*

⁵ См. Рис. 14. – *Сост.*

⁶ Всесоюзный научно-исследовательский институт оптико-физических измерений (ВНИИОФИ). – *Сост.*

высоких температур АН СССР⁷. Там он оставался до конца своих дней, хотя в последние годы жизни не мог уже активно работать. Директор ИВТ В.Е. Фортов знал Леву и помогал ему.

Л. Альтшулер получил выдающиеся результаты в области физики высоких давлений, достигаемых в ударных волнах. Все это в свое время было, конечно, засекречено. Но вот в 1965 г. удалось опубликовать в УФН 85, 197 (1965) его обзор «Применение ударных волн в физике высоких давлений». Потом в УФН были опубликованы еще 4 статьи Альтшулера (в основном, с соавторами; последняя из них опубликована в УФН 169, 323 (1999). Работы Льва, несомненно, являются выдающимися. Лучшее доказательство этому является присуждение ему в 1991 г. Премии Американского физического общества. Эта моя статья и так затянулась, о работах Льва я здесь подробнее писать не буду, надеюсь, это сделают другие. Укажу лишь, что, по моему убеждению, Лев Альтшулер должен был быть избран в АН СССР или ее «наследницу» РАН – Российскую Академию Наук (это относится и к Вене Цукерману). Почему это не было сделано – не знаю, но не удивляюсь этому, т.к. хорошо знаю, как и кого выбирают в РАН (я хочу сказать, что не только за научные заслуги).

Лев был ко многому настроен остро критически. Помню, как еще в юные годы (во времена института имени Лепсе) он как-то назвал наше общество «нищим социализмом». Известно, что его чуть ли не удалили с «объекта» за критическое замечание в отношении Лысенко. Бывал Лев резковат и с друзьями. Помню, как он на меня набросился за какое-то нелестное замечание о Е.Г. Боннэр. Кстати, старший сын Льва Борис очень на него похож и внешне и, главное, по характеру и манерам. Мне от него тоже досталось в связи с той же Боннэр, мы, кажется, поэтому одно время даже не разговаривали⁸. Более существенно, что он, как и

⁷ Ныне Институт теплофизики экстремальных состояний ОИВТ РАН. – *Сост.*

⁸ В 1990 г. мы, бывшие в той или иной степени участниками событий, действительно горячо обсуждали непростую тему голодовок А.Д. Сахарова (см. об этом в книге "Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове", ФИАН, "Практика", Москва, 1996). Честно говоря, я не заметил того, что при одном из этих жарких разговоров Виталий Лазаревич на меня сильно обиделся, но когда при следующей встрече недели через две он сказал, что не будет со мной разговаривать, пока я не извинюсь, я, конечно же, сразу попросил прощения. – *Б. Альтшулер.*

Лев, активен в общественном отношении, что хорошо отличает его от нашей, в основном ко всему равнодушной, публики.

В последний раз я видел Льва уже в гробу в зале Троекуровского крематория. Борис что-то говорил, и я тоже хотел выступить, но не смог – в последние годы не могу говорить у гроба, какие-то спазмы сжимают горло.

Веня скончался еще в 1993 г. после тяжелого инсульта. Лев умер 23 декабря 2003 г. вскоре после своего 90-летия. Я же заканчиваю писать эту заметку 2 февраля 2008 года, мне уже идет 92-ой год. Т.о. я оказался самым долгоживущим из «трех В». Хвастать, впрочем, особенно не чем. Уже 3 года (с января 2005 г.) не могу ходить из-за некоей редкой болезни крови, забываю фамилии и имена, но, правда, еще кое-что делаю – борюсь с клерикализацией и пытаюсь создать современную лабораторию для изучения сверхпроводимости.

Почему-то вспомнилась строчка: «Жизнь прожить – не поле перейти». Лев Альтшулер перешел большое поле.

2 февраля 2008 г.

Гинзбург Виталий Лазаревич, академик РАН, Отделение теоретической физики Физического института им. П.Н. Лебедева РАН.

Л.Д. Рябев

**Лев Владимирович Альтшулер
(по страницам документов и материалов серии книг
«Атомный проект СССР»)**

«Он человек был в полном смысле слова...»

У.Шекспир

Вклад Альтшулера Л.В. в создание ядерного оружия в нашей стране требует своего специального исследования. Я же остановлюсь лишь на некоторых фрагментах этой деятельности.

Однажды я увидел фотографию трех сравнительно молодых людей. Это были Л.В.Альтшулер, В.А.Цукерман и В.Л.Гинзбург.⁹ Они вместе начинали работать в начале 30-х годов в маленькой рентгенографической лаборатории и впоследствии внесли выдающийся вклад в развитие науки в нашей стране и в реализацию Атомного проекта.

Так уж сложилось по жизни, что с Л.В.Альтшулером и В.А.Цукерманом мне довелось проработать не один десяток лет в

⁹ См. Рис. 14. – *Сост.*

Федеральном ядерном центре – ВНИИЭФ, центре по разработке ядерного оружия, а с В.Л.Гинзбургом я познакомился во время печального события, когда мы оба были включены Съездом народных депутатов в комиссию по организации похорон академика А.Д.Сахарова. Это окружение Льва Владимировича характеризует и его самого. Не случайно он назвал в одном из интервью своего школьного товарища (В.А. Цукермана) подарком судьбы и отмечал, что «все основные вехи моего пути отмечены его участием». К моменту моего знакомства с Вениамином Ароновичем он был совершенно слепым. Но его оптимизму, настойчивости, жизнелюбию, несмотря на трагедии, которые его сопровождали, его активной общественной позиции, отстаиванию научных идей и интересов можно было только позавидовать.

Первые рассказы о Л.В. Альтшулере и его жене Марии Парфеньевне Сперанской я услышал от техника И.Ф. Дудина, с которым стал работать во время дипломной практики во ВНИИЭФ летом 1956 года в газодинамическом секторе (по масштабам своей деятельности это был крупный институт, сегодня он так и называется: Институт физики взрыва). Он с восторгом говорил о различных жизненных ситуациях, связанных с ними, отмечая их простоту и доступность в общении. С М.П. Сперанской вскоре мне пришлось работать в одном отделе. Она была первой женщиной-взрывником объекта. Конечно, это была не женская работа, приходилось трудиться на открытой площадке и в дождь, и в снег, и в мороз. Маленькая, хрупкая, приветливая женщина, всегда по-матерински о ком-то заботившаяся, особенно о молодежи, не унывающая в самых трудных ситуациях – такой она мне запомнилась на всю жизнь.

Вскоре по прибытии в институт меня пригласил на беседу Л.В. Альтшулер, в то время он был начальником отдела и научным руководителем сектора. Интересовался, над чем мы работаем, какие получаем результаты, давал советы. Потом такие встречи происходили неоднократно. Нередко эти беседы велись в длинном коридоре сектора, по которому любил прохаживаться Лев Владимирович, погруженный в свои думы.

Лев Владимирович уже тогда имел непререкаемый авторитет в научных кругах. Много позднее, работая с документами по Атомному проекту, я смог увидеть его роль в создании первой атомной бомбы, первой термоядерной бомбы и их дальнейших модификаций. Лев Владимирович стал принимать участие в Атомном проекте с 1946 года.

В письме И.В.Курчатова и Ю.Б.Харитона на имя Л.П.Берия (апрель 1946 года) в соответствии с поручением

Специального комитета при Совете Министров СССР от 13 апреля 1946 года высказаны соображения об основном научном персонале Конструкторского бюро (речь идет о КБ-11, впоследствии ВНИИЭФ):

«При разрешении физических и технических вопросов, возникающих в процессе конструирования [атомных бомб], основным условием успеха работы является создание сильного коллектива (подчеркнуто, вероятно, Берия) физиков. Необходимость проведения работы в условиях изоляции делает особенно важным наличие группы, достаточно большой для обеспечения всесторонней дискуссии многочисленных и разнообразных вопросов, и состоящей из крупнейших специалистов по различным отраслям физики с тем, чтобы силами этой группы мог быть проведен и проанализирован любой эксперимент, в котором возникает нужда. Сложность и важность стоящих перед КБ задач настолько велика, что переход ряда физиков на работу в КБ был бы целесообразен, даже если это ослабит работу в некоторых других направлениях... Мы полагаем, что к работе в КБ необходимо привлечь следующих лиц:

...7. Альтшулер Лев Владимирович, кандидат физ.-мат. наук, лауреат Сталинской премии, ст. научный сотрудник Института машиноведения АН СССР. Специалист по вопросам рентгенографии и металлографии. Область работы: совместно с Цукерманом». [Исследование процессов сжатия активных материалов].»

Интересно отметить, что в этой записке изложен ряд принципов, положенных в дальнейшем в основу деятельности института: сильный коллектив, крупнейшие, талантливые специалисты, комплексный подход в решении проблем, всесторонние дискуссии, противодействие вынужденной изоляции ученых, реализация которых позволила превратить КБ в крупнейший и ведущий научный центр мирового значения.

Лев Владимирович переехал на объект в Саров (Арзамас-16) в мае 1947 года. Конечно, произошло кардинальное изменение направления научной деятельности – от рентгеноструктурного анализа – к изучению экстремального состояния вещества при сверхвысоких давлениях.

Ехал, как и многие, на полтора-два года, а проработал там до 1969 года. В последующей записке в июне 1947 года Ю.Б.Харитон отмечает, что «в процессе разработки вопросов конструкции готовых изделий должна быть решена большая разнообразная группа физических и технических вопросов, связанная с проведением обширной программы

экспериментальных исследований и теоретических расчетов», и приводит список основных тем, которые частично разрабатываются сейчас и по которым должна полностью развернуться работа в ближайшее время, в том числе по исследованию поведения металла при быстрой сильной деформации, работа ведется кандидатом наук Альтшулером с группой сотрудников. Подлежит исследованию широкий круг вопросов: динамическое изучение сжимаемости при больших давлениях, откол частиц и образование кумулятивных струй на свободных внутренних поверхностях, деформация центральной части при ослабленных взрывах и т.п.

Период становления был очень трудным для института. Даже изделиями из взрывчатых веществ КБ-11 обеспечивалось ненормально: научные работники вывозили взрывчатые вещества из НИИ-6¹⁰ нелегально, перевозили их в своих чемоданах самолетом (из докладной Берия). Но и в таких условиях работа продвигалась.

В записке И.В.Курчатова, А.С.Александрова и Н.И.Павлова на имя Берия по итогам поездки в КБ-11 в августе 1947 года отмечается, что в настоящее время КБ-11 вышло из стадии начального организационного периода. Организованы и ведут серьезную научно-исследовательскую работу три лаборатории: взрывчатых веществ, рентгенографии и деформации металлов (начальник лаборатории Альтшулер).

Все работы велись под пристальным оком Берия, этим работам придан был высший государственный приоритет.

8 января 1948 года на имя Берия И.В.Курчатов, Ю.Б.Харитон, П.М.Зернов направляют подробный доклад о работе Конструкторского бюро № 11 при лаборатории № 2 АН СССР за 1947 год. В нем отмечено, что задачей КБ является создание атомных бомб двух вариантов (плутониевая и урановая бомбы).

Для создания сферической сходящейся волны необходимо создать детонаторы с высокой точностью срабатывания, что было выполнено в НИИ-6 по заданию КБ-11, и подобрать нужные формы и составы линз из взрывчатых веществ. В 1947 году Альтшулером и Васильевым разработан ряд новых методов контроля формы фронта волны, обеспечивающей точность до одной десятимиллионной доли секунды. «Тем самым была, в принципе, решена одна из основных задач, стоящих перед КБ-11».

Далее говорится, что хотя КБ-11 и имеет достижения в

¹⁰ Ленинградский Научно-исследовательский институт химии и механики - НИИ № 6 Наркомата боеприпасов СССР. – *Сост.*

области изучения быстропротекающих сверхмощных деформаций, но «для того, чтобы иметь ясные и надежные представления о необходимом для получения хорошего КПД уплотнения материалов под действием сходящейся детонационной волны, нужно, по существу говоря, создать новую, совершенно не разработанную область науки (*подчеркнуто мною - автор*) о состоянии вещества при давлениях в миллионы атмосфер и при температурах в несколько десятков тысяч градусов. И вот родоначальником этой области физики стал Л.В.Альтшулер при тесном сотрудничестве с выдающимся ученым-теоретиком Я.Б.Зельдовичем, который был направлен на объект 550 сроком на один год с 10 февраля 1948 года в соответствии с постановлением, подписанным И.В. Сталиным. Но год для него растянулся на полтора десятилетия. Много лет спустя, вспоминая в Москве вместе с Л.П. Феоктистовым о работе в КБ-11, Яков Борисович сказал: «Вы знаете, а все же самое яркое время было там, на объекте».

К концу 1947 года в КБ-11 работало 8 научно-исследовательских лабораторий, в частности, лаборатория деформации во главе с Альтшулером в составе 15 человек исследует распространение ударных волн в металлах и разрабатывает конструкцию нейтронного взрывателя.

В очередном донесении Ю.Б. Харитона и П.М. Зернова от 9 августа 1948 года «О состоянии работ по созданию атомной бомбы» подчеркивается, что разработаны методы измерения давлений в миллионы атмосфер, научились «исследовать свойства различных веществ при этих давлениях, в сто раз превышающих то, с чем работали в лабораториях до настоящего времени. В настоящее время уверенно ведутся измерения до 1,5 миллиона атмосфер и методика развивается дальше». Из 160 научных сотрудников и инженеров, занятых на исследовательской и конструкторской работе в КБ-11, отмечено 9 человек, решивших существенные разделы всей проблемы (Зельдович Я.Б., Васильев М.Я., Альтшулер Л.В., Флеров Г.Н. и др.).

23 декабря 1948 года в КБ-11 прибыли Б.Л. Ванников и И.В. Курчатov, находились там по 28 декабря, провели серию совещаний. Приближались сроки испытания первой атомной бомбы, в то же время драматизм ситуации состоял в том, что измерения массовой скорости продуктов взрыва по методике Завойского дали цифру 1620 м/сек вместо значения 1950 м/сек, применявшегося в расчетах и полученного в измерениях по методу откола (Альтшулер) и рентгенографическим методом (Цукерман). Если верны данные Завойского, то КПД бомбы окажется ниже на

20-30%.

Для выяснения причин расхождения результатов, полученных по различным методам, было предложено срочно провести серию опытов, включая измерение скорости откола плексигласа методом Альтшулера, а также рентгенографическое (Цукерман) и электромагнитное (Завойский) измерения массовой скорости.

Сроки исполнения были взяты под жесткий контроль. Б.Л. Ванников обязал руководство КБ-11 сообщать каждые два дня о реализации принятых решений. Правильными оказались результаты Альтшулера-Цукермана¹¹. Все это позволило Ю.Б. Харитону и К.И. Щелкину доложить Берия 15 апреля 1949 года, что в процессе создания атомной бомбы «решены все принципиальные и конструктивные вопросы, возникшие во время разработки».

Далее в этом докладе говорится, что в числе достижений, полученных в последнее время, отмечены исследования свойств металлов (алюминий, железо, уран) и диэлектриков при сверхвысоких давлениях до 5 млн. атмосфер (руководители Альтшулер, Цукерман и Завойский).

Экспериментальные и теоретические работы позволили сделать заключение о получении удовлетворительного коэффициента полезного действия. Заключительная фраза: «Эти работы представляют собой крупное научное достижение».

Приближались сроки отправки изделия на полигон. С очередной проверкой на объект в начале июня 1949 года прибыли Б.Л. Ванников и И.В. Курчатов, чтобы рассмотреть вопросы, связанные с окончанием работ по РДС-1 и предстоящими на полигоне № 2 испытаниями. По итогам они представили доклад Берия. Помимо РДС-1, были также рассмотрены с участием Зельдовича, Альтшулера и Забабахина последующие конструкции атомных бомб (оболочечно-ядерные, составные с активными материалами из плутония и урана-235 и иные варианты).

Итог всей титанической работы – успешное испытание первой атомной бомбы в СССР 29 августа 1949 года.

Основные участники этой героической эпопеи получили высокие награды. Отмечен был и вклад Л.В. Альтшулера. 29 октября 1949 года вышло постановление Совета Министров СССР «О награждении и премировании за выдающиеся научные открытия и технические достижения по использованию атомной

¹¹ См. подробнее об этом драматическом эпизоде истории атомного проекта СССР на стр. ??? – *Сост.*

энергии». С этим постановлением я впервые познакомился в конце 80-х годов, затребовав его из секретного архива Совмина СССР по просьбе А.С. Козырева. Совет Министров постановил, учитывая исключительные заслуги перед Советской Родиной в деле решения проблемы использования атомной энергии:

«Альтшулера Льва Владимировича, кандидата физико-математических наук, начальника лаборатории за разработку методики и применение ее при исследовании плотности и максимальных давлений в центральной части атомной бомбы:

- представить к награждению орденом Ленина;

-премировать ... руководителя работ Альтшулера суммой 45.000 руб. [это примерно 15 месячных окладов - автор], присвоить Альтшулеру Л.В.... звание лауреата Сталинской премии второй степени. Предоставить Альтшулеру Л.В.....:

- право на обучение своих детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства;

- право (пожизненно для них и их жен и до совершеннолетия для их детей) на бесплатный проезд железнодорожным, водным и воздушным транспортом в пределах СССР».

План дальнейших научно-исследовательских и конструкторских работ КБ-11 на 1950 год и проект постановления по этому вопросу за подписями Завенягина, Курчатова, Харитона и других руководителей в январе был направлен Берия. В нем отражены последующие за первым испытанием атомной бомбы шаги по совершенствованию ядерного оружия; среди прочих вариантов предусматривалась разработка изделия РДС-5 (впоследствии оно получило наименование РДС-3) – атомная бомба импловзивного типа оболочечно-ядерной конструкции (внутри полости подвешено ядро) с использованием плутония-239 и урана-235.

В этот же период (январь 1950 года) было уточнено распределение обязанностей по техническому руководству между руководящими работниками КБ-11 и направлено также Берия. Среди 24 лиц, включающих Харитона, Щелкина, Духова, Зельдовича, указан Альтшулер, ответственный за «изучение уравнения состояния металлов при сверхвысоких давлениях, и исследование степени обжатия на моделях».

В феврале 1950 года Сталин подписан постановление Правительства «О плане научно-исследовательских и конструкторских работ КБ-11». В нем предусматривалось, в частности, разработать к 1 июля 1951 года изделие РДС-5 весом 3000-3200 кг с составным зарядом из плутония и урана-235, а

Альтшулеру и Цукерману поручалось провести для проверки теоретических расчетов измерения обжатия. В марте 1951 года Берия в докладе Сталину подвел итоги проделанной работы:

В 1949 году было изготовлено 2 бомбы, в 1950 году – 9. К концу 1951 года будет 34 бомбы. Задание о создании бомбы весом 3-3,2 тонны вместо 4,6 тонны (с сохранением прежней мощности атомного взрыва) выполнено, конструкция разработана.

Разработана также новая конструкция заряда бомбы, позволяющая повысить мощность атомного взрыва с 15.000 до 30.000 тонн тротила с сохранением прежнего веса плутония или с применением комбинированного заряда из плутония и урана-235. Бомбу весом 3,2 тонны с мощностью 30.000 тонн тротила предлагается испытать в середине 1951 года. Бомба была успешно испытана 18 октября 1951 года.

За разработку конструкции изделий РДС с уменьшенным весом и разработку конструкции с составным зарядом в декабре 1951 года Курчатов, Харитон, Щелкин были награждены второй медалью «Серп и Молот» и удостоены Сталинской премии первой степени. Отмечены были также многие другие сотрудники КБ-11, но среди них не было Л.В.Альтшулера. О вероятных причинах такого решения я скажу ниже.

Еще до проведения первого испытания РДС-1 началась проработка варианта сверхбомбы (водородной бомбы). Постановлением Совета Министров СССР от 10 июня 1948 года «О дополнении плана работ КБ-11» принято предложение Курчатова, Ванникова и Харитона о проведении до 1 января 1949 года теоретической и экспериментальной проверки данных о возможности осуществления конструкций РДС: РДС-3, РДС-4, РДС-5 и до 1 июня 1949 года РДС-6; для разработки РДС-6 обязать КБ-11 ...организовать в составе КБ-11 специальную конструкторскую группу из 10 человек научных работников и 10 человек инженеров-конструкторов.

Приказом начальника объекта № 018 от 8 февраля 1949 года такая группа под непосредственным руководством главного конструктора Харитона Ю.Б. была создана для дальнейшей разработки вопросов по созданию РДС-6 в составе:

Харитон Ю.Б. – руководитель,
Щелкин К.И.,
Зельдович Я.Б.,
Духов Н.Л.,
Алферов В.И.,
Козырев А.С.,
Забабахин Е.И.,

Флеров Г.Н.,
Альтшулер Л.В.
и другие. Всего 13 человек.

Все лица, включенные в группу по вопросам РДС-6, были предупреждены, «что ввиду особой секретности работ они не имеют права об этих вопросах никого вводить в курс дела, кроме персонально включенных в группу». Постепенно определился наиболее перспективный вариант водородной бомбы – изделие РДС-6с (слойка Сахарова А.Д.¹²).

В марте 1951 года в письме Ванникова, Курчатова, Харитона и других руководителей на имя Берия сообщается, что расчеты и эксперименты, выполненные в течение 1950 года, подтвердили возможность ее создания в заданных габаритах, но предстоял еще, в частности, большой объем исследований по изучению процесса обжигания многослойной системы, состоящей из урана, трития, дейтерия и лития с заключенной в ней зарядом из плутония. На основании этого письма о проводимых исследованиях по выяснению возможности создания водородной бомбы Берия доложил Сталину в марте 1951 года, отметив, что эта задача потребует выполнения в 1951-52 годах большого объема вычислительных и весьма сложных экспериментальных работ. Следующий доклад Берия Сталину по этому вопросу датирован ноябрем 1951 года.

Сложные и срочные задачи по разработке атомных и водородных зарядов требовали предельной самоотдачи, но в этот период стали сгущаться тучи над Л.В. Альтшулером. Лев Владимирович в интервью, опубликованном в одной из книг по истории Атомного проекта, связывает это с приездом кадровой комиссии из Москвы в ноябре 1950 года, на которой он, по его словам, на один из вопросов ответил так: «Я не во всем согласен с официальной линией, прав – не Лысенко, а генетики»¹³. Я нашел в архиве Росатома ряд документов, связанных с данными событиями. Они позволяют уточнить некоторые моменты.

Уполномоченный Совета Министров СССР в КБ-11 Детнев 23 декабря 1950 года докладывает Берия:

«В результате недостаточного изучения кадров при подборе в организационный период и неполной проверки

¹² При создании РДС-6с была также использована «Вторая идея» В.Л. Гинзбурга, см. стр. ??? – *Сост.*

¹³ См. Заключение этой комиссии от ноября 1950 г., стр. ??? (об Альтшулере – на стр. ???) и воспоминания Л.В. Альтшулера об этом эпизоде, стр. ??? – *Сост.*

отобранных работников по линии Министерства государственной безопасности СССР среди научных сотрудников, инженерно-технических работников и служащих оказались люди, по своим связям, убеждениям и моральному облику не внушающие политического доверия...

Лабораторией по определению массовых скоростей руководит Альтшулер Л.В., 1913 г. рождения, еврей, беспартийный, с высшим образованием; по своим политическим взглядам зарекомендовавший себя антисоветским человеком, среди своих сотрудников высказывает несогласие с линией коммунистической партии в вопросах биологической науки, ориентируясь на вейсманистов-морганистов, часто с возмущением высказывает свое недовольство существованием в нашей стране законов о трудовой дисциплине и охране социалистической собственности. Отец Альтшулера меньшевик, брат также враждебно настроен против порядка управления в СССР. В КБ-11 Альтшулер приглашен Цукерманом... В связи с тем, что перед КБ-11 поставлены новые задачи, наличие политически неблагонадежных элементов на ответственных должностях считаю нежелательным, поэтому прошу Вас дать указание отстранить от работы в КБ-11..., Альтшулера [*указан ряд лиц - автор*] и перевести их на менее важные объекты Первого главного управления при Совете Министров СССР, расположенные вне Москвы, но имеющие соответствующие режимные условия...».

Незамедлительно последовало грозное указание Л.П. Берия:

«т. Завенягину А.П.
Павлову Н.И. только лично
Мешику П.Я.

Как могло случиться, что Альтшулер, [*указаны и другие лица*], которых еще в июне 1950 года было решено перевести из КБ-11 на несекретную работу, до сих пор остаются в КБ-11?

Необходимо:

1. Немедленно убрать из КБ-11 лиц, поименованных в записке, взяв с них подписки с предупреждением о строгой ответственности за малейшее разглашение государственной тайны.

2. Впредь установить самый строгий контроль за подбором кадров в КБ-11, исключающий возможность протаскивания в КБ-11 подобных лиц.

Об исполнении доложите.

Срок 5 дней.

5 января 1951 г.»

Во исполнение еще одна резолюция на документе:

«Тов. Мешику.

1. Прошу подготовить все вытекающие распоряжения в суточный срок.

9/1 – обсудить

2. Кто в ОК [*отдел кадров*] занимается КБ-11?

8/1 Подпись (неразборчиво).»

Далее следует пометка:

«Исполнено частично. Т. Завенягин А.П. будет докладывать тов. Берия Л.П. относительно Альтшулера. 31.V.51г.»

Подпись, вероятно, Павлова Н.И.

В мероприятиях по обеспечению работ, предусмотренных постановлением Совмина СССР от 29 декабря 1951г «О плане работ КБ-11 на 1952 год»:

(важнейшие задачи:

- создание изделия РДС-4 весом 1,2 тонны,

- разработка конструкции изделия РДС-6с с предъявлением модели изделия на испытания в марте 1953г и других видов работ).

Академия наук СССР обязана была откомандировать в распоряжение Первого главного управления при Совмине СССР сроком на два года доктора физ.-мат. наук Работнова Ю.Н. (Институт механики).

Такое решение было не случайно, что видно из копии следующего письма от 21 января 1952 года:

«Товарищу Берия Л.П.

Докладываем Вам, что для усиления работ [в КБ-11] по расчетам прочности конструкций изделий..., по обследованию явлений, связанных с [обжатием] при ... давлениях и выяснения состояния ... веществ при этих давлениях, мы просили откомандировать в Первое главное управление доктора физ.-мат. наук т. Работнова Ю.Н. Об откомандировании из АН СССР в ПГУ т.Работнова имеется постановление Совмина от 29 декабря 1951г.

Работы по расчетам прочности конструкций ... до сих пор [в КБ-11] поставлены плохо и нет достаточно квалифицированного специалиста, который мог бы возглавить эту работу. По вопросам обследования явлений, связанных с [обжатием] вещества при ... давлениях и выяснения состояния ... веществ при этих давлениях [в КБ-11] создана и работает специальная научно-исследовательская лаборатория, возглавляемая кандидатом физ.-мат. наук т.Альтшулером, которого по известным Вам причинам необходимо заменить. Тов. Работнов при переговорах с ним лично желая переходить на работу в систему ПГУ не изъявляет.

Московский университет, где т.Работнов работает, наряду с работой в АН СССР, как нам стало известно, обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой не брать у них т.Работнова. По своей квалификации и эрудиции т. Работнов вполне сможет возглавить и обеспечить указанные выше работы [в КБ-11]. Учитывая особую необходимость укрепления [КБ-11] высококвалифицированным специалистом по вопросам расчетов прочности изделий... и исследования процессов [сжатия] различных веществ при ... давлениях, а также необходимость заменить т.Альтшулера, возглавляющего научную лабораторию по вопросам ... просим Вас поддержать нашу просьбу о направлении на работу в [в КБ-11] т.Работнова Ю.Н.

В связи с аннулированием ... МГБ допуска Альтшулеру, ввиду крайней важности выполняемых им работ и отсутствия специалистов, могущих в настоящее время заменить Альтшулера, просим на время освоения т.Работновым работ по [сжатию] веществ ... давлениями разрешить оставить Альтшулера Л.В. на работе в [КБ-11].

п/п Б.Ванников

п/п А.Завенягин».

15 февраля 1952г Сталин подписал распоряжение Совмина СССР об откомандировании в распоряжение ПГУ члена-корреспондента АН СССР Ильюшина А.А. с освобождением его от должности ректора ЛГУ, о назначении Ильюшина А.А. заместителем главного конструктора КБ-11 и об оставлении на работе в АН СССР и МГУ т. Работнова Ю.Н. В тот же день 15 февраля 1952 года Завенягин А.П. представил Берия исправленную схему управления КБ-11. В ней Ильюшин А.А был указан как заместитель научного руководителя и главного конструктора, которому подчиняется научно-исследовательский сектор № 1 детонации и экспериментальной газодинамики. Сектор в свой состав включал и лабораторию обжаривания внутренних частей моделей и сжимаемости веществ (Альтшулер, Алексеев).

17 апреля 1952г на имя Берия было направлено письмо А.С.Александрова, Ю.Б.Харитона, К.И.Щелкина, Я.Б.Зельдовича, А.А.Ильюшина и Н.Л.Духова о мерах по организации исследований динамического обжаривания. В этом письме отмечается, что «проблема глубокого динамического обжаривания металлов и материалов и получения кратковременных высоких давлений, частичное решение которой лежит в основе конструкций существующих и разрабатываемых КБ-11 изделий, является весьма актуальной и для дальнейшей работы КБ-11. Перспективными для решения задачи глубоких обжариваний являются

каскадные конструкции, первые варианты которых находятся в стадии исследования в КБ-11. [Ими в то время занимались Е.И. Забабахин и Л.В. Альтшулер с сотрудниками - автор]. Необходимо вести поиски и других методов обжаривания. В связи с большим объемом необходимых исследований по каскадным изделиям, по новым методам обжаривания, по расчету новых типов конструкций возникла необходимость значительно усилить состав научных кадров, занимающихся этими вопросами.

Считаем необходимым привлечь для работы в КБ-11 следующих научных работников [указан список конкретных лиц из 12 человек] и поручить АН СССР (Институт механики) создание ускоренных методов расчета процессов обжаривания в каскадных системах и решение других вопросов. Были и другие просьбы.

Резолюция Берия: «1. тт.Ванникову Б.Л., Завенягину А.П., Павлову Н.И. Рассмотрите с участием тт.Ильюшина и Александрова предложения... о переводе в КБ-11 нужных специалистов и об организации в Институте механики АН СССР отдела, работающего по заданиям КБ-11. Эти предложения надо крепко поддержать...». Постановлением Совмина СССР от 13 июня 1952г. предложение КБ-11 по Институту механики АН СССР приняты.

1 августа 1952г в адрес Берия ушла очередная докладная записка уполномоченного Совмина СССР при КБ-11 Детнева о ходе выполнения плана работ КБ-11. В ней сообщалось, что план научных и конструкторских работ по ряду тем выполняется со значительным отставанием:

«Руководство КБ-11 до сих пор недостаточно уделяло внимания разработке РДС-6, являющейся основной темой плана». Далее приводится ряд конкретных, по мнению Детнева, упущений. И вот, наконец, заключительный пассаж: «Поспешность, проявленная в отношении инициативных работ [*предложение Козырева А.С. об осуществлении термоядерной реакции в дейтериево-третиевой смеси с помощью сжатия взрывом ВВ - автор*], объясняется желанием ученых тт. Зельдовича Я.Б., Цукермана В.А. и Альтшулера Л.В. добиться первенства в осуществлении термоядерной реакции в противовес тт. Сахарову А.Д. и Тамму И.Е., предложившим РДС-6. Научный руководитель и главный конструктор КБ-11 т. Харитон Ю.Б. поддерживает инициативу т. Зельдовича и др.».

Как видно из записки, в ней явно прослеживается определенный подтекст¹⁴. На эту сторону обращал внимание

¹⁴ О специфике этого исторического периода см. примечание на

А.Д.Сахаров в своих воспоминаниях. Последовало решение Спецкомитета при Совмине СССР о командировании в КБ-11 И.В. Курчатова вместе с Н.И. Павловым и Д.И. Блохинцевым сроком на 20 дней.

Поездка состоялась, принят ряд конкретных шагов, но, что характерно, вопрос о соперничестве был проигнорирован и не рассматривался ни на уровне КБ-11, ни на уровне ПГУ, ни в докладной И.В. Курчатова на имя Берия по итогам поездки.

Очередной 1953 год был очень напряженным для КБ-11. 12 августа 1953г успешно испытана водородная бомба РДС-6с, а вскоре проведены взрывы новых эффективных атомных бомб, в том числе РДС-4 весом 1,2 тонны, габаритом 820 мм и мощностью до 30.000 тонн, а также РДС-5 (три опыта).

В донесении В.А.Мальшева, И.В.Курчатова, Ю.Б.Харитона и других от 4 сентября 1953г сообщалось, что «успешный взрыв опытной бомбы РДС-5 полностью подтвердил предположения и расчеты ученых, что при сильном обжатии плутония можно значительно уменьшить величину критической массы плутония... Испытания РДС-5 открывают возможности выпуска атомных опытных бомб и увеличения мощности атомных бомб без увеличения веса атомного заряда».

31 декабря 1953г Совет Министров СССР принял постановление: «Отмечая, что создание водородной бомбы и новых конструкций атомных бомб является крупным успехом Советской науки и промышленности, Совет Министров Союза ССР постановляет:

«7. За разработку кинематики и динамики обжатия взрывом применительно к изделиям РДС-6с и РДС-5 присудить: Сталинскую премию 1 степени

1. Альтшулеру Льву Владимировичу, кандидату физико-математических наук - ... в размере по 100 тыс. руб. каждому». [В это время оклад заведующего лабораторией составлял 2.500-2.800 руб. плюс оплата за научную степень - автор].»

Кроме того, Л.В.Альтшулер был также награжден орденом Ленина.

Этим вклад Альтшулера в создание ядерного щита СССР не ограничивается. Он был вместе с Я.Б. Зельдовичем и Ю.М. Стяжкиным автором особо точного метода определения уравнений состояния урана и плутония (невзрывные цепные реакции), участвовал в разработке стойких конструкций зарядов и

удостоен был за совокупность работ по ядерному оружию в 1962 году Ленинской премии и ордена Ленина.

Когда говорим о самом мощном и разрушительном оружии, возникает вопрос о нравственной проблеме. Это очень серьезный вопрос и на него по-разному отвечают.

Дочь Е.К.Завойского пишет об отце: «Его душа не лежала к тому, чтобы жить и работать за колючей проволокой, в «хозяйстве» Берия... Уже будучи взрослой, я задала отцу вопрос: «Как ты мог участвовать в этом?» Был ответ... «Знай, я попал туда, как кур в ошип».

Свою позицию четко сформулировал Л.В.Альтшулер: «Создавая оружие, способное уничтожить население земного шара, наши ученые надеялись, что оно никогда не будет использовано по своему прямому назначению. Для всех, кто понимал реалии наступившей атомной эры, было очевидно, что само обладание ядерным оружием необходимо для восстановления мирового равновесия, для того, чтобы Москву не постигла участь Хиросимы и Нагасаки».

Вот как выглядело соотношение ядерных арсеналов США и СССР в первые послевоенные годы:

	1949г	1950г
США	169 бомб	298 бомб
СССР	2 бомбы	11 бомб

Прошло уже 63 года после испытания первой атомной бомбы в США, но ядерная составляющая безопасности сохраняется. Силовой фактор по-прежнему превалирует в международных отношениях. Как сказал в своей статье американский ученый Р.Кейган «Конец иллюзиям: история возвращается»: «Мировая борьба продолжилась, продолжается она и сегодня».

Тот ядерный потенциал, в создании которого участвовал Л.В. Альтшулер, и сегодня составляет основу нашей безопасности. Вместе с Я.Б. Зельдовичем, Л.В. Альтшулер внес также выдающийся вклад в новую область исследований – физику высоких плотностей энергий и, что не менее важно, создал в ней научную школу, включающую таких блестящих ученых, как С.Б. Кормер, К.К. Крупников, Р.Ф. Трунин, В.Н. Зубарев, А.И. Фунтиков, В.Д. Урлин, Ю.М. Стяжкин и другие талантливые специалисты.

Я выше писал о сложных взаимоотношениях Л.В.Альтшулера с властными структурами. Уже на моей памяти после 1950 года было несколько таких случаев. Один связан с выступлением Альтшулера в январе 1957 года на комсомольском

диспуте в газодинамическом секторе по книге Дудинцева «Не хлебом единым». На диспуте я не был, но затем прочитал большую редакционную статью без подписи в стенгазете сектора. Резанула и запомнилась фраза из статьи, характеризующая Альтшулера: «трубадур «Голоса Америки»¹⁵.

Много лет спустя, встречаясь в Москве, мы вспомнили и эту статью. Я считал, что ее написал секретарь парторганизации, а Лев Владимирович предполагаемым автором называл начальника сектора. Вспомнили мы и другой эпизод: нашу встречу с ним в 1967 году с первым секретарем ГК КПСС после выступления Альтшулера на политинформации в отделе об арабо-израильской войне. Его позиция отличалась от общепринятой, я позицию Льва Владимировича не разделял, но исходя из принципа, что каждый может иметь собственное мнение по тем или иным вопросам, не собирался его и «воспитывать». Взгляды Льва Владимировича знали и относились к ним, в основном, с пониманием.

Вспоминается спор, который возник на одном из научно-технических семинаров в секторе между Альтшулером Л.В. и Кормером С.Б. Было упомянуто в докладе Кормера, что он против системы. Последовал вопрос Альтшулера: «Вы против какой системы? (с явным подтекстом)». И здесь же молниеносный ответ Кормера: «Я не против той системы, против которой Вы», что вызвало веселое оживление в зале.

В главном наши принципы сходились: необходима демократизация нашей жизни, нет запретных тем для обсуждения, право на свободное изложение своей позиции. Об этом мне пришлось говорить в 1961 году в докладе на партсобрании в секторе. Через многие годы Лев Владимирович, острый на язык, назвал меня «мутантом в руководстве».

Вообще стиль работы на объекте отличался творческим накалом, широтой и глубиной научного поиска, дискуссионным характером обсуждений, раскованностью мысли, без чего невозможна наука. Это не могло не сказаться и на общественных суждениях. И хотя силовое око не дремало, играл свою роль ГК КПСС, коммунисты, в свою очередь, тоже оказывали влияние, дважды в течение ряда лет провалив в 60-е годы на выборах двух наиболее одиозных секретарей ГК КПСС по идеологии.

Когда я переехал в Москву в 1978 году, мы нередко

¹⁵ См. об этом также в интервью «Судьба была благосклонна ко мне», стр. ???, и в статье Ю.Н. Смирнова, где в дополнении приведена эта статья из стенгазеты и ответ Л.В. Альтшулера, направленный в горком партии, стр. ??? – *Сост.*

встречались с Львом Владимировичем, обсуждали разные вопросы, в том числе и прошлую нашу деятельность.

В конце 2002 года я получил от Льва Владимировича в подарок книгу «История советского атомного проекта» (Документы, воспоминания, исследования)¹⁶, где была и его статья, с дарственной надписью «с благодарной памятью о прошлом и надеждой на будущее. Лев Владимирович. 27.10.02г».

Вскоре его не стало...

Рябев Лев Дмитриевич – Минатом России, заместитель министра РФ по атомной энергии (1993-2002 гг.)

Н.П. Волошин

О встречах с Л.В. Альтшулером

Со Львом Владимировичем Альтшулером я познакомился в 1965г. заочно. А дело было так. Наш институт¹⁷, где я работал уже 3 года, вслед (а может быть и параллельно) за ВНИИЭФ начал разрабатывать метод определения мощности и аппаратуру регистрации параметров ударной волны подземного ядерного взрыва, распространяющейся в окружающей место взрыва горной породе. Инициаторами этой разработки во ВНИИТФ были В.А.Симоненко, К.К.Крупников и Л.П.Волков. Один из них – Константин Константинович Крупников много лет проработал с Альтшулером на "старом объекте" (так долгие годы назывался ВНИИЭФ в Сарове в отличие от "нового объекта" – ВНИИТФ в Снежинске).

И именно от К.К.Крупникова мне стали известны работы по экспериментальным исследованиям поведения веществ при ударноволновых воздействиях, проведённых к тому времени под руководством Л.В.Альтшулера. Известно, что в этих работах есть большой вклад и К.К.Крупникова.

Меня, совсем ещё молодого инженера, в первую очередь интересовали особенности построения измерительных схем и работы аппаратуры во взрывных опытах. Многое тогда было почерпнуто из статей Л.В. Альтшулера и личных контактов с

¹⁶ Материалы Международного симпозиума ИСАП-96, Дубна, 14-18 мая 1996 г., Том 1. – *Сост.*

¹⁷ Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский (в то время Всесоюзный) научно-исследовательский институт технической физики (РФЯЦ-ВНИИТФ). – *Сост.*

сотрудниками его отдела: Р.Ф. Труниным, Б.Н. Моисеевым и Л.В. Поповым.

После первых удачных применений только ещё нарождающегося метода определения мощности подземных ядерных взрывов (это были опыты ВНИИТФ на Семипалатинском полигоне, март 1966г. и ВНИИЭФ на Новоземельском полигоне, октябрь 1966г.) встал вопрос о разработке теоретического и экспериментального обоснования нового метода и оформлении соответствующих документов.

Вот уже с этого времени мне довелось многократно встречаться со Львом Владимировичем в Сарове, Москве и в Снежинске на различных совещаниях по разработке методики и на заседаниях НТС, посвящённых обсуждению результатов очередных применений метода в проходивших ядерных испытаниях.

Об этих контактах у меня остались самые приятные воспоминания, как от встреч с интересным, высокообразованным и интеллигентным человеком. Лев Владимирович умел внимательно слушать и, я бы сказал, слышать даже невысказываемое или недосказанное. Обратится с вопросом, посмотрев в глаза собеседнику, потом, слушая ответ, приопустит веки и отвечающему сразу становится ясно, что Лев Владимирович, слушая, уже сразу, тут же анализирует сказанное и в его мозгу либо готовится новый вопрос, либо контрпредложение.

При подготовке обеих частей документа о методе определения мощности (теоретического обоснования и практического руководства) требовались особая тщательность формулировок и многочисленные согласования с представителями Минобороны.

Вот здесь оченьгодились скрупулёзность и чёткость, которая почти в равной степени была присуща и Льву Владимировичу Альтшулеру и Константину Константиновичу Крупникову.

Считаю подарком судьбы время своей работы с этими корифеями газодинамики.

Вспоминается ещё одна встреча со Львом Владимировичем. Она была заочной, но очень важной. При рассмотрении темы "Исследования ударной сжимаемости веществ при подземных ядерных взрывах" на Комиссии при Правительстве РФ в ноябре 1999г. Владимир Евгеньевич Фортов предложил включить в состав творческого коллектива, выполнившего эту работу, одного из ведущих её участников – Льва Владимировича Альтшулера. Комиссия единодушно поддержала это предложение.

Таким образом, мне посчастливилось стать одним из шестнадцати соавторов работы и лауреатом премии Правительства Российской Федерации за 1999г., в числе которых есть имя Льва Владимировича. Очень этим горжусь.

К сожалению, в 1969г. Л.В.Альтшулер был вынужден покинуть ВНИИЭФ и мои контакты с ним прекратились.

Теперь вспоминаются не только рабочие моменты встреч со Львом Владимировичем. Однажды в Сарове после активных обсуждений очередного параграфа практического руководства разговор перешёл на отношения к домашним животным и, вообще, к "братьям нашим меньшим". Лев Владимирович рассказал о своём восприятии живой природы. Ему она нравилась вся. Может быть, в силу вечной занятости наукой он обращал внимание не на все проявления окружающей среды, но о домашних животных он мог рассказать многое. Запомнилась его полуюмористическая история о хомячках. Коротко в его устах она звучала так.

- Когда-то лет 15-20 тому назад мы завели у себя дома семейку премилых хомячков. Показывали и рассказывали о них своим знакомым и гостям. Наши восторги подвигнули многих на приобретение этих миниатюрных созданий. В том числе брали потомство и от нашей хомячей семейки. Уже года через три в институте родилось крылатое выражение "Альтшулеры обхомячили весь объект!".

Этот рассказ мне запомнился на всю жизнь. Обычная любовь к природе и любознательность учёного так удачно сочетались в этом прекрасном человеке.

Волошин Николай Павлович, д.т.н., профессор, член-корр. РАН, в отпуски с 1962 г.

Р.Ф. Трунин

Вспоминая Льва Владимировича

В середине июля 1956 года мы, несколько студентов-дипломников МИФИ, прибыли на преддипломную практику в Приволжскую контору Главгорстроя (так тогда называлось КБ-11, теперь наш Всероссийский НИИ Экспериментальной Физики, г. Саров).

Устроившись в гостинице и чуть-чуть ознакомившись с городом, в котором нам теперь предстояло жить и трудиться, мы на следующий день явились в отдел кадров для беседы с Л.В.Альтшулером, который должен выбрать кого-то из нас в свой отдел. Нас припугнули, что Лев Владимирович Альтшулер –

большой учёный и отбор у него будет строгим. Вплоть до возвращения в Москву (последнее обстоятельство, впрочем, некоторых вполне устраивало). Началось собеседование. В комнату, где всё это происходило, нас вызывали по одному. Я шёл на «судилище» не помню точно, но либо первым, либо вторым.

После обычных вопросов: какую школу кончал, как учился в школе, институте, чем увлекался и т.п., Альтшулер задал пару простеньких вопросов по газодинамике, а потом взял листок бумаги и авторучкой нарисовал оси координат, на которых по ординате поставил букву «Р», а по абсциссе « σ ». Пояснил, что «Р» это давление, а « σ » - сжатие. Теперь вопрос:

– Представь себе, что у тебя есть два железных образца. Один из сплошного железа, а второй, такой же по форме и размерам, но из порошка. Мы пустили по этим образцам ударную волну. Как они будут сжиматься относительно друг друга? Кто из них будет сжиматься сильнее? Нарисуй на графике.

И протягивает мне свою ручку.

Небольшой курс газодинамики нам читал Компанеев и я, поняв, что вопрос связан с этой дисциплиной, стал лихорадочно вспоминать, говорилось ли нам что либо подобное на лекциях? Увы, ничего путного в голову не приходило. И тогда я стал рассуждать о процессах, происходящих в нашем случае, исходя из, казалось, реальных представлений.

Ну, думаю, пористый, рыхлый образец, даже маленькими давлениями сожмётся примерно до плотности сплошного. То есть, пористый образец должен сжиматься лучше. А дальше, при больших давлениях, он по инерции будет продолжать сжиматься сильнее сплошного.

Представив себе этот процесс, я смело нарисовал две кривые, пересекающиеся при малых давлениях. При больших давлениях кривая сжатия пористого образца проходила у меня правее кривой сжатия сплошного, т.е. сплошной образец сжимался хуже пористого. Показал Альтшулеру.

Тот посмотрел на мои измышления и сказал:

- ты знаешь, примерно так представляет этот процесс и член-корреспондент Ильюшин.

Не успел я обрадоваться тому, что моё толкование процессов совпало с мнением члена-корреспондента, как Альтшулер продолжил:

- в действительности, всё наоборот, пористый, рыхлый образец, сжимается хуже сплошного!

Стало ясно, что проверку я не выдержал. Но меня это не особенно расстроило, поскольку в те времена мне было

безразлично, в какую лабораторию (отдел) меня направят. Каково же было моё удивление, когда через день я пришёл (по направлению из отдела кадров) в отдел 20, где, как оказалось, начальником был ... Л.В. Альтшулер.

И с той поры, вот уже более 50 лет я работаю в этом отделе. А, как и почему пористые образцы сжимаются хуже сплошных, я вскоре понял¹⁸.

В первые годы моей работы в отделе меня «прикрепили» к замечательному экспериментатору, мастеру эксперимента по исследованию ударного сжатия веществ, А.А.Бакановой, под непосредственным руководством которой и постоянным наблюдением со стороны Альтшулера, я и стал осваивать азы этой науки.

Коллектив отдела был небольшим, все сотрудники были молодыми, в большинстве своём только-только закончившими ВУЗы. Да и наш начальник был ещё далеко не старый человек – Альтшулеру было всего 43 года!

К этому времени он успел уже много сделать по основной тематике отдела, т.е. в области «зарядостроения», как тогда это называлось. Сейчас уже всем хорошо известно, что первая наша бомба была, на самом деле, не нашей, а американской. Чертежи на неё были получены через органы нашей разведки, и это было, безусловно, огромным успехом этой организации. Кстати, насколько известно, американские ученые и техники – источники информации, рисквавшие всем, чем только можно, были бессребрениками!

Они делали это за идеи, которые были для них выше всяких наград и денег.

А что же на нашем объекте? Что же, наши учёные, среди которых был и Альтшулер, ждали манны небесной от разведки? Конечно, нет. Начнём с того, что никто из учёных-разработчиков атомной бомбы ничего не знал об упомянутых чертежах. Кроме нескольких человек – руководителей Атомного проекта СССР. По соображениям секретности тех лет можно предположить, что полной информацией обладал И.В.Курчатов, возможно Ю.Б. Харитон. Добавьте сюда – постоянные сомнения в достоверности этой информации и станет ясно, что наши разработчики были вынуждены не просто повторять и проверять американскую схему, но и домысливать многие детали белых пятен в американском

¹⁸ При ударном сжатии (в отличие от сжатия статического) пористый образец разогревается сильнее сплошного, а возникшая тепловая энергия препятствует сжатию. – *Сост.*

проекте.

Я не раз разговаривал на эту тему со Львом Владимировичем. По началу он искренне и даже с возмущением отрицал любую информацию о разведанных. «Мы всё делали сами». Это была его твёрдая позиция. И он стоял на ней. Он вспоминал эпопею со взрывчаткой, её свойствами, которые в аварийном темпе определяли несколько групп экспериментаторов (думаю, что об этом есть воспоминания в этом сборнике¹⁹), когда все «стояли на ушах», пытаясь свести разные параметры к единой величине. «И ты думаешь, что если кто-нибудь из наших тогдашних руководителей хоть что-то знал об этом, он в этой обстановке не намекнул бы нам на величину этой скорости?»

И, самое главное. Примерно одновременно с «американским» вариантом (я его взял всё-таки в кавычки, поскольку он лишь отчасти был американским – основную нагрузку при отработке этой бомбы несли всё-таки наши исследователи) шла отработка полностью своего, советского варианта бомбы, которая была намного легче и меньше по габаритам, чем «американская». Но при этом мощность её существенно превосходила свою предшественницу! В её создании, начиная с предложения физической схемы бомбы, и кончая модельной газодинамической отработкой, самое прямое, если не сказать больше, участие принимал Л.В.Альтшулер и его ближайший помощник и коллега К.К.Крупников. Кроме них, в соответствующем отчете-предложении приняли участие Е.И.Забахин и Я.Б.Зельдович.

Отработка этого изделия была близка к завершению, но по ряду обстоятельств, в том числе политического характера, была испытана бомба «американского» происхождения. Наша, советская бомба была взорвана в начале 50-х годов; испытания показали её превосходство над «прототипом» по всем требуемым от неё параметрам.

И в дальнейшем Альтшулер и его отдел продолжали проводить исследования, непосредственно связанные с созданием новых систем ядерного оружия. Эта работа шла, в основном, по линии отработки зарядов на модельных конструкциях, хотя иногда проводилась и полномасштабная отработка некоторых типов зарядов.

¹⁹ Речь идет об остро конфликтной ситуации конца 1948, начала 1949 гг., возникшей в связи с противоречиями в определении величины скорости продуктов взрыва, критически важной для срабатывания изделия, см. стр. ???, ??? – *Сост.*

Вместе с тем, растущие требования разработчиков зарядов к уравнениям состояния (УРС) конструкционных веществ, требовали всё больших и больших усилий. Было необходимо разработать новые методы исследований разных свойств сжатых веществ, создания измерительных устройств и проведения большого количества трудоёмких и сложных экспериментов. Постепенно этому направлению исследований стало уделяться всё большее внимание, поскольку становилось ясно, что от точности знаний уравнений состояния напрямую зависит и получение необходимых характеристик создаваемого оружия. Исследования УРСов становились главной задачей отдела.

В те времена ни одно из исследований не выполнялось без инициативы и прямого участия Льва Владимировича. С этим связан и стиль его работы: обычно он ходил по комнатам от одного исполнителя к другому, интересуясь «последними известиями», т.е. последними результатами. И если кто-то разыскивал Альтшулера по телефону, наиболее эффективным способом его нахождения был такой приём: тот, на номер которого пришёлся звонок, выходил в коридор и, сложив рупором ладони, кричал во всю силу своих лёгких – «Альтшулер, к телефону»!! После этого, из какой-нибудь двери показывался разыскиваемый.

Начиная знакомство с результатами последних опытов, Альтшулер обычно подсаживался к столу, рядом с сотрудником, и они вместе обсуждали полученные данные, от руки рисовали на миллиметровке исследуемые зависимости, планировали очерёдность новых экспериментов, их постановку и т.д.

Иногда он подходил к доске и рисовал на ней качественные картинки обсуждаемых зависимостей. Тряпкой пользоваться не мог, поэтому, как правило, не только руки, но и рукава, а то и полы пиджака часто были испачканы мелом.

Закончив обсуждение с одним, он переходил к другому сотруднику и беседа, теперь уже на другую тему, продолжалась.

В комнатах тогда разрешалось курить и многие из нас имели пристрастие к этому зелью. Л.В. не курил, папирос у него не было, но иногда, когда обсуждаемые результаты «не поддавались» быстрому объяснению, «стрелял» папироску (в «моде» тогда был «Беломорканал», настоящая отравка по сравнению с теперешними сигаретами). И хотя курить он не умел, но, глубоко «не затягиваясь», дымил наравне со всеми. Помогало думать.

К началу 50-х годов были не только сформулированы, но и внедрены в практику работ основные методики по регистрации параметров сжатия различных материалов. Были отработаны и

широко использовались многочисленные типы измерительных устройств.

Говоря о методах исследований, я бы взял на себя смелость утверждать, что одним из основных достижений Льва Владимировича в нашей науке было предложение и обоснование абсолютного метода определения ударного сжатия веществ. Метод был пригоден практически для любого, достижимого в лабораторных условиях, давления. Это так называемый «метод торможения». Внедрением его в практику газодинамических исследований занимались, помимо самого автора, его сотрудники и коллеги К.К.Крупников, Б.Н.Леденёв, В.И.Жучихин и М.И.Бражник. Им помогала большая группа лаборантов и техников отдела.

Вскоре Альтшулером, Крупниковым и Гандельманом был предложен более простой метод для определения сжатия веществ – так называемый метод «отражения», в основе которого лежали данные, предварительно полученные для так называемых эталонных металлов, по методу «торможения».

Именно благодаря этим методам в начале 50-х годов прошлого уже теперь века, в Советском Союзе были получены уникальные данные по сжатию железа и некоторых других металлов при гигантских даже для настоящего времени, давлениях. Больше 10 миллионов атмосфер - таково было это достижение! Отметим, что на устройствах, использующих химические взрывчатые вещества в качестве энергетического источника при определении свойств веществ при сжатии, нигде за рубежом и близко не подошли к этим результатам!

Данные по сжимаемости явились основой для построения уравнений состояния, необходимых для расчётного выбора конструкций зарядов.

В это время в отделе быстро развивались и другие методики по исследованию свойств сжатых веществ. Это метод изэнтропического сжатия и расширения, рентгенографическая и оптическая методики по определению двукратного сжатия, электромагнитная и манганиновые методики непрерывной регистрации параметров и профилей ударных волн, специфические исследования, связанные с изучением свойств взрывчатых веществ и продуктов взрыва и др.

Несколько позднее Л.В.Альтшулером, Я.Б.Зельдовичем и Ю.М.Стяжкиным была предложена методика определения сжатия активных металлов при гигантских давлениях в сотни миллионов атмосфер. По предложению Ю.Б.Харитона она получила название «методики невзрывных цепных реакций». В середине 60-х годов

для решения задач по УРСам при сверхвысоких давлениях стали использоваться сильные ударные волны подземных взрывов.²⁰

Конечно, за каждой из этих методик, помимо Альтшулера, инициатора их разработок, стояли его коллеги и ученики – те, кто вместе с ним отработывал и внедрял их в практику газодинамических исследований. Многие из этих сотрудников в дальнейшем выросли в самостоятельных исследователей, много сделавших для поддержания престижа советской науки. Но роль Льва Владимировича, как инициатора и зачинателя этих исследований, неоспорима.

Вклад Льва Владимировича в становление новой тогда науки – ФИЗИКИ ВЫСОКИХ ПЛОТНОСТЕЙ ЭНЕРГИИ очень значителен.

И именно он, по крайней мере, в России, по праву является первопроходцем и создателем этого научного направления, его экспериментальной части.

Мы, кто работает в институте до сих пор и кто являлся участником отработки тех или иных упомянутых методик, хорошо понимаем сколько усилий, времени и нервов необходимо было затратить для того, чтобы внедрить их в повседневную практику исследований. И, конечно, при их отработке было немало различного рода случаев, в которых проявлялся характер Льва Владимировича. О некоторых я попробую рассказать.

Вспоминается эпизод, происшедший в 1966 году при испытании мегатонного заряда в штольне на полигоне Новая Земля. Мощность (энергия взрыва) определялась по интенсивности ударной волны, распространяющейся по горной породе и фиксируемой на различных расстояниях от «точки» взрыва. Эти параметры регистрировались двумя независимыми группами измерителей – нашей, т.е. «вниизэфовской», и ленинградской (одного из их НИИ), которой руководил капитан 1-го ранга (в те времена) Б.В.Замышляев. Но подход к регистрации этих параметров был различным. Мы фиксировали времена прихода ударной волны на выбранные расстояния при её распространении по целиковому массиву породы. Ленинградцы же регистрировали время движения волны с помощью датчиков, расположенных в многометровой радиальной скважине, пробуренной из специальной боковой штольни в направлении на центр взрыва.

Наша точка зрения состояла в том, что постановка измерений ленинградцев не позволяет регистрировать истинные

²⁰ Будни этой работы – см. Рис. 12.

параметры волны взрыва. Однако спор должен быть разрешён именно в этом опыте, при непосредственном сравнении полученных результатов. Забегая вперёд скажу, что в опыте действительно всё было поставлено на свои места: наша точка зрения оказалась правильной. Но сейчас не об этом.

Когда были обработаны все результаты, мы были на седьмом небе – мы получили всю необходимую информацию, к тому же заряд сработал (что мы и показали) в рамках расчётных параметров. И вот вечером, я сидел в гостинице, любясь полученным графиком зависимости мощности от расстояния (наши датчики располагались на различных расстояниях от «точки» взрыва). В комнату вошёл кто-то из ленинградских измерителей и спросил у меня, какому расстоянию соответствует у нас время ... (он назвал конкретную цифру). Не догадываясь для чего это надо, я, посмотрев на свои зависимости, назвал эту цифру. И только позднее до меня «дошло», что ленинградцы не знали точно расстояния до своего датчика, и, убедившись, что их результаты не соответствуют действительности, поняли, что они могут правильно оценить мощность только по одному, первому своему датчику, упирающемуся в забой скважины. Забой скважины был «глухим» и располагался в нескольких метрах от заряда. Этот датчик находился в условиях полностью соответствующим нашим, т.е. наши датчики (а их было около 40!), и единственный датчик у ленинградцев «упирались» в цельную породу, которая располагалась между ними и ядерным устройством. Ударная волна, таким образом, шла к датчикам **по породе**, а не по скважине, заполненной посторонней средой! Как, по нашему мнению, и должно быть! И результат, полученный по единственному «правильному» датчику ленинградцев, естественно дал примерно те же значения, что и все наши датчики! И наши коллеги, признав, в целом, свою неправоту по измерениям в скважинах, вышли из неловкого положения, поскольку смогли всё-таки «определить» мощность взрыва испытываемой конструкции.

Честно говоря, я не обратил на эту историю никакого внимания, но, приехав домой и, рассказывая подробности проведения опыта Льву Владимировичу, в том числе упомянул и об этом эпизоде.

Альтшулер очень расстроился, если не сказать разгневался. Он сразу же, без всяких раздумий, расценил этот «прием» ленинградцев как ПОДГОНКУ «результата» под уже известные параметры, что является, по его мнению, абсолютно недопустимым в научных исследованиях. Не могу утверждать, но, кажется, он тут же отправился к Ю.Б. Харитону и

проинформировал его об этом инциденте. Потом он несколько раз говорил об этом (в том числе и при мне) в различных присутственных местах.

Были на близкие темы и другие примеры. Упомяну лишь один, касающийся непосредственно меня. Однажды, я и А.А.Баканова получили какой-то несуразный результат при исследовании полёта медного ударника, разогнанного продуктами взрыва. Подумали и решили не говорить о нём Альтшулеру, пока ... даже не помню, на что мы рассчитывали ... пока, что-то не прояснится. Наивные люди! Альтшулер уже на следующий день спросил о полученном результате. И когда я признался, что мы не сказали ему о результате потому, что просто-напросто не хотели расстраивать его плохими данными, пока сами не разберёмся в причинах полученной несуразности, он вспылал так, что, помоему, единственный раз накричал на Баканову, не говоря уже о вашем покорном слуге. Смысл его «высказываний» в наш адрес сводился к тому, что он не может позволить врать (?) своим сотрудникам о результатах опытов! И хотя вранья, как такового, не было, он расценил наше молчание, как ВРАНЬЁ! Вот такой был подход нашего начальника к подобным делам. Стоит ли говорить, что мы старались не допускать больше таких оплошностей!

Я уже перечислял ряд методик определения различных параметров веществ, сжатых ударными волнами. Все они предложены, или, по крайней мере, осмыслены применительно к нашим условиям, Альтшулером. В большинстве случаев его непосредственная роль сводилась к формулированию условий, необходимых для получения по разрабатываемой методике той или иной информации. Конкретная же работа по отработке технологических и конструкторских вопросов и проведению экспериментальных исследований обычно поручалась научным сотрудникам. В том числе дипломникам и их руководителям, в роли которых часто выступали вчерашние студенты, оставшиеся работать в отделе Альтшулера. Он же постоянно наблюдал за ходом исследований, интересовался любыми полученными результатами и активно вмешивался в исследования, если того требовали возникающие вопросы, которые не могли разрешить сами исполнители. Когда же, по мнению Альтшулера, результаты исследований достигали объёмов, необходимых для ознакомления с ними более широкого круга сотрудников, собирался общий семинар, на котором рассказывалось о проделанной работе. Семинары были открытыми для участия в нём сотрудников и других отделов. И самое главное – **регулярными**.

Что касается дипломников, а их было в те годы достаточно

много, то в своей работе будущий исследователь получал минимальные навыки и знания по исследуемому направлению. Основная же работа и основные её результаты нарабатывались позднее, когда молодой сотрудник уже самостоятельно (или почти) продолжал трудиться по этой теме. Как правило, это происходило на протяжении последующих многих лет.

Конечно, Альтшулер не был постоянным опекуном. Стоило кому-то из нас стать, по его мнению, достаточно самостоятельным, как эта опека постепенно снималась. Но это не значит, что Альтшулер переставал интересоваться ходом исследований. Всегда оставались способы и ознакомления и некоторого контроля за новыми результатами. Немаловажную роль при этом играли и отдельные семинары.

И даже в тех исследованиях, значение которых выходило далеко за рамки внутренних вопросов отдела, Лев Владимирович передавал «бразды правления» в руки ответственных исполнителей, как только понимал, что в вопросах своих исследований они доросли до нужной компетентности.

Не буду голословным.

Так получилось, что наш отдел и, естественно, Альтшулер, взял на себя груз ответственности по отработке и внедрению в Государственную практику испытаний нового способа определения мощности (энергии) ядерных зарядов при их подземных взрывах (об этом недавно упоминалось). И Альтшулер, поручив эту работу мне и сотрудникам моей группы, на первых порах непосредственно сам принимал участие в решении всех вопросов, связанных с внедрением новой методики в испытательный цикл. Его роль в переводе методики из разряда разрабатываемых в штатные на первых, наиболее ответственных и важных этапах работы, была неоспорима.

Подготовка опыта на Новой Земле, 1966 год. Всё подготовлено к испытаниям. Полигон Министерства Обороны. Идёт подготовка к опыту. Заряд-мегатонник. Первое испытание заряда такого класса и второе в институте с использованием нашей методики. Очень ответственное событие. Куча вопросов, для решения которых мне приходилось в течение года несколько раз летать на полигон. И вот – заключительный этап подготовки: монтаж измерительной аппаратуры в фургонах, установка датчиков, различного рода проверки готовности узлов, «стыковка» со смежниками и т.д. и т.п. Мы с Альтшулером прибыли в посёлок Северный вместе с группой сотрудников на морском буксире МБ-21 северного флота, испытав на себе все «прелести» морской болезни.

В первый же день отправились в штольню, где я подробно рассказал и показал ему все наши подготовленные к работе «сооружения», проложенные пучки кабелей, расставленное оборудование. Встречавшиеся в штольне монтажники и горняки-шахтёры приветливо здоровались со мной, тихонечко интересовались моим коллегой и, узнав, что перед ними профессор и мой начальник, вежливо приветствовали его.

Испытание взрыв-затвора для перекрытия канала вывода излучения при подземных ядерных взрывах. На снимке: М.Н. Павловский, И.Е. Лобанов, Н.Г. Калашников. Саров. 60-е гг.

После штольни мы зашли в штаб и, пройдя по нужным нам комнатам, пошли в офицерскую столовую. Дежурный офицер, поздоровавшись с нами и, узнав кто такой Альтшулер, быстренько организовал нам обед.

Ну, а потом ... потом стало известно, что завтра по утрам придут вертолёты (на севере эти машины летают парами) и через несколько часов, пользуясь неожиданно пришедшей к нам лётной погодой, уйдут в Белушку. В принципе, с ними можно улететь.

И тут, вдруг, Лев Владимирович говорит:

- Знаешь, Рюрик, я вижу, что ты здесь всё знаешь и тебя

здесь все знают. Чего же мне тебе мешать! Я всё вроде посмотрел, подготовка идёт, как я понимаю, нормально. Поеду-ка я домой! Ты здесь и без меня справишься, а в отделе, сам знаешь, дел невпроворот. Так что, командуй без меня!

И наутро Альтшулер улетел в Белушку.

Всё. Он понял, что я справлюсь. И тратить своё время на решение вопросов, которые может решить его сотрудник, ему было накладно. И он уехал.

И так в любых подобных ситуациях. Так было, например, и при первых опытах методики НЦР. Конечно, подчеркну ещё раз, что он не переставал активно интересоваться исследованиями. Просто часть времени уделял другим вопросам, которые, как он считал, в этот момент требовали большего его участия.

Но вот другой пример на ту же тему. 1965 год. Первый опыт на семипалатинском полигоне. Ничего не известно, первый раз увидели «живую» штольню. С кем решать возникающие вопросы, где искать монтажников, проходчиков, к кому обращаться, кто командует, где начальство? Куда не сунься – одни вопросы.... Тяжело без опыта работ. Группу возглавляет Альтшулер. И хотя он (так же, как и любой из нас в те времена) в делах по штольне не силён, его хорошо знают и военные начальники, и наши, гражданские. И авторитет. А это уже немало. Худо-бедно, но работа потихоньку движется, мы втягиваемся в существующий цикл, начинают налаживаться связи с другими группами и организациями. И вдруг, в самый пик, приходит известие о смерти отца Альтшулера. Деваться некуда, он в тот же день уехал в аэропорт Семипалатинска. Перед отъездом пообещал по возможности подъехать на полигон непосредственно ко времени проведения опыта, чтобы помочь нам в обработке результатов.

То, что мы проведём измерения параметров ударной волны нормально, мы не сомневались, поскольку все варианты такой регистрации были не раз прорепетированы и дома, и на полигоне. Здесь не было особых вопросов. А вот что касается «перевода» измеренных параметров в мощность испытанного заряда – здесь мы боялись получить, мягко говоря, некорректные результаты. И связано это было с ошибками, допущенными шахтёрами при проходке нашей «измерительной» штольни из-за чего датчики оказались в неоптимальной зоне регистрации. И это очень тревожило нас. Как выкрутиться из подобной ситуации? Какой подход оптимален при анализе результатов? Как в этих условиях сопоставлять расчётные и экспериментальные параметры? В общем, вопросов было много, посоветоваться было

не с кем, и оставалось надеяться только на приезд Альтшулера, как на палочку-выручалочку, которая сможет взять на себя ответственность за определение мощности заряда.

И Альтшулер приехал. В день проведения опыта. И снял все наши тревоги. Точнее, взял их на себя. Он понимал, что это надо сделать. Что ребята могут растеряться в сложившейся ситуации и ошибиться. И хотя и сам он не знал точно, как действовать в сложившейся обстановке, его опыт и интуиция подсказали ему выбор оптимального варианта. Обстоятельства диктовали принимать решение.

Теперь несколько слов об отношении Льва Владимировича к публикациям, отчётам и статьям в открытой печати. Как мне представляется, он спокойно отказывался от стандартных публикаций, где, по его мнению, его роль была не основной. И особенно, когда статья или отчёт были не первыми по данной тематике.

Даже, когда в них были рекордные параметры. Помнится, что в одном из отчётов, когда Альтшулер вместе с другими исполнителями пробыл на полигоне месяц, пока шёл эксперимент, и где он сам писал основной текст отчёта, он не включил себя в соавторы исследования, ограничившись утверждением отчёта. И таких примеров можно привести сколько хотите.

Ну, ещё один. В уже упомянутой работе на северном полигоне, мы впервые измерили сжатие в системе свинец – железо. Давления существенно (в 3 – 4 раза) превышали возможности, существующие в лабораторных условиях. После опыта я написал коротенькую статью об этих результатах. Показал Льву Владимировичу. Тот, увидев себя в числе авторов, вдруг воспротивился этому.

- Знаешь, измерения вы проводили без меня, обработку – тоже. Так что, давайте одни, без меня!

Моя аргументация о значительности его вклада в работу поначалу не дала результатов. Альтшулер даже нашёл ещё один аргумент в свою пользу. Он сказал примерно следующее:

- Знаешь, эта статья – очередная публикация по ударному сжатию металлов. У меня ведь достаточно статей на эту тему. Как бы у читателей не создалось впечатление о том, что Альтшулер кроме ударного сжатия ничего больше и не может делать!

- Но ведь, Лев Владимирович, это не рядовая публикация! Скорее всего, она откроет серию статей на эту тему! Вот уже сейчас в работе данные по системе алюминий – кварц, полученные при этом же испытании. Наверное, работы в этом направлении будут продолжены. Так что в первой публикации на эту тему ваша

фамилия должна быть.

Так или иначе (у меня были и другие аргументы), но в этот раз Л.В. согласился на соавторство в статье.

Несколько слов о честолубии Альтшулера. Об этом, косвенно, уже говорилось выше. Мне кажется можно, без лишней застенчивости, сказать об этом ещё раз.

У Льва Владимировича с этим всё было в порядке. Он не был обделён ни вниманием, ни наградами, ни известностью. И это – вполне заслуженно. И, мне кажется, он знал своё место в науке.

Повторюсь, что для нашего научного направления Альтшулер был человеком, который стоял у его начала. По широте охвата всего комплекса экспериментальных вопросов, определяющих физику высоких плотностей энергии, разработок пионерских методик исследования, получения уникальных экспериментальных данных и их интерпретаций ему не было равных.

Конечно, он работал рядом с такими выдающимися учёными как Я.Б.Зельдович, А.Д.Сахаров, Ю.Б.Харитон, Е.И.Забабахин, Д.А.Франк-Каменецкий и многие другие. Как не раз подчёркивал сам Альтшулер, «они являлись лидерами новой научной дисциплины – физики высоких плотностей энергий». И далее: «Нам посчастливилось испытать неповторимую творческую атмосферу уникальной научной школы, созданной этими учёными. Особенно значительный вклад в эту область знаний внёс академик Я.Б.Зельдович».

Но большинство из этих выдающихся учёных были физиками-теоретиками. Лев Владимирович был исследователем, одинаково хорошо владеющим как экспериментом, так и теорией. При этом в своей работе он оптимально мог соединять оба этих направления.

Он практически не делал ошибок, хотя большинство его работ носило пионерский характер, где, казалось, погрешности наиболее вероятны. И, тем не менее.

Как-то, американские исследователи, при посещении Альтшулером их страны, поинтересовались, как ему и его сотрудникам удалось на протяжении столь большого времени не сделать ни одной заметной экспериментальной ошибки? Он поправил их, указав на наши исследования воды (это была одна из первых публикаций 1958 года, где мы ошибочно указали на протекание фазового превращения при сжатии воды). На что американцы заметили: «Но ведь это только вопрос интерпретации результатов!» Л.В. был очень доволен такой «поправкой» и с удовольствием (и не раз) вспоминал позднее этот эпизод.

Ему очень импонировали высказывания, где, так или иначе, указывалось на приоритет и превосходство наших исследований. Так, в своих обзорах, он неоднократно цитировал тех же американцев (Неллис и др.), когда они писали: «Абсолютные данные для меди и свинца при 10Мбар, полученные Альтшулером, Бакановой, Труниным и Кормером с сотрудниками, были получены на неизвестных генераторах ударных давлений и пока никем не воспроизведены». Или такое фантастическое предположение, что, мол, для достижения необходимых скоростей русские использовали ударники, разогнанные в космосе вторыми степенями ракет (!).

Л.В. было очень приятно, когда я рассказал ему, после своей первой поездки в США, о высказывании американского физика Д.Шанера о том, что на наших публикациях американцы учились искусству эксперимента.

Альтшулер строго подходил к результатам опытов. Он никогда не доверял малонадёжным цифрам, основанным, в частности, на малой статистике эксперимента. Для получения надёжных данных непреложным правилом, особенно когда речь шла о результатах, полученных на устройствах сферической геометрии (с максимальными параметрами ударных волн), было проведение небольшой серии опытов с усреднением результатов. Но и этого, иногда, оказывалось мало. Как-то, уже в конце жизни, Альтшулер, в разговоре со мной, оговорился, что до конца он поверил в наши данные (?), полученные на полусферических конструкциях, лишь после того, как американские исследователи подтвердили их на своих пушечных системах. Вот так! Альтшулер сомневался. А ведь он был инициатором многолетних работ по улучшению характеристик наших измерительных систем, которые, кстати, давали совпадающие данные с результатами, полученными на наших простых системах при относительно невысоких давлениях. И он сомневался (!) в своих измерениях! Чудеса, да и только!

Стало понятно, почему он постоянно в своих обзорных работах проводил сопоставление своих данных с американскими, демонстрируя их полную тождественность.

Впрочем, есть и другие примеры. Как и многие учёные, он был чуть-чуть авантюристом. Вспоминается, как однажды он, недовольный «успехами» статических исследований в стране, решил взять бразды правления в свои руки, для чего сконструировать свою установку (винтовой пресс) в отделе и получать необходимые для УРСов данные о статическом сжатии различных веществ. Год ковырялись с конструкцией, изготовили и

запустили её, но до конца дело так и не довели, вовремя поняв бесперспективность усилий.

Или вот пример, который, правда, характеризует Альтшулера скорее, как рискованного (когда это надо!) человека. Ситуация, о которой я хочу рассказать, относится к далёким (1958) годам прошлого века. Тогда были опубликованы первые две статьи советских исследователей, объявивших научному миру о результатах измерения сжатия железа и ряда других металлов вплоть до гигантских (даже по современным меркам) давлений в 4-5 миллионов атмосфер. Возглавлял авторский коллектив Альтшулер.

Основным устройством тех лет, которое как раз и обеспечило получение этих величин, было полусферическое устройство Большой модели (БМ).

В соответствии с требованиями метода «торможения» (помните, я говорил о нём вначале очерка), для железа на этом устройстве необходимо было знать два параметра: скорость полёта ударника и скорость ударной волны в железном сердечнике. Обе скорости должны быть определены в раздельных сериях опытов (по 5-7 шт.). Для БМ их величины считались известными, они были заведены во все внутренние справочники. Они же были опубликованы и в статьях о сжимаемости металлов.

Уже в этом веке я с Л.В. готовил большую обзорную статью, куда должны были войти и ударно-волновые параметры в железе на БМ. Каково же было моё удивление, когда я не смог найти отчёт, содержащий первичные результаты измерений скорости ударника. Правда, нашёл старые расчёты его движения, которые полностью соответствовали используемым параметрам. Но ведь это расчёты! Где же экспериментальные данные? Обратился к Альтшулеру, в Москву. Он смог с трудом найти сделанные 50 лет назад К.К.Крупниковым два (?) опыта, результаты которых соответствовали известным параметрам. И это всё? Ведь по нашим представлениям таких опытов должно быть, как минимум, пять! Где же они?

Совершенно случайно я всё-таки нашёл эти опыты, нашёл там, где они не должны быть, в отчёте А.И.Фунтикова, который к этим исследованиям не имел прямого отношения. Причём выполнены они были **позже**, чем появилась статья 1958 года! Как это понимать? А понимать это, видимо, надо так.

В 1957 году окончательных данных по скорости движения ударника в устройстве БМ не было. Почему-то их, видимо, нельзя было вовремя получить. По крайней мере, быстро. Были, правда, два упомянутых опыта Крупникова и согласующиеся с ними

расчётные параметры. Альтшулер в этих условиях посчитал возможным опубликовать данные. Тем более, риск «провалиться» был у него минимальным, поскольку он располагал данными при более высоких давлениях, которые в какой-то мере подстраховывали данные на БМ. Ну, а какие же параметры всё-таки на БМ? И Альтшулер попросил Фунтикова «задним числом» определить их. Что и было сделано. Любопытно, что пять его опытов дали точно такую же среднюю скорость, которая постоянно использовалась у нас! Бывает же такое!

Вот такая история. Не рискни тогда Альтшулер и не опубликуй данные БМ – кто знает, может и потеряли бы мы приоритет в этих исследованиях! А так – сохранили его на все времена.

Но что ещё поучительного в этой истории? Рискнув, Альтшулер несколько лет (!) переживал за правильность опубликованных тогда параметров. До тех пор, пока не представилась возможность Фунтикову проверить их.

Помните, как он «ждал» проверки наших «сферических» опытов на американских пушечных системах? Не схожи ли, в определённом смысле, эти две ситуации?

О чём же говорят эти истории? Можно немного и рискнуть (когда риск обоснован, а цель оправдывает средства), но нельзя оставлять свои сомнения, какими бы незначительными, на первый взгляд, они не были, без проверки, если таковую можно осуществить.

На этом я закончу свои не совсем связанные воспоминания о Льве Владимировиче Альтшулере. К сожалению, он рано уехал из Сарова. Как говорят в таких случаях, в расцвете своих сил. Но так сложились обстоятельства. Я уверен, останься он в Сарове, он сделал бы ещё в нашей науке намного больше, чем это удалось сделать ему в Москве.

Трунин Рюрик Федорович – д.ф.-м.н, Главный научн. сотр. РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Павел Нерлер

Мандельштамовские дни и вечера в Альбионе и Новом свете

Конференция в Лондоне

«...етух и лев, широкохмуры́й орел и ласковый медведь...» – это сквозь зубы процеженное «лев» – единственное, чем одарил Англию в своем замечательном «Зверинце» Осип Мандельштам. Боготворя Европу, почитая ее новою Элладой, – поэт решительно противопоставлял ей Англию. «Не любили раньше англичане, – утверждал он, – европейской сладостной земли...», и поэтому – «Ни любви, ни дружбы нам не надо Альбиона каменных гостей».

Тут процитирована ранняя редакция стихотворенья «Собирались элины войною...», а заканчивалась она так:

...На священной памяти народа
Англичанин другом не слывет,
Развалит Европу их свобода,
Альбиона каменный приход.

Чем же «ответил» Альбион на этот выпад, на этот настоженный, недоверчивый взгляд, на это чуранье всего английского, включая язык (общеизвестно, что и Вальтера Скотта с Майн Ридом Мандельштам «переводил» с французского)?

Ответил достойно – превосходным симпозиумом, организованным славистами Лондонского университета под патронажем Исаии Берлина и Иосифа Бродского. Кажется, это самый основательный зарубежный отклик на столетие Осипа Эмильевича (в Москве, Ленинграде и Воронеже – прошли мандельштамовские конференции, в этих же городах установлены замечательные доски в его честь; наконец, родилось в юбилейные дни и Мандельштамовское общество).

Без риска ошибиться: конференция в Лондоне была самой

яркой и самой цельной из всех. Жаль, конечно, что на нее не смогли приехать такие знатоки как Ральф Дутли и Ефим Эткинд из Парижа, Омре Ронен, Лазарь Флейшман и Борис Гаспаров из различных американских городов, и особенно жаль, что не прозвучали в Лондоне голоса тех, без кого непредставимо русское мандельштамоведение – дрожащий шепот Александра Морозова и рокочущий баритон Владимира Микушевича...

Но вернемся к тем, кто счастливо оказался под массивным кубом светлого и, признаюсь, жутковатого снаружи университетского здания, с которого, говорят, Оруэлл списывал архитектуру своего Министерства Любви. Внутри же – уютно, удобно и наказенно: устроители (Диана Мейерс, Джулиан Грэффи, Робин Айзелвуд и другие) сделали для этого все возможное – и кое-что невозможное.

Конференцию открыл Иосиф Бродский – и словно закипела вода в ученом графине. Не покушаясь ни на чьи приемы и навыки, поэт продемонстрировал *свою* орудийность – силу поэтических мысли и интуиции: оставив аналитикам их анализы, сам же – переключился на жанр, который, кажется, тут же, по ходу дела, и создал, и назвал – жанр *«интуитивного синтеза»*. Ходом и высотой своей мысли Бродский задал тот уровень и тот тон, углубляясь вниз или в сторону от которых было бы стыдно, потому что уж очень заметно. Говорил он о двух стихотворениях – «С миром державным я был лишь ребячески связан...» и «Золотистого меда струя так тягуче и долго текла...». Начало первого он воспринял как заполнение своеобразной анкеты, тайная цель которой – тест на совместимость со временем. Здесь, как и во многих других стихах Мандельштама, слышен «наивный фальцет ребенка»: в упор, не отводя глаз, смотрел поэт на мир, на свой город, на «тех европейок нежных» – чистыми, незамутненными глазами ребенка и вместе с тем глазами усталого и измученного веком человека, буквально только что, днями встретившего свое 40-летие...

Отвечая на вопросы, Бродский разразился вдохновенной импровизацией и по поводу третьего, своего самого любимого у Мандельштама, стихотворения – «Сохрани мою речь навсегда...» (заметим, что по ходу прений Бродский подвергал своему интуитивному синтезу по меньшей мере 10-12 стихотворений – не контур ли это будущей книги поэтических комментариев к Мандельштаму, наподобие набоковского комментария к «Евгению Онегину»?).

Вальяжность позы, незажженная сигаретка между пальцами и даже английская какая-то огласовка никого в

заблуждение не ввели. Взволнованная, запинаящаяся в поисках нужного слова, мгновенная и очень живая, личная реакция на все сказанное с головой выдавали в Бродском не «нобелевского мэтра» (хоть и не отказать ему в уверенности в себе и своем), а блестящего русского поэта, неожиданно оказавшегося в какой-то особенно родной и драгоценной атмосфере.

Что это была за атмосфера? Юрий Левин признался, что происходящее в зале заставило его вспомнить конец 60-х годов – самый расцвет «кухонного мандельштамоведения», когда в импровизированно-семинарском табачном чаду закладывались основы не одного, а нескольких направлений исследований творчества Мандельштама.

Созвездие имен, собранных конференцией, впечатляет уже само по себе: Илья Серман, Роман Тименчик, Дмитрий Сегал и Самуил Шварцбанд из Израиля, Бенгдт Янгфельдт из Швеции, Никита Струве из Франции, Ганс Роте из Германии, Чарльз Айзенберг и Джон Мальмстад из США, Сергей Аверинцев, Михаил Гаспаров, Вячеслав Иванов, Георгий Левинтон, Александр Мец и др. из СССР. Докладами были представлены едва ли не все существующие подходы, кроме разве что *исторической поэтики* Александра Морозова.

Как и следовало ожидать, многие доклады относились к интертекстуальной поэтике, где исследователь ищет – и во множестве находит – косяки разнообразных литературных подтекстов и аллюзий. Такого рода поиск, как правило, замкнут на эльмовские огоньки единичных слово- и фразеупотреблений и сильно зависит от эрудиции и остроумия исследователя, хоть проводи по интертекстуальности Уимблдонские турниры. Зато – и конференция это еще раз подтвердила – все чаще обходятся без концептуального, целостного прочтения и понимания стихотворения (попытку вернуться к основам этого подхода, то есть к установлению связей между мандельштамовскими и чужими произведениями на уровне именно целостного смысла тех и других предпринял едва ли не один Л. Кацис, доказывавший прямое влияние на «Стихи о неизвестном солдате» байроновской поэмы «Видение суда»).

Разумеется, подтексты можно искать и находить не только в литературном, но и в историческом процессе. Иногда это сводится к поиску прототипов (своего рода скрытых адресатов) стихотворений, но и здесь та же опасность. Так, высказанные одним из докладчиков предположения о связи между «вождем, в слезах берущем на себя бремя власти» и патриархом Тихоном, выдерживают от силы лишь первые пять строк этой загадочной

«Оды миру». Тот же Бродский говорил об опасности встраиванию поэта в историю или, что еще спекулятивней, в конфессию: мир поэта и природа его дара таковы, что в рамках конфессионального канона подлинному поэту будет заведомо тесно, недаром мандельштамовский космос включает в себя значительные элементы и эллинского, и иудейского, и православного, и католического миров.

Это заставило профессора Дмитрия Сегала из Иерусалимского университета сделать остроумную оговорку, что предмет его занятий – своего рода реконструкция встраивания не поэта в историю, а истории в Мандельштама. В этой связи очень интересным показался доклад отсутствовавшего на конференции Бориса Гаспарова под щекочущим слух названием «Извиняюсь!» – доклад, посвященный не событийной, а глубинной оппозиции между критиком-пуританистом А. Горнфельдом и О. Мандельштамом.

На конференции обсуждались и столь важные (хотя бы в чисто издательском ракурсе) вещи как композиция поздних стихов Мандельштама, метрические циклы поэта. Больше всего говорилось, пожалуй, о двух стихотворениях – «матках», соответственно, второй и третьей воронежских тетрадей: об оде Сталину и «Стихах о неизвестном солдате». Кажется, отношение к «Оде» понемногу меняется: ее не просто принимают всерьез, но и видят в ней одну из вершин («не провал, а промер»).

Событием, взволновавшем конференцию, стало заявление Левина: он де приехал в Лондон лишь для того, чтобы прилюдно заявить о своем отказе от дальнейших исследований творчества Мандельштама – ввиду крайней несимпатичности и неподходящести, на его взгляд, для таких занятий соответствующего настоящего времени. Сказанное, – и стоило ли для этого ехать так далеко? – настолько расходилось с происходящим и настолько противоречило левинскому же – процитированному выше – суждению о возрождении в Лондоне старинного московского духа кухонного мандельштамоведения, что «никакой неловкости не произошло». Как бы то ни было, но общую озабоченность выразил Роман Тименчик, призвавший Левина не покидать взрастившее его лоно поэтического анализа.

Заявление Ю. Левина примечательно, как мне кажется, еще и тем, что лишний раз доказало: Мандельштам – не академическая, не филологическая проблема, это сгусток поэтической, почти пророческой энергии, лично затрагивающей и «царапающей» каждого читателя. И недаром его строчки о Нагорном Карабахе и об «аравийском месиве, крошеве» как бы

просятся в эпитафии ко вчерашним и нынешним историческим катаклизмам – такова уж природа поэтического гения.

Конференция в Нью-Йорке

В свете того, что мы знаем о взаимоотношениях Мандельштама и Америки, инициатива, с которой выступил президент Центра современной русской культуры (Джерси-Сити, штат Нью-Джерси) Александр Глезер, а именно: провести мандельштамовскую конференцию, одну из завершающих юбилейный год, в Америке, – более чем закономерна и уместна (ранее конференции прошли в Москве, Ленинграде, Лондоне и Воронеже). Таковая и состоялась 16 ноября 1991 года в Хантер-колледже (Нью-Йорк) – небольшая, в одно заседание.

По-своему знаменательно и то, что почти все доклады были посвящены «позднему» Мандельштаму, его стихам 30-х годов. Павел Нерлер (Москва) охарактеризовал этот период в целом; Нэнси Поллак (Корнельский университет, Итака) проанализировала стихотворение «Не у меня, не у тебя – у них...» и обозначила вехи еврейской темы в воронежских стихах Мандельштама; Александр Кушнер (Петербург) тонко разобрал стихотворение «Исполню дымчатый обряд...». Евгений Сидоров (Москва) проследил – от А. Фета до И. Бродского – эволюцию темы «бабочки» в русской поэзии: с Мандельштамом пришло переосмысление ее семантики – и на смену порханию и легкомыслию пришли умирание и сама смерть. Евгений Рейн (Москва) проследил переосмысление поэтом такого понятия, как «бессонница». Обрамленный множеством цитат из десятков философов и поэтов доклад Ян Пробштейна (Хантер-колледж, Нью-Йорк) был посвящен «Грифельной оде» – стихотворению 1923 года, как бы предварившему собой грядущий сдвиг в поэтике «позднего» Мандельштама. Также был оглашен доклад Петра Вегина (Лос-Анджелес) под названием «Щегол заледенелый...». Ряд докладов вызвал оживленную дискуссию; кроме самих докладчиков, в ней активно участвовали Соломон Волков (Нью-Йорк) и Елена Алексеева (Принстон).

Участвовали бы, вероятно, и другие, но мало кто в США знал о том, что такая конференция состоится...

Мандельштамовские дни в Принстоне

(Четверть века пребывания архива

Осипа Мандельштама в Новом Свете)

Позади двадцатый век – могильщик полудюжины мировых империй, в том числе российской и советской. Слава и позор перемешались в нем так, что не всегда и отличишь. Но среди

неоспоримо прекрасного, что подарила *urbi i orbi* Россия вчерашнего столетия – ее поэзия.

Имя Осипа Мандельштама – тут одно из самых осиянных и возвышенных. Оно не слепит глаза и не возвышается над остальными, как Пушкин в поэзии XIX века, а тесно жметя к другим гениям своего века – Блоку, Ахматовой, Пастернаку, Маяковскому, Цветаевой... На их фоне Мандельштам выделяется разве что гармонической цельностью поэтической речи и трагической цельностью судьбы.

Обращаясь к своим собеседникам и читателям, где бы и когда бы они ни находились, он обронил: «Сохрани мою речь навсегда...».

Что это – просьба? приказ? мольба? заклинание?

Надежда Яковлевна поняла это буквально, и, рискуя всем, – сберегла стихи мужа для всех нас. Это стало делом ее жизни и подвигом ее памяти. Но не только памяти: ведь стихи – это еще и архив: рукописи, черновики, наброски...

Не счастье испытаний, выпавших на долю самого Мандельштама, но немало опустошительных ударов претерпел и его бездомный архив. И все-таки он уцелел – несмотря на аресты и гибель хозяина, несмотря на страшную войну, несмотря на неприкаемую жизнь его вдовы.

Непреодолимый страх за судьбу архива подтолкнул Надежду Яковлевну к нелегко ей дававшемуся решению – во имя безопасности и сохранности чудом в СССР уцелевшего, переправить архив на Запад. Крайне рискованный по тем временам замысел удался в 1973 году, и три года чемодан с архивом-кочевником провел в Париже.

Но не Старому, а Новому Свету суждено было стать последним пристанищем этого архива: в качестве окончательного места его хранения Надежда Яковлевна выбрала Принстонский университет.

С той поры, как эта воля вдовы поэта была исполнена, минуло уже 25 лет. За эти четверть века Осип Мандельштам стал известен решительно всем, он издан и на чужбине, и на родине. В Москве успешно действует Мандельштамовское общество, а Принстон уже превратился в Мекку не только для ядерных физиков, но и для славистов-филологов: хранящийся здесь мандельштамовский архив все больше и больше вовлекается в посмертную судьбу поэта, в работу над изданием его произведений.

Из числа неоспоримых тому доказательств – своеобразные «Мандельштамовские дни в Принстоне». Ее составные части –

выставка и международная конференция – объединены общим заглавием - «Наследие Мандельштама».

Первою – 5 октября 2001 года – открылась выставка, развернутая в фойе Отдела рукописей и редких книг Файерстоунской библиотеки Принстонского университета и подготовленная куратором Славянского отделения библиотеки Ниной Шапиро (при полном содействии заведующего отделом рукописей и редких книг Дона Скемера)¹. В экспозиции – около двух десятков объектов, среди них поэтические и прозаические автографы разных лет, знаменитые «каблуковский» «Камень» 1916 года и «Стихотворения» 1928 года с авторской правкой, подаренные Н.Е. Штемпель, альбом воронежского периода («Наташина книга»), фотографии Осипа Эмильевича и Надежды Яковлевны, ее последнее не отправленное письмо к мужу. На приеме, данном Файерстоунской библиотекой в честь открытия выставки, выступили ее директор К. Трэнер и пишущий эти строки, заместитель председателя Мандельштамовского общества.

Суббота и воскресенье 6 и 7 октября были днями заседаний конференции, организаторами которой выступили Славянское отделение (Майкл Вахтель и Ольга Хэсти) и Мандельштамовское общество (Павел Нерлер и Марина Соколова), а спонсорами – вашингтонский Институт Кеннана и различные подразделения Принстонского университета. Конференция шла на двух языках – русском и английском.

Первый день был посвящен биографии поэта и истории его архива. Он начался серией мемуаров о дарительнице мандельштамовского архива – о «неописуемой» Надежде Яковлевне. С ними выступили западные слависты, приехавшие в 1960-е и 1970-е гг. в Москву и посещавшие Н.Я. в ее безразмерной кухонке в крошечной однокомнатной квартире на Большой Черемушкинской улице – Джон Мальмстад, Кларенс Браун и Пеги Труппин.

К сожалению, Кларенс Браун, фактический первооткрыватель Мандельштама для англоязычного читателя, недавно переехал из Принстона в Сизтл и не смог приехать на конференцию (его воспоминания зачитала К. Эмерсон). А ведь именно он, вместе с Никитой Струве и Эллиотом Моссманом, и являлись главными актерами события, юбилею которого была посвящена конференция.

¹ Мандельштамовская выставка была открыта для широкой публики до 31 октября 2001 г.

Когда Н.Я. спросила молоденького Мальмстада, приехавшего в Москву писать диссертацию об А. Белом, почему он ее совершенно не спрашивает о Мандельштаме, тот нашелся и ответил: «А меня нет умных вопросов», – чем ее очень развеселил: «По крайней мере Вы откровенны». Во всех воспоминаниях был еще одно незримое действующее лицо – это КГБ. Нередко, вручая Брауну письмо или книгу, Н.Я. делала незабываемый жест глазами и очень отчетливо произносила – для стен: «Кларенс, я передумала: пожалуй, я не буду посылать с Вами книгу!». Пегги Труппин нашла для Н.Я. необычайно емкое и точное определение: «Импресарио моих российских переживаний». Интересные детали поведал и Джеймс Мэтлок, работавший в те годы в московском посольстве США. Независимо от ранга и сана своих собеседников, Н.Я. обожала их ошарашивать, и когда Мэтлок однажды заговорил с ней по-русски, она тут же перешла на английский и спросила: «Почему Вы говорите на этом языке рабов?».

На биографической секции Олег Лекманов (Москва) рассуждал о том, что все биографические свидетельства и факты (а нередко, по сути, и мифологемы) должны быть собраны и аккуратно положены рядом, а читатель сам разберется, сам отделит зерна от плевелов. Если это своего рода кредо, то чем же тогда биография будет отличаться от «Трудов и дней» а ля Вересаев? Концептуальность (не путать с концептуализмом, одним из бесчисленных чад постмодернизма, этой интеллектуальной то ли ветрянки, то ли чумы), то есть подразумевающая наличие критериев система взглядов, столь же необходима биографу, как и полнота знаний о герое или честность обращения с фактами. Если же это не кредо, а всего лишь необходимый рабочий момент, то успех или не-успех замысла возвращается в лоно зависимости от самого естественного и сурового – меры талантливости его исполнения.

Андрей Устинов (Сан-Франциско) призвал собравшихся вкладывать крупницы опыта и знаний в «коллективную биографию Мандельштама». Его собственной крупницей стали рассуждения вокруг исключения поэта из ленинградского отделения Союза Поэтов 30 сентября 1929 года и сводка интереснейших сведений о соседе Мандельштама по Дому Герцена в 1922-1923 гг. Николае Бернере.

Особенно плотной была секция, посвященная судьбе и истории архива поэта. Ее открыла Софья Ивич-Богатырева, рассказавшая о том времени, когда архив находился на хранении у ее отца. Следующие три доклада, по существу, были частями единого целого выступления. Сначала пишущий эти строки

коротко рассказал об истории мандельштамовского архива, в том числе и о событиях, предшествовавших его попаданию в Принстон (для чего ему пришлось в 1973 и 1976 гг. с трепетом пересечь как минимум две государственные границы – советскую и французскую). То, что Н.Я. передала в Принстон, составляет примерно половину того, что осталось после Мандельштама, и доклад М. Соколовой как раз и был посвящен второй половине, главным образом, российским государственным и частным коллекциям. «Коллективный архив» Мандельштама хотя и не велик, но все же тянет листов так тысяч на семь. Собрать его воедино – очень важная, очень трудная, но еще и очень красивая задача, и единственным местом, где такая встреча могла бы и впрямь состояться, является интернет. О том, как можно подступиться к этой задаче концептуально и технологически рассказал и на широкой стене конференц-зала показал Владимир Литвинов (Снежинск; среди соавторов данного сообщения был и Константин Вигурский, один из разработчиков электронных научных изданий Пушкина, Грибоедова и др.).

Манифестацией того, чем может послужить для текстологов и интерпретаторов Мандельштама его принстонский архив, стали несколько других докладов. В частности, Сергей Василенко (Москва) уже давно работает над реконструкцией мандельштамовских текстов, и, не ограничившись заявленным в программе «Путешествием в Армению», он представил собравшимся широкую палитру своих промежуточных результатов – текстологических новаций, которые без преувеличения означали бы подлинную революцию в текстологии и читательском сознании (например, вместо «раздражают прах веков» – «изумили сон веков» и т. д.). Недостатка в смелости у него нет, но настроенное на привычного Мандельштама ухо в большинстве случаев царапается и сильно сопротивляется. В дискуссии Михаил Гаспаров напомнил собравшимся о ремизовском предложении отказаться от канонического текста, заменив его тем, что он называл – «облюбованный». В конце концов прозвучала смиренная общая просьба к Василенко не торопиться с публикацией своих открытий, а подготовить большую статью с обоснованием каждого пересмотренного им случая.

На принстонском архиве базировалась и Елена Алексеева (Принстон), давшая себе труд спроецировать харджиевское издание «Библиотеки поэта» 1973 года на принстонский архив. Различая принципиально рукописи О.М. «холостого» и «женатого» – то есть работающего с голоса (в результате чего списки Н.Я., сделанные при жизни О.М., у Харджиева шли на правах

автографов), докладчица отметила разную степень почтения текстолога к имевшимся в его распоряжении текстам, вплоть до контаминации или игнорирования им тех или иных источников в случае «женатого» поэта. Не забывая всякий раз расшаркиваться перед Н.Я., Харджиев не уставал вместе с тем и попенять ей, укоряя в неполноте или неточности журнальных публикаций 1960-х гг. (однако, возразим, не одна Н.Я. была публикатором тех лет). В ходе дискуссии многие вступились за Николая Ивановича, в том числе и по другим поводам: остроумное замечание сделал Юрий Фрейдин (Москва), усмотревший в лобовом столкновении текста и автографа «Чернозема» тонкий харджиевский умысел. Доклад завершился славным апокрифом, рассказанным Эдуардом Бабаевым: отправляя на почте в «Библиотеку поэта» бандероль с издательской рукописью Мандельштама, Харджиев настоял, чтобы на ней вместо объявленной ценности поставили: «Бесценная».

Второй день конференции был отдан на откуп исследованиям поэтики. Назвал свой доклад «Мандельштам и сельское хозяйство», Борис Гаспаров (Нью-Йорк) посвятил его своеобразной экологической диалектике «сухого» и «мокрого» у Мандельштама, сделав естественный в таком случае акцент на черноземных воронежских стихах поэта-единоличника. Попутно он обозначил целый пласт «широких естественно-научных интересов» Мандельштама, куда как менее исследованный по сравнению с геологией или биологией.

Доклад Юрия Фрейдина о проблеме внутреннего и внешнего подтекста у Мандельштама был сконцентрирован на выявлении микроподтекстов Мандельштама, а именно – фонетических. Фонетические подтексты – это «просвечивающие слова», как бы, а иногда и буквально отброшенные поэтом варианты. Их смысл нередко, по закону сохранности черновика, может быть обнаружен в оттенках значений оставленных в беловике слов.

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон, Висконсин) по традиции говорил о традиции интертекстуальности применительно к мандельштамовскому творчеству. Вместе с тем с каждой новой конференцией реальное значение этой достойной парадигмы в понимании Мандельштама ослабевает: образ поэта, просиживающего штаны в библиотеках до их закрытия и бегущего домой лишь затем, чтобы ввинтить только что вычитанные ассоциации в натянутый на попире черновик, за последние время поблек.

Самуэль Гольдберг (Дэвидсон, Сев. Каролина) рассуждал о проблеме освоения Мандельштамом в Камне и Tristia

поэтического наследства «мифопоэтического символизма», а Нэнси Поллак (Итака) вышивала полотно смыслов вокруг Елены и Не-Елены («другой» Елены) у Мандельштама и Пастернака.

Михаил Гаспаров (Москва) разобрал перевод 219-го сонета Петрарки. Опираясь на принстонский архив, он выявил три его редакции и измерил параметры их точности и вольности. От редакции к редакции вольность у Мандельштама нарастала. Рифмуя катрены на «колени», он подтягивал к ним рифму – и чем дальше, тем насильственней. Главное для Мандельштама – сосредоточенность на предельно сильном выражении каждого отдельного момента при ослаблении внимания к согласованию разных моментов. Это, а также усиление динамичности и вещественности, – суть признаки барокко! Мандельштам не был ни хранителем, ни оплакивателем культуры, и, среди культурных бурь, ему не был чужд и пафос экспроприаторов. Его собственный пафос: не отвергать новое, не бороться с ним, а европеизировать его, не лелеять искусство прошлого или его останки, а растить из них то самое новое. Он хотел нового Петрарку – и создавал его сам, для чего барокко, конечно же, много сподручнее классицизма.

Ю. Заранкина (Принстон) еще раз проследила батюшковские коннотации в творчестве Мандельштама и их связь с прекрасными итальянцами. Неожиданно в разговор вмешался Николай Богомолов (Москва), предпринявший попытку развести «Батюшкова» с Москвой и Батюшковым, предлагая взамен Царское Село и Гумилева, что вызвало определенное сопротивление, в частности, у Лекманова.

В своем собственном докладе Богомолов продолжил ту же линию, показав неосновательность мнения о падении в 30-е годы любви Мандельштама к Гумилеву или хотя бы интереса к творчеству. Даже «Путешествие в Армению», в его понимании, пронизано ощущениями от гумилевской смерти в не меньшей степени, чем от смерти Маяковского.

Три заключительных доклада были посвящены не столько влиянию других на Мандельштама, сколько влиянию Мандельштама на других. Так, Александр Кобринский (Санкт-Петербург) говорил о В. Шершеневиче как об имагинисте, наиболее близком к акмеизму, чье творческое кредо оказалось в высокой степени сближенным с названием его собственного сборника («Чужие песни», 1911). Нина Хрущева (Нью-Йорк) напомнила, что Набоков в литературе, кроме себя, ценил и выделял всего лишь троих литераторов – Пушкина, Ходасевича и Мандельштама. При этом о последнем он всегда делал характерную оговорку в том плане, что трагическая его судьба

сделала его поэтом куда более значительным, чем он на самом деле есть. Интересен и разобранный Михаилом Эскиным (Нью-Йорк) случай берлинского поэта Д. Грюнбайна – представителя не только иной эпохи, чем та, в которой жил Мандельштам, но и другой языковой стихии (тут уместно вспомнить и о Поле Целане).

Состав участников конференции обещал высокий уровень докладов и дискуссии на конференции, и эти ожидания оправдались. А главных организаторов мандельштамовских дней в Принстоне – М. Вахтеля, О. Хэсти и Н.Шапиро – остается еще раз поблагодарить, в том числе и за то, что они не поддались соблазну отменить ее после событий 11 сентября.

P.S. Два вечера и книжная выставка в Нью-Йорке в 1961 и 1963 гг.

Стоит заметить, что первые публичные мероприятия в США, посвященные О.М., состоялись не в 1991 году, а тридцатью годами ранее.

30 октября 1961 года в Славянском отделе Нью-Йоркской публичной библиотеки (им тогда руководил эстонский поэт и переводчик Алексис Раннит²) открылась выставка, посвященной творчеству Мандельштама. На ней экспонировались различные портреты поэта, его прижизненные и посмертные издания О.М. На самых видных местах были однотомник 1955 года и вторая – «мандельштамовская» – книжка альманаха «Воздушные пути»³: именно ее выход в конце мая 1961 года послужил основным поводом для организации.

Выставка продлилась почти год – до 9 февраля 1962 года – и завершилась вечером памяти поэта⁴. Основной доклад прочел Алексис Раннит, к этому времени перебравшийся в Нью-Хейвен, где стал заведующим славянскими фондами в Йельском университете. Кроме него выступали польский поэт Иосиф (Юзеф)

² Ранит Алексис (наст. имя – Долгошев Алексей Константинович; 1914 – 1985) – искусствовед, филолог, библиограф и журналист. В годы войны – в оккупированном Каунасе, где служил библиотекарем в Центральной государственной библиотеке Литвы. В 1944 г. эмигрировал в Германию, в 1953 г. – в США. Куратор славянских коллекций в Нью-Йоркской публичной библиотеке (1954 – 1960) и в Йельском университете.

³ См. о нем отдельную статью.

⁴ См.: Андрей Луганов [Одоевцева И.] Вечер памяти Осипа Мандельштама // РМ. 1961, 29 июня.

Виттлин⁵ и американский литературовед и писатель Джонсон⁶.

Спустя полтора года в Нью-Йорке состоялся большой «Литературный вечер в честь великого русского поэта Осипа Мандельштама», организованный Американским отделением Центра писателей в изгнании при Международном Пен-клубе⁷. Он состоялся 13 марта 1964 года в аудитории Доннел-центра в Манхэттене⁸ и собрал сотни слушателей, среди которых был и Б.Ф.⁹

Вел вечер польский писатель Александр Янта¹⁰. Первым, со вступительным словом, выступил все тот же Алексис Раннит. На двух языках звучали стихи О.М. – «Фрагменты» 1932 года, «Ленинград» и «Tristia». По-английски (первое стихотворение в переводе Роберта Лоуэлла, остальные – в переводах Питера Рассела) их прочел Джозеф Даубенас, а по-русски – артист Юлий Козловский. Звучала фортепьянная музыка: произведения Баха, Скарлатти и Шопена исполнил Донн-Александр Фидер.

Но ядром вечера стал доклад Кларенса Брауна «Тайная свобода Осипа Мандельштама», вскоре после этого напечатанный

⁵ Виттлин Юзеф (1896 – 1976) – известный польский поэт, прозаик, эссеист и мемуарист, друг Й. Рота и Р.-М. Рильке. Член поэтической группы «Скамандр» (вместе с Ю.Тувимом Я. Ивашкевичем и др.). Активный пацифист, автор антивоенного романа «Соль земли». Начало Второй мировой войны застало его в Париже, после капитуляции Франции – с 1941 г. – в США, в Нью-Йорке. Сотрудник «Свободной Европы», газеты «Культура» Гедройца, один из основоположников секции писателей-эмигрантов в составе международного ПЕН-Центра.

⁶ Сведениями не располагаем.

⁷ Его председателем был в то время все тот же А. Раннит, эстонский поэт и переводчик, преподававший в Йельском университете. См. программку вечера: Amherst College. Center For Russian Culture: Collection Ju.Ivask, Box 15, f. 48, Л.79. См. также: З[авалишин В.] Вечер памяти Мандельштама // НРС. 1964. 17 марта.

⁸ Auditorium, Donnel Center, 20th West 53rd Street, New York City.

⁹ Браун предупредил БФ о самом вечере в письме от 3.4.1964.

¹⁰ Янта-Полчинский Александр (1908 –1974) – польский поэт и журналист. публицист. С 1939 г. Во Франции; воевал в составе польской дивизии гренадеров, участник Сопротивления. После войны остался в Европе, сотрудничал с «Культурой» Е. Гедройца, после переезда в США и как американский корреспондент журнала.

на русском языке в «Новом журнале». По-английски он вышел в первом томе Собрания сочинения О.М. в 1965 году, и сама идея привлечения К. Брауна к этому изданию в качестве автора одной из вступительных статей родилась именно на этом вечере.

Исанна Лихтенштейн

Эмиль Золя – штрихи к портрету

Заметки врача

Сведомыми путями в наш дом попал маленький позолоченный жетон, величиной с трехкопеечную монету, выпущенный франко-русским обществом писателей. На лицевой стороне жетона было написано: «французский писатель Золя», на оборотной – «французский капитан Дрейфус». Год выпуска не обозначен, но надпись, выполненная в старой русской орфографии, позволила сотрудникам киевского исторического музея датировать жетон концом XIX – началом XX века. Вера Рогач считает, что жетон выпущен в 1906 году. (<http://www.mishpoha.org/n23/23a35.php>).

С этого момента возникло стойкое желание лучше узнать Эмиля Золя - Великого гражданина и блестящего писателя.

Имя Золя прочно связано с трагической историей Дрейфуса, в перипетиях жизни которого роль писателя оказалась судьбоносной. Эмиль Золя, ознакомившись с материалами, собранными и переданными ему в ноябре 1897 года журналистом Бернаром Лазаром, убедился в невинности капитана французской армии еврея Дрейфуса, обвиненного в шпионаже в пользу Германии. Золя «не мог молчать» и напечатал 13 января 1898 года в газете «L'Aurore» знаменитое письмо «Я обвиняю», обращенное к президенту республики Феликсу Форю. Привожу фрагмент письма: «Господин Президент, Позвольте мне, в благодарность за доброжелательный прием, который был оказан Вами однажды, побеспокоиться о сохранении Вашей славы и сказать, что Ваша звезда, такая, до недавнего времени, счастливая, может быть опорочена не смывающимся пятном позора.

Напрасно подлые клеветники пытались навредить вам - вы покорили сердца. Вы, появились, озаренный сиянием, в разгар всенародного праздника по случаю заключения франко-русского союза, и сейчас готовитесь возглавить триумфальное завершение нашей Всемирной выставки, которая увенчает век труда, истины и свободы. Но каким ужасным пятном на вашем имени - я едва не

сказал «правлении» - стало гнусное дело Дрейфуса! Недавно Военный трибунал, следуя приказу, осмелился оправдать Эстерхази, что является высочайшим оскорблением таких понятий как «истина» и «правосудие». И отныне необратимо на лице Франции останется след грязной пощечины, а история запомнит, что именно во время вашего правления было совершено такое общественное преступление».

<http://lib.babr.ru/index.php?book=4550>

Опубликовал письмо друг писателя, потомственный врач, а впоследствии один из самых успешных премьер-министров Франции Жорж Клемансо. Письмо эмоциональным накалом, страстностью и убежденностью взорвало общественную жизнь Франции.

В истории есть не много документов подобной нравственной силы и мужества. С этого момента популярность Эмиля Золя резко возросла, как и его международный авторитет. Но это не помешало французским властям обвинить писателя в клевете и вынести жесткое обвинительное заключение: год тюремного заключения и штраф. Не стих и накал антисемитских выступлений.

Толпы людей, шагая по парижским улицам, распевали «Антисемитский марш»:

« Смерть евреям! Смерть Евреям!
Надо их вешать
Без промедления,
Смерть евреям! Смерть евреям!
Их надо вешать
За длинные носы!»

«Золя - позорище! Итальяшка» (из книги Анри Труайя «Золя»,2005)

Адвокат Лабори, защитник писателя, сказал на суде: «...С изумительным сознанием своей силы и мужества, которые навеки покроют его славой, Эмиль Золя написал письмо, и его вам придется судить... Оно было жестоко, и таким ему надлежало быть; оно в некоторых частях было крайним – это тоже было необходимо; но по существу оно было правдиво, и я доказал это. Оно было мужественно, оно было истинно, и – скажу больше – оно было величественно. Для того чтобы написать его, нужен был весь гений Золя, все его сердце... Этот человек – честь Франции». Золя бежал в Англию и возвратился в Париж только после отмены приговора.

Успехи, слава не сваливаются с неба, к ним ведет упорный труд. Долгий, тернистый путь прошел Золя, прежде чем стал классиком мировой литературы, искателем правды, умевшим отстаивать свои убеждения в непростых условиях.

Эмиль родился 2 апреля 1840 в семье Франсуа Золя. Отец по происхождению полугрек-полуитальянец, инженер, автор смелых опережающих время проектов. Мать - француженка Эмили – Орели Обер. Детские годы писателя прошли в Эксе. В школе Эмиль учился в одном классе с Полем Сезанном. Они дружили и поддерживали друг друга в разные периоды жизни.

Отец строил каналы в Эксе и спроектировал первую железную дорогу (от Будвейна до Линца). Внезапная смерть Франсуа Золя привела семью к бедственному положению. Волевая, активная мать в надежде на помощь друзей мужа переехала в Париж, где им, однако, предстояли долгие годы лишений.

Эмиль учился в разных колледжах, в том числе, и в знаменитом «Эколь Нормаль».

Становление Золя сложилось под влиянием матери, панически боявшейся нищеты и не простившей обществу безразличия к судьбе семьи. Орели Добер до конца дней оказывала на сына большое влияние, оставаясь самым близким и родным человеком. В первые парижские годы их положение оставалось катастрофическим. Мать прожила даже некоторое время в приюте. Будущий писатель влачил жалкое существование, скитаясь по углам, порой в обществе сомнительных личностей. Призвание, энергия и упорство позволили вырваться из нищеты. Годы скитаний остались позади. Он начал работать в известном издательстве Ашетта, печататься в газетах и вскоре стал читаемым автором.

Внешне жизнь Эмиля Золя не богата событиями. Он поздно женился на красивой молодой девушке-швее, с которой был близок несколько лет до женитьбы. Брак оказался бездетным. Золя рано располнел, отпустил окладистую бороду, будучи близоруким, пользовался лорнетом. Писатель выглядел старше своих лет, но в 48 лет неожиданно резко переменился, похудел, помолодел... влюбился в 20-летнюю служанку жены, став со временем счастливым отцом двоих детей. К чести жены, после смерти Золя она активно участвовала в воспитании его детей и всячески помогала.

Если внешняя жизнь писателя относительно не богата событиями, то внутренняя, напротив, насыщена. Им задумано и сделано необыкновенно много. Обостренное чувство справедливости, смелость, гражданская позиция оставили

значительный след в истории Франции. Эмиль Золя один из первых поддержал статьями и корреспонденциями безвестных молодых художников, позднее названных импрессионистами. Некоторые из них стали его личными друзьями. Всем памятен блестящий портрет писателя работы Эдуарда Мане.

Романы писателя были необыкновенно популярны. Достаточно упомянуть, тираж романа «Нана» - 55000 экземпляров, что явилось для французских книгоиздателей абсолютным рекордом. Но это не помешало Ватикану включить романы писателя в «Индекс запрещенных книг» и считать их «наущением дьявола». За публикацию романов "Нана", "Накипь" и "Земля" английского издателя Визетелли оштрафовали, а затем посадили в тюрьму

Теоретические взгляды Золя уже в конце 60-х годов XIX столетия сложились в определенную систему. Он считал необходимым, чтобы художественное произведение соответствовало «науке о человеке» и отличалось точностью документа. Если, по мнению Андре Моруа, из произведений Бальзака можно почерпнуть немало сведений о законах кредита, купли, продажи, рекламы, то по романам Золя можно изучать сложные законы биологии. У Бальзака замысел «Человеческой комедии» созрел по мере написания романов, а Золя наметил грандиозный замысел «Ругон-Маккаров», приступая к работе. Подзаголовок серии – «Биологическая и общественная история одной семьи в эпоху «Второй империи». В феврале 1869 года Золя показал издателю Лакруа план задуманной Эпопеи. Предварительно замысел включал десять романов; к 1873 году, когда первые романы уже появились в печати, их количество возросло до восемнадцати; два года спустя замысел определился в своем окончательном виде – двадцать романов. Первоначально автор предполагал участие 26 героев, потом их число увеличилось до 32. От момента возникновения замысла и заключения договора до публикации «Доктора Паскаля» прошло 25 лет (1868-1893)! За прошедшие годы история Франции кардинально изменилась – рухнула «Вторая империя», промелькнула «Парижская коммуна», возникла 3 Республика, изменился мир. Золя продолжал писать...

Писателя интересовали успехи естественных наук, в них виделся прогресс изучения мира и человека. Проблемы наследственности явились основой создания эпопеи с аргументированными, интересными выводами. Так сложилась на практике теория «экспериментального романа». Золя знакомится с трудами Клода Бернара, автора основополагающих постулатов естественных наук. В основе практической медицины, по мнению

Клода Бернара лежит наблюдение и опыт, то же делает Золя как писатель-романист. Суть экспериментального романа в понимании Золя сводится в общих чертах к знанию биографии героя, его воспитания, окружающей среды. Автор изучает «человеческие документы», разбираясь в мотивах поступков. По мнению Золя, «писатель – прежде всего человек науки». Для писателя это было важным положением, так как он видел: «медицина в глазах очень многих остается еще на степени искусства, подобно роману». Именно поэтому он практически становится исследователем, знакомится с работами не только Клода Бернара (1813-1878), но также Чарльза Дарвина (1809-1882), Ипполита Тэна (1828-1893). Писатель изучил объемный труд Проспера Люка по вопросам наследственности. Большое внимание Золя привлекала не столько теория происхождения видов Дарвина, сколько идея борьбы за существование. Изучение трактата о естественной наследственности доктора Люка и «Введения в экспериментальную медицину» Клода Бернара привели его к мысли о «научном» романе, основанном не только на жизненном факте, но и на опыте, производимом писателем над своими героями. Для него крайне важна и обязательна документальная точность событий, отраженных в произведениях. Он внимательно знакомился с реальными местами, в которых жили или будут жить герои романа, округой, дорогами, средствами передвижения, газетными публикациями того времени, общественными настроениями и т. д.

Отражение медицинских тем в творчестве писателей обнаруживает не только их многообразие, но и принципиальные различия. Так, Лев Толстой, благодаря наблюдательности и художественной правде описывает в повести «Смерть Ивана Ильича» болезнь героя, известную врачам, как рак толстой кишки. У Ивана Сергеевича Тургенева в рассказе «Живые мощи» – четко просматривается картина страдания, в которой угадывается, по мнению большинства специалистов, склеродермия. Иван Сергеевич при этом основывается исключительно на интуиции и наблюдательности. Писатели в художественных произведениях нередко превосходят научное описание. Так, Толстой в упомянутой повести «Смерть Ивана Ильича» по позе больного, по тому в каком положении облегчается состояние, описывает симптом, позднее названный симптомом «интерференции боли».

Золя же в ряде произведений пользуется для достоверности описанными в учебниках признаками того или иного страдания, художественно перерабатывает их, что отражает его требования к подлинности изображения. Братья Гонкуры,

описывая эволюцию героев, большое значение придавали физиологии, Бальзак – социальным факторам, Золя задумался о роли наследственности.

Как обычно случается, идеи носятся в воздухе, диктуются реальностью. Главное их почувствовать и вдохнуть жизнь.

В конце XIX века внимание к медицинским проблемам усиливается. Известный врач-психиатр и философ Макс Нордау (Симха Меир Зюдфельд), изучив творчество Генриха Ибсена, отмечал во многих пьесах драматурга «нелепости» в диалогах врачей, в их общении с больными. О подобных погрешностях в романах Золя говорить не приходится.

Составляя план «Ругон-Маккаров», Золя задумал роман «Доктор Паскаль» как завершающий серию. В этом романе, по мысли автора, врач-ученый, второй сын Пьера Ругона, создаст генеалогическое древо семьи Ругон-Маккаров.

Доктор Паскаль, изучив судьбу поколений на примере одной семьи, понял роль наследственности, среды и прочих факторов становления личности. «Романист, изучающий нравы, дополняет физиолога, изучающего организм» - пишет Золя в очерке об «Экспериментальном романе». Пытливый врач и философ Паскаль Ругон появляется уже в первом романе «Карьера Ругонов». Для него объектом исследования стала собственная семья, судьба которой в значительной степени ясна врачу-мыслителю. «Он изучал мать и ее сыновей с любопытством натуралиста, наблюдающего за метаморфозой насекомого. Паскаль думал о том, как разрастается семья, подобно стволу, дающему множество разных побегов. На мгновение, точно при вспышке молнии, перед ним предстало будущее Ругон-Маккаров, этой своры выпущенных на волю вожделиний, пожирающих добычу в сверкании золота и крови».

В «Докторе Паскале» синтезированы основные положения естественнонаучных взглядов автора. Герой романа олицетворяет, по мнению Золя, лучших представителей человечества – тех, кому можно доверить судьбу. Он относительно молод, красив, образован, увлечен профессией. Проработав 12 лет практическим врачом, накопив капитал, он уезжает в небольшой провинциальный город Плассан, в котором начинает научные исследования. Доктор безгранично верит в могущество науки. Кредо Паскаля – не отрицание непознаваемого, а лишь признание еще не познанного: «Я верю, что будущее человечества – в завоеваниях разума, вооруженного наукой. Я верю, что научные поиски истины и есть тот единственный высший идеал, к которому должен стремиться человек. Я верю, что, познавая все больше и

больше, человек приобретает безмерную власть и если не счастье, то, по крайней мере, ясность духа...». Трудно найти в художественной литературе другие примеры столь глубокого описания научных проблем и попыток их решения, чем у Золя. Характерны часто употребляемые писателем слова: врач, медицина, физиология, эксперимент. Для него наблюдение и опыт как бы соответствуют микроскопу и химическому анализу для врача. В отличие от писателей – романтиков он не привлекал к объяснению таинственные силы, а как наблюдатель и экспериментатор изучал наследственность и внешнюю среду. «Расширьте поле экспериментальной науки, доведите до изучения страстей и описания нравов, и вы получите наши романы, романы, которые исследуют причины и объясняют их, собирают «человеческие документы», чтобы иметь возможность властвовать над средой и человеком». По утверждению Макса Нордау Золя ничего не выдумывал в знаменитой эпопее. Писатель воспользовался сведениями из «одного бумажного источника», оставшегося неизVESTным критикам, потому что ни один из них не имеет никакого понятия о психиатрической литературе». Золя, по утверждению Нордау, использовал историю семейства Керангаль из Бретани, на протяжении 60 лет заполняющую уголовную и психиатрическую хронику. В нескольких поколениях семьи были содержанки, владелица публичного дома и, наряду с этим, актриса, живописец, композитор. Золя, как большой художник, создал на фактическом материале блестящую эпопею – «Ругон – Макары».

Доктор Паскаль изучает наследственность не только на примере поколений родственников Ругон-Маккаров, но и собирает обширный материал при обследовании и расспросе пациентов. Он знакомится с их бабушками и дедушками, и узнает максимально много о прошлых и нынешних болезнях, особенно повторяющихся в том или ином роду. «Интуитивно он предвосхитил теорию Вейсмана, которая получила признание позднее, и остановился на том, что существует тонкая и сложная субстанция – зародышевая плазма, – часть которой всегда остается в запасе у всякого нового существа, чтобы потом перейти из поколения в поколение в устойчивом неизменяемом виде». Золя продолжает: «Целый мир подобия передается сперматозоидом и яйчком, а человеческий глаз не различает в них ничего даже при наибольшем увеличении микроскопа». Автор приводит настолько специальные материалы, что я, спустя более 100 лет, не рискую усложнять ими текст. Историки науки могут с полным основанием использовать материал романа для воссоздания естественнонаучных представлений биологической науки той поры. Паскаль то

увлекается медициной, то разочаровывается в ней. Он болезненно переживает неудачи в лечении.

Для врача очень интересна логика его научных экспериментов. Паскаль активно работает в анатомическом театре, получая при этом бесценные сведения о многих заболеваниях, о развитии плода на разных стадиях, о врожденных и приобретенных болезнях. До сих пор подробный расспрос больных о заболеваниях в роду является серьезным подспорьем в диагностике. Клинико-патологоанатомические конференции, помогают установить истину, исправить ошибки в диагностике и лечении, что не утратило значения до сегодняшнего дня. Пожалуй, доктор Паскаль чересчур хорош и совершенен, чтобы выглядеть реальным. Он отказывается от всего во имя науки и больного. И только на склоне лет у него возникает нежная романтическая любовь к своей молоденькой племяннице и единомышленнице Клотильде. По-видимому, в этом эпизоде нашла отражение любовь самого автора к юной Жанне Розеро. Доктор Паскаль – любимый герой Золя. По существу, доктор Паскаль исповедовал только одну веру – веру в жизнь: «В душе Паскаля, близко видевшего болезни и смерть, пробуждалось воинствующее сострадание врача. Его заветной мечтой было оздоровить человечество, ускорить наступление всеобщего счастья». Он считал, что «наследственность определяет лицо мира, поэтому если бы удалось ее изучить, овладеть ею, подчинить себе – мир можно было бы создать по своему усмотрению». В устах Золя это светлые и добрые мысли. Но задумаемся о «выведении новой породы людей» – что это напоминает? Так опасны и близки друг к другу одинаковые походы при разных целях. Больные встречают Паскаля «как спасителя, как долгожданного мессию» Он и сам радовался, если лечение оказывалось успешным: «Но продлить ему жизнь хоть немного – это тоже чего-нибудь стоит!» Уходя после осмотра и лечения прозябающей в нищете семьи, «Паскаль оставил на столе 20 франков. Ему часто случалось платить своим больным, вместо того чтобы получать от них за визиты». В современной жизни такие эпизоды представляются чистой фантазией, между тем в прошлом они действительно случались. Так поступал киевский профессор □Ф.Г. Яновский, которого равно уважали и любили жители Киева вне зависимости от вероисповедания. Так поступал мой дед, земский врач, о чем вспоминали его коллеги и пациенты.

Доктор Паскаль думает о границах дозволенного, возможно ли «исправить природу, вмешаться в нее, изменить ее... Вылечить человека, отсрочить его смерть ради него самого

продлить его жизнь в ущерб всему роду человеческому – не означает ли это разрушить то, что наметила природа?»

Мысль об эвтаназии в том или ином виде занимала воображение и людей предшествующих эпох, оставаясь до сих пор небесспорной. В то же время: «...конечно, я по-прежнему мечтаю облегчить страдания, устранить их!.. Я не могу видеть страдания, прихожу в исступление от зрелища этой чудовищной, бессмысленной жестокости природы. И я лечу только для того, чтобы люди так не мучились».

Как мыслящий врач он постоянно искал, отвергал и вновь искал. Наряду с определяющей ролью наследственности в развитии живого, доктор Паскаль пришел к выводу: «Человек живет только благодаря взаимодействию с окружающей его внешней средой, получаемые извне ощущения преобразуются им в действия, мысли, поступки... Доктор убедился на собственном опыте, что работа лучший регулятор жизни». Вряд ли кто-то сможет оспорить это не утратившее значения утверждение.

Доктора Паскаля очень волновали эволюционные процессы. «Осуществляется ли с течением веков физический и духовный прогресс? Увеличивается ли мозг по мере того, как растут научные познания?» Учеными проведены сравнительные определения веса и структуры мозга на протяжении веков – принципиальные различия не найдены. Можно ли, в самом деле, считать человека XXI века умнее Сократа или Рамбама, Леонардо да Винчи или Демокрита? Думается, ответ очевиден. Впрочем, возможно, для эволюционных изменений еще прошло слишком мало времени.

Несмотря на важную роль наследственности в жизни человека, его успехах, взлетах и падениях, немалое значение имеет и влияние среды, окружения. Именно сочетание обоих факторов определяет и контролирует существование и развитие всего в природе.

С документальной точностью описана предсмертная болезнь доктора Паскаля: «Мучительная боль не проходила, а онемевшая левая рука оттягивала плечо, словно была свинцовой... Лежа в мучительном полубытьи, Паскаль отдался далеким, смутным надеждам, как вдруг почувствовал, что где-то глубоко в груди возникает новый приступ... Больной успел проговорить, до того как начал задыхаться: сделайте впрыскивание...». Даже находясь в тяжелом состоянии, сознавая это, он руководит лечением и, более того, делится с учеником и другом, доктором Рамоном, профессиональными задумками, сомнениями и тревогами. Кстати, врачи, болея, не всегда сохраняют

профессионализм, и это также отразил Золя в других эпизодах романа.

В сентябре 1891 года Золя с женой отдыхал в Пиренеях, заехали в Лурд. Писатель о пережитом во время путешествия поделился с Эдмоном Гонкуром: «Вид всех этих больных, увечных, вид умирающих детей, которых принесли к статуе, людей, распростертых на земле в молитвенном экстазе... вид этого города веры, порожденной галлюцинацией 14-летней девочки, вид этого средоточия мистики в наш век скептицизма...». Золя потрясло увиденное. У него тотчас возник замысел романа.

В основе сюжета романа: история детской дружбы будущего аббата Пьера Фромана и Марии де Герсен. Коллизии их взаимоотношений в значительной мере романтические, идеалистические, далекие от реальности. Мария, будучи еще ребенком, упала, повредила ногу и осталась прикованной к постели. Возвратившийся после учебы в родной город Пьер Фроман, ставший священнослужителем, но чувствующий серьезные сомнения в вере, встречается с Марией и проникается состраданием к ней. Попытки помочь давней знакомой приводят его к желанию поехать с девушкой в Лурд, известный в народе своими чудесами.

Внимательное прочтение романа убеждает в попытке автора научно осмыслить происходящее в Лурде, понять его истоки. Перед трудной многочасовой поездкой в Лурд Марию осмотрели «двое врачей, давно пользовавших больную, – один, констатировавший разрыв основных связок, другой – паралич, вследствие поражения спинного мозга, – сошлись во мнении, что у Марии паралич и, возможно, некоторые нарушения со стороны связок». Но был еще один осмотр – молодого пытливого доктора, малоизвестного, имевшего репутацию чудака: «Он измерил зрительное поле больной, незаметно, путем пальпации, выяснил, что боль локализовалась в левом яичнике и при нажиме подступала к горлу тяжелым клубком, который душил девушку. Он не придавал значения диагнозу своих коллег о параличе ног». Он считал, что больная, несомненно, исцелится, приехав в Лурд, так как очень в это верит: «Он даже предсказал, как произойдет чудо: это будет молниеносно, больная очнется после состояния сильнейшего возбуждения, и адская боль, которая мучит девушку, вспыхнув в последний раз, внезапно исчезнет, словно вырвавшись наружу с ее дыханием». Золя описывает множество историй болезни, трагедии несчастных. Исцеление выпало на долю немногих страждущих, на таких, как Мария, болезни которых не были органическими, а имели в основе глубокую истерию.

Эмиль Золя в романе касается не только проблемы врачевания, но и суеверий, причины их возникновения. Он задумывается над весьма сложным вопросом: нужно ли «отказывать человечеству в иллюзиях... во лжи, в надежде на потусторонний мир?» И далее: «по мере того как наука идет вперед, увеличивается доля реального и уменьшается доля идеального... Романист должен уметь подойти к самой границе идеального и реального». Он пишет об усилении веры в чудеса в переломные периоды, когда жизнь оставляет мало надежд и требует сложных решений и больших усилий.

Многогранное творчество Золя, его неравнодушие к жизненным коллизиям, умение не говорить, а делать, не боясь ответственности, вызывает огромное уважение.

Мне хотелось рассказать о медицинских темах в творчестве романиста, подчеркнув особую четкость, научный подход и даже профессионализм при описании заболеваний.

Важна для нас и его смелая позиция в «деле Дрейфуса», за участие в котором, он, возможно, поплатился жизнью. Слишком туманна версия о «забитом дымоходе» и отравлении угарным газом, что случилось 28 сентября 1902 года...

Литература

1. Гербстайн А.В. Эмиль Золя. В кн.: *Писатели Франции*. Составитель Е.Эткинд. Москва: *Просвещение*, 1964.
2. Золя Эмиль. *Собрание сочинений в 26 томах*. Госуд. изд. Художественная литература, 1960.
3. Лану Арман. *Здравствуйте, Эмиль Золя*. Москва: Прогресс, 1966.
4. Лихтенштейн И. Медицинская тема в творчестве Эмиля Золя и личность писателя. *Долгожитель*. Приложение к газете *Новости недели*, 28 июня 2007.
5. Нордау Макс. *Вырождение*. Издательство. Республика, 1995.
6. Пузиков А. Жизнь Золя. В кн.: *Портреты французских писателей*. Москва: Художественная литература, 1981.
6. Труайя Анри Эмиль Золя, 1993, М.»Эксмо»
[7http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/1971/%D0%97%D0%BE%D0%BB%D1%8F](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/1971/%D0%97%D0%BE%D0%BB%D1%8F)

Григорий Фридман

Чета Рэтлендов в роли Шекспира

(публикуется в порядке обсуждения)

Вместо предисловия

несколько слов "по поводу". Эта статья – третья о так называемом "шекспировском вопросе" в журнале "Семь искусств", а всего – уже пятая по данной теме на портале "Заметок по еврейской истории".

Начало положил Виктор Вольский статьей "Мистификация Тысячелетия" ("Заметки по еврейской истории" №12, 2008). Статья его, может показаться, представляет собой пересказ одного источника, о чем говорит лукавое примечание: "В статье использованы материалы из книги «Alias Shakespear» (Псевдоним Шекспир). Приношу глубокую благодарность ее автору Джозефу Собрану". На самом деле в статье много мыслей Виктора Вольского. Например, отмечен характерный взгляд всех "нестратфордианцев": "Вопиющее несоответствие между полуграмотным провинциальным бюргером – и великим писателем и поэтом, тончайшим стилистом и знатоком придворного мира, настолько било в глаза, что сомнения в авторстве стратфордца зародились еще в XVIII веке". В статье приведен целый ряд параллелей между биографиями графа Оксфорда и прошлым персонажей пьес Шекспира. Только места для критики "Оксфордианской версии", естественно, не нашлось.

Критикой занялся автор этих строк в громоздкой статье "Авторы Шекспириады (новейшая, лучшая и традиционная версии)" – Заметки по еврейской истории", 2009, № 9.

Статья содержит три части:

1. Критическое рассмотрение версии авторства (соавторства с Шекспиром) Эмилии Ланье (она же Амелия Ланьер, урожденная Бассано).

2. Скептический взгляд на версию авторства Эдварда де

Вера, 17-го графа Оксфорда.

3. Панегирическое изложение аргументов в пользу традиционной версии: "Шекспир – он Шекспир и есть", - включая толику соображений автора.

Работа Ури Андреса "Шекспир и его герои" ("Семь Искусств", 2010, № 5) заинтересует и взрослых читателей, и будет отличным подарком школьникам или составителям хрестоматий по литературе. Статья включает биографию Шекспира, представление о "шекспировском вопросе" и рассказ о нескольких пьесах классика. Может возникнуть старый каверзный вопрос, что лучше: немного о многом, или многое о немногом? Одно привлечет начинающего эрудита, другое - исследователя. Все сойдется.

Б.М. Тененбаум начинает свою увлекательную статью "Кем был Шекспир?" ("Семь искусств", 2012, № 1) с философского учения Френсиса Бэкона, не обсуждая его кандидатуру на роль подлинного Шекспира. Б. Тененбаум обращает внимание на выбор пути расследования проблемы и принимает рекомендованный великим философом один из методов научного поиска – метод исключения. Далее автор рассматривает кандидатуры Эдварда де Вера графа Оксфорда, затем "скромного и застенчивого" графа Рэтленда и вариант, описанный Б. Филдсом (граф Оксфорд сотрудничал с Шекспиром). Несколько кандидатов Б.Тененбаум исключает из списка, как явно не достойных. "Что у нас есть в сухом остатке?" – спрашивает автор.

В итоге ситуация обрисована, а "шекспировский вопрос" пока остается открытым. В утешение читателям Б. Тененбаум выразил уверенность: кем бы ни был Шекспир, его произведения будут жить вечно!

Нам остается продолжить обсуждение темы.

ГФ

В 1997 году в России родилась сенсация, которую критики сторяча назвали "взрывом бомбы в шекспироведении": вышла книга И.М. Гилилова, а в заголовке её – намек на разгадку великой Тайны! Автор – на радость "нестратфордианцам" – доказывал, что Шекспир был маской графа Рэтленда с его супругой заодно. Приспешники, которые спешат, они же приверженцы "рэтлендианской гипотезы", заговорили вскоре о выдвижении "открытия века" на Нобелевскую премию! Возникли, конечно, и оппоненты – набросились из интернета и даже из академических кругов. Английский перевод книги был принят без восторгов. Теперь остались воспоминания и проблема, этично ли критиковать

версию Гилилова, когда создатель её уже не может ответить.

Во-первых, заметим, автор книги все же успел возразить и на критику акад. Н.И. Балашова, изложенную в большой брошюре, и на колючие замечания шекспироведа д-ра Б.Л. Борохова. Только возражения Борохова ни Гилилову, ни его последователям опровергнуть по сути не удалось. Во-вторых, вспомним суждение нобелиата акад. В.Л. Гинзбурга, который полагал, что критика неуместна лишь во время похоронных церемоний, а далее – всё должно быть расставлено по своим местам. Пока этого не произошло, читатели вспоминают версию Гилилова как потрясающее открытие. Между тем, доносится с острова, английские шекспироведы называют рэтлендианскую версию "крохотной провинциальной ересью". Любопытно, что они знают о 5-м графе Рэтленде такого, что было неизвестно И.М. Гилилову? Соотечественники Великого Барда давно переболели анти- или нестратфордианскими "теориями".

Шекспировед и переводчик И. Пешков утверждает:

"В западном шекспироведении Ратленд (так у И. Пешкова – ГФ) практически никогда не рассматривался в качестве серьезного кандидата в Шекспиры".

В российской и русскоязычной прессе продолжается обсуждение разных "нестратфордианских гипотез", в том числе версии, предложенной шекспироведом И.М. Гилиловым. В качестве свежего примера назову уже упомянутую выше публикацию Б. Тененбаума "Кто был Шекспиром?" Но вместо пересказа, конечно, лучше отослать читателя к первоисточнику и продолжить обсуждение версии, которую Б. Тененбаум, и не он один, видимо, все еще считают перспективной.

Книга И.М. Гилилова "Игра об Уильяме Шекспире, или великая Тайна Феникса", отдадим ей должное, богата интересными, преимущественно литературными материалами. Их, на мой взгляд, хватает с лихвой и на то, чтобы опровергнуть целый ряд заблуждений самого автора этой книги. И. Гилилов, конечно, не претендовал на первенство в открытии рэтлендианской гипотезы, известной с конца XIX века, не был непогрешимым корифеем. Критики накопили немало ошибок в его книге. С логикой в бестселлере увлекающегося ученого не всегда порядок.

Для начала отмечу неувязки в одном только заглавии его популярной книги:

1. В русском языке не говорят: "игра об...", – можно "играть во что-то", скажем, в футбол, в шахматы, в дочки-матери и т.д. Оригинальности и завлекательности неуместный здесь предлог

"об" не добавляет.

2. Правильно не "Феникса", а "Феникс". Сам И.М. Гилилов установил: птица эта, в данном случае, – женского рода, поэтому в заглавии должно быть: "Тайна Феникс".

3. По предположению автора книги, псевдоним "Шекспир" – это не только и не столько маска Феникс, но, главным образом, – личина Голубя, то бишь Роджера Мэннерса, графа Рэтленда. Его имя почему-то отсутствует в заголовке, Феникс в одиночестве, хотя в книге речь идет больше всего о нем и совсем мало о его жене. Заглавие, как известно всем соискателям, должно быть скромным и соответствовать содержанию труда.

4. Феникс, по Гилилову, выступала якобы не только под маской Шекспира, но и под именем вдовы капитана Ланье. Однако это ничем не подтверждено и крайне сомнительно ввиду одиозного прошлого вдовы, бывшей содержанки старика лорда-камергера Генри Хансдона.

5. Пышный эпитет "великая" в приложении к "Тайне" – весьма спорная интерпретация И.М. Гилилова. Супругам, особенно графу Рэтленду, было что скрывать, но их "великие тайны" широко известны и вызывали у современников только насмешки (см. "Возвращение с Парнаса")...

Книга И.М. Гилилова не проста по конструкции, порядок изложения выглядит как нарочитый художественный беспорядок. Основной текст начинается "за упокой" подразделом "Поэма-реквием", затем является подозреваемый в присвоении чужого авторства Шакспер из Стратфорда-на-Эйвоне; в середине книги, в главе третьей, рассказана биография главного действующего лица, графа Рэтленда; в конце идет возвращение к началу, опять к сборнику "Жертва любви" Роберта Честера, который и завершает рамочное построение. Содержание книги состоит, в основном, в обсуждении литературных источников, которые по замыслу должны подтвердить, что граф Рэтленд с супругой – тайные авторы шекспировского канона. Однако художественная литература (исключая, может быть, мемуары) содержит преимущественно правдоподобные художественные вымыслы и является слишком зыбкой основой для идентификации личности автора. Так случилось, что центральная опора версии И. Гилилова рухнула под тяжестью весомого хронологического аргумента, предъявленного Б. Бороховым. Сборник Честера, оказалось, к чете Рэтлендов не имеет отношения. Приведу лишь одно замечание доктора Борохова:

"Почему факт существования списка Драммонда (перечня книг, прочитанных писателем, современником Шекспира,

– ГФ) остался Гилилову неизвестным, я не знаю, однако, по каким бы причинам это ни произошло, этот трижды опубликованный список неопровержимо доказывает, что сборник Роберта Честера существовал уже в 1606 году, то есть как минимум за 6 лет до того, как граф и графиня Рэтленд покинули этот мир... Но если так, значит, этот сборник не является и доказательством того, что они были Шекспиром".

Так строгая дама Хронология в очередной раз подставила ножку антистратфордианцам.

Поучительны критические замечания аналитика Альфреда Баркова, основанные на его профессиональных познаниях в логике как теории доказательств. А.Барков напоминает, что метод индукции, если индукция неполная, не дает доказательства, а лишь наводит на гипотезы. Подвела неполная индукция И. Гилилова. А. Барков упрекает его и в использовании предположений или гипотез для доказательства других гипотез, отчего получаются "гипотезы в квадрате". Всё это верно, только удивляет у Баркова его поддержка версии "Шекспир-Марло", похожей на фабулу приключенческого романа.

В сборнике Роберта Честера помещена небольшая поэма "Голубь и Феникс". Её традиционно считают произведением Шекспира, поскольку опубликована поэма под его именем. Только с версией И. Гилилова авторство Шекспира не сопрягается. Получалось, будто "истинные авторы", супруги Рэтланды, после своей смерти оплакивали в поэме самих себя. Ведь они, по гипотезе И. Гилилова, и были Шекспиром. А Шакспир, родившийся в Стратфорде, якобы оказался подставным лицом. Гилилов нашел выход в предположении, что автором поэмы был не Шекспир, а драматург и поэт Джон Флетчер. Такой "поворот сюжета" сомнителен не только из-за недоказанного авторства Флетчера, но и потому, что у него, в отличие от маниакального конспиратора Рэтленда, не было резонов скрываться под маской Шекспира. Однако дата появления первой зафиксированной информации о сборнике Честера сделала проблему вообще неактуальной. Поэма Шекспира - не о Рэтлендах.

Кроме сборника Честера, а также "Парнасских пьес" (кстати, сочиненных в Кэмбридже, где учился Рэтленд), среди литературных источников И. Гилилов использовал и "Нелепости" некоего шута Томаса Кориэта, опубликованные при жизни графа Рэтленда. Тут в ход пошел примерно такой силлогизм: "Культурная/образованная часть английского общества обожала шутки, маски, розыгрыши. Рэтленд принадлежал к элите этого общества. Стало быть, он мог участвовать в сочинении фарсовых

книг Кориэнта". Следующий шаг – смелое умозаключение: "Кто сочинял коризэтовы "Нелепости", мог быть автором/соавтором грандиозного розыгрыша под маской Шекспира!" О, английский юмор!

Однако подтверждения участия Рэтленда в создании "Нелепостей" не существует. В "Нелепостях" нисколько не скрыто, что шут Кориэт – выдуманная фигура. Аналогии с игрой в Шекспира нет.

Нет смысла подробно пересказывать биографию главного героя книги – Рождера Мэннерса, 5-го графа Рэтленда (1576-1612). И. Гилилов подчеркивает эксцентричность мужчин рода Мэннерсов, ею он объясняет страсть Роджера к таинственности, секретности. На деле все обстояло проще. Граф был не столько эксцентричным, сколько эгоцентричным. А странности его вызывала болезнь.

И. Гилилов деликатно отмечает: "Рэтленд в молодости был интимным другом и соратником графа Саутгемптона...". Бывают друзья задушевные, загадочные, сердечные... Знал ли И. Гилилов все значения слова "интим"? Первая часть приведенного утверждения означает, что юный Роджер смолodu был гомосексуалистом, принадлежал, в определенном смысле, к группе риска. Может быть, тщетны оказались предостережения о "легкомыслии французов" Джона Джегона, кембриджского преподавателя и наставника Роджера? Возможно, оказались бесполезны и знаменитые "Полезные советы", составленные для Рэтленда философом Фрэнсисом Бэконом, главным его опекуном? Юноша с дозволения королевы отправился в путешествие на материк. Вскоре по прибытии в Италию молодой джентльмен тяжело заболел. Через месяц-другой после зачисления в Падуанский университет он страдал от какой-то лихорадки, написал завещание, оставил учебу, уехал в Венецию и далее.

Вот и вся "тайна, государственная тайна, великая Тайна!", как твердит автор бестселлера. По сравнению с истинной бедой сочинительство пьес было бы невинной забавой аристократа. Возможно, он заразился сифилисом. Неизлечимую тогда страшную болезнь скрывали, сколько можно. Церковь называла её Божьей карой за блуд, болезнь считалась греховной и позорной. Знаменитый целитель, химик и алхимик Парацельс уже изобрел мазь, которая замедляла развитие болезни, но вызывала отравление ртутью. Излечение стало возможным только в эпоху антибиотиков.

Возможно, это была другая, более редкая болезнь

(узелковый периартериит). В наше время группа американских медиков поставила такой гипотетический, по словам врача Л. Поляк, диагноз по портрету графа Рэтленда. Видимо, можно не сомневаться в квалификации врачей. Сомнения вызывают два обстоятельства. Парадные портреты писались для демонстрации благородства и красоты важной персоны. Было бы безумием художника изображать узелки и другие дефекты лица аристократа. Сомнительна и сохранность портрета возрастом в четыре века. Неизбежно потемнение лака, возможны осыпания красочного слоя и множество болезней самих картин. Но и названная болезнь человека (с неизвестным до сих пор возбудителем), тоже с высыпаниями на коже, с сильными болями и тяжелыми недомоганиями, неотвратимо заканчивалась тем же смертельным исходом.

После раздумий и колебаний блестяще образованный граф Рэтленд женился на Елизавете Сидни, между прочим, крестнице королевы. Резвая, остроумная девушка- подросток унаследовала от отца, великого Филиппа Сидни, поэтический талант. Возможно, по легкомыслию она согласилась на заранее оговоренный "платонический брак". Тут не к месту умилиение великой любовью "целомудренных" супругов, поскольку со стороны графа женитьбу следует считать большой подлостью. Другой подлостью эгоцентриста позднее стали его "чистосердечные признания" на суде после мятежа графа Эссекса. Показания Рэтленда, как заговорщика, обрекли его старшего друга-покровителя графа Эссекса и бывшего "интимного друга" графа Саутгемптона на смертный приговор, который был заменен тюрьмой для последнего. (Поэтому, наверное, и прекратились навсегда отношения Шекспира с графом Саутгемптоном). А граф Рэтленд отделался разорительным штрафом, позже прощенным. Затем он якобы оказался лидером мифической группы "поэтов Бельвуарской долины" (не путать с "литературной академией" во главе с Мэри Сидни, графиней Пембрук в Уилтон-Хаусе (графство Уилтшир, на реке Эйвон)...

Откуда совершенно секретная информация о болезни графа Рэтленда у российских шекспироведов? Появлялись такие сведения в публикациях видного шекспироведа, писателя и переводчика С.Степанова, автора книги о сонетах Шекспира, у полковника госбезопасности А.Баркова, писателя-историка О.Дмитриевой, еще у нескольких авторов. Но раньше... сам же И.Гилилов в своей книге привел эпиграмму поэта Джона Уивера – однокашника Рэтленда – "Эпитафию для покойного Галлио". В ней

говорится, что Галлио пожирает "французская болезнь". Эвфеизм понятный, а о Галлио И.Гилилов написал: "В студенческой пьесе "Возвращение с Парнаса" персонаж Галлио – живая шутовская маска Рэтленда ...За маской и шутовским именем Галлио скрывается Рэтленд – об этом говорит множество фактов". Какие факты имеются в виду, мы не знаем.

Кстати, предметом любви Галлио в "Парнасских пьесах" названа некая Лесбия, чье необычное имя содержит прозрачный намек.

Далее И.Гилилов приводит малоубедительное осуждение "раблезианской шутки" поэта Уивера, иронизирует и ставит точку над і: "За что же признателен Галлио поэту Джону Уиверу? За то, что тот в своей эпиграмме-эпитафии заживо похоронил его, отправил на виселицу, обозвал сифилитиком? Нет...". Слово не воробей, вылетело...

Итак, студенты и "университетские умы" плевали с высокой колокольни на приличия и "гостайны". Дерзкая шутка Джона Уивера похожа на правду и подтверждается поведением Рэтленда и летальным исходом его болезни.

Идиллические отношения графини Елизаветы Рэтленд с мужем "не всегда были безоблачными". Роджер мог оскорбить любимую супругу, сделав ей выговор в присутствии Бена Джонсона за то, что она принимала поэта за своим столом. Представьте себе лик измученного, похожего на смерть, злобного, несчастного больного, и вы войдете в их положение. Лет пять с перерывами Елизавета жила у своей тетки Мэри Сидни, графини Пембрук. Вернулась в Бельвуар по требованию мужа примерно за год-два до смерти. У И.Гилилова не нашлись ответы на простые вопросы.

Почему Рэтленда похоронили, не открывая для прощания гроб? Ради конспирации? Подложили в гроб другого "жмурика"? Не смешно. Скорее, нельзя было показывать жуткое лицо графа.

Почему жена не присутствовала на похоронах мужа? Не потому ли, что он отомстил ей за уходы из замка, не завещал ни пенни? Скорее всего, она и покончила с собой, не желая бедовать нищей вдовой сифилитика (как бы ни называлась в наше время его болезнь).

"Смерть и похороны четы Рэтленд окружены небывалой таинственностью" – сообщает И.Гилилов. Ах, тайны, надуманные тайны, трогательная платоническая любовь до гроба!

Версия Гилилова была попыткой укрепить рэтлендианскую гипотезу. Изначально "теория" опиралась на

некоторые, казалось, не такие уж слабые с виду аргументы, не случайно гипотеза так увлекла исследователя.

Люди нередко находят именно то, что они ищут. Многолетние поиски доказательств того, что автором произведений Шекспира был граф Рэтленд (возможно, с супругой) привели И.М. Гилилова к оригинальному логическому выводу. Поскольку следы литературной и околотитулярной деятельности сиятельной четы были практически незаметны, пришлось предположить, что граф был великим конспиратором. Он, ясное дело, творил под непроницаемой завесой Тайны. Оставалось обосновать это предположение фактами. Их было, по сути, маловато: вариант песни из "Двенадцатой ночи", которую написал или, может быть, переписал граф Рэтленд, или кто-то другой. Это было открытием проф. П.Пороховщикова, сделанным в архиве замка Бельвуар, резиденции графов Рэтлендов. Конечно, к одной песне присоединить все творчество Шекспира затруднительно. Ни одной достоверной строчки графини Елизаветы Рэтленд не найдено.

Известны многообещающие косвенные доказательства: Рэтленд бывал в Италии, в Дании, мог в Падуе познакомиться с однофамильцами персонажей "Гамлета"...

До первой мировой войны бельгийский историк Селестен Демблон обнаружил в списке студентов Падуанского университета, где учился (или числился) пару месяцев Рэтленд, имена студентов из Дании – Розенкранца и Гильденстерна. Открытие стало сенсацией. Много лет спустя И.М.Гилилов в своей книге восклицал в упоении: "Розенкранц и Гильденстерн!"

Да был ли с ними знаком Рэтленд? Неизвестно, но могло быть. Интуиция подсказывала, что совпадение не случайно. Похоже, граф Рэтленд – истинный автор "Гамлета"!

Гилилов пишет: **"Их имена (Розенкранца и Гильденстерна – ГФ) вряд ли могли быть вычитаны драматургом из датских книг и хроник. Здесь практически исключается и вероятность случайного совпадения..."** Далее он повторяет за другими исследователями, что после поездки Рэтленда в Данию (1603 г.) во втором издании "Гамлета" появился ряд датских реалий. Видимо, тоже не случайно. Многие бы с Гилиловым согласились. Нарком просвещения А.В. Луначарский, причисленный к ареопагу вождей, по совместительству – лит. критик, в 20-е годы прошлого века писал: **"Так много совпадений нельзя объяснить иначе, как тем, что автором являлся Рэтленд... тут почти невозможно спорить"**.

Большевики сразу после революции исключили логику за ненадобностью из школьных программ, но нарком, видимо, выучил ее еще в гимназии и вставил осторожное "почти". Это "почти", как и "вряд ли" Гилилова, оказались заблуждениями.

В тяжелейшем 1943 году британский консул в Москве переслал в г. Киров (ныне снова Вятка) подарок от жителей городка Дагенхейм – в рамках дружеской акции английского народа – несколько книг. Среди них оказался раритет – книга на латинском языке Гаспара Энса "История войны Дании и Швеции в достопамятном изложении", изданная в 1593 году во Франкфурте-на-Майне.

Прошло всего лишь около шестидесяти лет, как сотрудники кабинета-музея старой западноевропейской книги при Вятской областной библиотеке поинтересовались содержанием книги. Оказалось, в тексте встречаются знакомые имена: Полония и Лаэрта, Гильденстерна и Розенкранца! Клавдия, Офелии! и некоторых других действующих лиц трагедии "Гамлет". В книге имеются замечательные гравюры, на которых представлены замок Эльсинор и портреты некоторых упомянутых выше персон! Это ответ на вопрос, откуда в пьесе имена и датские реалии. Не "вряд ли из книг и хроник", а несомненно из книги Энса! Круг богатых людей в Англии, которые могли приобрести эту книгу и показать её Шекспиру, конечно, не ограничивается графом Рэтлендом. Мог показать ему книгу и другой граф, только мы не знаем, как его звали. Шекспир переделал "ПраГамлета", который предположительно принадлежал перу Томаса Кида, через 7 лет после выхода книги Энса. Он будет дорабатывать пьесу, позднее свой вклад внесут редакторы Великого Фолио графиня Мэри Пембрук и Бен Джонсон, и получится мировой шедевр.

Вятская находка уменьшила и без того скромные шансы графа Рэтленда на лавры Великого Барда. Не лишне будет добавить, что Рэтленд в молодости был известен как меценат, а меценаты как будто не замечены в систематическом сочинении пьес, писании картин и тому подобном труде. У них иной профиль: они заказывали музыку, советовали и, главное, платили.

Роджер Мэннерс 5-й граф Рэтленд не оправдал чайный рэтлендианцев.

Поскольку читатели будут разочарованы отсутствием решения "шекспировской проблемы", я хотел бы написать еще статью об "истинном Шекспире", о коем давно догадывался И.М. Гилилов.

ЛИТЕРАТУРА

И.М.Гилилов. Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна великого Феникса (2-е изд), 2000

Балашов Н. И. Слово в защиту авторства Шекспира // Академические тетради. 1998. № 5

А. Барков. К проблеме относительности в филологии, 2001, интернет

Б. Борухов. Гипотеза И. Гилилова о Честеровском сборнике опровергнута, 2005, интернет

Е.А.Малышева. Шекспир who is who? Вятские записки, 2004, №7

И.Пешков. Опечатка или ключ к имени автора, НЛО, 2010, №105

В.Куллэ, Уильям, потрясающий корьем, Новый мир, 2009, №8

Б.М.Тененбаум. Кем был Шекспир? "Семь искусств" 2012 №1(26)

Wikipedia. Shakespeare authorship question.

Борис Рублов

Мой мир оперы

Часть вторая

ПОЮЩАЯ ЕВРОПА

В сентябре 1998 года местом нашей жизни стал город Кёльн – крупный центр земли «Северный Рейн – Вестфалия».

Кёльн очень пострадал во время войны, но теперь полностью восстановлен.

Перед нами постепенно открывалась панорама древнего города на Рейне. Величественная река, каменные набережные с широкими мостами, множество церквей, небоскрёбы и маленькие ухоженные домики, парки и скверы, разноцветные автобусы и трамваи.

Рядом с вокзалом расположен знаменитый готический Кёльнский собор, две высокие башни которого упираются в плывущие облака.

Один из красивейших в мире соборов - ДОМ гипнотизирует и привлекает не только красотой и величием. Он главный источник церковной музыки, которая звучит в разное время дня. В ДОМе бывают концерты органной музыки. Рядом расположена небольшая площадь, названная именем Генриха Бёлля. В центре её — необычное архитектурное сооружение, возведенное по проекту всемирно известного ландшафтного скульптора и архитектора Дани Каравана – памятник жертвам Холокоста.

Возле памятника – небольшой охраняемый во время концертов участок площади, под которым в глубине земли скрывается огромный зал Филармонии - чудо архитектуры и акустики. Это один из самых современных концертных залов - дар небес для любителей музыки, в котором, имея скидку, пожилые, малообеспеченные люди могут наслаждаться игрой самых выдающихся мировых музыкантов.

Потом в кругу близких друзей мы обсуждаем концерты, преимущественно вокальной музыки.

Несмотря на преклонный возраст, я не перестаю восхищаться старыми и новыми вокальными шедеврами и новыми поколениями исполнителей.

Эти встречи и поддержка друзей, среди которых есть оперные меломаны и писатели, позволили мне объединить ранее написанные заметки в большой очерк, который я решаю представить на суд читателей.

Публикации предшествовала длительная работа в музыкальном отделе Кёльнской городской библиотеки, где берут напрокат аудио или DVD-диски. Их можно копировать с помощью компьютерной программы с красивым названием: «Неро-Рим в огне!».

Можно создавать коллекцию собственных записей с видеозаписей с помощью копировальной компьютерной техники.

Таким образом, я могу считать себя своеобразным наследником известного киевского коллекционера и моего первого «просветителя» Сергея Николаевича Оголевца, светлые воспоминания о котором, как и память о друге – выдающемся учёном и писателе Юрии Яковлевиче Фиалкове вошли в первую часть этого очерка.

1. Три тенора

Приехав на постоянное место жизни в Кёльн, я первым делом постарался выбрать наиболее интересные оперные записи, чтобы познакомить с ними своего друга. Мне помогла книга выдающегося тенора Лучано Паваротти: «Мой мир» («Вагриус», Москва, 1995). В предисловии Уильяма Райта перечисляются имена наиболее известных оперных певцов двадцатого века, среди которых – три тенора: Пласидо Доминго, Хосе Кареррас и Лучано Паваротти.

Современный триумф оперы связан не только с традиционными сценическими постановками. Он воплотился на эстраде при выступлениях этих трёх певцов. Созданному трио для концертов «и неба было мало, и земли» – эфира, телеэкранов разных стран, включая Китай, стадионов, пляжей, даже одного острова. Пример, когда шоу-бизнес обратился высоким искусством.

В своей книге Паваротти писал, что объединение трёх выдающихся, но предельно перегруженных и разных по стилю исполнения певцов стало возможным только на основе дружбы. Кареррас заболел лейкемией, но поддержка друзей помогла ему выздороветь и принять участие в несравненном трио теноров.

Когда раком заболел сам Лучано, усилия и молитвы миллионов его поклонников оказались тщетными. Из Модены, где он родился и жил, весь мир узнал горестную весть о его смерти.

Три тенора

Паваротти часто включал в свои концерты арию памяти Энрико Карузо, и в дни прощания с легендарным тенором запись этой арии стала реквиемом по самому Паваротти. Скорбь миллионов поклонников и похороны легендарного тенора в Модене обернулись ещё одним триумфом оперы.

Позже нам с женой посчастливилось побывать в этом красивом итальянском городе, где на городском кладбище рядом с могилой отца покоится прах Лучано Паваротти.

Отношение нынешних выдающихся классических музыкантов к трио теноров – не однозначно. Некоторые считают, что их выступления снижает высокую планку классической музыки. Но мне кажется, что популярное исполнение оперы и других музыкальных классических искусств повышает культуру современного общества.

Это хорошо показано в передачах Сати Спиваковой: «Нескучная опера».

Классический музыкальный ансамбль трёх теноров можно рассматривать, как одно из первых крупных объединений шоу-бизнеса.

Лучано Паваротти сделал ориентировочные подсчёты доходов, не приводя цифр.

Концерт на стадионе в Термах Каракаллах в Риме с оркестром Лос-Анджелеса под управлением Зубина Мета транслировался на сто семь стран мира, и его услышали,

примерно, два миллиарда человек.

Колоссальную прибыль принесли великому Паваротти длительные гастролы его музыкальных коллективов в Китае.

Феноменальный успех гастролей в последствии привёл к созданию самого крупного в мире китайского театрально–концертного комплекса. Уникальное здание комплекса, гигантский эллипс из стекла и титана рядом с искусственным озером - «Жемчужина на воде», объединяет четыре зала: две оперы – европейскую и национальную, залы для концертов и для современного искусства.

Честь открытия оперы в 2007 году была предоставлена Валерию Гергиеву, поставившему «Князя Игоря» Бородина.

За последующие годы в театральном комплексе побывало более 80 тысяч артистов. В ближайшее время начнутся гастролы китайских музыкальных коллективов в европейских странах.

2. Трагизм Марии Каллас

Для любого поклонника оперы свято имя Марии Каллас, которая незадолго до смерти была названа *La Divina* – «Божественная». Среди сорока спетых ею партий мало комических. Недаром она считала драматическим свой талант. «Лючия ди Ламмермур» Доницетти, «Норма», «Пират», «Пуритане» Беллини, «Травиата» Верди, «Весталка» Спонтини, «Медея» Керубини, «Тристан и Изольда» Вагнера, и т.д.

В Киеве в конце прошлого века я имел только аудиозапись «Лючии», в которой главные партии исполняли Мария Каллас и её постоянный партнёр Джузеппе ди Стефано. Эта канонизированная запись навсегда войдёт в историю вокальной культуры

Никто не смог понять до конца природу этой гениальной трагической актрисы и певицы, образ которой пытался передать и Паоло Пазолини в своём фильме «Медея».

Мистическая женщина и певица, волшебница, несущая в себе трагедию ушедшего века, в котором ей суждено было стать воплощением легендарного, но никем не понятого до конца образа.

Каллас была гениальной певицей, с голосом в две с половиной октавы, необычным по качеству звучания – приглушенным, сдавленным в среднем регистре. Эти голосовые недостатки были одновременно и достоинствами, создавая особую драматическую колоратуру.

Тяжёлое детство, неудачное замужество, поруганная страстная любовь усилили её трагизм. Казалось, что Певица родилась для исполнения ролей женщин – жертв любви.

Ведомая роком, боясь потерять любовь Онассиса, она

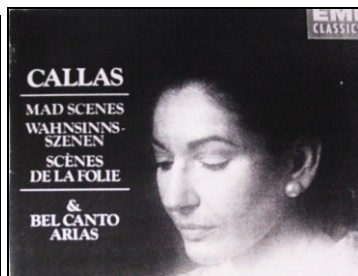
убила собственного ребёнка – сделала аборт.

Тайну гениального таланта Каллас унесла в могилу, скончавшись при невыясненных обстоятельствах в своём доме в Париже.

Видеозаписи с участием Каллас я впервые встретил в Кёльне.

Неудивительно, что я застыл перед телевизором, который транслировал небольшую передачу, посвящённую великой певице. Это были сделанные в Париже кинозаписи исполняемых Каллас арий из «Нормы» и «Сомнамбулы» Беллини, «Трубадура» Верди и «Севильского цирюльника» Россини.

Исполнение арий мне тогда показались очень сдержанным – я ещё не знал, что Певица в конце жизни исповедовала принцип – минимум движений на сцене и максимум выразительности.

Чёрно-белый фильм. На Каллас свободно ниспадающее платье, ожерелье и серьги. На лице застыла трагическая маска.

Вначале Певица обняла себя руками с длинными узкими пальцами.

Она пела знаменитую арию из «Нормы» - Каста Дива. Весталка Норма была окружена поющим хором.

Знаменитая ария звучала спокойно, казалось, что Певица размышляет вслух, покачиваясь, не сходя с места, прижав правую руку к груди.

Она спела ещё три арии, скупыми средствами входя в каждый образ.

На лице Леоноры застыла маска трагизма. При исполнении знаменитого *мизерере* поднялись руки, изобразив жест безнадежности. Но раздался звучный голос Манрико, и Певица с протянутыми руками двинулась к воображаемому возлюбленному. Сделала пару шагов. Голос замолк, и героиня, обняв себя, закончила арию, превратившись в статую.

Совсем другой Каллас была в двух последних ариях – абсолютно статуарной – живыми были только лицо и голос. Улыбающееся, кокетливое у Розины, сопровождаемое очень красивым низким голосом, и задумчивое с полуулыбкой у Адины из «Сомнамбулы», спетой с потрясающей лёгкостью и мягкостью на *меццо-вочче*.

Теперь я располагаю DVD - дисками с записями в Ютубе, которые дадут возможность оценить сценические выступления великой певицы.

Постаравшись закончить дела, я поспешил на свидание к «Медее» в магазин компакт-дисков «Сатурн».

На длинной полке предо мной были десятки коробок с изображениями великой оперной Дивы. Преобладали рисунки и фотопортреты, а внутри коробок стояли сотни дисков с чёрно-белыми фотографиями. Моим поискам помогли названия опер, в которых Каллас пела заглавные партии.

Неожиданно я наткнулся на диск фирмы EMI classics со скромным портретом Певицы и интригующей надписью: MAD SCENS & BEL CANTO ARIAS.

Сцены безумия! Теперь подобная тема мне была понятна. Композиторы 18 и 19 веков нередко отдавали свои музыкальные бренды героям, сходявшим с ума или, как говорят, «тронутым». Вспомните страстный, напряжённый стиль опер Винченцо Беллини с романтически мрачным колоритом действия, сценами сомнамбулизма и безумия в «Сомнамбуле», «Пирате» и «Пуританах». Безумными стали Лючия и Анна Болена, Нина из оперы Паизиелло, Семеле из одноимённой оратории Генделя, некоторые персонажи из опер Верди, герои «Сказок Гофмана» Оффенбаха, и другие...

На диске MAD SCENS с участием Каллас записаны два отрывка из II акта оперы «Анна Болена», восхищающие силой лиризма. Некоторые песенные места сопровождаются лёгкими ударами барабана. Это музыка из сцен, перед казнью безумной королевы Болены.

Полон скорби отрывок из IV акта малоизвестной оперы Амбруаза Томаса «Гамлет», - печальная увертюра, полная скорби.

В отрывке из оперы «Пират» звучит низкий голос Каллас с хором, а драматичный финал с арфой очень напоминает предсмертную арию из Лючии ди Ламмермур.

Опера заканчивается мощными барабанными ударами и контральтовым завершением арии Имогены (Каллас)

Счастливы те, кто слышал эти потрясающие музыкальные «безумия» из названных мной опер.

Как ни странно, но драматизм названных музыкальных отрывков лишён надрыва - страдания героинь передаются Певницей с тонким лиризмом, понятным слушателям во все времена.

Мой друг называл объединённые в этом диске арии в исполнении Каллас – «собранием чудес, невиданным сосредоточием вокальной гениальности».

Лючия ди Ламмермур – любимая мной опера, которую я слушал в разных исполнениях много раз, начиная с Евгении Мирошниченко в Киевском театре оперы и балета им. Тараса Шевченко.

В Кёльне мне удалось записать на DVD-диск двух исполнительниц предсмертной арии Лючии - француженку Натали Дессей и итальянку Патрицию Циофи (Ciofi).

Обе они поют великолепно.

Вскрытия вен (нарисованные кровавые полосы на теле) в обоих случаях были излишними, но голоса умирающих дев «так дивно звучали», что могли растопить в слезах зрительные залы, особенно в моменты вступления флейт и арф. В финале зрители дошли до иступления, и овации долго не замолкали.

Кто же оказался лучше, Натали или Циофи? Вокально обе пели изумительно, но более артистичной мне показалась француженка Дессей – маленькая, абсолютно беззащитная среди толпы вооружённых мужчин, она с первого выхода на сцену играла полную обречённость, а Циофи вызывала жалость своей длинной тощей фигурой, с выступающими венами на шее и теле. В ней чувствовалась театральность, она казалась профессиональной умирающей...

Очень интересно было бы знать, как играла эту сцену Мария Каллас, но я не уверен, что в архивах сохранилась полная кинозапись партии «Лючии» в исполнении гениальной певицы.

Что же даёт мне право называть великими двух певиц, одна из которых в 1977 году ушла из жизни, когда другой было всего 11 лет?

3. Музыкальная «археология» Чечилии Бартоли

Начну с неожиданного «открытия». Включив телевизор, я услышал божественное и при том очень темпераментное исполнение одной из арий Вивальди. Пела молодая, слегка полноватая, черноволосая, кареглазая девушка с красиво очерченным профилем и сияющей улыбкой.

Бурю восторга у слушателей вызвала волна фиоритур из арии, которая, как я позже узнал, называлась «Gelosia». Казалось, что в объёмной груди певицы спрятан маленький органчик.

В титрах появилось имя певицы – **Чечилия Бартоли**.

Будущая великая певица родилась в Риме 4 июня 1966 года

Её родители – оперные певцы, а мать – Сильвана Баццони, к тому же педагог по вокалу. Она первая определила голос Чечилии, как колоратурное меццо-сопрано. Огромная заслуга «домашнего» педагога не только в том, что она помогла дочери раскрыть свой редкой красоты голос, но и научила её постоянно прислушиваться к внутреннему «музыкальному инструменту», ежедневно работая над его «настройкой».

Так начался путь к высшему званию певицы – «синьора Совершенство» («Assoluta»).

В девятилетнем возрасте она впервые появилась перед римской публикой в одной из массовых сцен оперы «Тоска». Серьезные занятия музыкой начала в 17 лет – в Академии «Санта-

Чечилия». В 1985 году вызвала фурор на телевизионном шоу «Новые таланты», а широкая известность к ней пришла после парижского концерта памяти Марии Каллас.

Раскрытие яркого дарования Чечилии помогла работа с великими дирижёрами – Гербертом фон Караяном, Даниэлем Баренбоймом и Николаусом Арнонкурором, а также с певицей Катей Риччарелли...

В дальнейшем, карьера Бартоли развивалась стремительно: смена лучших оперных сцен и концертных залов, сотрудничество со знаменитыми дирижёрами – нашими современниками; некоторые из них – Баренбойм, Тибодде, Ливайн, оставляли на время свои коллективы – «откладывали дирижёрские палочки», ради того, чтобы выступить аккомпаниаторами на её сольных концертах – небывалая честь для молодой певицы, которая была способна своим удивительным даром доставить радость наиболее взыскательным маэстро!

Она с юных лет стала лауреатом престижных международных премий, включая, Диапазон, Эхо-Классик и Грэмми за выпущенные диски.

Все её последующие призы и почётные звания заняли бы четверть страницы данного текста.

Бартоли обладает природной артистичностью, поразительной энергетикой воздействия на слушателей. «Первой скрипкой» при этом, служит голос, но не только он – руки, мимика, изысканность нарядов. Её эмоциональность производит одинаково сильное впечатление на коллег – музыкантов, и на публику.

Овациям на её концертах нет конца; каждое выступление остаётся в памяти слушателей на всю жизнь. Однако, великим можно стать, только предвосхитив законы и традиции жанра. В области вокала это особенно ярко удалось Шаляпину, Карузо, Джильи и Каллас.

Чечилия Бартоли достигла выдающихся успехов не только в камерном и оперном исполнительстве, но и в архивных исследованиях, позволивших обнаружить забытые музыкальные шедевры прошлого. Эту важнейшую сторону её творчества я позволил себе назвать «музыкальной археологией».

«Несравненная» Чечилия постоянно работает в лучших мировых архивах, находит для себя забытые вокальные произведения и сама их исполняет. В этой области с ней пока никто не может конкурировать.

Творчество одного из самых выдающихся композиторов эпохи барокко Антонио Вивальди (XVII-XVIII вв.), создателя

многих концертов для струнных и духовых инструментов, скрипача, дирижёра и педагога, стало широко раскрываться с начала прошлого века.

Освоив профессию «музыкального археолога», Бартоли в библиотеках Турина нашла забытые вокальные произведения Вивальди, написавшего десятки опер!

«Это результат удивительного путешествия, полного открытий. Именно такие чувства испытала я, когда исследовала удивительные манускрипты опер Вивальди и шаг за шагом обнаруживала его шедевры, веками скрытые от слуха музыкантов и любителей музыки».

Найденные шедевры составили основу нескольких концертных выступлений певицы.

Один из примеров феноменальной техники Бартоли - исполнение арий из оперы Вивальди «Гризельда». Они записаны на диске «Live in Itali» и требуют фантастической виртуозности. Только Чечилия способна спеть столько нот без передышки. Этот «фонтан» фиоритур в шутку называют «органчиком Бартоли». Он для человека с фантазией может воплотиться в пение «сирены», голос которой позволяет забыть всё на свете.

Изумительно звучат отрывки из забытых опер Вивальди – «Орландо», «Оттон», «Леокаста», «Фарначи», и др.

«Фантастически талантливые», по словам Бартоли, произведения Сальери были найдены ею в Венской национальной библиотеке.

Одну из премий Грэмми (полмиллиона выпущенных дисков) певица получила за работу над наследием этого великого в прошлом, но потом почти забытого композитора, о котором до последнего времени вспоминали только в связи с загадочной кончиной Моцарта. В России версию о злодействе Сальери поддержал Пушкин, на Западе – кинорежиссер Милош Форман в фильме «Амадей».

Кстати, Моцарт занимает одно из первых мест в творчестве великой певицы, которой часто задают вопрос, зачем она стала «изменять» ему с Сальери? «Почему Сальери?» – так называется кинофильм, в котором Бартоли играет саму себя, а роль Сальери – не произнесший ни слова французский актёр Депардьё.

На Западе историки и музыкальные эксперты давно оправдали Сальери, тем более, что документы свидетельствуют о том, что современники не раз отдавали ему предпочтение, считая более «фундаментальным» маэстро, чем «легкомысленный» Моцарт.

К сожалению, версия убийства из ревности не предана забвению. Известный альтист и дирижёр Юрий Башмет сказал, что воздерживается от исполнения Сальери: – «а вдруг доля его вины в смерти Моцарта всё же существует?»

Бартоли с юмором относится к недоказанным обвинениям, и поступила как серьёзный исследователь, проследив в Венских архивах музыкальные и личные контакты Сальери. Начав с его учителя Глюка, перешла к Бетховену, Шуберту и девятилетнему Листу – все они оказались учениками Сальери!

Она выбрала для исполнения арии и отрывки из опер Сальери – «Армида», «Тарар», «Аксур», «Семирамида», и др.

В открытом после капитального ремонта театре «Ла Скала» сезон был начат первой написанной Сальери оперой «Признанная Европа».

Современные слушатели с интересом относятся к музыке Сальери, но отдают предпочтение любимому Моцарту.

Певица постоянно работает над ролями из его опер – «Дон Жуан», «Свадьба Фигаро», «Милосердие Тита», «Идоменей», а в опере: «Так поступают все» («Cosi fan tutte») – спела по очереди все сопрановые партии – Дорабеллы, Деспины и Фиордиллиджи, изменяя особенности голоса и сценическое поведение героинь. Подобные вокальные и сценические превращения в пределах одного произведения уникальны для искусства оперы.

«Запрещённой оперой» назван компакт-диск певицы, переносящий нас в барочный Рим 1706 года. В то время папство запретило театральные постановки, включая оперу, официально из благодарности за конец чумы, но в основном для установления контроля над свободолюбивыми артистами. Позднее женские партии были разрешены для исполнения певцам-кастратам. Музыка писали выдающиеся композиторы Альбини, Вивальди, Гендель, Корелли, Скарлатти и др.

Оперные произведения и оратории этих композиторов отличаются феноменальной сложностью.

Бартоли нашла эти произведения в архивах, оказавшись одной из немногих в мире певицей, способной их исполнять. Со сложнейшими пассажами она справляется играючи, причём, чем партия виртуозней, тем азартней исполнение. Бартоли часто выступает в операх Генделя, Глюка, Гайдна, и хотя её лицо и фигура женственны, прекрасно себя чувствует и в мужских нарядах.

Среди архивных находок Бартоли – ещё две интересных произведения: оперы «Нина» – композитора Паизиелло и оратория

«Семеле» – Генделя. Паизиэлло - предшественник Россини. Это ощущается в речитативах, и его лирическая героиня сходит с ума от любви. Партия Семеле – безумной содержанки князя, полна драматизма. Подобного темперамента не было в других ролях Бартоли.

В самом начале 2009 года Бартоли спела специально поставленную для неё в Цюрихском театре оперу «Клари», написанную в середине XIX века композитором Галеви. Героиней стала крестьянская девушка, в которую влюбляется высокородный то ли граф, то ли князь. Смесь гротеска, драмы и лирики – жанров, которыми прекрасно владеет певица.

В 2008 году поклонников Бартоли ждала радость – она записала альбом и диск «Мария», посвятив их выдающейся оперной звезде раннего романтизма Марии Малибран (урождённой Гарсия). Эта, по определению Бартоли, «мегазвезда оперы» приходилась родной сестрой Полине Виардо, любимой женщине Ивана Сергеевича Тургенева.

Мария была самой выдающейся певицей своего времени, композитором, художницей и журналисткой; её ранняя смерть в 28 лет оказалась печальным событием, потрясшим культурный мир.

Музейные изыскания Бартоли теперь стали достоянием не только избранных музыкантов, но и широкой публики: перед концертными залами городов, где выступала Бартоли, стоял автофургон – музей, посвящённый 200-летию Малибран. Осваивая репертуар примадонны, Бартоли с большим успехом исполнила арии и сцены из произведений Гуммеля, Лауро Росси, Жака Галеви, Мендельсона, – а на бис – знаменитую арию «Нормы» из оперы Беллини, вызвавшей у слушателей слёзы.

Немецко-французский телевизионный канал Arte передал программу, в которой Бартоли рассказывает о работе над культурным наследием Марии Малибран. Поражает география, широта и глубина её исследований.

Они включают посещения дома в Париже, где родилась певица, и примечательного места французской столицы – апартаментов Россини, создавшего Итальянский театр, в котором выступала и Малибран. С творчеством этой певицы связаны и три театра в Венеции, один из которых назван именем Марии Малибран.

В Неаполе Бартоли работала в театрах Сан-Карло и Меркандато, а также в библиотеке консерватории. В Брюсселе посетила Дом певицы и Королевскую консерваторию; в Риме – консерваторию Санта-Чечилия; в Лондоне – Королевскую

Академию музыки. Она ознакомилась и со многими частными коллекциями, в которых хранятся рукописи, портреты, рисунки, музыкальные инструменты и личные вещи певицы, похороненной в Пантеоне на кладбище Брюсселя.

Хранители музеев разных стран с глубоким уважением показывают наиболее ценные рукописи и письма Малибран, которые Бартоли свободно читает с листа на четырёх языках. Она прикасалась к клавишам роялей, на которых играла великая певица, примеряла одну из её диадем, фотографировалась с посмертной маской Малибран.

В посвящённом этой теме кинофильме Бартоли одновременно ведущая, экскурсовод и певица, разучивающая музыкальные программы, посвящённые Малибран, с таким же темпераментом, как при исполнении на сцене.

Чечилия Бартоли сознательно ограничивает свой репертуар – не поёт опер Верди, а также, Пуччини и других «веристов» – слишком хорошо известных и часто исполняемых композиторов. Она отдала предпочтение Вагнеру, приняв участие в «Нюрнбергских мастерах пения» и готовит роль Клеопатры в опере Генделя «Юлий Цезарь». В одном из интервью певица

сказала, что спела бы партию Кармен, но только в новой оригинальной музыкальной и сценической интерпретации.

Бартоли открывает забытые шедевры вокальной музыки и «настраивает» для их исполнения свой удивительный голос. Примеров подобного сочетания исследовательской и выдающейся исполнительской культуры мирового искусство ещё не знало.

Певица «уютно» себя чувствует в стиле «барокко», когда одновременно звучала музыка композиторов Порпора, Гассе, Кальдара и Скарлатти. Ей пришлось знакомиться со старинными руководствами и музыкальными инструментами.

Не так давно в зале Кёльнской филармонии мы слушали Бартоли, которая мужских костюмах исполняла музыку, написанную для кастратов.

Бартоли давать интервью. Её ответы на вопросы интересные и содержательные и часто оборачиваются увлекательными рассказами.

Так было и 20 августа 2011 г. на программе 3SAT.

Перед телеведущей сидела очаровательная молодая женщина. Её прекрасное лицо с карими глазами, римским профилем и постоянными улыбками излучало живость. Каждая фраза дополнялась жестами, превращая беседу в маленький театральный спектакль.

- Почему Вы редко меняете туалеты? - спрашивала ведущая.

- Я решила для каждого композитора иметь специальное платье. Для Вивальди и Глюка – красное, как сегодня, для Россини – голубое, для Моцарта – белое. Это приносит удачу.

- Что такое бельканто?

- Итальянское вокальное искусство 17-18 веков достигло совершенства благодаря кастратам. Фанатики итальянцы дошли до варварства и стали кастрировать в раннем возрасте мальчиков, чтобы их прекрасные голоса не менялись во время мутации, сохраняя высокий регистр и прозрачный тембр. После 15-16 лет голос становился сильным, и кастраты могли петь не только мужские, но и женские партии. На одном вдохе они исполняли сложнейшие пассажи, которыми были насыщены мелодии тогдашних оперных композиторов.

Потребность в женщинах исчезала, и сцена для них была закрыта.

- Говорили, что конкурировать с кастратами могла лишь одна венецианка Фаустина Бордони, у которой был уникальный голос – мощное контральто.

- Бельканто завоевало мир, пока в оперу не пришёл Вагнер. Говорят, что против высоких мужских голосов выступал и Мусоргский, но его тогда мало кто знал...

- Можете ли вы назвать самых лучших вокалистов – кастратов?

- Фаринелли и Кафарелли. Их обоих вырастил композитор Порпора. У первого из них был изумительный голос, очень длинное дыхание. Можно назвать и другие имена. Я в альбоме SACRIFICUM исполняю арии из репертуара певцов – кастратов VIII века.

- Есть ли у вас любимый человек, с которым вам тепло?

- Конечно, есть. Он поддерживает мою занятость и постоянное движение вперёд. Самое главное – найти свой способ подачи музыки и не стесняться в выражении собственных чувств. **Я уверена, что музыка – самое эротичное из всех искусств.** Моменты красоты и счастья – вот, что я хочу дать людям.

-Всевышний наградил меня голосом, хорошим инструментом приносящим людям радость...

Во время интервью Чечилия часто произносила известное всем слово «адреналин». Это один из гормонов, увеличивающий скорость восстановления энергии организма.

Певица символически связывает его с повышением творчества, новыми свершениями в искусстве.

Так получилось, что после интервью я прочитал у известной русской писательницы Людмилы Улицкой фразу, в которой говорилось о телесном переживании музыки, звуках, наполняющих череп и расширяющих его, о включении в теле неизвестного биологического процесса – вроде созидания мощного гормона в крови.

Эта фраза очень созвучна упоминанию певицы об адреналине - всё творчество Чечилии Бартоли кажется мне животворным.

В заключение повторю ранее сказанное.

Сравнивать творчество Каллас и Бартоли невозможно, они «несравненны» - одна - воплощение трагедии и грусти, другая – живости и радости жизни. Обе гениальны, но у Чечилии есть ещё много времени, чтобы убедить в этом весь мир.

4. Оперные звёзды XXI столетия

Как известно, число звёзд на небосклоне сосчитать невозможно. Мне посчастливилось стать свидетелем восхождения некоторых наиболее ярких оперных звёзд.

Начну с талантливой, умной и красивой русской певицы

Анны Нетребко, заслужившей бесконечное число почётных званий и международных наград, которые трудно перечислить, и о моём любимом, тоже прославленном молодом мексиканском теноре Роландо Виллазоне.

Они вместе ярко засияли на оперном горизонте. Их дуэт по разным причинам распался, но успел навсегда войти в историю современной оперной музыки, став легендарным.

Дуэт - важный элемент оперного ансамбля, который не только развлекает, но наряду с речитативом часто направляет оперное действие. Шоу-бизнес иногда не даёт приглашаемым гастролёрам времени для внутренних разборок; они успевают провести пару репетиций под рояль без оркестра. Но в наше время именно шоу-бизнес определяет отбор и объединение исполнителей.

За короткий период выступлений Нетребко и Виллазон участвовали в исполнении многих опер, пели на многих концертах, записывали разнообразные диски, а также альбомы, блоги и клипы.

Они объединили миллионы слушателей и зрителей, открыв для них сокровища классической музыки.

Анна Нетребко и Виллазон впервые встретились в Мюнхене в июле 2003 года. Встреча была не случайной: их «обвенчал» на сцене Баварской оперы шоу-бизнес, а также взаимное влечение, замечательные вокальные данные и высокий артистизм.

В любых ролях они прекрасно смотрелись и дополняли друга. Их сближала и энергетика - живость, раскованность на сцене, удивительная искренность творческой отдачи.

Чего стоил босоногий танец Анны Нетребко во время исполнения песенки Ардитти: «Мои губки...» из оперетты Легара, вызвавшей бешеный успех у чопорной публики на концерте в Баден-Бадене!

Некоторые считают, что танец был подготовлен заранее,

другие возражают, ссылаясь на растерянность не только зрителей, но и музыкантов в оркестре, которым певица бросала розы. В любом случае, её порыв, много раз тиражированный средствами массовой информации, вызвал восторг миллионов.

Виллазон нередко продолжал «выступления» после концертов в комнате отдыха или в грим-уборной. Сцена оказывалась «узкой» для разрядов его творческой энергии. За богатую мимику во время выступлений его прозвали: «мистером Бином оперной сцены».

Радость служения искусству подкреплена у талантливых артистов счастливой личной жизнью: у Анны – родился сын, а на концертах Роландо постоянно присутствует любимая жена, мать его детей. «Наверно, я везунчик, - говорит он. Доволен работой и семьёй, заполнен счастьем, и это так здорово!»

Артистичность, замечательное слияние голосов позволило «звёздному дуэту» завоевать признание самых известных мировых музыкантов и восторг слушателей всего мира.

В разных странах их называли - дуэтом мечты («dream-couple»), или грёз - «das traumpaar», «золотым дуэтом» а русские поклонники, число которых с каждым годом возрастало, – «сладкой парочкой».

Красивы, как героини сериалов... В этой фразе нет иронии. Героини некоторых сериалов, действительно, очень хороши собой и не всегда плохо играют.

Анна - главная красавица оперной сцены, поражает яркостью южнорусской внешности, и давно стала секс-символом оперы.

Роландо, знойный, чернокудрый красавец, как будто создан для ролей романтических героев. Он, романтик и по натуре, эрудит, любитель литературы и философии.

Их объединяет и возраст. Анна родилась в Краснодаре 18 сентября 1971 года, а Роландо 22 февраля 1972 года в Мехико.

Сначала об Анне

В 1988 году её приняли на вокальное отделение Ленинградского музыкального училища, где она занималась у педагога Т.Б. Лебедь. Не закончив учёбу, поступила без конкурса в Санкт-Петербургскую консерваторию имени Н.А. Римского-Корсакова, где проходила учёбу у профессора Т. Новиченко. В 1993 году стала победителем Всероссийского конкурса вокалистов им. М.И. Глинки.

После победы была принята в Мариинский театр, в котором при поддержке знаменитого дирижёра Валерия Гергиева спела более 20 оперных партий, а теперь часто выступает на

«родной» сцене в качестве гастролёра.

Некоторые оперные партии Анна разучивала под контролем знаменитой в прошлом певицы и вокального педагога Ренаты Скотто, внимательно следившей за каждым её выступлением.

Нетребко возмущалась, когда средства массовой информации настойчиво пытались представить её «Золушкой», вынужденной в студенческие годы мыть пол в вестибюле «Мариинки». (Наверно, это было приятным зрелищем для мужского персонала театра).

Она не раз подчёркивала, что росла «успешной» и красивой девушкой, ставшей вице-мисс Кубани (1988).

Особое место в карьере Анны заняла превосходно спетая на сцене «Метрополитен-опера» партия Наташи Ростовской в опере Прокофьева «Война и мир» (2002). Этот успех превратил Анну в приму мировой оперы. «Одри Хепберн с голосом» - так называли певицу в американской прессе, отмечая её редкостное обаяние, вокальный и драматический талант.

В том же году на фестивале в Зальцбурге вызвало фурор её выступление в партии Донны Анны в опере В.А. Моцарта «Дон Жуан». На эту роль её пригласил прославленный дирижёр Николаус Арнонкур.

«Я приехала больной к Арнонкуру на прослушивание в Зальцбург и спела две фразы. Этого было достаточно. Надо мной все смеялись, и никто кроме Арнонкура не верил, что я смогу спеть Анну».

Пожилому, прославленному дирижёру двух фраз было достаточно, чтобы оценить большой талант, а тут ещё такая красавица!

Так Зальцбург открыл миру новую суперзвезду.

Это был феноменальный успех – жизнь Анны, как мировой актрисы началась в Австрии, где её не смогли отеснить от моцартовского репертуара. Единственная русская, спевшая шесть ведущих партий в операх Моцарта!

С тех пор её пытались заполучить лучшие театры мира. Овладев бельканто, спев Джульетту в опере Беллини «Капулетти и Монтекки» и Лючию в «Лючии ди Ламмермур», Розину в «Севильском цирюльнике» Россини и Амину в «Сомнамбуле» Беллини. Своеобразными автопортретами певицы выглядят шаловливая Нанетта в «Фальстафе» Верди и эксцентричная Мюзетта из «Богемы» Пуччини. Из французских опер в её репертуаре – Микаэла, «Кармен», Антония из «Сказок Гофмана» Оффенбаха, Тереза из «Бенвенуто Челлини» Берлиоза и Манон из

оперы Массне.

«Мне много пришлось пройти, прежде чем меня приравнивали к европейским певцам, - долго и настойчиво предлагали только русский репертуар. Если бы я была из Европы, такого бы наверняка не произошло. Это не только настороженность, это ревность, боязнь пустить нас на вокальный рынок...»

В новое тысячелетие она вошла как *свободно-конвертируемая* звезда. Её пример – другим наука – русские певицы и музыканты занимают всё больше мест на европейских оперных и концертных сценах.

«Русские идут!»,- и в этом пример девушки из Кубани.

Для участия в операх, концертах и киносъёмках она колесит по свету. Мелькают города и страны, театры и концертные залы.

Голос певицы вначале нельзя было назвать многослойным или бархатным; но мягкий открытый тембр позволял легко переходить из регистра в регистр.

Анна считала, что вокальная школа и спорт научили её петь в разных положениях: некоторые сцены безумия в операх Доницетти «Пуритане» и «Анна Болена» она исполняет, лёжа на спине.

Принцесса гламура

Гламур - чисто женское понятие, сочетающее в себе романтичность, соблазнительность и очарование. Все эти качества присущи Анне Нетребко, которая оказалась душой огромного музыкального концерта.

По-мнению известного культуролога и писателя Соломона Волкова, Нетребко находится в первых рядах новой культурной революции.

Её персональная рекламная программа в первую очередь имеет художественную основу, связанную с яркими выступлениями на сцене, в операх и концертах, имеющих огромный успех.

Вторая сторона рекламы включает публичную светскую жизнь, интервью, появления на обложках глянцевого журнала, персональные сайты, издание и тиражирование фотоальбомов, дисков, клипов, фильмов-опер, записи концертных выступлений, и т.д.

Обе стороны активно поддерживаются шоу-бизнесом в лице менеджеров различных музыкальных фирм и других организаций.

Уже в начале оперной карьеры производительность

Нетребко (и фирмы «Дойче Граммофон») поражали. Она выпустила больше десяти альбомов, много DVD-фильмов, и вместе с Виллазоном замечательный компакт-диск - «Дуэты» (2007), куда вошли любовные дуэты из опер 19 века: «Богемы», «Лючии ди Ламмермур», «Риголетто», «Ромео и Джульетты» Гуно, «Искателей жемчуга» Бизе, «Манон», Массне, «Иоланты» Чайковского, др.

Ядром всей кипучей деятельности певицы служит высокий профессионализм Анны Нетребко, её умение взаимодействовать с режиссёрами, дирижёрами, коллегами по сцене.

Работавший с ней Винсент Патерсон (которого мы уже упоминали) – опытный мастер фотопродукции. Сделанные им портреты «дуэта мечты» современны по стилистике, связаны с использованием визуальных эффектов и новых монтажных приёмов. Патерсон очень любит снимать красивых женщин и не нуждается в «обнажённой натуре», чтобы показать их красоту, изящество и характер.

С его помощью образ певицы войдёт в историю вокала.

Нетребко часто выступает в паре с известными звёздами оперы - баритоном Дмитрием Хворостовским (концерт в Карнеги-холл в Манхеттене), латышкой меццо-сопрано Элиной Гаранча (в зале Баден-Бадена), Йоносом Кауфманном, со своим мужем Эрвином Шроттом и многими другими популярными исполнителями.

Эти концерты часто транслируются по телевидению, записываются и массово тиражируются.

Она интеллигентна и умна. Достигнув высот бельканто, высокой музыкальности, силы голоса, полётности звука, исключительного артистизма, Нетребко продолжает работать над собой, осваивать новые области вокальной музыки, в частности, исполнения романсов. Но для неё романсы – область пока не пройденная до конца. Можно не сомневаться, что и там она достигнет совершенства...

Ещё один небывалый для женщины и актрисы феномен – открытость. В своих интервью она рассказывала не только о способности петь лёжа, но и о том, как она со своим педагогом смогла этого достичь.

Феноменальные успехи «не заразили» молодую певицу «звездной» болезнью, она не ставила себя выше других и с каждым годом всё серьезнее относилась к своей профессии.

Характерный пример: её отношения к коллегам по сцене. Кроме преклонения перед корифеями - Ренатой Скотто, Миреллой

Френи, Леонтин Прайс, она очень хвалила относительно молодых – Чечилию Бартоли, Анжелу Георгию, Натали Дессей. Для неё они тогда были очень серьёзными конкурентками.

Мне вначале казалось, что названные певицы, к числу которых следует причислить и американку Рене Флеминг, не уступают Нетребко в мастерстве.

Но, просмотрев и прослушав все её оперы с участием Роланда Виллазона, а в последнее время видеозаписи в ролях Антонии и Стеллы в опере Жанна Оффенбаха «Сказки Гофмана» в «Метрополитен-опера», а также выступления с Элиной Гаранча в опере «Анна Болена» и в недавно поставленном в «Ла Скала» «Дон Жуане», я понял, что Нетребко по праву называют примадонной современной оперной сцены.

При исключительном женском обаянии, став женой и матерью, она обрела полноту жизни, которой дорожит, занимается воспитанием сына, и не даёт поводов для происков жёлтой прессы.

Новое трио (Нетребко, Виллазон, Доминго)

7 июля 2006-го года на знаменитой Берлинской Лесной сцене (Waldbuehne) состоялся первый концерт нового замечательного ансамбля, в состав которого вошли Анна Нетребко, Роландо Виллазон и один из их учителей – Пласидо Доминго, великий тенор-баритон с огромным певческим опытом.

Концерт был посвящён закрытию чемпионата мира по футболу, транслировался в разных странах; собралось 20 тысяч зрителей, а международная аудитория слушателей ТВ составила около восьми миллионов человек.

Звучали арии и дуэты из опер Россини, Верди, Чилеа, Пуччини, Масканы, Бизе, Массне и других композиторов.

Вокальные кондиции Доминго с филированием звука были очень высокими. Виллазон покорила аудиторию своей эмоциональностью. Их дуэты с Нетребко вызвали бурю восторга.

Обстановку подогрели застольная из «Травиаты» и спетая Нетребко опереточная ариетта Ардитти композитора Франца Легара: «Мои губки...». «Старый бонвиван» (Доминго) с эротическим налётом взял за подбородок юную гризетку (Нетребко). Лирика исполнения перешла в гротеск, и всё завершилось общими объятиями. Овациям не было конца.

Четвертым участником ансамбля стал молодой дирижёр Марко Армилиато.

Прекрасным оказался и «зал» под открытым небом – Зелёный стадион в Берлине. В центре возвышалась залитая светом эстрада под белой крышей с двумя шатрами; лица исполнителей увеличивали четыре огромных монитора.

Летний вечер плавно переходил в ночь, и 20 тысяч восторженных зрителей размахивали «светлячками» мобильных телефонов, взявшись за руки, раскачивались в такт мелодиям, и зажигали бенгальские огни. Эмоции подогрелись бешеными аплодисментами всего стадиона.

В одной из рецензий было сказано: «Шоу-бизнес блестяще обернулся лицом оперы».

Концерты были повторены в Вене и других городах.

После них журналисты и публика, отмечая небывалый успех нового ансамбля, пришли к выводу, что наряду с роком и джазом классическая музыка вышла на авансцену самых популярных музыкальных хит-парадов.

Оперы для «легендарного дуэта»

Вернёмся, однако, к временам, когда «звёздный дуэт» очаровывал миллионы зрителей и слушателей исполнением знаменитых опер, поставленных для Нетребко и Виллазона в современном стиле.

Я не могу отказаться от сравнения этих постановок с оперными шедеврами прошлого, которыми восторгался, но считаю, что подлинную оценку произведений искусств, в том числе опер даёт только время...

Поэтому в этом очерке я осмеливаюсь говорить лишь о своих предпочтениях...

На моём веку было много «Травиат». Самими яркими и запоминающимися оказались Тереза Стратас из постановки Франка Дзеффирелли. Он поставил кино оперу, начинающуюся рассказом о прошлом героини - Виолетты Валлери, роль которой

прекрасно сыграла и спела Тереза Стратас. Опера была поставлена с огромным размахом, призванным показать жизнь великой куртизанки. В неё включены и балетные сцены в исполнении замечательной русской танцевальной пары Екатерины Максимовой и Владимира Васильева. Эта постановка вошла в золотой фонд искусства оперы.

Зальцбургский фестиваль представил миру легендарную примадонну, которую стали называть с артиклем: La Netrebko.

Это было вознесение на оперный Олимп. Спектакль Вилли Деккера был назван исторической постановкой. Режиссёр связал судьбу и смерть героини не столько с болезнью (как это было в старом либретто), а со злым роком.

На сцене он олицетворён образом быка, но чаще мрачной фигурой пожилого человека (доктора?) с длинными седыми волосами. Перед ним круглые часы, отмеряющие Виолетте срок жизни, а мужчины в чёрном, напоминающие тараканов – по-видимому, носители тёмных сил...

Публику привлекла сценическая раскованность «двухта мечты», эротический пыл героев, страстные объятия и поцелуи в спальне.

Следует отметить, что вокальная сторона спектакля, и игра главных исполнителей была превосходной.

Можно согласиться с режиссером и постановщиками, удалившими со сцены архаические аксессуары времён «Дамы с камелиями». Но я никогда не забуду последний акт «Травиаты» в постановке Франко Дзеффирелли с оркестром Ливайна (1963). Звучания самой трагической вердиевской увертюры перед последним актом и погибающей Виолетты, партию которой потрясающе исполнила Тереза Стратас. Зритель тогда платил деньги за вокальную трагедию и свои слёзы, а сейчас отдаёт их за великолепно поставленное и спетое шоу с сексопиллом.

Весёлым было закулисное продолжение – показанные по ТВ сцены репетиций Нетребко и Виллазона, во время которых исполнители резвились, как могли. Разумеется, показ был не случайным, а рассчитанным на рекламу.

Стоимость билета перед спектаклем доходила до 5000 евро.

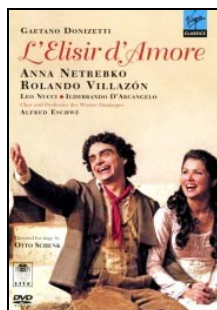
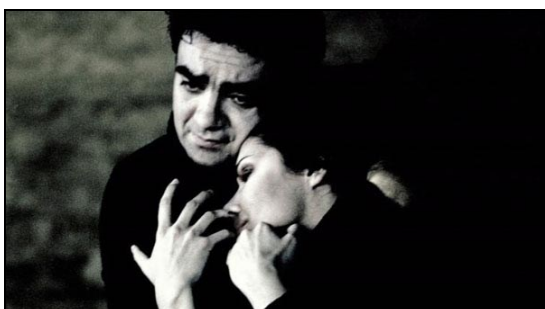
После этой постановки харизматический образ Дамы с камелиями окончательно канет в лету...

Увы, в наши дни артистам всё труднее сохранять баланс между «попсовой» завлекательностью и академическим качеством.

Но этот баланс с блеском был достигнут при постановке в Берлине оперы Массне «Манон» (2007) (Режиссер Винсент

Патерсон, дирижёр Даниэль Баренбойм).

Патерсон, постановщик мюзиклов и знаток гламура, работавший раньше с Майклом Джексоном и Мадонной и снявший для Нетребко лучшие её клипы, перенёс действие оперы в золотой век Голливуда, средину 20-х годов прошлого столетия. Режиссёр добился хорошего совпадения образа Манон с замыслом самого Массне.

Выпорхнувшая на перрон юная провинциалка в красном берете с милым смущением, кокетством, весёлостью и

грациозностью по воле постановщика превращена в поклонницу Голливуда, и в отдельных сценах обретает образ то Одри Хепберн, то Мэрелин Монро. Всё время она в центре спектакля, а Виллазону – Де Грие, оставлены все добродетели, взятые из старого романа аббата Прево.

К третьей картине – празднику у Эйфелевой башни, куда отправили Манон, сопрано Нетребко обрело победительную звонкость, лёгкость и полётность. Выглядела она как картинка: белое облегающее платье с пышной юбкой, туфли-шпильки на стройных ногах, и светлая широкополая шляпа на коричневых кудрях.

Режиссёр и знаменитый дирижёр изумительно поставили массовые сцены, сделав их многослойными и полифоничными.

В финале Де Грие выносит на руках похудевшую, потерявшую себя возлюбленную, и уходит вдаль с безжизненным телом...

Постановка невероятно дорогая и сделана так, что играть её могли только Нетребко и Виллазон.

Приглашение на все роли молодых солистов помогло режиссёру Роберту Дорнхольму сделать фильм–оперу «Богема» (2008) живым и азартным спектаклем.

Режиссер классифицировал картину, «как немой фильм с музыкой, который поддержит культ Нетребко и Виллазона»

Замысел удался, и отрывки из нового фильма вошли в компакт-диск «Дуэты» и в концертные выступления «дуэта мечты».

Звук был записан заранее в студии, но исполнители при крупных планах тоже пели, чтобы соблюсти артикуляцию.

В исполнении Анны мне больше всего понравился спетый с обаятельной нежностью рассказ Мими, в котором свободно чередуются речитативные и напевные эпизоды, а также страдания Рудольфо – Виллазона в последнем акте.

Не могу пройти мимо «Любовного напитка» в Венской опере (А.Эшве, Л.Нуччи и др. 2002). Сельская комедия сделана абсолютно традиционно, без режиссерских ухищрений – главное музыка и великолепная игра Нетребко и Виллазона, возраст которых полностью соответствовал либретто. Мне кажется, что на этот раз Роландо сыграл лучше, чем Анна. Он занимался жонглированием на сцене, прекрасно танцевал, и, нарушив каноны, изумительно повторил на бис арию Неморино.

Не все спектакли звёздного дуэта проходили гладко. Некоторые критики вначале обвиняли Нетребко в неосмотрительности, когда она в начале нынешнего века выбрала

для исполнения в «Метрополитен-опера» партию Лючии, где до этого блистали две молодых исполнительницы – Натали Дессей и Диана Домрау. Нетребко тогда ещё по-настоящему не овладела верхами бельканто, и ей просто не хватило голоса, чтобы «вытянуть» свою партию и взять финальную высокую ноту мибемоль. Голос Виллазона тоже оказался слишком экспрессивным для любовных кантилен.

Однако доброжелательные слушатели простили певцам все ошибки и отблагодарили их аплодисментами и цветами...

Прошло три года, и записанная с Нетребко опера Лючия ди Ламмермур, была снята на плёнку, и фильм с большим успехом демонстрировали в 850 кинотеатрах тридцати стран...

Теперь о Роландо...

Один из лучших лирических теноров своего поколения родился в Мехико, семье с австрийскими корнями и с одиннадцати лет профессионально занимался музыкой. В возрасте 18 лет Роландо начал брать уроки вокала и спустя два года поступил в Национальную консерваторию в Мехико. Ещё студентом, неоднократно становился победителем различных международных конкурсов. В 1988 году Виллазон стал участником программы для молодых певцов в оперном театре Сан-Франциско, где исполнил свою первую крупную роль – Альфреда в «Травиате» Верди. В 1998 году был принят в стажёрскую труппу оперы Сан-Франциско, в которой проходил мастер-классы под руководством Джоан Сазерленд.

В 1999 году он стал лауреатом премии конкурса Пласидо Доминго OperaLia, где ему также достался Приз зрительских симпатий. Тогда же дебютировал в роли Де Грие («Манон Массне») в Женевской опере, а потом стажировался и выступал в лучших европейских театрах, включая Гамбургскую и Берлинскую оперы, парижскую Opera Bastille, Лондонский Ковент-гарден, Нью-Йоркскую Метрополитен-опера, Венскую и другие оперы. Записал несколько альбомов фирмы Virgin Classiks.

Виллазона считают «наследником» Доминго, и великий певец не раз похвально отзывался о своём ученике. «...Роландо движется к вершинам с космической скоростью. Он просто, дружелюбно и радостно держится на сцене и разделяет ценности, которые я пронёс через всю мою жизнь...»

Его баритональный тенор критики в шутку называли «шоколадным, проворным пылким». Отмечают, что он напоминает голос молодого Доминго.

(Я могу это засвидетельствовать, поскольку слышал

молодого тогда певца в «Тоске» в 1974 году, во время гастролей Ла Скала в Большом театре, а не так давно был на сольном концерте Виллазона в зале Кёльнской филармонии).

Доминго, Паваротти и он тогда казались мне самыми лучшими тенорами, которых мне повезло слушать «вживую». (Время Йонаса Кауфманна тогда ещё не пришло!)

Виллазон спел больше двадцати ведущих партий в операх Беллини, Доницетти, Гуно, Массне, Оффенбаха, Пуччини, Чайковского, Верди и других композиторов.

Им издано несколько дисков, в том числе: «Ромео и Джульетта», «Гендель»; диск, посвящённый Клаудио Монтеверди, записанный в церкви Сан Денис. Выступление с концертом в этом зале имело феноменальный успех.

К сожалению, потом Виллазон временно отказывался от выступлений, считая, что исполнение арий из опер Верди и веристов - Пуччини, Леонкавалло, Масканьи, нанесло ущерб его голосу. По мнению певца, музыка Монтеверди и Генделя, «не загоняет певца, как скаковую лошадь».

К Генделю Виллазон обратился в связи с 250-летним юбилеем композитора.

Потом, преодолев трудности с болезнью голосовых связок, Роландо вместе с Анной имели колоссальный успех на концерте в Париже.

При этом певец не стремится к конкуренции с пришедшими молодыми тенорами и мечтает лишь об одном – найти «спокойную зону» в музыке и репертуар, где не всё решает «способность взять верхнее «ля».

У него значительно меньше премий, чем у Нетребко, но в своё время он сказал:

«Меня не волнует, кому аплодируют больше и у кого букет шикарнее. Но я несу ответственность за свой талант».

Дуэт Нетребко–Виллазон, к сожалению, распался.

Но поклонники его таланта надеялись, что певец справится с болезнью.

В любом случае Роландо вошёл в число самых лучших теноров нашего времени.

Я был очень рад, когда в октябре 2011 года ему вручили премию «Эхо» по номинации «Классика без границ». После награждения Роландо легко без малейшего надрыва спел труднейшую арию Вертера из одноимённой оперы Массне...

К этой опере мы ещё вернёмся.

Семейный дуэт

Недавно на оперных сценах появился семейный дуэт Анны Нетребко и уругвайского баритона Эрвина Шротта. Дуэт ярко заявил о своём существовании новоявленным младенцем, их сыном по имени Тьяго Аруа, или Тишка, как его называют русские родственники.

Одно из первых выступлений дуэта мы слышали на концерте в зале Кёльнской филармонии.

Цены были запредельные, но в зале не оказалось ни одного свободного места.

Банально мнение, что даже хорошие современные записи DVD не могут заменить прослушивания в зале.

Большинство зрителей уже были знакомы с творчеством Нетребко, но не все слышали выступления бас-баритона Эрвина Шротта.

Певец, молодой красавец, обладает очень сильным красивым голосом. Он хорошо спел арию Лепорелло из «Дон Жуана», хуже рондо Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст». «Чистые» басы поют эту арию несравненно лучше.

Мастерство певца уступает артистичности его жены. Пока он не может оторваться от образа «маччо». Это проявлялось на концерте в ариях Дулькомара из «Любовного напитка» и Макбета, а также в других оперных партиях певца, которые я слышал раньше (Дон Жуан, Хосе). Между тем «доктор» Дулькомара – одна из наиболее выигранных оперных партий, передающих образ мнимого врача, торговца и одновременно авантюриста. К сожалению, у Шротта для Дулькомара находится только одна краска того же «маччо» с примесью примитивных шуток, вызывающих смех у зрителей. Нетребко в дуэте с мужем в первом акте была несколько пассивна.

К радости зрителей, второй акт концерта, оказался значительно лучше, чем первый. Нетребко изумительно спела арию Леоноры (*мизере*) из оперы Верди «Трубадур» при участии итальянского тенора Паоло Феррейра, трагическую арию из четвёртого акта оперы «Манон Леско» Пуччини, а Шротт вызвал бурю аплодисментов исполнением арии из национальной оперы Пабло Соразабал, а также народной песни под инструмент, напоминающий баян.

Прекрасным оказался финал оперы «Порги и Бесс», в котором супруги проникновенно спели дуэт Порги и Бесс из оперы Гершвина и отрывок из оперетты «Весёлая вдова» с объятиями и поцелуями. Проявление нежности было настолько искренним, что вызвало восторг у зрителей. Четыре раза публика стоя, аплодировала замечательным артистам. Хорошо справился со

своей задачей и Кёльнский оркестр «Гюрцених».

Второе трио на Лесной сцене (Вальбрюнне) в Берлине

16 августа 2011 семейный дуэт Анны Нетребко из России и Эрвина Шротта из Южной Америки (Уругвай) пополнился Йонасом Кауфманном из Германии.

Этот концерт стал новым праздником классической музыки.

Предполагаю, что он, как ансамбль трёх теноров, и семейный дуэт войдёт в историю оперного искусства.

Трио – символично, поскольку объединяет лучших в мире певцов своего поколения, представляющих три страны.

Участники примерно одного возраста, очень красивы, артистичны и олицетворяют расцвет искусства оперы.

Анна Нетребко вложила всю силу своего таланта в арии Баттерфляй (Пуччини), Манон (Массне) и Леоноры («Трубадур», Верди).

С большим вдохновением Нетребко и Кауфманн спели и сыграли дуэт из «Манон» Массне, в котором был весь «букет» чувств – сора, покаяние, ласка и любовные объятия, после которых на губах Йонаса осталось яркое красное пятно от губ Анны. Пятно поспешил стереть носовым платком Эрвин.

Трио исполнило отрывок из оперы Верди «Ломбардцы».

Кауфманн с потрясающей экспрессией спел арию «Мама» из оперы Масканы «Сельская честь», ариозо из оперы Понкьели «Джоконда», а также арию Рихарда Таубера, а потом порадовал слушателей песенкой из оперетты Легара.

Прозвучал «бархатный» бас-баритон Эрвина Шротта, исполнившего партию Лепорелло, по его признанию, 140 раз! Дошла очередь и до арии из музыки Пабло Соразабало и двух танго, где Шротт был неповторим.

Бурю аплодисментов и вставание публики вызвало исполнение супругами дуэта из «Порги и Бесс» Гершвина, в котором объятия с поцелуями были не показными, а подлинными.

Как и раньше на Лесной Арене Берлина дирижёром был Марко Армилиато, который блестяще исполнил с оркестром интермеццо Пуччини из «Манон Леско» и одно из произведений Б.Сметаны.

Концерт прошёл с большим успехом и надолго останется в памяти тех, кому повезло его посетить.

Йонас Кауфманн

В первом десятилетии нового века Германия нашла своего супертенора, которого мировой зритель и слушатель считает

одним из лучших певцов поколения сорокалетних.

У него мощный, страстный и тёплый, проникнутый «итальянской слезой» голос, тенор-баритон с диапазоном в четыре с половиной октавы (от баса до сопрано); прекрасная фигура, он красив, артистичен, трудолюбив и умен.

Настоящий профессионал, умеющий выбирать репертуар и не спешить с заключением ангажементов.

Воплощённая мечта оперных импресарио об исполнителе ведущих партий итальянского репертуара, опер Моцарта, Рихарда Вагнера и поздних немецких романтиков, Кауфманн одновременно проявил себя как прекрасный камерный певец.

В личной жизни он хороший семьянин, отец троих детей.

Йонас родился в Мюнхене в 1969 году в интеллигентной семье с музыкальными традициями, имеющей фортепиано и коллекцию музыкальных пластинок, среди которых юношу привлекла музыка Брукнера, Малера, Шостаковича, Рахманинова, а также Моцарта, Шуберта и Гайдна.

Дедушка познакомил внука с творчеством Рихарда Вагнера. Они вместе посещали Мюнхенскую оперу, и Йонас ещё в начальной школе отдавал предпочтение детскому хору.

Очень интересен и по своему уникален его собственный рассказ о приобщении к музыке, вокалу и театральной сцене.

Вначале регулярные посещения со старшей сестрой в качестве слушателей Баварской оперы; детский хор в начальной школе; исполнение рождественских песен перед Мюнхенской ратушей; пение в школьном хоре, которое прошло без мутации голоса.

Отказавшись от учёбы в университете, Йонас летом 1989 года поступил учиться в Институт музыка и театра в Мюнхене.

Исполнение коротких вокальных отрывков «Wüßzen» в Баварской опере, поступление в 1996 в оперу Саарбрюккена; первые выступления в Трире и Штутгарте. Теноровые партии в «Короле Роджере» Шимановского, в «Cosi fan tutte» (Миланский театр «Piccolo»).

Параллельно занятия с первым учителем - профессором Мюнхенского института театра Хельмутом Дойче.

Потом резкий взлёт – приглашение в Цюрихскую оперу, и работа под руководством знаменитых дирижёров Николауса Арнонкура и Франца Велзер-Мёста;

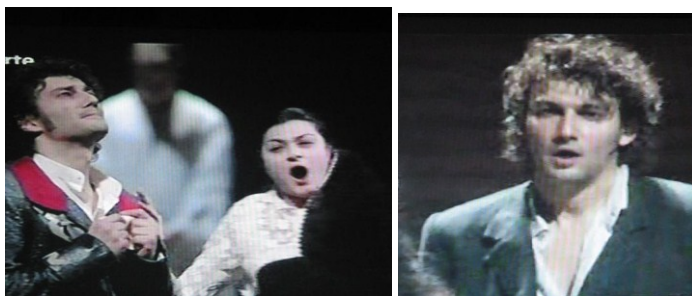
Затем последовали приглашения в знаменитые театры - Ла Скала, Ковент-Гарден, и многие другие.

Нет возможности перечислить все оперные сцены и дирижёров, с которыми потом довелось работать Йонасу

Кауфманну.

Упомяну его участие в Зальцбургском фестивале 2003 года в партии Бельмонте из моцартовского «Похищения из сераля» и в Байройте, где он спел Лоэнгрин в опере Рихарда Вагнера.

Сам певец считает важнейшей в своей карьере учёбу в «Метрополитен-опера» под руководством знаменитого руководителя и главного дирижёра Джеймса Левайна, который помог ему проникнуться основами итальянского бельканто, разучив партию Альфреда из «Травиаты» и партитуры других итальянских композиторов.

Его партнёрами по сцене стали Анна Нетребко, Натали Дессей, Анжела Георгиу, София Кох, Дмитрий Хворостовский, который первый представил певца русским зрителям, и многие другие звёзды современной оперы.

Кауфманн выпустил первый сольный альбом «Романтические арии», напетый при участии американского дирижёра Марко Армилиато.

Высокая музыкальность и прекрасный голос сделали Кауфманна и выдающимся камерным певцом.

Спетый им вокальный цикл Шуберта «Прекрасная мельничиха», воспринят слушателями не только, как музыкальное, но и драматическое произведение, связанное со странствиями

подмастерья и приключениями.

Он изумительно спел цикл романсов Шуберта.

Участвовал в исполнении девятой симфонии Бетховена под руководством Клаудио Аббадо, Реквиема Верди (дирижёр Даниэль Гатти), и многих других знаменитых камерных и симфонических произведений.

Каждое его выступление сопровождал колоссальный успех не только в странах Европы, но и в Японии.

Мне посчастливилось в телевизионных программах и на DVD-дисках посмотреть и прослушать с его участием «Кармен», «Травиату», «Вертера», «Тоску», «Лоэнгрину» и «Фауста».

Красивый, музыкальный и артистичный он хорошо спел все партии, продумав их до мелочей.

Лучше всего ему удаются драматические роли и среди них Хосе в сцене убийства Кармен и финальная часть «Тоски», в которой он исполнил роль погибающего художника Каварадосси...

Такая подготовка партий выходит за пределы совместной работы с постановщиком и демонстрирует глубину души выдающегося артиста и певца...

Лоэнгрин пока большого успеха Кауфманну не принёс, но это связано с неудачной, слишком «заземлённой» постановкой этого произведения в Баварской опере.

Прежде, чем рассказать о «Вертере» в исполнении Кауфманна и Виллазона, позволю себе сделать короткий экскурс в историю этой оперной партии.

Массне закончил одноимённую оперу в 1887 году, но из-за «мрачности» «Вертера» впервые поставили только через пять лет в Вене, после чего опера стала чрезвычайно популярной и исполнялась на разных языках.

У известного киевского коллекционера грампластинок С.Н. Оголевца я прослушал арии Вертера в исполнении многих певцов.

Первое место сам Массне отдал великому баритону Маттиа Баттистини, для которого переработал теноровую арию Вертера. Среди теноров больше всех нам понравился Жорж Тиль (1931), спевший всю партию Вертера на французском. Среди итальянцев нас увлекли Тито Скипа и Феруччо Тельявини.

Мне очень нравились спетые в стиле веризма отрывки из «Вертера» в исполнении теноров Джузеппе Ди Стефано и Франко Коррели.

«Весеннюю» арию Вертера тонко исполнял Хосе Каррерас.

Попытки сравнения оперы Массне с гениальным произведением Гёте неуместны, поскольку драма в опере связана исключительно с внутренним миром Вертера. В наше время опера с замечательной музыкой Массне не менее эмоциональна, чем трагедия Гёте, но современный зритель способен лишь на скупую слезу, но никак не на самоубийство.

Мне хочется сравнить два спектакля.

Кауфманн играет в мрачной постановке Бено Жако (дир. Мишель Плассон): Скучный дом судьи, отсутствие положительных эмоций Гёте, связанных с забавами детей, весенними радостями в доме. Измученный любовью герой кончает жизнь самоубийством в жалкой келье мрачного дома: «Приют певца угрюм и тесен..», где раздался выстрел и погибал оплакиваемый Шарлоттой Вертер. Сам герой в исполнении Кауфманна робкий, угрюмый, нелюдимый юноша, обладающий при этом большой настойчивостью и силой воли.

В спектакле, поставленном оперой Бастилии в Париже (дир. Кент Нагано) события происходят, как в романе Гёте, в красивом, широким доме с расписными стенами, полным музыки, детских голосов, но веселье исчезает, когда появляется мрачная фигура охваченного любовью безумца, роль которого великолепно исполняет Роландо Виллазон.

Оба Вертера обладают одной единственной целью овладеть Шарлоттой («она моею будет»). Простите, это из другой оперы, но чувства так похожи. Кауфманн и Виллазон исполняют свои партии с удивительной глубиной, грустью и проникновенностью. Но Виллазон, по-моему, более артистичен. Он мягче, теплее. Временами мне казалось, что он погибнет на сцене, не нуждаясь в пистолете...

Кауфман более настойчив в достижении цели.

В дуэтах с Шарлоттой оба поэтичны и считают, что их уход из жизни диктуется волей свыше...

Но Шарлотты оказались разными. Хорошая певица Софи Кох удачно помогает Кауфманну, но в этой роли неповторима американка Сьюзен Грэхем. Её потрясающее меццо-сопрано с первых тактов оперы обволакивает слушателей сначала в рассказе об умершей матери, а потом в попытках усмирить безумного Вертера и передать слушателям скорбь, связанную с его кончиной.

«Адриана Лекуврер», Чилеа, поставленная Дэвидом Мак Макара в Лондонском Ковент-Гарден в 2010 году, меня потрясла. В первую очередь это связано с выдающимися исполнителями из разных стран. В опере, обозначенной, как комедия–драма пели

Анджела Георгиу (Адриана), Йонас Кауфманн (Саксонский герцог Маурицио), Ольга Бородина (Герцогиня Булонская), Аллесандро Корбелли (Мишонне, режиссёр), и другие.

Опера с большим успехом исполняется в европейских странах больше ста лет. Это драма-комедия веристского направления с повышенной остротой чувств. Композитору больше всего удались лирические ансамблевые сцены-дуэты с запоминающимися мелодиями (Адрианы с Герцогом и с Герцогиней Булонской) и несколько коротких необычайно мелодичных, пылких арий - Адрианы (1 акт), влюблённого Герцога, режиссера Мишонне, и др.

По сюжету все мужчины домогаются любви красавицы Адрианы, а обе женщины мечтают отдаться Герцогу Маурицио, роль которого с выдающимся мастерством, страстью и одухотворённостью сыграл Йонас Кауфманн.

Основой своего талантливое творчество выдающийся певец считает духовность, и можно надеяться, что он ещё не раз порадует и потрясёт нас своим искусством.

Русский собиратель оперных звёзд

Вокальные триумфы русских певцов на оперных сценах мира и международных фестивалях с каждым годом всё возрастают. Одной из самых ярких звёзд стал уроженец Сибири баритон Дмитрий Хворостовский.

Он родился 16 октября 1962 г. в городе Красноярске в музыкальной семье, окончил школу по классу фортепиано. В 1982 году поступил на вокальный факультет Красноярского института искусств к профессору Е.К. Иофель, которая считает, что каждый оперный звук должен нести мысль и чувства.

Юного студента третьего курса пригласили стать солистом местной оперы, и начали ему поручать ведущие партии в операх Чайковского «Евгений Онегин», «Иоланта», «Пиковая дама», а также в «Травиате», «Фаусте» и «Паяцах»..

Он стал победителем двух Всероссийских конкурсов в Перми и в Баку, а в 1988 году - обладателем «Гран-при» в Тулузе, и лауреатом конкурса в Ницце.

В 1989 году молодой человек завоевал звание «Лучший певец мира» на конкурсе Би-Би-Си, в котором участвовали 200 певцов. Известный музыкальный критик Ф. Риццо писал: «Перед нами предстал волшебник, способный буквально околдовывать аудиторию, полностью её завораживать».

Достижениями молодого певца было сотрудничество с великим Паваротти, а затем выступления с дирижёрами Валерием

Гергиевым и Евгением Колобовым.

Среди успехов на мировой сцене следует отметить спетую им партию Андрея Болконского в «Войне и мире» Прокофьева (постановка Андрея Кончаловского), и ведущие роли в операх Верди, Россини, Беллини, Леонкавалло.

Одно время Хворостовского критиковали за частые отказы от оперных партий и работу со звукозаписывающими фирмами. Это приносило доходы, но уменьшало сценический опыт. К счастью недолго, поскольку первые оперные выступления молодого певца сразу принесли ему большой успех.

Дмитрий Хворостовский много и с большим успехом выступает с сольными концертами в самых лучших в мире концертных залах. Его знают как певца, выступавшего в «Ла Скала», «Метрополитен-опера», «Ковент-Гарден», операх в Токио, Вене, Сан-Франциско, Чикаго, Бостоне, Вашингтоне, Париже, Сиднее.

Он часто сотрудничает с Нью-Йоркским, Сан-Францисским, Роттердамским и другими оркестрами, выступая с дирижёрами Клаудио Аббадо, Майкл Тилсон, Зубин Мета, Джеймс Ливайн, Сейджи Озава, Лорин Майзель, Валерием Гергиев, и др.

Первый триумф Хворостовского связан с инициативой объединения с «друзьями» - наиболее талантливыми звёздами оперы...

Самая известная из них американка Рене Флеминг, исполняющая не только оперную, но и современную музыку. Она оказалась замечательной партнёршей в «Евгении Онегине». Славу обоим принесли записанные на плёнку гастролы в Санкт-Петербурге, выступления в Кремлёвском Зале Москвы, гастролы по России.

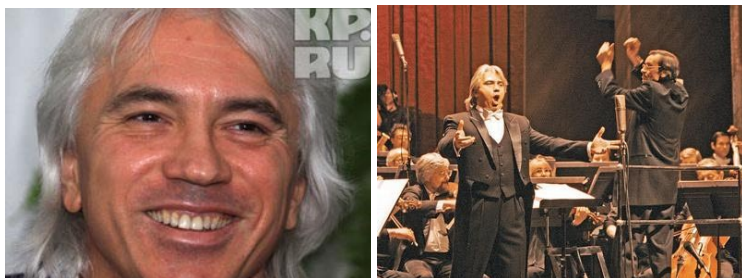
Голосу Флеминг подвластно всё – от классических стандартов до самых новаторских приёмов современного вокала. Её называют «золотым стандартом сопрано». Она удостоена многих высших премий, в том числе звания: «Командора искусств».

Перед Московской и Санкт-Петербургской аудиториями замечательные мастера спели дуэты из «Отелло» Верди, «Травиаты», финальную сцену из «Евгения Онегина» и много сольных произведений.

В Санкт-Петербургском зале «Октябрьский» состоялся концерт Хворостовского и выдающейся кореянки Суми Йо. В 2005 году их дуэт имел огромный успех в Сеуле, где певицу «носят на руках» и считают национальным достоянием. Помимо прекрасных

вокальных данных Суми Йо очень артистична.

В программе дуэта были арии из опер, отрывки из мюзиклов и неаполитанские песни.

К сожалению, лично мне довелось слушать только совместные выступления Хворостовского с Рене Флеминг и корейской певицей Суми Йо.

Но из прессы я знаю, что «круг друзей Хворостовского» с каждым годом включает новых прославленных оперных звёзд

(Чарлз Кастроново, Марчелло Джордани и др).

Ещё одним триумфом Хворостовского я считаю сотрудничество с известным эстрадным композитором и исполнителем Игорем Крутым, создавшим вокально-инструментальный цикл «Дежавю», одной из основ которого стали стихи на слова Лилии Виноградовой, написанные на итальянском, французском, английском и русском языках. Это особая музыка на грани эстрады и классики, для которой требуется исполнение на уровне двух октав. Огромная по масштабам работа, включающая и художественное декорирование с оригинальными световыми решениями.

Успех «Дежавю» с каждым новым исполнением возрастает, и постепенно необычное «возвращение к прошлому» начинает завоёвывать Европу.

В исполнении нового произведения участвуют лучшие музыкальные коллективы Москвы, в частности, академический хор Виктора Панова, камерный оркестр под управлением Константина Орбеляна и другие коллективы.

Привлекает необычность созданной оркестрами и солистами новой *магии музыки*.

Триумфы певца связаны не только с исполнением классики. Миллионы слушателей и зрителей в восторге от его «военного альбома», куда вошли такие песни военных лет, как: «Тёмная ночь», «На безымянной высоте» «Жди меня», «Журавли», «Дороги», «Последний бой», «Моя Москва» и другие...

Когда-то их пели Марк Бернес, Клавдия Шульженко, Иосиф Кобзон. По особенному они звучат в год, когда народы бывшего Советского союза отмечали 65-летие победы в Великой отечественной войне 1941-1945 годов.

Пожалуй, никто из современных певцов не смог придать этим замечательным песням таких колоритных красок, трогающей за душу глубины, нежных лирических или драматических оттенков...

Исполняя их, певец до неузнаваемости изменяет тембр голоса. Не только ветераны, но и молодые люди, родившиеся через много лет после войны, слушают их со слезами на глазах и комком в горле...

Телевизионный канал «Планета» устроил большой праздник для поклонников творчества Дмитрия Хворостовского, на который были приглашены родители певца – Александр Степанович и Людмила Петровна, вокальные педагоги - Е.К. Иофель и Галина Останина, а также друзья и коллеги певца из Сибири, некоторые из которых теперь работают в театрах Москвы

и Санкт-Петербурга. В исключительно тёплой, трогательной обстановке они рассказали о молодых годах талантливого Димы, его увлечениях «тяжёлым роком», переходом на классическую музыку и о первых выступлениях артиста.

Единению родственников и друзей не мешало то, что Е.К. Иофель во время выступлений находилась в родном городе певца Красноярске – его очаровательная жена Флоранс с двумя детьми – в Лондоне, а старших близнецов от первого брака – сестру и брата мы видели только на фотографиях. Судя по рассказам, замечательному певцу хватает любви на всех самых близких.

Все пришли к выводу, что Дмитрий Хворостовский, которому присуждено звание: «Певец мира», больше всех достоин представлять свою родину – Россию...

5. Мой любимый Пласидо Доминго

70-летию великого певца и дирижёра посвящается

Тёплое, даже интимное слово «мой» призвано показать, что содержание этого краткого рассказа не взято из Интернета. Доминго был и остаётся одним из самых великих певцов своего поколения.

Поклонникам всегда хочется приблизиться к кумиру и назвать его «своим». Культурные фанаты ограничиваются автографами, покупными открытками, а дикие – готовы воспользоваться обронёнными предметами, платками, обрывками одежды, разбитыми стёклами автомобиля, а иногда как козы раздирают преподнесенные артисту букеты.

Но многое зависит от самого кумира. Одна из особенностей Доминго – высокая интеллигентность, которая вызывает глубокое уважение и исключает фамильярность.

Я позволил себе назвать Доминго «своим» и потому, что впервые слушал его прекрасный голос с галёрки Большого театра в 1974 году во время гастролей в Москве театра «Ла Скала».

Тогда певцу было 33 года, а недавно в Испанском королевском театре отмечали его 70-летие, и я советую поклонникам Интернета прочитать рассказ нашей знаменитой певицы Елены Образцовой об их совместных выступлениях на лучших мировых оперных сценах.

В 19-й раз летом 2011 года прошёл конкурс Доминго «Опералия», собирающий теперь со всего мира самых талантливых молодых исполнителей.

«Даже если я не смогу петь, эту работу по поиску новых оперных звёзд я не оставлю никогда. Она позволяет мне жить и

работать», - сказал он.

«Моя жизнь практически состоялась: я добился хороших результатов во всём, за что брался. Однако подведение итогов не означает завершение карьеры».

Доминго отметил успехи русской оперной школы: первые призы «Опералии» на этот раз получили тенор Алексей Кудря и сопрано Юлия Новикова. В июне юбилейного для него года он дал в Москве концерт, в котором исполнил замечательные испанские песни.

Доминго не только знаменитый тенор и баритон, прекрасно спевший партии Фигаро и Риголетто. Он пробовал свои силы в баритональных и теноровых партиях при исполнении *сарсуэл* (специфических вокальных форм испанского музыкального театра). Около 500 раз Доминго становился за дирижёрский пульт. В сыгранной и спетой им роли Отелло трагедийность его исполнения даже превосходила игру известного русского трагика Николая Мордвинова.

В имеющейся у меня записи оперы «Отелло» Доминго пел с Дездемоной – Катей Риччерели, но любимой партнёршей в этой роли он считает Кири Те Канаву.

Доминго ещё и потрясающий рассказчик. В имеющемся у меня фильме он живо описывает свои роли в любимых операх, редко упоминая партнёрш и партнёров. Среди них «Кармен» с Еленой Образцовой, «Луиза», «Джоконда», «Эрнани», «Андре Шенье» (с Тибальди и Бастьянини), «Тоска», «Самсон и Далила», «Лоэнгрин», «Паяцы» с Терезой Стратас.

Меня потряс передававшийся недавно по телевидению дуэт Доминго и Анны Марии Мартинес. Это исполнение *сарсуэл* без малейшего преувеличения можно назвать гениальным...

У меня есть три DVD – диска с записью «Тоски» Пуччини.

Партию Каварадосси исполнял Пласидо Доминго, который с возрастом почти не меняется, а Тоску пели три разных певицы, не относящиеся к числу оперных звёзд.

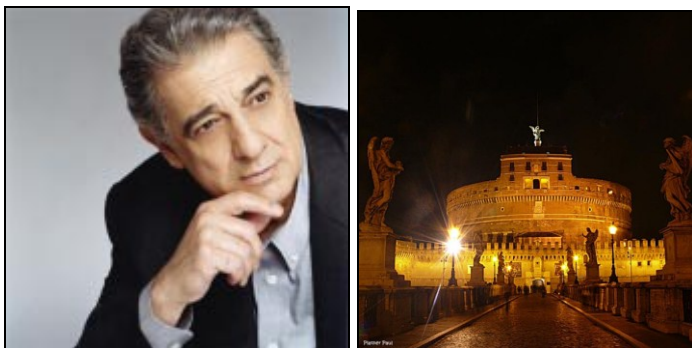
Постановки опер проходили в одинаковых интерьерах.

Наиболее интересна последняя сцена, в которой Каварадосси поёт трагическую заключительную арию: «Горели звёзды...». Виденные мной сцены с Тоской три раза повторялись на открытой площадке знаменитого «Замка Ангела» в Риме. Слева красовался величественный купол Собора св. Петра с холмом, поросшим стройными пиниями, а справа открывался вид на мутные воды Тибра.

На высокой площадке замка напротив реки выстраивались

артисты, играющие солдат, раздавалась ария Каварадосси, и после её завершения и команды «пли» на камни падало окровавленное тело художника, роль которого пел Доминго...

Из Замка стремительно выбегала Тоска, склонялась над возлюбленным и, видя его бездыханным, бросалась с трагическим криком в реку.

Замок Святого Ангела и сцены «смерти» художника не переставали меня волновать, даже снились по ночам, и настало время, когда, гуляя по Риму, мы с женой отправились в Замок.

Был он сначала гробницей, затем резиденцией пап, хранилищем их ценностей и одновременно тюрьмой, а в наши дни Замок стал архитектурным памятником - музеем.

Мы осмотрели апартаменты пяти пап, помещение тюрьмы, библиотеку с интересной картинной галереей, зал Сокровищ, возле которого когда-то располагался секретный архив.

С террасы замка, над которой высится огромная фигура Ангела, открывается великолепный вид на город.

Бывают места, которые запоминаются на всю жизнь. Замок объединил для нас потрясающий город с великим собором, рощи стройных деревьев, прелесть исторических легенд, могучую реку и незабываемую прелесть гениальной музыки Пуччини.

В наших душах навсегда останутся образы прекрасного Рима и поющего в нём и других городах Европы великого мастера бельканто Пласидо Доминго, живого и сохранившего всю силу своего таланта.

6. Новая жизнь известных опер

Вторая половина прошлого и начало нынешнего века представляется мне временем нового ренессанса оперы.

Появились талантливые молодые певцы и режиссеры из разных стран, не только европейским. По новым сценариям

поставлены классические оперные спектакли.

Способы обновления известных связаны с новыми художественными решениями, изменениями содержания, использованием новых талантливых солистов, художников-постановщиков, дирижёров, музыкантов оркестра, всего того, что составляет оперное искусство.

Я уже останавливался на новизне оперных спектаклей, специально поставленных для Нетребко и Виллазона.

Теперь мне хотелось бы рассказать о моих самых любимых постановках последнего времени.

В старинной опере «Ринальдо» Генделя, поставленной впервые ещё в 1711 все партии пели кастраты. Я записал эту оперу, осовремененную в 2000 году в одном из залов Баварской оперы (дирижёр Г. Бакер, режиссёр Д. Олден). Партии исполняли Дениэльс (Ринальдо), Уокер (Гоффредо), Д. Рёшман (Альмирена), и др.

Оперу превратили в своеобразный мюзикл, в котором сюжет переплетался со сказкой. Герои, преимущественно мужчины были в современных костюмах, но в опере присутствовало смешное чудовище и средневековый рыцарь, а также «кусочек рая», в котором вместо кастратов прекрасно пели самые известные контр-теноры. Постановка получилась очень забавной и достаточно современной. Она помогает новым зрителям познакомиться с творчеством великого Генделя.

Высокую оценку и премии заслужил фильм–опера с участием Дмитрия Хворостовского, который был поставлен в Канаде в 1999 году и имел несколько названий. Одно из них «Мечь Лепорелло». Известный бас-баритон исполняет в нём две партии – Дон Жуана и Лепорелло, которые появляются на экране попеременно, а в остальное время ждут съёмки, сидя на авансцене вместе с другими временно бездействующими персонажами - Эльвирой, Донной Анной, Доном Оттавио и др.

Дон Жуан и Лепорелло по-разному загримированы, и Хворостовскому удаётся даже изменять их голоса во время диалогов.

Очень интересна поставленная с участием всех исполнителей финальная сцена, где объятый пламенем Дон Жуан сгорает, проваливаясь в ад, а Лепорелло корчится от страха. Оператору удавалось с помощью монтажа показывать их одновременно.

Будучи человеком, погруженным в прошлый век, я не могу не вспомнить кинофильм «Дон Жуан», поставленный в 1979 году

Джозефом Лоузи, главные роли в котором исполняли Руджеро Раймонди, Тири Те Канава, Тереза Берганца, и другие, а дирижировал знаменитый Лорин Маазель.

Этот фильм вошёл в историю оперы.

Как известно, «Дон Жуан» очень нравился Петру Ильичу Чайковскому, который посвятил этой опере панегирик. В нём есть такие слова: ... *В «Дон-Жуане» столько красоты, столько богатейшего музыкального материала, что его хватило бы на дюжину наших современных опер, авторы коих, гоняясь за реализмом, правдивостью, верностью декламации, забывают в своем наивном донкихотстве, что первейшее условие всякого художественного произведения — красота».*

Эти слова задевают любителей нынешней «актуализации» опер.

Кинофильм Джозефа Лоузи был снят на природе и в павильонах. Главный герой Раймонди тогда был назван лучшим исполнителем партии Дон Жуана 70-х - 80-х годов. Он оригинально «очеловечен», превращён постановщиком в живого соблазнителя. Прекрасны его сцены обольщения женщин и смертельный страх перед мраморной статуей Командора.

Донну Эльвиру в этой постановке исполняет самая красивая Эльвира – новозеландка Тири Те Канава, одна из лучших певиц своего времени, которая пока не оставила сцену. Повезло и тем, кто слышал меццо–сопрано Терезы Берганца, исполнявшей партию Церлины.

Дон-Жуан Раймонди является – антиподом главного «победительного» Дон Жуана в недавней постановке одноимённой оперы в Ла Скала.

Постановщик – всемирно известный канадец Роберт Карсен. Дирижёр – нынешний музыкальный руководитель «Ла Скала» Даниэль Баренбойм.

Дон Жуан - Питер Маттея. Лепорелло - Брин Терфель, Донна Анна - Нетребко, Донна Эльвира - Барбара Фритолли, Оттавио - Джузеппе Филаноти, Церлина - Анна Прохазка. Сценография Михаила Левина.

Уже один перечень певцов и постановщиков оперы говорит о многом, все они обладают высоким профессионализмом.

Роберт Карсен поставил театральный спектакль, который при ансамблевом пении несколько раз переходит в концерты на авансцене. Постановка вызывающе эротична. Действие начинается в широкой постели Донны Анны. Постановщик скрестил все любовные пары. В одной из сцен с участием Дон Жуана и Лепорелло не оказалось женщин, и герои, не долго думая,

совершили «перекачивание» друг с другом. Постановщик внёс изменения в привычный для нас сценарий. Донна Анна с лёгкостью отдаётся главному герою, а потом не прочь соблазнить Оттавио. Церлина сама погружается в любовную негу с Дон Жуаном. Но в эротике Карсена нет места вульгарности.

В финале Командор протыкает шпагой главного грешника, но Дон Жуан с победительной улыбкой возникает не в аду, а в одной из театральных лож. Он непобедим и бессмертен, как сама любовь.

Дон Жуан Раймонди – был живым соблазнителем, а Питер Маттея из Миланской оперы своеобразный актуализированный символ непобедимости любви.

О вокале скажу двумя словами – он изумителен, и это касается всех исполнителей и дирижёра, знаменитого Даниэля Баренбойма.

Прослушав много вариантов оперы Моцарта, я бы составил воображаемый список лучших исполнителей. Место Дона Жуана у меня было бы отдано Руджеро Раймонди, партия Лепорелло – Брину Терфелю, Эльвиры – Тири Те Канаве, Церлины – кореянке Хей-Киунг Хонг, которая замечательно сыграла и спела эту партию в постановке, сделанной Франко Дзефирелли в Метрополитен – опера, а роль Дона Оттавио получил бы Джузеппе Филаноти.

До появления Нетребко среди исполнителей Донны Анны мне больше всего нравилась Рене Флеминг из «Метрополитен – опера», но Анна Нетребко в этой роли всех обошла, притом, что, по-моему, постановщик Роберт Карсен не использовал до конца артистический дар замечательной певицы.

Интересна поставленная в июле 2001 года «Травиата» с участием известной французской певицы Натали Дессей, где постановщик Жан Сивагуэр выдвинул на первый план *самопожертвование* главной героини.

Партию Альфреда спел выдающийся итальянский тенор Чарльз Кастроново, а Жермона-старшего известный французский баритон Людвиг Тезиер.

Виолетта, впервые в жизни познавшая любовь с Альфредом, прислушалась к просьбе его отца Жоржа Жермона и решила принести себя в жертву во имя счастья семьи Жермонов.

Постановка и игра Дессей оказалась нетрадиционными. Во время звучания увертюры перед последним актом Виолетта готовится к достойному уходу из жизни. Она отказалась от постели умирающей и присутствия доктора. Гордо встретила с

потрясёнными Жермонами, обняла вернувшегося к ней Альфреда, и сделала последний шаг за авансцену, символически уходя из жизни...

Мне понравилась очень оригинальная, написанная на музыку Россини опера «La Pietra del Pagalone», посвящённая событиям войны. (постановщики – Барберико Корсети и Пьерих Сорин; режиссер Филипп Бециар).

Постараюсь рассказать о технике её создания.

Над оперой основательно поработали не только хорошие режиссеры – постановщики. Потребовалась киносъёмка «декораций», которыми стали игрушечные объекты–домики, танки, пушки заросли «экзотических» - увеличенных растений, «подводные» съёмки (через стёкла аквариума).

На фоне созданных декораций снималась игра героев оперы. Всё это профессионально смонтировали и превратили в живой и приятный фильм – оперу, в котором пели одарённые молодые и красивые артисты.

Так кино-фото съёмка и фрагменты прелестной музыки Россини, а главное умение режиссеров и операторов помогли из деталей «детского конструктора» создать живую и весёлую оперу о войне и её удачном завершении.

Теперь мне хотелось бы рассказать о некоторых особенно удачных постановках последнего времени.

Начну с поставленной в Хьюстоне в 1995 году оперы Россини «Золушка», «La Cenerentola, с участием Чечилии Бартоли и других всемирно известных певцов.

Я считал эту оперу непревзойдённым шедевром, но недавно был приятно поражён, прослушав поставленную в Барселоне «Золушку» с участием в главных ролях Джойс ДиДонато и Диего Флореса.

ДиДонато, как и Бартоли обладает колоратурным меццо-сопрано, но особенности их очень красивых голосов существенно отличаются.

Молодая американка, включена в список лучших мировых певиц 2011 года. Начиная с 2005-2006 годов, она успешно выступает на самых престижных оперных сценах, и недавно стала лауреатом нескольких премий. Её сопрано (как и у Бартоли) способно выводить немыслимые фиоритуры, поднимаясь от низов к вершинам.

Но в отличие от Бартоли, ДиДонато больше привлекают драматические роли. Поэтому «Золушка» стала для молодой

певицы своеобразным исключением.

В новой постановке приняли участие театры пяти городов (Люцерн, Барселона, Кардифа, Хьюстона и Женевы). В спектакле использованы отрывки из других опер Россини. Он расширен и поражает не только музыкальной стороной, но изысканностью декораций.

Художники и постановщики использовали костюмы, взятые из комедий Дель-Артэ с масками, шпорами, панталонами, завязками, чулками и блузами разных цветов. Оригинально сделаны сменяемые декорации, передвижные кареты, шары.

В названном спектакле есть интересная особенность, связанная с либретто.

«Международная» Золушка сохранила особенности нашей, русской девушки – сиротки при плохом отце и злых сёстрах. Она одинока, её обижают, но на помощь ей приходит не добрая фея, а хвостатые обитатели дома – большие, в человеческий рост крысы. Кроме Золушки их никто не видит, но они помогают девушке одеться на бал, составляют временную свиту невесте.

Моя пятилетняя внучка смотрела по телевизору только короткие немецкие мультики, но, обратив внимание на крыс, стала регулярно слушать красочную и очень мелодичную оперу. Параллельно она расспрашивала меня о деталях сюжета, стала узнавать музыкальные отрывки, и теперь подбегает к телевизору, когда передают музыку Россини.

Реплика. Гениальная опера Доницетти «Анна Болейн» (Анна Болена) включает факты английской истории. Либретто и разнообразные постановки оперы противоречивы.

Я смотрел и слушал постановку Венской оперы (Режиссер Эрик Дженовезе, постановщики Жак Габель и Клэр Штернберг) (2011).

Самый трагичный акт оперы – сцена в Тауэре сыгран и спет Анной Нетребко изумительно. В душераздирающей арии безумная Анна Болена вспоминает детские годы, первую любовь к Перси, свадьбу, ранние годы супружества с вероломным королём, пославшим её на смерть. В Тауэре Анна прощается с дочерью, друзьями Перси и Рошфором, с любимым музыкантом Сметоном. Потом, не прерывая пения, Королева Болейна с достоинством ложится под нож палача, доказавши, что исполнительница этой роли Анна Нетребко - настоящая Королева Оперы.

К сожалению, плохих новых постановок на порядок

больше, чем хороших.

Крысы понравились не только внучке, но и постановщикам переданной в августе 2011 года по программе «Артэ» из Байройта оперы Вагнера «Лоэнгрин». Постановку вполне можно было бы назвать «Крысиной оперой».

Внучка включила телевизор и с криком: «Крысы, чёрные крысы!», со страхом прижалась ко мне. Впоследствии она боялась сама включать телевизор.

В новом варианте «Лоэнгрин» было мало общего со средневековой легендой о светлом рыцаре, сыне Парсифаля.

После ухода внучки, я включил телевизор.

Лоэнгрин и Эльза под грохот музыки метались среди большого стада жирных чёрных крыс с мерзкими розовыми хвостами. Их передние и задние лапы увеличенных размеров заканчивались когтями.

Постановщики нарядили крысиный оперный хор в чёрные фраки. Потом цвет одежды грызунов менялся, они становились похожими на людей, сохраняя крысиный облик, сбиваясь в агрессивные стаи.

По сцене метались одетые в зелёные костюмы лаборанты, разгоняли крыс по клеткам и делали им уколы.

Главные действующие герои оперы, включая Лоэнгрин, были одеты в фантастические костюмы.

На свод театральной сцены кино проецировало бег настоящих крыс.

При этом музыка и пение были очень хорошими. Главные герои оперы в странных нарядах соответствовали либретто.

В титрах среди постановщиков нового варианта «Лоэнгрин» были две ныне живущие родственницы композитора Вагнера.

Во время трансляции по телевидению юбилейного спектакля Дм. Шостаковича «Катерина Измайлова», поставленного в Финской опере главные герои были обнажены и под грохот музыки при вспышках искусственных молний занимались сексом...

Можно ли переделывать оперы, относящиеся к национальной классике?

С уверенностью отвечу, что это необходимо. Проходит время и либретто устаревает, зрители не понимают сюжета, или он кажется им смешным, но музыку, написанную классиками, по-моему, надо сохранять.

Примеров не счесть – переделкам подвергались многие оперы Моцарта, Россини, Глюка, Генделя и других композиторов.

Хорошо сделанные изменения продлевают операм жизнь.

Прекрасна постановка «Евгения Онегина» на сцене «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке с Хворостовским – Онегиным и американкой Рене Флеминг в роли Татьяны. Два акта оперы идут на почти голой сцене на фоне опавших осенних листьев, но отдельных элементов декораций достаточно для художественного воссоздания образов либретто.

Великая опера Чайковского переделывалась десятки раз.

Заглянув в красную книгу, посвящённую 200-летию Большого театра «*Сегодня на сцене Большого театра 1776-1976*», Москва, Искусство, 1976, я узнал, что уже в советское время известный режиссер Борис Покровский перестраивал оперу три раза, придавая главное значение образу Татьяны, роль которой в Большом театре много лет играла народная артистка СССР Галина Вишневская...

Несколько десятков лет спектакль «Евгений Онегин» был «выездным» при гастролях в разные страны.

Теперь «выездной картой» служит одноимённая опера, поставленная режиссером Дмитрием Черняковым. В народе опере-переделке дали название: «Гибель Ленского без дуэли, связанная с пьянством».

В мою задачу не входит разбор творчества современных «актуалистов», сторонников «режиссера божьей милостью» Дмитрия Чернякова.

Опера в первую очередь музыкальный спектакль, а искажения или искусственное удаление музыкальных фрагментов классики кажутся мне кощунственными.

Вместе с тем, я не перестаю думать, что «бремя лет» застилает мне глаза и не даёт права оценивать творчество современных талантов.

Ведь не даром Черняков получал большое количество призов и теперь востребован не только в России, но и на Западе.

Может быть, прав и Владимир Юровский, призывающий зрителя присмотреться глубже к творчеству современных «актуалистов».

Для меня в этом отношении важно мнение поколения «пятидесятников», музыкантов и искусствоведов с большими знаниями и опытом.

Среди них первое место я отдаю Сати Спиваковой. Я верю всему, что она хвалит в своих передачах, включая и оперных певцов, творчество которых и я способен оценить, хотя не разбираюсь в нотах и октавах.

Три четверти жизни я прожил при тоталитарном режиме,

который преследовал новаторов от искусства, включая живопись и музыку. Я им сочувствовал и переживал, когда их преследовали, хотя не знал их произведений, и Господь явил мне чудо...

7. Ария Ленского

Осень ушедшего 2011 года была красивой и щедрой. Не только природой, но и музыкальными концертами в Кёльнской филармонии. Шестого ноября мы с приятельницей спешили на концерт с участием замечательного виолончелиста Миши Майского.

Вера моложе и образованней меня в области живописи, балетной и оперной музыки. Она склонна к дискуссиям и спорам, но старается меня щадить, зная, что эмоциональные нагрузки повышают кровяное давление...

Нам удалось купить входные билеты и оставалось время для прогулки по набережной Рейна.

Включилась подсветка главных архитектурных доминант Кёльна – Домского собора и Большого Святого Мартина, зажглись огоньки на стоящих на набережной корабликах вдоль Рейна.

Мы возвращались к филармонии по одной из улиц старого города, пострадавшей, но выстроенной заново после войны.

- Чудо, как красиво, - сказала Вера, - но мы не подозревали, что нас ожидает не только виртуозная игра выдающегося виолончелиста...

В программе значился концерт Брамса для скрипки и виолончели с оркестром.

Майский не признаёт фраков, концерты играет в свободных рубашках без пуговиц японского дизайнера Иссей Мияки. Вместо бабочки он носит украшение с бриллиантом старинной огранки и множеством других камней.

Его виолончельные переложения великолепны - яркие и гармонически стройные: сочинения Баха, Бетховена, Шумана, Мендельсона, Чайковского, Дворжака, Шостаковича. В своё время анонимный меценат подарил Майскому, тогда талантливому юноше, прекрасную итальянскую виолончель XVIII века «Montagnane», на которой музыкант играет до сих пор.

У этой виолончели изумительный звук, она просто поёт.

Что же она сегодня «споёт» на бис?

Поклонившись после третьего выхода на аплодисменты, Майский произнёс слова без микрофона, которых я не разобрал. Шум прошёл по залу, некоторые слушатели встали, засверкали глаза моей спутницы, а я не смог сдержать слёз...

Голос виолончели запел арию Ленского, которую я слушал

в живом исполнении Лемешева и Козловского!

Почему Майский выбрал именно эту арию? Был ли это ответ «актуалистам», которые исключили её из музыки Чайковского к «Евгению Онегину»?

В любом случае это был показ того, что классика не только не скучна, но и бессмертна...

8. Праздник Италии, хор «евреев» и дирижёр Рикардо Мути

В марте прошлого года по случаю 150-летия Италии в Риме исполнялась опера Верди «Набукко», которой дирижировал знаменитый Рикардо Мути. Эта опера имеет политический аспект – рассказывает о рабстве евреев в Вавилоне. Поставлена опера была ещё во времена Габсбургов, пленниками которых оказались итальянцы, но цензура разрешила представление, назвав пленников евреями из Вавилона.

Хор и постановка потрясают. Мне подарили диск с записью оперы и выступлением Мути, который потребовал от присутствующего на празднике тогдашнего премьера Берлускони выделить дополнительные средства для поддержки музыки и культуры в Италии.

Исключительно хорошей была работа постановщика, художника и декораторов. Участники хора были в красивых старинных еврейских одеяниях.

Одним из комментаторов было сказано: «только абсолютно бессердечный человек или антисемит может не прослезиться от сочувствия и поддержки поющим римлянам...»

Хорошо показанный крупным планом обзор всех лиц участников хора, по-моему, не обнаружил среди них евреев, но среди хора преобладали азиатские и узкоглазые очень приятные лица.

«Исторический» диск с полной записью оперы и выступлением Рикардо Мути пополнит мою коллекцию лучших оперных записей, а также еврейских шуток.

В погожие летние вечера покой старой Европы с причудливыми аренами, стадионами, домами, волшебными замками, каналами и речными излучинами, горбатыми мостами и белыми яхтами всё чаще нарушают чарующие звуки музыки. В другие времена года она звучит в концертных и оперных залах, в грандиозных соборах, превращённых во дворцы искусств - музыка объединяет Европу.

Автор выражает глубокую благодарность Серафиме

Селезнёвой за помощь в редактировании рукописи.

Наум Зайдель

В начале сотворил Бог звук и ритм

Заметки по поводу фильма режиссера Олега
Дормана "Нота"

4 этого ноября 2011 года в Москве Государственный камерный оркестр России под управлением Алексея Уткина открыл свой филармонический абонемент концертом памяти легендарного музыканта и дирижера Рудольфа Баршая. А днем раньше, 4 ноября в Камерном зале Московской филармонии состоялся закрытый показ документального фильма "Нота" режиссера Олега Дормана о жизни и творчестве дирижера. После премьеры фильма состоялась пресс-конференция. На ней присутствовали французский скрипач и режиссер Бруно Монсенжон (Франция), автор документальных фильмов о Святославе Рихтере, Давиде Ойстрахе, Иегуди Менухине, Мстиславе Ростроповиче. Участвовали также режиссер Олег Дорман и вдова Рудольфа Баршая Елена Баршай.

Каково же было мое удивление, когда мне сообщили, что фильм "Нота" будет показан 14 ноября у нас в Израиле, в поселении Элазар, в Гуш-Эционе.

В просторном гостеприимном доме семейства Аарона и Майи Бренер, зятя и дочери журналиста Александра Баршая, родственника знаменитого дирижера, большая комната была приспособлена для демонстрации фильма. Продюсер фильма Феликс Дектор рассказал, как создавался фильм.

"Олег Дорман и я приехали в Швейцарию познакомиться с Баршаем, составить план, оценить условия съемок на месте. Мы поняли, снимать фильм должны начать немедленно. Все может случиться.

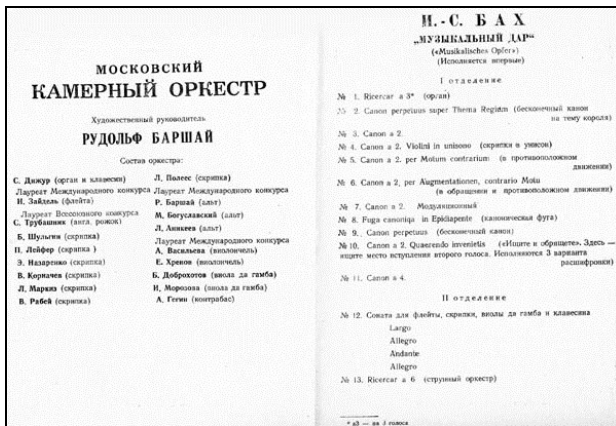
Режиссер Дорман взял кинокамеру в руки, и работа началась. В течение двух недель мы сняли и записали 60 часов материала. Возвратившись в Москву, мы узнали о смерти Баршая. Из отснятого материала в фильм отобрано около 90 минут".

Первые кадры фильма. Крупным планом лицо мудрого

человека, ненагруженные физическим трудом руки, тонкие длинные пальцы музыканта. Неторопливая речь, ясная мысль, тяжелая походка старика. Маэстро рассказывает о своей прожитой жизни, о женах, детях, о единственной Музе, которая всегда вдохновляла его – Музыке.

Камера перемещается. Крупные капли дождя бьют по стеклам окна, низкие облака застилают швейцарские горы, сильный ливень, непогода, надвигается гроза. Съёмки Олега Дормана великолепны. Эти кадры не могут не вызвать у зрителя ассоциации с музыкой Л. Бетховена "Gewitter und Sturm", – четвертой частью Шестой симфонии – "Пасторальной". Как выяснилось, отличное совмещение в одном лице профессий режиссера и оператора.

В 1956 году Баршай создал Московский камерный оркестр. Более двадцати лет был его бессменным руководителем. Глубокие знания оркестра, методика педагога для музыкантов-профессионалов, только ему присущая концепция звучания оркестра делали плоды его работы абсолютно фантастическими. Это художник, который служил музыке, а не использовал ее, как средство для достижения своего личного и легкого успеха. Мне довелось играть с ним в те далекие 1950-е и 1960-е в Московском камерном оркестре.

Малый зал консерватории
Вторник, 11 ноября
Сезон 1958-1959 гг.

Я неоднократно слышал фразу, которую он любил повторять:

"Если написано piano, я добиваюсь piano, если написано forte, я добиваюсь forte, если crescendo, я добиваюсь crescendo. Вот и все, секретов никаких нет. Это отношение честное к искусству, я бы сказал, к своей профессии, к своей деятельности. И я добиваюсь, бывает, что и скандалю с оркестрантами, требуя точного выполнения того, что написано в нотах".

Не надо забывать, перед дирижером в оркестре сидят живые люди, со своими проблемами и заботами. Не черные и белые клавиши фортепиано. Дирижер наталкивается на явное или скрытое противодействие оркестрантов. Каждый из них учился у профессора, играл с разными дирижерами эту симфонию. Какие проблемы?! В симфонии Моцарта играть нечего. Оркестр настроен скептически. Баршай умел убедить музыкантов в важности своих требований, был настойчивым и бескомпромиссным на репетициях.

Московский камерный оркестр состоял из музыкантов-единомышленников. Они не только репетировали и играли концерты, но и отмечали праздники, – как любили говорить – alle zusammen. Так я участвовал на встрече Нового года 1957 или 1958. Торжество состоялось в знаменитом доме на ул. Грановского 5, принадлежащем до революции графу Шереметьеву, а в 30-х годах квартиры занимали члены правительства и партийные деятели. На фасаде дома я прочитал надпись на мраморной плите

**Здесь жил и работал выдающийся деятель партии и
правительства...**

Кто? Не помню.

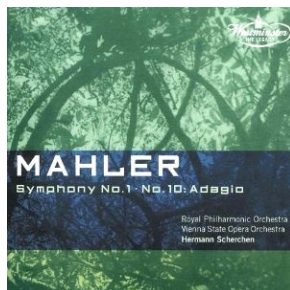
В тот праздничный вечер я познакомился с женой Баршая Анной Сергеевной Мартинсон. Вову, их сына я не видел, он был еще совсем маленький, и, спокойно спал, пока все веселились.

С Ниной Баршай, первой женой Р. Баршая, вторая скрипка квартета им. Бородина, я работал 13 лет в Большом симфоническом оркестре. Она сидела за пультом в двух метрах от меня. Кроме того, я был пайщиком в кооперативном доме работников Всесоюзного Радио на улице Беговая, 7-9. Естественно, в доме занимали квартиры музыканты из разных оркестров, певцы-солисты, хористы, дикторы. Нина Баршай имела там квартиру. Часто мы ездили на троллейбусе на репетиции и концерты.

В одном эпизоде фильма Баршай говорит о своей работе над Десятой симфонией Густава Малера. Она оказалась последним сочинением композитора, незаконченным, и состоящим из частично оркестрованных набросков, написанных крайне неразборчивым почерком. Великий композитор и дирижер страдал

от неизлечимой болезни сердца, его семейная жизнь была разбита. Он скончался в возрасте 50 лет. Было предпринято несколько попыток завершить симфонию. Шостакович, Шенберг и Бриттен не выразили готовности выполнить эту работу. Задача была подхвачена музыковедами. Попытки реализации всей работы были сделаны Клинтоном Карпентером, Дериком Куком и другими видными фигурами музыкального мира того времени.

Баршай загорелся этим проектом. Все началось с телефонного разговора с композитором Александром Локшиным в конце пятидесятых годов. "Бросай все и приезжай ко мне немедленно". Примчавшись к нему, Баршай услышал интересную новость. Оказалось, дирижер Арвид Янсонс привез из заграницы пластинку для Локшина. Герман Шерхен дирижирует Adagio из Десятой симфонии Г. Малера. Локшин поставил пластинку на проигрыватель. Оба были под большим впечатлением, вернее сказать, потрясены новым восприятием мира композитора, техникой оркестровки.

Запись 1952 года. Hermann Scherchen, the Vienna State Opera Orchestra

– И первое, что я сделал, уехав за границу, – стал искать манускрипт Десятой симфонии Малера, – вспоминает Рудольф Баршай. Копия обнаружилась в Копенгагене у одного датского композитора, ученика Альбана Берга. Я на коленях умолял дать ее мне на несколько часов! Он отказывался: бесценная вещь, свадебный подарок его жены. Потом он пришел после концерта, где я как раз играл Малера – кажется, Девятую симфонию. Ему очень понравилось, и он согласился мне дать партитуру на одну ночь. Я поехал на радио, там сделали мне копию. Наутро отдал партитуру и с копией не расставался до того дня, пока не была издана партитура. 18 лет я над ней работал и два года ее писал. Ее выпустило издательство Universal Edition, и Джонатан Карр, крупнейший специалист по Малеру, отзывался о ней очень высоко.

Первое исполнение было во Франкфурте, играл оркестр Junge Deutsche Philharmonie – коллектив, куда молодые музыканты поступают по конкурсу. –

Интервью: Рудольф Баршай: "В маститых оркестрах бывает много наглецов".

Десятая Малера не оставляет Баршая в покое, много дум и сомнений занимали его денно и нощно. Баршай достаточно подробно рассказывает об этом в фильме, Трудно запомнить, точно воспроизвести, проанализировать то, о чем он говорит, просмотрев фильм один раз. Инстинкт подсказывал мне, – обязательно нужно иметь текст перед глазами. Попросил режиссера Олега Дормана прислать текст. Он любезно выполнил мою просьбу.

Здравствуйте, уважаемый Наум. Вот, пожалуйста, по стенограмме.

"Я начал изучать рукопись опять с самого начала. Взял лупу, через лупу изучал это все. И я нашел в этой рукописи его, где много вариантов зачеркнутых, вариант – перечеркнут, новый, другой, на другой странице... Ну, может быть, было сто с лишним вариантов этого места – как быть с этим соль-бемолем. Видно, что он не хотел расставаться с ми-бемоль-мажором. Как поступил Деррек Кук? Очень просто: он этот ми-бемоль-мажорный аккорд, чтобы не портить мелодию, превратил в ми-бемоль-минорный аккорд. И сразу стал характер унылый, понимаете, унылый сразу, в ми-бемоль-минор разрешается, да ми-бемоль-минор еще такая унылая тональность, что деваться некуда, жизнь не мила, а этого нельзя. Бах не разрешал тоже этого, потому что Бах был послушен воле божьей, он не протестовал против воли божьей. Бетховен мог протестовать, но как!

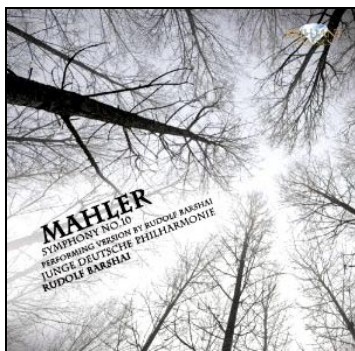
Я думаю: я найду что-нибудь в этой рукописи, какую-то ноту... И я нашел какую-то ноту в третьем голосе, то есть в третьем голосе снизу, снизу, в одном из нижних голосов какая-то нота написана, непонятно, вроде кляксы какой-то... Ну, нота написана, но какая нота – непонятно. Сколько я ни смотрел в самые сильные лупы, я не мог разгадать, что это за нота. А потом я сам себе сказал: все равно, какая нота, это будет по моему – ре-бемоль. Я считаю, что это будет ре-бемоль. И когда я написал туда ре-бемоль, я в это время был еще в кровати, спал, ну, так, дремал, но когда я написал ре-бемоль, я в голове написал, меня взорвало всего! Я вспотел, как мышь, потому что я услышал то, что я искал, как раз то, что... Нота, которая превращала ми-бемоль-мажор в доминант-септаккорд к ля-бемоль-мажору. Понимаете, доминант-септаккорд что такое? Это уже не ми-

бемоль-мажор, а доминант-септаккорд к ля-бемоль-мажору или, другими словами, в смысле аллитерации – к соль-диез-мажору.

Ми-бемоль-мажор с ре-бемолем, такой аккорд, превращают тогда этот ми-бемоль-мажор в доминант-септаккорд к ля-бемоль-мажору, то есть к соль-диез-мажору. А соль-диез-мажор – это уже два шага, в смысле, э-э...модуляции до фа-диез-мажора. Один тон – и уже в фа-диез-мажоре. А что такое фа-диез-мажор? Я очень извиняюсь, это главная тональность всей симфонии".

С уважением, Олег

Перед зрителем предстает музыкант-художник, настойчивый исследователь в поисках истины, одержимый разгадкой авторского замысла. Он педантично вникает в каждую точку, в каждую мелочь. И вдруг, – озарение среди ночи. Он нашел правильную ноту **ре-бемоль**, и одновременно модуляцию в главную тональность симфонии. Не случайно режиссер Дорман назвал свой фильм просто, непретенциозно – "**Нота**".

Густав Малер Десятая симфония (реконструированная)
Дирижер Рудольф Баршай

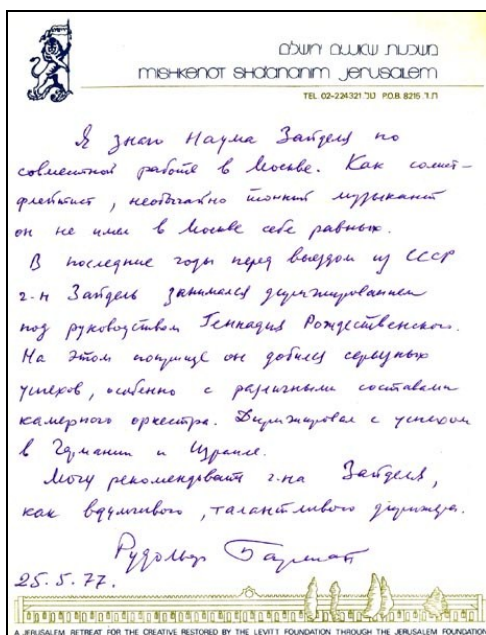
В 1977 году Баршай эмигрировал в Израиль. Израильское радио в передаче "Последние известия" сообщило о его приезде. В тот же день я появился в номере отеля "Sheraton" в Тель-Авиве. Потом он более месяца жил в Иерусалиме, в Mishkenot Sha'ananim, – guest house для писателей, художников, музыкантов. Здесь Рудольф Борисович прослушивал музыкантов, обдумывал свой первый концертный сезон в Израиле. Муниципалитет Тель-Авив – Яффо предоставил ему просторную квартиру. Иными словами, были созданы необходимые условия для творческой работы музыканта. Как никого другого из мира искусства приняли

нового репатрианта Рудольфа Баршай, знаменитого на весь мир дирижера – с большим вниманием, уважением и почетом.

Мои отношения с ним были близкими и доверительными. Он звонил мне по нескольку раз в день. Я уже "старожил", целых пять лет в стране, знал многих лично, рекомендовал ему музыкантов для прослушивания. Когда Баршай уволил директрису оркестра, я посоветовал обратиться к Рони Абрамсону.

Рони работал в должности инспектора в Иерусалимском симфоническом оркестре. Баршай назначил его директором Израильского камерного оркестра.

В самом начале своего пребывания в Израиле, Баршай написал отзыв обо мне, который я до сих пор никому не показывал, нигде не представлял, не публиковал, даже забыл, где он находится. Только сейчас в процессе написания этих заметок я с трудом его обнаружил. Отзыв положительный, хвалебный. Зная, каким Баршай был рафинированным, изысканным, требовательным музыкантом, мне до сих пор не верится, что это написано обо мне.

Благодаря усилиям Голды Меир и Вилли Брандта, бывшего канцлера Западной Германии, приехала в Израиль Елена Баршай. Удивительное достижение по тем временам, так как

супружеские отношения Баршай и Елены не были зарегистрированы официально в Советском Союзе. По приезде Елены я бывал у них неоднократно, сначала в пустой, а потом со вкусом обставленной мебелью квартире.

Рудольф Баршай и Наум Зайдель
Лондон 1983 год

Приглашая Баршайа возглавить Израильский Камерный оркестр, местные музыкальные функционеры предполагали и надеялись, что он сделает из него оркестр, не уступающий по мастерству и звучанию Московскому. Так и произошло.

После двух лет работы с Баршаем Израильский Камерный оркестр играл "Искусство фуги" И.С. Баха не хуже Московского. Это были событийные концерты в Израиле.

Какими же тугими на ухо "глухарями" оказались околоректорские власть предержащие, и некоторые израильские музыкальные критики. Они видели в Баршае не музыканта-художника, а отставшего от времени педагога-репетитора, без свежих идей и фантазии, а исполнение оркестра скучным, музейным. Закончив концертный сезон 1980-81 года, Маэстро уехал в Германию, где у него были обязательства работать как гость-дирижер с оркестром Западногерманского радио. Там он получает сообщение из Тель-Авива, извещающее, что договор, заключенный с Израильским камерным оркестром не будет продлен.

Трудно не заметить отсутствие в фильме даже намек, упоминания о проведенных дирижером годах в Израиле. Я виделся с Р. Баршаем в Лондоне в 1983 году. Тогда он тоже не вымолвил ни слова об Израиле. Никогда больше не приезжал, не дирижировал. Тому причина одна из двух: или его полное безразличие, или тяжелая душевная травма.

После распада Советского Союза Баршай триумфально возвратился в Россию в 1993 году. Дирижировал Большим симфоническим оркестром им. Чайковского. Играли Девятую симфонию Г. Малера. В 2007 году Баршай пригласили дирижировать камерным оркестром "Виртуозы Москвы" в Большом зале консерватории.

Газета Культура 37 (7700) 24-30 сентября 2009 г. опубликовала сообщение, очень короткое, поэтому приведу его полностью.

"Из других новостей: остался без шефа Государственный камерный оркестр России, которым до недавнего времени руководил Константин Орбелян. Руководство филармонии решило пока не торопиться с назначением преемника, а послушать в течение сезона разных дирижеров, и только потом определяться с кандидатурой. Одним из тех, с кем ведутся переговоры о выступлениях с оркестром, – легендарный основатель коллектива Рудольф Баршай".

Была идея, чтобы он приехал в Москву и поработал с Государственным камерным оркестром России. Тогда ему было уже 85 лет.

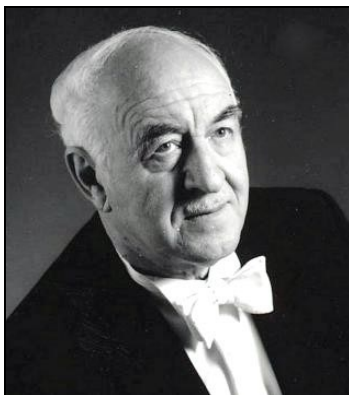
Рудольф Баршай завоевал всемирную известность и признание, как дирижер Московского камерного оркестра и автор переложений для струнного оркестра сочинений Баха **"Искусство фуги"**, (Die Kunst der Fuge BWV 1080), **"Музыкальное приношение"** (Ein Musikalisches Opfer C minor, BWV 1079), **пяти струнных квартетов Д. Шостаковича**, **"Мимолетности" С. Прокофьева**.

Пусть простят меня пианисты. "Мимолетности" мне нравятся больше в оркестровке и исполнении баршаевского

оркестра – тончайшая нюансировка, богатство тембров, певучесть звука струнных инструментов, – чем фортепианный оригинал.

За неделю до смерти – в конце октября 2010 года – Рудольф Баршай закончил оркестровку "Искусства фуги" Баха. Маэстро работал над ней последние 44 года своей жизни, и труд этот считается самым большим его достижением.

Работа над реконструкцией Десятой симфонии Густава Малера продолжалась 20 лет. В 2004 году она была записана с Молодежным оркестром Немецкой филармонии (Junge Deutsche Philharmonie).

Документально-художественный фильм-монолог "Нота" заканчивается кадрами похорон легендарного музыканта.

Совсем недавно он жил, дышал, говорил, творил. Маэстро Баршай сыграл тысячи концертов, записал множество грампластинок. Своим высочайшим исполнительским искусством он сотворил себе монумент из прекрасных звуков и чудесных гармоний на радость почитателям музыки.

Лично меня порадовали интерес и внимание собравшихся на просмотре. Секрет, по-видимому, в том, что 90-минутный фильм-монолог обращен к широким массам зрителей, понятен каждому.

Из отснятого материала в фильм отобрано 90 минут. Режиссер Олег Дорман, наверное, сам участвовал в отборе материала. Он точно знает, что нужно взять, что отложить в сторону. Техническое средство монтаж – превращается в средство художественное.

По окончании просмотра состоялось краткое обсуждение фильма. Зрители, большинство из них не музыканты, долго не расходились. Не каждый день доводится посмотреть фильм о жизни нашего современника, о счастье и муках творчества, о

смерти, которую еще никому, даже самым гениальным и самым богатым, не удалось избежать.

Postscriptum

27 апреля 2012 года на российском телеканале "Культура" состоялся показ нового фильма режиссера Олега Дормана "Нота".

Израильский камерный оркестр запланировал концерт, посвященный памяти Маэстро Рудольфа Баршай, который состоится в ноябре 2012 года. Концерт организует и частично спонсирует его сын Владимир Баршай.

Игорь Ефимов

Айн Рэнд

(1905-1982)

Двое, которых мы будем называть БАС и ТЕНОР, сидят друг перед другом за столом. Перед каждым – книги с закладками, газетные вырезки, фотографии. Иногда они произносят свои мини-монологи, глядя друг на друга, иногда – глядя в камеру.

АС: Послушайте, вы не знаете, кто там наверху выбирает темы для наших программ? Почему никогда не спросят нас самих, о чём бы мы хотели поговорить?

ТЕНОР: А я как раз предпочитаю такой порядок. Разве пришло бы мне когда-нибудь в голову выбрать темой Айн Рэнд? Почему именно она, почему не какая-нибудь другая литературная знаменитость? Но, получив задание, я на месяц погрузился в её судьбу, и мне открылось множество ярких характеров, драматических коллизий, непредсказуемых вспышек страстей.

БАС: Да что же нового мы можем рассказать телезрителям о знаменитой писательнице, чьи романы выходили и выходят стотысячными тиражами, о которой были написаны сотни статей и книг, даже поставлен фильм с участием превосходных актёров?

ТЕНОР: Никто и не ждёт от нас чего-то нового. В греческих трагедиях, как вы знаете, кроме действующих лиц, на сцене – или рядом – присутствовал хор, который комментировал происходящее, выражал сочувствие или гнев, одобрение или осуждение. Мы с вами и есть такой маленький хор из двух голосов, которому следует прокомментировать драму, разыгравшуюся в жизни.

БАС: Была бы моя воля, я бы половину передачи посвятил детству и юности Айн Рэнд, или скорей – Алисы Розенбаум. Взорванная революцией Россия – вот где полыхали трагедии высокого накала, действовали герои и злодеи, решались судьбы народов и поколений. Сколько ей было, когда рухнула монархия?

ТЕНОР: Двенадцать. Пережить в таком возрасте голод, страх, зрелище замёрзших трупов на улицах – конечно, это должно было оставить глубокий след в её душе. Её отец, богатый аптекарь, имел все основания опасаться мести тех, «кто был ничем, а стал всем». Это просто чудо, что семья не была выслана или арестована и Айн успела получить образование в Петербургском университете, когда там ещё преподавали известные российские профессора.

(1905-1982)

БАС: Всё же у меня возникло впечатление, что уже тогда она выносила приговоры изучаемым философам с решительностью какого-нибудь чекиста. Конечно, любой студент вправе предпочесть логичного Аристотеля идеалисту Платону. Но заявлять впоследствии, что Платон был предтечей и создателем идеологии коммунизма – это уже в духе тех самых комиссаров, которые любили валить всех несогласных с ними в единую категорию – *врагов* и ставить их к стенке.

ТЕНОР: Тем более что судьба её самой не укладывалась в рамки логики. Её ангел-хранитель должен был летать над её головой, не смыкая глаз. Выбраться из Советской России в Латвию, получить там американскую визу – в 1925 году это уже было чудом невозможным без вмешательства высших сил.

БАС: Что меня поражает в этой женщине – целеустремлённость. Какая нужна была самоуверенность, чтобы с

первых дней в Америке посвятить себя литературной карьере! И она ведь таки явилась в Голливуд, и ей стали подбрасывать задания по обработке сценариев. Неужели её английский был на таком уровне, что она могла считаться профессионалом? Я уверен, что на первых порах кто-то должен был помогать ей, кто-то редактировал её тексты. Но нигде в воспоминаниях она не упоминает об этом. О, она умела вычёркивать из своей жизни людей, вычёркивать всё, что умаляло ореол её величия.

ТЕНОР: Не могла ли она получить помощь от своего жениха, Фрэнка О'Коннора? Ведь они познакомились уже через год после её приезда, когда он снимался в массовке фильма «Царь царей».

БАС: Фрэнк? По всем свидетельствам, он был высок, красив, добр, тактичен, но образованностью не блистал. Сын канадского сталевара, пьяницы, рос в большой семье, после смерти матери шатался по всему свету, берясь за любую работу. Английские слова писал так, как слышал, грамотеем его не назовёшь. Любопытная деталь: в письме брату он описал свою первую встречу с «забавной и милой девушкой из России, которая говорила с таким акцентом, что он не мог понять ни слова».

ТЕНОР: Тем не менее, они поженились и прожили вместе всю жизнь. Их семейный кораблик выдержал бури, выпавшие им на долю. А их было немало. Друзья, знавшие обоих, говорили, что присутствие мужа было необходимо для Айн Рэнд. Она поминутно брала его руку, спрашивала совета, согласия.

БАС: Мне запомнилось объяснение этого союза, данное самой пронизательной мемуаристкой, Барбарой Бранден. Где эта страница? А-а, вот: «Чтобы чувствовать себя в безопасности, Айн Рэнд было необходимо держать под контролем всё, что её окружало, доминировать над всеми людьми, устанавливать для них правила поведения. Она вышла за Фрэнка именно потому, что он был во всём послушен ей, не представлял угрозы для её защитной раковины». Добавлю от себя – имелась и ещё одна немаловажная причина. Их брак был заключён весной 1929 года за день или два до срока истечения визы. Если бы она не вышла замуж за американского гражданина, ей грозила депортация обратно в Россию.

ТЕНОР: И Америка лишилась бы одной из самых своих знаменитых писательниц XX века. Впрочем, и без депортации её литературная карьера могла бы оборваться в самом начале. В середине 1930-х, в издательстве «Макмиллан», редактор-коммунист яростно протестовал против публикации её романа «Мы, живые», объявлял его клеветой на советскую Россию.

Засилье левых в литературных кругах тогда было ещё сильнее, чем сегодня.

БАС: С этим романом позднее вышла занятая история. В 1942 году в фашистской Италии было решено снять фильм по нему и использовать как антикоммунистическую пропаганду. В картине снялись две знаменитости, Алида Валли и Россано Брази. Она шла в Италии с успехом, но в Германии немедленно разглядели, что сценарий не столько против коммунизма, сколько против любой диктатуры. Из Берлина пришёл приказ немедленно прекратить демонстрацию фильма. Но после войны Госдепартамент США предъявил итальянцам иск за кражу интеллектуальной собственности, и Айн Рэнд получила авторский гонорар, на который купила себе норковую шубу.

ТЕНОР: Но настоящая слава пришла к ней, конечно, в середине 1940-х, после выхода романа «Источник». Этой книгой зачитывались поколения американцев, зачитываются и до сих пор. В центре, как вы помните, – романтический герой, гениальный архитектор, пробивающий своим талантом путь наверх. Не поддающийся никаким требованиям изменить свои творения, доходящий до того, что взрывает дом, построенный с отклонениями от его замысла. И, конечно, только такого может полюбить гордая и своенравная героиня. Недаром Айн Рэнд в детстве с упоением читала Гюго и Ростана. Когда в 1948 году Голливуд начал работу над экранизацией романа, взяв на главные роли Гари Купера и Патрицию Нил, Рэнд грозила режиссёру и продюсеру дойти до суда, если хоть одна строчка или одна сцена в её сценарии будут изменены.

БАС: Когда я посмотрел этот фильм, мне очень хотелось спросить постановщиков: «Сами-то вы верите, что в сегодняшней Америке найдутся двенадцать присяжных, которые вынесут оправдательный приговор человеку, взорвавшему дом, построенный для бедноты, и признавшемуся в этом?». Он, видите ли, такой чувствительный художник, что не мог стерпеть изменений, внесённых в его архитектурный проект.

ТЕНОР: Действительно, в фильме, где всё так зримо, эта коллизия получилась огрублённой. Но в книге повествование остаётся подёрнутым туманом художественного вымысла, и читателю легче принять подобный поворот сюжета.

БАС: Вы упомянули Гюго, Ростана среди кумиров Айн Рэнд. А кто ещё из писателей оказал на неё влияние? Она вступала в литературный мир Америки, заполненный звёздами первой величины. Фолкнер, Шервуд Андерсон, Перл Бак, Маргарет Митчел, Стейнбек, Фланнери О'Коннор, Карсон Маккалерс,

Торнтон Уайлдер, Фитцджеральд – всех и не упомнишь. Кажется, она не замечает их. В книгах о ней я наткнулся на её презрительные реплики в адрес Хемингуэя и Томаса Манна, Толстого и Солженицына, Ромена Роллана и Томаса Вулфа. Разницу между историей и литературой она видела в том, что история представляет мир таким, как он есть, а литература должна описывать таким, *каким он должен быть*. Это ли не формула социалистического реализма, насаждавшегося в СССР? А кого ценила? Смешно сказать: автора детективов Микки Спиллейна. И объясняла, чем её привлекали его романы: «У него всегда ясно, кто хороший, кто плохой. Чётко: чёрное и белое. Серое меня не интересует».

Натан Бранден в старости

ТЕНОР: Не так ли мы все в юности тянемся к чему-то определённом, прочному? Полутона, многоголосье, непредсказуемость – всё это начинаем ценить позже. Может быть, Айн Рэнд инстинктивно откладывала – забывала – взростеть? И когда перед ней предстал юный канадец, прочитавший «Источник» сорок раз, знавший текст почти наизусть, могла ли она остаться равнодушной, дать этому читателю затеряться в толпе других поклонников?

БАС: Ага – на сцене греческой трагедии появляется герой. Но заметили ли вы любопытное совпадение: Натан Бранден тоже был из русско-еврейской эмигрантской семьи. Даже если он не знал русского, это должно было сплести какую-то невидимую ниточку между ними. Иначе я не нахожу объяснения тому, что высокомерная Айн Рэнд могла в первую же их встречу проговорить всю ночь с желторотым юнцом, на двадцать пять лет моложе неё.

ТЕНОР: В воспоминаниях они объясняют это так: её пристальный оценивающий взгляд вызывал у него чувство, будто он попал в луч прожектора, но ему это нравилось. А ей понравилось, что он не испугался быть под лучом, ибо в этом было что-то дерзкое. Ведь дерзость говорит о силе характера, намекает на судьбу будущего героя. Вспомним, что евангельскую заповедь «не судите, да не судимы будете» она переделала на свой лад: «судите и будьте готовы быть судимыми».

БАС: То, что молодой человек так быстро попал под обаяние своего литературного кумира, женщины властной и уверенной в себе, мне как-то понятно. Но когда он привёл в её дом свою невесту и та тоже мгновенно оказалась в плену её чар – это уже требует искать объяснения в сферах, где обитают греческие богини, нимфы, сивиллы.

ТЕНОР: Барбара Бранден была так заморожена Айн Рэнд, что уже через несколько недель тесного общения делилась с ней трудностями своих отношений с женихом. В своих воспоминаниях она нашла точное объяснение магнитного поля, окружавшего знаменитую писательницу, притягивавшего к ней людей: «В ней кипел страстный идеализм, волнение по поводу бесконечных возможностей, заложенных в жизни каждого человека. Тематами наших разговоров могли быть литература, политика, эстетика, философия, религия, мораль, могущество разума, но всегда рядом с Айн Рэнд абстрактные идеи приобретали такую значимость, будто жизнь и смерть собеседников зависели от них».

БАС: Однако этими идеями она наезжала на своих слушателей, как танком, как паровым катком. Страхась утратить её расположение, близкие пытались подавить свои искренние чувства, заставляли себя соглашаться с тем, что Рембрандт – слабый художник, Бетховен пронизан бесплодным трагическим унынием, Шекспир так и не сумел создать героя, обладающего свободной волей. Барбаре пришлось чуть ли не клещами вырывать из своего сердца любовь к роману Томаса Вулфа «Взгляни на дом своей, Ангел», Натану – к эпосе Ромена Роллана «Жан-Кристоф».

ТЕНОР: Давайте только не будем забывать, во что

погружались – с чем сталкивались – молодые люди, покидая дом Айн Рэнд. В 1950-х в университетах заправляли такие страстные враги капитализма вообще и Америки – в особенности, что студентам часто приходилось скрывать свои подлинные взгляды. Профессор политологии в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе корил Натана за его «предубеждённость против диктатур». На лекциях по истории искусства слушателям объясняли разницу между сияющим «идеализмом» Советской России и грубым «материализмом» США. Профессор психологии объявил, что всякий, кто сегодня не социалист, демонстрирует тем самым признаки задержанного развития в интеллектуальной и моральной сферах. Вы не можете противостоять напористой пропаганде коммунизма, нацизма, исламизма ничем другим, кроме такой же уверенной контрпропаганды капитализма и демократии, какую вела – порой нелогично, но со страстной убеждённостью – Айн Рэнд. Жажда молодёжи получить компас, указывающий на полюса «хорошо-плохо», неодолима. Если вы не дадите ей свой, они побегут искать у ваших противников.

Барбара Бранден в старости

БАС: Да, искренняя и благодарная привязанность этих двух молодых людей к своей литературной и идейной наставнице не вызывает сомнений. В семье О'Конноров они приобрели чуть ли не статус приёмных детей. Когда Натан и Барбара переехали в Нью-Йорк и звонили оттуда, Фрэнк звал жену к телефону

возгласом: «Дети звонят». Недешёвые междугородние переговоры тянулись часами. И вдруг внезапно, всего через несколько месяцев разлуки, Айн Рэнд объявляет, что они с Фрэнком тоже должны переехать в Нью-Йорк. Что она больше не в силах выносить Калифорнию. Что её гигантский роман «Атлант расправил плечи» должен быть завершён среди небоскрёбов, а не среди этих пустынных холмов.

ТЕНОР: Многие отмечали равнодушие Айн Рэнд к природе. В её романах почти нет лесов и лугов, пернатых и четвероногих – только небо, постоянно меняющее цвета, и налетающий ветер. Её восхищали творения человеческого гения – бетонные эстакады, стальные мосты, асфальтовые шоссе, мчащиеся паровозы. А если неосторожно взглядишься в чудеса природы, в голову может закрасться мысль о Творце этих чудес, чего убеждённая атеистка никак не могла допустить.

БАС: В отличие от неё, у её мужа вся жизнь была в их ферме, где он проводил дни, ухаживая за цветами и огородом. Ему абсолютно нечего было делать в Нью-Йорке, но он безропотно соглашается. Она не могла не видеть, на какую тоску она обрекает Фрэнка, но, по её теориям, сочувствие ближнему – непростительная слабость.

ТЕНОР: Всё же она уверяла всех – и себя в первую очередь, – что муж тоже рвался из Калифорнии. Но вообще-то вела себя в точном соответствии со своей философией. Созданный ею – и проповедуемый – объективизм можно свести к нескольким простым формулам. Долг человека – развивать заложенный в нём потенциал. Поэтому эгоизм – основа творчества и прогресса. Альтруизм, сострадание отвлекают человека от долга самораскрытия, парализуют творческий порыв, поэтому подлежат осуждению. Идея самопожертвования ради других, ради государства – вредная идея, именно она восторжествовала в странах коммунистического блока. Немудрено, что миллионы молодых людей были увлечены призывом Айн Рэнд ставить себя на первое место и не бояться суда окружающих.

БАС: Всю предшествующую философию она отвергала с такой же уверенностью, с какой отвергала писателей, живописцев, композиторов. Разве что Аристотеля пощадила. Самый примитивный материализм казался ей решением всех философских проблем. С чем это можно сравнить? Вот представим себе, что подростка учат играть в шахматы и объясняют, что конечная цель игры – завладеть королём противника. После этого подросток перестаёт изучать гамбиты и эндшпили и каждую предлагаемую ему партию начинает с того,

что хватает короля рукой и уходит, торжествуя и посмеиваясь над простофилями, которые играют по правилам.

ТЕНОР: Воображаю, что сделали бы с вами сторонники объективизма, если бы вы сказали это им в лицо, стоя за профессорской кафедрой. Но вернёмся к нашим героям. Обе пары живут в Нью-Йорке, их общение становится всё более тесным, дружеским, интимным. В 1953 году Натан и Барбара оформили свои отношения официально, и супруги О'Коннор были свидетелями на их свадьбе. Айн пишет огромный роман «Атлант расправил плечи» и читает отрывки в кругу друзей, встречающих восторгом каждую новую главу. В её романе и её мире есть место только выдающимся личностям, только гениям и героям. А раз так, она должна и Натана с Барбарой наделить атрибутами гениальности. Натану она пророчит блистательное будущее на поприще психологии и философии, Барбару объявляет – по трём страницам неоконченного рассказа – гениальной писательницей. Легко ли было молодым людям устоять против такой лести из уст их кумира?

БАС: А потом приходит январь 1955 года. И эта роковая поездка в Канаду. И на обратном пути – Фрэнк за рулём, Айн и Натан – рядом с ним. И между ними двумя начинается разговор – глаза в глаза, – в котором паузы говорят больше слов. Воздух в машине будто вибрирует от эмоционального напряжения. А несчастная Барбара на заднем сиденье видит всё это и должна молчать. Разве смеет она восстать против всеобщего идола, сивиллы? Но во время остановки на ночёвку в мотеле, едва закрыв дверь номера, она кричит мужу словами то, что давно должно было угадываться всеми четырьмя: «Да она просто влюблена в тебя! А ты – в неё!».

ТЕНОР: Натан пытается отрицать очевидное. Ведь это было бы так *иррационально!* А иррациональному нет места в мире Айн Рэнд. Чтобы он принял случившееся как факт, сивилла должна была сама призвать его пред свои очи и уговаривать. «Понимаете ли вы, что произошло между нами позавчера в автомобиле? То, что мы молча сказали друг другу? Это звучало как объяснение в любви. Или я поняла неверно?».

БАС: Юноша опять под лучом прожектора. Все глаза – на него. Он должен сыграть свою роль безупречно. Сама великая Айн Рэнд готова поднять его до себя. Страх терзает его, ему так хотелось бы вернуться назад, в жизнь до злосчастной поездки. Где всё было так надёжно, возвышенно, маняще. Но что-то в душе подталкивает его: «Прыгай!». И он произносит слова, которых ждёт боготворимая им женщина: «Вы всё поняли правильно.

Конечно, я влюблён в вас».

ТЕНОР: Делайте со мной что хотите, но я верю, что в этот момент оба верили в возможность платонических отношений. И когда они призвали своих супругов и признались им в случившемся, оба сначала только просили разрешить им встречаться два раза в неделю и проводить время наедине. Ведь в мире Айн Рэнд аморальности не должно быть места. Воображаю, какие сети логических умозаключений сплетались в подтверждение того, что в дружеском союзе четверых нет ничего предосудительного, если все четверо так честны друг с другом и так повязаны взаимной любовью.

БАС: Ах-ах, можно только огорчаться по поводу того, что Фрэнк и Барбара сначала впали в грех *эмоционализма* и один за другим воскликнули: «Нет! Не хочу! Не соглашусь!». Понадобились новые словесные ковры и логические сети, сплетаемые сивиллой рациональности, недели словопрений, чтобы образумить непокорных и получить их вымученное «да». Но увы, через два месяца выяснилось, что и этого мало. Что зов плоти неодолим даже для таких чемпионов строгой морали. Что, встречаясь в отпущенных им границах пространства и времени, они ни о чём другом не могли думать, кроме срывания одежд друг с друга, наподобие того, как это делали герои романов Айн Рэнд. Бедным супругам пришлось дать согласие и на это.

ТЕНОР: В её позиции была своя логика и последовательность. Герой, гений, супермен не может позволить морали посредственностей связать себя какими-то правилами. Он выше этого. У него своя мораль, свои правила, свои законы.

БАС: Если это так, почему же наша сивилла не выступила перед миром с открытым забралом, как это делали её персонажи? Почему потребовала у остальных трёх участников четырёхугольника поклясться хранить всё в секрете? Почему в панике отказывалась от предложений Натана снять квартирку для свиданий? «Вдруг меня заметят входящей в чужую квартиру?!» И бедному Натану приходилось, являясь на свидание, часто сталкиваться в прихожей с Фрэнком, который не успел вовремя покинуть своё жильё, чтобы отправиться в тоскливое блуждание по улицам и барам.

ТЕНОР: Так или иначе, четырёхколёсный семейный фургон, сооружённый страстной пятидесятилетней женщиной, покатился по жизни. И есть много свидетельств того, что именно счастье обретённой любви помогло Айн Рэнд успешно завершить свой гигантский тысячестраничный труд. Даже сами издатели были изумлены коммерческим успехом романа «Атлант расправил

плечи». Он выходил и продолжает выходить и продаваться в миллионах экземпляров, переведён на десятки языков. И это несмотря на негативное, порой просто яростное отношение литературных критиков.

БАС: О, да! В своё время я вырезал из газет и коллекционировал самые точные и безжалостные филиппики. *(Достаёт пачку вырезок.)* «Как бы громко мисс Рэнд ни постулировала свою любовь к жизни, книга её пронизана ненавистью.» «Неуклюжая, громыхающая телега, пытающаяся убедить нас в том, что мораль заключается в позволении каждому грести под себя всё, что возможно.» «Призыв сокрушать слабых ради вознесения сильных.» «Подобную демонстрацию гротескной эксцентричности нелегко отыскать вне стен психиатрической лечебницы.» «Мисс Рэнд призывает Большого Брата – выходца из технической элиты – навести порядок».

ТЕНОР: Неужели вы не находите даже литературных достоинств в романе?

БАС: В старину у разных народов были популярны зрелища, в которых актёры появлялись на сцене в масках, выражавших гнев, радость, надежду, горе. Книги Рэнд наполнены не живыми – то есть меняющимися и непредсказуемыми – людьми, а картонными фигурами в масках. Каждый тянет свою единственную ноту, и через две страницы ты уже знаешь заранее, что тот или иной будет говорить, в какую сторону гнуть. При этом обязательно с надрывом, с пафосом, на густом замесе мелодрамы. Есть сведения, что программную речь главного героя, Джона Галта, она писала два года. Но тавтология никогда её не пугала, и речь могла бы оказаться не в семьдесят страниц, а в двести. При этом, она приводила в отчаяние всех издателей и редакторов, категорически отказываясь что-либо менять или сокращать.

ТЕНОР: Понятно, что главный пафос её творчества – защита гения от равнодушия и враждебности толпы. Если бы она делала своих героев людьми свободных профессий – композитор, живописец, поэт, – концепция выглядела бы более убедительной. Художник может отстаивать свою неповторимость и творить, находясь в любой среде, как Вольтер, укрывшийся в Швейцарии, Пушкин в Михайловском, Гоген – на Таити, Золя – в тюрьме, Бродский – в северной деревне. Но когда Рэнд делает супер-героя архитектором, стальным магнатом, строителем железных дорог – неужели она не видит здесь вопиющего противоречия? Все их победы были бы невозможны без активного участия тысяч и тысяч вполне средних людей, исправно и ответственно делающих своё дело. Перенесите Говарда Рурка, Хэнка Рардена, Дэгни Таггарт,

Джона Галта в какое-нибудь Зимбабве – и что они смогут там создать при всей их энергии и гениальности? Однако, сколько бы мы ни критиковали её книги, мы не приблизимся к разгадке их невероятной популярности.

БАС: У меня есть своя теория на этот счёт.

ТЕНОР: Поделитесь.

БАС: История литературы переполнена романами, нацеленными на защиту бедных и угнетённых от богатых и знатных. Тот же Гюго с его «Отверженными», «Хижина дяди Тома», «Что делать?» Чернышевского, «Воскресенье» Толстого, «Железная пята» Джека Лондона и сотни других представляют собой бесконечное обвинительное заключение в адрес хозяев жизни. Независимо от литературных достоинств произведения, эта тема, эта струна вызывает безотказный сочувственный отклик у массового читателя. Парадоксальным образом книги Айн Рэнд, презиравшей угнетённых, становятся в ту же шеренгу. Ибо они так же перенасыщены ненавистью и обвинениями в адрес власти имущих – только у неё обвинение ведётся не снизу, со стороны обездоленных масс, а сверху – с позиции непризнанного индустриального гения. Густой чёрной краской она рисует маски жадных банкиров, близоруких промышленников, хитрых оппортунистов на профессорских кафедрах, властолюбцев в рясах и судейских мантиях. Революционеры-ниспровергатели могли бы позавидовать её страсти. А ненависть – товар безотказно ходкий в литературном ремесле. Плюс, конечно, восхваление эгоизма как главной добродетели – на это тоже клевали сотни тысяч.

ТЕНОР: У меня создалось впечатление, что Натан Бранден в своих статьях и лекциях не был столь радикален. Он больше упирал на важность философских постулатов объективизма для самораскрытия человека. Каждый должен научиться ценить себя как независимого творца своей жизни – вот сквозная тема его писаний. Лекции его имели огромный успех, на них съезжались сотни слушателей со всей страны и из-за границы. Был даже создан некий «Институт Натана Брандена», издавался журнал «Объективист». Правда, немалую роль играло то, что после лекции слушатели могли задавать вопросы самой Айн Рэнд. Типичное для Натана эссе называлось «Почему люди подавляют и загоняют в подвал души не худшее в себе, а лучшее?».

БАС: И худшим в их теориях считалось сострадание к ближнему. Ах, как удобно! Ты ласкаешь в тёплой квартире знаменитую писательницу, которая сделала тебя своим избранником, вознесла до себя, и можешь не думать о своей жене, одиноко бродящей по холодным улицам, клянущей себя за то, что

согласилась на извращённую четырёхугольную комбинацию. Ни о муже писательницы, заливающим в каком-то баре своё горе джином и виски. Полтора года Барбара жила в мучительной депрессии и однажды не выдержала: в одиннадцать вечера позвонила в квартиру О'Конноров, где любовники тешились друг другом, и взмолилась о разрешении придти – просто поговорить, отвести душу. «Да как ты смеешь! – вскричала сивилла. – Ты думаешь только о себе! Я для тебя что? Невидима, не существую? Я ни у кого не прошу помощи! Тебе подавай только то, что ты, ты хочешь! И думать не смей являться сюда!».

ТЕНОР: Многие замечали, что главной защитной реакцией на боль у Айн Рэнд оказывался гнев. Но мало было прогневаться на виноватого. Нужно было ещё доказать, что он своим поступком или словами нарушил законы разума и морали. Барбаре объясняли, что она просто впала в грех эмоционализма и теперь расплачивается за него. Если Натан неосторожно выразил тревогу по поводу состояния жены, реакцией опять был гнев: «Как ты смеешь беспокоиться о Барбаре, когда ты со мной?!»

БАС: Не явилось ли заслуженным наказанием то, что и сама Айн Рэнд впала в тяжелейшую депрессию после завершения и опубликования своего гигантского труда? Столько лет она неслась, как мощный паровоз, к заветной цели и вдруг оказалась как бы на запасных путях. Ни шестизначные цифры продаж романа, ни восторженные письма читателей, ни гонорары не могли вырвать её из болота тоски. Натану она говорила, что он – единственная нить, ещё связывающая её с жизнью.

ТЕНОР: Не могло это быть связано с какими-то политическими событиями тех лет?

БАС: Конечно, в 1959 году на Кубе воцарился Кастро. Рука ненавистной Москвы придвинулась вдруг вплотную. Но никто из мемуаристов не упоминает связи этого события с состоянием Айн Рэнд. В романе «Атлант расправил плечи» её фантазия создала страшную картину наступления социализма в Америке. Можно сказать, что роман стоит в ряду таких антиутопий, как «Мы» Замятина, «О, дивный новый мир» Хаксли, «1984» Орвелла, «451° по Фаренгейту» Брэдбери. Но вообще-то её политические взгляды не отличались богатством оттенков, не шли дальше противостояния коммунизму. Исходя из этого, она поддерживала сенатора Маккарти, осуждала Эйзенхауэра за его покладистость в переговорах с маршалом Жуковым, а Джона Кеннеди вообще объявляла новым Гитлером. Однако в маленьком королевстве сторонников, выстроенным ею вокруг себя, никто не смел спорить с ней. Любое инакомыслие изгонялось так же

свирепо, как в России под Сталиным. «Со мной нельзя быть нейтральным, – объясняла она. – Если ты не за меня, значит – против».

ТЕНОР: И вот как раз, когда тоска отступила, когда способность радоваться жизни начала возвращаться, крепостная стена, отделявшая её королевство от остального мира, дала первую – незаметную для неё – трещину. И где?! Казалось бы в самом надёжном, самом укрепленном месте: в сердце ближайшего друга, возлюбленного, духовного наследника трудов всей её жизни.

БАС: Да, то, что случилось с Натаном, не укладывалось в их рациональные схемы, было непостижимым для него самого. Скромная, ничем не примечательная девушка среди слушателей в его аудитории. Светло-голубые глаза, скромный наряд. Ей двадцать лет, ему – тридцать. После лекции они обмениваются несколькими фразами, расходятся. И всё. Дальше начинаются дни, заполненные с утра одним главным вопросом: увидит он сегодня в аудитории это лицо или нет?

ТЕНОР: Всё же несправедливо говорить, что Патриция Галлисон была «непримечательна». С первых же её фраз Натан мог почувствовать – угадать – главное её свойство: необычайно радостное приятие жизни. Включая и приятие его самого. В какой-то момент она создалась, что с первой же встречи он заполнил ту нишу любви-надежды, которую она тайно лелеяла в душе с детства. «Незримый ты уж был мне мил», как поётся в опере «Евгений Онегин». Но она и мечтать не могла, что он обратит на неё внимание. Старше неё на десять лет, женатый, ближайший соратник прославленной Айн Рэнд. Патриции он казался настолько недоступным, что она вскоре приняла предложение одного из своих поклонников и вышла замуж.

БАС: На их свадьбе Натан едва владел собой. Стоя в очереди гостей, поздравлявших жениха и невесту, он мог думать только о том, что вот-вот ему предстоит прикоснуться губами к её щеке. Всё оставшееся время двигался и говорил, как манекен, слышал только дрожь в пальцах, несколько секунд лежавших в её ладони.

ТЕНОР: Они начали тайно встречаться. Но долго не позволяли себе кинуться в объятия друг друга. Она рассказывала ему о своём детстве, окрашенном чертами безумия родителей. Объясняла, что лекции по теории объективизма возвращали её в мир рациональных – то есть нормальных – людей. Создалась, что ей никогда не бывает скучно, потому что в душе её постоянно звучит таинственная музыка. Иногда она танцует одна в комнате. Часто танцует не просто так, а *для него* – воображает, будто он

смотрит на неё. И это очень помогает в трудные минуты. После таких признаний долго ли могли они сохранить свои отношения в рамках строгой морали?

БАС: В жизни Натана до сих пор были только две женщины: Барбара и Айн Рэнд. Обе они одаривали его своей любовью лишь до тех пор, пока он блистал на том пьедестале, куда они его вознесли. Малейший сбой, срыв – и начинался долгий психологический анализ допущенной промашки. Патриция же полюбила его без всяких условий и оговорок, таким, каким он был. Воображаю, какое счастье и облегчение это приносило ему.

ТЕНОР: Но, с другой стороны, душа его разрывалась. Объятия Патриции принесли ему такое наслаждение, что он уже не мог отказаться от них. Сознаться Барбаре и Айн? Это вызовет такой взрыв горя и ярости, который он был не в силах встретить лицом к лицу. Оставался путь, выбираемый многими: тайный роман. Но он так привык гордиться своей честностью, так восхвалял моральные принципы в лекциях и статьях, что теперь чувствовал себя негодяем и лицемером, предателем всего, что было ему дорого до сих пор.

БАС: Айн Рэнд, конечно, заметила перемену в своём возлюбленном. Она настойчиво расспрашивала его о причинах, он ссылаясь на усталость, на депрессию, даже на частичную импотенцию. Всю жизнь Айн Рэнд претендовала на роль совершенства во всех планах – литературном, философском, эмоциональном. Если он был неспособен оценить это совершенство, если его обожание ослабевало на глазах, вина могла быть только в нём, и он обязан был начать работать над собой. Морально-логический кнут взвивался и падал, взвивался и падал, но впервые не мог произвести желаемый эффект.

ТЕНОР: Внутренние связи, державшие вместе этот спаянный кружок, начинают рваться, как рвутся волокна каната под непосильным грузом. Патриция развелась с мужем. Барбара тоже влюбилась и попросила у Натана согласия – разрешения – на роман. Он, скрепя сердце, согласился, но вскоре не выдержал – сознался ей в своей связи с Патрицией. Барбара пришла в ужас. Новость обернулась для неё двойным ударом: во-первых, она всё ещё любила мужа и надеялась воскресить их брак; во-вторых, теперь она попадала в положение лгуньи в её отношениях с Айн Рэнд, которая любила её и постоянно искала у неё совета и помощи и от которой она должна была теперь скрывать правду о её возлюбленном.

БАС: Сколько времени продолжался этот кошмар? Неужели четыре года? И все участники при этом встречались друг

с другом, разговаривали, делали вид, будто коляска нормально катится по дороге жизни, разве что мелкие камешки отлетают из-под колёс. Когда Институт Натана Брандена устраивал бал, он танцевал со всеми тремя и научился выглядеть довольным и спокойным. Когда Патриция приняла участие в театральной постановке в Филадельфии, все остальные поехали смотреть спектакль, и Айн восхваляла талант и внешность юной актрисы, обняла её за кулисами.

ТЕНОР: Но шторм назревал. Айн обвиняла Натана в холодности, в том, что он всё время куда-то ускользал, растворялся, делался невидим. «Ты здесь, и, в то же время, тебя как будто нет. Сегодня ты ведёшь себя как влюблённый, назавтра отступаешь в полумрак и захлопываешь дверь». Однако всё подносилось так, будто утрата любви к ней, великой Айн Рэнд, могла быть только симптомом умопомешательства и разрывом с философией объективизма. «Остаться друзьями?! – восклицала она. – Думаешь ли ты, что я могла бы посвятить тебе “Атлант расправил плечи”, если бы ты был только другом? Объявила бы тебя своим наследником и воплощением открытых мною философских истин?» Под её напором Натан согласился пройти курс лечения у психоаналитика, но никаких результатов эти сеансы не принесли.

БАС: К лету 1968 года Натан понял, что силы его на исходе. Что так больше тянуться не может. Он написал большое письмо и вручил его Айн, прося прочесть тут же, при нём. Она отшатнулась и спросила: «Это про то, что ты разлюбил меня?» Потом, едва прочитав первую страницу, обрушила на него словесный ураган: «Негодяй! Ничтожество! Фальшивка! Законченная свинья! Я не хочу быть с тобой в одной комнате!.. Всё было ложью! Твои восторги по поводу моего романа! Твоя преданность объективизму – ложь! Ты всё украл у меня! Создал ли ты хоть одну собственную идею? Ничтожество, вор!..»

ТЕНОР: Но этот первый ураган был лишь предвестием того, что ждало Натана впереди. Почти два месяца тянулись попытки собрать обломки разбитого корабля, выстроить из них хоть маленькую шлюпку. Айн порывалась тут же низвергнуть своего наследника с пьедестала, на который она возвела его. Но тогда тысячи поклонников их обоих испустили бы вопль «за что?». Не могла же она ответить: «За то, что разлюбил». А ведь она ещё не знала *всей* правды. Лишь в конце августа Барбара, с согласия Натана, рассказала Айн о его любовной связи с Патрицией. Которая тянулась уже больше четырёх лет. «Скажи мерзавцу, чтобы он немедленно явился сюда», – приказала сивилла.

БАС: Она не пустила его в гостиную. Заставила сидеть в прихожей. Стояла над ним и осыпала проклятьями. «Какое же ты ничтожество! Ты посмел отвергнуть *меня!* Ради какой-то мелкотравчатой пустышки... Чтоб ты провалился в такой же ад, в какой ты погрузил меня! Меня – которую ты объявлял главным сокровищем своей жизни, женщиной своей мечты!.. Ты нанёс мне рану, которую не мог бы нанести никто из врагов!.. Да если бы ты, действительно, был тем человеком, за какого ты себя выдавал, ты продолжал бы обожать меня, когда мне стукнет восемьдесят и я буду разъезжать в инвалидном кресле. Но ты никогда не был таким! Всё было притворством от начала до конца!.. Если бы у тебя оставалась хоть капля морального чувства, ты от стыда должен был сделаться импотентом на двадцать лет! А если этого не случится, значит твоя моральная деградация достигла зенита!»

ТЕНОР: Свои проклятья Айн Рэнд перемешивала с угрозами. «Твой спектакль закончен! Я создала тебя, я же тебя и уничтожу! У тебя не будет ни денег, ни карьеры, ни престижа! Я ославлю тебя перед всем миром! Остановлю публикацию твоих книг, добьюсь, чтобы тебя лишили диплома психолога! Сниму посвящение тебе с первой страницы моего бестселлера!.. Без меня ты был ничем и станешь ничем, когда я покончу с тобой!»

БАС: Натан сидел молча, покорно принимал бичевание словами. Чувство вины за страдания, причинённые им самым дорогим людям, будто парализовало его. Вдруг Айн Рэнд прервала поток брани и угроз, подошла к нему вплотную и спросила: «Ты рассказал Патриции про нас с тобой?». Натан с трудом выдал из себя покаянное «да». В тот же момент рука сивиллы взлетела и дважды хлестнула обвиняемого по щеке. Он мог бы увернуться, но выбрал покорно принять удары. «А теперь убирайся», расслышал он сквозь звон в ушах. Поднялся и, с горящей щекой, навсегда ушёл от женщины, которой он отдал восемнадцать лет своей жизни – самых главных лет.

ТЕНОР: Весть о разрыве между Айн Рэнд и Натаном Бранденом произвела настоящий шок и смятение в королевстве объективизма. Их роман всё ещё оставался тайной для всех непосвящённых, поэтому друзьям, читателям, журналистам оставалось только ломать голову: в чём причина? Айн Рэнд опубликовала большую обличительную статью, в которой объявляла, что мистер Бранден совершил недостойный поступок несовместимый с моральными принципами её философии. Натан признал свою вину, не раскрывая истинных причин. В жизни многих людей участие в движении, руководимом Айн Рэнд, играло важную роль, и крах этого движения обернулся сильным

потрясением. Их гнев обрушился на Бранденов, обвинения и проклятья сыпались со всех сторон.

БАС: Нашёлся даже один бывший слушатель, который поднял вопрос, будет ли в категориях объективизма морально оправдано убийство Натана Брандена? Волна смятения катилась по королевству, разрывала дружбы и семьи. Новый духовный наследник Айн Рэнд, назначенный ею на место Натана, был кузенком Барбары, но он порвал отношения с ней до конца жизни. Натану и Патриции пришлось уехать от этой бури в Лос-Анджелес, где они поженились в следующем году.

ТЕНОР: Помните античную легенду о Персее, освободившем прикованную к скале Андромеду? Мне кажется, в нашей истории роль Персея исполнила Патриция: освободила Натана из восемнадцатилетнего плена.

БАС: За такое сравнение поклонники Айн Рэнд могут вас самого приковать к скале. Ведь вы отводите их кумиру роль дракона, собиравшегося пообедать невинной пленницей.

ТЕНОР: Создаётся впечатление, что кипевшие драмы совершенно заслоняли от участников жизнь остальной страны и мира. В том самом 1968 году, когда произошёл разрыв, в Америке бушевали протесты против войны во Вьетнаме, многотысячные толпы демонстрировали в поддержку прав негров, одно за другим случились два сенсационных убийства. Но даже имён Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди нет в воспоминаниях Барбары и Натана Бранденов.

БАС: Однако в следующем году одно событие привлекло внимание Айн Рэнд и привело её в полный восторг. Я имею в виду высадку американцев на Луне. Нил Армстронг и космический корабль «Аполлон-11» символизировали для неё то, чему она поклонялась всю жизнь: бескрайние возможности человеческого гения и упорства. Она была радостно возбуждена и с ликованием говорила друзьям: «Вот, на что способен человек, если он устремляется к своей цели не взирая ни на какие препятствия».

ТЕНОР: Другое радостное событие случилось – или почти случилось – в 1972-ом. Знаменитый голливудский продюсер Ал Рудди, создатель «Крёстного отца», предложил ей экранизировать «Атлант расправил плечи». Пятнадцать лет Айн Рэнд отказывалась продать права Голливуду, боясь, что студия исказит дорогие ей философские идеи, как это случилось при экранизации «Источника». Но Рудди сумел завоевать её доверие. Волнующая новость уже обсуждалась на пресс-конференциях, просочилась в газеты. Однако в последний момент Айн потребовала, чтобы в контракт был включён пункт, дающий ей право вето не только на

стадии сценария, но и после завершения съёмок. Как её герой Рурк взорвал здание, сделанное не полностью по его проекту, так и она хотела иметь возможность сжечь ленту, стоившую сотни миллионов долларов, если что-то в ней покажется ей отступлением от её замысла. Конечно, ни один продюсер на мог согласиться на такое условие, и договор не был подписан.

БАС: Только после смерти Айн Рэнд в 1980 году Барбара Бранден решила опубликовать свои мемуары «Страсти Айн Рэнд», в которых рассказала правду о клубке противоречивых чувств, связавших пятерых участников драмы. Натан Бранден ждал ещё дольше и отдал в печать свой рассказ только в 1999. Там, среди прочего, он привёл с горькой иронией главные заповеди культа Айн Рэнд, в создании которого он сам сыграл такую видную роль:

– Айн Рэнд – величайшая из людей, когда-либо живших на свете.

– «Атлант расправил плечи» – величайшее достижение человеческой цивилизации.

– Будучи величайшим философским гением, Айн Рэнд является главным арбитром в вопросах морали, разума и достойного поведения.

– Всякий, кто не ценит то, что ценит Айн Рэнд, и не осуждает то, что осуждает она, не может считаться настоящим объективистом.

ТЕНОР: Но, несмотря на публикацию этих правдивых и убедительных мемуаров, новые поколения поклонников Айн Рэнд продолжают считать Бранденов гнусными предателями, общение с которыми несовместимо с высокими требованиями объективизма.

БАС: В нашу задачу не входит обсуждать природу возникновения культов. Можно лишь отметить обязательную общую черту: и Рон Хаббард, создавший сайентологию, и Дэвид Кореш в Вэйко-Техас, и Джим Джонс в Гайане, и многие другие обещали своим последователям полное преобразование их душевного состояния, освобождение и очищение жизни от всего низменного и грязного. То же самое обещала своим адептам и философия объективизма. Наше счастье, что в душе Натана Брандена не было страстей властолюбца, которые толкнули бы его превратить тысячи поклонников Айн Рэнд в крепко спящую колонну фанатиков.

ТЕНОР: Да, это так. Но есть в ней одна черта, заслуживающая восхищения: доблесть. Маленькая женщина, лишившаяся семьи, оторванная от родной культуры, обделённая женским обаянием, чувством юмора, художественным вкусом,

умением сливаться с природой, она отчаянно схватила единственное оружие, которое ей даровала судьба, – логический разум – и пошла с ним в атаку на весь мир. Для тысяч людей творчество и проповедь Айн Рэнд были и остаются канатом, который тянул и продолжает тянуть их души вверх. Должны ли мы радоваться, если тяга этого каната ослабеет или он вдруг лопнет под непосильным грузом?

Леонид Шейнин

Неразгаданные страницы истории

Таможни на водных путях

а море таможенники имели дело в основном с иностранцами. С ними не очень церемонились. Вот как писал о проходе вблизи берега иностранного корабля А.С. Пушкин в своей «Сказке о царе Салтане и о его сыне князе Гвидоне»: «Пушки с пристани палаят, кораблю пристать велят». Но так было на море. По-другому обстояло дело на речных путях, где о стрельбе из пушек ничего не известно.

Один из старейших (нераспознанных) таможенных постов

Речь идёт об известной церкви Покрова на Нерли, стоящей при слиянии Нерли с Клязьмой. Для храма трудно придумать более неудобное расположение. Он построен на заболоченной пойме; ближайшее поселение Боголюбово отстоит от него на полтора-два километра. Известно, что выполнить постройку храма удалось только путём подсыпки грунта на низкое место; тем не менее, весной вокруг стоит вода. Почему храм построен в неудобном месте, и вдобавок удалён от возможных прихожан – не известно. Какое-либо объяснение всего этого загадочного феномена отсутствует.

Всё встаёт на свои места, если принять, что церковь служила *таможенным постом* на бойком торговом пути. Построил её в крепостном стиле в XII веке Ростово-Суздальский (а по месту своего пребывания - Владимирский) князь Андрей, прозванный Боголюбским. При строительстве он использовал труд пленных Волжских булгар. Одновременно поблизости, на сухом пространстве, строилась его укреплённая резиденция, ныне это известное туристам Боголюбово. Таможенный караул, вынесенный к водным (а в условиях русской зимы - также к ледовым) путям, имел своей стратегической базой замок князя. В

случае необходимости, например вооружённого нападения, пост мог вызвать подмогу из замка. Поэтому расположение церкви и замка не было случайным; эти объекты дополняли друг друга. Видимо, не случайным было и название церкви. Покров Богородицы это символ небесной защиты. Укрывающийся в храме сторожевой отряд должен был надеяться, что в критический момент он получит помощь от Богородицы.

Не исключено, что зимой на льду существовал торг, товары на который привозили навстречу друг другу торговцы с верховьев и низовьев Клязьмы и со всего бассейна Нерли. Если это так, то место отвечало известному в истории понятию «погост», административным центром которого обычно служило церковное здание.

Вряд ли таможенный пост на стрелке придумал сам князь Андрей. Согласно летописному известию он, следуя вдоль реки Клязьмы, остановил коней на месте будущего замка; эту остановку он объяснил вмешательством Богородицы. Надо думать, к тому моменту таможенный пост уже существовал, и князю Андрею принадлежала только идея его усовершенствования (укрепления).

Таможенное дело было хорошо известно на Руси и до Андрея Боголюбского. Об этом свидетельствует надпись, выбитая на так наз. Таманском камне. Этот камень стал известен благодаря любителю древностей графу А. И. Мусину-Пушкину (1744-1817), который сумел прочесть выбитую на камне надпись и принял меры к сохранности самого камня (ныне он хранится в Петербургском Эрмитаже). Надпись на камне гласила, что князь Глеб мерил по льду расстояние до Корчева (под этим названием историки знают город Керчь в Крыму) и насчитал столько-то саженьей.

Князь Глеб – фигура историческая. Он княжил в XI веке в тогдашнем Тьмутараканском княжестве, которое просуществовало до завоевания его половцами в XII веке. Историки «привязывают» его территориально к Таманскому полуострову, что находится на Кавказском берегу Чёрного моря. (Вполне возможно, что это княжество заходило и на Крымский полуостров.) Тем не менее, достоверность надписи нередко оспаривается специалистами. Для этого есть некоторые основания. Так, не известно, какова была длина сажени во времена князя Глеба, и существовала ли вообще такая мера длины. Надпись не сообщает начальной точки, от которой происходило измерение. Вызывает подозрение «круглая цифра» насчитанных саженьей (некоторые археологи, прочитавшие надпись, называют цифру 14 тысяч). Вызывает недоумение сама цель выполненного измерения.

Не вдаваясь в спорные вопросы, связанные с прочтением выбитой надписи на Таманском камне, следует заметить, что цель выполненного измерения *не должна составлять загадки*. Керченский пролив соединял и соединяет Чёрное и Азовское моря. Как и теперь, в древности по нему плавали морские суда; тогда он носил греческое название Босфор Киммерийский. Тьмутаракань была, выражаясь современным языком, прибрежным государством. По тогдашним понятиям, такое государство было вправе взимать пошлины с проплывающих по проливу судов. Но перехватывать проходящие суда по всей ширине пролива было сложно. (По нынешним измерениям в самой узкой части его ширина около 4 км; через пролив хотят перекинуть мост.) По всей видимости, князь Глеб рассчитывал выковать несколько отрезков цепи, перекрывающих пролив. Будучи закреплены на заякоренных судах, они воспрепятствовали бы бесконтрольному транзиту, особенно в ночное время. Но чтобы приступить к выполнению такого крупного проекта, надо было рассчитать общую длину цепи. Эта работа и была выполнена наиболее точным способом – по льду в какую-то редкую зиму, когда пролив замёрз.

Надо полагать, проект оказался князю Глебу не под силу. Но он не хотел, чтобы полученные результаты пропали. А так как государственного архива в Тьмутаракани не существовало, он приказал выбить полученные цифры на камне. Таковое «таможенное» объяснение загадки Таманского камня.

Кёльн и Эльсинор

Исторически один из старейших таможенных пунктов на Рейне существовал в Кёльне. Принято считать, что название Кёльн ведёт свое начало от латинского слова Колония; в своё время там были поселены ветераны Римского войска. Но более правдоподобен другой вариант происхождения названия; это название связано с таможенными функциями Кёльна.

Кёльн стоит на сужении Рейна, так что его географическое положение облегчало таможенный контроль. Когда-то Кёльн писался через С (в латинском, а в ряде случаев и в немецком языке буква С читается, как русское Ц). Тем самым это слово по своему звучанию приближалось к немецкому слову *таможня* (в современном немецком языке это последнее слово пишется как Zoll). Через С когда-то писалось и название Берлинского района Ной Кёльн (существует и поныне), который к Кёльну отношения не имеет – если только не предположить, что Ной Кёльн означал «Новую таможню», на этот раз на реке Шпрее.

Исторически Кёльн был едва ли не главным таможенным постом на Рейне. По дну реки была проложена цепь, которую поднимали на ночь и в другие критические моменты, чтобы никакое торговое судно не проскочило линию поста без уплаты пошлины. О том, что такие случаи бывали, говорит история другой местности – замка Эльсинор в Дании (куда Шекспир по каким-то соображениям поместил принца Гамлета). Этот замок сторожил торговые пути из Балтийского моря в Северное море через Датские проливы, которые в России называли Зундами. Пользуясь своим положением, Дания взимала пошлины с проходивших судов. Зундские пошлины были настолько чувствительны для России, что царь Пётр даже грозил войной Дании (кстати, своему союзнику против Швеции), если она не освободит от пошлины суда с русскими товарами. Уже тогда «в обход» Датских проливов был задуман Кильский канал, трасса которого должна была пройти через два княжества - Шлезвиг и Гольштинию. Шлезвиг был в руках Дании, и Гольштинские послы просили Петра помочь Гольштинии отбить Шлезвиг у Дании. В награду России обещали право свободного прохода русских судов через будущий канал. Насколько серьёзно Пётр отнёсся к этому предложению, видно из того, что он согласился выдать за Гольштинского герцога свою старшую дочь Анну (свадьба состоялась уже после смерти Петра). Свою племянницу Екатерину он ещё раньше выдал замуж в соседнее Германское герцогство Мекленбург. Впоследствии дети Екатерины и Анны, известные как Анна Леопольдовна и Пётр III, утверждались на короткие сроки на Российском престоле, но это уже другая история.

Угрозы в адрес Дании ни к чему не привели, и в 1857 г. морские державы, включая Россию, выкупили у Дании её право на взимание пошлин; с тех пор Датские проливы свободны для мореплавателей. Но до этого в Эльсинорском замке существовала виселица для тех мореходов, которые пытались пробиться через таможенные посты силой.

Кёльнский собор. Собор строился с XIII по XIX век. Такой долгострой означал только одно: не очень-то он был нужен! Зачем же его строили? Ответ таков. Нужна была *высокая точка* для наблюдения за Рейном: не скапливаются ли поблизости суда, угрожающие прорывом таможенной линии. Эту высокую точку не обязательно было оборудовать «на шпильях» собора. Достаточно было приладить наблюдательный пост к недостроенным конструкциям. По-видимому, так и делали.

Можно предположить, что наблюдательный пост в Кёльне был в зрительной связи с аналогичными постами на ближайших

таможенных заставах по Рейну. Если дело обстояло именно так, то должна была существовать система сигнализации между ними. Фамилия Гогенцоллерн, известная по династии прусских королей и императоров, в своём корне содержит вполне понятные слова: «Высокая Таможня»¹ В книге немецкого автора Г. Дильса «Античная техника» (русский перевод 1934 г.) уделяется внимание высоким точкам в системе государственной сигнализации в Древней Греции. Дильс приводит сведения об использовании Кёльнского собора в системе гелиотелеграфа, популярного в странах Европы в середине XIX века. К сожалению, сведений об аналогичных сигналах с использованием недостроенного Кёльнского собора в его книге нет.

Топонимика.

В древности таможни играли столь важную роль, что они не могли не оставить своего следа в топонимике. В Германии известно, например, местечко Цоллендорф. И не только в Германии. В Москве в южной её части (по Серпуховской дороге), примыкавшей к древнему ядру города, до сих пор есть улицы Мытная и Зацепа. С севера, по Ярославской дороге, расположен город Мытищи. Мыт – это старое русское слово, означавшее проезжую пошлину². На востоке от Москвы по Нижегородской дороге не так давно существовала Обираловка (ныне г. Железнодорожный). Возможно, к таможенному произволу (до 1654 г. таможни отдавались на откуп частным лицам) имеет отношение район Москвы на Севере под названием Лихоборы (примыкает к Дмитровской дороге)³.

Наверняка, сеть таможенных постов в России и в Германии, как и в других странах, была более густой, чем нам известно. Этот предмет представляет интерес не только для профессиональных историков. Проникновение в него может дать ответы на многие не разгаданные (и нередко «отставленные в сторону») исторические вопросы.

¹ В русском языке немецкий звук X, особенно в начале слова, нередко передается через Г.

² При продаже товара и при его купле, в месте совершения сделки (например, в Гостином дворе) могла взиматься другая пошлина – тамга (отсюда слово таможня). Как взаимодействовали оба типа пошлин мыт и тамга - этот вопрос плохо выяснен.

³ Правда, здесь протекает речка Лихоборка. Нельзя исключить, что название речки – более древнее, чем название местности. Будь так, это означало бы, что не местность дала название речке, а наоборот, по имени речки получила своё название окружающая местность.

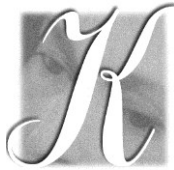
Борис Тененбаум

1812

(продолжение. Начало см. в № 7/2011 и сл.)

Москва, сентябрь 1812

I

Конец лета 1812 года Александр Первый провел в Петербурге - не в своей обычной пышной резиденции, а в небольшом дворце на Каменном Острове, где жил почти в уединении. 3-го сентября он принял представителя английского правительства, сэра Роберта Вильсона. Вообще-то, конечно, его фамилия была Уилсон, но в русской исторической литературе он именуется Вильсон - так уж повелось. Сэр Роберт был бригадным генералом, профессиональным военным, и собственно, с Александром был уже знаком: в чине подполковника он проделал кампанию в Пруссии в 1806-1807 в составе русской армии. Даже участвовал в сражениях – при Прейсиш-Эйлау, Гейльсберге, Фридланде...

Заключение Тильзитского Договора ему не понравилось, и мнение свое выражал вполне открыто, и в выражениях, дипломатическому протоколу совершенно чуждых. Особенно он бранил Румянцева.

В результате в 1807 подполковника Вильсона наперебой приглашали в самые изысканные салоны Петербурга - недовольных Тильзитом там было более чем достаточно. Зато Румянецв разговаривал с подполковником всего раз, обращался с ним с ледяной холодностью, и добился того, чтобы его отозвали. Вильсон с тех пор успел повоевать с французами в Португалии, а в 1812 был назначен в качестве английского представителя в армию великого визиря в Бухарест. Оттуда, после заключения мира, перебрался в штаб русской Дунайской Армии. Он и там не задержался. Война России с Наполеоном поменяла все его планы, и сэр Роберт из Бухареста через Киев немедленно направился к Барклаю де Толли – он хотел видеть все происходящее своими глазами.

Сэр Роберт успел вовремя, даже принял личное участие в сражении под Смоленском.

А 27 августа 1812 генерал Вильсон был уже в Петербурге, и даже, по его словам, успокаивал перепуганных плохими вестями жителей столицы: он уверял их, что "... *русская армия полна боевого духа и несомненно одолеет неприятеля ...*".

Александр Первый в это время в Петербурге отсутствовал - император был в Або для переговоров со шведами и вернулся только к 3-му сентября. Он дал Вильсону аудиенцию буквально в тот же день. Отношения с Англией были улажены еще в середине июля 1812, и английский посол виделся с императором чуть ли не ежедневно - но сэр Роберт прибыл непосредственно из ставки русской действующей армии. Александр хотел увидеться с ним как можно скорее.

В своих записках генерал Вильсон сообщает читателя, что за время его аудиенции с русским императором тот несколько раз менялся в лице - то бледнел, то вдруг вспыхивал ярким румянцем.

Генерал, по-видимому, приписывал это своему красноречию.

Вильсон, собственно, просил у Александра разрешения вернуться к армии в качестве британского представителя при штабе Кутузова. Но попутно он сообщил своему - надо полагать, потрясенному - хозяину, что в армии недовольны командованием, что высшие командиры опасаются, что император Александр "... *по милосердию своему ...*" заключит мир с Наполеоном, и что они требуют удалить советников, которые могли бы настроить российского государя в примирительном духе (совершенно явно имелся в виду канцлер Румянцев), и что командиры русских корпусов, зная, что Вильсон направляется в Петербург, даже и просили его довести такое их мнение до сведения Александра Первого.

То есть, другими словами, военные командиры сомневались в том, что у их императора перед лицом непрерывных неудач хватит духа и упорства не заключать мир с Наполеоном, они объявляли ему, что его советников - по крайней мере, некоторых - они считают "... *ненадежными ...*", а уж ко всему прочему в качестве эмиссара к своему императору они избрали иностранного военного атташе.

Александр, по-видимому, не верил своим ушам. Военные, согласно присяге, были обязаны своему императору безусловным повиновением. Как они смели ставить ему условия?

Ему оставалось предположить, что все это Вильсон придумал. Но, по-видимому, император решил, что нет, не

придумал – при всем его резком характере с фантазией у англичанина, надо сказать, было плоховато. К тому же, надо было иметь поистине непошибаемый британский апломб, чтобы принять такое поручение.

Так что Александр не выгнал своего визави из кабинета, а с обычным тактом заявил, что “... *намерен сопротивляться до конца и изгнать французов из России ...*”, но в то же время “... *не допустит ничего вмешательства в его политику ...*”.

Вильсону было разрешено ехать в ставку действующей армии, теперь уже не к Барклаю де Толли, а к Кутузову, и более того - Александр Первый просил Вильсона писать ему лично обо всем, что он найдет нужным, и “... *использовать все свое влияние ради защиты императорских интересов во всех обнаруженных им случаях или замыслах нарушения оных ...*”.

Иными словами - он делал польщенного таким вниманием генерала Вильсона своим доверенным лицом в ставке собственной армии. Далеко не единственным, конечно, но ставить Вильсона в известность об этом император не нашел нужным. Пушкин назвал Александра “...*правителем слабым и лукавым...*”.

Он был прав.

II

Александр Первому нравились порядочные люди. И не нравились непорядочные. Ну, скажем, его страшно раздражали казнокрады. Он очень не любил лизоблюдов, льстецов и попрошаек. В начале своего правления он старался окружить себя людьми, способными с ним спорить - молодыми аристократами, прекрасно образованными, отпрысками богатых и влиятельных семейств. Потом оказалось, что иметь дело только с ними не всегда удобно, и в рост пошли люди другого сорта - такие, которые жили службой, собственных средств не имели, и с этой точки зрения зависели от императора куда больше, чем, например, князь Чарторыйский.

Примерами могут послужить Аракчеев, Нессельроде, или даже Сперанский. И в этом смысле Александра очень устраивал Барклай де Толли - спокойный, дельный человек, который к тому же, будучи близок к нему, носителю верховной власти, никогда ни о чем его не просил.

А Кутузова царь после Аустерлица не любил. Он тогда, в 1805, настаивал на наступлении. Кутузов его удерживал, но, когда Александру приводили этот аргумент, отвечал: “*Слишком мало удерживал ...*”. Интересно, что это чувство разделяли генералы из тех, что были при Аустерлице - Багратион, Милорадович, Дохтуров ...

Военному, получившему приказ, который он считает гибельным, никакого выбора нет. Как говорили в таких случаях французы - "*... остается только дать себя убить ...*". Но генерал, находящийся на посту командующего армией, когда с его советом не посчитались, по кодексу чести был обязан предложить свою отставку. Кутузов этого не сделал.

Людам вроде Дохтурова оставалось выбрать одно из двух - либо "предостережение" Кутузова было средством обезопасить свою репутацию на случай неудачи, либо он против собственного убеждения повел людей на убой, лишь бы не возражать самодержцу.

Ну, высказывались они соответственно. Скажем, Багратион был уверен, что Кутузов из соображений собственной выгоды не остановится ни перед чем. Но примем все-таки во внимание - Багратион был горяч, и сгоряча много чего говорил...

Генерал Ланжерон, в принципе неплохо относившийся к Кутузову и признававший его ум и способности, считал его человеком, в личных делах нечистоплотным, называл "*... преступным и грешным стариком ...*", окруженным грязью. В своих записках он приводил на этот счет красноречивейшие примеры[1].

Милорадович и Дохтуров были куда лаконичней. М.А.Милорадович назвал нового командующего "*... низким царедворцем ...*", а Д.С. Дохтуров - "*... отвратительным интриганом...*".

Е.В.Тарле, живший во времена, когда по поводу Кутузова выражаться надо было осторожно, говорил: "*... в Кутузове было много и лукавства и умения играть людьми, когда ему это было нужно, и близкие к нему это очень хорошо понимали ...*", и дальше приводит слова дежурного генерала Маевского, служившего при Кутузове и знавшего его очень хорошо:

"...Тех, кого он подозревал в разделении славы его, невидимо подъядал так, как подъяедает червь любимое или ненавистное деревцо...".

Маевский, собственно, этим не ограничился. Послушаем его еще раз:

"...Можно сказать, что Кутузов не говорил, но играл языком: это был другой Моцарт или Россини, обвораживавший слух разговорным своим смычком... Никто лучше его не умел одного заставить говорить, а другого — чувствовать, и никто тоньше его не был в ласкательстве и в проведении того, кого обмануть или обворожить принял он намерение...".

По-видимому, генерал Маевский прав - его шеф, Михаил

Илларионович Кутузов, был ловким человеком, великим дипломатом, и тонким политиком. И он это немедленно доказал - сразу после сражения при Бородино.

Кутузов направил Александру Первому реляцию об одержанной победе.

III

Василий Васильевич Вяземский принадлежал к древнему княжескому роду, но к той его ветви, которая сильно обеднела - у него не было и сотни душ крепостных. Ребенком, как тогда полагалось, был записан в гвардию, но не с его состоянием можно было думать там удержаться. Так что действительную военную службу он начал в качестве ординарца. Но ординарца у самого Суворова - знатный род все-таки что-то значил. Конечно, он был храбрым и умелым офицером, но и протекция помогла. В 24 года Вяземский стал полковником, в 28 - генерал-майором.

Летом 1812 года ему было 37 лет, он командовал бригадой егерей в 3-й армии под командой Тормасова, размещенной на Украине - и в своем дневнике последними словами бранил людей, ответственных за руководство войной. Всем доставалось - и немцам-изменникам, и вельможам, забывшим православие ради новомодных штучек, и графу Аракчееву, который взялся реформировать армию, не понюхав пороха, но пуще всего поносились дураки, негодяи и неумехи, которые без выстрела отступали и отступали, "*... от границы и до самого Смоленска ...*", и которые губят и армию, и отечество.

Князь Василий Вяземский был, конечно, от двора очень далек, но таких людей было очень много. Они-то и давали силу партии "старо-руссос", которая группировалась вокруг сестры царя, Екатерины Павловны. Шишков и Карамзин, идеологи партии, думали точно так же. Противостоять их давлению Александр Первый не мог - они и были тем "общественным мнением", с которым он вынужден был считаться.

Кандидатом "старо-руссос" на пост главнокомандующего был Кутузов - и царь уступил, и назначил человека, к которому испытывал сильную неприязнь.

Надо полагать, это царское о себе мнение Кутузов еще и укрепил - поклявшись "*...победить или пасть под стенами Москвы...*", в этот высокий момент попросил у Александра еще и денег. На безупречном французском, ссылаясь на то, что поиздержался...

Царь ответил, что "*... вам вы платят должное ...*", распорядился, новому командующему вручили 10 тысяч рублей, и он отправился в путь, спасать Отечество ...

29 августа он принял армию. 3 сентября утвердил выбранную фон Толем позицию. 5 сентября началось сражение у Шевардино. 7 сентября грянула великая битва у Бородино, и немедленно же была отправлена реляция об одержанной победе. 8 сентября началось отступление русской армии к Москве. 14 сентября рано утром светлейший князь Михаил Илларионович Кутузов, пожалованный за победу в фельдмаршалы, покинул Москву и отошел на юго-восток, к Коломне. Командир его арьергарда, генерал Милорадович, встретился с генералом Себастиани из 2-го французского корпуса, и договорился с ним о сдаче Москвы без боя в обмен на беспрепятственное отступление. 14 сентября в полночь в Москву въехал Мюрат - ради такого случая он нарядился даже пышнее, чем обычно. 15 сентября в Москву прибыл Наполеон. Он разместился в Кремле.

Разрозненные пожары в городе начались еще накануне, 14 сентября...

IV

Павел Васильевич Чичагов говорил, что по части искусства политического маневрирования нет в Европе генерала, равного Кутузову. Чичагов сменил Кутузова в качестве командующего Дунайской Армией, с Кутузовым враждовал, и даже очень остро - и встречал в этом смысле полную взаимность. Подробности можно почитать в записках того же Ланжерона, который не очень жаловал их обоих - но мы сейчас говорим не об этом, а о том, что политической ловкости князя Кутузова отдавали должное даже его недруги. И в сентябре 1812 года он проявил эту ловкость во всем ее блеске.

Отход русской армии от Бородино и на Москву начался утром 8 сентября. Раненых пришлось бросить. Их было слишком много, а транспорта - слишком мало. Кавалерия Мюрата начала движение уже в полдень того же дня, 8 сентября и висела на хвосте отступающей армии, не позволяя ей остановиться для реорганизации. Все это как-то слабо корреспондировало с победной реляцией Кутузова о том, что враг повсюду отражен и отброшен - и ему надо было в этом отношении что-то делать. В течение шести дней, с 8 по 14 сентября 1812 года Кутузов только и делал, что непрерывно говорил о новом сражении, и вот только удобной позиции никак не найдет.

Е.В.Тарле говорит, что сам фельдмаршал не придавал этим своим словам никакого значения - и немудрено. По представленным ему результатам переключки в строю оставалось 45 тысяч человек - из тех 120 тысяч, что были у него до битвы. То есть убыль составляла 75 тысяч - две трети армии. В плен, как мы

знаем, попало меньше тысячи, убитыми и ранеными на поле боя легло от 50 до 60 тысяч человек, остальные, по-видимому, отбились от общей массы в ходе боя. Точные подсчеты было затруднены еще и тем, что в армии были нерегулярные формирования, казаки и ополченцы, и ополченцы находились на крайнем левом фланге, подпирая корпус Тучкова 1-го. Часть корпуса была направлена на помощь защитникам Семеновских Флешей, сам Тучков был убит - в такой неразберихе ополченцы, управляемые очень малым количеством офицеров, могли просто рассыпаться по лесам. Во всяком случае, на месте их не оказалось.

Великая Армия тоже понесла тяжелые потери. В числе убитых, например, был брат Армана де Коленкура, Огюст[2]. Но у Наполеона оставалось в строю вдвое больше людей, чем у Кутузова, и его гвардия была нетронута.

В общем, продолжать сражение было нельзя, и все это понимали. Послушаем князя Голицына, одного из людей, входивших в окружение светлейшего князя Кутузова:

"...[Кутузов] никогда не полагал дать сражение на другой день, но говорил это из одной политики. Ночью я объезжал с Толем позицию, на которой усталые наши воины спали мертвым сном, и он донес, что невозможно защищать с 45-ю тысячами те места, которые были заняты 96-ю тысячами, особенно когда у Наполеона целый гвардейский корпус не участвовал в сражении. Кутузов это все знал, но ждал этого донесения, и выслушав его, велел немедленно отступить..."

Цифра в 96 тысяч, упомянутая фон Толем, по-видимому, отражала число солдат в тех корпусах, которые приняли фактическое участие в сражении - вне поля боя оставалась еще часть гвардии, довольно много кавалерии, и те ополченцы, что стояли позади бородинской позиции, на дороге, ведущей к Москве. Сражение было невозможным, старый фельдмаршал понимал это совершенно отчетливо.

Но у него были соображения, выходящие за рамки чисто военных вопросов.

V

В каком виде дело было представлено широкой публике, видно из письма современницы событий, московской дворянки М.И.Волковой:

"...В Москве напечатали известия ... что после ужасного кровопролития с обеих сторон ослабевший неприятель отступил на 8 верст, но что для окончания решения битвы в пользу русских на следующий день будет сделано нападение на французов, чтобы принудить их к окончательному отступлению, каково и было

официальное письмо Кутузова к Ростопчину [генерал-губернатору Москвы]...”.

Потом последовало полное молчание, а потом отступающая русская армия оказалась уже недалеко от города. 13 сентября состоялось знаменитое совещание в Филях - в нем участвовали Бенингсен, Барклай де Толли, командовавший казацкой нерегулярной конницей Платов, Дохтуров, Уваров, Раевский, Остерман-Толстой, Коновницын, Толь и Ланской. Не было Милорадовича - ему поручили арьергард, и он не мог отлучиться.

Кутузов поставил на обсуждение вопрос: принять ли новое сражение, или отступить, оставив город Наполеону? За то, чтобы дать сражение, высказались Беннигсен, Дохтуров, Уваров, Коновницын и Ермолов. Они считали невозможным сдать Москву без сопротивления.

Протокола не вели, поэтому не ясно, что сказали Платов, Раевский, Остерман-Толстой и Ланской - люди они все были отважные, и скорее всего, согласились с Беннигсеном.

За отступление высказались двое - Барклай де Толли и фон Толь.

Вопрос, конечно, Кутузов к этому времени для себя уже решил. Он сказал, что властью, врученной ему государем и отечеством, он приказывает отступление. И добавил:

"Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнет Москва и Россия".

Фраза эта вошла во все хрестоматии, я, например, помню ее со школы. Она чуть ли не буквально повторяла то, что неоднократно говорил Барклай де Толли, начиная с момента наполеоновского вторжения в Россию. Но за две недели до 13 сентября тот же Кутузов писал Ростопчину следующее:

"По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России".

Он переменял свое мнение, и теперь ему предстояло объяснить, почему он это сделал. В войсках приказу об отступлении не хотели верить. Генерал Бороздин счел его изменническим, и отказался выполнять. Только после разговора с Дохтуровым он изменил свое мнения. Были офицеры, которые срывали свои эполеты - они полагали, что постыдный мир будет теперь непременно заключен, и не хотели служить под опозоренными знаменами. Были даже такие, которые строили планы - перебраться в Испанию и продолжать борьбу с Наполеоном оттуда. 12 сентября авангард русской армии

остановился у Поклонной Горы, в двух верстах от московской Дорогомиловской заставы. Из города уже хлынул поток экипажей. В Москве из трех сотен тысяч ее обитателей добрых две трети не жили в ней постоянно - это были дворяне, которые в Москву только наезжали на зимний сезон, со всей дворней и со всем своим антуражем. Сейчас они уезжали обратно - кто куда. Кто-то возвращался в свои поместья, кто-то двигался к Твери и дальше, на Петербург, кто-то двигался на восток и юго-восток - главное, подальше от Москвы.

14-го русская армия пошла длинными колоннами через Москву, оставляя столицу и двигаясь в сторону Калуги.

Подробный отчет о ситуации был получен русским послом в Англии, графом С.Р.Воронцовым - его сын командовал дивизией под Бородино, и был тяжело ранен. Согласно полученной послом информации, на совете Кутузов сказал:

"Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это на это как на Провидение, ибо это спасет армию. Наполеон - как бурный поток, который мы пока не можем остановить. Москва станет губкой, которая его всосет".

По-видимому, это правда - нечто подобное он с глазу на глаз говорил и Толю. Теперь Кутузову надо было сделать важный шаг - отвести от себя упреки за решение, которое он сам считал и правильным, и неизбежным. На военном совете из всех генералов эту же точку зрения высказывал только один человек - Барклай де Толли.

Знаменитый совет в Филях, кстати, попал в "Войну и Мир", и у Толстого описан поистине гениально – глазами сидящей на печи крестьянской девочки Малаши. Она, конечно, не понимает, о чем говорят важные генералы – тем более, что в разговоре они часто переходят на французский – но всей душой сочувствует “дедушке”, то есть Кутузову. Он спорит с “длиннополым” (Беннигсеном), и она с радостью видит, что “... дедушка его одолевает ...”. И вот – спор решен, дедушка одолел, Москва будет сдана без сражения, и таким образом армия не будет уничтожена, страна будет спасена, и народ – в виде Малаши Савостьяновой – ничего не понимая в споре, инстинктивно становится на сторону добра и мудрости. Мир по Толстому...

При чтении, правда, мелькают и другие фигуры, например, Барклай де Толли. Ему внимания уделяется поменьше, чем Малаше – он говорит одну фразу о невозможности сражения – и это все.

Как мы знаем, Барклай де Толли был единственным из генералов, кто утверждал, что Москву надо оставить без боя.

Кутузов тоже так думал. Но он, великий политик, последовательно сделал следующее:

1. Объявил, что за Москву будет стоять насмерть или победит, или падет со славой под стенами столицы.

2. Дал (против своего желания) сражение под Бородино.

3. В ходе битвы не делал ничего, кроме того, что одобрял все, что ему предлагали подчиненные. В сражении они управлялись сами, чему есть тонна свидетельств.

4. Объявил Бородино огромной победой – враг отброшен на 8 верст, и т.д.

5. Через неделю написал царю, что дела были так испорчены во время отступления от границы и битвы за Смоленск (когда командовал Барклай), что теперь уж даже он, Кутузов, ничего не может сделать.

Москва была сдана. Виновником этого был объявлен Барклай, стратегию которого Кутузов использовал, и чьей поддержкой воспользовался на совете в Филях. Мир по Шекспиру?..

Несколько отвлекаясь от последовательности нашего повествования, можно добавить, что История тоже оказалась изобретательным автором – у Казанского Собора они оба – и Кутузов, и Барклай де Толли – стоят вместе, единой парой Спасителей Отечества, согласных во всем...

Можно это назвать Литературой Истории?

VI

Если непредвзято посмотреть на совершенно общеизвестные материалы, связанные с падением Москвы, то возникает чувство какого-то странного театра, в котором актер исключительных дарований, по имени Михаил Илларионович Кутузов, играет роль сумасшедшего. Вот в самый день бородинской битвы, 7 сентября 1812 года, уже ближе к вечеру появляется у него в ставке адъютант Барклая де Толли, Вольцоген, и по долгу службы сообщает главнокомандующему, что русские войска левого фланга, защищавшие батарею Раевского и Семеновские Флеши, отступили от них на расстояние орудийного выстрела, и что вслед за ними, выравнивая линию, отступили и войска правого фланга.

Главнокомандующий, светлейший князь Кутузов, начинает бешено топтать на него ногами и кричать, что свои сведения Вольцоген нашел, по-видимому, под юбкой грязной шлюхи, где он и прятался, в то время как князю Кутузову расположение русских войск известно много лучше, и он знает, что они нигде не отступили, а напротив, враг повсюду отбит и уже поутру начнется

славное наступление с целью добить пораженного врага...

Конечно, младший офицер не смеет возражать командующему армией, но если говорить не в терминах военной иерархии, а более приземленно, то тут разговаривают два человека, и один из них, тот, кто за весь день покинул свой кабинет всего один раз, для завтрака на свежем воздухе, кричит на другого, который весь этот день провел под огнем. Барклай в день Бородина искал смерти - и не нашел - но две трети его адъютантов были перебиты. Вольцоген - из тех, кто уцелел. Докладывает он то, что видел, то, что обязан довести до сведения командующего - и говорит при этом чистую правду. Не только легко проверяемую, но и известную уже генералу Кутузову из целого ряда других сообщений о передвижении войск - которые, кстати говоря, он даже и одобрил. Не вникая в дело, конечно, но все-таки одобрил...

Зачем же весь этот крик? Согласно Толстому, в словах Кутузова высшая правда, он знает, что армия хоть и отступила, но она не сломлена - но как-то невольно напрашивается мысль, что это еще немножечко и "... балаган на публику ...". Надо доложить о победе - а если потом всплывут всякие неудобные детали, то это будет потом...

Дальше все продолжается в том же духе. В самый день совета в Филях, услышав от Ермолова, что предлагаемая оборонительная позиция под Москвой никуда не годится, Кутузов берет Ермолова за руку, щупает пульс, и заботливо спрашивает - здоров ли он? Делается это все не наедине, а на глазах у свиты, и идея состоит в том, чтобы показать, что в глазах Кутузова даже и тень мысли о сдаче города есть знак болезни и помешательства. Хотя вопрос, конечно, фельдмаршалом уже решен - Москва будет сдана, и сдана без боя.

И 14-го сентября, когда решение не только принято, но уже и объявлено, и войска уже потянулись через Москву, командиру прикрывающего их движение арьергарда, генералу Милорадовичу, Кутузов шлет туманное указание - "...почтить оставление древней столицы видом сражения...". То есть Милорадович должен как бы изобразить сражение - но на свой страх и риск. В случае успеха - Кутузов доложит о победе. В куда более вероятном случае неудачи - отвечать будет Милорадович. Генерал был вне себя. Он и раньше-то сдержанностью не отличался, а уж теперь порции ругани, которую он адресовал "...интригану...", превзошла все рекорды. Милорадович не только не "...почтил древнюю столицу видом сражения ...", а сделал прямо обратное - послал парламентариев к преследующему его Мюрату и договорился о сделке: русские уходят беспрепятственно,

а в обмен они ничего в Москве не разрушают.

Мюрат с радостью согласился, остановил свою кавалерию - и Наполеон утвердил его решение. Он считал, что кампания 1812 года наконец закончена, и что перемирие фактически уже заключено.

Ну, он ошибался.

VI

В донесении об оставлении Москвы, отправленном Кутузовым царю, говорилось, в частности, и о том, что все важные грузы из старой русской столицы уже вывезены. Вот это уже была чистая неправда. Всеми делами в Москве, в том числе и всем транспортом, ведал генерал-губернатор, граф Федор Васильевич Ростопчин, и ему-то и следовало своевременно озаботиться вывозом ценных грузов.

Но если даже с собственными генералами Кутузов был лукав и неоткровенен, то что же говорить о его переписке с генерал-губернатором? Ему и вовсе отправлялись не точные сведения, а, так сказать, "*...пленительные сказания Шехерезады...*". Надо, впрочем, добавить, что в случае с Ростопчиным "*пленительные сказания*" пали на благодатную почву. Человек он был пылкий, умный, очень образованный, можно сказать, столп партии "старо-руссов", друг Багратиона и ценитель таланта Карамзина. Александр Первый не зря поставил его на важный пост генерал-губернатора Москвы - Ростопчин проявил замечательным организатором и пропагандистом. Московское дворянство единодушно поддержало императора в его военных усилиях, и обещало ему 80 тысяч рекрутов и ополченцев, московское купечество разом собрало два с лишним миллиона рублей на военные расходы.

Был у него и еще один талант - считалось, что Ростопчин мог говорить с простым народом на одном с ним языке. Талант этот он практиковал в виде так называемых "афиш", или "*Дружеских посланий от главнокомандующего в Москве к жителям ее*" – под "главнокомандующим" тут понимался именно Федор Васильевич Ростопчин, а не Михаил Илларионович Кутузов.

А содержание же афишек предположительно освещало ход русско-французской войны 1812 года с точки зрения простого люда. Просто не могу отказать себе в удовольствии привести первую из них целиком:

"№ 1

Московский мещанин, бывший в ратниках, Карнюшка Чихирин, выпив лишний крючок на тычке, услышал, что будто

Бонапарт хочет идти на Москву, рассердился и, разругав скверными словами всех французов, вышед из питейного дома, заговорил под орлом так: "Как! К нам? Милости просим, хоть на святки, хоть и на масляницу: да и тут жгутами девки так припопоят, что спина вздуется горой. Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь! Сиди-тко лучше дома да играй в жмурки либо в гулючки. Полно тебе фиглярить: ведь солдаты-то твои карлики да щегольки; ни тулупа, ни рукавиц, ни малахая, ни онуч не наденут. Ну, где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-то и останутся, так крещенские морозы поморят; право, так, все беда: у ворот замерзнуть, на дворе околевать, в сенях зазябать, в избе задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Повалился кувшин по воду ходить, тут ему и голову положить. Карл-то шведский пожилистей тебя был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушел без возврата. Да и при тебе будущих-то мало будет. Побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да и тех старики наши так откачали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости.

Ну, и твоей силе быть в могиле. Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? Вить это не город, а царство. У тебя дома-то слепой да хромой, старухи да ребятишки остались, а на немцах не выведешь: они тебя с маху сами оседлают. А на Руси што, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600 000, да забритых 300 000, да старых рекрутов 200 000. А все молодцы: одному Богу веруют, одному царю служат, одним крестом молятся, все братья родные. Да коли понадобится, скажи нам батюшка Александр Павлович: "Сила христианская, выходи!" – и высыпет бессчетная, и свету Божьяго не увидишь! Ну, передних бей, пожалуй: тебе это по сердцу; зато остальные-то тебя dokonают на веки веков. Ну, как же тебе к нам забраться? Не токмо что Ивана Великаго, да и Поклонной во сне не увидишь. Белорусцев возьмем да тебя в Польше и погребем. Ну, поминай как звали! По сему и прочее разумевай, не наступай, не начинай, а направо кругом домой ступай и знай из роду в род, каков русский народ!" Потом Чихирин пошел бодро и запел: "Во поле береза стояла", а народ, смотря на него, говорил: "Откуда берется? А что говорит дело, то уж дело!"

Граф Ростопчин".

VIII

Видно человека с полетом, не правда ли? Так что ему всякие мысли приходили в голову, не только про Карношку *Чихирина*. Как никто другой, Ростопчин способствовал

назначению Кутузова на пост главнокомандующего - по-видимому, был искренне уверен в том, что дела военные идут нехорошо только из-за Баркляя де Толли с его предосудительной фамилией. Но еще до назначения Кутузова, за три недели до Бородино, писал в армию своему другу, П.И.Багратиону:

"Я не могу себе представить, что неприятель мог прийти в Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили к Вязьме, тогда я примусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю каждого убираться, а народ здешний, по верности к государю и по любви к отечеству, решительно умрет у стен московских, а если бог не поможет в его благом предприятии. то, следуя русскому правилу: не доставайся злодею - обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица. О сем недурно и ему дать знать, чтобы он не считал на миллионы и миллионы хлеба, ибо он найдет уголь и золу..."

И вот сейчас, меньше чем через неделю после Бородино, Федор Васильевич оказался перед печальной дилеммой – вывезти "... государственные вещи ..." он никак не мог. Собственно, граф попытался что-то сделать. Буквально за 3-4 дня до падения города у уезжавших из Москвы конфисковывали экипажи и лошадей с благой целью вывезти государственное имущество, но оказалось, что одни только архивы Военной Комиссии потребуют до 10 тысяч телег для своей эвакуации[4].

Вести от Кутузова тоже оптимизма не добавляли. Светлейший князь был как бы полон оптимизма, но чрезвычайно уклончив во всем, что касалось деталей. Требовал для армии лошадей, припасов и почему-то еще и пополнений, которые должен был требовать от людей, формировавших в тылу новые полки, например, от князя Лобанова-Ростовского. Тот, собственно, тоже получал письма от Кутузова, с многозначительным прибавлением: "... в случае промедления вся ответственность падет на вас ...". Но если уж от Лобанова нельзя было ожидать, что он в считанные дни из доставляемых к нему необученных рекрутов создаст действенные полки - чего следовало ожидать от Ростопчина, у которого не было для этого вообще никаких средств - ни офицеров, ни строевых инструкторов, ни оружия ? Он попытался использовать старые ружья, хранившиеся в Кремле - оказалось, что это полная рухлядь, опасная скорее для стреляющего, чем для его цели.

Тем не менее, в надежде помочь армии в ее последнем сражении под стенами Москвы, он воззвал к московскому населению:

№ 15

Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить живот, защищая отечество, не пустить злодея в Москву. Но должно пособить, и нам свое дело сделать. Грех тяжкий своих выдавать.

Москва наша мать. Она вас поила, кормила и богатила. Я вас призываю именем Божией Матери на защиту храмов Господних, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чем может, и конные, и пешие; возьмите только на три дни хлеба; идите со крестом: возьмите хоругви из церквей и с сим знаменем собирайтесь тотчас на Трех Горах; я буду с вами, и вместе истребим злодея.

Слава в вышних, кто не отстанет! Вечная память, кто мертвый ляжет! Горе на страшном суде, кто отговариваться станет!

Граф Растопчин

30 августа (по новому стилю - 11 сентября)

Из армии тем временем от Ростопчина требовали лошадей, повозки, ополченцев - в число которых следовало включить раненых, уже способных ходить, и тех дезертиров, кого удалось задержать. Все это "войско" Ростопчин должен был снабдить *"...одной тысячей железных лопат и одной тысячей топоров..."*.

Граф Федор Васильевич был очень неглупым человеком. он понял положение дел и начал принимать свои меры. Он отправил из Москвы по Ярославской Дороге жену и дочерей, прибавив к ним несколько слуг для сопровождения, и присоединив к домочадцам еще и историка Карамзина[5].

В этот же день, в субботу 12-го сентября 1812 года, он выпустил еще одну прокламацию:

№ 16

Я завтра рано еду к светлейшему князю, чтобы с ним переговорить, действовать и помогать войскам истреблять злодеев. Станем и мы из них дух искоренять и этих гостей к черту отправлять. Я приеду назад к обеду, и примемся за дело: отделаем, доделаем и злодеев отделаем.

Граф Растопчин

31 августа (12-го сентября)

На что он надеялся, было непонятно.

IX

Поговорить по душам с Кутузовым у Ростопчина не получилось, причем до такой степени, что координацией прохождения армии через улицы Москвы занимались адъютанты Баркляя де Толли, а не городская полицейская служба, подчиненная генерал-губернатору.

Ростопчин же, вернувшись в свою резиденцию, написал

царю письмо. В нем он призывал государя забыть само слово - "мир". Никакого мира с французами быть не может. Сам Ростопчин, по-видимому, полагал, что сражение еще возможно, пусть даже, если понадобится - под стенами Кремля. Граф думал присоединиться к сражающимся и не надеялся дожить до конечной победы, но был уверен, что отданные им распоряжения превратят Москву в пепелище, а русские развернут против Наполеона такую же безжалостную народную войну, какую ведут против него испанцы. Писалось все это 12 сентября, ночью, в лихорадочной спешке. Но, еще не успев отправить письмо, Ростопчину пришлось взяться за второе - он получил от Кутузова известие о том, что никакого боя не будет, и что армия уходит из Москвы.

Во втором письме граф Федор Васильевич сообщил своему государю, что теперь он, московский генерал-губернатор, выполнив все возможное, последует за армией, и что все, что ему остается - это обливаться слезами горя. И не скрыл от царя, что он думает о поведении главнокомандующего русской армией, светлейшего князя, М.И.Кутузова...

После этого помощник начальника полиции Москвы, Ивашкин, получил распоряжение собрать все 2000 пожарных города, с 64 пожарными помпами на повозках, и немедленно покинуть столицу. Вслед за ними должны были двинуться и все остальные чины полиции, предварительно закрыв все кабаки и уничтожив по возможности все их запасы спиртного. Была организована попытка вывезти как можно больше раненых - она не слишком удалась, повозок не хватало.

Дальше из тюрем были освобождены все восемь сотен заключенных, которые в них содержались, за исключением двоих - купеческого сына, Верещагина, написавшего про-французскую листовку, и некоего француза, Мутона, обвиненного в том, что он его сообщник.

В 11 часов вечера 13 сентября 1812 года Ростопчина навестили знатные гости - герцог Ольденбургский и принц Вюртембергский. У них была просьба к генерал-губернатору - они хотели, чтобы он поговорил с Кутузовым и убедил его не сдавать Москву без боя. Просьба, надо сказать была странной - потому что герцог Ольденбургский, как-никак, приходился Александру Первому двоюродным братом, а принц Вюртембергский, брат вдовствующей императрицы Марии Федоровны - и вовсе дядюшкой.

Почему бы им самим не поговорить с Кутузовым?

Они сказали, что уже ходили к главнокомандующему - но

их не пропустили. Как объяснил им дежурный адъютант, светлейший князь Кутузов уже почивал. Ну, теперь уже все трое - и герцог, и принц, и граф Ростопчин - отвели душу "...в строгих осуждениях князя Кутузова...", но делать было нечего...

На следующий день, 14 сентября, в 10 часов утра, Ростопчин попытался уехать - он собирался следовать за армией - но не тут-то было. У него на дворе собралась огромная толпа - графу его зажигательные афишки сейчас очень аукнулись. По словам мемуаристов, запахло кровью - "...возбужденная чернь требовала, чтобы граф к ней вышел...".

Тогда он вышел на крыльцо, сообщил собравшимся, что "... Москва погибает из-за одного предателя ..." - и указал им на Верещагина. Как ни странно, но толпа не бросилась на него сразу - Ростопчину понадобилось приказать одному из сопровождающих его унтер-офицеров ударить заключенного саблей. Тогда его действительно разорвали на части.

А Ростопчин сел в коляску и уехал.

Уже потом, через полтора месяца после этого дня, он писал министру юстиции, что "...народ сделал из него [Верещагина] жертву справедливой своей ярости ...". А Мутона Ростопчин отпустил, сказав ему, по его словам, следующее:

"Дарую вам жизнь, ступайте к своим, и скажите им, что негодяй, которого я наказал только что, был единственным русским, изменившим своему отечеству".

Лев Толстой описал весь этот эпизод и включил его в "Войну и Мир", и сделал это с гадливостью и с явным глубоким отвращением к Ростопчину. Что подумал по поводу "ростопчинской" формы правосудия министр юстиции - сказать не могу.

Но юридических последствий случай этот для графа не имел.

Х

Громадный, беспрецедентный по размерам и последствиям московский пожар 1812 года начался уже к ночи 14 сентября, 15 числа он усилился, 16 сентября пылал уже весь город. Древняя русская столица запылала от края и до края - и горела вплоть до 18-го.

Рано утром 16 сентября Наполеону пришлось покинуть Кремль, где он разместился только накануне. Свита Наполеона проехала по горящему Арбату до Москвы-реки, далее двигаясь относительно безопасным маршрутом вдоль берега, в Петровский дворец[6]. По поводу причин пожара энциклопедия сообщает следующее:

“...Существует несколько версий возникновения пожара — организованный поджог при оставлении города (обычно связываемый с именем Ф. В. Ростопчина), поджог русскими лазутчиками (несколько русских было расстреляно французами по такому обвинению), неконтролируемые действия оккупантов, случайно возникший пожар, распространению которого способствовал общий хаос в оставленном городе. Очагов у пожара было несколько, так что возможно, что в той или иной мере верны все версии...”

Там же можно найти и некоторые сведения о последствиях этого бедствия:

“...пожар уничтожил 6 496 из 9 151 жилых домов (включавших 6 584 деревянных и 2 567 каменных), 8 251 лавок, складов и т. п., 122 из 329 храмов (без учета разграбленных) ...

В огне погибли до 2 000 раненых российских солдат, оставленных в городе. Были уничтожены Университет, библиотека Бутурлина, Петровский и Арбатский театры. Считается, что в Московском пожаре погибла рукопись "Слова о Полку, Игореве" ... Воспитательный Дом расположенный рядом с центром пожара, отстояли его служащие во главе с генералом Тутолминым...”

Ростопчин впоследствии то отрицал свое участие в организации пожаров, то, наоборот, с гордостью говорил, что да, сделал это именно он. Толстой, как известно, был уверен, что город загорелся сам по себе, потому что огромный деревянный город, оставленный его населением, не мог не сгореть. Наверное, это в известной мере справедливо, но у Толстого столько вещей делаются *“...сами по себе...”*, начиная с самого нашествия Наполеона на Россию, что все-таки хочется поискать и других объяснений.

В какой-то степени в пожаре могла быть повинна отступавшая русская армия - попытка эвакуировать военные материалы баржами не удалась, четвертая из них по счету села на мель, закрыв тем самым путь остальным, и поэтому баржи подожгли. Огонь с них вполне мог перекинуться на береговые постройки.

По оценке, приведенной Домиником Ливеном, стоимость погибшего в огне и грабеже имущества составила астрономическую по тем временам цифру в 295 миллионов рублей - для сравнения, государственный доход России того времени составлял 73 миллиона, что вчетверо меньше.

В отличие от сведений, внушенных мне еще в школе, пожар вовсе не лишил французскую армию средств к

существованию. Огню нет - город, конечно, выгорел, но оставались подвалы, оставались монастыри, разбросанные вокруг Москвы, и их запасов вполне хватало и на пропитание стотысячной оккупационной армии, и хватило бы даже и на зимовку - если бы она оказалась желательной. Чего Великой Армии и в самом деле не хватало - это лошадей, посредством которых две трети населения Москвы покинули город, и фуража для лошадей, то есть сена, соломы и овса. Огромная часть этих легко горючих припасов была и вправду уничтожена огнем. Сам по себе материальный ущерб, каким бы огромным он ни был, Великой Армии особо не вредил, в этом смысле расчеты графа Ростопчина оказались неверными. Но вот в политическом смысле он преуспел паче чаяния.

Вина за московский пожар оказалась камнем, повешенным на шею Наполеона - вся Россия в беде и разрушении своей древней столицы обвинила французов. Мир, скорее всего, и раньше был невозможен. Но теперь понимание этого факта забрезжило и перед императором Франции.

Пожар, как мы знаем, унялся 18 сентября 1812 года.

Вот как раз 18 сентября Наполеон и послал Александру Первому личное письмо.

XI

Собственно, даже два письма. Первое было отправлено с помощью генерал-майора Тутолмина, директора Воспитательного Дома - того самого, который остался со своими воспитанниками и сумел отстоять с их помощью вверенные ему здания от пожара. Наполеон пожелал с ним встретиться, пригласил к себе в Кремль, всячески обласкал и сказал, что сожалеет о том, что случилось с Москвой:

“...Я бы желал поступить с вашим городом так, как я поступал с Веной и Берлином, которые и поныне не разрушены; но россияне, оставивши сей город почти пустым, сделали беспримерное дело. Они сами хотели предать пламени свою столицу и, чтобы причинить мне временное зло, разрушили созидание многих веков... Я никогда подобным образом не воевал. Воины мои умеют сражаться, но не жгут. От самого Смоленска я более ничего не находил, как пепел ...”.

В пожаре он обвинял Ростопчина и называл его поведение преступным. В заключение же передал письмо Александру Первому, которое, как он надеялся, Тутолмин сумеет доставить адресату.

Вторая попытка уже через пару дней была сделана через Ивана Алексеевича Яковлева, богатого московского барина,

случайно застрявшего в Москве со всем своим семейством. Яковлев был братом российского посла при дворе Жерома Бонапарта в Касселе, и был знаком по Парижу с маршалом Мортье (назначенным Наполеоном комендантом Москвы). К нему-то он и обратился к нему за содействием при отъезде. Мортье доложил о столь необычном случае Наполеону - Яковлев был редчайшим исключением - едва ли не все московское дворянство оставило Москву, бросив свои дома и не дожидаясь неприятеля.

Наполеон пожелал встретиться с Яковлевым, повторил ему примерно то же самое, что уже говорил Тутолмину, и второе письмо Александру Первому с ним и отправил. Мы знаем обо всем этом не от Яковлева, а от его незаконного сына, А.И.Герцена - первые страницы "Былого и Дум" содержат описание беседы его отца с Наполеоном.

Часть текста письма, переданного с Яковлевым, приведена у Е.В.Тарле:

"...Прекрасный и великолепный город Москва уже не существует. Ростопчин сжег его. 400 поджигателей арестованы на месте преступления. Все они объявили, что поджигали по приказу губернатора и директора полиции; они расстреляны. Огонь, по-видимому, наконец прекратился. Три четверти домов сгорело, одна четвертая часть осталась. Это поведение ужасно и бесцельно. Имелось ли в виду лишить его [Наполеона] некоторых ресурсов? Но они были в погребах, до которых огонь не достиг. Впрочем, как уничтожить один из красивейших городов целого света и создание столетий, только чтобы достигнуть такой малой цели? Это — поведение, которого держались от Смоленска, только обратило 600 тысяч семейств в нищих. Пожарные трубы города Москвы были разбиты или унесены..."

Вообще все послание выдержано в очень примирительном духе:

"...Я веду войну против вашего величества без враждебного чувства ... одна записка от вашего величества, до или после последнего сражения, остановила бы мой поход, и я бы даже хотел иметь возможность пожертвовать выгодною занятию Москвы.

Если ваше величество сохраняет еще некоторый остаток прежних своих чувств по отношению ко мне, то вы хорошо отнесетесь к этому письму. Во всяком случае, вы можете только быть мне благодарны за отчет о том, что делается в Москве...

Подписано:

Наполеон".

Е.В.Тарле говорит, что ослепление Наполеона

поразительно. После всего, что он сделал, начиная с перехода границы и кончая занятием Москвы, он не находит ничего лучшего, как сообщить Александру, что "... *он ведет против него войну без всякого озлобления ...*". То, что озлобление может вызывать он сам, ему даже в голову не приходит.

Его "русская" война 1812 года, которую он поначалу называл "второй польской кампанией" начиналась как чисто кабинетное предприятие. В силу тех или иных причин он находил поведение России слишком независимым, и считал нужным указать Александру Первому его место. Ни завоевание, ни разрушение России ни в какие его планы не входило.

В Вильно в обмен на подтверждение анти-британской блокады Наполеон собирался "... *даровать русским щедрый мир ...*" - думал разве что Литву отрезать для новой Польши. В Смоленске о Литве уже и разговора бы не было - пусть Александр подтвердит свою "...*приверженность Тильзиту...*", и разрушительная война будет закончена.

Сейчас, в конце сентября 1812 года, Наполеон из Кремля, находясь в самом центре московского пожара, пишет Александру – дважды! - самые примирительные письма, и уже и речи не идет ни о каких условиях вообще. Он хочет только мира - ничего больше. Ответа на свои послания Наполеон не получил.

Это тоже был своего рода ответ - совершенно беспощадный.

Краткий список источников:

1. Talleyrand, Biography. By Duff Cooper, Fromm International Publishing Corporation New York, 1986
2. A World Restored. Metternich, Castlereagh and Problems of Peace, 1812-1822, by Henry Kissinger, Houghton Mifflin Company, Boston, 1975
3. Vienna, 1814, by David King, Harmony Books, New York, 2008
4. The Rise and Fall of British Naval Mastery, by Paul Kennedy, Humanity Books, New York, 1998
5. The Rise and Fall of Great Powers, by Paul Kennedy, Random House, New York, 1987
6. The Oxford History of Britain, edited by Kenneth Morgan, Oxford University Press, 1984.
7. Тарле Е.В. том VII, "Наполеон", 1957, Академиздат, Москва
8. Тарле Е.В. том VII, " Нашествие Наполеона на Россию ", 1957, Академиздат, Москва

9. Тарле Е.В. том X, " Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное Море, 1805-1807", 1957, Академиздат, Москва
10. History of Warfare, by John Keegan
11. Europe, by Norman Davis, Oxford University Press, 1996
12. The Prime Ministers, edited by William Douglas Home, Barnes & Noble, 1987
13. Swords around a Throne, by John Elting, Free Press, New York/London, 1988
14. "Военные Кампании Наполеона", Д.Чандлер, Центрполиграф, Москва, 1999
15. "Портреты", Марк Алданов, издательство "Новости", Москва, 1994
16. A History of Habsburg Empire, 1526-1918, by Robert Kahn, University of California Press, Berkley, USA, 1974
17. The Soldier Kings, The House of Hohenzollern, by Walter Nelson, G.P.Putnam's Sons, New York, 1970
18. "Александр Первый", Анри Труайя, ЭКСМО, Москва, 2003
19. ДЖОРДЖ НОЭЛ ГОРДОН БАЙРОН, "Вальс". Поэма
20. Napoleon Bonaparte, by Alan Schom, HarpersCollins Publishers
21. Мемуары Коленкура, в русском и английском переводах.
22. Мемуары графа де Сегюра, в английском переводе.
23. Мемуары Констана, камердинера Наполеона, в английском переводе.
24. Мемуары герцогини Д'Абрантес, жены генерала Жюно, "При дворе Наполеона", в английском переводе.
25. Politics and War, by D.Kaiser, Harvard University Press.
26. Napoleon, by Felix Markham, A Mentor Book, London
27. Of Arms and Men, by Robert O'Connell, Oxford University Press.
28. Napoleon, by Emile Ludwig
29. Talleyrand, by Duff Cooper, Fromm Publishing, 1986
30. The War of Two Emperors", by Curtis Cate
31. 1812, by Adam Zamoisky
32. "Из бумаг графа де Бальмена". // Русский архив, 1869
33. One Hundred Days, by Alan Schom, Atehnum, New York, 1992
34. Napoleon Bonapart, by Alan Schom
35. The Great Nation, by Colin Jones, France from Louis XV to Napoleon, Penguin Books, 2002
36. The Short History of French Revolution, by Jeremy D.Popkin, Prentice Hall, 1995.

37. The Napoleonic Invasion of 1812 and the political and social crisis in Russia, by Iitzhak Yankel Tarasulo, Ph.D. 1983, Yale University.
38. Russia against Napoleon, by Dominic Lieven, Penguin Books, 2009.
39. Memoirs, Baron de Meneval, Napoleon's private secretary, P.F.Colleirs & Son, 1870, New York.
40. Очерк М.А.Алданова "Адам Чарторьский в России".

Примечания:

ЗАПИСКИ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА, Война с Турцией 1806-1812 г.г. (См. «Русскую Старину» июль 1911г.).Перевод с французской рукописи, под редакцией Е. Каменского. "Кампания 1812-го года": "... Эгоизм его был возмутителен, он всех подчинял своим удобствам и грязным, низким наслаждениям ... Он до такой степени забыл стыд и приличие, что публично увез от мужа ту маленькую валашку 14 лет, о которой я уже говорил. Ее звали М-те Гулиани. Она сделалась его фавориткой; каждый вечер она приходила к нему, и он относился к ней в присутствии всех с такой фамильярностью, которая переходила все границы пристойности. В этой-то тине завяз 68-летний старик, украшенный всеми русскими орденами, и среди такого грязного общества проводил он свои досуги. М-те Гулиани за 3.000 дукатов возвела на место каймакана (наместника визиря или генерал-губернатора Малой Валахии) одного графа Дудетцло, известного в Валахии за весьма дурного человека и даже опасного по своим взглядам и сношениям, и который во времена князя Ипсиланти должен был бы быть казнен ... М-те Гулиани также дала должность шефа полиции в Бухаресте своему двоюродному брату, одному Филипеско, шпиону, известному туркам. Таким образом раздавались и другие места. Кабинет и канцелярия Кутузова были центром всех интриг, etc.

1. Огюст Жан-Габриель де Коленкур (*Auguste Jean-Gabriel de Caulaincourt*) (1777—1812) — генерал, убит в Бородинском сражении. Сменил на посту командира 2-го кавалерийского корпуса убитого генерала Монбрена, погиб при атаке батареи Раевского.

2. М. И. Кутузов. Документы, т. IV, ч. 1, док. № 185, стр. 151.

3. "The War of The Two Emperors", Random House, New York, 1985, by Curtis Cate, page 261.

4. "The War of The Two Emperors", Random House, New York, 1985, by Curtis Cate, page 264.

5. Петровский дворец - творение М.Казакова, построенное для Екатерины Великой, в паре километров от тогдашних Тверских Ворот. Расположенный на главной дороге, ведущей на Петербург. Огромный комплекс, вполне достойный императора, и в стороне от очагов пожара. В настоящее время дворец входит в черту Москвы (ближайшая станция метро – «Динамо»).

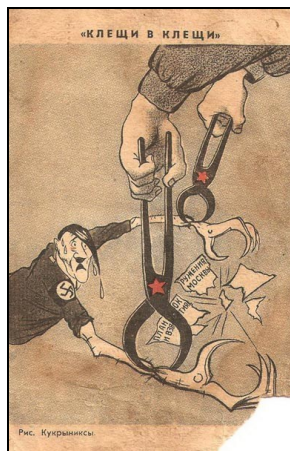
Леонид Смиловицкий

Невостребованная память: письмо читателям

Дорогие друзья!

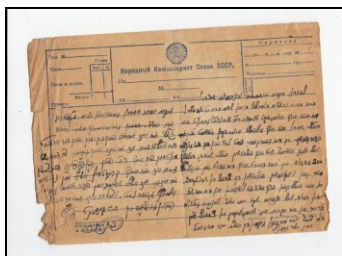
Я возглавил в Тель-Авивском университете новый большой проект по сбору свидетельств личного происхождения о Великой Отечественной войне (письма, телеграммы, почтовые карточки, благодарности, наградные листы, похоронные сообщения и др.). Атмосфера, которую они с собой несут, переживания, сознание того, что эти листочки из того самого времени – оставляют ощущение сопричастности. И тут я обнаружил, что писем сохранилось очень мало. Люди, собравшиеся в Израиль, жгли письма и рвали фотографии. В конце 1980-х и начале 1990 годов из Советского Союза ведь уезжали навсегда, без права возвращения. Оставлять было некому.

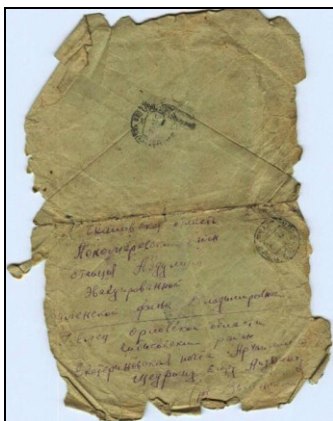
Репатриация сняла немоту, люди начали делиться тем, о чем молчали много лет. Но одновременно она уничтожила

документальные свидетельства народной памяти. Остались устные свидетельства, удивительные рассказы, но не осталось писем...

И когда вдруг случается удача, и кто-то приносит «треугольник» или почтовую карточку, иногда цветной конверт (они были редкостью, стоили дорого, взять было негде), то я чувствую себя счастливым.

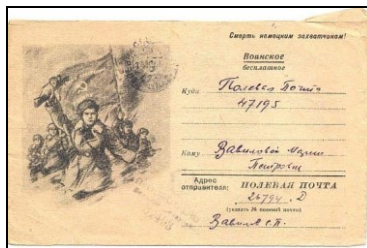

Публикация писем с войны предпринималась и в нашей прошлой жизни. Как правило, это были парадные издания, приуроченные к той или иной юбилейной дате – 20, 30, 35, 40 лет Победы. Это были пронзительные письма–прощания солдат перед боем, когда выжить было нельзя, партизан и подпольщиков, осужденных на казнь (и почти никогда узников гетто). Они дышали жаждой жизни и ненавистью к врагу. Словом, то, что и требовалось для режима личной власти Сталина. Все остальные свидетельства выбраковывались военной цензурой или передавались по списку в органы контрразведки...

Ни разу в советское время не было издано ни одного сборника писем о тяжелом материальном положении в тылу,

безвозвратных потерях на фронте, отчаянном голоде и непосильном труде эвакуированных, вранье властей и служебных преступлениях, эпидемиях и детской смертности, каторжном труде в колхозах ... Всё списывали на войну. Считалось, что даже в голодном тылу лучше – там не стреляли, не бомбили и не взрывали. А что происходило на самом деле? Были люди, которые вопреки всякой логике, писали, или передавали письма с нарочным, пользуясь случайной оказией, вели дневник...

Как работал у людей внутренний цензор, что приходилось приносить в жертву самоконтролю? Военные письма (фронт и тыл) дополняют секретные донесения, составленные сотрудниками Министерства госбезопасности о задержанных посланиях, компрометиовавших советскую власть. Отдельная глава будет посвящена отношению к политике нацистского геноцида еврейского населения.

Письма отличались не только по внешнему виду и содержанию. Большую роль играло то, кто писал: мужчина или женщина, юноша или девушка? Родители сыну или дети отцу на фронт? Письма содержат неповторимые детали, наивность или суровую констатацию.

Воевавшие в действующей армии вспоминают, что политработники специально инструктировали солдат и офицеров не писать правду о лишениях и потерях, избегать любой негативной информации. Почему? С одной стороны, чтобы не

выдать «военную тайну», а с другой - не разочаровывать родных, которые и так выбиваются из сил, чтобы помочь фронту. На самом деле, это было стремление скрыть просчеты и неудачи командования, неподготовленность и непрофессионализм, неоправданные людские потери...

Письмо с фронта всегда было радостью, даже если лишено содержания. Пишет, значит, жив, есть шанс, что вернется...

Израиль в этом отношении - уникальное место для научного поиска, сравнений, аналогий, размышлений и выводов. Казалось, военные письма, что особенного? Но, судите сами, встречаю на презентации «Иерусалимского журнала» знакомого журналиста и напоминаю ему старую просьбу об источниках личного происхождения. Военные письма? Да, нет ничего, я же говорил, хотя ... Тут, он взял паузу и сказал – есть только одно. Расскази - заинтересовался я.

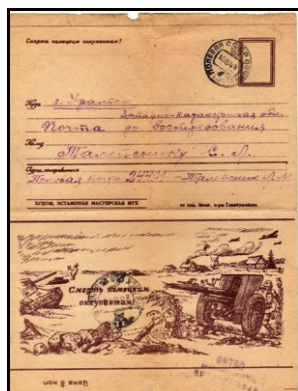
И тут услышал, что письмо это от жениха его матери, который погиб, чуть ли не в первом бою. Так и осталось оно первым и единственным. Но мама сохранила. Потом вышла замуж, родила моего знакомого. Мама давно умерла, а моему знакомому мы недавно справляли его 75 лет и 50-летие творческой

деятельности...

С момента гибели молоденького солдата, любившего, но не ставшего мужем, минуло семь десятилетий – «косточки уже сгнили», как говорил мой отец. Папа прошел всю войну, но и его уже 14 лет как нет в живых...

А то письмо сохранилось, его привезли в Израиль и теперь оно у меня в коллекции. Его содержание с точки зрения информационной нагрузки кто-то посчитает минимальным, но зато, какой шлейф тянется ...Собственно, мой знакомый не придавал значения этому неординарному сюжету. Когда же я все это ему развернул, согласился – а, ведь ты прав.

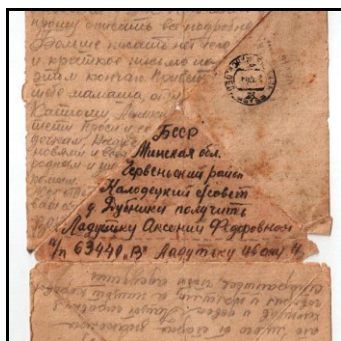
Я получаю письма и отвечаю на телефонные звонки из разных стран, где оказались бывшие участники Великой Отечественной войны: Белоруссия, Украина, Россия, Молдова, Грузия, США, Канада, Австралия... Как правило, если люди обращаются, то есть чем поделиться. Но самые трогательные звонки из Германии. Это старики, которые потянулись туда от советской и постсоветской безысходности вслед за детьми.

Однако, несмотря на сытую жизнь, память у них продолжает саднить.

Стоило мне опубликовать свое сообщение о том, что Тель-Авивский университет приступил к сбору и хранению военных писем, как многие откликнулись. Что должен чувствовать такой человек? Звонит ветеран – я с первых дней был на фронте, я такое повидал... Возьмите мои письма, детям некогда, а внуки – уже «немцы».

Удивительно, что письма отправляют не только заказной, но даже простой почтой - привыкли, что в Германии все работает как часовой механизм. Представляете, открываешь почтовый ящик, а там подборка из 20 писем и открыток 1942-1943 гг. и похоронка... Оригиналы!

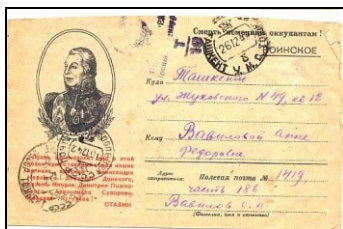
У меня самого сердце стучит, когда я их читаю. Первое письмо – мама и папа, меня уже многому научили, еду на передовую. Второе – перед боем, третье – представлен к медали «За отвагу» за подбитый танк, четвертое – похоронка, пятое – письмо из госпиталя о том, что все время был в сознании, умер и похоронен на еврейском кладбище Харькова.

Мой отец тоже воевал. В 1941 г. – народное ополчение в Речице Гомельской области, только окончил девять классов. Потом из Башкирии добровольно на фронт в 1942 г. в семнадцать лет.

Служил в противотанковой артиллерии, которую называли «Прощай Родина!» Возил на своей полуторке пушку-45 мм и снаряды. Был уверен, что убьют, но выжил ... Вернулся домой из Германии только три года спустя после победы, до этого призыв 1925 г.р. не подлежал демобилизации.

Моя бабушка Лиза (папина мама) спрашивает отца – что делать с письмами, которые она бережно хранила все эти годы, привезли в Речицу из эвакуации? Папа отвечает, так я же вернулся, живой! Делай, что хочешь... Письма стали не нужны и их бросили в печку. Потом спустя годы, жалел, пропали ценные свидетельства. По словам отца, про цензуру, когда враг находился в 50 м., он не думал, что видел, о том и писал. Проверить нельзя, писем нет...

Собрать письма означает уберечь от забвения память о многих людях и тех, кто им был дорог. Время для выполнения этой работы осталось немного. Нужно торопиться. Если у вас что-то есть, поделитесь. Мне можно позвонить 02-672-3682 (+972-2-672-3682) или послать электронное письмо: smilov@zahav.net.il или воспользоваться обычной почтой по адресу:

Dr. Leonid Smilovitsky, chief researcher,
The Goldstein-Goren Diaspora Research Center,
Carter Bldg., Tel Aviv University,
Ramat Aviv, Tel Aviv 69978
ISRAEL

Заранее благодарен,

Леонид Смиловицкий, доктор исторических наук,
ст. научный сотрудник Центра диаспоры
при Тель-Авивском университете.

Эмма Шкурко

Пока дышу (живу), рисую... Старый художник умирает...

1.

н умирает, но рука его продолжала сжимать, нет, не кисть, а... спички, которыми он рисовал на стене больничной палаты. Наверное, в эти последние минуты вся прожитая долгая жизнь прошла перед его мысленным взором.

Я. Хаст. Автопортрет

Вот он, 19-летний Яша Хаст, юноша из приазовского городка Бердянска, сын ремесленника-краснодеревщика, рано ощутивший свои способности и стремление к рисованию, успешно закончив гимназию и Одесскую художественную школу, отправляется в Париж.

2

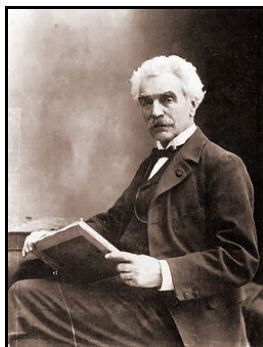
Незабываемы дни учебы в Académie des beaux arts (академи дю бо артс) – Парижской Академии изящных искусств у известного живописца и скульптора Жана Леона Жерома, работы

которого носили налет эротики.

Академия - Académie des beaux arts

Несколько его мраморных раскрашенных статуй обнаженных женщин пользовались большим успехом у публики парижских Салонов второй половины XIX века. Рисунок Жерома безукоризненно-правильный и выработанный во всех подробностях; письмо – тщательное, не сухое; колорит – не блестящий, несколько сероватый, но чрезвычайно гармоничный; особенно мастерски владел художник освещением. Он, Яков, всегда стремился следовать этому в своих работах и учить других.

Жан Леон Жером

Яша окунулся в бурлящую страстями среду, стал свидетелем великих культурных событий! Бурные споры в кафе «Ротонда» на пересечении бульваров Распай и Монмартра, где собирались поэты, писатели и художники, среди которых Амедео Модильяни, Анри Матисс, Анри Тулуз-Лотрек, Пабло Пикассо, Гийом Аполлинер, старики Эдгар Дега, Клод Моне, Камиль Писсарро, Пьер Огюст Ренуар, Поль Сезанн. Появлялся здесь и

талантливейший юноша Хаим Сутин, с которым он только успел познакомиться. Сиживали тут и русские социалисты, готовившие октябрьский переворот, от последствий которого ему пришлось много страдать.

Он дружен с молодым Марком Шагалом, жившим в артистической колонии «Ля Рюш» («Улье») на бульваре Монпарнас, с Модильяни. Амедео жил на Монмартре рядом со знаменитым Бато Лавуар — общежитием полунищей художественной богемы. В дешевых комнатках с печкой-буржуйкой, без газа и электричества обитали Пикассо, Брак, постоянно бывали Матисс, Дерен и Вламинк, поэты Гийом Аполлинер, Макс Жакоб, Андре Сальмон. В холодных мастерских и за столиками кафе рождалось художественное видение нового столетия.

1913 г.

Во время свадебного путешествия в Париже с Моди познакомилась Анна Ахматова, а в следующем году художник написал 16 ее рисунков-портретов.

С Моди они часто подшучивали друг над другом. Однажды на прогулке с девушками в парке Модильяни, вечно бездомный, неприкаянный и нетрезвый, поставил его в крайне неудобное положение. В отместку он убрал тормоза на велосипеде Моди, тот упал и больно ударился. Но обид друг на друга не было.

Там же, во Франции вспыхнула его любовь к подруге товарища, но тот предупредил: «Яша, фундамент уже заложен», и он не посмеет разрушить счастье друга. Он так и не создаст семью. Его женой, его судьбой стала живопись, которой он будет предан до конца.

В 21 год он экстерном закончил Академию. Его

переполняла творческая энергия в то молодое, многообещающее время. Постоянный участник художественных салонов на Елисейских полях, за картину «Парижский слуга» в 1905 году на Всемирной выставке в Брюсселе он был удостоен золотой медали и Гран-при.

До революции он жил то в Париже, то в Марселе, то в Бердянске, куда приехал и в 1914 году. Но началась война, и вернуться он уже не смог.

Из Бердянска он ушел на фронт. Ему уже 41 год, но военнообязанные считались на военной службе до 40-45 лет.

Война расколола его жизнь пополам. В прошлом навсегда остались Париж, богема, успех. Остальные отведенные ему судьбой 40 лет – скромный труд провинциального художника и педагога. После тяжелого ранения он возвратился в Бердянск, где жил и работал рядовым учителем рисования в средней школе № 2 и живописи в студиях. У него остался небольшой запас прекрасной бумаги с водяными знаками, на которой он создавал свои «салонные» офорты и чудесные французские пейзажи. Теперь на ней он будет выполнять пастели.

Как он любил эти живые головки времен гражданской войны и начала 20-х годов! Они теплы и оптимистичны, несли «образ» добра, противостоящего злу, существовавшему тогда повсеместно. Их благородные модели были еще из того, навсегда ушедшего времени.

Одно из ярких воспоминаний – работа над портретом юной красавицы Люси Беренфус, в которую был влюблен будущий писатель Николай Островский, лечившийся в санатории Бердянска у ее отца профессора Владимира Беренфуса осенью 1922 года.

Но хорошая бумага в конце концов закончилась, купить было негде, и пришлось рисовать на случайном материале – плотной, с грубой фактурой оберточной бумаге.

До 1919 года он продолжал подписывать свои работы латиницей – J. Nast, потом стал дублировать в русской графике и в конце концов перешел на нее полностью, часто ставя только инициалы – Я.С.Х. – Яков Соломонович Хаст.

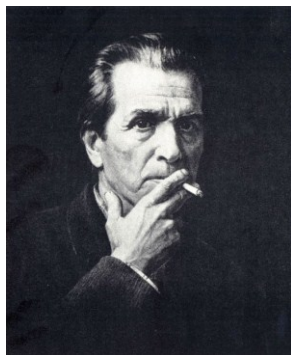
В 20-30-е годы к нему часто приезжали молодые художники, с которыми он щедро делился опытом и воспоминаниями. Его ученик Петр Белоусов, в совершенстве овладевший техникой рисунка, и другой их земляк Исаак Бродский, уехали в Ленинград и стали знаменитыми, благодаря своим работам над ленинской и революционной темой. Именем Бродского даже назвали одну из ленинградских улиц и художественную галерею в Бердянске.

С Петром Белоусовым он позже встретился в доме творчества «Академическая дача», куда приезжали студенты и педагоги Ленинградской Академии художеств.

Музей им. Исаака Бродского в Бердянске

В 1930-е годы – кризис, темы и типажи диктует эпоха соцреализма. И нельзя плыть против течения. Он делает штудийные наброски своих близких, друзей, знакомых для своего удовольствия, для тренировки руки, но вдохновение покидает его. Он больше не делает офорты, акватинны, не пишет маслом, ему доступны лишь пастель, акварель, иногда карандаш или уголь.

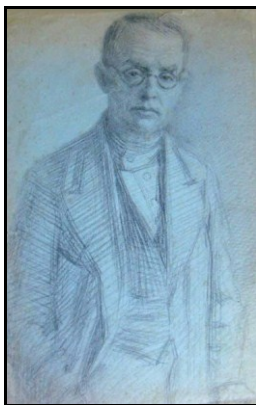

Петр Белоусов

Пишет он много. В основном, это портреты, эпоха в лицах. Ему нравилось постигать душу другого человека и отражать ее на листе или полотне. Ну, а, кроме того, это – хлеб насущный. Главное для него в портрете – глаза, и он почти всегда фокусирует их в центре.

С юности он рисовал автопортреты, пристально

вглядываясь в свое лицо, наблюдая, как меняется оно со временем. Левый глаз более выпуклый, чем правый, и иногда он это подчеркивал. Небольшой, почти женский, рот с губами «бантиком», рот гурмана, человека любящего свободу, комфорт, удовольствия, чувствительного, тщеславного, легкомысленного, но доброго, активного и способного решать любые проблемы, осторожного, сомневающегося в собственных силах, ищущего одобрения, честного и требующего этого от других и, к сожалению, невезучего в личной жизни.

1930-е гг.

В ноябре 1930 г. в картинной галерее Бердянска открылась выставка, на которой было представлено около 300 его работ.

Ему было поручено создание при музее имени И. Бродского художественного училища (техникума), о котором он столько мечтал, но ничего из этого не получилось. Студию удалось открыть, набрать 40 слушателей, прозанимавшихся всего 3 месяца.

В 36-м – беда. Их сотрудник, занимавшийся пополнением коллекций, которому все доверяли, в том числе и Бродский, был обвинен в хищениях. История тогда наделала много шума. Ему даже пришлось на какое-то время покинуть Бердянск. Боялся, что не вполне доверяют. Хорошо еще, что не приклеили ярлык «французского шпиона», как это делалось в те времена. Но в 1939 г. с большим успехом прошла его персональная выставка в Днепрпетровске, в 1941-м – в Бердянске.

А потом – снова война. Он избежал неминуемой смерти в гетто или в каком-нибудь бердянском рву, как большинство его соплеменников, но навсегда разлучился с родным Бердянском, своими картинами, студией, которая была родным домом. Он

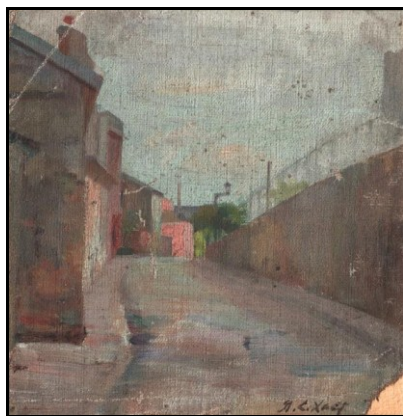
оказался в далекой Уфе, холодной, голодной. Ему уже семьдесят, а надо опять начинать все сначала.

С собой он прихватил всего несколько особенно дорогих ему небольших работ, среди них «В мансарде», написанная в 1902 году в Париже, «Улица» и несколько этюдов Модильяни.

В мансарде. 27x20. Картон, гуашь

В Уфе он работал в артели «Башхудожник», по совместительству преподавал рисунок и композицию студентам 1-2 курса Уфимского театрально-художественного училища. Сбылась его давняя мечта, но как поздно!

Улица. 18,5x18,5. Холст, масло

Приходилось также брать заказы, делать ремесленнические поделки – рисовать портреты с фотографий погибших, изображать тех, кого никогда не видел. Мать приносила фото сына, жена – мужа.

Но его приглашали рисовать и известных людей. Словом, довелось побывать «придворным живописцем».

Кроме известного портрета Александра Матросова, многие годы повисевшего над входом в маленький уютный кинотеатр имени Героя, им выполнены портреты лауреата Сталинской премии, доктора технических наук Сергея Зорина, академика Героя Социалистического Труда, нефтяника Андрея Трофимука, которые экспонировались на передвижной выставке 1948 г., проходившей в Черниковске, начинающего искусствоведа Габриэль Уждавини, художника Анатолия Лежнева, популярного в те годы танцовщика театра оперы и балета Фридриха Грюнвальда, кстати, неплохого рисовальщика.

Кинотеатр им. Александра Матросова. 1948. Над входом – портрет работы Я. Хаста

Его наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», а в 1946 году на выставке «Художники Башкирии» были представлены четыре его картины.

После войны возвращаться в родной Бердянск тяжело – все было разорено, его картины стали достоянием немцев, вывезших их в Германию на двух машинах. Вероятно, они попали в музеи и частные коллекции.

Теплые отношения с братом, жившим в Москве, как-то тоже не сложились, но в Уфе он обрел друга – Моисея Пизова, видного лектора, педагога-филолога, бежавшего в Уфу в 1937 году от НКВДшников, которые собирались привлечь его как свидетеля против студентов в Куйбышеве.

Моисей, который был вдвое моложе, называл его «старик Хаст» и помогал выживать на первых порах.

В 1948 г. Елизавета Васильева-Пизова, жена Моисея, пригласила его нарисовать портреты ее и мужа. Пройдет всего два года, и уже он будет помогать попавшему в лагерь Пизову.

У них было много общего. Смолоду впитавший воздух свободы, он всегда держался с достоинством, был чужд амбиций, и, как Моисей, считал себя «другим евреем». Оба они любили своих студентов, и эта любовь была взаимной.

Габриэль Уждавини. 1951

На занятиях он легко, несмотря на годы, вскакивал на стол и смотрел сверху, кто как рисует, порой делая замечания. Показывал стеклянную баночку и обращал внимание на перспективу. Студенты-старшекурсники держались с ним свободно, он же считал, что младшие их перегонят.

Я. Хаст со студентами. 1952

Особенно нравился ему один из них, лобастый паренек Федя из далекого села Аскино, буквально не отходивший от него даже во время перемены. Он сразу почувствовал, что у этого

талантливого юноши большое будущее.

1952 г.

Он любил рассказывать своим студентам о дружбе с Ильей Ефимовичем Репиным, с которым работал вместе в 20-е годы в его «Пенатах», вспоминал забавный эпизод, когда с одной из заказчиц они говорили на разных языках: Репин – по-немецки, он, Хаст – по-французски.

Когда началась кампания по борьбе с космополитами, арестовали и осудили Пизова, его вызывали в качестве свидетеля. На допросах он ничего не сказал против Моисея.

Из престижного дома 39 по улице Ленина пришлось съехать и искать новое жилье.

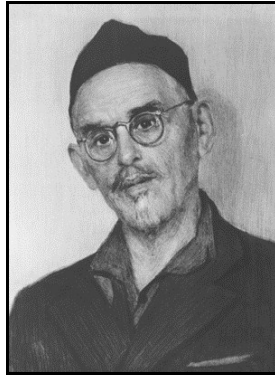

Ленина, 39 – дом, в котором до 1950 г. жил Я. Хаст

Какое-то время он жил при училище, и тогда Александр Эрастович Тюлькин пригласил его пожить у него. На это он ответил, что уважает Тюлькина как хорошего художника и не хотел

бы поссориться с ним из-за какого-нибудь пустяка, возможного расхождения мнений. Потом он поселился на улице Пушкина в доме Народного художника Башкирии Марии Николаевны Елгаштиной, где собирались на веранде и подкармливали вечно голодных студентов.

Заказы сократились, и он стал рисовать знакомых, предлагал родителям изобразить их детей, чтобы заработать не только себе на жизнь, но и на посылки для сосланного в Сибирь больного Моисея. Он рисует отца и дочерей известного уфимского врача Марка Наумовича Фридмана, маленькую девочку с улицы Лассаля, которую увидел, направляясь к знакомому художнику Анатолию Лежневу.

Нехемье Фридман. 1952

Сестры Фридман – Софа и Густа. 1952

Яков Соломонович Хаст умер в 1953 году восьмидесяти лет и был похоронен на Ивановском кладбище, Было лето, ученики на каникулах, и на похороны пришел только известный

театральный художник Константин Чаругин. В конце 1950 – начале 60-х годов кладбище в связи со строительством было закрыто, останки захороненных перенесли на Сергиевское кладбище. Тех, у кого не нашлось родных, захоронили в братской могиле. Большинство картин Якова увезла в Москву дочь брата.

Пройдут десятилетия... Искусствовед Габриэль Уждавини станет директором музея имени М.В. Нестерова, его ученик Александр Пантелеев – известным вологодским художником. Он напишет в своих воспоминаниях, что *«Первое соприкосновение с изобразительной культурой Франции было пусть и заочным, но не лишенным остроты, возникающей при реальном знакомстве. Это были, услышанные еще в конце 40-х годов в Уфе, куда эвакуировалась семья Пантелеевых, истории о Париже начала века. Стоило увидеть Хаста с тающими глазками – и начинались воспоминания о Модии: так называл молодой Хаст своего друга Амедео Модильяни.*

Друзья Я. Хаста – Амедео Модильяни, Пабло Пикассо и Андре Сальмон

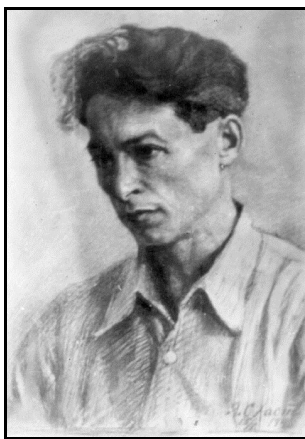
От того яркого времени сохранились у много пострадавшего после революции Якова Соломоновича маленькие его этюды в манере Альфреда Сислея».

В декабре 2009 года откроется персональная выставка, посвященная 75-летию другого ученика – Народного художника БАССР Федора Александровича Кашеева. И не раз из уст юбиляра и выступавших в этот вечер прозвучит имя Хаста и слова благодарности в его адрес.

Вырастет маленькая девочка с улицы Лассаля (теперь Энгельса), которая, загаив дыхание, смотрела когда-то на настоящее чудо: старый человек в белом полотняном костюме

крошит какие-то цветные мелки и растирает их на листе бумаги, который оживает на глазах.

Впервые фамилию «Хаст» она услышит от вдовы Моисей Пизова и увидит большие портреты ее и Моисея. Сделанные в одно время, как резко они отличались: «Лизанька» предстает молодой цветущей женщиной в веселом платье в горошек. Портрет Моисея выполнен углем. Это – портрет-пророчество. Черные угольные линии прекрасно передают беспокойный характер, тревожность, глубину натуры Пизова и как бы предвосхищают грядущую трагедию.

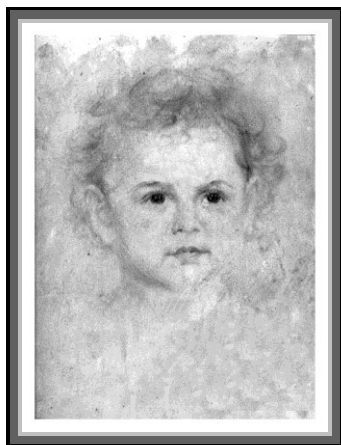
Портрет Моисея Пизова. 1948

Елизавета Лукинична расскажет ей, что Моисей Григорьевич Пизов, обвиненный в 1950 г. в троцкизме и космополитизме и осужденный на 25 лет ИТЛ, как «больной неизлечимыми недугами» будет освобожден в октябре 1954 г. из заключения. До последних дней будет заведовать кафедрой русской и всеобщей литературы БГУ, в ноябре 1962 года в возрасте 57 лет он уйдет из жизни.

В материалах архивного дела М.Г. Пизова она найдет протокол, позволяющий судить о том, как держался на допросах 77-летний свидетель Хаст, «старик Хаст», как называл его Пизов. Читаешь протокол допроса и как будто слышишь изысканную речь старого художника, на вопрос об отношении к арестованному ответившего что он – «...молчаливый почитатель Пизова как искусствоведа».

Она познакомится Габриэлью Раймондовной Пикуновой (Уждавини), с учениками Хаста Федором Александровичем.

Кашеевым и Лесвеном Валерьяновичем Новиковым, покажет им свой портрет.

Портрет автора в возрасте 3-х лет. 24х30. Пастель

Они подтвердят, что именно в такой манере писал Яков Соломонович: глаза изображаемого всегда были в центре портрета. «Хаст был умным тонким человеком благородной внешности, Тех, кто учился у него, принимали в Москве сразу на второй курс», – расскажет Лесвен Новиков. «Он был удивительно раскрепощенным человеком, никогда не тяготившийся своим положением. Высокий, худощавый, подвижный, он, несмотря на годы, никогда не жаловался на здоровье. При ходьбе опирался на легкую трость. Много рассказывал нам о И.Е. Репине, в Уфе сблизился с А.Э. Тюлькиным. В свободное время любил играть на гитаре. Их у него было две: шестиструнная и семиструнная.

Часто он напевал шуточную песенку:

«Сижу один на мостике
С росинкою на хвостике
И вою на луну: У-у-»,

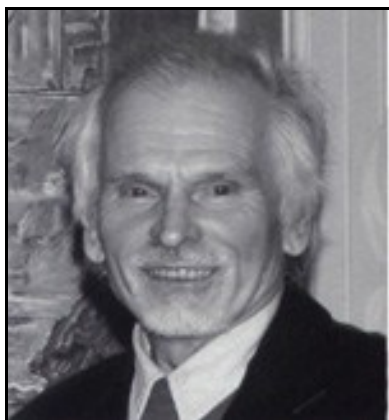
Таким запомнил его любимый ученик Федор Кашеев.

Воспоминания этих замечательных людей позволяют ей написать о «своем художнике», как бы возвращая его из небытия.

Ей передадут копии любимых картин Хаста. На одной из них изображен спящим кто-то из импрессионистов. Габриэль Уждавини первой выскажет предположение, что это может быть Клод Моне, который многие годы жил в бедности. Действительно, спящий очень похоже на автопортрет Моне и портрет работы

О. Ренуара.

Окажется, что Хастом выполнены портреты ее деда Нехемье Фридмана и двоюродных сестер Софы и Густы Фридман.

Федор Кашчев

Она найдет в Интернете упоминания о Я.С. Хасте. На «Официальном сайте Нестора Ивановича Махно» (!) прочтет воспоминания художника Александра Владимировича Коморного, в разгар гражданской войны написавшего портрет батьки: «По субботам, в середине дня, я часто уезжал или уходил пешком в Бердянск и возвращался назад только в понедельник утром. Меня интересовала в Бердянске студия Якова Соломоновича Хаста, возвратившегося из Парижа после окончания курса учебы в академии».

Она читает и о том, что в 1890 году в Париж приезжал из Бердянска некий Александр Хаст к своему сводному брату Владимиру Хавкину, работавшему сотрудником Пастеровского института. Владимир Аронович Хавкин родился в Одессе, а гимназию окончил в Бердянске. Он стал всемирно известным бактериологом, эпидемиологом, создал первые в мире вакцины против чумы и холеры, был награжден королевой Викторией одним из высших орденов Британской империи. Слишком много совпадений, чтобы быть случайностью (Одесса-Бердянск-Париж, одни и те же годы), и она уверена, что Яков Хаст – тоже сводный брат великого эпидемиолога и родной брат Александра.

В 2009 г. журнал «Рампа» напечатает ее статью о Хасте.

Журнал «Украинские музеи» напишет, что «в 1950-1970-х годах ценными находками стали дары наследников бердянского

художника Я.С. Хаста и П.П. Белоусова, подаренные автором».

В «не так давно открывшейся в бердянском художественном музее им. И. Бродского экспозиции «Бердянские художники XX века» представлены работы Хаста», в том числе автопортреты, один из которых художник написал в Париже в 1912 году, и репродукции отдельных его работ. Об этом сообщит газета «Азовский вестник». Экспонировались работы Я. Хаста и на выставке на Масловке (1917-54).

Владимир Хавкин

Директор бердянского музея Марина Николаевна Бучакчийская сообщит некоторые факты из биографии Хаста, пришлет 7 его автопортретов и подтвердит, что в «Мансарде» изображен Клод Моне. «Даже характер схвачен», – отметит она. В запасниках музея, по ее словам, находится 636 работ Я.С. Хаста парижского, бердянского и уфимского периодов, отраженных в лицах. А всего в музее небольшого украинского городка, имеющего свои давние традиции изобразительного искусства, находится более 400 000 картин (!)

Имя «замечательного художника» Якова Хаста в 2006 году появится в 3-м томе 5-го издания справочника «Единый художественный рейтинг» (художники и графики России и русского зарубежья).

Картина его учителя Жерома «Бассейн в гареме» после реставрации будет выставлена в 2009 г. в Эрмитаже. А в следующем году откроется его выставка в парижском музее Д'Орсэ.

Закроется кинотеатр имени Александра Матросова. Портрет, висевший в медальоне над входом, окажется в запасниках

музея им. М.В.Нестерова.

Но обо всем этом умирающий в больнице старый художник уже никогда не узнает.

Уфа

Татьяна Разумовская

Нурит

ет, ее зовут не так, но я пишу о живом человеке, а потому меняю имя. Ей тридцать пять, но по виду – пацан-подросток. Тошная, маленькая, нервно-подвижная травести, артистичная, с великолепным чувством юмора. Доктор психологии и практической криминологии. Работает с преступниками в тюрьмах, с проблемной молодежью, в её квартире постоянно живут юные наркоманы, которые стараются спастись от наркотиков... Первые лекции она вела, ловко подбрасывая ногами футбольный мяч. На остальных – тоже бегала и скакала, не будучи в состоянии сидеть.

Её занятия ни на что не похожи. На встречу с нами она приводила своих подопечных: двадцатипятилетнего убийцу, лишившего жизни четырех человек. У него срок отсидки - двадцать лет. Серийного насильника. Красавицу девушку, которая оказалась урожденным мальчиком, работавшим (работавшей?) проституткой-трансвеститом. Женщину, с юности выбиравшую себе особых мужей – наркоманов и садистов...

Она их приводит на лекции не для развлечения почтеннейшей публики, а потому что считает, что именно этим ее подопечным важно рассказать еще и еще раз людям свою страшную историю, чтобы выскочить, вырваться оттуда, откуда они пытаются уйти вопреки всему. В рамках этого курса мы также посетили единственную женскую тюрьму в Израиле "Неве Тирца"¹.

Но я хочу сегодня рассказать о Нурит.

Старшая дочь в большой бедной семье. Гиперактивный ребенок, да еще с дислексией в сильной форме – полная невозможность прочитать даже одно слово: буквы скачут одна – выше, другая – ниже. Хулиганка в школе. Когда приходила на уроки, классная руководительница ей говорила:

¹ Запись о посещении тюрьмы можно прочитать здесь <http://blogs.7iskusstv.com/?p=9741#comments>

- Иди домой!

- Но я же ничего не сделала!

- Иди ДО того, как ты сделаешь что-нибудь!

Действительно, битые стекла, спуск по проводам, срыв уроков – были буднями Нурит в школе. На педсовете был поставлен вопрос о переводе безнадежной девчонки, хулиганки и тупицы, в школу для умственно отсталых.

Но у Нурит был и есть источник спасения – это её мать. Своей трудной и непутёвой дочери она сказала:

- Неважно, какой ты родилась. Важно, как использовать то, с чем ты родилась. Ты гиперактивна? Отлично! Это значит, ты можешь быстрее сделать то, на что у других людей уйдёт куча времени. Тебя считают в школе ни на что не годной? Докажи им, что ты, если захочешь, можешь стать доктором наук. То, как ты себя ведешь в школе, может привести тебя в одно место – в тюрьму "Неве Тирца". Попробуй оказаться там, но не как заключенная, а как человек, который помогает тем, кто туда попал.

И Нурит, в свои двенадцать лет, взялась за осуществление этого невозможного плана. Первая книга в жизни, которую она собрала прочесть – был научный том в шестьсот страниц об устройстве человеческого мозга.

Но как читать, если слово распадается на скачущие вверх и вниз буквы? В отчаянии глядя на книгу с рассыпающимися строчками, Нурит поддавала коленками футбольный мяч. И вдруг поняла, что, когда она поддает мяч, буквы перестают скакать, строчки складываются во фразы. Так она прочитала этот толстый том. А потом еще множество книг, на иврите и английском – в университете. Вот так, поддавая коленками мяч. Какое-то есть этому научное объяснение – о связи мозга с моторикой, но Нурит вышла на это эмпирически.

В той школе, где она училась, её классная руководительница не поверила, что эта жуткая девчонка, заноза и зараза, прочла книгу в шестьсот страниц. Она ей сказала:

- Ты всё врешь! Читать ты не можешь, потому что ты дебилка! И жизнь свою закончишь в психушке или в тюрьме!

... Сколько-то лет спустя, доктор Нурит вела в университете курс лекций для школьных учителей. Когда учителя заполнили аудиторию, Нурит ощутила, что её трясет, выскочила в коридор и позвонила маме.

- Ты знаешь, кто у меня в студентах? - спросила она.

- Твоя классная руководительница! – мгновенно поняла мама. – Ну, и?

- Ничего, - сказала Нурит, сразу успокоившись, - в конце

курса будет письменный экзамен.

В конце курса бывшая классная руководительница Нурит написала отличную работу. Нурит поставила ей высший балл, но приписала в конце:

"Напомню тебе, что ты мне говорила: "Ты лгунья и дебилка! И жизнь свою закончишь в психушке или в тюрьме!"

А потом пришла большая любовь. Чудный парень, летчик, умница и чуткий человек, постепенно переделал колючего ёжика в любящую женщину и даже уговорил ее, после многих неудачных попыток, выйти за него замуж. Конечно, без фаты и прочей ерунды, конечно, в джинсах и с малым сбором ближайших друзей – как хочешь, дорогая!

В день свадьбы он утром, как всегда, отправился на мотоциклетную прогулку и звал её с собой прокатиться. Нурит отказалась - ей надо было сделать несколько звонков. Во время этой утренней поездки по тель-авивской набережной ее жених попал в автомобильную катастрофу и погиб на месте.

Когда Нурит это осознала, а это пришло не сразу, она сумела доехать до дома матери. Забралась под одеяло в свою детскую постель, и на этом жизнь ее остановилась. Она не ела, не пила, не реагировала на обращения. Она отказывалась жить. Дистрофия её была на смертельной грани.

И тогда её мать подняла Нурит из постели, умыла, одела, причесала. Друзья снесли ее на руках в машину, и все вместе они куда-то поехали. Куда? Ей было всё равно.

Её привели в детское онкологическое отделение иерусалимской больницы. Там были совсем маленькие дети и подростки. Они не лежали по койкам, а прыгали и валялись дурака, как всякие дети. Они встретили ее веселым концертом в ее честь, скакали вокруг нее и скандировали: "Нурит! Нурит! Живи и радуйся жизни! Нурит! Нурит! Жизнь – это веселая штука!"

Все эти дети хотели жить. Почти все они были обречены – это было пятнадцать лет назад, когда медицина не знала многого из того, что знает сейчас. И Нурит стало стыдно. Она поняла, что не имеет права не жить.

Всё это придумала и организовала мама Нурит, чтобы помочь дочери и спасти её.

В рамках этого курса по криминологии и социальной психологии мы узнали, что для формирования человеческой личности важнее всего – отношения с матерью. Отец может быть или не быть, он может быть хорошим или равнодушным, добрым или жестоким. Но влияние его на ребенка несравнимо с влиянием матери. Не все, конечно, у кого плохие отношения с матерью,

становятся преступниками. Но у ста процентов преступников - были трагические отношения с матерью.

В начале лекции Нурит пишет что-то на доске – план сегодняшнего занятия. Очень нервничает, потому что не видит своих орфографических ошибок. Да и не нужен этот план, она им и не пользуется, но её давит сознание, что так положено, что так научнее.

Не знаю, как другим, а мне на её занятиях совестно за своё благополучие: за то, что чтение было не пыткой, а праздником, за то, что учителя в школе были прекрасными, а одноклассники – дружественными. Мне не пришлось ничего преодолевать из того, что преодолела Нурит. Может, поэтому я и не доктор наук.

...Сейчас у Нурит годовалая дочка. И друг, отец девочки, который зовет ее замуж, но она пока не соглашается.

Виктор Каган

Из декабрьской тетради

овесть
не может подсказать больше
чем предписала весть

многоголосье известий
способно свести с ума

весть
чище всего звучит
в лепете младенца
в бормотании юродивого

или
в молчании
способного постичь и выразить истину
но понимающего
что его выражение истины
перед самой истиной
ничто

а потому
лучше смолчать прикусить откусить язык
чем дать разбрестись в разные стороны
вести и совести

Снег во сне то красен, то чёрен.
Птица по снегу босиком.
Манны не сыплется зёрен.
Поздно за косяком.

Серым по серому серость.
Красным по чёрному страсть.
Трусит отчаянно смелость.

Млеет от счастья напасть.

Водки бы – да не снится.
Веры бы сквозь не верь.
Нищенкой Синяя Птица
клювом колотит в дверь.

Под утро ночь оплакала сова
и канула в дупло до новой ночи,
и выпадали росами слова,
и пил слова своё отпевший кочет,

как жадно пьют с похмелья у ларька
разбавленное пиво из-под пены.
Довлела злоба дневи. Дней река
впадала шумно в море по колено.

И пятился по дну глазастый краб,
солёную нащупывая воду.
Неразличимый в полдень звёздный крап
неторопливо размечал колоду.

Кто знал, молчал, а кто не знал, глагол
метал в толпу глухую за глаголом.
Был кормчий слеп, был сиро гол сокол,
как фиговый листок на теле голом.

И кто мне скажет, что судьба права?
Натура – дура, а судьба – индейка.
И просыпается в дупле своём сова.
И катится меж туч луны копейка.

Не камнем по душе ушедшей, не
памяти поблекшим отраженьем,
не плакать завещанием жене,
не праха запустелого броженьем...

А чем? Дрожащим запахом хвои,
грибным дыханьем, тишиной рыбалки,
где все слова, слова, слова твои
беспомощны, пусты, смешны и жалки.

А что осталось? Глупости затей

Фортуна на кривой козе объехать,
возможность иногда обнять детей,
друзей любить и слушать жизни эхо –

той, что прошла, и не жалеть о том,
не думать – много, мало ли осталось
и что и как потом – да суп с котом.
Состариться не успевают старость.

Сова кричала
в тёмное окно.
Начать сначала –
только где оно,

начало это?
Не найти концов.
Кромешность света.
Зрение слепцов.

Стране и миру
по воде письмо.
Жизнь по ранжиру.
На душе клеймо.

Довлеет злоба
дневи. Мёд горчит.
В тепле сугроба
мыший дух шуршит.

Ладонных линий
спутанный клубок
и неба синий
прочерк между строк.

Аптекарь сонный.
Свечки огонёк.
Мираж оконный.
Ночи потолок.

Между пальцев стружкой тонкой
утекает соль земная.
Время в небе вьётся плёнкой,
душу в вечность пеленая.

И свободен поневоле
от забот былой печали
задохнёшься вдруг от боли,
словно ты ещё в начале,

словно жизнь не закатилась
ртутной каплей в тьму былого,
где и малость – Божья милость,
что не повторится снова –

разве что во сне приснится
и исчезнет спозаранок,
словно спугнутая птица,
на одном крыле подранок.

Между пальцев – соль земная.
Память на дожде промокла.
Звёздочка дрожит шальная.
Небо шелестит о стёкла.

звезда бейт-лехема
небесный отблеск ханукальных свеч
реб йешуа
так любивший жизнь
что счёл её
достойной жертвой отцу
дети которого
не сходясь за одним столом
тысячелетьями гибнут в одном огне
с его именем на устах
не спрашивай отца
почему в этом мире что-то не так
спроси себя
ибо
что-то не так с тобой

Звёзды стынут на ветру,
ветра стон протяжно гулок,
мудрость ищет поутру
потеплее закоулков.

Тают отголоски снов,
тело душу глубже прячет,

тени облачных челнов
в млечном мареве маячат.

Ведьма в небе на метле,
кофе стынет на столе,
между слов зевок столетья,
многоточье...
междометье...

Ханукальные свечи. Рождественский свет.
Хвойный запах. Вре́мён завихреньё.
Оглянусь уходящему году вослед
не без грусти, но без сожаленья.

Жизнь короче на год, но, спасибо, жива.
Мир в бреду, но не сбрендил покуда.
Облетели надежды. Но вера жива,
что само по себе уже чудо.

Отлетает сегодня в бездонность вчера.
Опадающих звёзд шелестит мишура.
В водке светится лунная цедра.
Худо если и было, то не без добра.
И податливой глине в руках гончара
форма жизни даруется щедро.

Декабрь 2011

Виктор Каган (с) 2011

Алексей Борычев

Ком переживаний

Стихи для журнала

Оттенки

овец хрустальных состояний,
Не кратных тридцати семи!
Поймай пятнадцать расставаний,
А на шестнадцатом – пойми,

Что обретенья и потери
Взаимно отображены
То многоцветностью истерик,
То белым тоном тишины.

Когда в пыли угрюмой ночи
К нам страх врывается, как тать,
То все оттенки одиночеств
По пальцам не пересчитать,

И опрокинутое завтра
В ещё глубокое вчера
Чернильной каплею азарта
Стекает с кончика пера.

Мысли

Не обратится вода в вино, а солнце в темень.
След поцелуя отцвёл давно – замерло время.
На бархатистых ресницах звёзд тают столетья
и упрощают любой вопрос до междометья...
В глянцевах снах неземных пространств мягкие тени
судеб – ложатся тоской на страх – так на колени,
тихо мурлыча, покой храня, кошка ложится.
Жизнь, это можно понять-принять, вовсе не птица...

Стынет небесных загадок ртуть между созвездий,
бабочкой летней стремясь прильнуть к миру соцветий.
Полнится тайной, едва дыша, звёздная млечность.
и ни забыться, ни сделать шаг, и ни отвлечься –
в дольных пределах не можем мы, волей рассудка
втиснуты в стены вербальной тьмы, горестно-жуткой.
Тихой толпою немых теней – прошлого знаки –
явью забытых осколков дней бродят во мраке,
где почему-то со всех сторон – тусклая память –
не забирает их в свой полон, но и оставить
в тесных покоях земного сна – тоже боится.
Жизнь (нелегко так порой познать) вовсе не птица.
Мало пустот в бытии земном. Не развернуться.
Что – пять стагнаций – мне всё равно! ... что
революций...
Кроме прохладной струи времён – нечем напиться
духу, принявшему явь за сон. Стёрты границы
между мирами, где я и ты – вечный двойник мой,
где перспективы судеб пусты, некою сигмой
обозначается то, чего слухом и зреньем
нам не постигнуть, и нет его – нет озаренья!

Там, далеко, где не быть – нельзя, прошлое наше,
памяти скользкой тропой скользя, - сколько я нажил
и потерял – мне покажет, но... после подсчёта
ясно, что плохо: не всем дано – по звездочёту!

Как прежде было – не случилось...

Как было прежде – не случилось.
спираль былого замерла.
Прими грядущее как милость,
твори, мечтай, и все дела...

Но далеко, в просторах энных,
пребудет будущего твердь,
Где всем хватает переменных
для описанья темы «смерть».

От обещаний до прощаний –
в зеркальном теле бытия –
тоннели долгих ожиданий
судьбы проделала змея.
В их лабиринтах потеряли

ядро первичности своей.
Витки тугие злой спирали
нас закрутили в вихри дней.

И мы легли унылой пылью
на зеркала иных миров,
где небыль властвует над былью,
где счастье – в мощи катастроф

Ком переживаний

В небезопасной темноте
я спрятал ком переживаний.
Кто был свидетелями – те
давно ослепли от страданий.

И хоть не вижу я его,
но страх берёт меня во мраке,
покуда знаю: ком – живой,
и подаёт мне злые знаки.

И я, и те, кто был в былом
со мной, когда комочек прятал,
найти не могут этот ком,
и темнота не виновата...

Ещё горит в душе огонь,
но темноту не освещает.
В кулак сжимается ладонь,
но страх мне пальцы разжимает!

Осенние фантазии

Песком золотым сквозь небесное сито
на Землю осыпалась осень.
И небо – до звона покоем разбито –
ударами гулкими оземь.

Оно, рассыпаясь на тысячи лужиц,
пронзило уснувшие чащи
острейшей стрелой ноябрьской стужи
и снегом, печалью блестящим.

Избушка лесничего, старясь, ветшая,
неспешно отправилась в вечность.

Никто в этом странствии ей не мешает.
скребутся лишь мыши за печкой...

Блуждая по первому снегу, по бликам –
по огненным пятнам – увидишь:
гуляет былого двойник бледноликий.
к нему не захочешь, да выйдешь...

Леса и сады улыбаются грустно
багряной густой тишиною.

Молчание – это, конечно, искусство –
почувствовать осень живою.

Переменными огнями...

Переменными огнями
освещая грани дня,
сквозь томленье между снами
время смотрит на меня.

То волненьем, то покоем,
то печалью поглядит,
то смешливое такое,
то сурово, как бандит.

Улыбается, прищурясь
закопной тишиной...
Я окно перекрещу, раз
там мерцает мир иной,

И с небес его – прозренья
падает метеорит,
а светящееся время
с ним о чём-то говорит.

Свет ноября

Отражённый стеною скучающих дней
и пропитанный дрожью иных измерений,
горний свет ноября – ты, как память, во мне
сфокусирован зеркалом ярких мгновений.

Угасанье твоё – не прошедшего тьма
и не сумрак грядущего времени злого.

Просто скоро на окнах узором зима...
Просто кем-то забыто заветное слово...

На устах тишина, и на сердце – вина.
Золотая обитель давно опустела.
Бесконечность, и та – бесконечно одна.
Для другой – декабри расставляют пределы.

На листе печали светлой

На листе печали светлой
переменною стихий –
от тепла
к дождю и ветру –
наброшаю я стихи.

Но печаль моя темнеет
от осенней пустоты,
и тускнеют вместе с нею
и надежды, и мечты.

Я зачёркиваю осень
волей памяти своей,
потому что сердце просит
изумрудов летних дней.

Потому что одиночеств
мне опять не сосчитать...
В сердце метко злые ночи
скукой целятся опять!

Потому что, ускользая
по тропе лихих секунд,
дни светящегося мая
нити счастья отсекут,

И покатится клубочек
золотого бытия
снова где-то между строчек,
и куда – не знаю я!

Подвал

Никакого намёка мне никто не давал
на простое сравнение: время – это подвал.

Не скользящая лента неудач и потерь,
на которой – и «завтра», и «вчера», и «теперь» –
словно кадры на плёнке чередой пронеслись
через кинопроектор под названием жизнь,
не предмета над тенью превосходство, и не
вертикали над плоским превосходство вдвойне,
не блестящие грани многомерных пространств,
не побед над случайным неизменная страсть...

Время – это лишь погреб, на полу в нём лежат:
кукла детская, компас... и какой-то ушат,
два набора для шахмат, и один – домино,
мячик, детский конструктор, и билетик в кино...
и ещё – в виде пыли – мысли, мысли одни...
Мне их жалко, поскольку позабыты они,

Или вовсе их нет там? да и быть не должно?
Ведь в подвале хранится, что хотелось мне, но
не сбылось, не случилось... Даже в памяти нет!

Время это ещё и – в неизбежность билет...

Но, минуя сознание, пролетают года,
оседают в подвале,
не оставив следа
на окраине тихой, где стоит некий дом,
на стенах и на крыше, да и в доме самом.

Утро

Рассвет, задумчив, нерешителен,
уча какой-то свой закон,
легко общался с небожителем
весёлым птичьим языком.

Чирикал, тенькал и повсвистывал
живой бесформенный комок
в переплетенье хвои с листьями,
и уставать никак не мог.

И ощущение пряной праздности
в разноголосой пестроте
дразнило, образуя разности
оценок чуда в красоте.
Лишь там, где сырость изначальная,

камыш, осока, молочай –
в траве – отчаяньем качаема –
ютилась некая печаль.

Ведь утро, медленно скользящее
по тёмной чаше бытия, –
ни что иное как блестящая
слеза, о Господи, твоя...

Сказочное

В гробу ледовых стылых дней зима заснула.
И блик весны дрожал на ней, на снежных скулах.

Тепла не чувствуя, она во сне искала
страну, где стынь и белизна, где льды и скалы.

И на лице застыл декабрь, едва заметной
улыбкой, чопорной слегка – бесстрастья меткой.

А слишком яркий – в сотни жал – январский холод
на остриях ресниц лежал, на них наколот.

И – вспышек магния белей – блестели кудри
морозной дымкой февралей – искристой пудрой.

Весна! Хмельная теплота! Глоток токая!
Ты всё равно не та, не та...

Ты - не такая...

Приближение старости

Задохнулся, пропал мой мир в бытии трёхосном.
Ускоряясь во много раз, уплывало время.
На окне рисовала тьма то ли знак вопроса,
то ли ставила знак «тире», как черту на кремне.

Утро, горечи лет испив, обжигалось болью,
и восток покраснел – подобно больной гортани.
Прострелил облака рассвет, разрядив обойму
нетерпения темноты. ...От пустых скитаний

побледнела луна в петле, облаками свитой,
на звезде – на гвозде она, приуныв, болталась.
...И брела, обретая тень, обрастая свитой

потускневших картинок дня, королева Старость.

Закрутилась позёмка лет по лихой спирали.
Замелькали снежинки дней, дорогих, ушедших;
На виски сединой ложились и... умирали.
И врвался в окно октябрь – беспокойной векшей.

Война

Куда ни посмотри – везде святынь
лучистые забытые останки...
От воли очумев, цветут цветы,
наполнив ожиданьем полустанки.

Здесь время, откричав, отголосив
сирено-канонадным плачем, воем,
бродило вдоль запретной полосы
под памяти всевидящим конвоем.

Здесь небо, утолив печаль по дням,
когда мертвящий дух стоял в пространстве
и рок войны над всеми меч поднял,
оглохло, пребывая в скорбном трансе.

Кто знает – над болотами потерь –
ещё, быть может, мгла воспоминаний
рассеется, но крикнет: «Нет, не верь!...»
нам ворон, пролетев над валунами.

Куда ни посмотри – сквозь пламя дней –
иных огней мерцающие знаки...
О мире вспоминаем на войне,
покуда мир бесчинствует во мраке.

Война – не поругание святынь,
не смерть людей, не плач вдовы солдата...
Война – когда в лугах цветут цветы
ни для кого... и ничего не свято!

Болото

Тропы к тебе узки, ржавой водицей полнятся.
Кружатся мотыльки факелами тревог.
За колдовскую тьмой дня затихает звонница.
Делает разум мой в сказочное рывок.

Боже! я снова здесь... Ты ли, обитель прошлого,
взору открыла лес, чахлый, седой, больной.
Небо кладёт в него солнечную горошину,
синий пролив раствор капельной тишиной

на вековую топь, кочки, кривые ёлочки,
там, где живёт лет сто ворон – хозяин тьмы,
где раздаётся вой поздно – в безлунной полночи
старенький водяной чует приход зимы...

Летом – дыханье мха, всхлипы трясин. Заметнее
жизни людской труха именно летом, здесь,
где по утрам туман солнце шлифует медное,
ядом болотным пьян, медленно гибнет лес.

Осенью красный дым всё над тобою стелется.
Что это? Мы горим в пламени прошлых лет?..
Или мечты горят? или сгорает мельница
нашей судьбы?.. Объят в будущее билет

этим огнём?.. Но вот – вижу: редеет марево.
Осенью каждый год так опадает лист
тощих берёз, осин... цвета всё больше карего
на полотне картин зимних простых кулис!

...И догорит октябрь яркой мечтою-свечкою,
и, белизной блестя, ляжет ковёр снегов...
Память земли сырой пахнет прошедшей вечностью,
лопнувшей пустотой, тайной забытых снов.

Снежная волчья даль крестиком сосен вышита:
кажется иногда кладбищем всех надежд.
И лишь былого тень здесь на просторах выжила:
в лопнувшей пустоте время зашило брешь...

Тишина

Горячим воздухом июня
обозлена, обожжена,
по чаще, пьющей полнолунье,
волчицей кралась тишина.

В неё стреляли детским плачем
и гулким рокотом машин,
и солнце прыгало, как мячик,

на дне её глухой души,
когда был день...

От гула, шума
в колодцах пряталась она
и в корабельных тёмных трюмах...
на то она и тишина!

Пугаясь дня, пугаясь солнца,
стремясь на волю,
не смогла
таиться долго в тех колодцах,
где луч – как острая игла! –

И из последних сил, под вечер,
пустилась в чащу, в темноту,
чтоб не страдать, чтоб не калечить
густую волчью красоту...

Мерцали звёздными огнями
её полночные глаза,
когда, испуганная днями,
она ушла во тьму, в леса.

Но гвалтом воронов на кочках
настиг её рассветный залп,
и – две звезды,
две тусклых точки –
погасли искрами в глазах.

Необычный пейзаж

День поспешно доедал ягоды заката. –
медвежонком по сосне на небо залез.
Звёздным платьем шелестя, ночь брела куда-то
и платок лиловой тьмы бросила на лес.

В белом рубище туман шастал по низинам,
бородатый и седой, – прошлый день искал.
Космы длинные его путались в осинах
и клубились над водой, будто облака.

Замолчало всё вокруг, словно ожидая,
что появится вот-вот из иных миров
что-то важное для всех: /искра золотая?/

и сорвётся с бытия таинства покров.

Колдовская тишина взорвала пространство.
и оттуда полетел тёмных истин рой...
Но в лучах зари он стал быстро растворяться,
а потом совсем исчез в небе над горой.

Поглотил его рассвет, крылья расправляя
над туманом, над рекой, над ночью мглой...
И падучая звезда – точка голубая –
вмиг зашила небеса тонкою иглой!

Сладкое

Солнце рыжей кошкой
щурится в окошке...
Сахарная вата – эти облака.

День походкой бравой
правой, левой, правой –
марширует бодро – прямо на закат.

Пусть дожди прольются, –
выпьём их из блюдца, –
дождик будет – сладкий ароматный чай,

потому что тучи
мёдом смазал лучик –
из небесных ульев – собран урожай!

...Вот на небе чисто.
Лапкою пушистой
солнышко умылось, – спать ему пора.

И луна на троне
в золотой короне
будет этим миром править до утра.

Анатолий Николин

И что-то между тьмой и светом

ыхлый день, ненастный и не скучный.

Впроголодь дождливая зима
Бродит между булочной и душной
Сердцевиной ночи, где гнездится тьма.

Это между крыш или подвалов,
Между шляпок, роз или кафе;
Это среди устриц и бокалов
Или широченных галифе?

Или между века окончанием
И началом царствования Ра?
Между отпеванием и венчанием
Иль на топорище топора?

Где еще гнездится это нечто, –
Нечто, собирающее нас
Бесконечно, безнадежно, вечно
В некий полуаргусовый глаз.

И глядим мы, дня не разумея,
В ночь, как на случайный эшафот...
Не придет в пустыню Лорелея,
Хоть и дождь сегодня – не придет.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Вот опять в полутьме зажигаю я желтые свечи
И пишу при свечах, как угрюмый сарматский Ронсар.
Что у нас на дворе? – Осень, слякоть да тягостный
вечер,
И туман над рекою, как тонкий редуемый пар.

Я промок и продрог: выпью водки и крепкого чая.

Ноги ноют – опять целый день я бродил по лесам,
Все как будто себя провожая и снова встречая,
И как будто себя, как охотник, преследуя сам.

Что сказать вам? Что здесь я живу, как монах,
одинок,
Ни о чем не печалюсь, от мелких забот вдалеке.
Вижу солнце: оно, как всегда, выплывает с востока
И рябиновым соком дрожит в посветлевшей реке.

А потом наплывут, набегут торопливые тучи,
Снова все потемнеет, и мелкий дымящийся дождь
Зарядит на неделю, постоянством паденья наскучив,
И греховного лета опять, как спасения, ждешь.

А когда потеплеет и станет светлее и суше,
Соберешься в дорогу на день или, может, на два
Побродить в городке, где под вечер печальной и
глуше,
Чем под утро иль днем, чем сегодня и даже вчера.

Полюбил я его монастырскую кротость и скуку,
Изваяния пап, устремляющих очи горе.
Сколько их надо мной простирало в смятении руку,
Как над грешным дитятей в его злополучной поре!

Сколько раз надо мною с костела пресветлой Бригиты
Лился звон колокольный, как в горестный день
похорон.
Мы проходим землей, остриями печали увиты,
И уходим в себя и в собою исторгнутый стон.

Нет забвенья в словах, обращенных ко Господу ль, к
Деве,
Есть печаль о себе – поверяю ее словесам!
Я опять приползу, словно Змий к очарованной Еве,
Не к чужим, а своим бесконечно пустым небесам.

И на этом прощайте. Не нужно ни слез, ни укоров,
Мы давно не живем, только мыслим о том, что живем.
Нет ни вас, ни меня. Ни любви, ни печали, ни споров;
Только память о том, что мы вечно кого-то зовем.

УСТАЛОСТЬ

Не помню зла и ничего не помню.
Что было, будет – велика ли радость?
Вот солнце мертвое опять садится в пойму,
Где дремлют камыши, а речки не осталось.

Потом бредешь куда-то вверх кривою
Пустынной улицей, а там уж первый встречный
Тебя одарит вдруг улыбкою незлою,
Последний – остановкою конечной.

К стеклу прижавшись, долго-долго едешь
В глухую ночь, трясясь и засыпая.
В трамвае холодно. Уже стаканом бредишь
То ль чая с водкой, то ли просто чая.

Глухая ночь. Окраина. Угрюмый
Собачий лай, сипение и лязг.
И окна фабрик светятся, как трюмы
Судов, уставших от штормов и дрязг.

Луна, смятенье. Сонное сиянье...
Поднявши воротник, вдыхаю гарь и хлад.
Стою, как столб, как перст, как изваянье,
Как нерасцветший куст иль облетевший сад.

И с именем твоим пускаюсь в путь последний
Туда, где светофор, мигнув, поскачет вспять.
Я вновь вернусь с молитвой от обедни,
Я вновь вернусь, но ты уйдёшь опять.

Я знал, что будет все не так:
Не так поставят стол, навалят книги,
И вместо розы неприличный мак
Возложит на меня свои вериги.

Я знаю, что ты вновь из темноты
Ко мне протянешь крылья, а не руки;
Я знаю, что до гроба будешь ты
Ловить мои – нет, не стихи, но звуки.

Я не пришел к тебе с печалью в дом,
Хоть ты одна была, и слабо

Горел огонь; и в доме том
Чернел чердак, в углу белели сабо.

А на столе вино и пресный хлеб
Не ждали гостя (или все же ждали?)
Как жизнь страшна! Как этот вечер слеп!
... Но ты меня поймешь едва ли.

Отворил я окно – и пахнуло бензиновой гарью,
Затворю ли опять – запах кофе и книг, и судьбы,
Все бредущей злосчастной Агарью
Как пехота – по звуку сигнальной трубы.

Но труба ли запела над степью, -
Над пустыней, где мгла и покой
Серебристых каких-то соцветий
Над какой-то сребристой рекой?

Или, может быть, чье-то старанье,
Бесконечный призыв к маяте?..
Обращенное в гордость страданье,
Посерение кошки во тьме.

РЕКА

Но лучше б ты в тот вечер умерла,
Иль умер я, а ты ушла за мною.
Вот осень желтая, как желтая Галá,
Дымится над шатрами, стороною.

Мои шатры, как стая белых птиц,
Не вспугнутых ничьим прикосновеньем,
Они живут среди светил и лиц,
Не тронутые болью и сомненьем.

Их белизна – заснеженность полей,
Огромное, безлесное пространство,
А желтизна над ними – то елей,
Зовущий, как Галá, в непостоянство.

Над ширью дней моих простертая рука
Меня влачит по блещущей равнине...
И я – река, замерзшая река,
На краткий миг оттаявшая ныне.

Уходит год, и вот уж новый круг
Душа бежать готова слепо.
И больше не бывает «вдруг» –
Все проходящее так ясно и нелепо.

Уходят в прошлое – нет, в будущее! – сны,
Блуждания, заблужденья, пересуды.
Слепая очарованность весны
И зимние унылые простуды.

Проходит все. Но не проходит, нет,
Извечный календарь, дарованный природой.
В нем тьма есть тьма, а свет есть свет,
И что-то между ними – несвободой.

Когда ты вспомнишь обо мне,
Не думай обо мне с печалью.
Смотри: вон облако в окне
Плывет куда-то синей далью.

Цветет боярышник... В тени
Ползет червяк по сизой грядке.
И так застенчивы – взгляни –
Тюльпаны в розовой облатке.

Я там, где большедельный шмель
Гудит над яблоней цветущей.
И сладко думать, что теперь
Сад будет радостней и гуще.

В нем есть теперь мои следы –
Не думай обо мне с тоскою! –
Из тени, света и воды
Под чьей-то легкою рукою.

Виктор Голков

«Свободы страшное лицо»

Предисловие Михаила Юдсона

На горах, или уголь Голкова

Виктор Голков родился в Кишиневе, окончил МЭИ в Москве, в Израиль взошел в 1992 году, обитает в Азуре. Автор двух сыновей и шести книг стихов. Вот и все вешки - "как человеческая речь, рифмованная жизнь струится, в пространстве памяти таится, чтоб смысл на образы рассечь".

Голков - поэт незаурядный, без вычисляемых предтеч. Муза его разумна и временами, урывками, сурова, понимая, что для веселья мир-олам мало оборудован, зато жесток и расшатан - "так осыпается песчаник под башмаками на ходу, и муке музыки изгнанник внимает, как Орфей в аду". Родившись и сформировавшись в Бессарабии - еврейство без араба - во радость, казалось бы! - в кишащем добрыми крушевано-погромными традициями столичном местечке - и Кишинев не клюнул, а поцеловал его в темечко "киш ин..." - Голков неуклонно оборачивается и вглядывается в прошлое - "в мое лицо глядят провалами два черных выбитых окна... на месте детства только впадина за этой сломанной стеной..." Кишинев, город детства и геттства, сродства и инородства - застрял, как гвоздь, как кость в горловине памяти - "вижу как звездой старинной Кишинев встает, мозг из перевозданной глины слов не создает".

Голков - угловат, колок, негладок. Вот уж кто - помянем Павла Когана - отроду не рисовал овал! И стихи его - рисунки углем, причем не бледным и холодным, а тем самым - пылающим огнем. Задача глагола Голкова, как и прочих горячих частей речи, воистину возвышена - воспламенять сердца и души, жечь сигнальные костры для ангелов. "Обступила времени трясина, хлюпая, ворочаясь, хрипя, и судьба аккордом клавирина заскользила вдоль самой себя. И в канун какого-то сегодня созидаю крылья, как Дедал, чтоб из этой жизни преисподней

упорхнуть бы я не опоздал".

В нынешнюю пору постмодернистских кунштштюков и циркового царствия литературных игр, стихи, всерьез несущие благую весть, - редкость. Ведь небо, землю и Интернет опутали бесчисленные пиитические тексты, атрибутированные безвременьем, - приторные веропавловские сны, примитивные эротические опыты в рифму, призванные вызвать щенячье павловское слюноотделение, кассандрийские стоны и хорейное описание конца (этакий апокалипсис от Калипсо) - э, думаешь улиссово-улиточно, не страшно, сударышни, волос долог, на наш век хватит! Заполонили книжные лотки и полки глянцево-пузырящиеся ананасы в шампуни, ничтожные рефлексии, коллапс мысли, пустотелый блеск и гель - а тут тебе геллово-азазелловый антрацит, мастерский уголь Голкова, обжиг, духовка. Его книга, как брикет кокса, - концентрат тепла для астрального тела. Откроешь, прочтешь, хватанешь шилом меда - и светлая печаль накатывает коренником, с пристяжными тоской и грустью. "А может быть, лучше где-нибудь, в израильском поселении пулю поймать залетную по дороге домой, услышать во сне тягучее на древнем иврите пение, когда трава пробивается сквозь ржавый песок зимой".

Хочу заметить, что мне не близка его дерзновенная, но хмурая муза. Слишком непросто и несладко читать Голкова. Надо напрягаться, страдать вместе с ним и свято верить в катарсис. Его поэтический бог строг и суров. Я же существо иной плоскости, у меня свой божок - ирония - безобидный истукан, которого я мажу жиром, но не кровью. Мне приятней и легче читать, образно выражаясь, про стеариновый ручей свечей и светлячковые пляски огонька. А Голков упрямо не обходит вниманием нагар и канцероген жизни. Из предложенного небесной канцелярией в разделе "стихи" он с еврейской жестокостью выбирает не сдобную халу, а сухую корку чернухи с чесноком. Эти его строки уже безмянно ходят по лубяно-ледяным просторам Руси, где кипит возмущенный, униженный и оскорбленный, замурзанный разум карамурзовых: "Нас крестила перестройка люто, погружая каждого во тьму, и осколки страшного салюта догоняли всех по одному. И острее запаха помойки, нищеты, что над землей летел, был угрюмый воздух перестройки, сладкий дух непогребенных тел. А свободы едкая отравка все мутила головы как хмель, и лежала мертвая держава, как в прорехах грязная постель".

О творимых весьма нетривиально стихотворных текстах нелегко говорить гладко - в них рван метр и нерв слова, вервие его осенне оголено, ободрана напрочь изоляция, вдобавок ионически

объяли звуки до души моей, и прозреваешь, продирая веки, - не будет нам ни света, ни покоя, ухнул в черную яму, пискнув "мяу", праздничный "мир, труд, май", а впереди - дождливый вечный трудодень, мрачно, матерно и сумрачно, с редкими огоньками (да и то это газ на болотах) - "мир, трут, огниво". Вздохну повторно - мне, трутню, читать Голкова трудно. Как будто происходит грубоватое, дискомфортное вторжение в мой уютный округлый внутримир. Я одомашнен, как книжная закладка, а тут - дикость какая-то, репы, рык. И это - благая весть?! Волхв-оборотень, полуволок-полуапостол слов впивается, льется на нас зеленым зельем зрочка из мать-тмы стихов. Он не позволяет, небрежно листая, расслабиться, высвободиться - обдираешь душу о его углы, грядет неизбывный труд, гон, а в награду - грусть. Таков Голков. Ему чужду много- и междуречье. Он давно - перешедший Реку. "Я в царство вечности вхожу, Ханаанейскую долину, где внуку и отцу и сыну - на каждого по миражу". Там, на Голковщине, под желтыми звездами, волны-символы влачат тяжкую ежедневную повозку стиха - взглядишься, а это быки Гелиоса, и от них исходит ровное свечение. По Голкову, жизнь - вхождение на Голгофу, но за скрижалями. Да - учит он - мир черен, но это чернь серебра. Смешно же жить в Израиле, писать стихи и при этом еще и не шить смежно немножечко пророчеств... Прохладная горняя прана, пронзительная пряность сих стихов, горячечная проповедь того, что поэзия - не лепка песочных куличков-пряничков, а ухватка держать кнутовище, непростывшая духовная жажда, пересохшие, запекшиеся губы - говорить неустанно в пустыне о высшем, о сошествии, о Ханаане небесном, грозя гроздьям грозы незримым узловатым посохом. Мелодекламация с подсветкой молний, гром где-то глубоко внутри... "В разброде чувств, как молния мгновенном, в живом кольце, куда, блуждая по слепым вселенным, прийти в конце?"

В стихотворном логове Голкова, в берлоге души - чаще всего осень. Чаши осушены, чаши опалы. Взапуски запуски. Мир, вырезанный из хаоса, желт и шестиуголен. "Этот город мной покинут в некий желтый жуткий час... Пахнет осенней травой, желтой сосновой иголкой... Желтые краны с лапами вкось... Видит желтые монеты, три ничтожных пятака... Где горлопанит воронье и мокрые желтеют пятна... Воздух желтый и шербатый... Пыль над городом - желтая маска..." Говорят старожилы, что у Ван-Гога интенсивность желтых тонов объясняется тем, что у пропитанных абсентом существ зрение изменяется, мир желтеет. А у, увя, непьющего Голкова ("ты поверишь, я не пью, мину скорбную не строю, просто хочется порою выть у жизни на краю"), вовсе не

хлещущего сей полынный напиток, восходит в его стихах горькая желтая Звезда Полынь. Угрюмый мелос Голкова не несет назидания, во всяком случае, открыто, но неизменно заставляет задуматься - скажем, о излете жизни и несветлой ее изнанке, о сумерках и закате, о наползающей на нас волглой мгле. "Когда, одурев от невроза, ты гадок себе самому, великий маэстро Спиноза не даст тебе кануть во тьму". Заноза озноба при лазанье по строчкам, лакмусовые спинные мурашки - значит, поэзия. Симан, иврито говоря, знак голковской семантики и поэтики - первичность смысла, выплеск, выкрик. Его не тянет к большей, скажем так, радужности формовки, к спектральной радости звукописи ("созвучий скользкие шелка", как сигизмундил Кржижановский) и музыке ради самих нот, дабы росла та самая Фасоль, нет, по Голкову, поэт - поэль, работяга строф, труженик рифмы, взмокший стихопашец. Все черным-черно, как чернозем с червями, и ритмично. Стихи не вихляют, а выпихивают борозду - тезеева стезя, минотавровы мытарства. Колюча крапивная рубашка его стихов, их подорожная лебеда - но с обязательным последующим превращением в лебеда, в свечение. "Если что-то есть во мне, то оно пришло оттуда, где узоры на окне или детская простуда. Где еще живой мой дед, мерно досточку строгают, и косой блестящий свет ночь на блики разлагает". Хорошие стихи. Хорошо бы научиться греться душой у голковского костра, доникнуть, вслушиваясь глазами. Я стараюсь. Не согреюсь, так догоню.

Михаил Юдсон

Так исчезло мое поколение,
расползлось, как прогнившая ткань.
Словно третье стоит отделение,
наша хмурая Тьмутаракань...

Только ветер в кустах шевелится,
бормоча всякий вздор, как старик,
и секунду какую-то длится
полуночный разбойничий крик

И с великой планеты Разлуки,
из утробы ее ледяной,
привидения, тени и звуки,
прилетают для встречи со мной.

Оскалило время клыки
с коричнево-желтым налетом.
Над пропастью и над болотом

машин раздаются гудки.

И, бельма уставив во тьму,
слепцы собираются в стадо,
и пена незрячего взгляда
ползет по лицу моему.

Задвигались: гомон и крик,
я чувствую тел колыханье,
горячее слышу дыханье:
мужчина, ребенок, старик.

Как будто другой Моисей
связал их веревкой свободы.
Как плевел, изъят из народа,
один я средь Родины Всея.

Подо мной земля зашевелилась,
рыхлая, как хлебный каравай.
Но скулить не стоит: сделай милость,
ты меня, судьба, не убивай.

Ибо век идет в косоворотке,
засучив по локоть рукава.
И течет по узенькой бородке
уличная подлая молва.

Отчего-то шуруется знакомо,
острых глаз выплескивая ртуть.
Кажется, от сплетни до погрома
он способен враз перемахнуть.

Потому не стоит унижаться,
что-то кланчить у таких, как он.
Времена, как сумерки, ложатся,
подступая с четырех сторон.

В этом тихом движении вбок
мое место на самом краю,
чтоб начищенный чей-то сапог
не споткнулся о душу мою.

Но скрипят и скрипят сапоги,
длится ночи глухая возня,
потому что не видно ни зги

и на шаг от тебя и меня.

Вот я предал, и стало легко,
и чужая земля под ногой.
Это где-то во мне, глубоко,
тяжело шевельнулся другой.

Свободы страшное лицо
явило бледность восковую.
Стоят народы вкруговую,
друг друга заключив в кольцо.

Стучат огромные сердца,
чернеют братские могилы,
и рвутся мировые силы
разять друг друга до конца.

И опаленная душа
коросту страсти обдирает
и все никак не помирает,
горючим временем дыша.

Мой мозг распух, и нервы обнажились,
и, как вороны, мысли закружились.
Заткнуть бы уши или принять яд,
чтобы не слышать, как они вопят.

А рядом дождь струится тополиный,
но нет для сердца песни соловьиной.
В моей квартире даже днем темно,
лишь в центре пола – жаркое пятно.

Круговую безысходность вижу,
и блестит, как сырость, нищета.
Родина, отравленная жижа
капает из каменного рта.
Не раскрыть твои глаза пустые
даже в рог архангельский трубя.
Самые последние святые
отреклись с проклятьем от тебя.

Потому что со времён Мамаю
до эпохи красного венца
рабства тень висит глухонемая

над простором каждого лица.

Я Родину выжег железом калёным,
и в столбики пепла свернулись поля.
Не нужно уже притворяться влюблённым
в эти акации и тополя.

И кладбище, отческий дом или школу
горящая воля моя рассекла.

И рухнуло всё, стало пусто и голо,
и вырвалась в мир первозданная мгла.

Вот я – бунтовщик, уничтоживший звонкий
храм, коему, может быть, тысяча лет,
стою на краю исполинской воронки,
следа, как вокруг стекленеет рассвет.

Не будет более Союза,
прошедшей жизни не вернуть.
И ночь, как дохлая медуза,
мне тупо валится на грудь.

И в пустоте моей бессонной
со дна коробки черепной
воспоминания колонной
выходят, чтоб побыть со мной.

Смотрю на лица восковые,
во тьме плывущие, как дым.
О чём-то говорю впервые
с самим собою – молодым.

И я вошёл с отцом и сыном,
с надеждой, стёршейся до дыр,
в Израиль, что вколочен клином
в арабский выморочный мир.

Здесь лишь один скачок звериный –
и всех действительно убьют.
Израиль, черны твои равнины,
молитвы грозные поют.

Остёр зрачок израильтянки,
насквозь готовый проколоть,
когда в ночи рванутся танки

на человеческую плоть.

Крах моей души свершился,
если души – это явь.

Тополиный пух кружился,
по земле пускался вплавь.

И теперь второстепенно
всё, что связано с судьбой:
на другом краю вселенной
горек кислород рябой.

В этом новом измеренье,
где рука висит, как плеть,
будет лишь стихотворенье
флагом издали белеть.

Нас крестила перестройка люто,
погружая каждого во тьму,
и осколки страшного салюта
догоняли всех по одному.

И острее запаха помойки,
нищеты, что над землёй летел,
был угрюмый воздух перестройки,
сладкий дух непогребённых тел.

А свободы едкая отравка
всё мутила головы, как хмель,
и лежала мёртвая держава,
как в прорехах грязная постель.

Григорий Канович

Местечковый романс

*А идише маме! Ты одоледа столько бед!
А идише маме! Лучше тебя на свете нет.*
Из народной еврейской песни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

давно собирался написать о маме с тем радостным усердием и той необременительной обстоятельностью, с которой и подобает вспоминать о родителях – самых близких и дорогих людях. Но, к стыду своему, почему-то благое это намерение всё откладывал и откладывал или писал урывками, как бы невзначай, ограничиваясь отдельными эпизодами в рассказах о земляках и родственниках. Желая как-то сгладить усиливающееся чувство вины, я вдруг спохватывался и принимался что-то набрасывать, даже во сне, но назавтра все приснившиеся, как мне казалось, достойные слова безжалостно стирали наступившее за окнами утро.

И вот теперь, на склоне лет, я всё-таки решил, что дальше медлить не имею никакого права, и надо не угрызаться, а поторопиться, хотя бы отчасти искупить свою вину перед мамой – ведь, не приведи Господь, можно и не успеть...

Поторопиться-то я и на самом деле решил. Но, перебирая в мелеющей памяти всё, что я до преждевременной кончины мамы о ней узнал, не очень ясно себе, честно признаться, представлял, с чего следует начать моё повествование. Ещё не приступая к работе, я отдавал себе отчёт, что мой рассказ не будет ни последовательным, ни цельным, ибо и сама её жизнь не была ровной и гладкой.

Наверно, подумал я, лучше всего начать с той давней поры, когда меня ещё на свете не было, с той неразгаданной доселе загадки, как же маме удалось войти невесткой в дом моей властолюбивой и привередливой бабушки Рахели Минес-Канович, которую в нашем местечке даже мужчины побаивались. Недаром с лёгкой руки местечкового доктора Ицхака Блюменфельда земляки наградили её странным и жутковатым прозвищем – Рохса-Самурай.

Бабушка Роха считала своего старшего сына Шлеймке-Соломона самым завидным женихом в крохотном, затерянном, как булавка в необъятной Вселенной, местечке Йонава и оберегала его от роковой ошибки. По её убеждению, такого красавца не было не только в Йонаве, но и во всей Литве от границы с Латвией до рубежей враждебной Польши, откуда в законопослушную Йонаву неведомо какими путями нет-нет да забредали незваные гости – вольнолюбивые хасиды в чёрных долгополых лапсердаках. Они нестройным хором распевали молитвенные песнопения и ловкими, словно гуттаперчевыми ногами на мощёной булыжником мостовой выписывали в своих причудливых плясках невиданные в здешних краях иероглифы во славу Господа Бога, завещавшего всему роду-племени Израилеву неустанно и повсюду плодиться и размножаться.

Из рассказов и запоздалых признаний мамы, которая любила то и дело возвращаться в свою далёкую, почти вымышленную молодость и никогда не упускала случая юркнуть в прошлое, как белка в облюбованное и запасливое дупло, складывался рваный, извилистый сюжет моего повествования. Его исходной точкой были трудные отношения нежеланной Хенки Дудак с моей бабушкой Рохой и обстоятельства, связанные с замужеством моей мамы и моим появлением на свет. С них-то, подумал я, и следует начать.

– Может, ты, Довид, знаешь, где по вечерам пропадает наш дорогой сыночек Шлеймеле? – не скрывая тревоги, допытывалась бабушка Роха у своего сумрачного, как поздняя литовская осень, мужа Довида, склонившегося над сапожной колодкой.

Довид в раздумье потеребил жидкую рыжеватую бороду и равнодушно, как будто в комнате, кроме него, живых существ не было, продолжал тыкать шилом в носок чьей-то поношенной туфли. По своему обыкновению на вопросы, не имеющие прямого касательства к его ремеслу, он предпочитал не отвечать или, если уж удосуживался ответить, то только взглядом слезящихся печальных глаз или наклоном головы.

– Чего ты молчишь? Разве Шлеймке не твой сын?

Осенней печали в глазах деда несколько не убавилось, но за стеклами очков в поблекшей роговой оправе тускло вспыхнул скудный ломтик улыбки.

Слов Довид понапрасну не тратил. Деньги, заработанные шилом и молотком, уверял он, грешно утаивать от жены, будь добр, выложи всё до последнего гроша. Но слова? Кому интересны слова? От них только недоразумения и неприятности. Скажешь ближнему своему правду, он не только не поблагодарит, а, глядишь, ещё разобидится и может даже сгоряча вlepить тебе оплеуху. А соврёшь –

как бы своей брехнёй самому себе прямо в душу плюнешь. Лучше всего молчать. Господь Бог на небесах не зря в тряпочку помалкивает. И нам, грешным, велит держать язык за зубами – всё равно на всех словами не напасешься! Если уж с кого-нибудь брать пример, то с Него, а не с соседки Тайбе, у которой весь день рот не закрывается.

– Ты, Роха, пошевели мозгами – что было бы, если бы Всевышний каждый день отвечал на вопросы тех, кто Его спрашивает? Одна наша Тайбе свела бы Его с ума!

– Совсем ты, старый пень, спятил! – гневилась на него бабушка Роха. – При чем тут Бог? Я тебя не о Нём спрашиваю. То, что Господь Бог обитает на небесах и что Он не говорун, я и без твоих премудростей знаю. Господь сидит у себя дома, на золотом престоле, в окружении ангелов и херувимов, они ведут с Ним благоую беседу, а Он краешком глаза ещё успевает присматривать за всеми нами, грешниками, – не слишком ли мы своими неразумными поступками изгадили Его творение – землю? Ночью Отец небесный по местечку с девицами не валандается и в потёмках на берегу Вилии не целуется с ними врасос. Оставь Господа в покое. За день Он устаёт не меньше, чем сапожник. Лучше ответь на мой вопрос, где обретается наш ненаглядный сынок Шлеймеле?

Мама с задором и пылом рассказывала о монологах свекрови, о свёкре и от этих бесконечных, приперчённых остроумными подробностями и колкостями перепалок отогревалась от невзгод и стужи военных лет и молодела на глазах. Она как бы переносилась отсюда, из разорённого Вильнюса, в ту затерянную, как булавка во Вселенной, уютную Йонаву, на берег полноводной Вилии, обвенчавшей не одну влюблённую парочку своим тихим благословенным журчанием.

– А тебе, мудрец, ни разу не приходило в голову, что твой сынок может в один прекрасный день привести к нам в дом белобрысую гойку с крестиком на груди? Приведёт свою кралю, подтолкнёт локтем к тебе и выпалит: «Знакомься, татеню – Морта (или Антанина). И благослови!». Что мы будем тогда с тобой делать? Благословим? Выгоним? Или вместе с его братьями Мотлом и Айзиком и его сестричками Леей и Хавой отправимся в костёл к твоему старому клиенту – настоятелю Вайткусу? Ксёндз их при нас обвенчает, окропит молодожёнов святой водицей, а мы у них и у прихожан попросим прощения за то, что мы, паршивые евреи, когда-то в древности железными гвоздями, ещё не поступившими в продажу и пользование, распяли их доброго боженьку Езуса?

К угрозам своей благоверной Довид относился со стойким и обидным спокойствием. Ни гойки, ни еврейки его давно не интересовали. Целыми днями его продолговатая голова, сверкающая

овальным озерцом пролысины на макушке и поросшая по краям редкой, рыжего цвета растительностью, была забита мыслями о чужих каблуках, подошвах, о дратве, о ценах на кожу, о мучившем его треклятом кашле. Желая успокоить пожароопасную жену, дед с трудом выкарабкался из своего надёжного закутка молчания и, набравшись храбрости, сказал:

– Каждый нормальный мужчина в его возрасте по закону должен, Роха, найти ту, которую ищет. Иначе как бы мы плодились и размножались? Иногда поиски пары затягиваются. А иногда находишь сразу.

Насытившись наступившим молчанием, он медленно вытер залатанным фартуком остро наточенное шило и добавил:

– Я тебя нашел сразу, без долгих поисков, хотя вокруг меня вертелось столько всяких! Глаза разбегались. Найдёт и наш сынок свою Рахель. К этому делу сторожа с дубинкой не приставишь!

– К какому это ещё делу?

– Ну, к этому самому... к поцелуям и к прочему... – замялся он. В отличие от гневливой, вспльчивой жены, из гортани которой не раз осиным роем вылетали ругательства, проклятья, скабрёзности, лексикон деда Довида был чист и благопристоен, как пасхальная ермолка. Никогда не пользовался непотребными выражениями, от которых, как он убеждал всех заказчиков-сквернословов, душа человека зарастает чертополохом. – Ты что, забыла, как мы сами... с тобой до рассвета... под мостом через Вилию... на весенней травяной постельке. Сплошное удовольствие, которое не забудешь. Короче говоря, сама вспомни, как и мы безгрешно притирались плотью друг к дружке.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась бабушка. – Плотью друг к дружке! Тьфу!

– Говорить правду не стыдно, – смягчился дед. – Твоя свекровь, моя покойная мама, тебя, Рохеле, тоже в невестки не хотела. Очень даже не хотела. Ты, мол, и зла, как ведьма, и ростом не вышла, и груди у тебя плоские, для кормления младенцев не подходящие, и на лице бородавка ягодой-малиной расцвела, и попка, словно стульчик.

Он задохнулся от перебора слов и замолчал. Сколько языком ни мели, Роху всё равно не переделаешь. Не о сапожничьей дочке для сына мечтала его благоверная – о принцессе, о внучатой племяннице Ротшильда, на худой конец о наследнице йонавского мельника Менделя Вассермана Злате или о падчерице аптекаря Ноты Левита Хане, чтобы он Рохе, страдавшей от дюжины разных болезней, нужные лекарства со скидкой давал...

Каждый Божий день эти смешные, эти щемящие воспоминания о временах минувших призрачными облаками

клубились в нашей коммунальной квартире на проспекте имени генералиссимуса Сталина, куда вильнюсский горисполком одним махом вселил три обездоленные семьи, вернувшиеся с безотрадной чужбины на родину. По вечерам возвращенцы властью вспоминали довоенную жизнь, воскрешали в памяти то, что вытесняло из головы пережитые беды и новые, накатывавшие и с каждым днём усиливавшиеся страхи и тяготы. С голых, наспех перекрашенных стен, на которых не было ни картин, ни зеркал, казалось, гурьбой спускались в коммуналку пропавшие в войну земляки и соседи. Из всех углов, заваленных не распакованными баулами и вещмешками, из чудом сохранившихся фотоальбомов и разрозненных пожелтевших снимков, как из расстрельных рвов и ям, группками и поодиночке выныривали на свет Божий убитые отцы и матери, братья и сёстры. Мёртвые спешили на долгожданную встречу со своими живыми родственниками, с теми, кто чудом уцелел на чужбине. Тут удивительно переплетались разные судьбы, неизбежное горе и несбыточные надежды, смыкались прошлое и современность, которая сулила новые непредвиденные испытания и кишела грозными и непредсказуемыми опасностями. И всё-таки этого притягательного прошлого, которое испокон веков служило утешением и воодушевляло в бедах еврейскую душу, этого прошлого было куда больше, чем смутного будущего. Все обитатели нашей общаги с торопливой радостью погружались в былое, как в подогретую летними лучами реку Вилию, которая продолжала спокойно течь в их исстрадавшейся, измученной невосполнимыми утратами памяти и манила на свои кустистые берега – берега их первых свиданий и первой любви.

По вечерам на проспекте имени генералиссимуса Сталина за общий стол усаживались воскресшие в этих воспоминаниях обе мои бабки и оба деда, все тетки и дядя, и вместе с ними все канувшие в небытие земляки и соседи. Далёким эхом откликались их голоса, манера речи, которые с удовольствием копировала и воспроизводила неугомонная заводила и пересмешница – моя мама. Эти голоса и речи, бывало, не умолкали до самого рассвета.

Раз за разом моя мама умело откручивала, как ручные часы, назад время, чтобы только оказаться подальше от выстуженных аулов, разбросанных в бескрайней казахской степи, насквозь продутой рёвом голодных шакалов, от заметённого ядовитой угольной пылью Зауралья, от чужого, затаившегося Вильнюса.

«Человек жив до тех пор, пока он помнит то, чего ни при каких обстоятельствах не должен забывать», – любила повторять моя мама.

– Ты зря волнуешься. Твой любимчик сам разберётся, какая

ему нужна вторая половина. – Откуда-то из дальней дали в самостоятельном актёрском исполнении мамы ко мне доносится голос деда с хрипотцой и высокий, пламенный альт бабушки Рохи, которая постоянно донимала его своими страхами и которую он всегда побаивался.

– Шлеймеле – рохля. Его играючи может обвести вокруг пальца любая девка. Хорошо, если ему попадётся порядочная барышня из порядочной семьи, а не блудница, которая нас, чего доброго, ещё байстрюком наградит.

Томясь от неизвестности, бабушка была готова устроить за Шлеймеле круглосуточную слежку, подговаривала младшего, Мотла, и старшего, Айзика, не спускать с царя Соломона глаз и, если они его застукают с какой-нибудь гульливой местечковой дивой, то пусть без промедления докладывают, чтобы мать знала, за кем тот приударяет. Братья вынужденно согласились (попробуй не согласиться, Роха такую бурю поднимет!), но ябедничать и доносить на Шлеймке всё же не стали.

Чтобы всё-таки вычислить зазнобу сына, неугомонная Роха прибегала ко всяким сыщицким ухищрениям. По субботам в синагоге она тщицалась что-то выведать у своих состарившихся товарок, охочих до сплетен. Оглядывая своим зорким оком богомольцев и богомолков, сыщица прикидывала, у кого у них на выданье дочери и на какой из них мог остановить свой выбор её писанный красавец-сын. Невест в Йонаве было предостаточно: бедняжки-бесприданницы и обладательницы хорошего приданого, непоправимые дурнушки и девицы со смазливими, но глупыми мордашками. Ни одна из них, по разумению разборчивой и требовательной Рохи, не годилась в жены её сыну. Разве что дочь мельника Менделя Вассермана Злата, но та училась на зубного доктора то ли в Германии, то ли во Франции, приезжала в местечко только на каникулы и с неотёсанными местечковыми увальнями – фи! – не водилась.

Каково же было разочарование Рохи, когда она от балагулы Пейсаха, который каждого жителя Йонавы знал в лицо, наконец-то выяснила, кто же эта счастливица, к которой на берег любви бегают её любимчик.

Дочь сапожника Шимона Дудака – Хенка! Вот на кого Шломо – её царь Соломон – положил глаз.

– Шлеймке, я слышала, что ты на всю оставшуюся жизнь уже себе пару подыскал? Это правда? – Роха-Самурай из хитроумного сыщика мгновенно превратилась в дотошного и неумолимого следователя.

Мой отец Соломон, он же Шлеймке, Шлеймеле, ни лицом,

ни повадками от своего родителя не отличался. Вместо того чтобы внятно, без увёрток ответить на её вопросы, он только губами пожевал пропахший сапожной мазью и борщом воздух. В отличие от горестного, похоронного молчания деда его отпрыск, правда, иногда сдабривал своё молчание жизнерадостной или снисходительной улыбкой. Мол, что поделаешь – среди евреев тайны долго не живут. Как ни скрывай, а тот же балагула Пейсах Шварцман или бакалейщик Хаим Луцкий о них всё равно пронюхают и объявят всему миру все секреты. Евреи на то и евреи, чтобы обо всём на белом свете узнавать раньше всех, стараться, по крайней мере, знать всегда больше, чем все иноверцы вместе взятые. Иначе на случай, не приведи Господь, погрома, как вовремя защититься от головорезов?

– Можно уже договариваться с раввином? Ставить хупу? Приглашать гостей? – язвила Роха, осыпая своего писаного красавца вопросами и перекрывая ему путь к почётному отступлению.

– Ну что ты, мама...

И весь ответ.

– Что, на этой толстушке Хенке Дудак свет клином сошёлся? Может, за ней в местечке очередь выстроились и ты боишься, что окажешься крайним?

– Хм...

– Что ты хмыкаешь? Я с тобой говорю серьезно, а ты только хмы да хмы. У тебя, что, язык в задницу утянуло?

– Утянуло, – дерзко ответил Шлеймеле, повернулся и отправился к своему работодателю – знаменитому Абраму Кисину – отрабатывать жалованье.

А Роха долго не могла прийти в себя от его неслыханной дерзости и своеволия. У неё из головы никак не выходила эта пигалица, эта коротконожка, эта вертихвостка Хенка Дудак. Где были его глаза, когда из всех дочерей Шимона Дудака, второго сапожника в местечке – вечного конкурента Довида Кановича он выбрал именно её? Мог же годик-два повременить, пока подрастет её сестра – красавица Фейгеле. У Фейгеле уже сейчас, в шестнадцать лет, есть то, что у понаторевших в брачных союзах сводниц называется «иди сюда». А что у Хенки? И потом – кто же на базаре отоваривается у первого же воза? Умные люди сначала все возы обойдут, всё осмотрят, перещупают, приценятся, а потом уж, хорошенько почесав в затылке, полезут в карман за кошельком.

– Не горюй, Роха! Жизнь всё расставит по местам и без нашего вмешательства. Выслеживай не выслеживай – тому, что суждено случиться, того не миновать, – гнул своё незлобивый Довид. – Разве наши, Роха, родители поступали иначе?

– Уж если ты такой умный, может, подскажешь мне, где наши молодожёны будут жить? – сходила козырным тузом Роха. – У нас шестеро душ в двух комнатах, у Дудака шестеро душ: четыре невесты и два жениха – Шмуле и Мотл. Допустим, Шлеймке и Хенка сыграют свадьбу, куда мы их, Довид, положим? На чердаке? В сенях с мышами? Может, уступим им свою постель, а сами будем ночами напролёт разгуливать в обнимку под звёздами?

– Не беда. Если они действительно любят друг друга, то проживут какое-то время врозь: он – у нас, на Рыбацкой, она – у толстяка Шимона, на Ковенской. Шлеймке отделится от Абрама Кисина и станет самостоятельным мастером, снимет где-нибудь квартиру...

Бабушка Роха не дала ему договорить.

– Врозь? Не пора ли тебе, Довид, свои мозги в починку отдать? Интересно, как же они, живя врозь, исполнят завет Господа Бога – плодиться и размножаться?

– Не волнуйся! Исполнят, исполнят, – отрубил Довид.

Бабушка Роха ещё надеялась, что Шлеймеле передумает. Поухаживает за ней, нацелуется и бросит. Но он не передумал.

Когда мой отец впервые отважился привести мою испуганную маму на Ковенскую улицу, чтобы познакомить с будущими свёкром и свекровью, бабушка Роха осмотрела её с головы до пят, как опытный покупатель тёлку, привезённую на продажу из глухой деревни в местечко или в уездный город, и хмуро пробормотала:

– А ты, деточка, смотришься лучше, чем я думала. Не красавица, но и не уродина.

Хенка покраснела и опустила голову.

– Как я понимаю, вы оба уже всё решили... – сказала будущая свекровь не с дружелюбной укоризной, а со скрытой угрозой. – Я хотела сказать: вы уже решили за всех нас, будете вместе жить без всякого, как водится у порядочных людей, родительского благословения. Сказали сами себе «мазтов», обменялись кольцами, налили по бокалу вина, прокричали «лехаим», и – в постельку!

Довид безмолвно стоял в сторонке, держа в руке неразлучное шило, как будто с минуты на минуту собирался проткнуть им свою долголетнюю спутницу.

– Да, – твёрдо сказал жених. – Давно миновали те времена, когда в таких делах верховодили родители – брали своих детей за рога и спаривали их, как скотину.

– Хорошие были времена, – неожиданно пропела бабушка Роха. – Правда, Довид?

– Хороших времён, сколько я помню, Роха, никогда не бывает, – уклонился от ответа её осторожный муж и шилом поскреб щетину на небритой щеке. – Но во все нехорошие времена нет-нет да попадаются отдельные приличные люди.

– Хенка хорошая, – подхватил его мысль йонавский царь Соломон, никогда не отличавшийся особой смелостью. – Она хорошая, – повторил он. – Можете быть уверены.

Похвалы и заверения сына не убедили мою неприступную бабушку. Петух на то и петух, чтобы во дворе перед курочками-дурочками заливаться соловьём. Она требовала от своего отпрыска других, более веских доказательств.

– Между прочим, что ты, деточка, умеешь делать, кроме того, что покорять сердца парней? – с полицейской строгостью продолжала она свой допрос, не обращая внимания на странные подмигивания и несуразные ужимки Довида – мол, хватит, Роха, терзать человека. Его так и подмывало напомнить ей, что и она, если что-то до хуны и умела делать, так это только картошку в мундире варить и Богу молиться.

– Я умею любить, – ответила мама, обескуражив не только неуступчивую Роху, но и своего жениха. – Когда любишь, можно всему научиться.

– Умеешь любить? А варить, стирать, гладить, мыть полы, убирать ты умеешь? – бабушка Роха захлебнулась собственными перечислениями и внезапно осипла.

– Все, что я делаю, я делаю с любовью, – сказала Хенке с простодушным достоинством, посмотрела в упор на стариков, застывших в каменных позах, и выпалила: – Я буду и вас обоих любить.

Довид обомлел и чуть не проколол шилом свою впалую щеку, а бабушка громко и подозрительно начала сморкаться, но почему-то принялась утирать не глаза, а свой холмистый нос.

– Поживём – увидим, – промямлила она. – Если живы будем.

2

Непреклонная Роха уговаривала сына, чтобы тот повременил со свадьбой. Для новобрачных, дескать, у них в доме нет ни одного свободного места. Все кровати в хате заняты, за её изъеденными древоточцем стенами извне слышны не только гудки паровоза и громыхание пролетающего через Йонаву поезда, но и каждый пук и храп. Как же он, Шлеймеле, в такой тесноте будет выполнять свои мужские обязанности? Пусть, считала она, потерпит немножко, встанет на ноги, обзаведётся заказчиками, начнёт больше зарабатывать и присмотрит за небольшой плату угол – то ли у этого

индюка – домовладельца Эфраима Каплера, которому Довид, продли Господь его годы, всю жизнь чинит туфли и штиблеты, то ли у другого воротилы – коннозаводчика Клеймана, сдающего в аренду квартиры. А пока пусть поживёт со своей Хенкой врозь.

– Врозь?! – выпучил глаза жених.

– Если Хенка тебя действительно любит, а я по её глазкам вижу, что любит, то она, по-моему, не станет против этого возражать. Никуда твоя сдобная булочка не денется – подождёт. Ничего с ней не случится. Таких парней, как ты, не бросают и на других не меняют, – подольстилась Роха к нему.

– А никто пока и не собирается ставить хупу и приглашать рабби Элизера. Мы поженимся – как только я вернусь после армейской службы.

– А что – разве литовцы в свою армию женатых не берут? Их оставляют, чтобы истосковавшиеся жёны к другим за запретными ласками не бегали?

– Берут и женатых.

– А зачем им солдаты-портные, да к тому же евреи? Ведь штыком штаны не лагают.

Шлеймеле рассмеялся.

Неуступчивая Роха, может быть, скрепя сердце, и благословила бы их союз: ведь сумасбродная Хенка способна на всё – сбежит с ним из Йонавы куда глаза глядят или забеременеет до свадьбы. Чтобы не лишиться Шлеймеле, Роха пошла бы на уступки, согласилась бы даже потесниться в доме. С помощью Мотла и Айзика можно было бы перетащить в сени древнюю – чуть ли во времена египетской неволи сколоченную и вросшую в землю двуспальную кровать, которая, если теперь и годилась для чего-нибудь, то разве что для куриного насеста. С другой стороны, может, не спешить, выждать, авось, армия разлучит Шлеймеле с Хенкой; два года службы – не шутка. На сдобную булочку могут позариться многие. Может, эта коза не дотерпит до его возвращения и вскружит голову другому парню.

Но древняя двуспальная кровать осталась стоять на месте. Шлеймке призвали в армию и отправили в неблизкий от Йонавы город на Немане, в уездный Алитус. К удивлению всех евреев местечка, он попал в кавалерийский полк, не то к уланам, не то к драгунам, а ведь Шлеймке не мог похвастать высоким ростом и ни разу в жизни не вдевал ногу в стремя.

– Командованию видней, кому, где и кем служить, – успокаивал Роху старший сын Айзик, главный советник и утешитель семейства. – Ничего плохого, если наш братец Шлеймке, кроме того, что он умеет шить, ещё научится и скакать на лошади.

– Зачем? – борясь со страхом, спрашивала не Айзика, а самого Господа Бога бабушка Роха. – Зачем еврею скакать на лошади? Где ты, Айзик, видел еврея на коне? Я знакома с балагулой Пейсахом Шварцем миллион лет, но ни разу не видела его на коне, хотя у него в конюшне трое здоровых битюгов. Он всё время берёт их под уздцы и ведёт к Вилии. Все нормальные евреи платят, чтобы лошади куда-нибудь их возили, а не для того, чтобы носиться на этих лошадях, как угорелые, по Литве. Вей цу мир, вей цу мир, он ещё грохнется, разобьёт голову и станет калекой.

Бабушке Рохе снились страшные сны, она вскакивала с криком и бродила по дому, шепча молитвы. Успокоили её не сыновья, не Довид, нередко путавший имена своих отпрысков, а быстроногий местечковый почтальон Казимирас, который через месяц после призыва Шлеймке принёс ей от него письмо из Алитуса. В серый конверт была вложена бережно обернутая в бумагу маленькая фотокарточка – её писаный красавец в военной форме и фуражке верхом на каурой лошади.

– Генерал, – пролепетала моя бабушка, трижды поцеловав снимок, и заплакала.

Наверно, такую же фотографию Шлеймке прислал и Хенке. Не мог не прислать. Уж ей он, надо думать, в первую очередь отправил. Чего же она тогда к ним на Рыбацкую улицу не пришла, чтобы похвастаться и поделиться своей радостью? Мол, смотрите, Роха, каков наш Шлеймке! Бравый улан! Видно, у бедняжки ума не хватило. А ведь радость надо стараться делить на всех, от этого её не убывает, а только прибавляется.

Но Хенка на Рыбацкую улицу так и не явилась, хотя уверяла, что будет их всех любить.

Роха норовила где-нибудь её подкараулить, выследить, но ту как ветром сдуло. Сколько она о Хенке ни расспрашивала своих товарок, соседей, знакомых богомольцев и лавочников – те только пожимали плечами, никто ничего не ведал о старшей дочери Шимона Дудака. Тогда изнывающая от любопытства бабушка Роха решила больше не искать обходных путей и, не церемонясь, во дворе синагоги уточкой подплыла к самому Шимону Дудаку с придуманным заманчивым предложением для Хенки. Её, Рохи, старый знакомый – хозяин москательно-скобяной лавки реб Ешуа Кремницер якобы ищет для своего внука Рафаэля хорошую еврейскую девушку – няньку. Может, безработную Хенку заинтересует такой заработок. Ведь лишняя копейка семье из восьми ртов никогда не помешает.

– А Хенки нет, – простодушно ответил доверчивый Шимон, который в местечке был более известен своим бархатным, низким

баритоном, чем шилом. Сидя за колодкой, он частенько израненным бездорожьем ботинкам и сапогам напевал весёлые песни о равнинах и послушных их учениках, об изворотливых свахах и сводницах. Порой Шимон затягивал по-русски куплет из лихой песни о могучей реке Волге и разбойнике, сбросившем в неё свою любовницу-персиянку. Довид эту песню привез из Витебска, куда в начале кровавой мировой войны всех евреев Литвы с пограничной полосы как мнимых «германских шпионов» выселил русский царь в Россию.

– Как нет? Где ж она?

Бабушка нисколько не сомневалась, что дочь не могла уехать, не сказав отцу, куда она отправляется. У него Хенка наверняка всё выведает.

– Хенка отправилась в армию, – то ли с тайной тревогой, то ли с опаской ответил вечный конкурент моего деда Довида.

– Что – литовцы уже вздумали и евреек в свое войско забирать? Конец света!

– Хенка, как бы это сказать, туда по своей воле отправилась, – пока Шимон говорил, робкая улыбка всё время не сходила с его усталого лица, разглаживая своим тусклым светом распахавшие лоб морщины. – Вашего сына Шлеймке проведать пожелала. – И, как бы оправдывая её поступок, добавил: – Дочь бакалейщика Луцкого вслед за своим ухажёром жестянщиком Генехом аж в Америку пустилась. Вы можете мне сказать, кому там, в Америке, срочно потребовался жестянщик? И не откуда-нибудь, а именно из нашей Йонавы? Я слышал, что и ваша Лея тоже в ту сторону посматривает.

– Вы про Лею слышали, а я, её родная мать, про это ничего не слыхала. От кого же, позвольте полюбопытствовать, вы слышали? Кто же тот сокол, который высмотрел, в какую сторону света направлен её полёт?

– Люди говорят.

– Люди говорят, что земля вокруг солнца вертится. И вы, Шимон, им верите? Почему же я не верчусь, вы не вертитесь, раввин Элизер со свитками в руках в синагоге вместе с богомольцами не вертится? – Роха от слов Шимона сникла. Она и мысли не допускала, что кто-нибудь из детей уедет и навсегда оставит её наедине с молчуном Довидом. Правда, Айзик намекал, что в Литве не останется, что хочет попытать счастье в другом месте. Но чтобы старшая Лея наладилась уехать? Да ещё в Америку? В это Роха отказывалась верить.

– Лучше, Шимон, скажите мне, как долго Шлеймке и ваша дочь Хенка собираются вдвоём на одной лошади скакать в этом

Алитусе? – Роха вонзила свой вопрос, как наконецник копья в улыбочивое лицо Шимона, но тот про совместную скачку никакого понятия не имел и, смачно, во весь рот зевнув, ответил:

– Одному Богу известно – сколько. Может, всю оставшуюся жизнь.

Новость ошеломила Роху. Она была не в силах побороть в себе недовольство и завистливое восхищение упорством любящей Хенки и даже – что было редкостью – решила поделиться с мужем слухами о намерениях Леи и о поездке Хенки в Алитус.

– Что ты на это скажешь?

– А что тут сказать? – буркнул Довид – Дети, как птицы. Посидят на ветке, почистят перышки, почирикают-почирикают и улетят на другое дерево. Ветка покачнётся, покачнётся и затихнет. А что касается Хенки, то – она отчаянная девчонка. Все сделает, чтобы своего добиться.

– Кроме меня, твоей законной жены, ты готов всех на свете укрывать под своим тёплым крылышком, каждого погладить по головке и поддержать, – не преминула его поддеть жена. – Сейчас – ты только, пожалуйста, на меня не обижайся – за таким сокровищем, как ты, я никуда бы не поехала... Ни в Алитус, ни в Шмалитус. Пожалела тогда тебя, недотёпу.

– Что поделаешь, Роха! Нет ничего слаще, чем ошибки незрячей молодости... Может, мы и впрямь купили бы с тобой билеты на разные поезда, но мы, дорогая, сели в один и тот же вагон и, кажется, были счастливы. Теперь уж, хочешь – не хочешь, придётся нам вместе трястись со всеми нашими грехами и пожитками дальше, пока Господь не распахнет перед нами свои небесные врата. А Хенка, видно, своего добьётся, нашего сыночка не упустит. И хочешь – не хочешь, будет у нас в доме праздник.

– Ишь, какой прыткий – будет праздник! Может, они там, в Алитусе, побалуется-побалуется и ещё разбегутся. Тогда, Довид, и в самом деле в нашем доме будет праздник.

– Чует моё сердце, Роха, не разбегутся. – Он вытер потертым рукавом рубахи лоб и, глядя на неё с испуганным обожанием, тихо, словно посвящая её в какую-то тайну, добавил: – Первым делом я тебе, Роха, сошью новые туфли из хромовой кожи на высоком каблуке. Потом пойдём к дамскому угоднику Генеху Шарфштейну и закажем крепдешинное платье, потом Нахум Ковальский сделает тебе красивую причёску, а ты все время ходишь взлохмаченной, а Гедалье Банквечер смастерит мне двубортный костюм, и мы с тобой выпьем на свадьбе по чарочке за их счастье...

– Что я слышу? – выплеснула наружу свой ехидный

восторг Роха. – Господь Бог совершил чудо!

– Чудо? – окатил её удивлённым взглядом муж.

– На шестидесятом году после полной немоты ты первый раз заговорил не как сапожник, а как муж! И что это, дорогой, на тебя нашло?

– Ты что из меня делаешь бесчувственное чучело?! Без сердца и без мозгов! – возмутился необидчивый Довид.

– Раньше из тебя, Довид, нельзя было такое вытянуть даже клещами. Туфли из хромовой кожи, крепдешинное платье, причёска... Что же ты столько лет молчал?

Она подошла к нему и неуклюже обняла его.

– Может, ты хоть на старости мне первый раз и в любви объяснишься?

– Могу, – храбро сказал он, – это, видит Бог, мне ничего не стоит, – и усмехнулся.

– Ладно, ладно, – пожалела она мужа.

Милосердный Шимон дал дочери деньги на дорогу в Алитус, но предупредил, чтобы она в чужом городе не задерживалась и зря родителей не волновала.

– Поезжай, поезжай. Птица, которая всё время торчит на ветке, может научиться летать, – сказал он.

Сын его конкурента и одногодки Довида Кановича – Шлеймке – ему нравился. Чернобровый, статный, глазастый! Тихоня и не лодырь. Кому такой зятьёк не придется по душе? Тем более что у Шимона четыре невесты на выданье – велика ли радость, если они все засидятся в девках. Что за толк в высохшем колодце, из которого нельзя напиться? За Хенку Шимон был спокоен.

3

В Алитусе Хенка попала в косо́й стремительный дождь и вымокла до нитки. Она добежала до какой-то темной подворотни, спряталась под деревянным навесом и, воровато оглядываясь по сторонам, с весёлым отчаянием принялась выжимать сатиновую блузку и юбку. Когда сквозь отресья туч, которые бросились наутек от ветра, выглянуло скарёное литовское солнце, приезжая молодлица чуть подсохла, приободрилась и вышла из своего укрытия. Совершенно не ориентируясь в хитросплетении улиц и переулков, она наугад отправилась на поиски своего улана. Если до того, как солнце начнет клониться к закату, рассуждала Хенка, не удастся найти расположение части, в которой служит её Шлеймке, она постарается устроиться на ночлег в местной синагоге. В каждом местечке для забредшего странника в молельне всегда найдётся дряхлая кушетка с бессовестными клопами, жёсткой подушкой и

рванным матрасом. Хенка заночует в Божьем доме, а утром выпытает у какого-нибудь прохожего еврея, как пройти к армейским казармам.

За всю свою двадцатилетнюю жизнь Хенка из местечка ни разу никуда не выезжала, если не считать прочно забытый Витебск. Туда в четырнадцатом году её – маленькую девочку – вместе со всеми неблагонадёжными евреями изгнал из Йонавы русский царь Николай, имя которого у всех её родичей надолго осталось в памяти как олицетворение ненависти к изгнанникам Моисеева вероисповедания. Моя бабушка со стороны матери бывало, всердцах бросала своему непокорному мужу Шимону:

– Что ты с таким презрением смотришь на меня, как царь Николай на пейсы.

Алитус был больше, чем Хенкино родное местечко. Улицы были шире, дома выше, витрины богаче. В Йонаве Хенка знала все проулки и закоулки – каждую лавку, каждую мастерскую и парикмахерскую, почту, казарму, плац для строевой подготовки воинов местного гарнизона и даже полицейский участок.

Ах, если бы сейчас на пути ей попался такой полицейский, как Гедрайтис, который помог бы тут не заблудиться! – вдруг вспомнила она йонавского блюстителя порядка, частого гостя в их доме на Рыбацкой и чуть ли не друга семьи.

Перед праздником Пасхи Гедрайтис в полной форме и с неразлучным резиновым хлыстом обычно вваливался к сапожнику Шимону, чтобы попробовать мацы и медовой настойки, а главное – поговорить с ним на чистейшем идише о Деве Марии, о распятом Иисусе Христе, об апостолах. Гейдрайтис, потомственный католик, наотрез отказывался верить, что все они евреи.

– Не может быть, не может быть. Не верю. Сапожники среди вас есть, портные есть, ростовщики есть, но апостолов среди вас нет. Все апостолы – наши. И прошу их не присваивать.

– Евреи, евреи, – равнодушно бубнил Шимон, не желая ссориться с Гедрайтисом, который из уважения к хозяину всегда с ним говорил не по-литовски, а на маме-лошн. – Такие же, представь себе, евреи, как мы.

– Еврей не может распять еврея, – похрустывая мацой, настаивал флегматичный и незлобивый Гедрайтис. – Литовец может. Поляк может. Немец может. Еврей – никогда в жизни! Обмануть – да, не моргнет глазом, перехитрить – да, донести на своего собрата – да. Но распять?..

– Разве так важно, кто по происхождению Господь Бог и его апостолы? Ты мне лучше скажи, где для приколачивания бедного Иисуса к кресту эти еврей-злодеи покупали гвозди? –

спросил с ехидцей Шимон, терпеливо следя за тем, как гость уплетает мацу. – У реб Ешуа Кремницера или, может, в Укмерге у Шмуэльсона?

И захихикал.

– Ты, Шимон, мастак не только ботинки чинить, но и языком, как молотком по темечку... Умеешь! Умеешь! Только берегись! Даром что сапожник! – сказал Гедрайтис и, прощаясь до вкусной мацы будущего года, обнял старика крепкими крестьянскими лапищами.

Никаких знакомых в Алитусе у Хенки не было. Безуспешно поплутав со своим парусиновым чемоданчиком по незнакомому городу, она всё-таки решила обратиться к какому-нибудь прохожему с еврейской внешностью за подсказкой, как ей, пока не стемнеет, добраться до желанной цели – солдатских казарм.

Возле магазина, на вывеске которого красовалась безразмерная дамская туфля на высоченном каблуке и крупными буквами на идише и на литовском значилось «Меир Либерзон. Лучшая обувь в Европе», а чуть ниже «Европы» для привлечения желанных покупателей более мелким шрифтом было выведено: «Дёшево и надолго», Хенка вежливо остановила черноволосого узкогрудого мужчину в длинном стуртуке, из-под которого свисали белые нити *цицот*, и спросила, не подскажет ли ей, нездешней, где тут служат уланы.

– Уланы? – вытаращился он на неё в полном недоумении. – А кто они такие?

– Солдаты, – смутилась Хенка. – Только не пешие, а конные.

– А зачем хорошенькой еврейской девушке так уж понадобились конные литовцы? – с ехидной усмешкой поинтересовался незнакомец и кончиками пальцев прикоснулся к помятой черной шляпе.

Хорошенькая еврейская девушка приняла легкое движение его руки за прощальный жест и торопливо ответила:

– Я ишу своего друга. Его недавно призвали в армию и отправили сюда, в Алитус, проходить обязательную службу.

– Он еврей?

– Еврей, еврей... Портной.

– Первый раз слышу, чтобы портного, да ещё еврея, призывали в кавалерию. Всадников сроду у нас не было, – выдохнул он и несколько раз подряд опрыскал улыбкой свои впалые, тронутые болезненной желтизной щеки. – Он тебя там ждёт?

– Нет. Просто я давно его не видела. И очень захотела

увидеть.

– Это желание похвальное. А ты хоть по-литовски кумекаешь?

– Слушала, как заказчики из окрестных деревень с моим отцом-сапожником разговаривали, и кое-что запоминала. Мекаю, как коза, – призналась Хенка. – Больше не с кем было говорить. Евреев у нас в местечке больше, чем литовцев.

– Как же ты тогда надеешься его найти?

– Подкараулю.

– Что ж, может тебе повезёт. Казармы далеко за городом, на берегу Немана. Я бы тебе помог до них дойти, но не могу. Спешу в аптеку за лекарствами. У меня жена больна. Очень больна. Уже третью неделю с постели не встаёт. А ребятишки – мал мала – в доме одни без присмотра. За ними глаз да глаз нужен.

– Спасибо. Я буду за вашу жену молиться, чтобы она скорее выздоровела.

– А я за тебя буду. Как тебя зовут?

– Хенка Дудак.

– Милая Хенка, Бога грех просить только за себя, Его нужно просить за всех сразу, а уж Он, Всевидящий, из множества выберет самых достойных Его милости. Другим же придётся постоять за ней в очереди, – сказал незнакомец, и улыбка солнечным зайчиком скользнула по его редкой щетине. – Сейчас пойдёшь прямо, у мастерской жестянщика повернёшь направо, пересечёшь площадь, метров через сто возьмёшь налево, потом обогнёшь костёл, а оттуда, никуда не сворачивая, напрямик спускайся к Неману. Если заблудишься, приходи к нам: улица Кудиркос, восемнадцать. Зовут меня Гилель Лейзеровский. Запомнишь?

– Да.

– Храни тебя Всевышний!

Хенка на Всевышнего не очень-то надеялась и за помощью к Нему в отличие от своих родителей, с утра до вечера беспокоивших Господа своими просьбами, никогда не обращалась, прислушиваясь к своему сердцу, которое и советовало ей, и вело её, и оберегало.

– Меня тогда в Алитусе вела любовь, она была моим самым верным и лучшим путеводителем, – рассказывала мама мне, студенту-филологу, с насмешливой гордостью много лет спустя. – Правда, и любовь иногда может завести Бог вещь куда. Но меня она не подвела – помогла не заблудиться и, в конце концов, дойти до цели.

Хенка с парусиновым чемоданчиком в руке, битком набитым гостинцами, принялась долго и безуспешно расхаживать

по запретной зоне, заглядывая в каждую щель высокого забора, поверх которого по всему периметру была протянута колючая проволока. Вход на огороженную территорию охранял коренастый розовощекий часовой, похожий на только что вернувшегося с пахоты крестьянина, переодетого в солдатскую униформу. За широкими прорезами в ограде виднелись двухэтажное здание штаба кавалерийского полка, нестройная шеренга безликих, однообразных каменных барачков, конюшни и просторный пустовавший плац для ежедневной выездки породистых армейских лошадей.

Бесконечные хождения Хенки взад-вперёд, настойчивое и бесплодное подглядывание в щели насторожили часового, томившегося от безделья и скуки. Чрезмерное любопытство молодой женщины, с виду – вылитой еврейки, вызвало у стража справедливое подозрение, и он, недолго думая, оставил свой пост и вразвалочку, с какой-то высокомерной ленцой двинулся ей навстречу.

Когда часовой поравнялся с неожиданной гостьей, он оглядел её с ног до головы, словно пытаясь отгадать, зачем она сюда пожаловала и что у неё за таинственный чемоданчик в руке. С той же подчеркнутой строгостью он спросил у неё:

– Ko sia, panele, iesko?¹

Хенка напряглась и с большим трудом выловила из ничтожного запаса слов на том же неподатливом государственном языке, ответ:

– As ieskot chaveras. Slomo Kanovich.²

Хенка ухитрилась исказить все литовские слова кроме личного местоимения «я» и точного имени и фамилии того, кого искала.

Часовой поморщился от её неумения изъясняться на языке его охраняемого от врагов государства, но поборол недовольство и с натужной вежливостью обратился к ней с вопросом, ответ на который мог бы рассеять все его сомнения:

– Jis sia tarnauja?³

Чутье ей подсказало, о чём он спрашивает. Быстро закивав своими черными кудряшками, она бросилась открывать чемоданчик, осторожно извлекла из-под гостинцев потертый бумажник с фотографией, обернутой газетной бумагой и протянула её часовому.

Охранник глянул на снимок, узнал полковую лошадь и

¹ Что барышня тут ищет? (лит.)

² Я ищите друг. Шломо Канович. (лит.)

³ Он тут служит? (лит.)

уже дружелюбней сказал:

– Palauk!⁴

И зашагал к проходной.

Хенка с нетерпением ждала охранника и думала о том, что, если Шлеймке согласится, то она, чтобы чаще с ним видеться, останется в Алитусе. Устроится на работу продавщицей, лучше всего в галантерейный магазин, или подрядится в приличный дом нянькой, снимет по дешёвке чердак, сгодится ей и комнатуха в подвале с одним оконцем, и она со своим возлюбленным прослужит в этом чужом городе весь положенный в армии срок. Если же он не согласится, Хенка в Йонаве заработает на поездки в Алитус и будет каждую субботу его навещать. Только бы он не стал её отговаривать, только бы согласился. По субботам евреев-солдат вроде бы отпускают в синагогу на молебен. Тогда-то они все сообща – она, Хенка, её избранник и хороший человек Гилель Лейзеровский с выздоровевшей женой и ребятишками будут молиться и просить Господа Бога, чтобы ему легко служилось, и чтобы он, упаси Боже, не упал на скаку с лошади. Что с того, что ни Хенка, ни Шлеймке не умеют молиться, как предписано в священных книгах, хотя родители всячески стыдили и осуждали их за невежество, а в гневе даже с горечью спрашивали, кто же они, в конце концов, – евреи или выкресты? И хоть каждый из них не раз старикам объяснял, что молиться можно не только вслух, зазубренными словами или по молитвеннику, а молча, сердцем, те их только высмеивали и ждали неизбежной и справедливой кары небес.

Время, вдруг остановившее свой бег и не сулившее желанной удачи, как бы глумилось своей медлительностью над Хенкой: часовой словно сквозь землю провалился. Она стояла, ждала и, шепча что-то невнятное, как деревенская знахарка, пыталась своими самодельными и жаркими заклинаниями ускорить встречу с другом и вырвать его хотя бы на час-другой из казармы.

Когда уже казалось, что от долгого ожидания пора было отчаяться, удача всё-таки улыбнулась ей. В сопровождении часового из проходной вышел подтянутый, загорелый Шлеймке в зеленой гимнастерке, которая делала его выше и стройней, и Хенка – вместо того чтобы броситься ему навстречу – от нахлынувшей радости застыла на месте.

Шлеймке быстрым, молодцеватым шагом направился к ней, обнял, поцеловал и стал ей медленно и осторожно вытирать

⁴ Подожди! (лит.)

ладонью слёзы.

– Ладно, ладно, – приговаривал он. – Ты не умеешь плакать – только носом хлюпаешь. Лучше пойдем к реке. До вечерней переклички я свободен. Мой командир – капитан Куолялис спросил меня, кто эта женщина, которая тебя там за нашим забором дожидается. И я, не моргнув глазом, сказал: «Это моя жена! Приехала из Йонавы». Он мне поверил, и я за отличную службу получил от него увольнительную до вечера. Я ему, Хенка, правильно сказал? – с мальчишеским озорством добавил Шлеймке. – Ты на самом деле согласна быть моей женой?

И он захохотал.

– Я согласна, – сквозь слёзы ответила Хенка и, уронив чемоданчик, повисла у него на шее.

Они спустились к Неману, нашли на берегу лужайку, уселись друг против друга. Хенка открыла чемоданчик, достала оттуда скатёрку, разложила гостинцы – пирог с изюмом, марципановые корочки и круглое, блестящее, как пуговки на гимназическом мундире, монпансье, грецкие орехи, две мельхиоровые рюмочки и запеленатую в кухонное полотенце бутылку непочатого пасхального вина. На дне парусинового чемоданчика, кроме съестного, белели и несъедобные подарки – собственноручно вышитый Хенкой носовой платок с замысловатым вензелем и вязаные зимние варежки из овечьей шерсти.

– Ты бы ещё картофельный кугель привезла! – ласково пожурил он её.

– А кугель я тебе тут приготовлю.

– Где? В казарме?

– Я решила остаться в Алитусе. Найду работу, сниму в городе какой-нибудь дешёвый угол, дослужим вместе и вернёмся вместе. Какая разница, где работать?

– Вот это да! Решила остаться из-за кугеля? Ты что, с ума сошла?

– Из-за кугеля, из-за кугеля... Тут картошка вкусней, чем в нашем местечке, – Хенка сощурила искрившиеся хитрецей глаза, нарезала пирог с изюмом и налила в рюмки сладкое праздничное вино.

– За тебя! – сказала она, и первая чокнулась с ним. – И за то, чтоб и твоя лошадь тебя любила! И берегла...

– За тебя, Хенка.

Он выпил залпом и стал её дотошно расспрашивать о своих родителях, братьях и сёстрах, о её собственной семье, и она терпеливо и подробно рассказывала ему обо всех местечковых

новостях.

– Слава Богу, все живы-здоровы. Ни свадеб, ни похорон. Правда, евреев ещё прибавилось. Моя подружка, ты её знаешь, Двойра Каменецкая родила двойню – мальчика и девочку. Счастливица! Ты не сердись, но я тоже хотела бы так...

– Как?

– Так. За один раз и навсегда отделаться. Пусть в муках, но зато удачно.

– Ты и скажешь!.. А если будущий твой муж двойней не удовлетворится?

– Я, конечно, глупости говорю. Лучше посидим и помолчим. Здесь так хорошо!

Внизу спокойно и величаво нёс к Балтийскому морю свои воды Неман. Из реки выпрыгивали и кувыркались в воздухе любопытные рыбёшки, соскучившиеся в донной темноте по свету. Из густых приречных кустов вспархивали неугомонные птицы. Солнце, кончившее свой трудовой день, спешило за край горизонта на ночлег.

Шлеймке всё чаще поглядывал на часы.

– Когда ты, Хенка, приедешь домой, передай моей маме, чтоб не беспокоилась. Меня тут никто не обижает, лошадь моя смиренная. Дай Бог, чтобы все наши евреи были такими же спокойными, как она... Нечего тут тебе на два года оставаться и менять насиженное гнездо на чужую дыру. Если сможешь, приезжай ко мне по субботам, будем сидеть у реки, кушать пирог с изюмом, сосать леденцы, ходить в синагогу и просить Бога, чтобы Он нам простил наши грехи и благословил нас на долгую совместную жизнь. А мы постараемся отблагодарить Его послушанием и трудами...

– Слушаюсь, мой господин.

Больше она не проронила ни слова, завернула в скатёрку оставшиеся гостинцы и проводила его до проходной. Наклоном головы попрощалась с часовым и, чмокнув Шлеймке в щёку, медленно направилась в сторону города.

4

Семья Хенки жила бедно. Шимон до поздней ночи не расставался с молотком и шилом. Чинил всё, что приносили – и то, что давно пора было выбросить на свалку, и то, что ещё поддавалось ремонту. И брал недорого. В местечке шутили, что Дудак самый стоворчивый чеботарь на свете. Ходили к нему в основном его неимущие собратья. А нищему Авигдору Перельману, который год с лишним успел проучиться в Тельшайской ешиве и которого доктор Ицхак Блюменфельд за то, что тот отрёкся от религии, и за

склонность наставлять всех на путь истины и по каждому поводу мудрствовать наградил кличкой Спиноза, Шимон Дудак обувь чинил даром.

– Бог тебе, Шимон, за меня сторицей заплатит, – говорил Авигдор. – Он все мои долги аккуратно записывает в свою книгу должников и аккуратно и вовремя возвращает их тем, кому я задолжал. Вернет Он, Шимон, и тебе. Честное слово, хотя за Бога грех ручаться! Как поступит, так поступит. Ведь Он – наш Главный Бухгалтер. Подсчитывает наши годы и наши долги.

– А если вернёт, то скажи на милость, чем? Деньгами, векселями? Благодатью? – насмешливо спрашивал Шимон, поглаживая свои пышные панские усы шершавым указательным пальцем.

– Долголетием. Хорошими мужьями для дочерей. Их у тебя вон сколько – четверо! Внуками.

Шимон гордился дочерьми (одна краше другой), но они были не его богатством, а каждодневной изнурительной заботой. Только Хенка перевалила за двадцать и выполняла скучную семейную казну случайными заработками. Она и к Шлеймке ездила в Алитус на свои деньги, заработанные в придорожной корчме Бердичевского «К Ицику на огонёчек!», которую сам хозяин заведения возвышенно называл первым в местечке рестораном. Хенка на дымной кухне весь день стряпала, чистила и натирала картофель, жарила латкес, пекла пирожки с мясом и капустой, пироги с изюмом, а потом перемывала всю посуду и убирала замусоренное объедками и окурками помещение. И если бы не наглецы-извозчики, которые промышляли ночным извозом и в подпитии начинали приставать к ней, норовя ущипнуть то за налитую молодым соком грудь, то за выпирающую стульчиком попку... Если бы не их похотливые, как у мартовских котов, взгляды и предложения – прокатиться с ветерком, подышать свежим воздухом где-нибудь в деревенской глуши, отдохнуть с пивком под гармонь на природе – она, пожалуй, и дальше кухарила бы в этом вертепе, хотя от тяжелой работы и валилась с ног...

Ицик Бердичевский, тертый калач, известный в Йонаве своей мёртвой хваткой, был доволен Хенкой – послушна, сноровиста, повариха что надо. Он уговаривал её остаться, обещал защитить от бесстыжих посетителей своего заведения, повысить жалованье, но его увещевания не подействовали, и она ушла.

Хенка долго искала приличную работу. А где женщина, не кончившая даже начальной школы и умеющая только варить и печь, мыть полы и стирать белье, где она могла эту приличную работу найти? К Шлеймке она больше не ездила, у отца денег не просила,

писала своему кавалеристу письма на искалеченном идише, состоявшем из одних признаний в любви и жалоб на судьбу-злодейку, и терпеливо ждала, как Мессию, местечкового почтальона Казимириаса. Зная наперед, что Роха к ней никакой симпатии не питает, даже откровенно недолюбливает, она все-таки забегала на Рыбацкую улицу за крохами каких-то сведений о Шлеймке. Когда же Хенка после свидания со своим кавалеристом вернулась из Алитуса, то, не жалея превосходных степеней, вдохновенно рассказывала, как он выглядит и как ему служится. Роха не без основания подозревала, что Хенка немножко привирает, но не перебивала её. Ведь медовое слово всегда течёт через чуткие уши в благодарное сердце.

– Что он пишет? – спросила моя мама у будущей свекрови.

– Что пишет? – глаза старухи вдруг увлажнились. – Всё, что его брат Айзик нам с Довидом по листочку читает, то и пишет. А что, скажи, можно писать таким тухлым старикам, как мы? Скучаю, пишет. Чувствую себя хорошо, пишет. Только пицца, о Господи, пишет, некошерная – сосиски свиные, мясо свиное, супы из грибов со свиными ножками. Ничего не поделаешь. Куда еврею деться, если и воздух тут везде некошерный. А ты что – болтаешься без дела? Сбежала от этого проходимца Бердичевского?

– Сбежала.

– Это ты хорошо сделала. Там, где мужики бражничают, там честные девицы вряд ли сберегут в целости свой веночек. Ты хоть понимаешь, о чём я с тобой говорю?

Хенка кивнула.

– Понимаю. Потому и сбежала. Теперь ищу другую работу. Ищу, ищу, но не могу найти.

– В няньки пойдешь? – вдруг, без всякого предисловия, выпалила Роха, ошеломив Хенку. – Работа чистая, не тяжёлая, будешь весь день цацкаться с мальчиком из благородной семьи, сидеть с ним где-нибудь под деревом в тенёчке, птичек слушать или прогуливаться по парку. Мальчик хорошенький, не капризный, и мама у него красивая, грамотная, по-французски говорит так, как мы с тобой на идише, но не очень хочет с карапузом возиться.

– А чей мальчик? – воспряла духом Хенка. Она не ожидала, что Роха-Самурай, эта злока, эта воительница со всеми заранее негодными невестками проявит о ней такую заботу. Хенка корила себя за то, что не сдержалась и посмела спросить, чей это мальчик. Надо было дожидаться, пока Роха сама назвала бы имя его родителей.

– Это богатые люди, очень богатые. – Она отдышалась, глубоко вздохнула и продолжила: – Когда-то – в это я сама уже

почти не верю – в ту далекую пору я выглядела не так, как сейчас, старая ведьма, а была, как говорили, зазывная молодлица, довольно хороша собой, мужчины на меня заглядывались, и слюнки у них текли... Это сейчас я морщинистая старуха с потухшими, как угли в печи, глазами. Только, пожалуйста, не возражай. У меня нет времени спорить с твоими неискренними утешениями. Так вот тогда – порой мне кажется, что всё это происходило не при сапожнике Довиде, а при царе Давиде – за мной ухаживал молодой реб Исайя, родной брат Ешуа Кремницера, деда этого мальчика. Через десять лет после нашего знакомства он неслыханно разбогател на торговле лесом, сплавлял его по Неману и по морю из Литвы в Россию и внезапно умер от какой-то загадочной, нездешней болезни. Теперь лесом торгует его оборотистый племянник Арон, отец ребенка. Запутала я тебя своими рассказками. Ты хоть что-то поняла из моих слов?

– Так этот мальчик – внук реб Ешуа, владельца москательной-скобяной лавки, что недалеко от синагоги и полицейского участка?

– Да, он самый. От своей покойной жены Голды он, конечно, не раз слышал про наши шуры-муры с его братцем. Так что я вполне могла стать не сапожничихой Рохой Канович, а богачкой Рохой Кремницер. Попробую замолвить за тебя словечко.

– Спасибо.

– Не надо меня благодарить. Я это делаю не столько ради тебя, сколько ради Шлеймке, своего сына, который собирается на тебе жениться. А ты сама, Хенка, как думаешь – женится или не женится? Да или нет? Отвечай прямо, без увёрток.

– Думаю, что женится, – не отводя от Рохи чёрных, сверкающих отвагой глаз, прямодушно ответила та и, вдруг спохватившись, твердо сказала: – Если женится, то вы уж не пожалеете...

– Дай-то Бог, – уклончиво сказала Роха. – Мне твоя честность и прямодушие нравятся. Ненавижу криводушных.

Из соседней комнаты доносились размеренные удары сапожничьего молотка о колодку, и их монотонный стук успокаивал Хенку.

– Если я устроюсь к реб Кремницеру, то на первую же получку куплю два билета – вам, Роха, и себе. И мы вместе на автобусе поедem в Алитус к вашему сыну. Я уже там все дорожки знаю. Вы обязательно поедете со мной.

– Я? – растерялась Роха. – Я всю свою жизнь никуда не ездила. Никуда. Как родилась в Йонаве, так здесь и умру. Вот если бы женщин в молодости призывали в армию, я могла бы увидеть другие города – Алитус... Укмерге... Зарасай. Даже, может, Каунас.

Во всех городах, наверно, есть солдатские казармы. Но Вседержителю было угодно, чтобы я отпущенные мне годы провела в другой казарме – на Рыбацкой улице, в этом доме с дырявой крышей, с голодными мышами и кучей детей, которых я должна была поставить на ноги.

– Он очень обрадуется, когда увидит вас.

– А если его не отпустят, и мы с тобой зря туда потащимся? – усомнилась Роха.

– Говорят, что перед матерями всюду должны открываться все двери и ворота.

– Может, только врата рая. Главное, чтобы он был здоров. Литовцы нашего брата не шибко любят.

– Но они не звери. К тому же к Шлеймке хорошо относится сам начальник над всеми тамошними солдатами и лошадьми, – сказала Хенка и засмеялась.

– Посмотрим. Сначала тебе надо жалованье получить, – резонно заметила бабушка Роха. – Топать обратно от Алитуса до Йонавы пешим ходом – это уже, деточка, не для меня. А Кремницеру-деду я скажу, что к нему на днях в лавку зайдёт одна такая барышня по имени Хенка.

– Да я прямо завтра и схожу к нему. А вдруг повезёт, – Хенка поклонилась и под победный стук молотка Довида, как под торжественную музыку, вышла.

Реб Ешуа Кремницер, дед того мальчика, для которого подыскивали няньку, – большеголовый, крупного телосложения набожный старик в больших роговых очках и бархатной ермолке – стоял за прилавком, как изваянный из какого-то благородного камня, и раскачивался из стороны в сторону то ли для того, чтобы в такую рань не уснуть, то ли для того, чтобы Господь Бог развеял томившую его скуку и послал в лавку больше покупателей, чем вчера.

Увидев первую посетительницу, Кремницер обрадовался её раннему приходу, истолковав его как желанный отклик небес на его молитвы.

– Чем, барышня, могу служить?

Хенка смешалась и не сразу нашлась, что ответить.

– Разве Роха, жена сапожника Довида, с вами обо мне не говорила? – произнесла она с огорчением.

– Нет, не говорила. Роху я знаю уйму лет. Она вообще любительница почесать языком. На прошлой неделе пришла и, как всегда, в пух и прах разнесла этот отвратительный, недоделанный Божий мир и при этом не преминула мне напомнить, как мой брат Исаяя всюю приударял за ней в молодости, напоследок купила

дверной замок, и поминай как звали...

– Видно, она не успела или просто забыла вам сказать кое-что обо мне, – объяснила обескураженная Хенка. – Тогда извините, пожалуйста. Я лучше приду к вам после того, как Роха с вами поговорит. – И попятилась к дверям.

– Постойте! Куда вы так спешите? Сами скажите, чего Роха от меня хотела? – остановил её скучающий реб Ешуа Кремницер и вытер шёлковым платком свой большой морщинистый лоб. – Ведь порой разговор с хорошим человеком тоже приносит его собеседнику не меньшую прибыль, чем проданный товар. О чём, позвольте спросить, всё-таки намеревалась со мной поговорить моя старая знакомая – многоуважаемая Роха?

– Обо мне. И о вашем внуке. Простите, не знаю, как его зовут.

– Рафаэль.

– Очень красивое имя, – сказала Хенка.

– Чем же вас заинтересовал мой двухлетний внук? – Реб Кремницер был олицетворением самой вежливости и внимательности, свойственной каждому удачливому торговцу. Он спустил от удивления на мясистую переносицу массивные очки и близорукими, подслеповатыми глазами уставился на раннюю посетительницу.

– Роха сказала мне, что ваша семья вроде ищет для маленького внука няньку...

– Да. Это правда. Я даже на дверях лавки объявление повесил. Но пока никто не отозвался. Негоже останавливать на улице каждую молодую женщину и предлагать ей что-то в этом роде, – сказал реб Ешуа Кремницер и окатил её с ног до головы сочувственным взглядом. – Как я понимаю, вы предлагаете нам свою кандидатуру. Не так ли?

– Мы с Рохой подумали – может, я вашему Рафаэлю в няньки сгожусь... – Хенка поёжилась от собственной смелости и прикусила язык.

– Так, так. У вас есть опыт такой работы? Вы когда-нибудь этим занимались?

– Так вышло, что я всех своих младших сестёр вынянчила. Мама моя все время тяжело болела, подолгу отлёживалась в постели, а я возилась с малышками, кормила их, мыла, водила гулять, укладывала спать и убаюкивала, рассказывала им сказки, которые сама же и придумывала.

– Что я могу вам сказать? Честь и хвала такой дочери и сестре! А этих сестёр у вас, милая, много было?

– Трое. Я в семье самая старшая. Мама родила шесть

дочерей и четырех братьев. Но не все выжили. Остались только три девочки – Песя, Хася и Фаня и Мотл со Шмуликом.

– Что же, видно, вы прирожденная нянька. Я переговорю с Ароном и Этель, моим сыном и невесткой. Зайдите через день-два, и я сообщу вам, что мои дети решили.

Хенка две ночи не смыкала глаз, все смотрела с топчана в оконце и торопила рассвет.

5

На третий день она встала раньше всех в доме, причесала чёрные вьющиеся кудри, надела своё лучшее платье с крупными ярко-желтыми, на ситцевом поле, ромашками и припустилась бегом к закрытой на амбарный замок москательной-скобяной лавке. Реб Ешуа Кремницера она узнала ещё издали – он степенно шёл из синагоги, держа под мышкой упрятанные в бархатный, с вышитым магендовидом чехольчик молитвенные принадлежности. Казалось, богобоязненный лавочник ещё продолжал молиться, и ему доставляло ничем не замутнённую радость беседовать без лишних свидетелей с Господом Богом о чём-то сокровенном.

Чем ближе он подходил к лавке, тем сильнее сжималось в комок Хенкино сердце, который, как брошенный ломоть хлеба, клевали налетевшие со всех сторон птицы.

– Вы что, тут на крыльчке и ночевали? – шутиливо упрекнул её реб Ешуа Кремницер.

– Доброе утро, – сказала Хенка. То, что реб Ешуа с ней так тепло поздоровался, обнадежило её.

– Сейчас открою лавку, и обо всём потолкуем. Как видите, на старости я торгую всякой мелочью – защёлками, задвижками, замками, гвоздями, а эту рухлядь – он ткнул в покрытый ржавчиной собственный дверной замок – никак не соберусь заменить. Забываю. Ничего не поделаешь. От старости ещё никому живым не удалось убежать, хотя скоро я от неё, треклятой, всё же сбегу. А куда от старости убегают, вы, наверно, знаете. К праотцам. Заходите!

Выслушав его не очень ободряющие нравоучения о старости, Хенка вошла следом за ним в лавку.

– Вчера за клеём для своего мужа Довида заходила, так сказать, не состоявшаяся жена моего брата Исаяи – сапожничиха Роха. Она за вас головой ручается: вы, мол, и честная, и опрятная, и добрая, и на все руки мастерица...

– Спасибо, – выдохнула Хенка, хотя такое начало скорее напугало её, чем обрадовало.

– Как я вам и обещал, я поговорил с моими детьми – непоседой Ароном и Этель. Они пожелали с вами познакомиться. Вы знаете, где мы живём?

– В самом центре, где памятник. В двухэтажном доме напротив почты.

– Если вы понравитесь им так же, как, скажем, мне, старику, то они заключат с вами на три месяца договор, чтобы убедиться в вашей пригодности, а потом уж, может, на следующий, более длительный срок. По пятницам, субботам и во все наши еврейские праздники вы будете свободны. Понятно?

– Да.

– Еда бесплатная, жалованье хорошее. Условия, по-моему, хорошие.

– Хорошие. А вы, скажите, тоже там... – она вдруг захлебнулась словами, – тоже там будете, когда я туда приду?

– Где?

– Дома.

– Зачем вам при этих переговорах нужна такая развалина, как я? Я ведь только дед. Моё слово не решающее. У меня только совещательный голос.

– Мне почему-то хочется, чтобы и вы там были, – сказала Хенка с какой-то щемящей искренностью. – Пожалуйста...

– Постараюсь.

– А когда лучше всего прийти?

– Если хотите, чтобы и я был при вашем разговоре, лучше всего приходите в субботу. После утреннего богослужения. Мой брат Исая, да святится его имя в небесах, говорил, что утром на мир нисходит благодать. Пока вездесущее зло протирает залепленные сном глаза, из предрассветной мглы восходит, подобно солнцу, и добро. Оно, мол, заглядывает, и к нам, в Богом забытую Йонаву.

Как и советовал реб Ешуа, в субботу, когда солнце поднялось над черепичными крышами Йонавы, Хенка подошла к двухэтажному особняку напротив почты, огороженному железной решетчатой оградой. У закрытой калитки она несколько раз, словно боясь обжечься, осторожно позвонила в колокольчик. Вскоре из дому навстречу ей вышла высокая, статная женщина в домашних туфлях и в лёгком цветастом халатике нараспашку. Над её густыми русыми волосами, видно, колдовал не самозванный брадобрей, не местечковый маг – парикмахер Наум Ковальский, а какой-нибудь волшебник в Каунасе. Они были уложены с завидным изяществом, и от них шел пронзительный запах редких и дорогих духов.

– Вы – Хенка?

– Да.

– Проходите, пожалуйста. – Этель была заученно

приветлива и доброжелательна.

Хенка прошла через палисадник, обсаженный ухоженными карликовыми деревцами, в прихожую, сняла туфли, сунула ноги в тапочки и скользнула в салон.

То, что предстало перед её глазами, ослепило её. Ни в одном доме в Йонаве она такой оглушительной роскоши никогда не видела. Пол был устлан дорогими персидскими коврами, на стенах висели писанные маслом картины – длиннородый, благообразный старик в ермолке – прадед Рафаэля реб Дов-Бер, чуть не женившийся в в Италии на какой-то богатой флорентийской еврейке испанского происхождения; Масличная гора и Стена Плача в Иерусалиме с приникшими к ней богомольцами; коровы-пеструхи с кукольным пастушком на лугу. Салон был обставлен мебелью из финского дерева: стол, шкафы, этажерки.

– Садитесь, милочка. Меня зовут Этель, – хозяйка холёной рукой, украшенной разновеликими перстнями, показала на мягкое кресло. – Мой муж скоро кончит бриться и сразу же выйдет к нам. К нам присоединится и мой тесть, ваш рекомендатель. А пока я вам принесу что-нибудь попить. Что вы, милочка, пьете?

– Воду.

– Воду все пьют. А ещё?

– Иногда морковный сок, а на Пасху сладкое вино, медовуху, – зардевшись, ответила Хенка.

– До Пасхи ещё далеко. Будет вам морковный сок. Хорошо? – Этель улыбнулась и удалилась.

А Хенка осталась наедине с длиннородым старцем Дов-Бером на картине, с неистовыми богомольцами, припавшими к священной и спасительной Стене Плача в Иерусалиме, с коровами-пеструхами и с безбидным, беззаботным пастушком на огромном холсте в толстой раме и вдруг почувствовала себя ничтожной и одинокой. И ей до спазма в горле вдруг захотелось как можно скорей распрощаться с хозяйкой, исчезнуть отсюда, вернуться в свою хату, к сёстрам, к безотказному и неслышному, как тень, отцу и к любвеобильной маме. Но тут из другой комнаты появился элегантный, одетый с иголочки Арон, похожий на манекен из магазина «Летняя и зимняя одежда для всех», а вслед за ним вошли душистая, как цветущая сирень, Этель с морковным соком в фужере на серебряном подносе и её тесть – почтенный реб Ешуа.

– Вот вам морковный сок! Пейте, не стесняйтесь. Чувствуйте себя как дома.

Хенка скорей из вежливости чуть-чуть отпила из фужера.

– А теперь к делу, – начал Кремницер-младший. – Мы

наслышаны о ваших достоинствах и не сомневаемся, что вы справитесь со своими обязанностями и со временем полюбите нашего Рафаэля.

– Я надеюсь, – сказала Хенка.

– Замечательно. А что касается условий, то вам их, кажется, уже сообщили. Будете за свой труд получать в месяц восемьдесят пять литов плюс бесплатная еда. Вас такая сумма устраивает?

– Да.

О таких деньгах она и не мечтала.

– Значит, по главному пункту мы с вами вроде бы договорились. – Арон крепким рукопожатием поздравил её с вступлением в должность. – С едой, по-моему, тоже ясно. То, чем мы будем питаться, будете и вы за общим столом есть безо всяких ограничений. После полугода службы – двухнедельный оплачиваемый отпуск. Во все еврейские праздники вы свободны. Не исключаются и другие льготы и поощрения. Когда вы можете приступить?

– Хоть сейчас, – пролепетала Хенка. От слов Арона Кремницера у неё слегка закружилась голова. Казалось, всё, что она слышит, ей только снится, и что через мгновение этот прекрасный сон кончится, и сказанные слова разлетятся, как напуганные ястребом голуби.

– Сейчас так сейчас. Проснётся Рафаэль, и мы вас с ним познакомим. Он у нас славный малый, но засоня. А пока он спит, я расскажу вам о его игрушках, которые станут вашими верными помощниками. Я всегда ему что-нибудь привожу. Игрушек у нас в доме накопилось столько, что хватило бы на легион его сверстников. Когда Рафаэль подрастёт, мы вас попросим, чтобы вы их раздали детишкам из нуждающихся семей. Таких семей в Йонаве предостаточно. Вы нам поможете?

– Конечно. Мне ещё самой нравятся игрушки, – сказала она и впервые в этом уютном доме грустно и доверительно улыбнулась, испытывая к нему и зависть, и смешанное с испугом восхищение.

– Кстати, всех медведей, клоунов, гномиков, все машинки, шарманки, свистульки, пастушеские рожки вместе со стадами плюшевых овец и козочек я привез ему из Европы. Вы сами скоро увидите весь этот зверинец, этот музыкальный и автосалон Рафаэля, а пока часик-другой погуляйте с ним по здешнему парку.

– Хорошо.

– Мы с вами не прощаемся, Хенка, – сказал он, впервые обратившись к ней по имени.

Громкий титул «парк» местные жители скорее в насмешку, чем всерьёз, присвоили заброшенному, заросшему густым репейником и чертополохом пустырю за кирпичным двухэтажным зданием волостной почты. По обе его стороны росли в два ряда хилые, с обломанными ветками клёны, которые, как шутили в местечке, свою тень дарили ещё усталому от похода в Россию войску маршала Наполеона, которому так и не удалось взять Москву. Кое-где под клёнами стояли наспех сколоченные, некрашенные скамейки, на которые чаще, чем сами жители местечка, стайками садились съёжившиеся от своей малости и бесприютности вечно голодные воровбы.

Не успела Хенка опуститься на скамейку и порадоваться нежданному успеху, как её стали одолевать сомнения. Долго ли она прослужит у Кремницеров, не уволят ли её раньше срока? Одно дело нянчить своих безграмотных, как она сама, сестёр, а другое – избалованного Рафаэля. Его, конечно, с детства учат не идишу, а французскому. Ведь Арон Кремницер учился на агронома в Париже. И Этель не овец в деревне пасла и не кухарила в ресторане у Ицика Бердичевского. Что им стоило выписать няньку из Парижа или на худой конец из Каунаса? Единственное, что Хенка может предложить им вместо учености – это свою любовь к мальчику. Безмолвный язык любви понимают все, даже кошки и собаки.

Утешив себя мыслью, что сразу от её услуг всё-таки не откажутся, что она сможет до увольнения хотя бы за три трудовых месяца неплохо заработать, Хенка поднялась со скамейки и направилась к проснувшемуся Рафаэлю.

Мальчик ей очень понравился. Как и его папа, он был элегантно одет – короткие вельветовые штанишки на бретельках, голубая, в едва заметную полоску, шелковая рубашечка с галстучком в горошек, на ногах – лёгкие кожаные ботиночки на застёжке. Он был причёсан на прямой пробор, его черные гладкие волосы отливали речным блеском, словно ему только что помыли голову.

– Знакомся, Рафаэль, – словно к взрослому обратился к сыну сановный Арон. – Будь джентльменом – протяни тётке ручку.

Мальчик не шевелился, смотрел на Хенку, как на большую говорящую куклу, с которой ему не совладать.

– Ну чего ты боишься? Тётя будет каждый день тебе песенки петь, рассказывать сказки, водить в парк, ты с ней будешь птичек кормить, – уговаривал его Арон.

После долгих раздумий Рафаэль спрятался за отцовскую спину, но изредка продолжал с подозрительным любопытством оттуда поглядывать на незнакомку.

– Ручаюсь, он скоро к вам привяжется, – успокоила Хенку Этель. – На первых порах мы его все вместе будем нянчить. Не волнуйтесь, пожалуйста, всё наладится. От любви ни дети, ни взрослые не шарахаются.

Всё и в самом деле наладилось. Опасения Хенки, что её вскоре уволят, оказались напрасными, и заслуга в этом принадлежала хозяйке – добродетельной Этель. Диковатая Хенка не только прижилась у Кремницеров, но и подружилась с Этель, которая была не намного старше новоявленной няньки и к тому же не могла похвастать большим числом знакомых сверстниц в Йонаве. Все они жили либо за границей, либо в Каунасе. Она, правда, иногда встречалась со своими подругами, когда сопровождала Арона во время его недолгих поездок в Каунас или в Германию, где Этель Левинсон и родилась в семье потомственных коммивояжеров. Йонаву Этель считала вынужденной ссылкой. Арон Кремницер, удачливый лесоторговец, давно хотел перевести дело в какой-нибудь портовый город – Марсель или Киль, но его отец реб Ешуа наотрез отказался расстаться со своими замками, гвоздями и защёлками. Могилы отца и матери добровольно, да ещё ради мамоны, не оставляют.

Привык к няньке и Рафаэль. Вначале, только завидев её, он, бывало, бросался наутёк, по-детски, бесхитростно прятался там, где никакого труда не стоило его найти, а когда Этель и Арон уходили и Хенка оставалась со своим подопечным наедине, капризничал, куksился и горько плакал. Но однажды, на исходе второй недели её службы, в их отношениях произошёл неожиданный переворот. Рафаэль притащил из детской куклу – длинноносого ушастого клоуна с обвислыми усами, в смешном картузе с нарисованными на козырьке якорями и, спешно вручив свою игрушку ей, громко возгласил:

– Енька! Енька! Пи-пи!..

И пальцем ткнул в низ живота, в свой краник.

Хенка взяла его за ручку, отвела в туалет, посадила на горшок и, когда через минуту струйка иссякла, и он снова закричал «Енька!», нянька поняла, что с этого исторического «пи-пи» начинается их настоящая дружба.

Целыми днями она возилась с ним, придумывая всякие игры и развлечения. Чтобы рассмешить его, Хенка принималась изображать то мекающую в огороде козочку, то квакающую в болоте лягушку, то кукарекающего в соседнем дворе петуха, то чирикающего в палисаднике голодного воробышка. Рафаэль слушал и заливался счастливым смехом.

После дневного сна Хенка выводила его на прогулку – то по

запущенному парку, где Рафаэль отчаянно гонялся за нищенствующими воробьями или живописными бабочками-однодневками, то по осиротевшему, давно не плодоносящему яблоневому саду возле местечкового костёла со стреловидным куполом, вонзенным – не в память ли о распятом Христе? – в синее небо, то забредали на Ковенскую улицу. Там Хенка непременно останавливалась и, не смея войти с мальчиком внутрь, издали показывала ему родную скособочившуюся хату, из которой доносился стук неумолимого молотка.

– Тут, Рафаэль, живут мои родители, – просвещала она малыша.

Рафаэль таращил глазёнки на оконца, словно затянутые болотной тиной, и, вцепившись в руку няньки, тянул её назад – домой, к своей маме.

По пути Хенка обычно заглядывала с карапузом к его деду и её благодетелю реб Ешуа Кремницеру в пустую лавку, в царство замков и задвижек, и Рафаэль после краткого визита выходил оттуда с целым коробом ласк и поцелуев.

Прогуливаясь за ручку с Рафаэлем по местечку, Хенка в один прекрасный день столкнулась с Рохой-Самураем. Та торопилась к резнику с белым гусем, беспечно прикорнувшим в большой плетёной корзине перед скорой и беспощадной казнью.

– Писем нет? – спросила Хенка.

– Что-то наш кавалерист давно нам не пишет, – пожаловалась Роха. – Может, он тебе пишет?

– Нет. Если бы написал, я от вас не скрыла бы. Тут же прибежала бы и рассказала. Может, он на маневрах?

Рафаэль приблизился к плетёной корзине, собираясь, видно, разбудить гуся, продолжавшего перед смертью безмятежно дремать в корзине, как в колыбели.

– Рафаэль! Не смей его трогать! – воскликнула Хенка. – Он ущипнёт тебя своим клювом. Потом пальчики будут долго болеть.

– А что это за штука – манервы? – напуганная непривычным словом, обеспокоилась Роха.

– Военные учения. Солдаты учатся быстро вскакивать в седло, срезать шашками на скаку голову у огородного чучела, изображающего врага, а также быстро и точно стрелять в цель из винтовки.

– Седло, шашки, стрельба, – вздохнула Роха. – Все это, по моему, не еврейский гешефт. – Она потрепала Рафаэля по русым волосам, снова вздохнула и сказала: – Какой славный мальчишечка! И надо же – уже он наследник бакалеи и

москательно-скобяной лавки, а главное – огромных угодий соснового леса где-то в Жемайтии за Расейняй! А что, спрашиваю я частенько Господа Бога, достанется в наследство моему внуку? Только молоток, шило, шпильки, сапожный клей, колодка и все наши беды.

– Я думаю, что никто, даже наш Господь Бог, не знает, что, кому и когда достанется.

Обречённый на казнь у резника гусь проснулся и одним своим глазом высокомерно уставился на Рафаэля, который от страха притулился к тёплому боку своей няньки.

– Через полторы недели я получу свое первое жалованье, и мы с вами, Роха, сядем в автобус и поедем к Шлеймке в Алитус, – сказала Хенка приунывшей бабушке Рохе.

– На манервы поедем? – съязвила бабушка.

– Да, – засмеялась Хенка и быстро удалилась с заскучавшим Рафаэлем, извинившись перед сторбившейся Рохой и заносчивым, не догадывающимся о своей печальной участи гусём.

6

В доме Дудаков на Ковенской был объявлен праздник – Хенка принесла первую получку. Восемьдесят пять литов! Подумать только – восемьдесят пять литов. Почти девяносто! Бывает, что сапожник Довид столько не зарабатывает и за три месяца! Хенка переплюнула его! Песя, Хася, Фейгеле, берите с сестры пример!

Хенка испекла свой любимый пирог с изюмом, сделала медовые пряники – тейглек, оттушила с картошкой греческий чернослив, купленный в бакалее, принадлежавшей тому же реб Ешуа Кремницеру, в которой царствовал приказчик, лысый, как камень, Рувим Биргер, и устроила пир горой.

Когда радость домочадцев чуть поблекла, счастливица сообщила им, что завтра уезжает на весь день с Рохой-Самураем в Алитус, чтобы встретиться со Шлеймке, от которого давно не было никаких вестей.

– С этой бабой-ягой?! – ополчился на Хенку Шимон. – Не спешишь ли ты, доченька, тратить на эту ведьму свои денежки? Ты же ещё пока не стала её невесткой.

– Роха помогла мне устроиться нянькой в дом Кремницеров. И потом она не баба-яга, а несчастная забитая женщина. Весь дом на её плечах. Роха, как та ослица, которую однажды впрягли в перегруженную повозку и забыли выпрячь. Никто другой, а ты, отец, сам мне сказал, что её главные помощники Айзик и Лея собираются вроде бы поднять крылышки и вообще уехать навсегда из Литвы.

– Ну и что? – не сдавался отец. – Есть ещё у них твой Шлеймке и Мотл. И Хава. Может, Лея и Айзик и уедут. Кто их знает. Что им тут в нашем местечке делать – латать, латать и ещё раз латать, лудить, и ещё раз лудить, брить бороды, стричь волосы, стоять на крыльчке, глядеть весь день до отупения на прохожих и ждать клиентов? А там, в этой Америке, говорят, только выйдешь на улицу, а на мостовой доллары валяются. Нагибайся и собирай!

И вдруг Хенка выпалила:

– Если и Шлеймке надумает отсюда уехать, то и я за ним. Куда угодно.

– Ещё вопрос, возьмёт ли он тебя с собой?

– Возьмёт, возьмёт.

– Ты сначала с нашим раввином и с ним под хупой постой, а потом уж за него ручайся.

Хенка не стала портить праздник. Всё равно отца не переспоришь. Для него хупа – самая надёжная крыша на свете.

Однако трудней всего было уговорить Роха. Она отказывалась ехать к сыну на чужие деньги в Алитус и для отвода глаз придумывала разные причины.

– Увидишься, поговоришь с ним пять минут и только расстроишься, что пора уже обратно ехать. Когда долго не встречаешься с тем, с кем разлучен, то любишь его ещё крепче.

– Вы уж, Роха, меня извините, но вы говорите глупости. Долгая разлука пожирает любовь, как моль висящее в шкафу ни разу не надёванное платье. Вам ничего не надо делать, только сесть в автобус. Я всё для встречи уже приготовила. Пирог готов и тейглекс готовы, и немецкий шоколад в чемоданчике, и пара шерстяных носков на зиму. Сама связала. Так что жду вас завтра в восемь утра на автобусной станции. Только не опоздайте!

– А если Шлеймке ещё на этих манерах? Приедем, а его нет, – упиралась бережливая Роха, которой всегда было жалко на что-нибудь тратить собственные деньги и стыдно расходовать чужие.

– Ладно. Я лучше приду за вами на Рыбацкую улицу. Так будет верней.

Автобус, как всегда, опаздывал, и Хенка боялась, что Роха его не дожждётся и сбежит.

Когда он подрулил к остановке, будущая невестка помогла своей грузной спутнице подняться в полупустой салон и усадила её в первом ряду возле окна, чтобы Роха могла увидеть то, чего никогда не видела – деревенскую Литву – зелёные поля и холмы, речки и лесочки, придорожные распятия и вросшие, как деревья, в суглинок взъерошенные хаты.

Всю дорогу старуха не отрывала взгляда от запорошенного пылью окна, за которым проплывала незнакомая и непостижимая для неё, невольной домоседки, бедная страна.

– Ничего не скажешь, – красивая земля, – тихо, словно делись с Хенкой каким-то секретом, прошептала Роха. – Только люди такие же, как мы, бедняки.

– Да уж небогатые, – согласилась Хенка.

– А почему литовцы, если они такие же бедные, как мы, нас не любят? Что им евреи плохого сделали? Обшиваем их, тачаем им сапоги, бреем, стрижем, часы чиним...

Автобус трясся и подпрыгивал на неровной, ухабистой дороге. Роху подбрасывало на рытвинах, она горестно вздыхала, ойкала и обеими руками хваталась за Хенку.

Ответа на вопрос Рохи Хенка не нашла. Она сама не раз задумывалась, откуда эта извечная взаимная неприязнь.

– Может, оттого, что евреи всюду чужие, а чужого птенца даже голубка заклёвывает. Раз чужой, значит, нехороший... – сказала Хенка. – И вообще от бедности никто не добреет. Видно, так уж на свете заведено и всегда будет так, как было.

Роха насупилась и ни о чём больше Хенку не спрашивала. Мысль о том, что после совместной поездки в Алитус быстроглазая дочь Довида дождётся от Рохи согласия на брак с её царем Соломоном, эта мысль вдруг затмила мелькающие за окном красоты. Но не слишком ли рано Хенка радуется?

До Алитуса они доехали молча.

– Вы после этой сумасшедшей тряски ещё живы? – осведомилась Хенка.

– Как видишь, жива, хотя у меня все косточки растрясло. А от станции до казармы далеко?

– Не далеко, но и не близко. Пойдём туда медленно, с остановками. Где-нибудь по пути отдохнём.

Роха никогда ещё не была в таком большом городе, и всё вокруг привлекало её внимание – и массивные дома, и широкие, выложенные плиткой тротуары, и броские вывески, и нарядные жители.

– Мы не заблудимся? – спросила она Хенку.

– Не заблудимся.

– Я бы не хотела тут жить.

– Почему?

– У нас в Йонаве я знаю каждого – и литовца, и поляка, и еврея, – задумчиво сказала Роха. – Знаю, кто женится и кто разводится, у кого дома кошка и у кого во дворе на цепи злая собака. И меня все знают. А тут? Нет, я ни за что не хотела бы тут

жить.

Так, рассуждая о преимуществах родной Йонавы перед чужим Алитусом, они добрались до желанной цели.

Хенка слушала её и всматривалась издали в фигуру часового. Ни выправкой, ни ростом он не был похож на того коренастого солдата, который охранял вход в казарму в прошлый раз. Путая падежи и коверкая глаголы, Хенка объяснила долговязому неприветливому охраннику, что их сюда привело:

– Mes is Jonava.⁵

Долговязый стражник пренебрежительно оглядел их сверху донизу и без всяких объяснений, только по лицам, не характерным для большинства его сородичей, и по уродливому акценту догадался, к кому эти женщины прибыли.

– Jus pas eilini Saliamona?⁶

Хенка и Роха, как по команде, закивали.

– Atspejau. Jis cia pas mus vienintelis zydas.⁷

Из всей его речи Хенка и Роха поняли только слово «жидас», знакомое им чуть ли не с колыбели.

– Tuoju surasime⁸ – сказал он и скрылся в дежурке.

Через некоторое время вышел и сам рядовой Салямонас.

– Шлеймке! – крикнула Роха, как будто ему грозила смертельная опасность, и бросилась к нему.

Хенка стояла в сторонке и с удовольствием наблюдала, как та своими жилистыми руками мяла и комкала сына, словно праздничное тесто.

– Ей-богу, встреться ты мне на улице, я тебя, сынок, ни за что не узнала бы. Ты весь какой-то не такой. В военной форме и на еврея-то не похож, – не то нахваливала, не то подначивала его истосковавшаяся по сыну Роха. – А я еще, дура, ехать не хотела. Спасибо Хенке – насилу вытащила.

Рядовой Салямонас гладил её по седой взлохмаченной голове, по давно покоробившемуся лицу, как будто старался стереть врезавшиеся в него глубокие морщины, благодарил тёплым взглядом Хенку, прижавшую к своей полновесной груди, как грудного младенца, парусиновый чемоданчик.

Догадливый охранник, которому до призыва в армию в родной деревне под Рокишкисом или Купишкисом ни разу не доводилось видеть трёх евреев сразу, тарачился на них с

⁵ Мы из Йонава (*лит.*).

⁶ Вы к рядовому Салямонасу? (*лит.*)

⁷ Он у нас тут единственный еврей (*лит.*).

⁸ Сейчас найдём! (*лит.*).

изумлением.

– Давайте спустимся к Неману. Мы в прошлый раз так хорошо провели там время, – предложила Хенка. – Что мы стоим, как вкопанные?

– К великому сожалению, я не могу с вами пойти, – сказал Шлеймке. – Я сегодня дневальный.

Роха и Хенка растерянно переглянулись.

– Я сегодня отвечаю за чистоту и порядок во всей казарме. И через пять-десять минут обязан туда вернуться. Иначе я рискую попасть на гауптвахту. То есть в солдатскую каталажку.

– В тюрьму? Господи! – простонала Роха. – Я сюда свои кости еле доволокла, чтобы с тобой хоть часок побыть, а выходит, нам надо сразу отправляться обратно. Знали бы – не поехали бы. Письма не пишешь, не предупреждаешь. Сиди и думай, жив ты или нет...

– Виноват... – опустил покаянную голову Шлеймке. – Но вы же всё равно не можете мне ответить.

– Да, мы, безграмотные, писать не умеем, но наказывать нас за это молчанием не надо, – с укором сказала Роха. – Вернёшься домой – может, ты и нас, дурёх, научишь... Ладно – увиделись с тобой, и слава Богу, – промолвила она и обратилась к Хенке, великодушно уступая ей первенство во всём – в любви и в жалобах. – А ну-ка, быстренько выгружай все свои дары!

– Шлеймке, возьми всё, что мы привезли, заодно и чемоданчик. Мы ещё с мамой к тебе приедем, тогда его и заберём, – сказала Хенка, пытаясь как-то сгладить свою вину перед сникшей Рохой за то, что так неосмотрительно уговорила её пуститься в далёкий путь.

Автобуса в Йонаву пришлось ждать долго, и неудачницы не знали, как убить время. Они бесцельно бродили по незнакомому городу, пялились на витрины и вывески лавок и магазинов, заглядывали через открытые двери в парикмахерские, откуда пахло дешёвым одеколоном и где лихо ножницами и бритвами орудовали мастера-евреи, одетые в сверкающие белизной халаты. Забрели они и на городской рынок, уставленный крестьянскими телегами, и там глазами выискивали среди покупателей собратьев-единоверцев, которые в Алитусе попадались реже, чем в Йонаве.

Хенка вдруг вспомнила своего недавнего «поводыря» Гилеля Лейзеровского, его большую жену и кучу детей...

– В прошлый раз хороший человек мне помог найти Шлеймкин полк. Пусть Господь Бог за доброе дело одарит его таким же добром, да ещё с добавкой.

– Он, может, только на небесах одаряет, но не на земле. На

земле хозяин не Господь Бог, хотя Он её и создал, а всякие господа и господинчики, – сказала Роха-Самурай.

Хенка порывалась остановить какого-нибудь еврея, расспросить, где эта улица Кудиркос, и навестить Гилеля Лейзеровского, но не решилась, грешно было ещё больше утомлять Роху – опечаленная старуха и так еле держалась на распухших ногах.

На автостанции они присели на скамейку и стали покорно ждать рейса в Йонаву. Никогда ещё обе не чувствовали такую близость друг к дружке, как на этом пропахшем бензином и машинным маслом, захламленном окурками, обрывками бумаги и битым стеклом островке. Их объединяло даже молчание, ибо думали они об одном и том же – о любви, которая всё равно куда сильнее обиды на судьбу, не всегда благоволящую к тем, кто любит. Кто мог знать, что Шлеймке в этот день будет так занят на службе?

– Спасибо, Роха! – вдруг сказала притихшая Хенка.

– За что? – глухо отозвалась нахохлившаяся старуха.

– За реб Ешуа Кремнищера. Если бы не вы, что бы я сейчас в местечке делала? Улицы подметала бы, мыла бы полы у мельника Менделя Вассермана, сидела бы дома и под стук молотка до дыр просиживала своё платье? Спасибо вам и за то, что вы отважились сюда со мной поехать. Несмотря ни на что, я считаю, что мы с вами поехали не зря. Шлеймке будет легче служить.

– Это я тебя должна благодарить. По правде говоря, я о тебе раньше была не очень-то хорошего мнения. Не стану кривить душой, но я не собираюсь бить себя в грудь и просить у тебя прощения. На то я мать. Ты понимаешь, о чём говорю?

– Понимаю, – с каким-то несвойственным ей надрывом сказала Хенка. – Если когда-нибудь рожу и выращу такого сына, как ваш, я тоже буду желать ему в жёны не дурнушку, не нищенку, а красавицу и богачку. Мне тоже будет больно, если чужая женщина заберёт его у меня навсегда.

И тут подошёл автобус, не дав им договорить.

7

Путь домой показался им намного короче. Погружённые в свои раздумья, они и не заметили, как очутились в Йонаве.

До синагоги они шли вместе.

– Ты, конечно, к нему ещё поедешь. Но я больше трястись туда и обратно не в силах, – сказала Роха, обернувшись к Хенке перед тем, как с ней расстаться на перекрёстке.

– Конечно, поеду.

– Когда в следующий раз вернёшься оттуда, ты, конечно, придёшь к нам и всё без утайки доложишь. Пусть вблизи на тебя

посмотрит вся моя орава и послушает, как служится среди литовцев их братцу-кавалеристу.

Хенка долго смотрела в согбенную спину удаляющейся Рохи и до самой Ковенской улицы перекатывала в памяти её чистосердечные слова про «смотрины», сказанные ещё не надёжной сторонницей, но уже не заядлой противницей.

На работу Хенка вернулась в приподнятом настроении. Приглашение Рохи как бы заглушило чувство горечи от неудавшейся поездки в Алитус. Тепло её встретили и Этель с Рафаэлем.

– Енька! – закричал карапуз, побежал к ней и обвил пухленькими ручками её колени.

– Как там ваш солдат? – спросила Этель, которой нянька доверяла свои сердечные тайны.

– Хорошо. Годик ему ещё остался.

– Год быстро пролетит, – сказала Этель и пристыдила сына: – Рафаэль, перестань тянуть Хенку за подол. Настоящие мужчины себя при дамах так не ведут. Мама закончит разговор, и Хенка будет в полном твоём распоряжении.

– Соскучился малыш, – защитила его Хенка. – Да и я по нему соскучилась. Мы с тобой, Рафик, сейчас снова поиграем в кошки-мышки. Ты будешь котик, а я – мышка. Я буду от тебя убегать и прятаться, а ты будешь за мной гоняться и, когда я куда-нибудь спрячусь, ищи меня по всем углам.

– Как бы мышка ни пряталась, от зоркого Рафаэля она никуда не скроется, – подыграла ей Этель и спросила у Хенки: – А у твоего кавалериста есть уже какая-нибудь гражданская профессия?

– Да. Он портной.

– Так это же, милочка, великолепно. Без портных и короли, и нищие ходили бы голышом, либо в шкурах, как звери. В Париже портные зарабатывают бешеные деньги. Мсье Жак Левит, мой тамошний кутюрье, кстати, он родом из Литвы, в прошлом году сшил мне жакет и брюки и не постеснялся со своей землячки содрать очень даже приличную сумму. Может, и вы когда-нибудь скажете Йонаве «адю» и переберётесь жить во Францию.

– Да, но Шлеймке не знает ни одного слова по-французски.

– Иголка научит.

– И я никакого другого языка не знаю, – засмеялась Хенка. – Куда уж нам, неучам, в Париж. Дай Бог тут, в местечке, как-нибудь по-человечески устроиться.

Ей стыдно было признаться, что она и на идише пишет с

ошибками, без точек и без запятых, потому что начальной школы так и не кончила – надо было помогать измотанной постоянными родами матери ставить на ноги младших сестёр и братьев. Разве может понять, подумала Хенка, эта добрая обеспеченная женщина, которая шьет себе жакеты и брюки не у старика Гедалье Банквечера в Йонаве, а у мсье Жака Левита в Париже, что такое тюрьма бедности? Что это за неволя, из которой так трудно, а порой и до самой смерти невозможно вырваться на свободу?

Этель не стала с ней спорить о тяготах жизни и грамотности, но огорошила её неожиданным и заманчивым предложением:

– Это не беда, что ты не доучилась. Было бы только желание доучиваться. У меня масса свободного времени. Не знаю, куда его девать. Чтение любовных романов надоело. Я берусь тебя кое-чему научить. Учю же я каждый день своего капризного Рафаэля. Будет у меня не один ученик, а двое...

– Ну что вы, что вы! Спасибо. Вы только со мной намучаетесь. У меня такая тупая голова! В ней всё время сквозняки гуляют, они сразу всё выдувают из неё. А потом, простите, с кем я тут буду разговаривать по-французски, если вы отсюда с господином Ароном и вашим тестем уедете? С балагулой Пейсахом Шварцманом, с дамским парикмахером Рувимом Герцманом или с жестянщиком Лейзером Фердсманом, которые на идише-то говорят с ошибками?

После такого потешного, в рифму, перечисления знатоков французского языка в Йонаве Этель разразилась громким хохотом и долго не могла его унять.

– Ну и насмешила же ты меня! Давно так не смеялась.

– Енька, Енька, – нетерпеливо пропищал Рафаэль и снова вцепился в подол няньки, которая оставалась для него большой, приводящей сама себя в движение куклой. И кукла приступила к своим обязанностям. Пока мальчика не укладывали спать, она успешно исполняла роль преследуемой мышки, а он – грозного охотника-котика. А назавтра Хенка перевоплощалась в хитрую лису или пугливого зайца. И так изо дня день она была вынуждена изображать какого-нибудь обитателя зверинца, о котором слышала, но в котором никогда не бывала.

Но так уж вышло, что дом Кремницеров стал для Хенки не только местом службы, но и школой.

Деловитая Этель не терпела пустословия и по возможности стремилась как-то разнообразить свою бесцветную и монотонную жизнь невольной затворницы. Она с удивительным прилежанием и самоотверженностью взялась за обучение Хенки

письму и счету на обоих языках. Этель выписала из Каунаса учебные пособия, закупила карандаши и тетради, составила порядок проведения уроков: из них два часа в день – только с Хенкой, и ещё полтора часа после обеда по французскому языку – вместе с проснувшимся Рафаэлем. Так в живом и непосредственном общении и во взаимных разговорах, как учительница надеялась, они смогут усвоить гораздо большее количество незнакомых слов. Как подтрунивала над собой сама Этель, она неожиданно, к немалому своему удовольствию, превратилась из бездельницы-матроны в общую няньку.

– Как ты не на идише, а по-французски скажешь своему кавалеру «Шолем алейхем, мой милый», когда снова встретишься с ним в Алитусе? – бывало, спрашивала Хенку Этель.

– Бонжур, мон шер ами!

– Bravo! У тебя отличный слух и произношение. С этими словами ты уже во Франции не пропадешь.

Похвалы радовали Хенку. Но что за прок в восхвалениях, если чужой язык не понадобится ни ей, ни Шлеймке. Ведь в Париж, по бродившим в местечке слухам, порывается уехать не Шлеймке, а его рискованный брат Айзик. Но Хенка не хотела обижать Этель и лишать её развлечений. Богатые тоже нуждаются в жалости и сострадании. Все люди по-разному одиноки. Муж Этель, неутомный Арон, постоянно отсутствовал – ездил в портовые города – то в Мемель, то в Осло, то в Копенгаген, то в Марсель, то в Киль. А тесть Этель, набожный реб Ешуа, который относился к невестке с откровенным предубеждением за её вольнодумство и отказ посещать вместе с Рафаэлем синагогу, каждый день возвращался усталый из неприбыльной москательно-скобяной лавки и уединялся в своей комнате. По вечерам он менял обычные очки в роговой оправе на окуляры с увеличительными стеклами, доставал из старомодного, как и он сам, шкафа, подарочное издание «Танаха» в тиснёном золотом переплёте и перед тем, как отойти ко сну, переселялся до полуночи из семейного двухэтажного особняка на священные страницы Книги книг. До рассвета он как бы выходил из литовского подданства и перебирался в Иудейское царство, праотчество всех мёртвых и живых евреев.

– Сколько осталось твоему солдату служить? – поинтересовалась как-то после урока Этель.

– Чуть меньше года.

– Уже немного.

– Для кого, прошу прощения, немного, а для кого много, – сказала Хенка.

– Прости, что я тебя допрашиваю. Но меня очень интересует, что вы будете делать, когда он вернется?

– Жить. И если он не передумает, поженимся. Он будет шить, а что я буду делать, и сама не знаю. Рафаэль подрастет, и я стану вам не нужна. – Хенка вскинула голову, поправила волосы, глаза её расширились, как будто она пыталась разглядеть будущее: – Буду нянькой своего мужа, его верной служанкой, его кухаркой...

– Всю жизнь?

– Может, и всю. По-моему... – Хенка вдруг осеклась. – До сих пор не знаю, как я должна к вам обращаться?

– Зови меня Этель. Этя. Этка. Как тебе удобнее. Я не барыня.

– По-моему, – продолжала Хенка, – не так важно то, что человек делает и на каком языке говорит.

– А что важно?

– Может, я сейчас глупость скажу. Но я так думаю.

– Скажи! Я тоже нередко говорю глупости. От глупости никто не застрахован.

– По-моему, самое важное, чтобы тебя любили. И чтобы ты кого-нибудь любил. На свете много чего – и народов, и языков, и богатства, и красот всяких, а вот любви – меньше всего.

– Вот это да! – выдохнула Этель.

Она не могла взять в толк, откуда у малограмотной дочери местечкового сапожника в её двадцать лет такие мысли, такая выстрадавшая убежденность? Что она видела на своем веку? Париж, Лондон, Берлин? Что читала? Шекспира, Шиллера, Сервантеса? Кто равнодушием или злобой успел ранить её душу? Этель слушала Хенку и проникалась к ней ещё большим уважением, сравнивала её взгляды со своими несбывшимися мечтами и надеждами. Уже в первые дни Господнего творения на земле меньше всего было любви, а больше – вражды и ненависти, зависти и лицемерия. Любви не хватает на белом свете и доселе, недостает её и в этом тихом и с виду благополучном местечке, где Этель вроде бы катается, как сыр в масле. Побольше бы любви, обыкновенной любви, безгласно повторяла она неподвижными, плотно сомкнутыми устами.

Когда Хенка собиралась, как обычно после службы, уходить домой, Этель её попросила задержаться:

– Останься! Может, сегодня ты не откажешься, и мы вместе поужинаем. Ты ведь до сих пор как следует мои поварские способности не оценила.

– Ещё как оценила.

– Посидим, потолкуем.

Хенка смутилась, ведь ужинать она привыкла не у Кремницеров, а дома, но приглашения не отклонила. Да и как его отклонишь, если тебе оказывают такую честь, хотя по договору Хенка имела право кушать то, что едят и сами хозяева.

– Сейчас я накрою на стол на три персоны, позову тестя, и мы устроим пир. Мой тесть очень интересный собеседник и широкой, щедрой души человек.

Стол был накрыт вышитой полевыми цветами скатертью. Этель аккуратно расставила приборы – тарелки с золотистыми каёмками, вилки и ножи с костяными ручками, такие до службы у Кремницеров Хенка и в глаза не видела.

Этель осторожно постучалась в комнату тестя. Но вскоре вернулась оттуда одна.

– Реб Ешуа последнее время себя неважно чувствует, – сказала Этель. – У него грудная жаба и большая печень. Но он всё же обещал ненадолго выйти. А сейчас я принесу первое блюдо. Ты ведь, кажется, ещё ни разу мои вечерние яства не пробовала...

– Я знаю, что вы прекрасно готовите, Этель.

– Арон говорит, что я лучший кулинар во всём каунасском уезде.

– Он говорит правду, – польстила ей Хенка.

Пока Этель возилась на кухне с первым блюдом – салатом оливье, – из своей комнаты в длинном атласном халате, перепоясанном широким поясом, вышел ссутулившийся реб Ешуа Кремницер.

– Что-то мне, детка, неможется. Видно, без доктора тут уже не обойтись. Давит грудь, колики в правом боку, – пожаловался он Хенке. – Если я слягу, то кто вместо меня торговать будет? Ведь только в субботу со спокойным сердцем можно закрыть лавку, только в святую субботу, на еврейские праздники и в семидневный траур по хозяину-покойнику. Но пока я ещё, слава тебе Господи, не покойник, ещё копчу небо.

– Что вы, реб Ешуа, говорите! Живите до ста двадцати лет!

– Сойдемся с тобой на девяноста. У меня нет возражений.

– И я согласна, – подхватила Хенка.

– Торговец приучен всегда делать скидку. Я, деточка, не жадный. Надо не жадничать и другим оставлять хотя бы пару лишних годочков, сверх того, что им выделил наш милосердный Господь Бог. – Реб Ешуа Кремницер мало ел, охал, кряхтел, ёрзал на стуле и наконец встал из-за стола.

– Спасибо, Этель. Было очень вкусно. Но переждать на ночь вредно.

– Вы же ничего не ели, – упрекнула его Этель. – Как вы будете здоровы?

– Ел, ел. Как всегда, было очень вкусно. – Реб Ешуа перевёл дух и, глядя исподлобья то на примолкшую за трапезой Хенку, то на озабоченную его здоровьем невестку, промолвил: – А что, если я попрошу нашу милую нянечку, чтобы она мне, своему рекомендателю и заступнику, оказала услугу и на недельку заменила меня?

– Как заменила? Где заменила? – не сразу сообразила Этель.

– Постояла бы за меня за прилавком. Господь свидетель, я забочусь не о прибыли и не боюсь убытков. Мне просто кажется, что я скорее выздоровею, если моя лавка будет открыта, и кто-нибудь по-прежнему будет в ней торговать и торговаться. К больным продавцам покупатели не ходят. Кому охота вместе с амбарными замками и дверными защёлками приобрести впридачу ещё какую-нибудь неизвестную болезнь.

– Может, завтра вам станет лучше... – сочувственно предположила Этель.

– Может. Но я, Этель, на это «завтра» никогда в жизни не надеялся. Будущее – самый ненадёжный еврейский банк. Евреи вкладывают в него все свои надежды, а потом оказываются полными банкротами...

– Справишься с ролью продавщицы? – спросила Этель у Хенки. – С моей стороны никаких возражений.

– Не знаю. Я никогда ничего не продавала. Если не справлюсь, уволите меня.

– Научишься! – обнадежил её реб Ешуа. – Ты же не земельные участки будешь продавать, не дома, не корабельный лес, а мелочь: замки, защёлки, краски, клей. Я давно сбыв бы кому-нибудь свою лавку за бесценок, но я хочу общаться с людьми. Хочу, чтобы они ко мне приходили, называли меня по имени, чтобы я им отвечал, потому что пока глаза видят в зеркале не только самого себя и уши слышат не только свои собственные стоны, ты ещё жив и, может, кому-то нужен. Ты, Хенка, не бойся, я уверен, что всё у тебя получится.

– Я не боюсь. Бояться надо, когда рожаясь, а не тогда, когда что-то продаешь.

– Это, во-первых. Во-вторых, это же не навсегда. Реб Ешуа поправится, и ты к нам вернешься, – ободрила няньку Этель.

Хенка, как и Этель, надеялась, что старик победит свои недуги и вернётся в лавку. Но её не оставял страх – а вдруг, не приведи Господь, реб Ешуа возьмёт и преставится. Тогда рухнет

всё. Арон Кремницер с почестями похоронит отца на местечковом кладбище, поставит памятник из чистого мрамора, продаст кому-нибудь, тому же самонадеянному пузырю Каплеру, москательско-скобянную лавку и бакалею, даже дом, сложит чемоданы и укатит с Этель и Рафаэлем в свой ослепительный Париж. А она, Хенка, как говорит её боевитый младший брат Шмулик, останется на бобах, ибо нрав богатых не изменить – они всегда стараются надуть бедных.

– К тому, что ты получаешь за Рафаэля, я буду доплачивать ещё двадцать литов в неделю, ну, а уж если совсем расхвораюсь и не смогу вернуться в лавку... – недоговорил охрипший реб Ешуа.

– Соглашайся! А мы тебя с Рафаэлем будем ждать, – сказала деликатная Этель.

И Хенка сдалась.

Каждый вечер она приходила к своему благодетелю Кремницеру, приносила из лавки мизерную выручку за день и ещё час-другой играла с Рафаэлем, водила его на прогулку, качала в опустевшем дворе гимназии на качелях. А когда Этель в гостиную зачитывалась новым французским романом о несчастной любви, Хенка в детской укладывала мальчика спать и рассказывала ему сказки собственного сочинения или пела на идише печальные колыбельные песни. Может, он все-таки вырастет не французом, а евреем.

Реб Ешуа не мог нарадоваться на Хенку и щедро осыпал её комплиментами.

– Из тебя получится замечательная продавщица. Сможешь работать в любом крупном и доходном магазине. Хоть и в здешнем филиале сети столичного «Розмарина» у Исера Шнейдермана.

Сеть магазинов колбас и сосисок Исера Шнейдермана была самой большой в Литве.

Восторги реб Ешуа её не столько радовали, сколько смущали. Она, конечно, обязана ему жалованьем няньки, благодарна за доплату, но ей хотелось как можно скорее оставить лавку и вернуться к своему кудрявому барашку – Рафаэлю.

Однако возвращение реб Ешуа в лавку затягивалось. Болезнь оказалась серьёзной. Доктора Блюменфельда, который одновременно лечил и людей, и – за неимением в местечке ветеринара – животных, все евреи и христиане считали святым человеком, спустившимся в Йонаву по велению Господа с небес. Сорок лет он безвыездно и почти безвозмездно хлопотал тут над больными и увечными. Закоренелый холостяк, второй после местечкового ксендза Вайткуса не вкусивший супружеских радостей, он никогда не брал у бедняков за визит и даже частенько

покупал им лекарства, которые сам и прописывал. Со своим потёртым чемоданчиком Блюменфельд приходил к больному по вызову в любое время суток. Он-то и посоветовал Этель отвезти тестя в столицу и показать какому-нибудь профессору в Еврейской больнице. Этель телеграммой вызвала из Копенгагена Арона, и они, не раздумывая, отвезли старика в Каунас. Реб Ешуа госпитализировали, и только через два месяца доктора справились с болезнью – острым воспалением поджелудочной железы. После выписки здоровье благодетеля Хенки стало медленно поправляться, но за прилавок он уже не встал. Заботливый Арон предложил продать лавку, но отец решительно отверг его предложение. Когда умру, сказал, тогда и продадите.

Не потому ли решение больного реб Ешуа доверить ключи от лавки Хенке, которая уже больше двух месяцев работала в его доме нянкой, не явилось для земляков неожиданностью? Старик вместо себя ни вора, ни растратчика за прилавок не поставит.

Одной из первых в лавку к сменщице-продавщице нагрянула Роха-Самурай. Верная своей привычке резать правду-матку в глаза, она чуть ли не с порога выпалила:

– Торговать замками да уздечками – конечно, лучше, чем вытирать попу чужому ребёнку. Но с торговлей шутки плохи. Ты что – с ума сошла? Деньги надо уметь считать. Особенно чужие. Хочешь в холодную попасть? Тогда уж моего сыночка точно не дождёшься.

– Дождусь, – отрезала Хенка. – Может, в рай не попаду, но уж в тюрьму – никогда. Меня счету и письму, если хотите знать, госпожа Кремницер научила. Я не такая дуручка, как некоторые думают.

Об уроках французского Хенка благоразумно умолчала.

– С тех пор, как ты стала «владелицей» лавки, ты очень нос задрала, ни разу к нам не удосужилась зайти, ни о чём не догадалась спросить, надеялась, что тебе какой-нибудь воробей принесёт в клювике новости и прочирикает их над твоим малюсеньким ушком. Ты даже не знаешь, что в Алитус уже больше ездить не надо, – не то с сожалением, не то со злорадством произнесла Роха.

– Что, Алитус, как и Вильнюс, заграбастали эти захватчики-поляки?

– Уж ты у Кремницеров больно ученой стала! Ты сначала спроси, почему туда ездить не надо, а потом уж бросайся словечками про захватчиков-поляков.

– Почему? – уступила её напору Хенка, чувствуя свою вину – она и впрямь давно к ним не заходила, не спрашивала, не хотела мозолить глаза, ведь она ещё не невестка...

– Полк Шлеймке перебросили поближе к нам, к Йонаве, – сказала Роха, – в небольшой городок под самым Каунасом – в Жежмаряй. Так он написал нам. Почему перебросили, понятия не имею. Пока, пишет, это секрет... по-ихнему, военная тайна. Если встретите Хенку, пишет, передайте ей мой привет и благодарность за шерстяные носки, они, пишет, греют, как печка, очень тёплые.

– Хорошо, что связала не узкие, – сказала виноватая Хенка.

– Ты, похоже, ещё до свадьбы все его размеры изучила... – поддела её Роха.

– Вы, Роха, порой такое скажете, что и у глухого лицо алой краской зальёт.

– Не строй из себя ханжу... Пора привыкнуть ко всем словам – и пресным и солёным, – улыбнулась не улыбочивая Роха. – Слава Богу, скоро наш солдат перестанет расчёсывать эти конские хвосты и чистить эти зловонные казармы. Отслужит свой срок и с миром на Хануку вернётся восвояси.

8

До светлого праздника Хануки было чуть больше полугода, и Хенка рассчитывала ещё навестить своего возлюбленного в воинской части. Тем более что от Йонавы до Каунаса в погожий день можно добраться на попутной телеге и даже заночевать у дальних родственников отца – скорняков Дудаков, которые жили не в самом городе, а в предместье Шанчяй.

Всё складывалось у Хенки как нельзя лучше: и дорога до любимого кавалериста сократилась, и реб Ешуа вроде бы чуть-чуть поправился и, может, снова примет бразды правления в лавке, да и отношения с переменчивой, как погода, неуступчивой Рохой – тьфу, тьфу, тьфу, не слазить бы! – наладились.

И вдруг всё обрушилось.

– Что ни день, то какая-нибудь громкая новость. Это, правда, случится ещё не сегодня и не завтра, – сказала Этель. – Но, нас, Хенка, кажется, ждут большие перемены.

Хенка затаила дыхание.

– Арон считает, что дальше полагаться только на доктора Блюменфельда при всех его несомненных достоинствах нельзя. Реб Ешуа серьёзно болен и нуждается в опеке более опытных врачей. Поэтому он категорически настаивает на том, чтобы мы продали дом и лавку и переехали куда-нибудь в Европу – если не во Францию, то в Швейцарию или в Италию. Там и медицина на высоте, и воздух, как бальзам.

– Там, конечно, хорошо, – не выдавая своего замешательства, пролепетала Хенка.

– Будь моя воля, – продолжала Этель, – я бы и тебя с собой прихватила. Ты не только замечательная нянька. Ты хороший человек. И даже уже немного знаешь по-французски.

И Этель плутовато рассмеялась.

– Спасибо, – сказала Хенка. – Вы меня чересчур хвалите. Я этого никак не заслуживаю...

– Но ты, наверно, все равно не согласилась бы всё бросить и уехать отсюда.

– Ни за что.

– Я тебя понимаю. Как ни крути, а самая лучшая страна на свете – это любовь. С начала и до конца жизни её населяют всего два жителя, но эту страну умные люди на другие страны не меняют. Если, конечно, в ней царят мир и согласие. – Она вдруг запнулась от своей высокопарности, вынула из сумки гребень, долго и задумчиво зачёсывала русые волосы и, как бы извиняясь за свою откровенность, сказала: – Правда, всё ещё может измениться. Мой тесть упрям и тверд, как кремь. Только Богу известно, какие искры из этого кремня можно высечь. Он твердит и твердит: «Вы, пожалуйста, уезжайте куда хотите, а меня, будьте любезны, оставьте наедине с моей лавкой и позвольте мне умереть тут, в Йонаве, лечь на здешнем кладбище рядышком с моим отцом Довом-Бером, с моей матерью Голдой, моей сестрой Ханой и всеми моими покупателями, да будет благословенна их память».

– Енька! – раздалось из детской.

Забавляя Рафаэля, Хенка то и дело возвращалась в мыслях к тому, что узнала от его доброй, но не очень счастливой мамы. В этой безграничной стране любви Этель подолгу жила в полном одиночестве, чаще, чем вдвоём с Ароном, занятым банковскими счетами, векселями, кредитами. Всё на свете смертно, любил он повторять, кроме денег. Деньги бессмертны. Арон, как тот корабельный лес, сплавляемый плотогонами по Вилии и Неману его заказчикам, куда-то сам все время плыл, минуя Йонаву, отца, Этель и любимого наследника. Думала Хенка и о старом, немощном реб Ешуа, который засыпал за прилавком и, когда покупатели его будили, отряхивался от храпа, как облитая ледяной водой дворняга.

Жалко расставаться с такими добрыми людьми, но Хенка за границу с ними отправляться не собиралась. Уедут – так уедут! Счастливого им пути! Она пойдёт к тому же скопидому мельнику Вассерману или к доктору Блюменфельду – квартиры убирать, полы мыть, бельё стирать. Работы бояться только побирушки, которым легче протянуть руку за милостыней, чем взять в руку иглоку или шило, рубанок или молоток. Чего Хенка и впрямь всерьёз боялась, так это неожиданных вестей. От евреев ничего не

скроешь, ибо у них издревле изощрился слух и обострился нюх на все хорошие и дурные известия. А уж если весть плохая, по еврейскому миру она распространяется с быстротой молнии.

Плохая весть свалилась на Хенку, как только она пришла домой.

– Ты, наверно, уже слышала, что брат твоего солдата навсегда покидает Литву, – сообщил ей отец Шимон, не отрывая взгляда от чьей-то рваной подошвы.

– Айзик?

– Он самый. Что и говорить, этому парню в смелости и решительности не откажешь, – пробурчал Шимон. – Айзик первый в местечке еврей, который решил, что лучше быть скорняком в Париже или в Берлине, чем тут, в нашем захолустье. У нас – овчины, у них соболя меха. Там и цены за выделку кожи другие, и воздух другой, и всё пахнет иначе.

– Но он же ни с кем не сумеет договориться.

– Всё равно там всё иначе. А где иначе, там уже лучше. Сначала Айзик будет выделывать кожи для евреев, которые не забыли маме-лошн, а потом и для французов. В молодой голове всегда умещается больше, чем в старой. Уместится в ней со временем и этот нелёгкий французский язык.

– Шлеймке, видно, из армии не отпустят, схожу-ка я к ним и попрошаюсь с Айзиком за себя и за него.

– Из армии солдат отпускают только на похороны родителей, – сказал Шимон.

– А это и есть похороны. Для Рохи и для Довида. А ещё поговаривают, что и Лея собирается.

– В Париж?

– В Америку.

– Да, Рохе и Довиду не позавидуешь. В моё, уже давно минувшее время дети были, как арестанты. От родителей – никуда. Ни шагу. Где родился, там, будь добр, живи и помри. А теперь никого в кандалы не закуёшь – выхлопчи шифскарту и дуй на пароходе или на самолёте куда тебе заблагорассудится. Хоть в Париж, хоть в Америку, хоть в Аргентину, хоть в Палестину к туркам. Может, ты со своим дружкой тоже когда-нибудь от нас упорхнёшь. А за вами, как журавли за вожаком, потянутся ваши братья и сёстры. Только мы с мамой, как замшелые придорожные камни, останемся на месте – камни же не плавают и не летают...

– Нет, – сказала Хенка. – Мы останемся.

– Не зарекайся. Человек предполагает, а Бог располагает. – Шимон набрал полный рот шпилек и, выплёвывая их по одной на ладонь, принялся прибивать к изношенному ботинку набойки. –

Представляю, как из-за отъезда Айзика переживает бедная Роха, – прошепелявил он. – Ведь у родителей лишних детей не бывает. Можно сорить деньгами, а детьми – великий грех. Сходи к Рохе, обязательно сходи и утешь её; кто знает, может, она и в самом деле станет твоей свекровью и бабушкой твоих детей. Ты от своего солдата, я думаю, народишь их не меньше дюжины. Твой парень с виду работник, не ленивец.

И, довольный своей шуткой, Шимон хихикнул.

– Видно будет. Но я постараюсь. Дюжину не дюжину, а парочку, наверно, рожу. Не для Америки и не для Аргентины, а для вас, – с грустной улыбкой пообещала Хенка.

Возле дома Рохи решительности у Хенки поубавилось, и она в растерянности остановилась. Неуживчивый, строптивый нрав её будущей свекрови в местечке ни для кого секретом не был. Она бывает то необыкновенно покладиста, хоть к ране прикладывай, то зла, как ведьма, и от злости может и наотмашь ударить. Недаром доктор Ицхак Блюменфельд, лечивший всех её малолетних детей и увлекавшийся на досуге изучением истории далекой Японии, где мечтал хоть разочек и сам побывать, наградил ещё в молодости Роху японским прозвищем – Самурай в юбке. Прозвище прилипло, хотя никто не знал, что оно обозначает, но все понимали, что в нём кроется какой-то нелестный, даже воинственный смысл...

Хенка колебалась: зайти – не зайти, ибо знала, что Роха ценит сочувствие, но не терпит, когда её утешают при свидетелях или при родичах, которых она постоянно обвиняла в черствости и равнодушии. После недолгих колебаний Хенка всё-таки решила постучаться в дверь, но под другим предлогом, словно про отъезд Айзика ей ничего не известно.

В доме кроме Рохи и Довида никого не было. Казалось, что все вдруг сговорились и уехали следом за Айзиком в Париж.

– Здравствуйте, – сказала Хенка.

– Здравствуй, здравствуй! С чем пожаловала? Может, письмо от Шлеймке пришло?

– Нет.

– Чего ж ты тогда разгуливаешь по местечку, мальчишку не нянчишь? Сегодня же не суббота, не выходной день.

– У Рафаэля ветрянки. Решила у вас спросить, каким отваром вы лечили своих мальчиков в детстве?

– Отваром петрушки.

– Я скажу об этом Этель. Доктор Блюменфельд прописал Рафаэлю какие-то таблетки, но сыпь у мальчика пока не проходит...

– Не придуривайся! Я по твоим глазам вижу – врешь, солнышко, и не краснеешь от стыда. Ты же сюда пришла не из-за

ветрянки. Ведь не из-за ветрянки? Признавайся! Хитрить ты, видно, всё равно уже не научишься.

– И ещё я, конечно, хотела попроситься с Айзиком и пожелать ему счастья от имени его брата, которому не позволили покидать свою часть. Казарма – это вам не молельный дом, хочешь – приходи, хочешь – уходи, – промямлила Хенка.

– Проститься и на всякий случай кое-что у Айзика выведать, – сказала Роха. – Не так ли? Только, ради Бога, не ври и не выкручивайся. Хитрости у тебя ни на грош.

– Что выведать? – не на шутку перепугавшись, спросила Хенка.

– Что выведать? Как от матери и отца сыночки и доченьки дёру дают. Может, и вы с моим дорогим Шлеймеле уже тайком надумали крылышки поднять.

– Ничего мы не надумали. Мы никуда не уедем, останемся тут. Честное слово, мы вас никогда, никогда не бросим... – Жалость к Рохе вдруг захлестнула её, и она заговорила с какой-то непривычной непринужденностью и опасливой раскованностью. – Я понимаю. Вы сейчас никому на свете не верите. Вам больно. А боль, по-моему, сильнее всякой веры. Но если, Бог даст, мы поженимся, то будем с вами до конца...

– До чьего конца? – сверкнула мечом Роха-Самурай.

– Может, я не так сказала. Вы уж простите меня. Это у меня от волнения...

– Ты правильно сказала. Это большое счастье, когда твои дети вместе с тобой до конца.

Роха прослезилась, краем юбки вытерла глаза, зашмыгала выгнутым, как изогнутый птичий клюв, носом и тихо промолвила:

– Я десять раз рожала. Рожала для себя, а не для Франции и не для Америки. Шестеро из десяти выжили. Я думаю, Господь Бог не должен быть на меня в обиде, я плодилась и размножалась. Но пусть не покарает Он меня за мои слова, я в обиде на Него самого и со своей обидой ничего не могу поделать, она меня, как червь, точит. Почему Он сейчас отнимает у меня моих детей? Почему?

Хенка не смела рта раскрыть, стояла перед Рохой навтыжку, как стояли напротив литовской гимназии одетые в новёхонькие мундиры еврей-пожарные при исполнении государственного гимна во время приезда президента в Йонаву.

– Почему, скажи мне, Всевышний не понимает того, что ты, Хенка, понимаешь с полуслова? Не знаешь? Так я тебе отвечу. Потому что Господь – мужчина, а ты – женщина, которой предстоит рожать. И ещё потому, что своих детей ты будешь носить не в плетёном лукошке, как грибы-лисички, а под самым сердцем. А,

может, ещё и потому, что мне иногда кажется, что у Владыки мира вообще нет сердца. Господи, прости меня, грешницу, за моё кощунство и непотребство. Прости. Но кто мне докажет, что это не так?

– Как шутит мой отец, Господь наш слишком высоко забрался. Попробуй из такой дальней дали каждого из нас услышать. Если бы Он, как птица, мог спуститься и сесть на нашу прохуdivшуюся, с закопченным дымоходом крышу, мы бы точно до Него докричались. А сейчас кричи не кричи, толку никакого.

– Твой родитель не дурак. И ты, честно говоря, стала мне в последнее время всё больше нравиться. Раньше казалось, что ты такая пустышка, вертихвостка, а сейчас, вижу, ты девушка серьёзная, работающая, не лживая. Может, ещё в няньки сгодишься не только этому барчуку Рафаэлю Кремницеру, но и своему муженьку. Только с теми, кто хитрее тебя, никогда в хитрюльки не играй! Проиграешь начисто. Ветрянка, видишь ли... Доктор Блюменфельд... таблетки... отвар...

– Поняла, – сказала растроганная Хенка. – А вы, пожалуйста, так не терзайтесь. Айзик вас любит, он будет вам из Парижа письма писать, посылочки посылать, приезжать в гости.

– Если и дальше так пойдёт, будут у нас гостевые дети и внуки... Хорошо ещё, когда тебя покидает один. А если за Айзиком в очереди уже ещё двое стоят?

Хенка оцепенела.

– И Лея собирается. Не в Париж, а за океан. И Мотл, но тот, слава Богу, нацелился со своей Сарой на Каунас. Только мой бедный Иоселе уже никуда из психушки в Калварии от нас не уедет. Беда одна не ходит. Всегда в обнимку с другой бедой. Ну вот, мы и поговорили по душам. Теперь вся надежда на Шлеймке и на тебя.

– На меня?

– На тебя. Только ты можешь его удержать.

Хенка собиралась ей ответить, но не успела. Из соседней комнаты вышел в кожаном рабочем фартуке поджарый Довид. Вид у него был необычный: соскользнувшие на самый кончик мясистого носа очки на тонкой верёвочке; рыжая, посеребренная сединой козлиная борода; продолговатая плешь на бугристой макушке.

– Дай-ка и я на тебя взгляну. А ты, скажу тебе откровенно, совсем ничего себе... ладненькая, складненькая и сладненькая, как пирожок с маком...

– Старый дамский угодник! – пригасила его пыл Роха. – Чего работу бросил? Наверно, тихонечко стоял за дверью и наш

разговор подслушивал?

– Роха! Кто же подслушивает птицу? Человек птицу слушает. Пусть меня Хенка простит за мою грубость, но мужчину от Парижа или от Америки удерживают не уговоры, не мольбы, а ежовые рукавицы жены и постель. Это проверено веками. Да ты и сама мою правоту подтвердить можешь. Ведь ты эти рукавицы никогда не снимала. Крулый год их носила и в стирку никогда не отправляла, – Довид кончиком своего лоснящегося носа указал на жилистые руки своей многолетней спутницы.

– Вы только посмотрите на этого мудреца! Ишь, какой знаток женщин вдруг объявился! – возмутилась Роха. – Ступай к своему шилу и молотку, да поскорее! А мы уж без твоих советов как-нибудь обойдемся.

Довид развёл руками, поклонился Хенке и поплёлся назад в свою каморку.

– Ежовые рукавицы и постель! И только! – бросил он, обернувшись в занавешенных покрывалом дверях. – Они сильнее всех уговоров!

– Он, видно, от этого вечного стука молотком по стоптанным подошвам уже совсем рехнулся. Но иногда я могу, скрепя сердце, с ним и согласиться, – защитила Роха своего Довида. – Жена действительно должна быть твёрдой. С размазней мужики долго не живут. – Она поднялась со стула, давая понять, что разговор окончен. – Если хочешь пожелать Айзику счастливого пути, приходи в воскресенье в два часа дня на железнодорожную станцию.

– Приду. Обязательно приду.

Проводы Айзика были весьма скромными – семья, Хенка да местечковый нищий Авигдор Перельман по кличке Спиноза, обычно присутствовавший на всех свадьбах, похоронах, встречах и расставаниях в расчете на большое скопление жалостливых евреев. На свадьбах он вместе с новобрачными лихо отплясывал; на похоронах с осиротевшими родственниками скорбел и ронял на свежий могильный холмик увесистую слезу; на проводах уезжавших из местечка за океан или в другую дальнюю страну он на виду у оставшихся на перроне родителей неистово махал своей длинной, взывающей к милосердию рукой.

– Если отсюда все уедут или разбегутся, кто же подаст бедному человеку? – нараспев повторял он.

Роха обжигала его своим орлиным взглядом японского самурая. Но он не унимался:

– Неужели мне придётся просить милостыню не у своих братьев-евреев, а у гоев? Стыд и позор!

А Хенка слушала завывание требовательного, как все на свете еврейские нищие, Перельмана и думала о том, кто же подаст несчастным родителям. Не литами, а надеждой и состраданием.

Поезд на станции Йонава стоял всего одну минуту, и проводящие, опережая друг друга, спешили на прощание обнять и поцеловать Айзика.

Не прошло и полугода, как, не дождавшись возвращения с армейской службы брата-конника, родные пенаты покинула и устремилась за счастьем в золотоносную Америку и непреклонная Лея.

Провожали её на том же травянистом перроне неказистой железнодорожной станции и в том же составе, только без Авигодора Перельмана, видно, безоговорочно и окончательно разочаровавшегося в щедрости и великодушии еврейского народа.

Когда раздался зычный гудок паровоза, и в оконце уходящего вагона мелькнула виноватая улыбка Леи, Роха не выдержала напряжения и упала в обморок.

– Роха! Роха! – закричал Довид, и слёзы льдинками застыли в его рыжей бороде.

Её с трудом привели в чувство, Довид и Мотл под руку довели беднягу до дому на близкую Рыбацкую улицу и уложили в постель. У Рохи кружилась голова, в полубреду она почем зря поносила совратителей её детей – Париж и Америку, улетала вместе с душевнобольным Иосифом из Калварии туда, где растут пальмы и кипарисы, но чаще всего требовала от темноты, нависающей над кроватью грозовой тучей, ответа на вопрос, зачем и для кого она чуть ли не целую дюжину детей-кочевников родила?

Младший, Мотл, сбегал за врачом.

Доктор Блюменфельд, которого в местечке называли не по его библейскому имени – Ицхак, а из почтения – по фамилии, достал из неразлучного чемоданчика свою волшебную трубочку и воткнул её концы в свои заросшие волосами уши. Он послушал, что у Рохи происходит внутри и, когда ничего серьёзного там не обнаружил, принялся постукивать молоточком по сморщенным коленкам больной, а затем заставил её проследить глазами за движением – влево, вправо – его ловкого, как у фокусника, указательного пальца и почему-то проверил зрение.

– Нервы у вас, дорогая, шалят. Я выпишу вам успокоительные таблетки. Недельку придётся полежать в постели, и ни в коем случае не волноваться. Ко всему, что происходит на свете, надо относиться по-философски. Мы при наших возможностях Господний мир к лучшему не изменим. Только своё здоровье подорвём. Как бы мы ни желали его переделать, мы можем только

чутьочку почистить самих себя. И запомните, пожалуйста: родители своих любимых отпрысков получают не в вечное пользование, а только в кредит, который всегда приходится возвращать – чужой женщине, чужому мужчине, чужой стране и так далее. От того, что вы будете рвать волосы на голове, ничего не изменится. Своих любимцев всё равно не вернёте, только себе навредите.

– Спасибо, доктор, – сказала Роха, не уразумев, о каком кредите Блюменфельд говорит, и благодарно добавила: – Довид вам за ваше внимание и труд даром починит две пары ботинок.

– Это уже, госпожа Канович, слишком большая плата за мой визит, я столько никогда не беру, – пробормотал доктор Ицхак Блюменфельд, аккуратно сложил свои причиндалы в чемоданчик, пожелал больной здоровья и, приподняв шляпу, церемонно откланялся.

Возвращаясь от Кремницеров, Хенка всегда навещала Роху и варила обед, который назавтра под присмотром Довида разогревали младшенькие, Хава и Мотл; ходила в бакалею за продуктами, в аптеку за лекарствами; допоздна сидела у постели, утешала больную, делилась с ней горячими местечковыми новостями и слухами.

– Сам Бог тебя, Хенка, послал! – не жалела добрых слов Роха. – Но скажи, почему я такая несчастная? Почему? Двое уже от меня укатили, один, Иосиф, оказался в Калварии, в сумасшедшем доме. А ведь был такой тихий, такой хороший и ласковый. И надо же – вообразил, что он не человек, а крылатая птица, что должен жить не под крышей, а на деревьях. В начале лета я к нему ездила. Иосиф меня узнал и сказал: «Разве, мама, тебе не надоело тут жить? Давай улетим с тобой на юг, где тепло и растут пальмы. Я туда каждую осень улетаю. Как только подует северный ветер, я тут же расправляю свои крылья и – в небо». – «Но у меня, Йоселе, нет крыльев». – «Если ты очень захочешь улететь, они у тебя вырастут».

Хенка тяжело вздохнула и прошептала:

– А мы ведь с ним одногодки и даже родились в один и тот же день.

– Господи, за что мне такие кары? – простонала Роха. – За что?

– Вам доктор запретил волноваться. Иначе вы не поправитесь. Лежите спокойно и ни о чём плохом недельку не думайте.

– Доктор запретил мне волноваться. Лучше бы он мне вообще запретил жить.

– Пожалуйста, ради всех ваших близких успокойтесь. На Хануку вернётся Шлеймке. Будет у вас в доме настоящий

помощник. От Леи и Айзика придут первые письма о том, что они хорошо устроились, что вас не забыли.

– Наверно, с три короба наплетут о своих успехах, врать они оба мастаки, – окрепшим голосом произнесла Роха.

– Зачем им врать? О плохих делах родичи обычно помалкивают, но охотно хвастаются своими удачами. А через год-другой, глядишь, кто-нибудь из них соскучится и пришлёт вам приглашение в гости. В Париж, где жили короли, и где живёт самый богатый еврей на белом свете барон Ротшильд.

– Не нужен мне никакой Париж с его королями и Ротшильдами. Мой Париж тут, в этом местечке, где я родилась и где – несмотря на мой отвратительный характер – когда-то кто-то меня любил и, может, даже до сих пор любит. А кто их, беглецов, там будет любить, какой французский король и какой Ротшильд? Ты вот, если не ошибаюсь, ты при свидетелях обещала меня любить. И тебе я верю.

– Обещала, – созналась Хенка. – Не отрицаю. Дудаки слов на ветер не бросают.

– А мне больше, кроме этой самой треклятой любви, от жизни ничего и не надо.

– Каждому человеку надо, чтобы кто-то его любил, – согласилась Хенка. – Но всё-таки стоит ли с такой страстью истязать себя, поносить Бога и проклинать судьбу...

– Ты, как мой Довид. Он, тихоня, взял и однажды рубанул мне прямо в лицо: «Роха, ты человек замечательный, но тебе, как строптивой лошади, нужна уздечка. Выпускать тебя без узды из дому опасно».

Никто ни в местечке, ни за его пределами не мог для неё такую уздечку изобрести. Остряки шутили, что Довиду в день рождения Господь Бог в колыбель вложил шило и дратву, а ей – не то пику, не то казацкую саблю.

Оттого ли, что Роха не переставала волноваться и бурно клясть свою судьбу, то ли по другой причине, она провалялась в постели почти две недели. Доктор Блюменфельд нет-нет да заглядывал к больной, каждый раз предупреждая, что, если она не будет выполнять его предписаний, всё кончится кровоизлиянием в мозг.

Ещё до болезни Рохи Хенка с помощью безотказной Этель написала письмо своему солдату о том, что Айзик и Лея один за другим навсегда покидают Йонаву, и стала терпеливо ждать от него ответа. Но тот долго не давал о себе знать, и встревоженная Хенка уже подумала, не случилось ли с ним что-нибудь нехорошее. И вдруг, сразу же после проводов его брата и сестры, Шлеймке

откликнулся. Он очень сожалел, что не успел по-братски с ними проститься, спрашивал, как после их отъезда держатся родители, здоровы ли; описывал с юмором свои кавалерийские будни. Письмо как письмо, ничего особенного, но ради того, чтобы взбодрить сломленную Роху, поднять её настроение, Хенка рискнула прибегнуть к целительному и непредвзятому обману – удалить из письма все лишнее, относящееся лично к получательнице. Она пришла к больной и прочитала его по-своему – как объяснение сына в любви не к ней, Хенке, а к своей самоотверженной матери.

– Передай маме, чтобы она не волновалась. Мы с тобой (он имеет в виду меня) никогда её не оставим и ни на какие доллары не променяем, – чеканила Хенка слова, глядя на листок, вырванный из тетради в клеточку

Слёзы текли из орлиных глаз Рохи, но она их не вытирала. После долгого отчаяния, выжигавшего нутро, они орошали надеждой её истерзанную душу.

– Я закончу служить, вернусь на Хануку домой, и мы с Хенкой станем во всём тебе помогать, а уж любить тебя будем и за тех, кто уехал, – на ходу продолжала импровизировать Хенка. – Обнимаю и целую тебя и отца. Держитесь и ждите меня! Дальше, Роха, уже не про вас, а про меня, – закончила будущая невестка...

– Шлеймке – это сын... это преданный сын... не француз и не американец, – повторяла Роха, осушая глаза краем подола.

Между тем Айзик и Лея словно сквозь землю провалились. Ни слуху, ни духу.

Только поближе к осени, когда дни стали короче и зарядили затяжные, нудные дожди, почтальон Казимирас принес на Рыбацкую улицу розовый конверт с непонятным штемпелем, тремя красивыми марками, изображавшими не то генерала в мундире, не то президента с пышными усами и с обратным адресом, написанным бисерным почерком на французском языке.

Айзик писал, что жив-здоров, ищет работу по специальности, что в Париже куда больше евреев, чем во всех местечках и городах Литвы вместе взятых. А где столько евреев, там полно и синагог, а в синагогах евреи не только молятся, но и завязывают знакомства, и делают гешефты. Глядишь, кто-нибудь из богомольцев не откажется помочь устроить на работу своего собрата, приехавшего из далёкой провинции, может, охранником в той же синагоге, может, в какой-нибудь скорняжной мастерской – одним словом, евреи своему единоверцу не дадут умереть с голоду.

– Мне пришла в голову хорошая мысль. Я, Роха, покажу этот адрес Айзика моей хозяйке – невестке Кремницера Этель. Её

муж Арон по делам часто бывает в Париже, у него там уйма друзей и знакомых, может, они помогут Айзику найти работу, хотя бы временную, – поразив Роху своей сметливостью, сказала Хенка.

– Покажи! От этого Айзику, я думаю, хуже не будет. Мы, правда, привыкли чаще помогать друг другу не делом, а советами, но и за дельный совет надо говорить спасибо. Покажи адрес этой затворнице Этель. Покажи.

Хенка так и сделала.

– Я помню эту улицу Декарт. В Лагинском квартале. Там много небольших и дешевых гостиниц и, кажется, католический монастырь с домом призрения. Когда я была беременна, мы там часто прогуливались с Ароном. Возможно, будучи в Париже, Арон снова забредёт в Латинский квартал. Он обожает смотреть, как работают уличные художники и даже раз от разу покупает у них по дешёвке, за бутылку бургундского, картины. Сейчас я перепишу адрес и попрошу мужа, если Айзик к тому времени не надумает переехать на другую квартиру, чтобы он разыскал своего земляка и чем-нибудь помог. Ведь у него там большие связи. – Она достала из ящика ломберного столика блокнот, переписала название улицы, номер дома и сказала: – А ты, Хенка, очень похорошела.

Хенка кокетливо повела бровью.

– Неужели?

– Ты вся светишься, словно стоишь под хупой.

– Стою, – засмеялась Хенка. – Уже давно стою под её пологом одной ногой, как цапля. Может, когда Шлеймке вернётся из армии, я встану под ней обеими ногами, и мы с ним разобьём стакан на счастье. Раньше я очень боялась Рохи, она хотела в невестки не меня, а дочь нашего мельника Менделя Вассермана, Злату.

И снова засмеялась.

– А сейчас?

– Вроде бы смирилась и уже о дочери мельника не вспоминает. – И вдруг спросила: – А вы?

– Что – я? Я замужем.

– Простите, но я спрашиваю не об этом. Вам, видно, тут у нас в местечке скучно, некуда сходить, не с кем потолковать, вокруг одни простолюдины-ремесленники, если не считать доктора, раввина и аптекаря. Нет, по-моему, нет у вас тут и достойных подруг...

– Есть подруга. Ты! – сказала Этель.

– Ой! – вскрикнула от пугливого восторга Хенка. – Что вы? Да я вам в подметки не гожусь.

– А мне лучшей, чем ты, не надо. Что до простолюдинов, то

с ними куда легче, чем с барами и аристократами. Простой человек меньше врёт, у него меньше корысти и двоедушия, больше искренности и сострадательности. Но главное даже не в этом. Главное для меня в жизни, чтобы всё было бы хорошо под крышей собственного дома. Если в семье непорядок и неразбериха, то и жить тошно.

В словах хозяйки неглупая Хенка женским чутьем уловила скрытую жалобу на то, что её отношения с Ароном не такие уж безоблачные и лазурные, как это может показаться с первого взгляда. Может, поэтому Этель так цепляется за эту Йонаву и так печётся о здоровье своего тестя реб Ешуа. Пока он жив и ходит в свою лавку, её семейному укладу ничего не грозит. Лучше, мол, местечковая скука, чем развод и заграничная свобода от супружеских уз.

Хенка не раз порывалась похвалить Этель за её терпимость и дружелюбие, сказать ей что-то ободряющее, но из скромности не осмеливалась, пыталась найти нужные слова, чтобы не показаться угодницей или льстивой лгуньей. И вдруг эти нужные, как непрошенные слёзы, слова подступили к горлу и пролились:

– Я счастлива, что живу рядом с вами. Не потому, что вы мне платите за Рафаэля такое хорошее жалованье и не потому, что вы меня, дикарку, научили письму и счёту и даже пытаетесь научить французскому языку... А потому, что вы самая... ну самая... и заменить вас в местечке некем.

– Ну, это ты, милочка, хватила через край!.. Не надо меня идеализировать и производить в святые.

Хенка уставилась на неё в недоумении. Такие глаголы были ей не по зубам.

– Ты преувеличиваешь мои достоинства. Я и такая, и ская. Всякая. Ведь Бог создал человека, не отличающегося совершенством, а со всякими изъянами, чтобы он не слишком загордился, не задирает нос перед другими. И чтобы мы каждый день не забывали выскрёбывать из себя все грешное и дурное. Свободного времени у меня хоть отбавляй, вот я понемногу этим и занимаюсь. Выскрёбываю и выскрёбываю, и выскрести не могу. Но хватит обо мне. Лучше скажи, долго ли ещё ты будешь стоять на одной ноге, как цапля?

– Хотела бы хоть завтра встать на обе ноги. Но надо дожидаться из армии жениха. Шлеймке должен на Хануку вернуться. Но, может, он там уже какую-нибудь светленькую литовочку присмотрел.

– Чепуха! Такую жёнушку, как ты, он нигде не найдет.

– Тоже мне находка. Ничего не умею. Могу быть только нянькой и служанкой.

– И это не мало. Правда, у моего тестя родилась замечательная идея. Если он не спит, как наш Рафаэль, а бодрствует, я его позову, пусть он сам о своей задумке тебе расскажет.

Она исчезла и вскоре вернулась в сопровождении реб Ешуа.

– Как вы себя, реб Ешуа, чувствуете? – спросила Хенка, сбита с толку тем, что услышала от Этель.

– Доктор Блюменфельд мной доволен. Но я собой не очень. Я в Каунасе вдруг спохватился, что тебя как следует не поблагодарил за работу в лавке.

– Поблагодарили, поблагодарили, – затараторила взволнованная Хенка.

– Поблагодарил деньгами, а надо бы благодарить добрыми делами. Добрые дела долговечнее денег.

В отличие от своего удачливого сына Арона, для которого главным мерилom в жизни был счёт в банке, реб Ешуа Кремницер слыл бессребренником, знатоком Торы и ревнителем еврейских обычаев. Он высший смысл жизни видел не в обогащении, не в изнурительной погоне за деньгами, из-за которых в мире происходят все войны и раздоры, а в стремлении к добру.

– Мы, евреи, чего греха таить, любим поучать и исправлять других, а не себя. Не по этой ли причине нас, мягко говоря, не очень-то жалуют? – сказал реб Ешуа, верный своей привычке переводить разговор с бытовых мелочей в более возвышенную плоскость.

– Ну уж, ну уж! Зачем преувеличивать? – тихо возразила, кутаясь в шаль, Этель.

– Может, и преувеличиваю, – согласился с невесткой реб Ешуа. – Но, по-моему, человеческую породу, можно улучшить, если начинать не с соседа, а с самого себя. Добровольно! Не под хлыстом и не под нагайкой. Я лично всегда старался так жить – делать людям добро, не рассчитывая на взаимность.

Этель и Хенка слушали его, не перебивая.

– Так вот. Когда я вернулся из Еврейской больницы, – продолжал он, – я на досуге подумал: не послать ли тебя, Хенка, на годик в Каунас. Например, на курсы белошвеек. Рафаэль наш, только бы не сглазить, подросток, с ним уже вполне может справиться и сама Этель. Так вот, если ты согласишься поехать на эти курсы, то все расходы за обучение и за проживание я беру на себя, а ты приобретёшь на всю жизнь хорошую профессию.

– Низко кланяюсь вам, реб Ешуа, за вашу доброту. Но я не могу принять ваше предложение.

– Почему? Ты будешь белошвейка, а твой муж – портным. Лучшего семейного расклада и не придумаешь. Этель охотно станет шить у тебя нижнее белье, а я у твоего мужа – пиджаки и пальто.

– Пока я ещё не жена, я всё ещё тайком хожу в невестах. Вы же знаете, у нас, евреев, на расстоянии замуж никто не выходит и не женится. Надо дожидаться моего солдата.

– Дождётсяся, дождётсяся, – успокоила её Этель. – До Хануки уже недалеко. – Только не забудь нас всех пригласить. Может, к вашей свадьбе подоспеет из Франции или Германии мой Арон, хотя в декабре он любит нежиться на Лазурном берегу.

– Не забуду, не забуду. Мы вас раньше пригласим, чем раввина Элизера.

Про заманчивое предложение реб Ешуа Кремницера Хенка никому не обмолвилась. Расскажешь – и домочадцы, и Роха начнут уговаривать: не будь дурочкой, поезжай, такого шанса у тебя больше не будет. Удача стучится в дверь, а ты её даже на порог не пускаешь.

Соблазн и впрямь был велик. Каунас – большой город, новые знакомства и впечатления. Можно на целый год вырваться из местечка, насладиться вольницей, первый раз сходить в тамошний еврейский театр, куда раз в месяц ездит отшельница Этель, и, главное, даром приобрести хорошее ремесло. Но что-то её останавливало, мешало решиться, какой-то невидимый, навязчивый сеятель подозрений нашёптывал ей: не спеши, ещё раз хорошенько взвесь все «за» и все «против». Профессию ты, допустим, приобретёшь, но можешь потерять Шлеймке.

Она не стала колебаться – выбрала своего кавалериста.

9

Приближался веселый праздник – Ханука. Стояла сухая, безветренная погода. Над зимней Йоновой кружились безобидные, целомудренные снежинки. Импортируемые из Финляндии и Польши отборные морозы явно запаздывали, видно, накапливали где-то у себя на родине прежнюю силу и крепость.

В доме Рохи все готовились к долгожданному возвращению Шлеймке из армии, чтобы на праздник вместе с ним зажечь в мельхиоровом семисвечнике первую памятную свечу. Каждый год во всех еврейских домах Йонавы благодарным зажжением свечей отмечали великое чудо, которое произошло в древности в Иудее. В ту далекую пору в иерусалимском Храме хасмонеев, осквернённом греками и сирийцами, вдруг снова

наполнились живительным маслом лампы, погашенные этими варварами, и в каждой из них снова вспыхнул священный благодатный огонь.

Хенка, как было договорено, получила у своей хозяйки Этель увольнительную – разрешение отлучиться на все праздники и, не мешкая, переключилась на другую службу. С утра до вечера, закатав рукава, она на Рыбацкой улице принялась вместе со своей будущей свекровью убирать комнаты, чистить горшки, кастрюли, стирать, жарить, как в эти праздничные дни было и положено, картофельные блины, печь пироги с маком. Сейчас откроется дверь, войдёт в униформе Шлеймке, и ему в нос тут же ударит не запах надоевшей казарменной бурды, а вкусной домашней пищи.

Но на Хануку Шлеймке не вернулся.

Хенка и Роха переполошились, строили разные тревожные догадки. Может, не приведи Господь, с ним что-то дурное случилось.

Реб Ешуа Кремницер был единственный человек во всей Йонаве, выписывавший из Каунаса ежедневную газету на идише. Он внимательно следил за всеми местными и мировыми событиями – военными переворотами, землетрясениями, извержениями вулканов, крахами бирж, разводами, бракосочетаниями и громкими скандалами в семьях великосветских особ. Когда Роха во дворе синагоги невзначай спросила его, не случилось ли чего-нибудь в Каунасе, где служит её Шлеймке, давненько, мол, от него не было вестей, реб Ешуа успокоил её.

– Не волнуйтесь. В Каунасе действительно случилась пренеприятная история, но не с вашим сыном-кавалеристом, а с нашим президентом и с одним несчастным молодым пекарем-евреем. Слава тебе Господи, что обошлось без большого кровопролития.

– А что же такое произошло с нашим президентом, здоровым вроде бы мужчиной? – полюбопытствовала озабоченная Роха. – Он, что, взял и внезапно сыграл в ящик?

– Как президент он, конечно, сыграл в ящик, но как здоровый мужчина пока ещё остался жив, – усмехнулся реб Ешуа, неустанный просветитель всех своих покупателей и знакомых в местечке. – Ему просто дали, извините, под зад и на его место посадили другого – профессора с бородкой, знатока древних языков. В Каунасе военный переворот. В городе аресты.

– А что натворил этот бедный пекарь? – не унималась Роха.

– Его вместе с тремя подельниками-литовцами обвинили в измене родине и в подготовке государственного переворота. Всю

четверку заговорщиков по приговору военно-полевого суда расстреляли под Каунасом в бывшей царской крепости, – не без сочувствия стал рассказывать реб Ешуа. – В столице объявили чрезвычайное положение, а войска на всякий случай привели в состояние боевой готовности. Поэтому, видно, ваш сын и задержался. Когда в городе всё утихомирится, ваш парень, конечно же, вернётся.

– Надо же, чтобы ко всем нашим бедам и несчастьям ещё прибавился расстрел этого еврея-пекаря, – ужаснулась Роха, узнав о беспощадном приговоре. – Когда расстреливают еврея, то пули летят во всех нас.

– Вы правы. Рикошетом летят в нас. Этот молодой бунтовщик Рафаэль Чарный, тезка моего внука, стал первым безумцем-евреем, которого в Литве поставили к стенке. Остается только молить Бога, чтобы он оказался и последним, – сказал реб Ешуа. – Негоже евреям будить от спячки чужой народ, вытаскивать у него из-под головы подушку и призывать к неповиновению. Пусть спит и сам пробуждается.

– Святые слова! – воскликнула Роха. – Мог же бедняга стоять у своей печки, спокойно выпекать субботние халы, баранки, бублики и булки, и литовцы не точили бы на всех нас зубы. Когда живешь в чужом доме, против воли хозяина не рушь стены и на свой лад не перестраивай то, что тебе не по душе.

– Вот именно! А теперь давайте помолимся за то, чтобы Бог вразумил неразумных, – сказал реб Ешуа, первым вошел в синагогу, сел на свою скамью и раскрыл молитвенник.

Расстрел молодого еврея-пекаря и впрямь потряс Роху, но аресты и смена президента на неё никакого впечатления не произвели. Все её мысли были поглощены армейскими делами сына. Ни она сама, ни просвещённый реб Ешуа, ни Хенка не ведали, когда же в Каунасе отменят это чрезвычайное положение и когда, наконец, появится в Йонаве Шлеймке.

А случилось так, что сразу же после праздника Хануки в дом пуль влетел юркий, запыхавшийся от бега и от радости Мотл и с диким криком победителя возгласил:

– Он идёт! Шлеймке идёт! В военной форме! – И, не переводя дыхания, снова бросился во двор, чтобы первым повиснуть на шее у старшего брата.

Вслед за ним во двор высыпали отец Довид в своём замасленном кожаном фартуке, в котором он, казалось, и на белый свет родился; взлохмаченная, на заплетающихся от волнения ногах Роха; тихая сестра Хава и, наконец, Хенка, не пропускавшая случая наведаться за свежими новостями к своей будущей родне.

Молодцеватый Шлеймке в военной форме, в галифе, туго перепоясанном толстым солдатским ремнем с железной пряжкой, в гимнастерке, в хромовых сапогах выглядел, как заблудившийся путник. Он улыбался виноватой улыбкой, как будто просил прощения за своё долгое отсутствие.

– Ну, здравствуйте, люди добрые, – сказал он каким-то ележным голосом.

– Здравствуй, сынок, здравствуй, – принаравливаясь к его тону, ответила Роха, от переизбытка чувств обслонявила его небритое лицо и под дружный смех домочадцев спросила у бравого кавалериста:

– А конь? Где твой коняга?

– В конюшне, – отшутился Шлеймке и по очереди стал обнимать отца, сестру и Хенку. – Моему вороному, мама, ещё предстоит служить и служить.

– За хорошую службу могли бы тебе эту животину подарить, – сияя, как надраенная к пасхе посуда, сказала Роха. – А зачем тебе этот ремень с железной пряжкой, это галифе? Где ты видел в нашем местечке еврея, который расхаживал бы в гимнастерке и в таких дурацких штанах. А конь, конь – это вещь. Если бы нам не пригодился в хозяйстве, то можно было бы кому-нибудь его продать. Тому же водовозу Мейлаху Силкинеру или балагуле Пейсаху Щварцману. Мы взяли бы за него совсем недорого.

Хохот, похлопывания по плечу, победные клики.

Хенка благоразумно держалась в стороне, старалась не мозолить глаза, уступив Рохе первенство и отдав в её полное распоряжение возвратившегося сына. Даже Довид не стал соревноваться с женой в излишней нежных чувств к отслужившему свой срок отпрыску и, как всегда, не стал растрчивать свой скромный капитал радости. Он спокойно, сверху вниз, оглядел Шлеймке, как будто снимал с него мерку, и сказал:

– Перед тобой, Шлеймке, хочется встать по стойке «мирно» и взять под козырек. Но эта униформа, скажу я тебе, не самая лучшая реклама для портного – в таком виде никто шиться к тебе не придет. Мундиры, погоны, лампасы, сабли на боку на евреев всегда наводили только ужас.

– Переоденусь, переоденусь, – расплываясь в улыбке, пообещал сын.

Бурно нарадовавшись во дворе, домочадцы и Хенка потянулись следом за кривоногой Рохой к дому, как цыплята за квочкой...

– А мы тебя ждали на Хануку, наварили с Хенкой бульону,

нажарили оладьев, напекли пирогов с изюмом и корицей, и всё это наверху Хава и Мотл. Сейчас ничего, кроме горохового супа, пары кусочков курицы и остатков субботней халы да полбутылки пасхального вина, не осталось.

– Хватит нам и по одной рюмочке! – сказал Шлеймке. – Лучшее блюдо на свете – это свобода. Никакой казармы, никакой гауптвахты, никакого начальства в погонах. Свобода! Что может быть вкусней и слаще её? Отосплюсь, заработаю у Кисина немного денег и отправлюсь с Хенкой в Каунас за другим конем – железным. Возьму на выплату «Зингер» и с Божьей помощью поскачу на нём галопом к своей удаче.

– Дай тебе Бог скакать и скакать на нём до глубокой старости, – сказала Роха. – «Зингер» – это то, что красит еврея, это его надёжный конь, он на дыбы никогда не встанет, не лягнёт копытами и на скаку седока не сбросит.

Родственники и Хенка выпили остаток пасхального вина, снова потискали переодетого в цивильное платье, свежевыбритого Шлеймке и за полночь стали расходиться.

– Я провожу тебя, Хенка, – сказал виновник торжества.

Он провожал её до самого заснеженного рассвета, не чувствуя ни холода, ни усталости.

– Спокойной ночи, – сказала Хенка. – Ой! Что я, дурочка, говорю? Ведь ночь уже кончилась.

– Наши дни и ночи только начинаются, – промолвил Шлеймке. – Пусть же в нашей жизни только ночи будут тёмными, а не дни.

– Пусть.

Она поцеловала его, и они расстались.

Когда заспанная нянька пришла на службу, её уже ждали с поздравлениями все Кремницеры – реб Ешуа, Этель и даже Рафаэль в красивом костюмчике, в сверкающей белизной рубашке и в элегантном галстучке. Мальчик сделал «книксен», уткнулся в подол Хенки и пропищал:

– Енька! Не уходи!

– Рафаэль, твоя «Енька» никуда больше не уйдёт, всё время будет с нами. Сейчас вы пойдёте с ней птичек кормить. Хенка будет рассказывать тебе твои любимые сказки – про Белоснежку, про храбрую улитку, которой надоело ползать по земле и которой захотелось стать птичкой, взлететь с тропинки и поселиться на нашем клёне, – объяснила ему Этель.

– Ну? Чем ты нас, милая, порадует? Вернулся, наконец, твой кавалерист? – обратился к Хенке реб Ешуа, собиравшийся уходить на свой командный пункт – в москательно-скобяную

лавку.

– Вернулся.

– Слава Богу! Вы уже с ним, наверно, договорились, когда будете свадьбу справлять? – не удовлетворился её скупым ответом самый любознательный лавочник во всей любознательной Йонаве.

– Скорее всего, весной... сразу после Пасхи. Говорят, кто женится на второй день Пасхи, тот уже никогда в жизни не разведётся.

– А тебя по всем нашим обычаям уже сосватали?

– Нет.

– Нехорошо. Обычаи предков надо соблюдать. Хочешь, я буду твоим сватом. Как ни крути, а кое-кто из Кремницеров в молодости был к твоей будущей свекрови равнодушен. Сейчас, наверно, Роха локти кусает из-за того что когда-то отвергла ухаживания моего брата Исаяи, да будет благословенна его память.

– Спасибо вам, большое спасибо. Но, может, мы как-нибудь без сватовства обойдёмся. Ведь и неуступчивая Роха, кажется, уже тоже не против того, чтобы мы поженились.

– Против не против, но еврейская свадьба без сватов – это покалеченная свадьба. Встречу Роху – обязательно замолвлю за тебя словечко. Я ей, старой вороне, прямо скажу, что будь я, реб Ешуа Кремницец, на полвека моложе, то без всяких колебаний взял бы тебя в жёны.

– А я попрошу Арона, чтобы он в апреле из боготворимой им Франции приехал в Йонаву не с пустыми руками – купил бы вам на свадьбу какой-нибудь достойный подарок, – сказала Этель. – Сватовство это, конечно, дело хорошее. Но подарки – лучше.

– Не стоит беспокоить господина Арона. У него и без нас хлопот уйма, – сказала Хенка.

– Мы ведь всё равно без подарков на твою свадьбу не придём. Лучше скажи, что тебе или твоему жениху хочется получить в дар. Ты только не стесняйся.

От постыдной мысли, промелькнувшей в голове, у Хенки вдруг перехватило дыхание.

– Я не знаю, – она попыталась побороть искушение, но отделаться от него никак не могла.

– Ты напрасно скрытничаешь. Напрасно утаиваешь свое желание и вольно или невольно обижаешь нас. Мы же не только твой работодатель. Ведь мы еще, по-моему, твои верные друзья, не так ли?

– Друзья. Но, поверьте, лично мне абсолютно ничего не надо. Ни-че-го, – повторила она по складам.

– А твоему кавалеристу? Ему тоже ничего не нужно? –

продолжала наступление отшельница Этель. – Приглашаешь на свадьбу, а от подарков отказываешься. Молодожёнов, которые отказываются от подарков, я ещё не встречала в жизни.

– Я не отказываюсь... Подарки всегда приятно получать, но...

– Что – «но»?

Сказать или не сказать?

Искушение подтачивало её решимость держать язык за зубами, и Хенка не выдержала. Надо сказать правду. Не ради себя, а ради того, кого любишь. Шлеймке не осудит её, поймет, что она так поступила из лучших побуждений, и простит.

– Как всякий портной-новичок, Шлеймке мечтает о собственной швейной машине, – выдохнула Хенка. – О своем «Зингере». – И, пристыженная своей безрассудной отвагой, Хенка закрыла руками глаза.

– И ты из-за этого пустяка столько времени упиралась и испытывала наше терпение? Ты, видно, решила, что, сделав такой подарок, мы разоримся? Обанкротимся? – с наигранной обидой промолвил её покровитель реб Ешуа.

– Какой же это, реб Ешуа, пустяк? Это ведь не моток ниток купить.

– Мы, милочка, от таких расходов несколько не пообедем. По миру не пойдём! Будет у твоего жениха «Зингер», – сказал реб Ешуа. – Попросим Арона, когда он, даст Бог, прибудет из Копенгагена в Литву, сделать в Каунасе короткую остановку и заказать с доставкой на дом новехонький «Зингер». Ты только, будь добра, продиктуй нам точный домашний адрес твоего парня.

– Йонава, улица Рыбацкая, восемь, Шломо Кановичу, – пропела Хенка.

Реб Ешуа достал из пиджака записную книжку в кожаном переплёте и бисерным почерком начертал то, что ему медленно продиктовала Хенка. Привыкший к точности опытный лавочник присовокупил через черточку к фамилии жениха – «Зингер».

– Это подарок твоему будущему мужу, а что тебе подарить? – продолжала изнурять Хенку вопросами Этель. – Разве ты сама не заслуживаешь подарка? Какой-нибудь кулон или браслет? Украшения женщину не портят.

– По правде говоря, не знаю, что и ответить. Ведь жизнь мне уже вроде бы главный свой подарок преподнесла. Ведь лучшего подарка, чем хороший, любящий муж, не бывает.

– Это очень хорошо сказано, – печально отозвалась Этель. – Но судьба, к великому сожалению, такие подарки преподносит не всем женщинам.

Реб Ешуа Кремницер глянул на невестку и, ничего не сказав, опустил голову.

После её недвусмысленных слов о том, что не у всех муж – подарок судьбы, воздух в гостиной накалился, и тесть стал прощаться.

– Проводите дедушку, – процедила Этель.

Хенка решила до самой свадьбы не рассказывать Шлеймке о подарке, который она, как ей казалось, почти выклянчила у Кремницеров. А вдруг Арон передумает и в апреле вообще не приедет в Каунас, не закажет в магазине швейную машину, и Хенка окажется лгуньей, и все надежды рухнут. Но если всё получится, то пусть подарок будет для него сюрпризом. А пока пусть строчит на швейной машине своего работодателя Абрама Кисина.

Начать своё дело в Йонаве – открыть свою швейную мастерскую было очень не просто. Портных в местечке было немало. А чтобы оказаться среди лучших, требовались не только умение и упорство, но и деньги на съём квартиры.

– Сам Господь Бог вложил в твою руку иголку и вдел в неё нитку. Он как будто наклонился над твоей люлькой и сказал: жми, Шлеймке, на педаль, не ленись, – до призыва в армию нахваливал своего работника Абрам Кисин. – Ты еще, дружок, и меня, и Гедалье Банквечера, и всех за пояс заткнёшь. Помяни моё слово – через год-другой ты из подмастерьев превратишься в соперника.

Абрам Кисин слов на ветер не бросал. Он, правда, опасался, что за два года армейской службы Шлеймке растеряет свои навыки, но его опасения оказались напрасными. Солдатчина не повредила Шлеймке, а, наоборот, тоска по шитью вышла ему на пользу. Шлеймке кроил и шил с каким-то иступленным вдохновением и страстью. Абрам Кисин с восхищением заглядывался на его работу и с грустью думал, что недалёк тот день, когда Шлеймке навсегда расстанется с ним, купит «Зингер» и самостоятельно покатит по жизни. Злые языки недаром говорили, что хилый, подслеповатый Абрам Кисин уже только вывеска и кассир, а мастер – Шлеймке, да такой, каких в местечке давно не видывали. Зарабатывал Шлеймке неплохо, но этого не хватало, чтобы полностью отделиться от хозяина. Рассчитывать на чью-то помощь со стороны он не мог и поэтому никакой работы не чурался – латал, перелицовывал, шил лапсердаки, крестьянские сермяги и даже овчины, чтоб заработанных денег хватило и на приличную свадьбу.

Свадьбу сыграли, как и было задумано, на поляне, под открытым небом, на второй день после Пасхи.

Погода, к радости брачующихся и гостей, была и впрямь праздничная. Над Йонавой светило яркое, подарочное солнце. На

каждом дереве ликовали обезумевшие от вешнего цветенья птицы, и от их приветственного щебета и торжественного пересвиста звенели все окрестности.

За расставленными в три ряда собственными и соседскими столами собралась, казалось, вся гильдия портных и сапожников Йонавы, все близкие и дальние родственники новобрачных. Удостоил их своим присутствием и староста синагоги домовладелец Каплер.

Во втором ряду, в конце уставленного яствами стола одиноко восседал нищий Авигдор Перельман, решивший, видно, ещё разок подвергнуть трудному испытанию еврейский народ, в щедрости и великодушии которого он во время проводов Айзика, старшего брата жениха, горько разочаровался. Не уверенный в том, что ему тут, на свадьбе, удастся крупно пожить, он, не дожидаясь начала трапезы, поспешил хотя бы вкусно и сытно поесть. Тем более что все столы ломились от яств.

Бархатный полог свадебного балдахина трепал тёплый весенний ветер, который своими стремительными порывами покушался на ермолку раввина Элизера, медлившего по просьбе невесты с обрядом венчания.

Ждали семью Кремницеров.

Хенка всё время с волнением озиралась на дорогу и напрягала слух – не грохочет ли поблизости какая-нибудь машина?

Нетерпеливые гости шептались, шушукались, недоумёнными взглядами спрашивая друг у друга, почему же почтенный и отличающийся немецкой пунктуальностью уроженец Тильзита – раввин Элизер затягивает торжество и не приступает к своим прямым обязанностям, а только безуспешно воюет с ветром-еретиком, ополчившимся против его кипы.

Когда шёпот уже грозил перерасти в рокот, на просёлке вдруг раздался шум мотора, и вскоре к поляне подкатил подержанный «Ford». Из автомобиля вышел грузный реб Ешуа, за ним – Этель в длинном муаровом платье и их единственный наследник Рафаэль.

Статный, франтоватый, как рекламный образец столичного ателье, Арон Кремницер в голубой сорочке, в вельветовых брюках и лакированных ботинках поправил черную бабочку, прилепившуюся к его воинственному кадыку и, оставшись доволен собой, выбрался из вместительного «Ford» последним. Он велел водителю вынуть из багажника привезённый свадебный подарок – уложенные в картонные коробки части новёхонькой швейной машины «Зингер».

Хенка несказанно обрадовалась приезду Арона, который не подвел реб Ешуа и выполнил его просьбу. Не скрывая радости,

она попросила прыткого Шмулика, чтобы он помог сумрачному водителю. И вскоре оба перетащили все коробки поближе к столу – к тому месту, где рядом с меланхоличным доктором Ицхаком Блюменфельдом, откровенно относившимся к брачному союзу как к своеобразной разновидности долголетнего тюремного заключения, уже сидело почти всё семейство Кремницеров.

Когда Шмулик и водитель справились со своим боевым заданием, Хенка и Шлеймке дали знак раввину Элиэзеру – мол, начинайте, рабби, – все в сборе.

Раввин Элиэзер, как и было заповедано предками, семь раз обвёл под хупой Хенку в белоснежном длинном платье вокруг нарядного жениха и нараспев на идише с неизжитым, как врождённое заикание, немецким акцентом произнес традиционное благословение. Но этим не ограничился. После короткой паузы он возвёл свои карие очи к небу и обратился к Всевышнему, словно к давнишнему приятелю, с проникновенным словом собственного сочинения. Рабби Элиэзер попросил, чтобы Господь Бог даровал молодожёнам терпение, согласие и благополучие.

Пока наставник всех заблудших задушевно беседовал с Богом, нищий Авигдор Перельман перестал уплетать за обе щеки, отодвинул от себя тарелку с рубленой печёнкой и погрузился в невесёлые воспоминания о своей собственной молодости и женитьбе. Авигдору пришло вдруг на память былое: он стоит под хупой, слушает возвышенные слова раввина и вместе с Хаечкой разбивает на счастье об весеннюю землю бокал. Тогда он точно так же клялся в вечной любви к своей невесте Хаечке. Он вспомнил, как по неписанному народному обычаю, на потеху всем собравшимся гостям старался первым наступить Хаечке на ногу, чтобы доказать, кто же будет в семье править и верховодить. А чем всё кончилось? Чем, люди добрые, всё кончилось? Хаечка бросила его ради какого-то шмендрика. Бросила, паршивица, и уехала с ним в Купишкис, а он, влюбленный, доверчивый Авигдор Перельман, пристрастился к питью и бродяжничеству, а потом, а потом... Что было потом, лучше не вспоминать.

Раввин Элиэзер замолк, и гости, вскочив со своих мест, дружно и весело закричали: «Мазлтов! Мазлтов! Мазлтов!»

И Шлеймке и Хенка стали мужем и женой.

Авигдор Перельман тоже невнятно пробормотал «Мазальтов», и крупная, чистая слеза выкатилась из его глаз и упала на уставленный яствами стол. Слезы были его единственной собственностью, которой он владел. Этого добра ни у кого не надо было вымалывать.

Свадьба загудела, задвигалась, как освобожденная от

зимних льдов Вилия, в честь молодожёнов грянул местечковый оркестрик – скрипка, флейта, барабан. Сапожники и портные, перекрикивая друг друга и чокаясь, снова осыпали стол громкими, настоящими на вине здравницами: «Мазлтов! Мазлтов! Мазлтов! Сто лет вместе, сто лет вместе! Без ссор и без бед! Сто лет!»

Веселье длилось до сумерек, когда над столами засияла языческая луна и обручальными кольцами рассыплись по небосводу звезды.

Перед тем, как гости стали расходиться, слово вдруг взял первый богач в Йонаве Арон Кремницер.

– Господа!

Все гости, как по команде, замолкли. К богатым всегда полезно прислушаться.

– Я знаю: каждый из вас принёс молодоженам что-то в дар. Но я хотел бы не только от своей семьи, но и от всех вас преподнести жениху, бывшему кавалеристу, наш особый подарок: железного коня – швейную машину марки «Зингер», который мы доставили не на дом, не на Рыбацкую, а подгадали прямо к свадебной церемонии.

– Какой сюрприз! Честь и хвала господину Арону! Честь и хвала всей фамилии! – слились в сплошной гул одобрительные голоса.

– Я желаю ему долго-долго скакать на нем и радовать нас всех своими успехами.

– У-у -у! – густой лесной рощей снова расшумелись в потёмках столы.

– Спасибо, – сказал усталый и ошеломлённый Шлеймке. – Будьте все счастливы.

Свадьба редела, столы пустели. Только Авигдор Перельман ещё трудился в поте лица, ухитряясь получать на выходе у своих земляков причитающуюся ему денежную дань. Каждая дарованная монета улучшала его прискорбное мнение о щедрости и великодушии еврейского народа. Оркестрик продолжал без усталости тешить проникающими в душу звуками всю округу и самого Господа Бога. Скрипка заставляла плясать деревья, флейта своими замысловатыми руладами услаждала слух ангелов, пролетающих над погружившейся в сон Йонавой, а барабан мерными ударами отпугивал злых духов.

Когда Шлеймке и Хенка, одуревшие от счастья, от шума и от подарков, спешили удалиться в отведённую для супружеских утех временную каморку, оборудованную на чердаке, дорогу к дому им неожиданно преградил Авигдор Перельман. Отяжелев от яств и лакомств, приготовленных неутомимой Рохой, он обратился

к разомлевшему от счастья жениху с трогательной речью.

– Шлеймке! Я помню тебя маленьким сорванцом. Мы, Перельманы, жили тогда по соседству с Кановичами на Рыбацкой, и ты, хвастунишка, бегал без штанишек по двору, прошу прощения, со своей несколько укороченной пипкой напоказ и все уверял, что отец купит тебе голубей и устроит на чердаке голубятню. Но я не о твоей пипке и не о голубятне. Перед уходом я тебе хочу вот что сказать. Я не богач, у меня не то что соснового леса для сплава на продажу нет, у меня даже дров на зиму нет. Поэтому при всем желании я тебе не могу подарить, как почтенный реб Ешуа, железного коня. Но и без подарка с твоей свадьбы я уйти не могу. Я благодарен тебе за все милостыни, которые ты мне аккуратно давал до женитьбы, то есть до того печального дня, когда литовцы забрали тебя в солдаты. А сейчас... Ты и твоя женушка меня слушаете?

– Слушаем, слушаем, – отозвалась Хенка.

– А сейчас я хочу подарить тебе все те милостыни, которые ты ещё, наверно, собираешься мне, добрая душа, подавать и после вашей свадьбы. Ведь собираешься?

– Ага, – усмехнулся Шлеймке.

– Авигдор Перельман – человек справедливый, он ничего не забыл и никого не забывает. Ведь лучшая память на свете не у профессоров и богатеев, а у нищих. Нищие до конца жизни помнят каждого, кто им по доброте сердечной подал грош-другой, помнят не только их лица, но их руки и даже походку.

И Авигдор Перельман исчез в сумраке ночи, словно большая птица, вспугнутая негладным выстрелом.

– Авигдор! – вдогонку крикнул Шлеймке. – Я сошью тебе, теплое, на ватине, пальто на зиму. Обязательно сошью. Приходи! Приходи!..

Был свадебный вечер, была брачная ночь одна тысяча девятьсот двадцать седьмого года.

(продолжение следует)

Елена Матусевич

Из Американского Цикла

Этап первый: Оклахома¹

Посвящается им
За окошком сухо-сухо
Дерево сухое
И трава сухая тоже
Поле, поле...
Вот какая птичка скачет
Посмотрите на нее
Все чужое, все чужое
Не мое, не мое

Встреча первая: Диди

очетание ультрамариновых шорт с вопиюще-оранжевой футболкой меня поразило. Их обладатель, отливая гладкой асбестовой синевой мускулистых ног, сидел изо дня в день за столом наискосок, что-то штудируя. На ногах у моего соседа по читальному залу были африканские сандалии, кожаные, мягкие, видимо страшно удобные. О том, что было в это время на моих ногах, даже вспоминать не хочется. Я зубрила ТОФЛ, выписывая от руки примеры и упражнения. Однажды мой тропический сосед вдруг оторвался от своих занятий, и, подойдя ко мне вплотную и понизив голос, выразил удивление, зачем это я переписываю задания, когда можно сделать фотокопии этажом ниже. «Извините, что вмешиваюсь, но я подумал, может, вы не знаете. Это всего 6 центов стоит». У меня неприятно сдавило горло и зашипало в носу. Пришлось признаться ему, что у меня нет денег. «Шести центов нет?» У меня действительно в кошельке не

¹ Рассказы печатались ранее, но не в такой подборке и в другой редакции.

было ничего кроме гринкарты (этот самый кошелек, кстати, пытался украсть, в той самой библиотеке, бедолага-вор за которым я бежала, повиснув у него на рукаве, пока он мне его не отдал, в конце концов поверив моим отчаянным крикам, что там ничего нет кроме все той же гринкарты). Африканец внимательно посмотрел мне в лицо, взял у меня учебник и велел подождать. Скоро он вернулся с копиями. « Вот, и не вздумай отдавать мне деньги. Добро пожаловать в Америку». Так мы познакомились с Диди.

Диди был аспирантом из Нигерии, будущим кандидатом наук. Он сочетал редкую усидчивость с известной всему миру нигерийской деловой хваткой. Он все время что-то кому-то продавал и покупал, куда-то ездил, с кем-то встречался. «Это ты рисуешь?» спросил он, указывая на стены в нашей квартире. «А где ты это продаешь?» «А что, разве это можно продать?» «Продать можно все», убежденно сказал Диди. С этого момента Диди взял надо мной бескорыстное шефство. По воскресеньям, он заезжал за мной на своей древней, ржавой, совершенно раздолбанной, и пахнущей горелым, американской машине, куда я залезала со свойственным юности бесстрашием. Залезала в буквальном смысле, так как сесть в нее было нельзя. Да и сидеть в ней тоже было невозможно. Спинки кресел давно приказали долго жить и поэтому мы с Диди катили по пыльным дорогам Оклахомы в положении от полулежа до лежа. Вообще, дно машины сильно проседало, и наши попы провисали, почти касаясь асфальта. Несмотря на потенциально эротическую расположенность наших тел, никаких неприятностей, кроме ломоты во всем теле, мои поездки не имели. Вождение драндулета требовало от Диди огромного напряжения, казалось, что расслабься он на секунду и машина рассыплется на запчасти, а мы провалимся на шоссе.

Диди был джентльменом и казался мне нигерийской версией Остапа Бендера. По воскресеньям он таскал меня по огромному ангару, где располагался негритянский рынок, контролируемый несколькими группировками у которых, у всех без исключения, Диди умудрялся быть на хорошем счету и в самых сердечных отношениях. Группировки разделяли рынок невидимыми границами и в каждом отсеке Диди встречали как родного. Рынок был абсолютно закрыт для белых. Они туда и не думали соваться, даже полиция. Но с Диди я путешествовала по этому архипелагу в полной безопасности. Он не вводил меня в курс дел, и моя полная неосведомленность была гарантией моей сохранности. По-первости я пряталась за Дидиной спиной, проявляя максимум дискретности. Потом ко мне привыкли. Диди славлял золотозубым торговцам сделанные индейцем Чарли и

расписанные мною ложки, доски, яйца и коробочки, гангстеры проявляли чудеса обходительности, а наши воскресные командировки вошли в привычку и у меня, и у Диди, и у гангстеров. Иногда Диди подолгу зависал на рынке, о чем-то договариваясь с «клиентами». Тогда я бродила между нескончаемыми прилавками одна, разговаривая с продавцами и их пышными подругами для которых понятие ‘Россия’ не было отягощено ровно никакими ассоциациями. Это было еще до того, как русская мафия донесла российскую действительность до оклохомской глубинки. А тогда мы были приятно друг другу в диковинку. Один раз я все-таки спросила Диди почему он так фанатично привязан к синим шортам и оранжевой футболке. «Как, изумился Диди, потому что красиво!» Негритянский рынок стабильно поглощал мои художества, Диди не брал с меня комиссионных, и я накопила на билет домой. Многие годы единственной целью моих приработок и накоплений оставался этот самый билет домой. Видит Бог, с тех пор мне никогда больше не посчастливилось иметь ни таких благодарных покупателей, ни, уж конечно, такого агента как Диди. Он был не только беззаботно бескорыстен, он продавал, перекупал и сбывал любой товар артистически, с блеском и азартом. Мое восхищение его окрыляло.

Как мы потеряли друг друга, я не помню. Мое небывалое, хоть и весьма скромное, коммерческое счастье длилось целых два года. Кажется, он поехал в Нигерию за товаром, а в это время навсегда покинула Оклахому я. Диди был первым заговорившим со мной в Америке человеком, моим первым знакомым, моим талисманом на самых первых, таких невыносимо тяжелых порах. Диди – мое “Welcome to America”.

Встреча вторая: Синди или чудо-ослик

Папа Синди умер в тот же год, что и Буся. За год до этого они, еще здоровые, но, наверное, уже носившие в себе свою скорую смерть, встретились в первый и последний раз. Папа Синди, оклахомский фермер, никогда, кроме Корейской войны, не покидавший своей фермы, и моя бабушка, родившаяся до революции и прожившая всю жизнь в Петербурге. Бусе было 82, Папе Синди 64. Синди и ее мать Мэри-Су приходили убирать в дом моего отца. Ферма не давала, несмотря на каторжный труд, достаточно дохода и по воскресеньям две женщины ехали в город убирать дома. Синди и ее семья принадлежали к христианской общине. Ни церкви, ни священников у них не было. Каждое воскресенье вся община собиралась для чтения и обсуждения

Библии. Фермеры знали Святое Писание буквально наизусть, и оно стало для них основой и плотью их повседневной жизни. В Америке принято смеяться над «Поясом Библии» из-за консервативных нравов, навязчивого прозелитизма и религиозного фанатизма. С этим мы, конечно, встречались тоже. Какие-то баптисты, например, подарили, ничего не понявшей Бусе, шоколадных крестов, приведших ее и всех нас в полное замешательство: и выбросить нельзя, и есть кресты не мог решиться даже мой неверующий еврейский муж.

У фермеров же наших была вера живая и животворящая. Они помогали нам, чем могли, и я 10 лет еще спала под подаренным ими хлопковым одеялом, пока оно не истлело. Когда приехала Буся, наши фермеры пригласили нас посмотреть ферму. У них были прекрасноокие коровы, такие же красно-коричневые как земля Оклахомы и руки индейца Чарли. Коровы эти пушистые, кудрявые, с длинной мягкой шерстью, и сказочно красивые. Когда Синди подъехала на своем грузовичке к стаду, коровы, узнав ее, столпились вокруг машины, выталкивая впереди себя, в середину круга, совсем маленьких телят. «Что это они делают?» спросила я, видевшая коров так близко в первый раз в жизни. «Это они своих новорожденных мне показывают, хотят, чтобы я похвалила.» И Синди хвалила, каждую нетерпеливую мать, удивлялась, восхищалась, ласкала, гладила по мягким головам, трепала курчавые челки, смотрела в огромные, теплые, с длинными пушистыми ресницами глаза, пытливо заглядывавшие ей в лицо. На меня коровы не обращали внимания, но я стояла так близко, что не могла не чувствовать их теплое дыхание. Меня охватил какой-то нестерпимый стыд и почти религиозный трепет. Мне казалось, что я подглядываю в чужую диковинную, трепещущую жизнь, в чужую любовь и нежность. Тут Синди, заметив мое волнение, спросила, не хочу ли я ли их погладить. «А что, можно?» «Конечно, можно, развеселилась Синди, это они вас боятся, но я им сейчас скажу что ты друг, что ты со мной». Синди тихо шептала коровам, что меня не стоит опасаться, и одна из них, самая молодая, вытянула мне навстречу голову. Мягкое прозрачное пушистое ухо задело мой локоть. Я перестала дышать и коснулась ее огромной, рыжей, доверчиво склоненной головы. Тепло из головы поднялось вверх по плечу и сладостно наполнило все мое существо. Встреча с коровами стала одним из самых сильных впечатлений моей жизни. Я не стала вегетарианкой, но говядину есть с тех пор как-то не могу.

Смотрите, как они вас любят.

Конечно, и я их люблю.

Так как же вы их...?

А, нет, мы телят продаем, они породистые, мы их не режем, папа бы никогда не смог.

А как же когда они старые становятся?

Ну, засмеялась Синди, на это у нас дом престарелых есть, я вам сейчас покажу.

Домом престарелых оказался довольно большой загон, где паслись одна старая лошадь в яблоках и пожилой бык, чей заслуженный отдых охраняла совсем дряхлая бледно-серая, как будто вылинявшая собака, как выяснилось, абсолютно слепая.

Это — любимая лошадь моей младшей сестры, а это любимая собака папы. На пенсии. Ей нужно чувствовать себя нужной, вот мы ее сюда и поместили.

Так дорого, наверное, их содержать?

Да нет, они и едят-то уже мало. Сколько проживут, столько проживут. Они нам послужили, теперь мы им, а то, как же?

Собака умерла через год, вместе с хозяином. Папа Синди, крепкий, жизнерадостный, пышущий здоровьем человек, умер от белокровья. Как сказала Синди, ушел к Господу. У меня осталась его фотография. Он сидит, весело улыбаясь, в кабине своего грузовика. На первом плане сияющая Буся, с ослепительно снежными волосами, с солнечным венчиком вокруг головы и в белом платье в горошек, гладит благодарно поднявшую слепую голову собаку. Все счастливы. И никого их больше нет.

Америка хороша для жизни, Россия для смерти. Болезнь папы Синди разорила семью. Бесстыжие врачи до последнего обещали малограмотным фермерам скорое выздоровление и не дали забрать умирающего отца домой. Каждый день в больнице стоил несчастным состояние. Он так и умер в ненавистой больнице, не увидев и не попрощавшись с взлелеянной им землей и со своими 'пенсионерами'. Последовавший счет за несостоявшееся лечение сразил его жену наповал. Была продана и ферма, и дом когда-то так понравившейся Бусе. Синди взяла мать к себе.

Но тогда, тогда, все были живы, все были счастливы. Синди повезла нас смотреть их уголья. Это тогда Буся увидела ослика. Ослик был очень большой, почти с лошадь, таких в Европе не бывает. Как выяснилось, ослик был на работе и на очень ответственной. Ему было поручено охранять телят от койотов, а также не позволять коровам разбредаться. Как объяснила Синди, ослики гораздо эффективнее собак, так как крупнее, сильнее и «ответственнее». К тому же они отличаются редким бесстрашием и решаются 'перечить' даже быкам. «С ним я могу быть

совершенно спокойна. Коровы его очень уважают, объясняла Синди, и не безобразничают. А собак они презируют». В Оклахоме ослики-пастухи никого не удивляют, а вот Бусю сие явление потрясло до глубины души. С коровами она была знакома с детства, когда, спасаясь от ужасов революции и гражданской войны, жила с родителями в глухой деревне. А вот об осликах-пастухах она никогда даже не слышала. Когда ее спрашивали об ее поездке в Америку, она, прежде всего, рассказывала, с неизменным восторгом, о чудо-ослике.

Встреча Третья: Чарли

Чарли был из индейцев, из резервации. В детстве у него даже было индейское имя, и бабушка вешала ему на шею амулеты из трав. Когда Чарли было 16 лет, он решил пойти на войну. Школу он тогда уже бросил, делать ему было нечего. Его не захотели брать. Тогда он сменил фамилию, соврал, что ему 18, и его взяли. Он попал в Перл Харбор. В свою первую ночь на фронте Чарли тут же крепко заснул, а проснулся уже в аду, когда все и все горели кругом. Но Чарли выжил, единственный из тех, кто прибыл с ним в тот вечер. Он куда-то залез и выжил. И там, куда он залез, ему привиделась Богородица, и он в этом абсолютно уверен. Учitando, что он был воспитан баптистами, которые не чтят Богородицу и не упоминают ее вовсе, ему можно верить. Чарли пообещал служить Богородице, если он выживет. Он выжил и в ту войну и во все последующие: Корейскую и Вьетнамскую. У Чарли выцветшие голубые глаза, и он говорил, что они стали такие наутро после Перл Харбора и видения Богородицы. После встречи с Богородицей Чарли покрыл все тело татуировками в ее честь. Когда вернулся домой, ему запретили появляться в родной баптистской церкви в рубашке с короткими рукавами. Он пытался вывести татуировки, но это оказалось невозможно.

Когда Чарли не воевал, он работал плотником и рисовал птиц. У него было 10 детей и все, кроме одного, удачные. Неудачный сидел в тюрьме. В 60 лет Чарли развелся с женой, женился снова, на даме, у которой было еще 8 детей. Чарли усыновил тех детей, что еще не выросли, и начал учить со мной русский язык. Он решил стать миссионером и строил церковь где-то на Волге. У него было красно-коричневое лицо цвета оклахомской земли. Руки большие и совсем коричневые. Он был очень крепким и приземистым, а в бесцветных глазах сияла живая вера и веселое лукавство. Может быть, его уже нет в живых. Он много для меня сделал. Он подарил мне свои краски и кисточки,

растворитель и лак. А еще он делал для меня деревянные часы. Я их расписывала, а он их где-то кому-то продавал для меня. Он так и прожил всю жизнь под чужой фамилией и с ложными паспортными данными.

Встреча Четвертая: Мидвест

Пейзаж Мидвеста, американского Дикого Запада имеет одну особенность — это полное отсутствие пейзажа. Едешь вот так по нему, катишься, и глаза катятся тоже как шары, без всякого искушения за что-нибудь зацепиться. Пусто, ничего нет... В Оклахоме хоть лошади, коровы. Едешь, бывало, с ветерком и то и дело кричишь ребенку, прицепленному на заднем сиденье: «Смотри, какие лошадки, смотри какие коровки, смотри какие...» Нет, ничего там больше нет. В Оклахоме озера искусственные и леса вокруг них тоже. Но звери настоящие. Они, бедняги, поверили в эти искусственные леса и озера, развелись, расплодились, разбегались и валяется теперь их по обочинам распрекрасных американских дорог великое множество. Мне даже на эти самые искусственные озера ездить не хочется из-за этого, на эту бойню смотреть.

В Оклахоме земля красная. Кроме земли и неба там все искусственное. И ничему там больше быть не положено от Бога. Едешь, смотришь на эту голь красную и представляешь индейцев, тоже красных, красивых, в этнографических костюмах. Индейцы ходили пешком и смотрели на небо. В Оклахоме оно стоит того чтобы на него посмотреть. Небо там невиданное, дикое, красивейшее и прекраснейшее в мире. Если бы белые не смотрели все время в землю, чтобы там еще что-нибудь выкопать, просверлить и туда всобачить, то они бы тоже очень гордились своим небом, символом штата сделали бы. Но они как земляные черви, слепые и все время шевелятся. Мы и сами такими тут стали, только мы скорее книжные черви, чем земляные.

Небо в Оклахоме все время разное и все время прекрасное. В Оклахоме ничто не должно было бы мешать поцелую и соитию неба и земли, ничего не должно было быть между ними. Так и кажется иногда, что земля возьмет и стряхнет с себя все эти экскаваторы и элеваторы, отхаркнет искусственные леса, выплюнет правильной формы озера и водохранилища, чтобы снова стать голой и чистой и красной.

Такое же чувство посетило меня в Израиле, где смотришь на все эти замечательные трубочки и палочки, понатыканные по склонам, на все эти чудесные рукотворные сады и огороды,

вырванные у пустыни, и вдруг пугаешься хилости всего этого, того, чего здесь быть не должно.

Инна Иохвидович

«Эмигранты». Рассказы

Метис

Гарик был, как и композитор Шнитке – полукровка: наполовину немец и наполовину еврей. Как говорила его еврейская бабушка Циля: «Хрен редьки не слаще! Если ты не "фашист", так значит – жид! И кто знает, что лучше?!»

Игорь Кляйн, (по-домашнему, среди знакомых и друзей – Гарик), родился в 1939 году, и потому в войну, Отечественную, был ещё мало что понимавшим ребёнком.

Это уже после войны мальчик получил и «фашиста» и жида, сполна! С детства знал Гарик три языка, потому что в домах дедушек и бабушек с обеих сторон говорили на двух языках: в одном доме на немецком и на русском, а в другом – на русском и на идиш.

А уж когда семья, после двадцатого съезда вернулась из Омска в Харьков, он незаметно и украинским овладел.

Лингвистические способности его были выдающимися, потому он с третьего захода, в 58 году (правда тогда у него был и трудовой стаж. Он заработал его на Харьковском заводе швейных машин, где трудился слесарем-лекальщиком), поступил он, наконец, на романо-германское отделение института иностранных языков.

Родители радовались, что правильно записали ему в паспорт по достижении 16-летия – «немец», а не «еврей». Ведь если бы быть ему евреем, то даже в хрущёвские «либеральные» (только не по отношению к евреям!) времена, поступать бы ему ещё очень-очень долго, а без знакомств и протекции – «блата», может даже и вовсе не поступить!!!

Учился Гарик великолепно, по языкам, конечно, преподаватели были потрясены его лингвистическим даром. И говорили, что он – самородок, уникал, и остальное, в этом же роде.

К концу обучения был он полиглотом, говорил на всех, без исключения европейских языках, а также на многих наречиях и диалектах. Да ещё, заинтересовавшись клинописью, выучил и несколько «мёртвых» языков, не считая «классических» – латыни и древнегреческого.

Но «красного» диплома ему не дали, к тому ж он никогда не только «Ленинскую», но и простую повышенную стипендию не получал! Его, как только могли, «валили» на общественных дисциплинах: истории КПСС, политэкономии не только капитализма, но и социализма, на марксистско-ленинской философии (диамате и истмате), истории философии и «научном» атеизме. Слава Богу в начале 60-х ещё не был изобретён суловский «научный коммунизм» на нём бы вероятно окончательно завалили бы!)

Само по себе было удивительно – молодой человек, усваивавший **феноменальные** объёмы иностранной лексики, имевший практически абсолютные слух и память, в лучшем случае имел по общественным дисциплинам «удовлетворительно», а раз так чуть и «неуд» не схлопотал! Он и сам удивлялся этому. И пытался, рационально, разъяснить самому себе – что не может запоминать даты, числа, цифры, формулировки (почему-то классиков марксизма-ленинизма и Первых секретарей ЦК КПСС). Как-то на одном из подобных экзаменов, он, как ни странно, ответил не только на все вопросы по билету, но даже и на все дополнительные. Преподаватель однако слушал его рассеянно, листая его зачётную книжку, и продолжал задавать и задавать вопросы. А Гарик отвечал и отвечал на них! И, тогда, преподаватель задал вообще **невероятный** вопрос: «Так сколько же вложений в капитальное строительство было в какой-то там пятилетке?» Гарик знал, что и преподаватель сам не знает ответа на свой вопрос, а его попросту – «валят»! «Интересно почему? Потому что я – немец или потому что – еврей?» – спрашивал он себя, наблюдая как довольный педагог выставлял в его зачётке, добытое в состязании со студентом, «хорошо»!

И, когда закончил Гарик институт, то в аспирантуре, как того добивалась языковая кафедра, его не оставили. А получил он направление учителем английского языка в вечернюю школу рабочей молодёжи. В ней он и проработал тридцать пять лет.

Не сразу он смирился. Ещё чего-то изменить пытался, то соискателем думал быть, и сдавал кандидатский минимум, (как всегда подвела марксистско-ленинская философия); то статьи писал, и в педагогические журналы, о собственной методике

обучения иностранным языкам, а то и в научно-популярные: «Наука и жизнь», «Знание-сила»... Получал он восторженные отзывы, в которых обязательно было какое-то «решающее» «но»! И потому **нигде** не публиковали. Написал он книгу по языкознанию, что так и осталась пылиться в недрах письменного стола... Много было различных планов, задумок, работ... множество раз пытался он «выпрыгнуть» из того статуса, на который обрекла его Советская власть.

А позже уже и не пытался, понял, что все попытки заранее безуспешны, даже если бы он и **русским** был?! Потому как увидел ту же безнадёгу и у талантливых русских людей. Ничего не оставалось, как уйти в частную жизнь.

Женился он, будучи юношей совершенно академического склада, на простой русской женщине с трёхлетней дочкой, к тому же жена была старше его на восемь лет. Так уж случилось, она обхаживала его, и он, после некоторого сопротивления, сдался.

И хоть были они людьми разными, вплоть до чужести, но жили между собой спокойно, чтоб не сказать хорошо. Все «мирские» заботы жена взяла на себя, а он только на полторы ставки учительствовал, много учеников имел, репетиторствовал. Даже и в выходные с учениками занимался (от учеников не было отбою, и у него была «всегородская» слава педагога!!!) Деньги он зарабатывал немалые, а радостей было всего, что в букинистику сходить.

В вечерней школе тоже всё как бы в порядке было, разве только с отчеством сложности порою возникали. Отца его звали Вилли, и был он по батюшке Виллиевичем, но его упорно и коллеги, и учащиеся называли Виленовичем! Поначалу Гарик их поправлял, но после одного случая, перестал.

В то время был среди его учеников заводской рабочий, возрастом постарше него. Был он, на редкость, аккуратен внешне, занятия исправно посещал, но способностей был совершенно средних. Вот он-то и спросил: «Виленович, от имени Вилен – Владимир Ильич Ленин сокращённо?»

– Нет, – Гарик внезапно покраснел, – я не Виленович, а Виллиевич, это отчество от имени – Вилли.

– Но Вилли – это ж фриц!?

– Почему? – сделал Гарик вид, что не понял его, презирая в этот миг самого себя, – Фриц – это уменьшительное от Фридрих, например Фридрих Энгельс!

– Я и говорю – немецкое имя! – отвечивал великовозрастный ученик. – Вы уж извините, я ж думал, простите меня... Что вы вроде как, ой не дай Бог, что я такое и говорю, –

замахал руками рабочий.

– Говорите, говорите!

– Ещё раз прошу прощения, я, извините думал, что вы из евреев будете. Да и фамилия эдакая!

– Фамилия обыкновенная, немецкая, но вы, частично правы оказались, у меня мать – еврейка, а отец – немец.

– Ох, и несчастный же вы человек, – сочувственно протянул рабочий, – хотя знаете хуже бывает, к примеру негр-еврей! Да я ж сам ничего, у меня вон начальник цеха – еврей, но хоть и еврей, а человек хороший!

Вечером, дома, вспоминая об этом, он неслышимо, «про себя» закричал в сердцах, неизвестно и к кому обращаясь: «Пусть хоть горшком назовут, лишь бы в печь не ставили!» И тут же добавил: «Наверняка ж ведь было бы не избежать печи крематория!!!»

И не стал уже Гарик настаивать на Виллиевиче, навсегда оставшись Виленовичем.

В начале девяностых бывшая сокурсника Гарика соблазнила его взять анкеты на переселение на постоянное место жительства в ФРГ. Он было уклониться хотел, всю жизнь здесь прожил, куда ж на склоне лет рыпаться, но жена оказалась союзницей сокурсницы в этом вопросе, тоже начала требовать переезда... Противостоять женскому напору он не смог.

Вот только колебался, по какой же линии ему переезжать, – по немецкой или по еврейской? Гарик задумался: всю жизнь он прожил по паспорту – немцем, по родственникам на Украине он был вроде как евреем, а по самоощущению – русским! Но опять же супружница «выручила» – Они должны были стать поздними переселенцами, российскими немцами (шпетаусидлерами), потому как практичная жена его узнала, что аусидлерам дают и гражданство и пенсии, а евреям и ни того, и ни другого! Евреям полагалось только социальное пособие, а уж гражданство, как и всем остальным иностранцам, в установленные Законом сроки... Жена его даже с некоторым превосходством стала посматривать на сокурсницу-еврейку.

Зато Гарика одолевали сомнения, правильный ли он делает шаг, собираясь покинуть родину. Детей у них, общих, с женою не было, у неё было какое-то «вторичное бесплодие», которое она и не лечила. Дочь жены была уже замужем. А про свою жизнь он уж давно и задумываться перестал, не состоялась! Не в той стране, и не в то время родился он, и не в той семье... Здесь не одному ему, а сотням тысяч, пришлось прозябать!

Когда же пытался представить себе жизнь «там» в

Германии, то не мог?! Почему? Ведь уже многие десятилетия читал он любимых им немцев – психоаналитиков, писателей, философов, культурологов и социологов на языке оригинала, русские переводы его не устраивали. Да и слушал он только приёмник, вещавший на разных языках, раздражавший жену, не понимавшую ни на одном из них. И часто, сам не замечая, он на немецком думал!!!

Оказалось, что ждать разрешения нужно несколько лет, тогда уж Гарик успокоился, мало ли что за эти годы произойдёт. Они казались ему вечностью, а промелькнули незаметно.

И вот его уже вызывали в консульство на языковой экзамен – шпрахтест.

Преподаватель, принимавший экзамен был ошеломлён познаниями этого худенького, невысокого, в очках, смахивавшего на «учёного еврея», немолодого уже человека. Этот человек казался уникалом, преподаватель не встречал таких даже и тогда, когда учился, ни в Тюбингене, ни в Гейдельберге!!! И этот невзрачный гений всю жизнь протрудился школьным учителем??? Это было непостижимо! Он долго жал Гарику руку, а тот что-то пробормотал о признательности.

Вскорости пришло им и разрешение-приглашение.

И начали они собираться, вернее жена стала. Гарик был угнетён всеми этими сборами, распродажами, незнакомыми людьми, толпящимися в квартире... Он уже ничего не мог! Даже книги читать!!! С работы жена его «уволילה», а с досаждавшими учениками произвела окончательный расчёт.

Цельми днями валялся Гарик в постели, ощущая в груди неимоверную тяжесть. Он, словно бы закончил все свои дела на этой земле, он даже думать перестал?! В зрачках его отражалась белая гладкость потолка.

Жена и билеты купила. Она его не тормозила, всё равно ведь знала – что «по её будет»! Она лишь поражалась своему природному чутью: ведь как правильно вышла замуж во второй раз! Ведь тогда даже и не подозревала, до чего же правильно!

Накануне отъезда продала она квартиру.

За день до отъезда жена решила поговорить с ним, как следует, напоследок, а то совсем уж от рук отбился, пользуется её занятостью и предотъездными хлопотами.

Гарик с поросшей щетиной лицом лежал в своей кровати, рядом валялась какая-то немецкая книжка с готическим шрифтом. Уже много дней была она раскрыта на одной странице.

Жена сначала негромко позвала: «Гарик, Гарик...» Потом она уже кричала и тормозила его, и после заголосила...

Гарик умер пятидесяти девяти лет от роду. Жене его не разрешили въехать в Германию, так как была она русской, а вывозившее её лицо, Игорь Кляйн – скончался.

Экзаменатор, проводивший языковой тест, заинтересовался судьбою этого одарённого человека, и получил на свой запрос ответ: «И. Кляйн, 1939 года рождения не въехал на свою историческую родину, потому что внезапно умер накануне отъезда, от разрыва сердца».

Людмила Исаевна

На склоне лет в Людмиле Исаевне Ландер, урождённой Розенцвайг, открылись авантюрные качества. Произошло это, правда, не от хорошей жизни.

В середине 90-х надумала Людмила Исаевна с семьёй переехать на постоянное место жительства в ФРГ, а денег на переезд и всё с ним связанное у неё не было, едва на повседневную жизнь хватало, это ещё и при том, что у неё, как у преподавателя иностранных языков было много частных уроков?! Может быть потому, что семейство было большим, а на всех, как известно – «не напасёшься»!

Семья состояла из самой Людмилы Исаевны, её мужа Романа Ефимовича, двух дочерей с внучками, мужа тех были не в счёт – одна и вовсе была разведённой, да и у другой брак был не то чтобы крепким; да ещё престарелого деда Исая – отца Людмилы. Он, как теперь оказалось, к счастью, был инвалидом Отечественной войны, и потому хоть не приходилось платить сумасшедшие счета по коммунальным услугам да и за трёхкомнатную «хрущёбу» – не «распашонку», что надо сказать было большой удачей, пусть и крохотные комнатухи, зато раздельные все, не смежные!

Людмила Исаевна отчаялась в борьбе с жизнью или как она любила повторять за кем-то из великих – «борьбой за прозябание», что бы она не делала, что не предпринимала, ситуация даже не выравнивалась?!

Не помнила она, когда уж и в отпуске была: многими десятилетиями летом работала она, сначала воспитателем в пионерлагерях, во все три смены, оздоравливая дочерей, потом педагогом в санаториях, уже с внучками, имея и летом, между сменами по несколько учеников, которых готовила к поступлению в ВУЗы. Не было для неё ни суббот, ни воскресений, всё уже было заранее расписано: куда идти, а куда и бежать, а после всего, уже ночью варить на завтра обед да готовить детям завтраки в школу.

Муж, Роман Ефимович был ей под стать, и тоже крутился

белкой. Кроме основного места работы, инженером на заводе, он всегда старался, кем угодно, подработать. И на нём лежала обязанность закупать продукты, так как завод его располагался рядом с одним из самых больших городских колхозных рынков. В закупке дешёвых продуктов Роман Ефимович стал ассом! Во-первых, покупал он на рассвете, из «первых рук», а не у перекупщиков; во-вторых, научился он – торговаться, не просто мастерски, а виртуозно; а в третьих он сумел какими-то «народными» средствами «восстанавливать» подпорченные продукты: вымачивал селёдку, использовал зелёные, недозрелые яблоки вместо уксуса или лимонной кислоты, перекручивая их в овощную икру, заклеивал надбитую скорлупу яиц, и много-много ещё чего такого знал и умел он. «Голь на выдумку хитра!» – похохатывал Роман Ефимович, складывая «синие» куриные окорочка в казан для протушивания.

«Живём как все, – успокаивала себя Людмила Исаевна, глядя на людей в метро воскресным вечером, когда те везли возвращённое ими на шести сотках земли (данных в аренду государством), – живём! – снова про себя повторила она, но живём ли? Разве это жизнь достойная человека? – продолжала она, всматриваясь в усталые, припорошенные пылью, лица невольных «огородников-садоводов». Весь этот городской люд не сведущ был не только в агрономии, но и в простых сельскохозяйственных работах.

– Нет, – ещё раз утвердилась она в своей мысли, – ехать не просто надо, а необходимо, если не хочешь в старости волочь на себе мешки, ах, правда, теперь тележки. Раньше мешочники были, а нынче тележники, – горько улыбнулась она, – а ведь что ещё будет, интеллигенции будет совсем худо...

Как-то когда все улеглись, завела она с мужем на кухне разговор: «Рома, ты, конечно знаешь, что у нас квартира ведомственная и её невозможно приватизировать?»

– Конечно, Люсенька, дом-то заводской!

– А раз её нельзя приватизировать, то и продать нельзя.

– Люся, окстись, где ж мы жить тогда будем? – с ужасом сказал муж.

– Да о чём ты беспокоишься, всё равно её продать нельзя. Рома, ты должен понять, что как бы мы не противились даже самой мысли об отъезде, а ехать-то надо! Я не хочу, чтобы мои дочери, а вслед за ними и девчонки выпалывали сорняки, каждая на своих шести сотках, собирали колорадских жуков, думали про рассаду и удобрения. Всем же ясно, что в наше время жить можно только с земли, с того, что сам вырастишь. Вон сколько уже у вас

на заводе зарплаты не плачено? Я уж, честно говоря и забыла, когда был эдакий праздник! А ваши заводчане, что самоубийцами стали из-за того, что семьи свои прокормить не смогли! Страх да ужас какой, Господи!

– Люся, – попытался было перебить её муж, да не тут-то было, Людмила Исаевна почти кричала.

– Так жить нельзя! Неужто непонятно, что невозможно только в хлопотах о животе своём находиться! Все мысли, все разговоры – о еде, и не только у взрослых, но и у детей! По сути – о физическом выживании! Мы забыли, что на свете, кроме работы, чтобы прокормиться, и кормёжки, чтобы снова бежать на пахоту, что-то ещё есть?! – внезапно она замолчала, и уже совсем тихо произнесла, – а может ничего уже и нет, Рома?! – испуганно смотрела она на мужа.

– Люся тебе плохо, выпей воды, на вот валидол..

– Рома, не суетись, присядь, – она взвихрила рукой его густую курчавую шевелюру, – видишь Рома – мы бедны, мы ничего не накопили, нам нечего продать, чтобы уехать. А ведь отъезд требует денег, и больших денег. Не мне тебе рассказывать, вон сколько людей за четверть века проводили!

– Люся, скажи что делать, чтоб денег достать, и я достану, если это, конечно, в рамках законности, – засмеялся он.

– А у нас с тобой капитала другого нет, кроме того, что мы – евреи. А евреи нынче «дорогого» стоят.

– Не понял, – насторожился муж.

– Ну, не маленький, понимать надо. Нам с тобой нужно развестись и вступить обоим в фиктивные браки.

– Для чего?

– Ой, ты меня своим непониманием, своей правильностью, раздражаешь. Для того чтобы уехать нужны деньги. Как будто ты не знаешь, что всё на взятках держится: от паспортистки в ЖЭКе до капитана в ОВИРе – все требуют!

– Я никогда не брал и не требовал взяток, – поджал губы муж.

– Да потому что тебе не давали, – уже злилась Людмила Исаевна. – В общем, так Рома, завтра идём разводиться в ЗАГС. И, там, кстати, тоже нужно дать взятку, а то с разводом затянут.

– Я никуда не пойду! – заявил он.

– Как это? – Людмила Исаевна была потрясена, наверное впервые за всё время их брака, муж выказал прямое неповиновение.

– Я никуда не пойду и разводиться не стану. Я ещё с ума не сошёл, какие-то фиктивные браки! Не хочу, у меня и так голова

идёт кругом, говорят, что нам вместо зарплаты выдадут магнитофоны, нашего заводского производства. Как его продать? Это при избытке в магазинах импортной аппаратуры! И за сколько? Да ещё говорят, что будут выдавать один магнитофон на двоих, так что ж делать, не резать же его на «двоих»?

– Вот как! – слегка оживилась Людмила Исаевна, – я предложу его кому-нибудь из родителей моих учеников, «сосватаю». Эх, чего ты не на макаронной фабрике работаешь. Там выдавали за сентябрь зарплату яйцами, лапшой, вермишелью, и даже спагетти! Ладно, не увливай, завтра пойдём в ЗАГС во второй половине дня.

– Людмила! – так муж называл её, когда был настроен строго-официально, – я тебе уже сказал и повторять не намерен. А ты в собственной воле – делай, что хочешь!

Тогда она принялась за «обработку» дочерей. На младшую, разведённую, она управы не нашла, (та вся в отца удалась), да к тому ж ещё продолжала любить бросившего её мужа, и неизвестно на что надеялась. Зато старшую Людмила Исаевна быстро «развела» с мужем и «расписала» в фиктивном браке с солидным и богатым мужчиной. Несмотря на своё богатство, а может именно из-за него, он мечтал убраться побыстрее и подальше из своей родной страны.

Сама «разведённая» Людмила Исаевна тоже состояла в подобном браке.

– Эх, – жалела Людмила Исаевна, что отец её уже совсем старый, ведь и его ж можно было бы «подженить»!

Однако Людмила Исаевна и представить себе не могла **насколько** дорого оформление документов, насколько возросли размеры mzды, взимаемой государственными чиновниками и во сколько обойдутся «государственные пошлины»... Ведь пришлось в Облсовете произвести так называемую легализацию всех документов, полученных за последние пятнадцать лет.

– Рома, что же это происходит? Это что же государство не верит тем документам, что само и выдало? Так, что теперь их **истинность** подтверждать надо?!

– Не знаю, что и думать?! – беспомощно разводил руками муж, страдая, что ничем не может быть полезен своей единственной Люсе.

Наконец все документы были оформлены, и Людмила Исаевна перевела их на немецкий, всё же она закончила романо-германское отделение иняза.

Однако, всё равно, и за перевод пришлось заплатить также, и немало! Всего лишь за то, что переводчик собственной

печатью удостоверял адекватность перевода с оригинала! И переводчик своей печатью только **подтвердил** правильность сделанного Людмилой Исаевной перевода!

Наконец пришло и время подачи документов в консульство в Киеве.

На сдачу запускали сразу по несколько человек. В комнате за разными столами принимали документы мужчина и женщина. Людмила Исаевна почувствовала себя как на экзамене, за столом словно экзаменаторы сидели, а перед ними экзаменуемые. Женщину, сотрудницу консульства, Людмила Исаевна видела впервые, а вот мужчину не раз – это был, известный всему украинскому еврейству консул Шатц. Про него, чего только не рассказывали: кто про то, что он груб, и что даже может документы, если подозревает, что «липовые», разорвать, а кто говорил, что он через какие-то каналы (через какие только?) берёт взятки, большие! Удивляться было б нечему, если б это оказалось и правдой! Украина была настолько коррумпирована, что и иностранцев можно было приучить.

Сидевший перед Людмилой Исаевной молодой мужчина, взяв папку с документами, пошёл на освободившееся место к Шатцу.

Людмила Исаевна стала прислушиваться, вопроса, что задал ему Шатц она не услышала, но консул неожиданно вышел в другую комнату. А уж из неё он **выбежал**, высоко в руках держа какую-то бумагу, он столь неистово ею размахивал, что выпростался белоснежный манжет из рукава пиджака.

– Вы видите эту бумагу?! – кричал он, и теперь слушала его не только Людмила Исаевна, но и все сидевшие.

– Я сделал запрос в архив министерства обороны в Житомире по поводу вашей учётной карточки. И в ней, – консул одновременно торжествовал и негодовал, – в ней записано, что вы не еврей, а армянин! Знаете, как называется, то, что вы сделали – обман, подлог, мошенничество!

– Но по всем же остальным документам я – еврей!!! – умолял его мужчина, вы даже не представляете каково было в СССР жить еврею! А в Советской Армии, особенно! Приходилось идти и не на такое, чтобы хоть как-то облегчить свою участь. Ведь у моей же матери вы взяли документы, – уже не умолял, а обречённо бормотал мужчина.

– Да-а-а! – пропел Шатц, – вот что я сделаю с вашей анкетой, – и порвав её крест-накрест, выбросил в корзину для бумаг.

– Вы хотели обмануть германское государство, но не

удалось. Если вы будете ещё настаивать на своём праве, я сообщу о вас в посольства тех стран, где есть эмиграция. Вам ясно?! – Шатц, поднявшись из-за стола, улыбаясь смотрел в спину уходившего.

У Людмилы Исаевны сердце заухало, ноги сделались ватными, поплыло перед глазами.

Неслушающимися ногами подошла она к столу и плюхнулась на стул. Шатц неторопливо просмотрел всю кипу её документов, остался всем, без вопросов, доволен, и с миром отпустил её.

В первом же скверу она опустила на скамейку своё отяжелевшее тело, старшая дочь присела рядом, она уже всё знала.

– Мама, тебе лучше?

– Да.

– Ты из-за этого парня перенервничала?

– Наверное, и потом когда у тебя на глазах рвут твой «спасательный» лист! Не думала, что мне эдакое придётся увидеть! А ещё Шатц – сокровище, драгоценность!

– Что? – не поняла дочь.

– Это перевод его фамилии с немецкого. Я сейчас сижу и думаю, сколько ж это лет диссиденты и отказники боролись за свободу эмиграции. Ты-то не помнишь: «Фараон, отпусти Мой народ!»

– Ну, и что?

– А то, что если с этой, с «нашей» стороны кордон рухнул, и хоть по-прежнему выехать трудно, и не только в финансовом отношении, а вообще! То с «той», с «их» стороны, которую мы в СССР демократической считали, в которой, как мы думали с правами человека «всё в порядке», «там», кажется, увы, не всё в порядке! – и Людмила Исаевна зарыдала столь сильно и громко, что перепугала свою старшую дочь.

Постаревшей и притихшей, увидел её муж. Он не мог понять **что** случилось, но осознал, что нечто **непоправимое!!!** Людмила Исаевна сердилась, когда он пытался её расспрашивать, старшая дочь твердила нечто невразумительное.

Прошёл год. Снова были они на кухне вдвоём, дочери с внучками отдыхали на заводской базе отдыха, только у себя в комнате дремал старый Исай Розенцвайг.

– Боюсь, что папа как-то в последнее время ослаб, сдаёт. Чтобы ему такое придумать, чтобы хоть как-то взбодрить, стимулировать обмен веществ, – устало, мыслями «вслух» делилась Людмила Исаевна.

– Омолодить предлагаешь? – пошутил муж.

– Рома, перестань, я же серьёзно!

– Люсенька, не возмущайся, дед и вправду слабый стал, даже не ругается и не ворчит – плохой показатель! Но ты меня беспокоишь больше. Скажи мне, что с тобою, поделись, легче будет.

– Ох, Рома, Рома, – заплакала она, – ты даже всего не представляешь!

– Что, Люся, что?

– Мне в консульстве страшная вещь открылась!

– Что, что? – нетерпеливо затормозил он её.

Она заговорила почти шёпотом, ему пришлось наклонить голову, чтобы слышать.

– Понимаешь! Везде одинаково! Всё и, по-видимому всюду – одно и то же! Человека жалко! Простого человека, который всю жизнь бьётся за своё и близких существование! А его топчут, не дают головы поднять...

И она рассказала ему обо всём, что довелось увидеть и пережить ей в тот день.

И, Людмила Исаевна, всегда избегавшая не только ненормативной лексики, но даже бранных слов, вдруг произнесла фразу, что выжгла в Романе Ефимовиче жившие ещё неизвестно и на что, надежды.

– ЗА ЧТО Е..ТЬ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА?

– Люся, что ты говоришь? – он крепко держал бьющуюся в его объятиях жену. И неожиданно припомнился ему памятный, ещё из детства, случай.

Он жил на одной из Харьковских окраин, где ещё до революции селились евреи. Но район почему-то назывался Москалёвкой.

«Это» произошло тогда, когда он нашёл израненного воробья, что также бился в мальчишечьих ладонях. Подбежавшая москалёвская шпана кричала ему да прямо в уши: «Жид – «жида» держит! «жидами» они почему-то называли воробьёв). И он, почувствовал, как погибает меж его ладоней воробей, что не жить ему! Он и выпустил его в придорожную пыль, а сам убежал.

Жена продолжала дрожать в его руках, и предчувствие, как и тогда, вновь посетило его. «Быть не может, – сам себе, себя убеждая, сказал он, – Люся – крепкая женщина, она ничем серьёзным никогда и не болела. Это всё мои глупые мысли и отвратительные воспоминания».

Увы, Роман Ефимович не ошибся. Начала Людмила Исаевна болеть, то одним, то другим, да всё по больницам... Но домашних она ободряла: «Вот будем в Германии, там меня и

вылечат!»

И все, вроде как облегчённо, вздыхали, и дед Розенцвайг, как ни странно, но крепился, и даже натянув на нос очки, то придрёмывая, то вновь просыпаясь, читал учебник немецкого языка и радовался, язык был очень похож на его родной идиш.

Через три года после подачи уехала старшая дочь со старшей внучкой, а им всё разрешения на ПМЖ не присылали.

– Ой, хоть бы папа дотянул! – беспокоилась Людмила Исаевна, а глядящий на неё, осунувшуюся, муж молился Богу о её здоровье.

«Еврейская эмиграция» в Германию проходило планово и до их документов в дальнем далеке видимо очередь ещё не дошла.

А жизнь, со дня на день становилась всё тяжче, можно было бы с уверенностью говорить если не о голоде, то о недоедании населения. И, никогда-то не сытый, по-настоящему, терпеливый народ крепился. Основным продуктом питания стала картошка, и прекрасно, если было её достаточно.

Ужас, охвативший страну, был «тихим»!!! А посольство Германии в Украине неспешно выдавало разрешения и визы, словно дело происходило в благополучных Швеции или Дании или...

Истаявшая Людмила Исаевна, продолжая сидеть на больничной койке, поманила пальцем мужа и сказала ему на ухо: «Вот так закончится мир, не взрывом, но всхлипом».

Муж перепугано посмотрел на неё, а она улыбнувшись, не спеша сказала: «Это не я придумала, а Т.С. Элиот, английский поэт. Мне когда-то на английском читал это Гарик, сокурсник. Наверное он уже уехал?!»

Роман Ефимович, не желая говорить жене о безвременной Гариковой кончине, соврал, что «да».

– Слава Богу! – тихо сказала она, закрывая глаза, – шёл бы ты Рома домой, а то папе небось тоскливо одному.

И возвратился Роман Ефимович домой, к старику-тестю, которого раньше недолюбливал, а нынче жалел.

Хоронили Людмилу Исаевну, умершую, как показало вскрытие, от злокачественной опухоли. Стоя перед вырытой ямой, слушал Роман Ефимович стук земляных комков о гроб, лежавший в глубине могилы. И внезапно вспомнил слова покойной о том, что «нельзя е.ть живого человека!», и заплакал, впервые за сегодняшний длинный день.

Старик-отец ненамного пережил единственную дочь и тоже не поехал в ФРГ.

Состарившийся Роман Ефимович вместе с младшей

дочерью и внучкой по сей день ждут разрешения на ПМЖ. Люди говорят, что в немецкую землю, в которую они «попали» приходится ждать разрешения от шести до восьми лет.

У Романа Ефимовича время ещё есть, и для того, чтобы жить, и для того, чтобы умереть.

«Знаменитая» фамилия

Светлана Васильевна дважды в своей жизни меняла фамилию, хотя замуж выходила лишь раз.

Отец её – Василий Тишин, бывший деревенский житель был, несмотря на свою фамилию, буйствующим алкоголиком. Когда он напивался, а было это почти ежедневно, то клял на чём свет стоит, и свою работу, завод, жену и дочь, жену особенно, за то, что та так и не смогла родить ему сына, а больше всего проклинал он Город, что так и не стал ему родным, и у которого он был вроде пасынка...

Светлану Васильевну ещё с детства отличали воля и целеустремлённость. Ещё в школе решила она, во что бы то ни стало, вырваться из этого дома, где бесчинствовал пьяный отец, и жить «достойной» жизнью.

И она, хоть и имела лишь форменное платье да два летних штапельных, а была лучшей ученицей, гордостью школы, которую и закончила с золотой медалью.

После школы поступила Светлана в университет, на экономический факультет, там и нашла своего суженого, свою судьбу – Юру Фридмана.

Юра не только не был похож на всех известных ей парней, особенно в их, заводском районе, он был совершенной противоположностью им. «Наверное потому что он – еврей», – краснея думала она.

Раньше, в её представлении, евреи были как будто и не люди, вернее не совсем как люди. Да, если честно, она их и не различала, не «видела» что ли, зато слыхала разговоры об их богатстве – жадности; уму-хитрости; трезвому расчёту – ловкости; о том, что им наверное сам дьявол помогает, и они «его» отродье...

Юра оказался не только не нахальным, (а ведь об этом говорили как о присущем **всем** евреям качеству), а даже может и робким, что смутило попервоначалу Светлану. Мужчина, по её понятиям, должен быть хватким и настойчивым. Но непривычно растерявшись, она тут же и спохватилась: взяла курс на «брак» и привела Юру к дверям ЗАГСа, где и взяла фамилию мужа. Ей нравилось чужеземное звучание этой фамилии.

Свадебный вечер был скромным, семьями. Юрина мама да её отец с матерью. Отец был недоволен выбором дочери, зачем за

жида пошла?

Потому и бродил он по полутёмным коридорчикам фридмановской малогабаритки, и хоть изо всех сил сдерживался, но продолжал шептать своё, таинственное, одному ему ведомое странное сочетание, из полумрака: «А вдруг?» «Что? Что?» – переспрашивали его, а он всё твердил: «Вдруг, вдруг?!»

Закончив университет, пошли супруги Фридманы на службу. И вот тут-то Светлане Васильевне, всем собою довольной, довелось узнать, на собственной шкуре – каково носителю эдакой фамилии.

И даже не на службе, а ещё в университете, когда пришли к выпускникам представители различных предприятий, отбирать молодых специалистов.

– Что-то не пойму я, – сказал ей начальник отдела кадров какого-то «почтового ящика», то есть оборонного завода, у них имелась вакансия с хорошим, (впрочем как и во всём военно-промышленном комплексе), окладом.

– По анкете вы – «русская», – и он как-то одобрительно осмотрел голубоглазую, «славянского» типа Светлану. – Вот только фамилия у вас почему-то Фридман?

– Да, я русская, Тишина я, это по мужу – Фридман, – простодушно ответила она.

– Ах, вон оно что! – спохватился кадровик, редко, но и на «старуху бывает проруха!» Это я, в кои веки анкету не до конца прочитал.

– Так всё в порядке? – наивно спросила она.

– Что вы, что вы, – всполошился он, – никак нельзя! И зачем вы только замуж за него выходили? К тому ж и фамилию меняли?

– А что? – необычно для себя дерзко, и даже с вызовом, отозвалась она, – мне и он, и его фамилия нравятся!

– Вы нам однозначно не подходите, – сухо-официально заговорил он. Поднявшись, он открыл перед нею входную дверь

Это было только началом! Оказалось, что эта, иноземному звучащая фамилия, да не по ней! Это она только по молодости да по незнанию думала, что будет носить её да гордиться ею! Вот и правда, что «не по Сеньке шапка!»

Она и так долго проносила её, целых двенадцать лет!!! А уж когда с **этой** фамилией жить стало совсем невмоготу, Светлана Васильевна перешла на девичью.

Браком своим была она довольна, пусть Юра был слабый и болезный, зато послушный. Вот только дочка, единственная, выстраданно-желанная, в Юру уродилась, такая же хворая как и

он.

Да и в родах случилась травма, Светлане Васильевне правда и не объяснили, какая?! «Родовая травма!» – сказали ей, но просила же она перед родами, чтоб щипцами не тянули, лучше бы кесарево сделали. Да кто б прислушивался к её просьбам и пожеланиям, когда в родзале акушерки орали на рожениц матом, да и помощь их при родовспоможении заключалась в том, что они своими тушами наваливались на огромные животы родящих, и, буквально, «выдавливали» детей! Дети рождались с гематомами, будто «о двух головах», и это считалось чуть ли не нормой!? Девочка, дочка – Наденька, из-за родовой травмы, осталась к тому ж хромой.

И, когда Светлана Васильевна плакала, сидя у кровати спящего ребёнка, то Юра её утешал.

– Не надо, Света! Хоть и такая, а наша, по мне так лучше неё и детей на свете не бывает!

И Светлана Васильевна, вытирая набегавшие слёзы, успокаивалась и веселела до очередного меланхолически-тоскливого приступа.

Новорожденную записали Тишиной, чтоб хоть ей не мучиться!

Так они и жили. Девочка в специальном детском саду, потом в спецшколе, Юра всё больше по больницам, (мать его умерла года через два после свадьбы). Светлане Васильевне приходилось метаться между больными, но она по привычке и не жаловалась. Только, забегая к матери нахмурясь слушала материнские сетования: о том, как у дочери всё неудачно сложилось, о том, что не надо было за еврея выходить – все они, если уж не болящие, то непременно слабые, что дети от них такие же рождаются! Что сама она родила Светланку от горького пьяницы, и поди ж ты, слава Богу, здорова! И начинала свою «песнь» сначала!

Светлане Васильевне не хотелось отвечать на материнские упрёки, да и ответить нечего было.

У Юры, поначалу была вторая (рабочая) группа инвалидности, а после уж и вовсе первую дали. Обездвиженным, из-за эндартериита, инвалидом-колясочником стал он!

Но Светлана Васильевна и из тяжёлой инвалидности мужа извлекла пользу – она и малогабаритную квартиру отдала государству, а получила квартиру с улучшенной планировкой на первом этаже. И «Запорожец» бесплатный выхлопотала, и гараж у дома, и многие-многие, полагавшиеся инвалидам льготы... Многого добилась она.

И дочери смогла Светлана Васильевна оформить «инвалидность с детства», хоть и понесла при этом большие материальные затраты, потому что взятку потребовали **невероятную!!!**

Начала Светлана Васильевна задумываться, как очень и очень многие, об эмиграции. Может быть, **там** помогут не только Юре, но и дочери?!

Нацелилась она на эмиграцию в США, тем более что с ХИАСом (организацией помогающей еврейской эмиграции в США) была предварительная договорённость о бесплатной транспортировке больного и сопровождающих его лиц.

– Юра, надо ехать, тебя «там» подлечат, – с этого обычно начинались все её разговоры об эмиграции.

– Ерунда! – вяло отзывался муж, а это как будто ещё больше распяляло её.

– Хорошо, ты не хочешь! Но подумай же о ребёнке! Ты будто не желаешь здоровья своей единственной дочери?! Не хочешь о её будущем подумать...

Порой Светлана Васильевна произносила целые речи, а иногда ограничивалась несколькими репликами, но **всегда** заставляла мужа согласиться с ней.

И всё бы было бы ничего, да тут началась еврейская эмиграция в ФРГ. Светлана Васильевна заметушилась, она никак не могла решить, **куда** же ей ехать?

Конечно, на всякий случай она оформила документы и в посольстве Германии. Но, получив разрешение на постоянное место жительства, заколебалась особенно. И в Германии, и в США были свои плюсы и минусы, и Светлана Васильевна то склонялась к достоинствам одной страны и видела недостатки другой, а то, наоборот. Исчезла её былая решимость, и это оказалось роковым.

Разрешение на въезд в США оказалось просроченным, в Германию срок въезда тоже истекал, как у Юры началась гангрена на левой ноге, правая уже была ампутирована. Во время операции он скончался.

Только захоронив мужа, осознала Светлана Васильевна подлинные размеры своего бедствия. И во всём-то виноватой оказалась она, её колебания, её нерешительность... Если у дочери ещё оставались какие-то шансы на выезд, то у неё уж точно никаких!!!

Ведь только сейчас, впервые, внимательно вчитавшись в присланные из консульства документы, до неё дошло, что не могут они выехать без лица еврейской национальности!!! Покойный был не только «главой семьи», но и основным

«выезжантом»!

Забегала она, да поздно уже было. Но всё же объяснительное письмо канцлеру Колю она написала, да и на немецкий ей перевели. В нём она рассказывала о том, как жилось им с покойным мужем в течение почти тридцати лет. Она преподала сам факт своего замужества – как акт гражданского мужества! Описала сколько унижений и мучений пришлось ей перенести, когда она носила фамилию мужа, в государстве, где антисемитизм был чуть ли не официальным! О больной дочери, о нелёгкой, уже с детства, судьбе её...

Поехала она в Киев, в консульство, отвезти свидетельство о Юриной смерти. Попробовала было там записаться на консультацию к консулу, но консультации почему-то отменили. Говорили, что потому что дескать нечего загружать консульских работников, всякого рода небылицами, что всем известно, что теперь на Украине всё продаётся и всё покупается, и что, к примеру изменение национальности не только в паспорте, но и в метрике, стоит приблизительно в цену однокомнатной квартиры на рынке недвижимости.

Делать было нечего, встала она в долгую очередь к «консульскому окошку».

За стеклянным окошком сидела девушка с незапоминающимся лицом. Когда в телефонную трубку Светлана Васильевна начала говорить ей свою злосчастную историю, и передала разрешение на въезд и свидетельство о смерти мужа, то поняла, что чиновница её вовсе и не слушала, а только рассматривала лежавшие перед ней бумаги.

Наконец, ни слова не говоря, она стала вычёркивать из разрешения, сначала покойника, потом Светлану Васильевну. Она хотела крикнуть девушке, что же та делает, ведь почти тридцать лет семейной жизни, это ж тебе не какой-нибудь двух-трёхлетней давности фиктивный брак! Да голоса не стало, какой-то спазм охватил горло, и, она задохнулась, как ребёнок в «репризе», задыхании, что предшествует громкому плачу. Она по-звериному замычала-зарычала в трубку. Молодая женщина подняла своё невыразительное лицо от бумаг и, заметив гримасу искажившую Светлане Васильевне рот, разъяснила на ломаном русском.

– Ваш муж мёртв. Ви въезжайте в Федеративную республику не мѣжьте. Вам понятно, что я говорить?

Светлана Васильевна могла только головой кивать, как немослышащая.

– А вашу дочь, достигая 18-ть лет может подать снова. Ясно?

Светлана Васильевна замотала головой, отчаянно замотала.

– Ещё что? – недоумённо спросила чиновница.

– Дочь, не надо... не зачёркивайте, – смогла выхрипеть несчастная Светлана Васильевна, – умоляю, продлите ей разрешение, слёзы катились по её щекам, так что и микрофон трубки сделался мокрым. – Я на колени перед вами стану, дочери продлите, Христа ради, прошу-у-у!!!

И случилось Чудо!

Молодая женщина вернула ей разрешение, в котором чёрным фломастером были вычеркнуты и Юра, не числящийся в «списках живых», и сама она – Светлана Васильевна, для немецкого государства тоже как «мёртвая», не существующая, не имеющая права беженкой пересечь её границы! Но, напротив Надеждино имени стояла печатка о продлении разрешения на проезд ещё на год! И одно это уже было **невероятным!**

В консульский почтовый ящик опустила Светлана Васильевна своё письмо канцлеру Г.Колю, подошла к скамейке, напротив консульства, присела на неё и потеряла сознание.

В больнице она очнулась и дала подписку о своём несогласии на госпитализацию.

В вагоне, до самого Харькова, провалялась она без сна, но и без дум. Словно вынули из неё сердцевину, и оставили полой, только в телесной оболочке.

Дома радовалась Надежда. Ей хотелось быть молодой, свободной, (ей основательно поднадоела материнская опека), «заниматься любовью) с молодыми, красивыми мужчинами, одним словом – красиво жить! Классно жить! А это возможно, наверняка, «там», на Западе!

Нашёлся Наденьке, через знакомых и муж, молодой и красивый, о каком и мечтала хромоножка!

Светлана Васильевна продала гараж и справили свадьбу.

Потом молодые укатили в Баварию, и полгода мать ничего не знала о своей единственной дочери, ни звонков, ни писем... Ответа на своё письмо Колю она так и не получила, а потом уже осенью 98 года его переизбрали, а письмо-то было адресовано ему, а не новому канцлеру Г.Шрёдеру.

Только как-то, тягучим осенним днём, зазвонил телефон, и Светлана Васильевна услышала голос, срывающийся, плачущий, голос своего ребёнка.

– Mamochka, ты себе не представляешь, что это за ужас был! Он меня бил, не хотел со мною в общежитии в одной комнате находиться! Кричал, что на фигу я ему, с последствиями

полиомиелита! Я ему сказала, что полиомиелитом не болела! Он тогда и сказал, что женился на мне только для того, чтобы **выехать!** Что я ему противна! Ма-ма, ма-мочка, что же мне делать? – захлёбывалась слезами дочь.

И Светлана Васильевна, не выдержав, заплакала сама, и словно ожив, вышла на «свет», будто из какого-то тёмного кокона, в который была «спелената».

– Надя, о ком ты плачешь? О каком-то подлеце-мужике? Да он мизинца твоего не стоит! Ушёл! Великое горе! Не ты первая, не ты последняя! Мерзавцы уходили и уходить будут, это нужно себе на носу зарубить!

– Что же делать? – застонала дочь.

– А ничего не делать! Мужчина как трамвай, один уехал, другой приехал, – у Светланы Васильевны хоть и был единственный мужчина – муж, она по-женски, интуитивно, «знала» мужчин в их привычках и повадках. Она с самого начала чувяла, что этот красавчик не про её дочь, что бросит он хромоножку.

– Лучше расскажи, как ты там обустроилась?

– Мама, я живу в двухкомнатной социальной квартире, получаю социальную помощь.

– Отлично, – обрадовалась мать.

– Да, но этому подлецу тоже дали социальное жильё, однокомнатную, правда, – снова заплакала дочь.

– Теперь уже ничего не попишешь. Ты, главное, успокойся! Ему, подлецу эта квартира впрок не пойдёт, вот увидишь! – успокоила она Надю. Та повеселела, на том они и распрощались.

Звонки повторялись только тогда, когда Надежду покидал очередной мужчина.

И, подчас, Светлана Васильевна даже желала, ужасаясь самой себе, чтобы бросил Надю нынешний сожитель, чтоб только услышать её несчастный родной голосок, и чтобы успокаивать, уговаривать, внушать, одним словом, чувствовать себя необходимой, нужной дочери.

Как показало время, тогда, в консульстве, у Светланы Васильевны был первый приступ астмы. В скором времени не могла она уже обходиться без баллончиков с аэрозолем. По астме она получила тоже группу, став третьим, в собственной семье, инвалидом. Что до её семьи генетической, то мать – умерла, отца же она видела частенько. Потому что жила в районе Южного вокзала, а там обычно толпилось много алкашей, бомжей, просто опустившихся. В этих сборищах почти всегда присутствовал и

отец. Он скользил по ней невидяще-неузнавающим взглядом, и не только потому что был нетрезв, но ещё, наверное, и оттого, что разве он мог признать в этой староватой женщине с глубокими бороздами морщин на лице, с «болтавшейся» на теле кожей, свою ладно-крепкую Светку, голубоглазую, русоволосую, румяную – настоящую русскую красавицу!

Только однажды, остановившись рядом с ней, и глядя ей прямо в глаза, он промолвил вроде как бы и ни к ней, и одновременно, к ней, обращаясь: «А вдруг?» И подморгнув, опять же неизвестно кому, может и ей, ухмыльнулся и заковылял прочь.

«Вдруг? Вдруг? Вдруг...» – долго ещё звучало в ней, после того как исчез он.

Она пришла домой, разделась до комбинации (была удушающая жара), почувствовала предвестники грядущего приступа, схватилась за свой спасительный баллончик, и в своём последнем просветлении, закричала каким-то не своим, тонким голосом: «А вдруг???»

Родственники Фридманов, проживавшие в Харькове вызвали на похороны Светланы Васильевны дочь, из-за границы. Та поначалу упиралась и не хотела ехать, ссылаясь на отсутствие средств, но всё же в последний момент явилась.

Похороны прошли быстро, будто всем малочисленным присутствующим хотелось поскорее избавиться от трупа, ради которого они, собственно, и собрались здесь.

Хромоногая Надежда приехав, захватила, вероятно, весь свой гардероб. Да и пустилась гулять – напропалую!

Каждый день в квартире происходили пьянки-гулянки, всегда с криками и ором, часто с драками... Соседи боялись и пикнуть, время-то какое!

Прожив лето, осень и зиму, засобиравшись хромоножка по весне в Германию, здесь уже всё было прожито, пропито, прогуляно...

Да с границы её возвратили! Оказалось, что уезжающие из Германии на срок более полугода, а она уж десять месяцев как отсутствовала, теряют право на постоянный вид на жительство в этой стране.

Она пыталась на своём примитивном немецком объяснить, что уезжала хоронить мать, (у неё имелась смятое свидетельство о смерти), об обстоятельствах, задержавших её на родине... Но пограничники были неумолимы и рекомендовали обратиться в посольство.

Тогда поехала она в Киев, да глянув на тысячные толпы, осаждавшие консульство, различные очереди, «тёмных» типов,

продававших свои «места» в очередях за 50 долларов, (у нее, естественно, денег уже **никаких** не было!) и возвратилась в Харьков со своим загранпаспортом с уже недействительным видом на жительство и Шенгенской визой, что открывала перед ней когда-то всю Европу.

В одну комнату хромоножка пустила жильцов, с того и жила, к тому ж она частенько у них что-нибудь да «подбирала».

Пьянка продолжилась, через полгода уж была она законченной алкоголичкой. Женский алкоголизм, как известно мгновенный, много лет и пить не надо, к тому ж практически не поддающийся лечению.

Родственники Фридманы помогли ей выхлопотать внутренний паспорт, а также и инвалидность.

Теперь пила она и вовсе с кем попало, а не только с теми мужчинами, с которыми собиралась спать: со старыми и молодыми, с мужчинами и женщинами, и с тем, чей пол уже не поддавался определению... На огромном вокзале жаждущих, с «горящими трубами» было преогромное множество.

Довелось ей тянуть какую-то «бодягу» и с молчаливым, почти древним стариком. Пили они это пойло долго, потом обессиленные повалились на деревянные вокзальные лавки... Заснули, а когда очухались, то старик неожиданно, вплотную, придвинувшись к хромой Надежде, зашептал ей в ухо, обдавая зловонием: «А вдруг?»

И ушёл... Она плакала и, смотря ему вслед, кричала: «Я тебе дам старый хрыч: «А вдруг?» Ты у меня ещё получишь, чмло болотное...» Долго ещё плакала она и бранилась, и материлась, пока её в подрайон милиции не забрали.

А в подрайоне, на скамейке уже сидел этот противнючий старик, она присела рядом, и больно, локтём ткнула его в бок.

– Кого ты привёл? – сказал дежурный по отделению другому милиционеру – дежурному по вокзалу, – пададь вокзальную! Что этого старпёра, что никак и ни от чего не подохнет, другие бы уже сто раз загнулись! У него же, у Тишина этого все поумирали. Да эту привокзальную давалку и алкашку, пользуется сука тем, что инвалидка! Кстати, – протянул он, – она ж тоже Тишина по фамилии! Во фокус?!

– Вот уж известная фамилия! – заржал другой.

Моисей Борода

Наваждение

днажды – так, по крайней мере, рассказывают – композитору П. приснился удивительный сон.

Он вдруг, не зная как, очутился в городе, где ему было всё совершенно незнакомым, ни на что привычное не похожим. И улицы какие-то совсем не московские, и вывески другие, а на каком языке написаны – непонятно, вроде и латиницей, а вроде и не совсем. А вдобавок – и люди вокруг на незнакомом языке говорят. Странно и несколько тревожно даже – что за притча такая?

Но – погода хорошая, солнце светит, люди вокруг хоть и по-другому, но всё же улыбаются, и от всего этого благолепия начальная тревога у композитора П. начала понемногу рассасываться. Некоторое время он постоял, привыкая к обстановке, а потом решил пойти по улице, на которой очутился, дальше – туда, куда же и большинство людей шло. А поскольку тревога его к этому времени уже почти рассосалась, идёт он уже уверенней и даже чуть свысока – но, правда, совсем чуть-чуть – на прохожих поглядывает.

Свысока-то оно, конечно, свысока, а всё-таки странно это всё как-то.

Идут себе люди – кто степенно, кто побыстрее, кто совсем спешит, некоторые улыбаются, говорят чего-то между собой, а на него даже внимания не обращают. Ну, то есть совершенно. А уж про восхищённые взгляды и прочие знаки внимания, про то, чтобы кто-нибудь автограф попросил – про это и говорить нечего. Как будто бы он не известный всей стране композитор, а какой-нибудь совсем простой смертный. Очень непривычно.

– Нет, это, конечно, явная заграница! У нас бы меня сразу узнали. Вот Ш. рассказывал недавно, что его в какую-то Тьмутаракань с концертом послали. Так его, мол, после этого самого концерта любой мальчишка на улице узнавал и всё взрослое тьмутараканское население в очереди за автографом стояло. Врал, конечно. Будут стоять к нему в очереди за

автографом – как же! Вот его "Петю и волка" все дети знают. И взрослые, конечно, тоже. Все! Без исключения!

Нет, нет, это без сомнения за граница!

И тут его, как молния, вопрос в сердце ударил: Если за граница, если занесло его туда, куда его никто не посылал, куда, стало быть, не велено, то как потом оправдаешься? И как же он потом на родину вернётся? Тут ведь ещё не только что самовольную отлучку с рабочего места, а попытку побега навесить могут! Сгоришь в одночасье!

А перед этим ещё собрание соберут, чтобы с плевками на тот свет проводить, и какой-нибудь музыковедишка бесштанной тебя полчаса с хрустом жевать будет, кости твои перемалывать и доказывать, что все твои ноты – да чего там ноты, даже паузы! – вражеские. Тут уж тебе ни звания, ни былые почести не помогут. И кто же тогда, спрашивается, будет "Повесть о настоящем человеке" заканчивать, кто же виолончельную симфонию-концерт – вот-вот на подходе! – записывать будет? А симфонии будущие?

И вдруг его осенило: да кто же ему сказал, что он в другой стране? Кто сказал, что он за границей? Вывески на незнакомом языке? Ну и что? Может быть, пока он спал, музыку сочинял, шахматные турниры с Ойстрахом разыгрывал – может быть, в это самое время наши – ну, то есть... они – весь мир как раз и завоевали? А что, почему бы нет?

Но если так, то... то тогда нужно уже сейчас о музыке в честь такого события подумать – годовщина Октября уже не за горами! Ну, что-то вроде его тогдашней кантаты на тексты Маркса, Энгельса и Ленина – отличная получилась штука! – в честь такого события написать.

Начало могло быть, например, таким – и в голове у композитора Прокофьева уже начали складываться первые такты его нового, кажется, обещающего явный успех, сочинения, как вдруг его поразила новая мысль...

...Ну хорошо, если... если действительно никакой за границы нет, и... они всё уже отхватили, то... - И тут П. как бы невзначай, осторожно, стараясь не возбудить ничьего любопытства, посмотрел налево, потом направо, потом назад.

Нет, за ним никто не шёл. Плакатов "Смерть предателям и двурушникам", или "Народный гнев настагает отщепенцев", или "Раздавите гадину" – с застывшей в мускулистой руке пролетария, выпучившей от ужаса глаза в предчувствии своего близкого конца ядовитой змеей с знаком доллара на голове – тоже нигде не было, ни по левую сторону, ни по правую, ни впереди.

А главное: нигде не было видно портретов товарища

Сталина! И люди вокруг шли как-то свободно, не оглядываясь. И никто из них не делал вид, что его этот новый, невесть откуда взявшийся высокий человек, идущий сейчас по улице и смотрящий на всех чуть свысока, совершенно не интересует, в то же время искоса, краешком глаза за каждым движением этого человека наблюдая и затем передавая его наблюдению других таких же людей.

Нет, ничего такого не было. Так что мысль о незагранице как-то растаяла сама собой.

Ну хорошо, ладно, заграница, но какая же? Где он? Эта мысль билась в нём в то время, как П. продолжал идти по длинной улице, которая вела... вела... вела... – и тут он вышел к морской гавани и остолбенел!

Прямо на него смотрела андерсеновская русалка. Она сидела в свободной позе на скалистом камне так, как её схватило воображение скульптора, и улыбалась загадочной, мечтательно-грустной полуулыбкой, обращённой, казалось, именно к нему...

Дания, Дания! И как же это он сразу не узнал! Судьба занесла его в Данию! Конечно, это было неспроста! Да, неспроста! Дания! Андерсен! Гадкий утёнок!

Гадкий утёнок! Ах, какую же замечательную, какую же великолепную музыку он тогда написал! И доказал всем и себе – ну, себе-то, собственно, доказывать было нечего, всё было ясно с самого начала – что никакой он не утёнок, а вот именно прекрасный лебедь! Так вот!

И сейчас – пожалуйста: судьба заносит его в Данию! В Копенгаген! По этим улицам, бродил когда-то Ганс Христиан Андерсен... Вот было бы забавно перенестись в те времена, когда он ещё был жив и... – ну да, и показать ему музыку к его "Гадкому утёнку". Он-то уж сразу бы её оценил. Хотя... – хотя да, конечно, его музыка тогда ещё не была написана, да и его самого ещё на свете не было. Жаль, конечно: была бы встреча двух великих!

Ну, это – "бы". А сейчас – сейчас, раз уж судьба занесла его Данию, надо бы найти местный Союз композиторов... – или нет у них такого?

...Да нет, быть такого не может! Союз без композиторов может быть, но чтобы композиторы без Союза! Нет, нет, нонсенс.

Да, зайти в Союз, представиться – хотя нет, лишнее, его и так узнают – ну, передать, конечно, привет от руководства Московского Союза, ну и вообще, что в таких случаях полагается. Чёрт, хоть бы коробку московских конфет из дому захватил!

А потом... – а потом нужно, чтобы эти господа концерт организовали.

Да... концерт. В первом отделении можно будет, пожалуй, сыграть парочку сонат - во-первых, третью, она всегда на "ура" идёт, и, может быть, седьмую – да, да, конечно, седьмую. Играть... ну, играть лучше самому... - да, да, это, пожалуй, самый лучший выход. Технически он в форме, так что тут не должно быть никаких проблем... Жаль, конечно, что Рихтера поблизости нет – но что нереально, то нереально.

...Ну, с первым отделением ясно. А во втором... – во втором "Гадкого утёнка" нужно будет дать! За роялем будет, конечно, он, а петь... – ну, эта проблема уж как-нибудь решится.

...Да, а на бис – ну, на бис он может что-то из двенадцатого опуса сыграть, что-то любой публике понятное. Как это они называют?... – ага, точно: дать обезьяне кусок сахара. Так что концерт может быть вполне успешным. Ах да, вот ещё: о прессе нужно, конечно, позаботиться – ну, тут уж пусть местный Союз старается.

Думая так, П. пошёл по набережной дальше, завернул в боковую улицу, потом в другую, и наконец вышел к небольшой площади.

На площади было довольно много народа. Люди сидели за стоящими прямо на площади столиками кафэ – благо, погода была хорошая, светило пусть и не очень греющее, но достаточно яркое солнце, на свежeweымытом недавним дождём небе не было видно ни облачка – и чинно отхлёбывали из маленьких чашечек кофе, так же чинно переговаривались друг с другом.

Неплохо было бы и ему присесть перед походом в Союз и выпить чашечку кофе – часы на башне только что пробили двенадцать, так что время у него ещё, слава Богу, есть. А попутно – выяснить, где этот самый Союз композиторов находится и как к нему пройти. Уж пару-то слов они здесь по-французски поймут, а уж тем более по английски: не зря же там утверждают – он вдруг поймал себя на мысли, что не успел он оказаться вне СССР, как уже говорит о нём "там", непроизвольно вздрогнул и мысленно поправился – не зря же у нас говорят, что американцы весь мир заполонили.

Да, присесть и выпить чашечку кофе было бы неплохо. Но увь: все столики были плотно заняты. Чёрт, вот невезение! Он ещё раз окинул взглядом столики... – а, нет, не все!

За одним из столиков сидел в одиночестве довольно почтенного возраста господин, даже сидя опиравшийся на палку, и, глядя на солнце слегка сощуренными глазами, с видимым удовольствием отхлёбывал из маленькой чашечки кофе, после каждого глотка ставя её обратно точно на то же место, откуда он её

взял, и чему-то улыбаясь.

П. медленными, однако всё же решительными шагами – как бы кто-то не подсел, тогда уж точно третьим к этому старичку не пристроишься – подошёл к столику и спросил по-французски, может ли он нарушить уединение почтенного господина и позволительно ли ему присесть за столик, чтобы выпить кофе.

Старичок, отвлекшись от созерцания солнца, перевёл на спросившего глаза, задержался на нём взглядом, как будто пропуская через себя смысл вопроса – и вдруг, улыбнувшись, сказал на чистом русском языке: "Пожалуйста, присаживайтесь".

П. обьял ужас: "Белоэмигрант!!"

Всё – он пропал! Кто ему поверит, что он не сам искал этой встречи – ведь он до этого оглядывал столики, как будто что-то высматривая.

Он ещё раз незаметно оглядел сидящих за другими столиками... – да нет, чепуха, опять ему кажется! Люди были заняты своими разговорами, своими делами, им до такой степени было всё равно всё остальное, что... Нет, нет, ничего подобного. Нервы.

Он пододвинул стул и присел за столик. Теперь, когда он оправился от шока, он смог повнимательней всмотреться в пожилого господина, и лицо это показалось ему знакомым.

...Постой, постой, не он ли тот самый журналист, что был тогда на премьере его "Игрока" в Брюсселе? Кажется, похож. – Нет, нет, тот был яркий брюнет, а у этого... нет, нет!

Или тот милый старикан, что тогда на премьере "Блудного сына" в 29-м в Париже к нему с поздравлениями и объятиями кинулся? Да нет, тоже нет. Тот и слова по-русски не знал, да и знать не хотел. Но кто же тогда?

Ах, проще всего будет, если он этому почтенному господину представится, почтенный господин представится в свою очередь, и если выяснится, что тот – действительно эмигрант – ну что ж, тогда он, П., вежливо с господином распрощается, кофе заказывать не будет и сразу уйдёт. Так что и взятки с него на родине будут гладки.

Сказано – сделано. Он слегка привстал и чуть церемонным тоном произнёс свою фамилию. На старичка, опять принявшегося за разглядывание солнца и отхлёбывание кофе, произнесённое, кажется, не произвело вовсе никакого впечатления.

П., озадаченный таким поворотом событий, повторил немного упавшим голосом свою фамилию, присвокупив к ней имя и отчество, и уж совсем на пиано добавил: "Композитор".

Тут пожилой господин на минуту отвлёкся от своего

занятия, поклонился и сказал просто: "Андерсен".

"То есть как – Андерсен?" – хотел уж было спросить П., но вовремя остановился: ещё обидится старичок. А тот продолжил: Да, да, молодой человек не удивляйтесь. Тот самый! – и заговорщически П. подмигнул.

– Ханс-Христиан? – почему-то переспросил совершенно озадаченный П. и подумал: "Бред какой-то. Чистое наваждение!" – но проверять, наваждение ли это или нет, зажмурив глаза и тут же их открыв, было, конечно, невежливо.

– Да, да, молодой человек! – повторил старичок, с совершенной очевидностью наслаждаясь произведённым впечатлением. – Вы услышали правильно: "Андерсен. Ханс-Христиан."

И тут П. поверил, и его охватило невиданное воодушевление.

Боже мой, это было как в сказке! Он попадает в Данию, мечтает встретить Андерсена, понимает, что это абсолютно нереально – и встречает его! И может с ним беседовать! Вот это – истинный подарок судьбы! Не хуже чем неожиданная Сталинская первой степени.

Да нет, пожалуй, лучше, многим лучше. Такое выпадает один раз в жизни, а Сталинская, даже пусть и первой степени... – какое тут может быть сравнение!..

Так... тут нужно что-то экстренно планировать.

Ах, чего проще: он пригласит Андерсена на свой концерт – да весь Копенгаген слетится на такое представление! И пресса. И фото: он стоит рядом с великим сказочником. И тот, сияющий от удовольствия, что его сказку, его Гадкого утёнка так замечательно перенесли на музыку в далёкой России, благословляет композитора П. на дальнейшие творческие свершения.

Да это же будет стоять во всех газетах! С аршинными заголовками! И потом он возвратится и покажет газетные вырезки в Союзе – то-то будет ажиотаж. А ещё он сделает с газетных вырезок – со всех! – копии и Ш. в день его рождения подарит. Так-то. Это тебе не автографы в Тьмутаракани раздавать.

Всё же он решил ещё раз старика проверить и сказал: Да, но Ваш русский язык.

– Ах, Вы об этом, – произнес старик с улыбкой. – Ну, тут нет ничего удивительного. Когда я был в Испании, российский консул сделал мне от имени своего императора предложение переехать в Россию. Тогда я стал изучать русский язык и делал это довольно основательно – но потом всё как-то расстроилось.

– А ведь я на Ваш текст музыку написал. Может быть, Вы

слышали: "Гадкий утёнок", – сказал П. как бы невзначай.

Старик впервые посмотрел на своего визави с любопытством, налил себе в чашечку из стоящего рядом кофейника кофе и спросил: Это в каком же смысле: оперу, что ли, написали? Или может быть, – он как-то странно усмехнулся, – ораторию? Или кантату?

– Нет, нет, – ответил П. немного раздосадовано – его всё же задело, что этот господин ничего о его "Гадком утёнке" не слышал. – Нет, не оперу и уж тем более не ораторию а... – ну, что-то вроде вокальной поэмы.

– Ага, – задумчиво проговорил старик, – поэма. Это что-то высокое, патетическое, должно быть. Про утку с утятами и жизнь в деревне. Интересно, интересно.

– Ну, я надеюсь, что здесь будет устроен мой концерт, на который я буду иметь честь Вас пригласить, – сказал Прокофьев, воодушевлённый проявленным интересом.

– А пока... пока я могу – конечно очень схематично – показать вам начало – ну, тактов десять-пятнадцать, чтобы у Вас сложилось какое-то представление.

Старичок благосклонно, но по-прежнему с лёгкой то ли улыбкой то ли усмешечкой – да нет, всё же скорее с благожелательной улыбкой – кивнул.

Первые четыре такта прошли спокойно, потом в старичке началось какое-то движение. Он весь подался вперёд, внимательно вслушиваясь в чередование то мелодии, то пропеваемого аккомпанемента и даже – то ли от напряжения, то ли от страха потерять равновесие, то ли от чего другого – крепче сжал свою палку.

Но П. было в этот момент не до того, чтобы сосредотачивать на таких мелочах своё внимание: перед его взором стояли ноты, которые он такт за тактом пропевал перед своим слушателем, стараясь акцентировать главное.

Он увлёкся настолько, что совершенно не заметил того момента, когда его визави поднял свою палку и занёс её над столом. Но в последний момент он всё же успел заметить палку, отшатнулся и увидел, как она со всей силой хрястнула по столу – да так, что стоявшая перед старичком кофейная чашечка подскочила сантиметров на двадцать и, подмигнув П. белым ушком, упала на то самое место, с которого взвилась в воздух. Правда, не разбившись – видимо, была из крепкого фаянса.

– Гадкий утёнок! – вскричал старик. – Я тебе покажу гадкого утёнка! – И он поднял свою палку, намереваясь, как видно, ещё раз хрястнуть ею об стол, но потом, передумав, опустил её со

стуком на землю.

Люди вокруг стали с любопытством, с улыбкой, а некоторые со смешком оглядываться. Но продолжалось это любопытство недолго: может быть, они привыкли к милым чудачествам своего великого соотечественника, может по какой другой причине, но не прошло и минуты, как все вернулись к отхлёбыванию кофе и неторопливым беседам.

А старик распался всё больше. „Мой текст! Так испоганить! Я тебе покажу!“ – кричал он.

Тут П. впервые с тоской подумал о том, как же всё-таки жаль, что поблизости нет хотя бы оперуполномоченного с его родины. Тот бы живо этого ретивого старика приструнил. Объяснил бы ему, что первому композитору страны полагается почёт и уважение оказывать, а критиковать – только если наверху скажут. И этот самый Ханс-Христиан мигом бы в колею вошёл.

Но мечтать – одно дело, а здесь надо было ситуацию как-то миром исправлять. И вот, дождавшись, когда силы у старичка поиссякнут, он вежливо сказал:

– Насчёт музыки могут быть, конечно, разные мнения и я, господин Андерсен, азумеется, прислушаюсь к Вашей м... м... дружеской критике. А сейчас – сейчас я хотел бы показать Вам произведение, которое у меня только складывается – может быть, Вы оцените его благосклоннее. Но это будут действительно начальные такты – больше у меня пока нет...

– Хорошо, – согласился тот, – показывайте. Гнев его, кажется, остыл, но палку свою он сжимал по-прежнему крепко.

П. начал пропевать начальную мелодию – и удивительно: старик совершенно успокоился. На лице его появилась улыбка, и чем дальше, тем оно делалось мечтательнее и блаженней. Было совершенно очевидно, что то, что он слышит, ему нравится.

– Ну, вот и всё, – оборвал себя П., – дальше уже дело развития материала.

Старик медленно перевёл на него глаза и сказал: Вот это было, кажется, хорошо. Что же это было – или, точнее, будет? – спросил он.

– Моя будущая симфония. Седьмая по счёту. То, что Вы слышали – это было самое начало.

– Что ж, – медленно произнёс Андерсен, – это кажется действительно хорошей музыкой. Вы уж меня извините за мою вспышку. Раньше я был, как говорят, терпимее.

– Ничего, ничего, – ответил П., облегчённо вздохнув, и подумал: Всё-таки старик, кажется, не так консервативен и глуп в музыке, если сразу понял мою будущую Седьмую. Посвящу-ка я

эту симфонию ему – то-то он обрадуется! И может быть, тогда и насчёт утёнка что-нибудь хорошее скажет.

А старик продолжил: – Ну а насчёт Вашего концерта – когда он, кстати, будет? – что Вы там показывать собираетесь?

– Это ещё надо обсудить с местными това... то есть с местными музыкантами, – проговорил П. неуверенно.

– Уж не Гадкого ли утёнка показывать собираетесь? – спросил старик и слегка побагровел.

– Нет, нет, – поспешил ответить П. и добавил, переводя разговор в другое русло: Эта мелодия, которая Вам так понравилась... – когда симфония будет готова, я буду рад посвятить её Вам. В память о нашей встрече. – Он невольно покосился на палку, которую Андерсен продолжал сжимать в своей руке.

– Спасибо, мне будет очень приятно, – вежливо ответил тот. – Ну, а сейчас мне пора, – сказал он, – устал я, да и солнце скоро сядет, а я не выношу холода, хоть и вырос не в большом тепле. И он поднялся со стула и, опираясь на палку, медленно встал.

– Уж лучше бы он попросил старика пойти с ним к фотографу, сфотографировались бы вместе. А сейчас – увы! – об этом надо забыть. Да и на концерт этот старикан явно не придёт. И дёрнула же меня нелёгкая петь ему моего "Утёнка". Ведь старик явно застрял в девятнадцатом веке, да и тогда, может быть, в музыке не очень-то понимал.

...А всё же приятно, что ему мелодия из моей будущей Седьмой понравилась. И кто знает – может быть, и дадут у нас согласие пригласить старика на премьеру.

– Желаю Вам успеха и доброго здоровья, – сказал Андерсен.

П. поклонился, подумав, что он совершенно забыл спросить, как же ему пройти к местному Союзу композиторов. Но старик уже уходил, догонять его было бессмысленно, да и потом, если уж правду сказать, желание устраивать здесь концерт у П. как-то стёрлось.

Он подозвал официанта, заказал себе кофе и посмотрел на сереющее, окутываемое облаками солнце. Потом он медленными глотками выпил кофе, расплатился, встал и пошёл в том направлении, откуда вышел на площадь.

Он шёл и шёл, и с каждым его шагом улица, по которой он шёл, теряла ясные очертания и как бы растаивала в воздухе.

Вдруг он очутился у себя на даче, и понял, что просто заснул в кресле.

Перед ним на столе лежала газета с не очень стеснявшейся в выражениях критикой его ранних сочинений. Среди прочих аргументов критика был и такой: "Великий Андерсен был бы несомненно возмущён нелепой вокализацией его текста, да ещё под такой же нелепый аккомпанемент".

..Так вот эту историю и рассказывают.

Ересь, конечно, чепуха, всё от начала до конца выдуманно. Люди друг про друга чего только не придумают! А уж если они композиторы...

Но – забавно!

Александр Ласкин

Высокий и Толстой

Глава из повести

ГЛАВА ПЕРВАЯ. БИКБАРДА. 1891

1.

то за судьба такая. Надеешься прожить в одном месте лет сто. Если же иметь в виду потомство, то все триста-четыреста. Тут тебе говорят: хватит. С этого дня здесь другой хозяин.

Е.В. и П.П. Дягилевы около своего дома в Бикбарде. 1880 годы

Сперва пьешь успокоительное и самого Господа просишь вмешаться. Наконец понимаешь, что помощи ждать неоткуда. Рассчитывать надо исключительно на себя.

Главное, не смотреть на вozy с мебелью. Тогда еще какое-то время продержишься. Потом повернешь голову, и как обожжет. Будешь долго разглядывать какой-нибудь стул.

Что, казалось бы, в этом стуле? Ровным счетом ничего.

Где-то рядом находятся одиннадцать его сестер и братьев.

Еще вчера рядом с диванами и шкафами стул выглядел как равный среди равных. Сейчас он взбрыкнул ножками и повис в акробатической позиции. Словно застрял между небом и землей.

Опять уговариваешь себя: не кисни! Сколько их, этих стульев, еще впереди! Нет, тебе важен именно этот. Он уже давно стал участником твоей жизни. Едва ли не членом семьи.

Да и потом Павел Дягилев вспоминал отъезд из имения, а когда вышел в отставку, эта тема стала едва ли не главной. С утра начнешь думать, а закончишь к вечеру, но так и не ответишь на вопрос: почему?

Еще Павел Павлович читал книги. Не обязательно по военной истории. Попадались ему и журналы, и сочинения новомодных авторов.

В каком-то сборнике нашел пьесу «Вишневый сад». Прочитал раз и сразу начал читать сначала. Сходство с их историей было настолько явным, что он подумал: не знает ли Чехов что-то от его сына?

Присочинить автор тоже горазд. К примеру, никто из его близких не разговаривал со шкафом. Даже только что упомянутый стул не спрашивал: как же вы так?

Почему Гаев обращается к шкафу? – пытался разобраться Дягилев. Потому, что только он способен его понять. Все же книги на полках еще помнят прежнюю жизнь.

Павел Павлович тоже друг и единомышленник книжного шкафа. Человек, чье время прошло. Если у него есть роль в новом времени, то это роль старого ворчуна.

Забавная фигура, человек восьмидесятых годов. Такие люди скорее исчезнут, но главного не предадут. Не то что нынешние. От этих только и слышишь: «не хочу» и «не буду».

Поступков в его жизни было немного. Зато мечтаний сколько угодно. Виделось что-то вроде появления на сцене. Выкидываешь руку и бросаешь в зал несколько фраз. Тонешь в аплодисментах и благодарно раскланиваешься.

Говорите, на театре отказались от подобных эффектов? Так он не следит за модой. Когда рассчитывает произвести впечатление, то себе не отказывает.

Что-то такое случилось незадолго до их разорения. Во всех пермских домах: шур-шур-шур. Удивляются: как он мог? Пусть должность не столь важная, но и лишней не назовешь.

Дягилев не то что выбрасывает руку, но ведет себя вызывающе. Утверждает: если вы так, то и я так. Отказываюсь от звания Старшины Благородного собрания. Раз вы позволяете себе

такое, то я лучше отойду в сторону.

2.

Ничто, надо сказать, не предвещало. Да разве в поводе дело? Когда есть намерение блеснуть, то так оно и случится.

Начиналось все очень обычно. Два офицера расквасили друг другу носы. Причем места искать не стали. Решили помахать кулаками на лестнице Благородного собрания.

В чем отличие новой эпохи? Прежде дрались на дуэли, а теперь без особого повода. Тут в остатке не поворот судьбы, а лишь испорченное настроение.

О драке и говорят по-другому. Глаза не блестят, а затухают. Порой следует ехидное уточнение: в наши времена испорченных может случиться не такое.

Юноши, надо сказать, не простые, а золотые. Один даже состоит в родстве с губернатором. Вот это обсудили подробно. Решили, что пусть сам разбирается. Страшает родственника тем, что оставит его без поддержки.

Уже перешли к другой теме, как тут явился Дягилев. Объявил о том, что оставляет эту территорию. Удаляется, правда, недалеко. Благо родовой дом расположен напротив Дворянского собрания.

Кто-то услышит новость - и спешит засвидетельствовать почтение. Больно хочется спросить: неужто не было иных вариантов?

Совсем не все восхищаются. Миллионщик Поклевский-Козелл считает этот поступок не победой, а капитуляцией.

Чего кичиться неучастием? – вопрошает он. Разве важно, как покидать поле боя? С поднятой или опущенной головой? Вытянув руку или засунув ее в карман?

Поклевскому всегда надо больше всех. Сколько ему говорили: зачем кипятиться? Прямо-таки булькать как самовар! Лучше поберечь энергию для чего-то более важного!

Кстати, и комплекцией Викентий Альфонсович не уступит самовару. Тут тоже имеет место покатошь. Причем не один, а несколько раз.

Он и ел так же как разговаривал. Много и с удовольствием. Легко представить, сколько надо трудиться, прежде чем так располнеть.

Еще, конечно, лицо. Упомянем о нем хотя бы из-за усов. Это вам не какое-то пятнышко под носом, а самая настоящая растительность.

Вот именно - растительность. Как иначе назвать эту ветвь? В одну и в другую сторону. Еще с изящным выгибом на обеих

концах.

В отличие от избыточного Поклевского в Дягилеве преобладала упорядоченность. Не в его характере попусту размахивать руками. Если жест, то такой, который подчеркнет мысль.

- Я так сделал, - со всей внушительностью сказал Павел Павлович, - потому, что у меня есть хорошие советчики.

- Кто же эти советчики? - у Поклевского прямо захватило дух. Он чуть не воскликнул: я же говорил, что тут не обошлось без подсказки!

- С радостью назову их, сударь, - ровно так продолжал Дягилев. - В первую очередь, граф Толстой.

Каждое слово он выговаривал четко. Показывал, что спешить ему некуда. Самое главное произнесено.

Тут самовар опять зашелся. Заинтересовался: это какой Толстой? Не главный ли наш любитель мутить воду? Оказалось, действительно Лев Николаевич. Если точнее, его герой.

- Помни одно, князь Андрей, - декламировал Дягилев, - коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... А коли узнаю, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!

- Вот оно что, - думал Поклевский. - Когда у человека в голове целая библиотека, для своих мыслей места не остается.

Примерно так он и сказал. Еще добавил, что упертость хороша во время войны. Правда, кое-кто всегда найдет повод помахать шашкой.

Миллионщик тоже наступал уверенно. Все кипел и кипел. Со всей присущей ему страстью умолял утихомириться.

- Не забывайте, - говорит он, - мы живем за Уралом. Со времен Пугачева тут ничего не происходит. Если только какому-то чудаку не захочется отличиться.

Так они стояли вдвоем посреди пустой улицы. Один уговаривал другого, что лучше обойтись без жестов. При этом сами жестов не жалели. Так размахались, что комары боялись приблизиться.

Поклевский как бы говорил: есть шум – и шум. Одно дело - громкий голос, а другое - громкие заявления. Это же все равно, что ткнуть в себя пальцем и назваться честным человеком.

- Посмотрите, как устроен наш город, - развивал он свою мысль. - Несколько шагов в сторону - и открывается вид на Каму. Смотришь на эту ширь и понимаешь, что самое правильное побережь нервы...

Если Поклевский вставит шпильку, то так, чтобы было больно. Сперва он как бы изготавился, а потом произнес:

- Что, дорогой друг? Предположим, вы покинули Благородное собрание? Куда теперь намерены податься? Домой?

Он опять сделал паузу. В том смысле, что все непросто. Не следует допускать, чтобы событий было чересчур много. Сперва закончи с одним, а потом принимайся за другое.

Тут же – явный пережест. Еще не разобрался с долгами, а уже протестует. Будто не знает, что взволнованного человека можно брать голыми руками.

Кредиторы этого не пропустят. Едва он начнет ораторствовать, подкатят со своими бумагами. Не желаете ли перейти от общих материй к совершенно конкретному случаю?

Да, этот случай ваш. Ваш и вашего семейства. Суть его в том, что расплачиваться придется именем в Бикбарде и домом в Перми.

Что-то неясно? Значит, не желаете понимать. Все еще видите себя на сцене. Думаете, перед вами не река Кама, а море голов в зрительном зале.

Или представьте человека, склонившегося над подсчетами. Стоит ему взмахнуть руками – и бумаги окажутся на полу. Возможно, поэтому на театре изображают принцев, а бухгалтеров – нет.

Так вот Дягилевы скорее из принцев. Произносить речи – всегда пожалуйста, а остальное их не касается. Больно романтические это натуры для того, чтобы складывать и умножать.

Вы, кстати, не размышляли о том, почему романтика тянет в горы? Потому, что это почти сцена. Встанешь на вершине, и тебя видно далеко окрест. Да и акустика не хуже, чем в Александринке.

А в Перми что? Уж очень все близко. Дворянское собрание, потом гимназия и губернаторский дом. Вот и весь круг жизни. Так и крутишься на этом пяточке.

Тюрьма тоже недалеко. Часто губернатор видит в окно, как заключенных ведут по улице. Уколется о неприятный взгляд и думает: конечно, конечно... Как это я забыл о том, что первые когда-нибудь станут последними?

3.

Родители Павла Павловича и Викентия Альфонсовича тоже были не прочь повыяснять отношения. Вновь и вновь пытались понять: кто из нас круче?

Самый любопытный экземпляр представлял Альфонс Поклевский. Его просто хлебом не корми, а дай показать характер. Причем так, чтобы вышло что-то вроде спектакля.

Поэтому рядом с ним всегда слуга. Он нужен ему не только для бытовых надобностей, но и как партнер по игре. Вдруг

потребуется подать реплику или нужный предмет.

Верность - дело приятное, но не в больших количествах. Альфонс Фомич повернется: это опять ты? Еще закрадется сомнение: в самом ли деле слуга преданный или только делает вид?

Однажды он высказался по этому поводу. В смысле – плюнул. Повернул голову и выпустил пригоршню слюны. Затем откинулся на стуле и стал ждать, что будет дальше.

Сначала глаза оплеванного округлились, а лицо побелело... Затем он вытер платком губы хозяину, и лишь тогда занялся своей одеждой. Было ясно, что слугу не остановит ничто. Настолько скромно он себя оценивает.

У сына Альфонса Фомича тоже хватало напора. Никогда не застрянет ни на чем печальном. Да и времени совсем нет. С таким богатством только успевай поворачиваться.

Разрослась за эти годы империя Поклевских. Началось все с одного завода, а теперь их десяток. Еще пятьдесят восемь больших домов. Не говоря об асбестовых и прочих рудниках.

Если бы имущество располагалось близко, то это был бы город «Поклевск». Служил бы он в нем губернатором. Впрочем, может и лучше, когда вразброс? Расставишь флажки на карте и удивишься: неужто это мое?

Поклевский считает, что в куче ничто не бывает ненужным. Для чего ему членство в попечительстве о тюрьмах, но он и тут отметился. Подчиненных же у него не меньше, чем купюр. Что касается желающих вытереть лицо хозяину, то и тут все обстоит наилучшим образом.

По части зрелищности Викентий Альфонсович не уступает отцу. Тоже мастер производить впечатление. Другие хихикают, а он грохочет. Ты еще не вошел в дом, а уже знаешь, что у него отличное настроение.

Не удивительно, что у всех одна фамилия, а у него – две. Вторая, правда, как бы передразнивает первую. Два «л» и перемена на «е» не могут скрыть явно торчащего «козла».

Какой из этого можно сделать вывод? В этой жизни Поклевский занимает не последнее место. Надо ли уточнять, что он существует в согласии с ней.

4.

Чаще всего богатые люди насуплены, а Викентий Альфонсович жизнерадостен. Как уже сказано, непременно примет участие. На худой конец, поразмахивает руками и что-то важное произнесет.

Больше всего не любит недосказанности. Иногда без

приглашения заглянет в гости. Мол, на чем мы остановились? Предлагаю продолжить спор.

Почему ему безразличны Дягилевы? Может, дело в том, что нервного тянет к спокойным? Хочется понять, отчего они равнодушны к тому, что другого заставляет переживать.

Зато о литературных новинках в этом семействе говорят без конца. Собирают по этому поводу гостей. «На сладкое» читают вслух отрывки из любимого автора.

Непонятно, почему вторая реальность их интересует больше, чем первая. Отчего обо всем можно судить строго, а Толстого с Достоевским трогать нельзя. Если кто-то позволит усомниться, то его буквально испепелят взглядом.

Одного в этом доме именуют - Лев Николаевич, а другого - Федор Михайлович. Пусть писатели не догадываются о Дягилевых, но его поклонники знают о них почти все.

Викентий Альфонсович больше присутствует, но раздражение копится. Что за «ахи» да «охи»?словно два этих мрачных бородача – провинциальные барышни, которым только надо, чтобы их хвалили.

Однажды он почувствовал, что не может молчать. Пусть знают, что их точка зрения не единственная.

- Другому автору достаточно письменного стола, - сказал Поклевский, - а Льву Николаевичу интересно все. И сочинять романы, и косить, и воспитывать детей...

Хотелось добавить, что он сам романов не пишет, но забот хватает. Причем мысли не возникает что-то кому-то перепоручить. Подумал – и промолчал. Странно в присутствии людей, которым грозит разорение, рассуждать о налаженном хозяйстве.

Павел Павлович понял, куда он клонит, и ответил на непроизнесенную реплику. Пусть знает, что они живут не как получится, а как считают необходимым.

- Вы думаете, мы только и делаем, что обсуждаем прочитанное? Так вот знайте, что благодаря книгам мы чувствуем себя уверенней.

Викентий Альфонсович не стал настаивать. Ваше право встретить катастрофу с Толстым в руках. Можно еще озвучить это событие игрой на музыкальных инструментах.

Поклевский опять не понимал: почему? Неужто они не чувствуют, что дело совсем плохо? Не испытывают страха от того, что вскоре случится непоправимое?

Оставался, правда, такой вариант. Что если это маска? Стоит им остаться одним – и они ведут себя иначе. Смотрят с тоской и беспомощно разводят руками.

Картина представилась так ясно, что он решил навестить Дягилевых. Посидеть с ними на диване. Спросить: что же вы так? Ситуация крайняя, но не безнадежная.

Они его попросят о помощи, а он нарисует перспективы. Сперва прибавит, а потом отнимет. В два счета покажет, что надлежит сделать.

Лучше всего нагряться с утра. В это время мысль о возможном спасителе буквально витает в воздухе. Едва Дягилевы возденут руки к небу, а он тут как тут.

5.

Опасно быть человеком с воображением. Что-то представишь, а все оказывается иначе. Вернее, так, как всегда. С той разницей, что Дягилевы не говорили о книгах, а музицировали.

Викентий Альфонсович сел в коридоре, подставил уши приятным мелодиям, и приготовился ждать. Не вечно же им репетировать. Во время перерыва он обнаружит себя.

Вскоре в дверях появились хозяева. Перебивая друг друга, они удивлялись столь неожиданному визиту.

- Я-то думаю, для кого мы играем? А вот, оказывается, для кого. Надеюсь, в следующий раз вы не станете от нас прятаться.

Павел Павлович пообещал подготовить программу «Подношение Поклевскому». После концерта Викентий Альфонсович будет вставать с кресла в первом ряду и раскланиваться перед публикой.

Миллионщик замахал руками. Он согласен часами сидеть в коридоре – только бы лились эти чудные звуки.

- Как я люблю хорошую музыку! - продолжал он. - Не был бы я богатым, я стал бы бедным... Пиликал бы на скрипочке и радовал хороших людей.

Елена Валерьяновна и Павел Павлович всполошились: не намекает ли он на то, что вскоре ситуация станет настолько сложной, что они пойдут с шапкой по кругу?

Поклевский сказал, что так благодарен за удовольствие, что готов заплатить. Кажется, подозрения подтвердились. Вот не думали, что первый гонорар придется получать от него.

Непонимание есть форма достоинства. Когда что-то неясно, это значит, что ты не до конца принял чужую точку зрения. Вот почему Дягилевы удивлялись: не уточните ли, на что мы можем рассчитывать? Чаще всего должны мы, а выходит, что должны нам...

Викентий Альфонсович заверил: сейчас-сейчас. Начал все же с обезболивающего. Другими словами, с байки. Пусть

расслабятся, а потом он их огорошит.

- У меня есть знакомый врач. Большой, знаете ли, шутник. Если не пропишет лекарство, то расскажет что-то веселое. Вот я и лечусь у него анекдотами. Придешь хворым, а уходишь здоровым. У него есть присказка: «Больной пошел на поправку, но не дошел»...

Дягилевы придерживались все той же формы достоинства. Никак не могли взять в толк. Павел Павлович попытался философствовать. Сказал, что иногда вернее не приобрести, а потерять.

Теперь не понимал Поклевский. Что тут правильного? Если у меня есть состояние, то потому, что я ни от чего не отказываюсь. Вспомните судьбу Рима! Империя погибла потому, что многим захотелось умыть руки...

Павел Павлович вздрогнул. Да, настаивал собеседник. Видно, Пилат что-то знал о местном народе, раз у него был такой жест.

- У нас же не империя, а имение. – не отступал Дягилев. – Хотя на бикбардинском балконе умещается человек пятьдесят, но это все же не палаццо...

- Какой балкон? - удивлялся Поклевский. Если случится катастрофа, то не останется ничего. Все покатится в тартарары... Я только фигурально, – уточнял он. – В том смысле, что у всех свой Рим. И конец Рима у каждого свой...

- Вы бы лучше вспомнили Помпеи, – говорил Павел Павлович. – То еще было крушение... Над «Последним днем» Брюллова я хохотал от души. Представлял «Последний день Крыжополя»... Наверху - молнии, а внизу - лужа. Что за русский город без лужи на площади?.. А наша Пермь – чем не Крыжополь? Типичный, говоря по Гоголю, город N.

- Помните, - начал Поклевский, - наш разговор на улице? Я утверждал, что последние события на Урале происходили во времена Пугачева. У нас, действительно, больше по мелочам. Вы тоже обойдетесь без эффектов... Встанете утром, откроете «Пермские ведомости». Ба, да это обо мне! Вот оно, признание. Правда, признали вас не великим музыкантом или отменным спортсменом, а несостоятельным должником. Затем еще большая проза. Имение выставлено на торги. Не забыли, как эти торги происходят? В центре – чиновник с деревянным молотком. Раз – тук, два – тук. Ну, в крайнем случае, три. Вот и продано ваше имение.

Поклевский не только обрисовал картину, но захотел в ней поучаствовать. Когда воображаемый молоток опустился последний

раз, на его лице нарисовалась скорбь.

Дягилевы тоже загрузили. Какой-то сумрак разлился в воздухе. Поклевский увидел, что они почти сдались, и решил поднажать.

- Верьте моему опыту. – сказал он. - Не так прост Викентий Альфонсович. Все же не козёл, а Козелл. Между прочим, два «л».

Поклевский повторил свою фамилию. Выходило, что этих «л» не два, а едва ли не шесть.

- Ситуация действительно сложная, – он вдруг перестал улыбаться. - Не подготовишься – беды не избежать. Я бы на вашем месте часть имения отдал под дачи.

- То есть как – под дачи? – чуть не вскрикнула Елена Валерьяновна. – Вы что же, - погрозила она пальчиком, - хотите превратить наше имение в Мариенбад?

- Эка, куда вас заносит... - поднял брови Поклевский. – Построите рядом с усадьбой домов тридцать. С дачниками будете пересекаться лишь по поводу своевременной оплаты... Это еще тот народ. Так вы к ним со всей строгостью. Если Павел Павлович командует полком, то с дачниками он справится. Быстро построит на ать-два.

- Что же - в своем имении стать управляющей? – распереживалась Елена Валерьяновна. - Ходить за каждым постояльцем хвостом?

- Это только кажется, что занятие утомительное. Моя супруга жаловалась, а потом втянулась. Сейчас зимой и осенью у нее хандра. Я-то, как вы знаете, целый год командую, а она только в дачный сезон...

- Нет, нет и нет, - сердилась Дягилева. – Для чего в Бикбарде эта коммуна?

«Коммуна» она произнесла чуть ли не по-французски. В-первых, коммунары были французы, а во-вторых, по-русски это слово звучало как-то бесцветно.

Что только не придет на память, когда волнуешься. Вот вспомнилось это выражение. Она извлекала его из какого-то романа, а сейчас впервые демонстрировала на публике.

- И вы туда же! - засмеялся Викентий Альфонсович. – Коммуна! Еще припомните коммунизм. Если в километре от вас поселились дачники, то это не значит, что вы с ними породнились.

Павел Павлович все же решил высказать давнюю мысль. Прежде чем соглашаться с Поклевским, надо понять: для чего он старается?

- Если мы с кем-то и породнились, то с вами. С чего бы это

почти незнакомый человек так заинтересовался нашими обстоятельствами?

- Так вы говорите о том, кто вам симпатизирует, - огорчился Викентий Альфонсович. - Что с того, что прежде мы мало общались? Например, лесник встречает заблудившихся людей. Разве условием их спасения он непременно ставит близкое знакомство?.. Кстати, наши дети живут в Петербурге. Я давно хочу познакомить своего Ивана с Сергеем. Теснее всего людей связывают воспоминания...

Елена Валерьяновна не заметила этих слов и опять вернулась к дачникам. Сказала, что скорее всего они предпочтут жить рядом с рекой. Значит, их любимый пейзаж будет навсегда испорчен.

- Да что им наши пейзажи? – вздыхала она. - Они устроят свои. Повсюду разбросают дорожки со скамейками. То, что у нас было берегом - у них станет пляжем. Понятное дело, кабинки для переодевания. Да еще небольшая торговля, чтобы подкрепиться на месте.

Елена Валерьяновна начала о том, что особое удовольствие жить там, где ты все и всех знаешь. Не только любого встречного, но каждое дерево... В городе дом – это особняк на Сибирской, а тут дом – поле и лес... Затем она стала рассказывать, как по утрам над рекой расстилается туман, но Викентий Альфонсович не выдержал:

- Я, знаете ли, почти ничего в этом не понимаю. Туман для меня и есть туман. Сфера неотчетливая и трудноопределимая.

Поклевский понял, что если не перейти к главному, то эти люди его заболтают. До конца дня будут вспоминать самые дорогие моменты жизни в имении.

Начал Викентий Альфонсович совсем тихо. Казалось, он советуется не с ними, а с собой.

- Вот вы, мои дорогие, не желаете слушать понимающего человека. Считаете, что сами с усами. Этак мне наскучит вас уговаривать.

- Может, действительно, оставите нас в покое? - попросила Елена Валерьяновна. – Вдруг мы сами найдем выход? Если у нас что-то получится – милости просим к нам домой. Обещаю устроить по этому случаю пир.

Дягилев добавил пример с Подколесным. Есть, знаете ли, люди, которым невозможно помочь. Уж как старался Кочкарев! Так его подопечный сиганул в окно...

- Не будь Гоголь комическим писателем, - мрачно говорил Викентий Альфонсович, - Подколесин должен был бы разбиться...

Так сказать, из огня - да в полымя... Вы же знаете, какие высокие в Петербурге первые этажи... Ясно, что человек, не желающий усложнять ситуацию, тем самым делает ее невыносимой...

За это время Дягилевы почти успокоились. Они даже переглянулись друг с другом: вот видишь, мы уже разговариваем о литературе...

- Наверное, нелегко быть философом - и богатым человеком, - сказал Павел Павлович. - Захочешь поразмышлять о Гоголе, а тут что-то неотложное... Были бы вы учителем гимназии - посвящали бы своим мыслям куда больше времени. Еще приобщали бы к ним юную поросль...

Викентий Альфонсович ухмыльнулся. Не мне вам объяснять, какие сейчас дети. Один преподаватель мне рассказывал, что уже не рад к вам ходить. Сережа непременно попросит спросить на уроке не третий и не шестой параграф, а именно четвертый.

Павел Павлович нашелся. Больше всего нашему сыну нравится организовывать. Непонятно откуда у него эти таланты. Видно, если не выйдет с адвокатурой, то он станет миллионщиком...

Дягилев говорил, а сам поглядывал на супругу. Каково ей это слушать? Все же не мать, а мачеха. Переживать ей приходится не только за себя, но и за умершую в родах Женичку.

Женичка, Евгения Николаевна Евреинова, - его первая жена. Елена Валерьяновна всегда о ней помнит. Постоянно себя спрашивает: что бы сделала на ее месте настоящая Сережина мать?

Ясно, что Женичка была бы рассержена. Наверное, потребовала бы от Поклевского объяснений. Сказала бы что-то вроде: помните о том, что мы - родители, и нам это неприятно.

Дягилева собралась повторить эти слова, но гость уже говорил о другом. Что за странный человек, восхитилась она. Совершенно невозможно рассориться.

- Миллионщик из меня получился к тридцати, - Поклевский улыбнулся чему-то на горизонте. - Так что вы верно угадали насчет учителя. В детстве я собирал сверстников и читал им что-то вроде лекций. Испытывал особое удовольствие, когда ставил единицы и двойки... Как-то папенька Альфонс Фомич застучал меня за этим занятием и говорит: если тебя слушают пять человек, то и две сотни будут как шелковые.... Сейчас у меня служат пять тысяч народа. Все до одного знают, что возражать не имеет смысла... Не потому, что я такой грозный, а потому, что я всегда прав.

Поклевский засмеялся. Мол, имеете дело с неординарной личностью. Большинство наших соотечественников представляют собой варианты мягкой игрушки, и лишь я стою как скала...

Супруги заулыбались. Правда, без особого энтузиазма. Каждый подумал, что они, слава Богу, в эти пять тысяч не входят... Хорошо бы и после обойтись без него.

Викентий Альфонсович повел себя настойчиво. Да, именно прав. Впрочем, те, кто предпочитает внимать Моцарту с Бетховеном, могут его не услышать.

- Тирли-тирли да труля-ля... - пропел он. - Возможностей у ваших любимцев больше, чем у такого скромного человека как я. Все это люди с большими связями. Пусть они и вытаскивают вас из долговой ямы.

Дягилевы уже почти понимали, куда он клонит, но еще надеялись. Вдруг все же не он. Вроде бы какая разница, но им хотелось, чтобы это оказался кто-то незнакомый.

Викентий Альфонсович налил в стакан воды. Пил долго и с удовольствием. Затем приложился салфеткой к губам. Посмотрел на Дягилевых весело. Кажется, он говорил: хотите знать мою точку зрения? Тогда слушайте и ничего не пропускайте.

- Я ведь не только хороший, но и богатый человек. А что такое хороший богатый? Это все равно, что плохой хороший. Не терплю, когда красивая вещь валяется на земле. Не побрезгую, подниму, очищу от грязи. Потом прибавлю к своему собранию.

Слушать Викентия Альфонсовича было трудно. Не только из-за того, что он говорил неприятные вещи, но и потому, что речь была очень медленной. Произнесет фразу, а после паузы продолжит.

Наконец вступил Павел Павлович. Сделал он это решительно. Наверное, чувствовал, что сила не на его стороне, и другой возможности не будет.

- Прежде вам не нравилось наше увлечение книгами. Теперь вас не устраивает наша любовь к музыке. Да, мы такие. Книжники и музыканты. Когда не находим утешения у любимых композиторов - обращаемся к обожаемым писателям...

Пока это было похоже на спор. Пусть на жаркий спор. Затем Дягилев от защиты перешел к нападению. Правда, тон взял несколько иронический.

- Вы-то, как я понимаю, больше любите не перечитывать, а пересчитывать... Только людей у вас - пять с тремя нулями. Затем заводы, рудники. Деньги, наконец. Это все - нули и нули.

Викентий Альфонсович не отказывается. Не был бы он практическим человеком, то вряд ли сейчас здесь находился. Что

касается спокойствия, то именно этого ему хочется пожелать Дягилевым. Ведь вскоре им предстоит переезд...

Павел Павлович опять попытался возразить, но Поклевский уже переходил к самому главному.

- Если ни один вариант вам не подходит, то ваше имение купят, – он улыбался немного странно. – Я даже могу назвать того, кто не пожалеет для этого денег.

Дягилевы слушали напряженно. Зато Поклевский расслабился. Сел поудобней, перекинул ногу на ногу, и как-то уж очень прямо посмотрел на собеседников.

- Вам интересно, кто? – спросил он. - Может, Иван Иванович Сидоров? Или Петр Петрович Иванов? Нет, Поклевский-Козелл. Прошу не любить и не жаловать....

Он опять передохнул, а потом вновь добавил жара. Ситуация явно приближалась к самой высокой точке.

- Деньги идут к деньгам, а пиво к наливкам. - Викентий Альфонсович чуть ли не виновато развел руками. - Почему бы, руководствуясь этим принципом, не соединить мои пивные заводы с вашими винокуренными?

Миллионщик встал и скрестил на груди руки. Почти как Наполеон. Сейчас перед его глазами была не эта комната, а нечто куда более просторное и значительное.

Где-то совсем рядом находились упомянутые пятьдесят восемь домов, десяток заводов и дюжина рудников. Они были не разбросаны по необозримой империи, а скучивались подобно просителям в приемной.

«Кто последний?», - робко спросил винокуренный завод Дягилевых. Оказывается, он тоже рассчитывает на аудиенцию. Что ж, Поклевский не против. Еще недавно он колебался, а сейчас согласен его принять.

6.

Вряд ли это только настырность. Скорее, особенность настоящего персонажа. Он всегда внутри сюжета. Ничто не заставит его переместиться в зрительный зал.

Теперь понимаете зачем Викентий Альфонсович отправился в Бикбарду? Главное цели непрактические. Важнее всего желание довести роль до конца.

О чем думал Поклевский в предвкушении начала? Конечно, о драматургии. О том, что он произнесет монолог. Что его интонация будет немного разочарованной.

- Как же вы, мои милые, – скажет миллионщик. - Не послушали опытного человека. Заставили раскошелиться. Было десять заводов, а стало одиннадцать... Зачем, спросите, это мне? А

затем, чтобы вы знали, как все непросто. Стоит потерять бдительность, и вы остались с носом.

Тут начнутся аргументы Дягилевых. Можно представить, что они скажут, но лучше послушать их самих. Пока же следует осмотреться по сторонам.

Права Елена Валерьяновна. Дело не только в лесе и реке. Важнее всего красота линий. То, как одно перетекает в другое. Ну а воздух, воздух! Густой как деревенское масло. Хоть намазывай его на хлеб.

Представилось пробуждение в барском доме. Вот он раздвигает занавеску. Интересно, чем сегодня нас одарил Господь? Хотя снега выпало немерено, все равно распахиваешь окно.

Викентий Альфонсович проделал такой эксперимент. На одну ладонь водрузил дягилевские заводы, на другую – остальные свои владения. Вновь убедится, что сравнение в пользу Бикбарды.

Он думал о том, что надо изменить прежде всего. Мысленно переставил постройки подобно диванам и шкафам. Причем не по одному разу. Передвинет, а потом видит: есть еще варианты.

Так приноравливаются к обнове. Привыкают к тому, что симпатичный господин в зеркале – никто иной как ты сам. Всмотрись: лицо известно до прыщика, а пальто незнакомое. Даже неловко за старую пролетку.

Как вы понимаете, он думал так фигурально. Когда планируешь большую покупку, иной смысл приобретают вопросы: «не тесно?» или «не жмет?»

Поклевский приближался в дягилевскому дому. Весело поглядывал по сторонам. Едва собрался порассуждать о пролетке, как увидел, что стоит рядом с дверью.

Приехал Викентий Альфонсович не с пустыми руками. Подарок был со смыслом, но без чрезмерной назидательности. На пакете, в котором он находился, краснели три симпатичных банта.

Как вы уже поняли, это была книга. Причем не какая-то простая, а самая что ни на есть вечная.

Миллионщик выбрал советы молодой хозяйке. Все проходит, как бы говорил он. Если что-то переживет нас, то лишь рецепт приготовления борща.

Эти слова следовало поместить на титуле, но он ограничился скромным: «Е.В. и П.П. от давнишнего знакомого». Подумал, что вышло сухо, и приписал: «Не поминайте лихом».

В последней фразе был не только порыв, но и совет. Мол, постарайтесь встать выше сиюминутности. Если меньше размышлять о прошлом, то вы окажетесь ближе к будущему.

Надпись выглядела не хуже бантиков. Каждая буква на свой фасон. У некоторых не по два, а по пять завитков.

7.

Что сейчас делали Дягилевы? Конечно, репетировали. Не замечали того, что тут еще есть солисты.

Представьте: с одной стороны - оркестр соловьев, а с другой – здешних хозяев. Каждый гнет свою линию. Кажется, одни спрашивают у других: а ты можешь, как я?

Пока Викентий Альфонсович решил заняться здоровьем. Под звуки из окон побегал и помахал руками. Когда музыканты стали играть быстрее, он тоже ускорил темп.

Миллионщик чуть не кричал от удовольствия. Одна рука - сюда, другая - туда. Еще бы облиться холодной водой, но с этим он решил не спешить.

Так он приходил в себя после дороги, а заодно готовился к встрече. Все же лучше предстать не с потухшим взором, а полным сил и энергии.

Пробегая мимо дома, он заглянул в окно. Удивился: какие возвышенные! Словно не потеряли все, а приобрели что-то более важное.

Жертвы всегда одухотворены. Если из глаз льется свет, то эти люди согласятся с любой участью. Человек со скрипкой и вообще где-то не здесь. Уж какой из него конкурент?

Зря Поклевский прежде не интересовался: «Вы, случаем, не музыкант?» Если человек больше всего на свете любит Шопена, то земные дела ему вряд ли понятны.

Думаете, он сам безразличен к искусству? Вот и неправда, уважаемые господа. Просто всему свое время. Музыка в его жизни принадлежит важное, но последнее место.

Сперва, все-таки, дело. Зато в воскресенье расслабляешься. До обеда лежишь на диване, а вечером направляешься в оперу.

Сидит Викентий Альфонсович в ложе около сцены. Всякий, вошедший в зал, сперва видит его. Порой и актеры обратят внимание: как там дорогой гость? Если на лице написано удовольствие, то, может, он расщедрится не только на аплодисменты?

Дягилевы недалеко от него в партере. В руках держат ноты и пальцем водят по строчкам. Когда кто-то из певцов ошибается, едва не взмахивают руками.

Вот чего миллионщик не может принять. Все же одно дело – деньги, а другое – музыка. Вряд ли тут нужны проверка и счет.

Хватит того, что он считает в конторе. Гоняет костяшки

вперед и назад. Пытается сделать так, чтобы вышло себе не в убыток.

В театре почему не ошибиться? Поклевский заранее готов простить все. Подставит уши музыкальному ветерку, и старается ни о чем не думать.

На другое утро проснешься – хорошо. Все равно как после купания. Тело свежее, в голове - пустота. Вдруг что-то всплывет из вчерашнего. Скрипка спросит, а ей ответит виолончель.

Позавтракаешь – и за дело. Отчего сегодня все складывается легко? Потому что он еще угадывает мелодию. Не просто прибавляет и умножает, а чувствует ритм.

Викентий Альфонсович вроде как главнокомандующий. Под его началом одна циферка выходит вперед, а другая прячется в тень. Ну а этой вообще здесь не место. Пусть дожидается своей участи на отдельном листе.

8.

Дягилевы сели за накрытый стол на веранде. Тут кто-то взглянул в окно: ба, да это наш старый знакомец. Все же приехал проводить бывших хозяев.

Павел Павлович не отказал себе в удовольствии изобразить Поклевского. Вот он бежит за повозкой. Одной рукой машет платком, другой метит воздух быстрыми крестиками...

Вслед за карикатурой появился оригинал. Он постучал в дверь и просунул голову. Словно сказал: кажется, мне удалось поспеть точно к обеду.

Все это с подмигиваниями. С произнесенным, но ясно слышным: не забывайте, что у нас общего. Вскоре я поселюсь в имении, а вы покинете его навсегда.

Поклевский вошел - и сразу заполнил веранду. Если же иметь в виду голос, то все прилегающие помещения. Всем своим видом Дягилевы показывали, что в этом камнепаде не участвуют. Больше двух слов для этого господина у них нет.

Как бы Поклевскому хотелось, чтобы они пригласили его за стол! Рядом со стаканом чая он бы смотрелся уверенней. Вращал бы ложечку и количеством поворотов отмерял число пролетевших тихих ангелов.

Уж как нелегко Викентию Альфонсовичу, но он не сдается. Со своим обычным энтузиазмом размахивает руками. Чем активней становится, тем больше собеседники теснятся друг к другу.

Вот они стоят плечом к плечу. Показывают, что существуют не сами по себе, а вместе со своими близкими. Что если обидят одного, то отвечать будут все.

- Господа, что за тоска? – не успокаивается миллионщик. - Кажется, будто я попал на похороны.

Дягилевы едва не кивают. Чуть не подтверждают, что расстаются с иллюзиями. Еще немного, и для них начнется жизнь после смерти.

Столкнешься с подобной хмуростью, и сразу хочется подбодрить. На языке набух анекдот. Вот он, свеженький, на самом кончике. Сколько его не рассказываешь, а все не надоедает.

Поклевский себя удержал. Кому хочется смеяться одному? Решил поменять тактику, но улыбаться не перестал. Неприятные вещи лучше произносить с благодушным видом.

Сперва следует отойти подальше от Дягилевых. Почувствовать себя вроде как на сцене. На таком расстоянии любой жест выглядит крупно.

Представление заняло минуту. «Если я приехал сюда, - произнес Викентий Альфонсович, - то мне надлежит осмотреть дом». Так и сказал: надлежит. Будто это не просьба, а приказ.

Павел Павловича побледнел, а Елена Валерьяновна покрылась пятнами. В их глазах ясно читалось: «Разве можно с таким человеком садиться за один стол?»

Ответить миллионщику взялась супруга. Предполагалось вторжение на ее территорию, и ей следовало поставить его на место.

Вообще сборы – это женское дело. Только хозяйка знает, сколько в доме вещей. Да и о том, что они забыли в спешке, в последний момент вспомнит она.

Во время разлива реки водных обитателей выбрасывает на берег. Ящерицы еще пытаются уползти, а рыбы лежат как в тяжелом обмороке. Вот так и переезд. Разбросанные на столах сюртуки и шляпки вскоре исчезнут в сундуках.

- Какой беспокойный! - сказала Дягилева. – Дождитесь, когда тут не будет нашего духа.

Миллионщик едва не скривился. Эти люди из всего сделают проблему. Непременно найдут повод сверкнуть глазами.

Чего ему не хотелось, так это ссориться. Он печально развел руками и сказал: «Я же не враг вашему духу».

Сложность заключалась в разнице амплуа. Дягилевы - трагики, а Поклевский - комик. Одни насуплены и серьезны, а гость так и норовит что-нибудь выкинуть.

Вот Викентий Альфонсович и выкинул. Сперва руку, а потом ногу. С подобных антраша мог начаться танец, но он принялся рассуждать.

- Кто такой я? – спрашивал он. - Человек без фантазий.

Сухарь и буквалист. Целыми днями веду подсчеты. Двух рублей не досчитаюсь - и начинаю пересчитывать... Может, к моей букве следует прибавить ваш дух?

- Вряд ли такой союз возможен, – сухо отвечал Дягилев. - Мы же двоечники и хвостисты. Вы двумя рублями не пожертвуете, а мы не досчитались имения... Кстати, как вы представляете путешествие по дому? К примеру, вы заходите к комнату, а там мои невыстиранные платки...

- Что мне ваши платки? – поднял брови Поклевский. - Меня интересуют только пол, стены и потолок.

Елена Валерьяновна продолжала упорствовать. Ни шагу в эту сторону. До тех пор, пока вещи не сложены на возы, у нас остаются кое-какие права.

Когда все трое переместились на крыльцо, шляпа в руках Дягилевой повела себя неожиданно. Взяла да выскользнула. Ее подхватил ветер и куда-то поволок.

Вдогонку пустился Поклевский. Он уже почти отобрал добычу у ветра, но Елена Валерьяновна его остановила.

- Не надо, - резко сказала она. – Кроме вас, есть еще желающие.

Викентий Альфонсович подумал, что Дягилева предлагает это сделать мужу, но тут откуда-то выкатился мопс. Через полминуты он направлялся к хозяйке, прикусив зубами краешек полей.

Миллионщик пожал плечами. Какие упрямы! Даже его любезность в этом доме считают излишней.

Хозяйка нежно пощекотала пса за ухом. Особенно благодарна она была ему за то, что он оставил их врага не у дел.

9.

С таким выражением на лице говорят: ваша карта бита! Правда, сперва Павел Павлович мысленно попросил супругу закрыть уши.

- Хорошо, – сказал он. - Мужские платки вам неинтересны. А как насчет женских корсетов?

Викентий Альфонсович сразу отменил подозрения. Сделал он это так естественно, словно смахнул мусор со стола.

- Разве я похож на того, кого занимают корсеты? Вот лет двадцать назад... – он опустил глаза и стал что-то разглядывать на полу.

Дягилев посмотрел сочувственно, но его собеседник уже примерял другую маску и выглядел куда оптимистичней.

- Последние годы меня волнуют только деньги. Причем суммы начиная от пяти тысяч... Насколько я понимаю, таких

средств у вас нет.

Поклевский решил, что достаточно он уговаривал. Куда правильной показать язык. Выяснилось, что язык у него отменный. Сперва что-то промелькнуло между зубов, а потом вывалился целый шмат мяса.

Затем Викентий Альфонсович сделал ровно наоборот. На лице нарисовался испуг. Он робко присел на скамейку и стремительно вскочил.

- Извините, ради Бога, - лепетал он. - Это же ваша скамейка... Я ничуть на нее не претендую. Может, вы ее тоже возьмете с собой? Все же память о Бикбарде.

Уже через минуту Поклевский посерьезнел. Затем последовало уточнение: «Что - договорились? Скамейка ваша, а сам дом - мой».

Было в этом какое-то фокусничество. От слишком быстрой смены обличий едва не рябило в глазах.

«Шут..., - все больше мрачнел Дягилев. - Наше имение переходит к шуту. Все, что для нас было важно, вскоре будет растоптано».

Бикбарда - не имение, размышлял Павел Павлович, а небольшое государство. Здесь живет гордый народ. Возвышенность мы именуем Парнасом, а годовщину свадьбы отмечаем фейерверками... Правда, не успели водрузить на доме свой, дягилевский, флаг. Пока спорили - синий, зеленый или желтый? – настало время Поклевского.

Викентий Альфонсович не станет дискутировать. Придумает что-то в своем духе. Или зеленый в крапинку, или желтый в полоску. Еще, возможно, напишет что-нибудь вроде: «Будем лживы – не помрем».

- Сюжет известный, - думал он. – Сколько раз я читал эту сказку детям. Волк надевает очки, прячет уши под косынку, ложится для убедительности в постель. «Зачем, бабушка, тебе такой большой нос?» – «Чтобы я могла почувствовать запах твоих пирожков».

Спектакль подходил к концу. Поклевский отступал спиной, не рассчитав скорости, и ударился о дерево. Его фигура почти паяца вроде как надломилась.

- Не ругайте меня слишком, – попросил он. - Авось пересечемся... Понадобятся деньги - обращайтесь. Помните о том, что этих бумажек у меня куры не клюют.

Миллионщик вытащил крупную купюру. Подобно маленькой рыбке она блеснула в воздухе и исчезла в кармане.

Дягилев собирался промолчать, как вдруг услышал

собственный голос. К своему немалому удивлению, он говорил совершенно спокойно.

- Если бы девятнадцатый век не заканчивался, а начинался, я бы вас вызвал на дуэль. К сожалению, в цивилизованную эпоху это не принято.

- Что дуэли? - веселился Викентий Альфонсович. – Гимназическая программа. Класс, кажется, шестой. Зачем нам, взрослым, состоявшимся людям, повторять пройденное?... Ах, Павел Павлович... Дорогой вы наш любитель эффектов... Для чего умирать, когда можно жить? Лично я предпочитаю ссору. По крайней мере, потом можно помириться... Что, кстати, ваш выбор? Покинули вы Благородное собрание, а каков, позвольте спросить, итог?

С каждым словом Дягилев становился решительней, но Поклевского уже несло. На таких скоростях остановиться невозможно.

- Вы мните себя Пушкиным, а я в таком случае - Дантес. Значит, несмотря на все ваши бесконечные достоинства, вы будете убиты.

Из указательного пальца Викентий Альфонсович сделал пистолет и нацелился. Затем последовал выстрел. Почти скороговоркой он прокричал:

- Пиф-паф, ой-ёй-ёй, умирает Пушкин мой.

Вот бы Дягилев мог провалиться под землю. Перед ним действительно был Дантес. Ведь Дантес – это человек, не имеющий представления о том, кто такой Пушкин.

- Это вы о ком – о Пушкине? - не поверил Павел Павлович. – О нашем первом поэте? О том, кто написал: «Буря мглою небо кроет...»?

- Кроет-кроет, - немного растерялся Поклевский. – Еще он написал: «Во глубине сибирских руд...»

В этих стихах, подумал Дягилев, есть что-то общее. Поэт и к друзьям-изгнанникам мог обратиться: «Где же кружка?», и это было бы верно... Эти мысли он отложил на потом. Сейчас следовало сохранить уверенность.

Смеха во рту Поклевского набралось все равно что воды. Хотелось что-то сказать, но ничего не выходило. Лишь отдельные слова и мелкие брызги.

Затем миллионщик сделал над собой усилие. Некоторые части лица и тела еще пребывали в волнении, а голос был почти спокоен.

- Узнаю Дягилевых. Как вы любите все ставить на место! Пушкин – первый поэт, сосна – дерево, соловей - птица... Если

есть первый поэт, то должен быть и триста двадцать пятый. Или четыреста восемьдесят шестой.

Хорошо бы он замолчал. Для этого Дягилеву следовало применить сильнодействующее средство. Кое-что у него имелось в запасе.

Все же он сбавил тон. Правда, произнесенное не исчезло, а присутствовало как основание айсберга. Наверное, поэтому Поклевский вздрогнул, когда услышал:

- Не люблю, знаете ли, жизнерадостных людей.

Викентий Альфонсович подумал, что ампула – что-то вроде шор. Шутишь с этими людьми, а они лишь накаляются. Так что самое правильное перейти в наступление.

Его взгляд говорил: я же предупреждал. Если комик перестает улыбаться – значит, его довели. Теперь вам придется иметь дело не с масками, а с лицом.

Так бывает после окончания спектакля. Усталый актер отправляется за кулисы. Из веселого лицедея превращается в мрачного неразговорчивого ворчуна.

Вот и Поклевский вдруг постарел. Лицо стало настолько спокойным, что на нем обнаружили морщины.

- Когда-то, – сказал он, - я имел честь состоять на военной службе. Так вот меня в полку учили: если моча ударила в голову, лучше съешь язык.

Павел Павлович замотал головой, но ничего не произнес. Зато руки разлетались в стороны. Потом правая выпрямилась и указала вдаль. Жест был выразителен, но не очень конкретен.

Поклевский взглянул насмешливо: мол, теперь понятно для чего мы оказались на улице. В комнате эффект был бы смазанным.

- Насильно мил не будешь, – едва ли не весело подумал он. – Эти люди гонят меня из имения, откуда недавно я выгнал их...

С этой минуты Дягилевы будто оцепенели. Превратились в скульптурную группу. Хоть и не сдвинулись с места, но пребывали страшно далеко.

10.

С ним попрощалась только няня. Он, разумеется, не ответил. Показал, что тоже знает себе цену.

Вскоре миллионщик сказал себе: хорошо, что отношения выяснены. Жаль, правда, не осмотрел хозяйство. Ну не сейчас, так после. Пусть сперва освободят дом от корсетов и чулок.

Поклевскому мешало отсутствие маски. Лицо совсем голое. Это так же неудобно, как идти в дождь с непокрытой головой.

Викентий Альфонсович нацепил первую попавшуюся личину. Улыбка вышла не самая подходящая, но приемлемая. Еще он засвистел. В переводе его «тру-ля-ля» означало, что он ничего не боится.

Все бы ничего, но только хочется спать. Глаза сами закрываются. Чтобы взбодриться, он стал размахивать руками.

Дягилевы посмотрели в окно и увидели, что гость превратился в ветряную мельницу. Затем эта мельница пустилась в пляс.

Поклевский не жалел себя. Покрутился на месте и двинулся впрысядку. Вот, мол, какой я. Не порчу глаза за конторкой, а гуляю на просторе.

Кто-то решит, что ему море по колено. На самом деле снизу поднимался ручеек холодного воздуха. Еще такой вопрос привязался: зачем мне эти Дягилевы? Были бы они благодарны, так нет же, воротят носом.

Обязательно к чему-то прицепятся. Хоть к расцветке рубашки или к ширине брюк. Будут уверять, что в наше время так одеваются только провинциалы.

Викентий Альфонсович спросит: «Вам-то откуда известно про Петербург? Кажется, в последнее время вы не покидали Перми?», но они и тут найдут что ответить.

- Вы разве не знаете, что наш Сережа теперь петербуржец? Он постоянно нас просвещает.

Ну, конечно, Сережа. Юноша с трудом закончил гимназию, а уже дает советы землякам. Объясняет им, несмышленным, как не погрязнуть в этой трясине.

Непросто Дягилевым. Модным зонтиком еще можно обзавестись, а с петербургским произношением будут проблемы. Четкая артикуляция и размеренность речи им вряд ли под силу.

Лучше не заглядываться на столицу, а почаще смотреть в окно. Время от времени по Сибирской везут арестантов. Пусть губернатор шествует рядом, но картина невеселая.

Викентий Альфонсович не намерен заноситься. Да и перед кем держать фасон? Буквально все прохожие в Перми так или иначе знакомы друг с другом.

- Предположим, договорюсь я по поводу расцветки рубашки, - размышлял он, - так они придумают что-то еще... Всех смешат мои анекдоты, а они кривятся.

- Куда ты лезешь? - ругал себя Поклевский. - Пусть кто-то другой проверяет температуру в пекле. Хорошо - согреешься, а если - сгоришь?

Сильнее всего в нем не чувство опасности, а

любопытство. Порой ситуация заходит так далеко, что огонь начинает жечь пятки. Тут он понимает, что переборщил.

Спасается в последний момент. Отойдет на приличное расстояние, и - рот до ушей. Может, не пойдет в присядку, как только что, но рюмку непременно выпьет.

Кто-то родился в рубашке, а Викентий Альфонсович - во фраке. Удобно быть полностью экипированным. Ноги сразу отрывают тебя от земли, и несут куда-то вперед.

11.

Если бы он был в городе! Он бы поднял на ноги весь дом. Сейчас рядом только Петька. Так что юноша страдает за всех. Что ж, этому бездельнику никакая доза не лишняя.

Можно и не гадать, чем он занимается. Беседует со служанкой Дягилевых. У обоих глаза пустые как небо летом. Буквально ни одного облачка.

Если слуга - Петька, то служанка - Настя. Только хозяйва называются по-особенному. Что касается Викентия Альфонсовича, тут двойная привилегия. Подтвержденная участием его отца.

Поклевский хотел бы подслушать, а нельзя. Надо помнить: это - он, а это - все остальные. Нам же с вами терять нечего. Постараемся понять, что они обсуждают.

Петька уверяет, что его господа - самые богатые, а Настасья - что самые умные. Якобы книжек у них не меньше, чем у другого денег.

- Глупая, - удивлялся он, - разве бывает сто тысяч книг? А сто тысяч ассигнациями я сам видел. Как-то гости пришли, а Викентия нет. Потом явился навеселе. Бросил на рояль эти тысячи. Сказал: вот какая сегодня у меня прибыль.

«А дальше?», - заволновалась Настасья. - «А ничего. Так и пролежали весь вечер. Гости косились в их сторону».

«А ты?» - «Да что я могу, если это деньги? Я - по части перемены блюд и грязной посуды».

«Ты бы спросил», - удивилась барышня. Судя по тону, она всегда так поступает и неизменно добивается своего.

- Я подошел: не велите ли убрать? - оправдывался Петр, - Нет, отвечает, пусть лежат. Разве не понятно, что так красивее.

Ей сразу представился этот рояль. По его крышке разбросаны ассигнации. Желтые и зеленые, как георгины или тюльпаны.

- Были бы у меня такие деньги, - чуть ли не раскраснелась служанка, - я бы тоже их оставляла всюду. Буквально - сорила. Если кто-то найдет большую купюру, пусть знает: здесь побывала я.

Правда, с этими тысячами ей было не все ясно. Мерещилось что-то неприятное. К примеру, гости ушли, а рояль пустой. Червонца не оставили на чай.

Потом, возможно, деньги найдутся. Возродятся в виде городского строения. Вряд ли Поклевский станет об этом жалеть. Все же вложил не в чужой карман, а в нечто общепольное.

Петька утверждал, что ситуация выглядела куда прозаичней. Оставшись наедине, хозяин деньги пересчитал. Дверь приоткрылась, и все было хорошо видно.

Самое удивительное, что незадолго перед этим он не вязал лыко. Когда же начал считать, глаза стали зрячими. Да и пальцы двигались без единой осечки.

Герой этой истории был совсем близко. Он чувствовал себя очень усталым. Сердце стучало как бомба с часовым механизмом. Казалось, что дальше последует взрыв.

- Я немолод и нездоров, - размышлял Викентий Альфонсович. – Если не жалеть себя, то старость наступит совсем скоро. Не зря доктор просил быть осторожной. Иначе можно и не лечиться.

Да, да, тот самый. Вечно у него прибаутки. Поднимет палец и произнесет: «Тяжело в лечении – легко в раю». Это значит, что его возможности ограничены. Если больной не захочет, то вряд ли он сможет помочь.

В этот раз Поклевский не помог доктору. Одно время держался, но все же сил не хватило. В таком состоянии самое правильное лечь в постель.

- Какая постель? – нервничал он. – Сперва придется трястись по дорогам. Ночью проснешься, и увидишь звезды над головой.

Уж лучше так, чем гостиница. Все клопы мира сбегутся, прослышав о появлении столь крупного экземпляра. Сражение будет не менее кровопролитным, чем битва Гулливера и лилипутов.

Тут он подошел к этой парочке. Уж насколько он был не в форме, а все же оставлять слугу без напутствия не хотелось. Если нет сил топтать ногами, то он поиронизирует.

- Вижу ты времени не терял. Познакомился с хорошенькой барышней. Никуда не спешил – и везде поспел.

Викентий Альфонсович приободрился. Иногда у него получалось уколоть не хуже, чем у Дягилевых.

Сейчас Петьку интересовало другое. Он все не мог понять: ему чудится или взаправду? Хозяин то хлопнет себя по ляжке, то согнет руку в дугу.

Поклевский не то чтобы танцевал, но в нем еще звучала музыка. Вроде как руки и ноги припоминали: вот как это было! а потом вот так!

12.

Подарок заметила няня Дуня и отнесла хозяевам. Они удивились, а затем из бумажной одежды извлекли поваренную книгу.

Как мы знаем, к книгам Дягилевы безразличны. Не только полистают, но заглянут в текст. Могут и погадать. Сколько раз на случайной странице обнаруживался ответ.

Павел Павлович прочел: «Кухня есть также в своем роде наука, которая без руководства и, если нельзя исключительно посвятить ей несколько времени, приобретает не годами, но десятками лет опытности, а этот десяток лет неопытности иногда очень дорого обходится, в особенности молодым супругам...»

Что за тон! Кажется, автор выговаривает прислугу. Да и стиль того же порядка. В отличие от ингредиентов, слова подбираются с трудом.

Дягилевы сразу поняли, что это о них. Особенно обиделась Елена Валерьяновна. Всю жизнь она отдала дому, а ее упрекали в том, что эта наука ею не пройдена.

Она представила как Викентий Альфонсович втолковывает ей про годы неопытности. Слезы сразу полились потоком. Почти как теплый летний дождь.

Из-за слез она не слышала мужа, но это и не столь важно. Он говорил ровно то, что могла бы произнести она. Раз Поклевский профессионал, сказал Павел Павлович, то мы будем дилетантами. Больно тошнит от этой учености.

- Христос советовал: будьте как дети, – говорил он. - Вот и мы стали как наши дети Сережа, Валя и Юрочка. Живем не так, как полагается, а так, как нам по душе.

Супруги взглянули в окно. Там Юра и Валечка играли в пятнашки. Один другого догонит, хлопнет по плечу, и опять носятся по двору.

- Знаешь, - сейчас Дягилева была так спокойна, словно только что не плакала, - больше всего я боюсь за Сережу. Очень он солидный на последней фотографии.

- Все полные люди – солидные. – Павел Павлович обрадовался, что она говорит о другом. – К тому же, Дягилевы - немного актеры... Вот хотя бы мы с тобой. Наигрались в помещиков, и собираемся поиграть в городских жителей... Будем делать вид, что сельские пейзажи связаны для нас исключительно с живописью...

- Вряд ли сегодня ты найдешь художника, который рисует свое имя. Наши родственники Сведомские с удовольствием живут в родовом доме, а на пленэр едут в Италию. Вулканы их вдохновляют больше, чем стога сена.

- Помнишь Жевакина? – подхватил тему Павел Павлович – Тот тоже любил повспоминать Италию. «Эдакие горы, - процитировал он, - и везде италианочки... так вот и хочется поцеловать».

Супруги развеселились. Тем более, что Дягилев отлично показал гоголевского героя. Вроде как поправил фуражку и закрутил ус.

- Не забывай, что Сережа – студент Петербургского Университета, – продолжал он. - К тому же, это первый курс. В студенческой форме он чувствует себя почти что статским советником.

Он выставил грудь колесом. Вот так его сын не может сдержать своих чувств: это я, Сергей Дягилев! Еще немного - и вы услышите обо мне!

13.

В этот день Дягилевы еще не раз вспоминали Поклевского. Хотя они наложили на эту тему табу, разговор все равно сворачивал в эту сторону.

- Я лишь тогда догадался, что ситуация серьезна, - сказал Дягилев, - когда ты открыла дверь ударом коленки. Ведь даже детям ты такое не позволяешь.

Павел Павлович вспомнил, что тоже плохо соображал. Никогда не думал, что способен распускать руки, а тут едва сдерживался. Казалось, еще немного, и на лице гостя загорится пощечина.

- Представляешь, если бы я поставил ему синяк! – сказал он. – Как бы он разговаривал со своим кучером?

Дягилев изобразил Викентия Альфонсовича. Вот он двумя руками прикрывает щеку. Словно это не лицо, а нечто куда более важное.

Оба чувствовали, что самое неприятное позади. Сейчас Поклевский так далеко, что они могут свободно его обсуждать.

- Воображаю, какой шум поднялся бы в Перми! – чуть ли не с надеждой сказал Павел Павлович.

- Кто-нибудь вышел бы из Благородного собрания, - улыбнулась Елена Валерьяновна. – Скорее всего, это был бы опять ты. Все прижились в нашем болоте, а ты всегда готов пошуметь.

- Больше всего в Поклевском меня раздражала интонация. – продолжала она. - Ну собрался ты купить имя, так сделай это

без ужимок и прыжков. Еще лучше действовать через исправника. Он точно не станет устраивать спектакли.

Тон действительно вызывающий, согласился Павел Павлович. Если бы это было произнесено иначе, он бы выдержал. Ему давно ясно, что разорения не избежать.

Супруги вспомнили, как Поклевский показал язык. Еще неприятнее было то, что он пошел вприсядку. Да мало ли примеров! Каждый шаг гостя свидетельствовал о том, что он плохо воспитан.

- Есть у нас право на другой тон? Ну хотя бы за то, что мы пострадали. – Дягилев спрашивал не жену, а того, кого рядом, скорее всего, не было. – Хватит того, что мы проиграли, а тут эта клоунада.

Еще не существовало Художественного театра, но Павел Павлович говорил почти как режиссер. Смыслом его слов было не просто: «Не верю!», а «Не хочу верить!» Кажется, он предлагал все повторить сначала.

Уж если Поклевскому следовало приезжать, то со смущенной улыбкой. С произнесенным, но ясно слышным: не сердитесь, что так получилось. Видно, жадности во мне больше, чем любви.

На это Дягилевы сказали бы: конечно, конечно. Все совершается помимо нас. Когда происходит что-то непоправимое, то вина ложится на всех.

Как мы видим, вышло иначе. Поэтому ощущения были неприятные. Перебить их можно только одним. Затеять разговор о чем-то несиюминутном.

Утром они беседовали об «Анне Карениной». Уже какая-то ниточка потянулась, но все испортил непрошенный гость.

Вот такое это семейство. Перечитают любимую книгу и спрашивают друг друга: что прибавилось, а что стало менее важным?

Помнишь, начал Павел Павлович, сцену скачек? Так вот это образ всего романа. Вперед поочередно выходят то Анна и Бронский, то Левин и Кити.

Дягилев все быстрее вышагивал по веранде. Казалось, еще совсем немного, и он догонит ускользающую разгадку.

- Фру-фру сходит с дистанции. Вот и Анна тоже сходит. В смысле, бросается на рельсы. Левин же, напротив, из тех, кого остановить невозможно. Последние фразы романа обещают ему чуть ли не вечную жизнь.

Вот идея высказана. Следовательно, она уже есть. Теперь можно кое-что уточнить.

- В этой книге мне жалко каждого, – сказала Елена Валерьяновна. – Разве Каренин виноват в том, что старый, а Вронский в том, что молодой? Анну жаль больше всех. Она не может сделать выбор и кончает жизнь самоубийством...

- Знаешь, о чем я думаю? – она неожиданно посерьезнела. - Предположим, Толстой взялся бы показать Поклевского. Неужели нам стало бы его жаль?

Дягилев согласился, что стоит посмотреть глазами Толстого – и жизнь начинает казаться лучше. Пока же он не намерен прощать. Больно недавно это произошло.

Он опять перешел к «Анне Карениной». Начал с того, что Левин – человек прекрасный, но как бы несовершенный. В финале он обретает веру и становится тем, кем ему надлежит быть.

- Да, - кивает Елена Валерьяновна, и вновь сворачивает на свое. – Вот и ты такой же. Твердый и, в то же время, колеблющийся...

Взгляд мужа говорил: раз мы говорим о романе, то лучше не отклоняться. Давай поиграем в такую игру, предложил он. Едва возникнет Поклевский, мы ему скажем: «Вон». Пусть хоть сто раз появляется, мы будем гнать его из нашего дома.

Дягилева смотрела иронически. От этого человека им никуда не деться. Защищаться от него они тоже будут всегда. Да хотя бы Толстым. Когда думаешь о чужой истории, своя уходит на второй план.

- Я симпатизирую несчастной Карениной, - продолжала она, - но люблю только Левина. Правильно ты сказал о вечной жизни. Одни рождаются на короткий срок, а другие навсегда. Так вот Левин – навсегда. Он наверняка будет продолжен в детях и внуках...

- Дети Анны, - кивал Павел Павлович. – вырастут детьми Каренина. Вронский отдал маленькую Анечку своему врагу. Это же капитуляция. Может, он знает, что ему осталось недолго? У меня такое чувство, что его Сербия – это тоже самоубийство.

- Я давно замечаю, - подхватила эту тему Дягилева, - что есть люди, которым легче броситься под поезд или уехать под пули, нежели вести долгую оборону. Вронский с Анной в этом смысле действительно пара.

В паузе каждый думал о своем. Первой вступила Елена Валерьяновна. Павел Павлович посмотрел испуганно, но она не нарушила уговор.

- Все смешалось в доме Облонских! Лучше начала не придумашь. С первых строчек мы попадаем в эту круговерть, и уже до конца нам из нее не выбраться...

14.

- Вот что такое любимая книга, – Дягилев улыбался. – Всякий раз кажется, что читаешь в первый раз. Сейчас я тоже сделал открытие. Оказывается, Анна писала роман для детей.

Елена Валерьяновна смутилась. Книга, над которой она работает, тоже предназначалась не взрослым, а детям. Вернее, детям, ставшим взрослыми. Когда на свете не будет ни ее, ни мужа, они обратятся к этим запискам.

Назывался ее труд: «Семейная хроника Дягилевых». В нем рассказывалась их история. Начиная тем временем, когда они жили счастливо, и заканчивая моментом, когда все оборвалось.

Павел Павлович вновь не пустил ее в эту сторону. В ответ супруга чуть покапризничала: сперва покажи, где это сказано. Когда убедилась, стала размышлять.

- Нет ли тут, - спрашивала она, - игры словами? Роман с Бронским – и роман в прозе. Роман взрослый - и роман детский. Я думаю, что у Анны две души. Одна отдана Бронскому, а другая детям... Может, ее книга – завещание Сереже и Анечке? Они вырастут и поймут, от чего их предостерегала мать.

- С тех пор, как я это заметил, – продолжал Дягилев, – я не нахожу себе места. Все размышляю: о чем могла писать Анна? Конечно, Лев Николаевич – генерал-фельдмаршал, а я всего лишь полковник... Но ведь ты никому не расскажешь о том, что мне пришлось в голову?

Елена Валерьяновна не находила ничего плохого в нарушении субординации. Куда больше решимости в том, чтобы сочинять за представительницу противоположного пола.

- При чем тут мужчина и женщина? – парировал Дягилев. – Прежде всего автору детской книги следует встать на точку зрения детей.

- Представь небольшую страну, – начал он. – В ней живут только дети. Когда они вырастают, то переселяются в соседнее государство. Впрочем, свято место пусто не бывает. Женщины тут много рожают.

Елена Валерьяновна кивнула в знак согласия с этими женщинами. Она всегда говорила, что детей должно быть не двое или трое, а шестеро или семеро...

- Итак, две страны. Можно ли тут избежать ревности? Дети взирают на соседей испуганно, а взрослые неодобрительно. Так они посматривали друг на друга, а потом началась война. Продолжалась она недолго. Может, минут пять. Начали взрослые. Дети хотели забросать их кубиками, но те кубики аккуратно собрали и двинулись вперед...

Первый же указ после вторжения запрещал всякие игры. Хоть казаки-разбойники. Малышня, понятно, в рев. Кто-то падает на пол и сучит ножками. Другие пытаются достать обидчика своими маленькими кулачками...

Детей распределили по тюрьмам. Когда тюрьмы заполнились, начали использовать квартиры. Уберут мебель, бросят на пол тюфяк, поставят в угол горшок. Вот тебе и камера. Еще окна убрали решетками. Чтобы не забывали, что это серьезно.

Теперь одно государство не отличалось от другого. Если только тем, что из взрослых тут были одни военные. Дети же исчезли совсем. Смотришь, идет кто-то маленький, а это, оказывается, лилипут... Порядок установился настолько полный, что рты сводило зевотой.

Тут Павел Павлович увидел Валу и Юрочку. Дети тихо вошли и сели в углу. Их взгляды говорили: дальше, дальше! Что ж, он не отказывается. Для такой публики можно и постараться.

- Сперва взрослые радовались победе, а потом видят: что-то не так. Больно тихо. Если плачет ребенок - значит рядом тюрьма... Тогда они вспомнили время, когда им было по пять лет. Бывало, так увлекутся, что не слушают родителей. Готовы весь день просидеть в песочнице.

Согласились, что куклы или кубики – это слишком. При их-то бородах и усах! Зато лапта и городки в самый раз. Главное, вновь чувствовать себя маленькими. Жить так, словно нет ничего важнее сегодняшней игры.

Власти всполошились: какие из вас дети? Да и как в одну реку войти второй раз? Не говоря о том, что в таком случае все бессмысленно. Для чего воевали, если сразу сдались побежденным?..

Самых неисправимых забирали в тюрьму. Из-за того, что камер не хватало, их помещали вместе с детьми. Как этим не воспользоваться? Если есть компания, то сразу начинаешь раздавать карты.

Тут ведь как? – обратился к своим слушателям Дягилев. - Если кому-то проигрывать, то только младшим. Они так хорошо радуются победе, что сам попросишься в дураки...

Юра и Валя заулыбались. Так вот почему родители проигрывают! Выходит, им это приятнее, чем победить... Едва они так подумали, как отец уже вернулся к рассказу. Начиналось самое интересное.

- Сколько раз заключенным объявляли последнее предупреждение! Потом колоды закончились во всей стране. Тогда стали сражаться при помощи жестов. В воздухе мелькали руки как

во время разговоров глухонемых.

На улице еще висели объявления: «Осторожно, дети!», а в тюрьмах уже установился мир. Иногда взрослые позволяли себе повоспитывать. Разумеется, в равной пропорции с чем-то приятным.

Хорошо в тюрьме! На свободе слишком много обязанностей, а тут – одно удовольствие. Да и сам становишься как ребенок. Думаешь не о том, что у нас на обед, а о том, как будем веселиться.

Быстро распространилась весть, что можно жить так. Без солдат и выстрелов, но с любовью и верой. От этой мысли один шаг до другой: для чего два государства? Не лучше ли одно, но большое?

К осуществлению этой идеи обе стороны приступили незамедлительно. Как оказалось, дело это не такое сложное. Правой берешь за руку маму, а левой папу. Вот они и стали одним целым.

- Любопытно, любопытно... – Елена Валерьяновна так разволновалась, словно что-то угадала. Дети тоже смотрели с интересом. Пусть они уже не берут родителей за руку, но сама идея им показалась правильной.

- Может, еще вот это... – сказал Павел Павлович, а после паузы продолжил. – Раньше считалось, что взрослые и дети пользуются разными языками. Одни говорят четко, а другие что-то лепечут... Вдруг – никакого языкового барьера. Ребенок кричит: «Агу-агу!», а старшие к нему со всем пониманием. Ах, ты вот чего хочешь? А сейчас этого? Больше всего удивлялись: зачем желать зла друг другу, когда есть столько прекрасных занятий? К примеру, готовка. Если с этим согласится хотя бы каждый пятый, то это будут моря каши и горы пирожных.

Прежде чем занять место у плиты, взрослые раскидали пограничные столбы. Ударят ногой, а они, перекувырнувшись, падают в траву... Должность пограничника тоже упразднили. Решили: «Зачем кричать: «Стой!»? Лучше спрашивать: «Хорошо ли спалось?» и «Не хочет ли барин погулять?»...

Пограничники двинулась в губернанты. Одно плохо – когда кто-то предлагал им сесть, они отказывались. Видно, привыкли, что нахождение на посту предполагает широту обзора.

Есть еще кое-что, сказал Павел Павлович, но он ни на чем не остановился. Сперва хотелось бы послушать совета... Елена Валерьяновна подошла к окну. Она смотрела на дерево перед домом, но обращалась к мужу.

- Это больше похоже не на Каренину, а на тебя. Вернее, на

всех нас... Не то чтобы мы лучше других. Скорее, хуже. Вот не уберегли именование... Зато реакция у нас отличная. Столкнемся с подлостью, и сразу покидаем это место.

Еще она посетовала на то, что теперь они не часто смогут видаться с Сережей. Хорошо, если раз в год. Причем, вряд ли он уделит им много времени. Это в провинции не торопятся, а в Петербурге и праздные люди куда-то спешат.

Кажется, Павел Павлович не заметил этих слов. Потом вдруг отвлекся от своих мыслей и произнес:

- Ты же знаешь, как я не люблю перемен. Я бы и сюртуки носил до тех пор, пока в них не появятся дыры, но ты же мне этого не позволишь! Вроде как случайно подошлешь портного...

Елена Валерьяновна вспомнила, как с ее супруга снимают мерку. Лицо в эти минуты у него презрительное. Словно перед ним не портной, а гробовщик.

- На сей раз, - мрачно говорил Дягилев, - мы меняем не сюртук, а гардероб. Еще гардеробную. Да и дома в придачу... Въедешь в квартиру, начнешь осваиваться, а полк уже переводят в другой город... Глядишь, так познакомимся со всей Россией. Наверное, побываем там, где не ступала нога просвещенного человека.

- Вот-вот, - улыбнулась Елена Валерьяновна. - Разве это тебя не вдохновляет? Пусть люди увидят, что еще остались военные, которые вечерами читают вслух. Да и жены у них не сидят с вязаньем, а смело вступают в беседу... Может, до Анны Карениной им далеко, но все же не совсем пустое место...

- Есть в Петербурге Товарищество передвижных выставок, - вступил Павел Павлович. - Так мы будем вроде как выставка. Смотрите, какие мы! Вот моя жена, Елена Валерьяновна... Вот, наконец, я... Достоинств у каждого с избытком. Играем на виолончели и фортепиано, страницами цитируем Толстого...

- В наших обстоятельствах, - остановила его Дягилева, - спасаются преувеличениями... Все же лучше не обольщаться. Скорее, нас ждет судьба не Сурикова или Репина, а бродячих артистов. Считай, что мы будем выступать на ярмарке в компании с лилипутами и сросшимися близнецами... Или, к примеру, с юным великаном необычайного роста и веса...

- На роль великана предлагаю Сережу, - усмехнулся Павел Павлович, - Шляп в магазинах для него уже не найти. Приходится заказывать. Да и вымахал он под потолок. Уж, конечно, няня его откармливает. Вряд ли в Петербурге ему удалось похудеть.

Супруги уже смеялись. Особенно они развеселились тогда, когда вообразили Сережу в трусах и майке кулачного бойца.

Если бы сейчас кто-то заглянул в комнату, он бы решил, что у них все в порядке. Каждый порывался что-то сказать, но смех буквально забивал рот.

Как всегда, первой успокоилась Дягилева. «Когда у нас появился Поклевский, - произнесла она ровным голосом, - ты сказал: не кончится ли это тем, что мы будем зарабатывать своими талантами? Сейчас и мне это приходит в голову. Наше положение я представляю так... По проволоке идет Павел Дягилев... Ему ассистирует жена... Смотрят, переживают и округляют глаза – их дети, друзья и прислуга...»

15.

Писательство заразительно. Если видишь, что сочиняет один, в другом тоже просыпается аппетит. Правда, неясно, о чем рассказывать сначала. Больно много событий за один день.

Перед ней лежит толстая тетрадка в кожаном переплете. На обложке написано: «Хроника семьи Дягилевых». Когда она доберется до последней страницы, это и будет конец книги.

Ее шестое чувство – чувство перемен. Она угадывает, когда кончаются будни и начинается что-то важное. В такие часы не до отдыха. Если что-то пропустишь, то потомки об этом не узнают.

Так что старайтесь, Елена Валерьяновна! Опишите, как Поклевский уходил спиной к двери. Упомяните, что Павел Павлович выбросил подарок в ведро и припечатал крышкой.

Вот как она себя тормозила. Тут ведь главное – точная интонация. Если взят правильный тон - все пойдет как по маслу.

Дягилева разглядывала предметы на столе. Думала: что значит свое! Вроде хаос, а ориентироваться легко. Буквально в одно движение соединяешь пилочку со щеточкой.

Она переключилась на скрепки. Целый выводок крохотных закорючек тянулся к промокашке. Еще тут есть перья. С виду одинаковые, но у каждого своя манера и почерк.

Что ей по душе, так это отсутствие ранжира. То, что вещи существуют в дружеском кругу. Что они разбрелись в разные стороны как компания на лоне природы.

Видно, стоит ей выйти, и они начинают перекрикиваться. «Ау», - слышится голос пресс-папье, а ножницы отвечают: «Мы - здесь». Пока же вещи в ожидании. Едва она склонится над бумагой, и они сразу окажутся под рукой.

Отчего-то не получалась первая фраза. Уже страница усеяна чернильными точками, а ее все нет. Может, «Все смешалось в доме Дягилевых»? Не хочется думать, что надежд не осталось.

Так колдовала Елена Валерьяновна. Затем все же

решилась. Из-под пера вышло: «Поклевский – Козелл (его хамство)». Хотя история оставалась за скобками, но главное было произнесено.

Последнее на ее горизонте – стиральная резинка и отрывной календарь. Что, казалось бы, еще можно увидеть, но автор «Хроники» смотрит прямо. Никак не может понять: что делает эта фраза среди милых ей вещей.

Видно, строчка не намерена задерживаться. Маленькая как гусеница, она направляется к краю страницы. То сожмется, то разожмется. Подберет под себя сорок ног и выбросит их опять.

Как защититься такой крохе? Если над ней нависнет рука, то это будет конец. Сразу отправится в форточку и растворится в воздухе.

Вот бы на хрупкой своей спинке гусеница унесла подробности этого дня. Тогда рядом останется самое дорогое. Щипчики для орехов и баночка с клеем не дадут ее в обиду.

Что-то у них с мужем получилось, размышляла Елена Валерьяновна. Хватило воли не предложить Поклевскому чая. Пусть это и мелочь в сравнении с его завоеваниями, но не совсем ничего.

Вот о чем она мысленно говорила пасынку. Видишь, дорогой мальчик, как складывается? В самых грустных обстоятельствах есть положительные моменты.

Как всегда, Сережа был на ее стороне. Так что разделяющее их расстояние особого значения не имело.

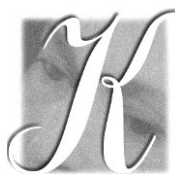
Дягилева все больше чувствовала его внимание. Уже и слезы почти не лились. Казалось, еще немного, и она успокоится.

«Не расстраивайся, дорогая мамочка... - ясно слышала Дягилева его голос. - Вытри, пожалуйста, слезы. Давай возьмем «Анну Каренину» и почитаем вслух».

Леонид Столович

Вспоминая Юрия Леваду*

Когда мне предложили поделиться своими воспоминаниями о крупнейшем социологе Юрии Александровиче Леваде, я в первый момент усомнился в своих возможностях это сделать. Ведь можно на пальцах сосчитать число наших встреч в течение с середины шестидесятых до конца восьмидесятых годов уже прошлого века. Многие стерлось из памяти. Я его не встречал и не переписывался с ним во время последних 17-и лет до его кончины, хотя имя обрело для меня и не только для меня можно сказать легендарное звучание. Да, мы встречались мало, но, пожалуй, в соответствии с формулой: мало, но хорошо. И я решил попробовать «тряхнуть старину». Движет мною не столько желание возвратиться в собственную молодость, но прежде всего хоть немного пополнить имеющуюся память о замечательном человеке. Ведь человек живет столько, сколько о нем помнят.

Первый раз я увидел Ю.А. в 1965 г. Я приехал в Москву из Тарту и встретился с Михаилом Федотовичем Овсянковым по эстетическим делам, который в это время был не только заведующим кафедрой эстетики философского факультета Московского университета, но и деканом факультета. Во время нашего разговора в комнату вошел незнакомый мне человек и, подарив М.Ф. Овсянникову свою книгу, тотчас вышел. Тогда мы лично не познакомились. Вероятно, он не обратил особого внимания на посетителя декана, но я, увидев книгу, прочел то, что было на обложке: **Ю.А. Левада. Социальная природа религии**, и таким образом определил автора, имя которого с большим уважением произносилось среди молодых тогда эстонских социологов. Название книги Ю.А. Левады меня очень заинтересовало и потому, что в нем речь шла о «социальной природе» в сочетании со словом «религия». Обычно, в советской литературе «религия» сопрягалась со словами «реакционная сущность», «классовая природа» и т. п. Вскоре я приобрел книгу

* Новая, расширенная авторская версия статьи.

Левады и существенно пополнил свое социологическое образование а также утвердился в мнении о том, что религия – это не только форма общественного сознания, но и важный институт социальной жизни, а не просто «опиум для народа», «вид духовной сивухи».

Юрий Александрович Левада

Последующие мои встречи и личное знакомство с Левадой связано со знаменитыми социологическими семинарами в эстонском поселке Кяэрику. **Kääriku**, по-русски **Кяэрику**, – наименование места, в котором находилась спортивная база Тартуского университета, недалеко от Тарту. Этот поселок вошел в историю многих областей знания. Пожалуй, наибольшую известность Кяэрику получил благодаря тому, что в нем образовывалась, так называемая, Тартуско-Московская, или Московско-Тартуская, школа семиотики, возглавлявшаяся **Юрием Михайловичем Лотманом**. В Кяэрику в 1966-1969 гг. собирались также социологи, изучавшие теорию и практику массовых коммуникаций в разных аспектах. Это был период становления советской невульгарной социологии, за которым последовал этап ее удушения, к счастью, не доведенный до конца. Развитие социологии в эти годы шло на фоне таких событий, как «Пражская весна» с ее надеждами и похороны этих надежд под грохот танков, вошедших в Прагу. В наступившие времена «развитого социализма» Homo soveticus повел обострившуюся классовую борьбу с Homo antisoveticus, но еще не победил окончательно. Тарту и его окрестности пока оставались относительно свободным оазисом, еще не засыпанным песками пустыни номенклатурного социализма. И как обитатели саванн во время засухи направляются

к еще незасохшим озерам и рекам, ведущие социологи страны съезжались в Кязэрику за глотком, хоть и не **безБрежной**, но все-таки свободы слова. До поры до времени местное начальство, пока оно само еще не было вполне уверенным, куда повернет ветер пражской весны, этому не препятствовало. Таково же было его отношение и к собраниям семиотиков, примерно в эти годы собиравшихся в Кязэрику, но в другое время года: школы семиотиков были летними, встречи социологов – осенними, а порой и зимними.

Тема первой встречи социологов в Кязэрику в октябре 1966 г. – «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Тема второй встречи в 1967 г. – «Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация». На третьей встрече в 1968 г. обсуждалась проблема «Личность и массовая коммуникация». В 1969 г. состоялась четвертая и последняя встреча социологов. Пустыня уже грозно надвигалась на оазис.

В этих встречах участвовали наиболее значительные социологи России: **В.А. Ядов**, **Б.М. Фирсов**, **А.Г. Харчев** из Ленинграда, **Ю.А. Левада**, **Б.А. Грушин**, **Л.А. Седов** из Москвы. Из Свердловска приезжали **Л.М. Архангельский** и **Л.Н. Коган** со своими сотрудниками, из Новосибирска – **В.З. Коган**, из Латвии – **А. Милтс**. К социологическим обсуждениям подключал свой методологический семинар **Г.П. Щедровицкий** – выдающийся специалист в области методологии и теории мышления. Выступали в ходе дискуссий философы **И.С. Кон**, **П.П. Гайденко** и **Ю.Н. Давыдов**. Одно из заседаний вел **Ю.М. Лотман**, который поразил участников социологических обсуждений своей необычайной деликатностью (все говорили: «Вот это – настоящий петербургский профессор!»).

Разумеется, в организации этих встреч и в обсуждениях проблем массовой коммуникации большую роль играли эстонские социологи: **Ю. Вооглайд** и возглавлявшаяся им лаборатория социологии при Тартуском университете, **М. Лауристин**, **Я. Аллик**, **П. Вихалемм**, **А. Муртар**, **П. Кенкман**, **М. Титма**. *Почти* все они впоследствии стали видными политическими деятелями независимой Эстонской Республики, хотя и в разных политических течениях. Не были в стороне от социологических встреч и тартуские философы – **Р.Н. Блюм**, **Я.К. Ребане** и другие.

Я был подключен к социологическим конференциям, не только потому, что меня интересовала обсуждаемая на них проблематика, но как научный руководитель социологических исследований в Тартуском университете. На столь престижную должность я попал и по некоторым формальным обстоятельствам.

В ноябре 1965 года я защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию «Проблема прекрасного и общественный идеал», став первым и на какое-то время единственным доктором философских наук в Эстонии. Как такового меня и назначили на это «генеральскую должность». Правда, я тоже принимал в это время участие в работе социологической лаборатории, основанной Юло Вооглайдом. Выступал с докладами по эстетике и теории ценностей, методологические положения которых использовались в конкретно-социологических исследованиях массовых коммуникаций. Сам я проводил социологические исследования эстетических и художественных вкусов школьников. Материалы этих исследований публиковались на эстонском и на русском языках. Проводил я и опросы студентов в связи с восприятием некоторых спектаклей театра «Ванемуйне». Результаты этих опросов использовались в моих статьях по эстетике и эстетическому воспитанию. Я руководил аспирантами, работавшими над диссертациями по социологии журналистики и искусства. Вместе с тем проблемой «эстетика — социология» я начал заниматься с самого начала своей теоретической деятельности. Можно сказать, что не только я окунулся в социологию, но и социология окунулась в меня. Ведь в широкой дискуссии в СССР и за рубежом с середины 1950-х годов я выступал с концепцией, которая не случайно называлась «общественная», или «социальная» (впоследствии я назвал ее «социокультурной концепцией ценности»).

Юрий Александрович был активным участником Кяэрикуских встреч социологов. На первой встрече социологов, посвященной методологическим проблемам исследования массовой коммуникации и проходившей с 25 по 30 октября 1966 г., мы и познакомились. Среди приехавших социологов у нас оказались люди, которые хорошо знали как его, так и меня (В.А. Ядов, И.С. Кон, Л.Н. Коган и др.). Ему было известно мое имя по острой и шумной дискуссии о сущности эстетического отношения, которую детонировали моя диссертация «Некоторые вопросы эстетической природы искусства» (1955), статья «Об эстетических свойствах действительности» в журнале «Вопросы философии» (№ 4 за 1956), книги «Эстетическое в действительности и в искусстве» (1959) и «Предмет эстетики» (1961). Я вполне осознавал его значимость в становящейся социологии. Но особых разговоров между нами еще не было. Вместе с тем я внимательно слушал всё то, что он говорил во время обсуждения проблем, связанных с исследованием массовой коммуникации.

Конечно, память моя не сохранила всего того, что

говорилось в Кяэрику 44 года тому назад. Но, по счастью, сохранилась запись выступлений на заседаниях, опубликованная в ротапринтно изданной книге: Материалы встречи социологов. 1, Методологические проблемы исследования массовой коммуникации: Кяэрику – 1966 / главный редактор Ю. Вооглайд. – Тарту: Тартуский государственный университет, 1967. Страницы этой книги помогают мне вспомнить эти «дела давно минувших дней» и воскресить впечатления от восприятия того, что говорил Юрий Александрович. В этой книге его выступления занимают 46 страниц.

В выступлениях Левады изучение массовых коммуникаций вписывалось в общесоциологический контекст. Подчеркивалось важность и необходимость определения исходных понятий, без которых эмпирические исследования проводятся вслепую, без четкой целевой установки. Но эти исходные понятия в существовавшей в СССР литературе об обществе вообще отсутствовали. В зарубежной социологической литературе, к которой только-только приобщались советские социологи, была нормальная дискуссия по многим коренным проблемам. Ю.А.Л., как мало кто знающий мировую литературу по социологии и обладающий фундаментальными знаниями в истории философии, делился своими оригинальными размышлениями относительно ключевых понятий, без которых явление массовых коммуникаций вообще не имеет никакого смысла. Характеризуя восприятие словосочетания «массовые коммуникации» руководящими деятелями «идеологического фронта» с присущим им невежеством, автор этих строк писал в пародийном тексте «Проф. М.Л. Полупортянцев в Кяэрику. Страницы из дневника», опубликованном в этом же выпуске «Материалов встречи социологов»:

Что же здесь происходит?! И впрямь как на конгрессе каком-то! Что это с мболодежью? Забыла основы общественных наук! Зачем склоняются и спрягаются все эти чуждые нам, не наши понятия, как-то: «коммуникация», «установка», «регуляция», «отчуждение», «социум»? Нет, я не против нового, которое неодолимо, я тоже читал кой-какие переводы и могу, как говорят, ударить грязью в лицо, я не против социолухов, я ва социолухические исследования! Я против аллилуевщины, которая порождение культа. Я ва индуктивный и за дундуктивный методы. Я не против дискуссий, но нам нужна такая дискуссия, на которой бы все говорили правильно. А здесь говорят неправильно, предварительно не продумано. К примеру, те же «массовые

коммуникации». Что значит: «кому никак»? И причем тут массы?» (с. 210).

В Кяэрику таких дубов, как Полупортянцев, не было. Но «верхи» имели своих представителей, вполне образованных, осведомленных и осведомляющих. Один их них – полный тезка Левады Юрий Александрович Шерковин (1924-1998) приезжал с командировкой, подписанной самим Шелепиным. По данным современного Интернета, он окончил Военный институт иностранных языков, по окончании которого специализировался в области внешней разведки и спецпропаганды. В 60-е гг. работал в США, где изучал опыт американских психологов по обеспечению эффективности массовых информационных процессов, 1966 г. – доцент Института общественных наук при ЦК КПСС, где создал и возглавил группу (1966-1967), а позднее кафедру Общественной психологии и пропаганды. Ю.А. Шерковин активно и профессионально участвовал в работе социологического семинара, никак не проявляя свою «особость», которая не была секретом. Юло Вооглайд не препятствовал его приезду в Кяэрику, полагая, что его участие во встрече социологов создает для нее определенное прикрытие. Впрочем, на этих встречах, как в Ноевом ковчеге, и с эстонской стороны были и такие деятели, которые в дальнейшем играли в социологии отнюдь не положительную роль. Но вернемся к Леваде.

Он говорил то, что думал, невзирая ни на что, рассматривая такие понятия, не принятые в историческом материализме, как «массы» – бесструктурные большие группы людей, как «массовое общество», «массовая политика». «Коммуникации» трактовалась им как элемент общественной структуры, а «формы общения», в полном соответствии с Марксом, как элемент человеческой структуры, вместе с тем считая, что на новом этапе развития общества необходимо «заново рассмотреть проблему коммуникации в истории общества» (с. 141).

Культура определялась в качестве «информационного богатства человека». И это было не жонглирование с вошедшим в то время в обиход и ставшим даже модным понятием «информация». В своем выступлении по поводу доклада В.А. Ядова Левада ставил вопрос об использовании в социологических исследованиях понятий теории информации, математических методов, которые сами требуют разработки, поскольку «речь идет не просто об электрических сигналах, а о явлениях содержательных, о передаче семантической информации» (с. 127).

Уделялось внимание типам структур передачи информации, в частности «идеологическому типу». Отмечалась угроза монополизации в массовых коммуникациях и необходимость ставить на пути тотализации информации «личностные барьеры», когда «можно будет и телевизор смотреть, и человеком оставаться» (158). Левада утверждал, что для своего эффективного функционирования «общество должно быть не только всё более монолитным, однообразным, но всё более разнообразным» (там же). Поэтому и массовые коммуникации не должны вытеснять все другие формы коммуникаций, ибо «никогда человек не может не только жить, но и базироваться на системе оперативных массовых коммуникаций» (с. 180). Говоря о своем отношении к проблеме системы массовой коммуникации, Левада отмечал интерес к тому, «что можно сделать для социологии из понимания системы массовой коммуникации, что можно при помощи этой системы понять в обществе» (с. 179).

В этой связи он затрагивал и проблемы демократии: «Тут было сказано, что я, рисуя как будто бы мрачную картину, предполагая, что массовые коммуникации окажутся в нехороших руках. А если в хороших руках, то будет хорошо. Это в общем так, во рассчитывать на то, что во главе, скажем, Объединенного Телевидения станет человек умный и хороший – утешительно, но лучше бы так, чтобы это не зависало от вкусов и выбора одного человека. То общество, где благополучие зависит от хорошего расположения ближайшего полицейского, не очень хорошее. Я предпочитаю, чтобы общество опиралось на слаженную систему, ограждающую меня от этого полицейского» (с. 183).

Это рассуждение связано с изучением Левадой природы тоталитарного общества. Он исследовал явление фашизма. Его статья «Фашизм» была опубликована в 5-м томе «Философской энциклопедии» в 1970 г. Разумеется, речь могла идти лишь о германском и итальянском фашизме, так же, как и своих выступлениях в Кяэрику Левада, касаясь тоталитаризма, приводил примеры из истории Германии (проведение плебисцитов при фашизме). Но имеющий уши, слышал. Позже Юрий Александрович говорил мне, что па полях корректуры его статьи «Фашизм» главный редактор энциклопедии академик Ф.В. Константинов неоднократно помечал: «Это про них или про нас?!» В своих трудах второй половины 80-х годов Левада уже всё называл своими именами.

Вскоре после первой кяэрикуской встречи социологов я получил от Юрия Александровича письмо. Вот его полный текст:

Лев Наумович,

С огорчением должен сообщить, что совещание социологов все же решили проводить в Сухуми, в апреле (17-20/ IV). Мне больше бы нравилось Кярику, но эта собака пока убита. Будем приглашать ваших товарищей в Грузию (на днях пошлем официальные письма, не посоветуете ли – кому?). А за Ваше гостеприимство – еще раз ото всех нас должен поблагодарить – будем рассчитывать в следующий раз. (Или разы, может быть, нам удастся собрать небольшой «круглый стол» по соц. теории и функционализму в конце 1967 или начале 1968, а в 1968 г. и следующее большое совещание.

Возможно, мне удастся побывать в ваших краях и раньше, с какой-либо okazji. (Я.К. Ребане говорил о возможности приглашения с лекциями).

Но сейчас я позволю себе спросить вас вот о какой возможности. Покоренный духом вашего Кярику, я хотел бы узнать – можно ли (в смысле не очень ли трудно) получить там место (комнату), чтобы провести примерно месяц с семьей – скажем в январе буд. года? Если такой вариант сложен из-за времени или моей непричастности к университету, то я очень прошу не предпринимать каких-либо усилий и хлопот, поскольку эта идея чисто эстетическая, не утилитарная; к тому же, я не уверен, получится ли отпуск.

Во всех условиях – надеюсь на развитие знакомства и деловых контактов.

С лучшими пожеланиями

Ю. Левада

15/XI. 66.

Штамп на конверте: 18 декабря 1966 г.

Адрес:

Тарту, ЭССР
ул. Рийа 9, кв. 31
Столовичу Л.Н.

Адрес отправителя:

Москва, Ж-17
ул. Островского 5, кв. 33
Ю. Левада

Оригинал этого письма, написанного от руки, находится в моем архиве в Стэнфордском университете. Позволю себе несколько комментариев. Ю.А. называет меня «Лев Наумович», вместо «Леонид Наумович», так как у него не было поводов во время наших встреч обращаться ко мне по имени-отчеству и, наверно, произошла некоторая аберрация. Дело в том, что приехавший из Свердловска социолог Коган был *Лев Наумович*,

хотя его приятели называли *Лёней*. Вероятно, и Левада решил, что имя-отчество *Лёни* Столовича – *Лев Наумович*.

Совещание социологов в Сухуми состоялось. Я на нем не был, но Эстония на нем была представлена. Во всяком случае, я точно знаю, что был Юло Вооглайд и Ян Карлович Ребане. Последний упомянут в письме Левады. Он был заведующим кафедрой философии Тартуского университета. С лекциями в Тарту Ю.А. не приезжал. Не приехал он и в Кяэрику в январе 1967 г., хотя возможность получить комнату у него была.

Вторая встреча социологов состоялась осенью 1967 г. Ее тема: ценностные ориентации личности и массовая коммуникация. Сборник «*Käägiku – Кяэрику I*» был роздан участникам 2-й встречи социологов в 1967 году, который проходил под риторическим вопросом М.Л. Полупортянцева:

«Что же здесь происходит?!»

У меня сохранилась коллективная фотография, внизу которой запечатлен плакат с этой надписью: «ЧТО ЖЕ ЗДЕСЯ ПРОИСХОДИТ?».

Ю.А. Левада приехал на эту встречу, но почему-то на этой коллективной фотографии он отсутствует. Наверно, не захотел или что-то помешало «слиться с массой». Но в сборнике «Материалы встречи социологов. 2. Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация. Кяэрику – 1967» (Тарту: Тартуский государственный университет, 1968) его выступлениям посвящено 36 страниц.

Поскольку основной темой этой встречи социологов была не просто массовая коммуникация, но связанные с ней ценностные ориентации личности, то в выступлениях Левады большое внимание отводилось ценностной проблематике и вопросам, связанным со способами включения личности в социальную структуру, одним из которых и являются массовые коммуникации.

Первое свое выступление в общей дискуссии Левада начал с утверждения, что «проблема ценности нигде и никогда в литературе не была сформулирована, не была строго научно поставлена» и что, как ему кажется, «удобного, всестороннего понятия ценностей в науке вообще нет» (с. 23).

Мне тогда показалось, что это утверждение слишком категорично. Дело в том, что в начале 60-х годов я, что называется, «заболел» проблемой ценности. Непосредственно она меня интересовала в эстетическом аспекте. Я стремился переосмыслить свою «общественную» концепцию эстетического в аксиологическом ключе, трактуя прекрасное как центральную эстетическую ценность. В это время происходила, наряду со всеми

другими видами реабилитации, реабилитация в советской философии категории «ценность» и ее теории, которая до этого времени трактовалась в марксистско-ленинской философии как чуждая ей отрасль буржуазной философии. В 1960 г. вышла книга В.П. Тугаринова «О ценностях жизни и культуры», Ее автор с простодушной мудростью мальчика из сказки Андерсена «Голый король» заявил: «А ценности-то существуют!» Философия здравого смысла, при всей своей примитивности, обретает большое значение, когда в обществе утрачивается сам здравый смысл.

В 1965 г. в Тбилиси состоялся представительный симпозиум по проблеме ценностей, а в 1966 г. в Москве-Ленинграде издана была книга «Проблема ценности в философии», в которой рассматривались важные аспекты теории и истории теории ценности. «Лед тронулся» и началось дискуссионное обсуждение коренных аксиологических вопросов. В 5-м томе «Философской энциклопедии» в списке литературы к статье «Ценность», написанной О.Г. Дробницким, были отпечены работа А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова «Отношение к труду и ценностные ориентации личности» (1965)) и статья самого Ю.А. Левады «Сознание и управление в общественных процессах» («Вопросы философии, 1966, № 5»). Поэтому я не мог согласиться с тем, что «проблема ценности нигде и никогда в литературе не была сформулирована, не была строго научно поставлена», но, с другой стороны, Левада был вправе считать (тем более, делая оговорку: «мне кажется»), что «удобного, всестороннего понятия ценностей в науке вообще нет». Ведь и на сегодняшний день в непрерывных дискуссиях по проблеме ценности не выработано общепринятого определения понятия «ценность», хотя некоторые аксиомы теории ценности уже определены.

То, что говорил Ю.А. о ценности в 1967 г., было несомненным вкладом в теорию ценности в социологическом аспекте. Характеризую *нормы*, *ценности* и *знания* как разные расчлененности человеческой деятельности, он предпринял оригинальную попытку показать соотношение между ними, отдавая себе отчет в том, что «разделение всех этих трех типов несколько условно» (28). По его суждению, следование норме «состоит в том, что человеку задается требование действовать так-то и так-то, без мотивировок, без рассуждения о том, что хорошо и что дурно» (с. 25-26).. Далее «появляется как бы расчленение мира на субъективным основании, на полезное и вредное, потом это расчленение усложняется, появляется хорошее и плохое,

прекрасное и безобразное и масса других расчленений». (с. 26). Это является более сложным способом программирования человеческой деятельности, чем норма. Такого типа способы программирования Левада и считает ценностями. По его словам, «Их много, они разные. Когда это + - переносится на разные области и употребляется там, тут появляется, конечно, множество сложностей, множество противоречий. Скажем, Добро и зло – это одно, а красота – совершенно иная плоскость, а допустимое, правовое – эхо третье; а потом еще разные степени этики и этикета появляются. Вот такого типа регуляция человеческой деятельности (кто регулирует? – конечно, общество регулирует), вероятно относится к ценностной ориентации» (27). Рассматривая проблему ценности в социологическом аспекте, Левада полагает, что термин “ценность” имеет «значение лишь при определенной постановке вопроса: как и чем регулируется человеческая деятельность» (25).

Знания представляют собой, по дальнейшему рассуждению Левады, «более расчлененный способ, более сложной способ программирования деятельности». «Знания предметны, в большей или меньшей степени они содержат, характеристики и самого предмета, на который обращена деятельность и самих норм деятельности, самих ценностей и так далее» (там же). Вместе с тем, «обладание знанием – само может у нас выступать в качестве ценности» (28). При этом надо иметь в виду, что «сами по себе знания вне ценностей, вне норм не действуют», «их надо запрячь в систему каких-то ценностных ориентаций» (38). Социализация индивида – это освоение им некоторой совокупности «заданных ему обществом норм, ценностей и знаний» (34). Социализация должна сопрягаться с *интернализацией*, при которой знания становятся убеждениями, нормы образуют сферу нормативных установок и убеждений. Ценности, интернализуясь, определяют ценностные ориентации личности.

В другом своем выступлении Левада говорил о массовых коммуникациях как особом способе включения личности в социальную структуру. Стремясь выявить особенность этого способа, он сопоставлял *массовую* коммуникацию с *личной* коммуникацией и коммуникацией *специальной*, т.е. обучением специальности, участием в выработке знаний. В этой связи рассматривались проблемы *стереотипов, конформизма и мифа*.

Мое изложение выступлений Ю.А. на кяэрикусских встречах социологов носит конспективный характер и не может передать всё богатство его мыслей и идей. Думаю, что при полном издании научного наследия Левады в него войдут и то, что

говорилось им в Кяэрику. Мне как человеку, который непосредственно всё это слушал, хотелось бы обратить внимание и на то, *как* это говорилось. Левада не вешал, не проповедовал, «кроя эрудицией вопросов рой» (Маяковский). Он размышлял вслух, делился со слушателями основательно продуманными мыслями и идеями, не навязывая их, делясь своими сомнениями. Он не представлялся всезнайкой, хотя знал необычайно много. Отвечая на вопросы, мог честно признаться в том, что ему самому неясно. Так, на вопрос: «К какому виду коммуникации отнести восприятие искусства?», он сказал: «Я не считаю себя достаточно компетентным, и все, что я читал на этот счет, не дает уверенности в том, как происходит на самом деле здесь коммуникация, кого с кем, Я допускаю, что усвоение искусства вообще идет иначе и структура личности, о которой мы говорим, как о структуре для усвоения знаний, для выработки установок, возможно, совершенно не годится для процесса восприятия искусства» (с. 180).

В общении с коллегами он никогда не был высокомерен. Он был демократичен, как истинный аристократ, аристократ духа. Ему претил диктаторский стиль в чем бы то ни было. В памяти И.С. Кона запечатлелся такой эпизод из кяэрикуского времени: «Мы с ним [Левадой] в основном общались на каких-то заседаниях, например, в Кяэрику, где мы в течение нескольких лет бывали вместе. Там работала школа Тартуского университета, где происходили все социологические действия. Вот тогда я впервые увидел на заседаниях, что он, оказывается, может быть и другим. Обычно он был добрым и доброжелательным человеком. Но помню, на одном из семинаров Щедровицкий что-то объяснял, и Левада вдруг на него неожиданно окрысился. Меня это удивило, потому что я видел это впервые. Окрысился он резче, чем по моим представлениям это было обоснованно. Я спросил почему: ведь Щедровицкий ничего такого не сказал. Мне тогда Щедровицкий понравился своей способностью бесконечно много раз терпеливо объяснять одно и то же, совершенно при этом не раздражаясь. Хотя вообще было не в наших традициях особенно заботиться о собеседнике». Левада объяснил свой выпад против Щедровицкого так: «Ты его слышишь впервые, а мы-то его слушаем постоянно» (<http://www.polit.ru/analytics/2010/04/28/levada.html#>)

С Георгием Петровичем Щедровицким я познакомился в 1963 г., когда он со своим семинаром приезжал в Тарту. на конференцию по моделированию. Знакомство продолжилось в Кяэрику. Он говорил, что стремится найти общее логико-методологические основания любой деятельности. На этом строилась работа его семинара, в котором была строгая

дисциплина и своеобразный культ руководителя. Но это было не самоцелью. В доверительной беседе он рассказал о сверхзадаче своей исследовательской и педагогической работы: создать духовную атмосферу, которая бы противостояла всем совершающимся в стране безобразиям, аморфности и алогичным абсурдам. Помню, как он однажды вспомнил свой разговор с пленным немцем, который не сокрушался, что его страна лежит в руинах: «Главное, чтобы был Geist [Дух]. Тогда будет и всё остальное». Но эта сверхзадача таилась за непосредственными задачами выработки универсальной методологии, своеобразной логической муштры, проводимой непререкаемым руководителем. Поэтому, хотя, по словам Кона, «с самим Щедровицким у Левады были вполне дружеские отношения, это не носило личного характера», Леваду не мог не раздражать сам авторитарный стиль выступлений Щедровицкого.

Я никогда не видел Леваду торопливо-суетливым. Он был воплощением мудрого спокойствия. Никем не навязываемый авторитет его в социологической среде был чрезвычайно высоким. Помню, как смеялись, когда прочли в «Дневнике» Проф. М.Л. Полупортянцева:

Потом была финская баня - национальная по форме и обычная по содержанию. Что мне понравилось, так это военный порядок следования в баню. Все обязанности были строго распределены:

Ф и р с о в – командир.

Полупортянцев – нач. отдела кадров.

Столович – зам.командира по эстетической части и моральной чистоте.

Ядов – зам. командира по процедуре, методологии и телесной чистоте.

Блюм – зам. командира по общесоциологической части, по организации и преодолению отчуждения.

Ольшанский – зам. командира по семиотике и неформальным межличностным отношениям в бане смешанного типа.

Вооглайд – пом. командира по методам исследования массовых коммуникаций и расквартированию.

Левада – рядовой.

Немцова и Верховская – медсестры.

На третьей встрече социологов в 1968 г. Левада отсутствовал. Сборник «Материалы встречи социологов. 3, Личность и массовая коммуникация: Кязрику – 1968» (Тарту, 1969) уже не содержал его выступлений. В 1969 г. на четвертой и

последней встрече социологов в Кязэрику, материалы которой уже было невозможно издать, его тоже не было. В 1969 г. идеологические танки прошли по его знаменитым «Лекциям по социологии». Но дух Левады видал на этих кязэрикуских встречах. Выступающие на него ссылались. Он присутствовал в шутках социологов, которые прямо по концепции карнавала Бахтина, противостояли надвигающемуся новому средневековью и надвигающемуся погрому в социологии. В Приложении к третьему выпуску сборника «Кязэрику» приютился уголок юмора. Там можно было прочесть о такой социологической шутке. Одну из участниц Кязэриковских встреч звали **Ада**. Свердловского социолога – веселого остроумца **Льва Когана** – кто-то решил с ней «соединить». И вот появилась надпись мелом на доске:

Лев + Ада = Левада

Ю.А. Левада был в Кязэрику в августе 1970 г. на IV Летней школе школы по так называемым «вторичным моделирующим системам», т. е. по семиотике, которую проводил Юрий Михайлович Лотман. Там мы и встретились. Программа этой Летней школы. Была чрезвычайно насыщенной. Она включала в себя проблемы семиотики культуры: структура фольклорных текстов, миф в системе культуры, типология культуры. Предметом обсуждения были также семиотика текста, язык искусства, поэтика (структура стиха), общие проблемы коммуникативных систем. Ю.М. Лотман выступал с докладами «О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры» и «О семиотике понятий “стыд” и “страх” в механизме культуры». Выступали В.Н. Топоров, А.М. Пятигорский, Вяч.Вс. Иванов, И.И. Ревзин, З.Г. Минц, Б.Ф. Егоров, Ю.И. Левин и многие другие.

Левада, не выступал, но очень внимательно слушал. Я не помню деталей его пребывания среди семиотиков, но дальнейшее хорошо запечатлелось в моей памяти. Мы вдвоем выехали из Кязэрику и поехали ко мне домой. Мои домашние были на даче, и мы сами приготовили себе обед. У меня возникло впечатление (и оно до сих пор не проходит), что у нас установились очень дружеские, можно сказать доверительные отношения. По его инициативе мы перешли на «ты». Он рассказывал мне о себе то, что мало кому говорил, а, может быть, не говорил вообще. Я и сейчас не буду это пересказывать. К скандальному обсуждению–осуждению его лекций по социологии он относился очень спокойно. Я спросил его, можно ли их получить. Вскоре после его отъезда в Москву он мне прислал два выпуска этих лекций с дарственной надписью: «Дорогому Леониду Наумовичу с социологическим приветом».

Присутствие Левады на семиотической школе получило своеобразный отклик. Математик и филолог Юрий Иосифович Левин в своих воспоминаниях о семиотических летних школах, отмечая специальности ее участников, писал: «Между прочим, характерно отсутствие философов (появившиеся на школах Ю. Левада и Л. Столович не вписались в семиотический круг, а А. Пятигорский шел по индологическому ведомству, как и Л. Мьяль») («Новое литературное обозрение», 1993, № 3, с. 43). В статье «А.Ф. Лосев о семиотике в Тарту» я следующим образом прокомментировал эти слова: «Появление Ю.А. Левады – талантливейшего социолога, «Лекции по социологии» (1969) которого подверглись уничтожающей идеологической критике в Академии общественных наук при ЦК КПСС (Наум Коржавин писал тогда: «И на растоптанной Леваде пасутся жирные ослы»), – было не случайно на IV Летней школе в 1970 г. Что касается автора этих строк, то его участие почти на всех школах “по вторичным моделирующим системам” и семиотических конференциях было обусловлено не только причастностью к Тартускому университету. Не смею говорить за Ю.А.Леваду, но я не вписался «в семиотический круг» потому, что отказывался видеть в семиотике универсальный метод решения всех теоретических проблем, будучи убежденным в ее необходимости, но *в системе* различных видов научного знания» («Новое литературное обозрение», 1994, № 8. С. 102). И в более поздней работе: «Разумеется, социолог Ю. Левада не собирался семиотикой подменить социологию, а Ваш покорный слуга, при всем уважении к семиотическим исследованиям и понимании их важности *в системе* различных видов научного знания, не считал семиотический метод универсальным. *Семиосфера*, разработка понятия которой составляет одну из несомненных научных заслуг Ю.М. Лотмана, конечно же существует, однако не может покрыть собою все иные сферы – *ноосферу* (сферу разума), *аксиосферу* (сферу ценностей), *пневматосферу* (гипотеза П.А. Флоренского о существовании “вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства”), не говоря уже об *атмосфере* и *биосфере*» (Л.Н. Столович. Юрий Михайлович Лотман. Воспоминания и размышления // Юрий Михайлович Лотман (Серия: Философия России второй половины XX века) / Под редакцией В.К. Кантора. М.: РОСПЭН, 2009. С. 106).

Что же касается слов «И на растоптанной Леваде пасутся жирные ослы», то они были повторены мною и в других моих текстах. В своих воспоминаниях о Леваде В.А. Ядов, рассказывая о встречах социологов в Кяэрику, сказал: «туда приезжал

Губерман. Губерман в социологии ни черта не понимал, но он веселый человек, шутник, у него великолепный юмор. И Губерман сочинил там такие стихи, к сожалению, я помню только их конец:

«И на растоптанных левадах
пасутся жирные слоны».
Хорошо было сказано»
(<http://www.polit.ru/analytics/2010/04/28/levada.html#>).

Я должен внести уточнение. Игорь Губерман действительно приезжал в Кяэрику в 1969 г. Я даже сам организовывал его проезд. Он в это время был, по его словам, «научпопником», т. е. писал научно-популярные книги. Не могу судить, насколько он разбирался в социологии, но он хотел побывать на встрече социологов, чтобы написать об этой новой тогда области знания. Он – действительно феноменально остроумный человек, прославившийся своими знаменитыми четверостишиями – «гариками», и социологи были покорены его юмором (см. *Леонид Столович. Социологи в Кяэрику // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. СПб, 2010 – 1(79). С. 14-20.*

<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/stolovich.html>). Но Губерман не имеет отношения к стихам о Леваде. Я опубликовал эти стихотворные строки в очерке об Игоре Губермане, притом с ошибкой (вместо «весело ослы» было напечатано «жирные ослы»). Это и вызвало смещение в определении авторства стихотворения: эти строки Владимир Александрович приписал Губерману, притом, повторив мою ошибку (вместо «весело ослы» «жирные ослы»), хотя я в качестве автора назвал поэта Наума Коржавина. Это стихотворение я слышал из уст самого Коржавина, когда я вместе с Пиамой Павловой Гайденок и Юрием Николаевичем Давыдовым в 1972 г. посетили поэта, жившего еще в Москве. Но я запомнил из этого стихотворения только два строчки, да еще неточно. Стихотворение долгие годы нигде не печаталось и только совсем недавно мне подсказали, где я могу его прочесть опубликованным: *Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Составитель Т.В. Левада. М.: Издатель Карпов Е.В., 2010. С. 125.*

Социология на спаде:
Побиты волки и орлы.
И на растоптанной Леваде
Пасутся весело ослы.
И все вокруг для них красиво.

Чиста, свежа, сладка еда.
И я б уехал из России
Навек – но только вот куда?
А никуда! Хоть жизни гаже
Нигде я больше не нашел
Терплю. И кажется мне даже
Что я и сам теперь осел.

Н. Коржавин

22 января 1972 г.

В воспоминаниях доктора социологических наук, профессора Александра Бенционовича Гофмана, рассказанных на сайте ПОЛИТ.РУ Любови Борусяк (<http://www.polit.ru/analytics/2010/06/02/levada.html#>), говорилось об отношении Ю.А. Левады к юмору и остроумию. Воспроизведу их разговор на эту тему:

А.Г.: ...Мне кажется, что он не был человеком остроумным. Мне кажется, что он легких шуток не воспринимал.

Л.Б.: Хотя его окружали люди, многие из которых были весьма остроумны.

А.Г.: Он не был таким шутником. Мне кажется, что его нельзя было назвать человеком, который любит поострить или пошутить. И это тоже, по-моему, было связано с его основательностью. Юмор галльского типа, мне кажется, не был ему свойствен. Вот первое пришедшее сейчас в голову воспоминание. Я как-то в шутку однажды сказал в его присутствии: «Жена – это не человек, это социальный институт». А он мне в ответ говорит: «А муж?» И он был прав, но это же была шутка.

Л.Б.: А что, у него с чувством юмора были проблемы?

А.Г.: Нет. Его серьезность была связана с его основательностью. Я его очень любил.

Мой опыт общения с Ю.А. не вполне подтверждает эту характеристику его отношения к юмору и остроумию. Действительно, его окружали люди, многие из которых были весьма остроумны. Я это мог видеть в Кязрику. Там собирались такие, можно сказать, профессиональные остроловы, как Б.А. Грушин, Б.М. Фирсов, Л.Н. Коган. Грушин собрал потрясающую коллекцию анекдотов. Его было трудно удивить незнакомой ему байкой, но иногда удивляли. Разговоры остроумцев такого класса тонизировало окружающих. Левада должным образом реагировал на юмор, но я не помню, чтобы он сам рассказал какой-нибудь анекдот. Я согласен с А.Б. Гофманом, что у Левады с чувством юмора проблем не было, что его

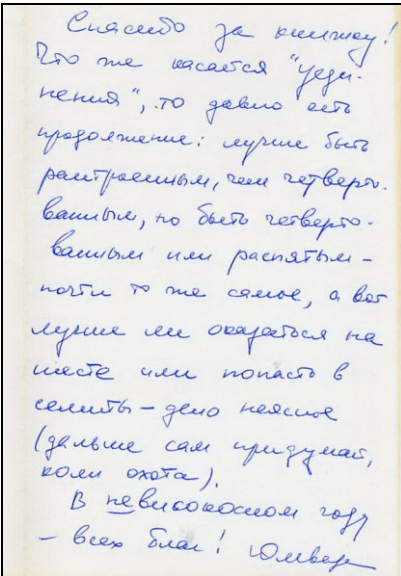
серьезность была связана с его основательностью. Он в определенной мере воплощал Спинозовский идеал философа: надо не плакать, не смеяться, а понимать. Пошлый или легковесный юмор был не для него, но по-настоящему остроумный юмор он ценил. Но вот никак не могу согласиться с тем, что «он не был человеком остроумным».

Позволю себе привести одно доказательство, вполне свидетельствующее о его тонком остроумии. 27 декабря 1972 г (о чем можно судить по почтовому штампу на сохранившемся конверте) Ю.А. прислал мне небольшое письмо:

Спасибо за книжку! Что же касается «уединения», то давно есть продолжение: лучше быть расстроенным, чем четвертованным, но быть четвертованным или распятым – почти то же самое, а вот лучше ли оказаться на шесте или попасть в семиты – дело неясное (далее сам придумай, коли охота).

В невисокосном году – всех благ!

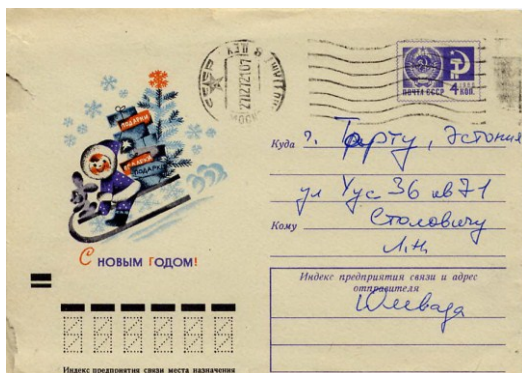
Ю.Левада

Спасибо за книжку!
Что же касается "уеди-
нения", то давно есть
продолжение: лучше быть
расстроенным, чем четвер-
тованным, но быть четверто-
ванным или распятым -
почти то же самое, а вот
лучше ли оказаться на
шесте или попасть в
семиты - дело неясное
(далее сам придумай,
коли охота).
В невисокосном году
- всех благ! Ю.Левада

Письмо, написанное от руки, и собственноручно надписанный конверт находятся в моем архиве в Стэнфордском университете. Ю.А. благодарит меня за посланную ему мою книгу «Категория прекрасного и общественный идеал» (Москва: издательств «Искусство», 1969). Я ему писал о придуманной мною

шутке: «Лучше уединяться, чем раздваиваться. Лучше раздваиваться, чем расстраиваться», которой он нашел блестяще-остроумное продолжение.

Я посмел это остроумное продолжение последовательных превращений числового ряда во все более жесткие определения трагических ситуаций в духе черного юмора опубликовать во всех изданиях книги «Евреи шутят» (Tallinn, 1996 – Тарту-СПб, 2009).

Притом, основным мотивом для меня послужили слова Левады: **«вот лучше ли оказаться на шесте или попасть в семиты – дело неясное».**

Как оказалось, эта фраза имела автобиографическую подоплеку. Игорь Семенович Кон в своей замечательной мемуарной книге «80 лет одиночества» (М., 2008) пишет об одном из оппонентов своей кандидатской диссертации по истории: «декан истфака Пединститута имени Покровского Моисей Александрович Коган (1907-1982), удивительно красивый и остроумный человек (кстати, родной отец Юрия Левады), вообще был кладезем премудрости» (с. 44). Александр Бенционович Гофман – доктор социологических наук, профессор Высшей школы экономики, который был знаком с Юрием Левадой много лет – вспоминал, что тоже знал родного отца Юрия Левады, Моисея Александровича Когана, когда жил в Питере. «Помню, – говорил он, – после того, как поступил в аспирантуру, я приехал в Ленинград, чтобы встретиться со своим научным руководителем – Игорем Семеновичем Коном, который жил тогда там. Я зашел на родной исторический факультет, где преподавал Моисей Александрович Коган. Это был очень душевный человек. Я с ним не так много общался, но он всех студентов расспрашивал о том, как их дела, кто и чем живет. Человек он был уникальной образованности. Вместе со многими другими книгами он издал,

например, «Мифологический словарь». И далее: «похож был Левада на него фантастически, это была просто копия. Когда он узнал, что я сдавал экзамены Леваде, и что я сейчас нахожусь в таком обществе, он вдруг сказал фразу, от которой я остолбенел: «А ведь Левада мой родной сын». Я сначала решил, что это было сказано в каком-то фигуральном смысле. И все годы, что я был знаком с Левадой, я ни разу не задал ему вопроса, так это или не так. Потому что официальная версия была, что он – сын известного украинского драматурга Александра Левады» (<http://www.polit.ru/article/2010/06/02/levada/>).

Последний раз я встретился с Левадой осенью 1989 г. Он приезжал в Тарту на семинар, посвященный памяти моего друга и коллеги *Рэма Наумовича Блюма* – доктора философских наук, профессора кафедры философии Тартуского университета, возглавлявшего русскую секцию Народного Фронта Эстонии, скоропостижно скончавшегося 1 июня 1989 г. Деталей этой встречи я не помню. В моей памяти осталось одно его воспоминание о времени учебы в университете, рассказанное у меня дома. Он мне говорил, что в одной комнате общежития на Стромьнке жили три студентки философского факультета. Одна из них вышла замуж за Мамардашвили, другая – за Леваду, а третья, Рая Титаренко, – за юриста Горбачева. С Раей Левада был в добрых отношениях и иногда прогуливался.

Больше я Ю.А. ни разу не видел. Не было между нами и переписки. Я с необычайным интересом узнавал о трудностях, которые он преодолевал и преодолел, создав самый авторитетный социологический Аналитический Центр мирового уровня, по праву носящий его имя. Мне близки его взгляды по общим социологическим проблемам и представления об оптимальном пути развития России. Отвергая разговоры «об особом пути, об особой идее», выдающийся российский социолог полагал, что «некоторый выбор подразумевается». Однако, по его убеждению, «это не выбор между Востоком и Западом, или между Россией или Европой, или между характером сознания или души, отечественной или еще сопредельной»: «речь идет об универсальном и маргинальном вариантах развития, думания». По словам Ю.А. Левады, «какая-то скрытая, явная, благая, злая конкуренция между этими вариантами, между универсальностью и маргинальностью будет существовать еще долго, а значит, еще будет возможность утешаться: нам плохо, зато иначе, чем у всех. И кроме того, это самое удобное прикрытие нежелания, неумения что-нибудь сделать. А зато мы отдельные!». «Я думаю, – прогнозировал Ю.А. Левада, – что в ближайшие времена мы

будем в большой мере этим заниматься, пока не утвердимся в идеях другого типа — универсальности» («Континент» 2006, № 128. В Интернете: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/128/shes9-pr.html>).

Я благодарю судьбу за то, что она дала мне возможность встретить на своем жизненном пути такого замечательного человека и выдающегося ученого, память о котором я бережно храню.

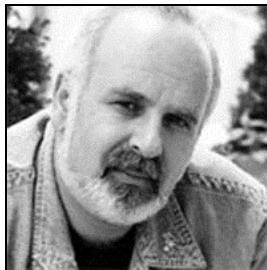
Владимир Слуцкий

Владимир Фридман – Vladimir Friedman – פרידמן ולדימיר

*Человек свободен лишь тогда,
когда сделает свой выбор.
Славомир Мрожек
Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку
Каждый выбирает для себя.
Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже, как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.
Юрий Левитанский*

радиционно в субботу утром включаю русскоязычный канал RTVi (независимый, говорят, идет в связке с радио «Эхо Москвы»), смотрю программу «В Нью-Йорке с Виктором Топалером».

В Нью-Йорк приезжают самые известные политики, художники и бизнесмены, самые яркие личности нашего времени. Их мнение интересно многим. Их ждет Виктор Топаллер

Ба-а, знакомое лицо – израильский актер Владимир

Фридман, которого я еще знал по Томску, когда он служил в ТЮЗе. А должен вам сказать, что когда в эфире звучит слово Томск, то сердце вздрагивает и невольно «сосредотачиваешься» и это не просто сентиментальность, а 42 прожитых года...

А кто такой В. Фридман?

Широко известный в Израиле артист театра и кино, автор музыки и исполнитель песен.

Краткая биографическая справка

Владимир Фридман родился в г. Курске 20 июня 1959 г. Мать – учительница русского языка, отец – инженер, брат – компьютерщик. Увлекался спортом, 1-й разряд по футболу, был капитаном юношеской сборной города: «Я люблю футбол, потому что это почти что театр. Единственное, в театре я знаю, чем закончится пьеса, в футболе – нет».

Закончил в Москве театральный институт ГИТИС имени А.В.Луначарского (ныне Российская академия театрального искусства), курс народной артистки СССР Элины Авраамовны Быстрицкой, служил в Томском театре юного зрителя.

Театр юного зрителя Томск

В 1991 г. с Белорусского вокзала отправился в Израиль и прибыл туда 1 апреля.

Живёт в Нетании – городе-курорте на берегу Средиземного моря.

Женат, взрослая дочь Анна, учится, будущий юрист.

Израильские друзья: Елена Саханова партнер по сцене, организатор, администратор; Ян Левинзон, сатирик ведущий популярной телепрограммы «Семь сорок» (в СССР участник КВН)

– «Одесские джентльмены»).

Томские друзья: главный режиссер драмтеатра Юрий Пахомов и заслуженный артист России Геннадий Поляков (все недавно перешагнули 50-летний порог).

Володя в молодости

Любимый писатель-Сергей Довлатов, читает, перечитывает, цитирует.

О жизни и творчестве актера снят документальный фильм "Владимир". С этим фильмом Владимир представлял Израиль на международном фестивале в Западном Берлине. Снялся более чем в 50-ти кино и телефильмах. Записал 5 дисков и один двойной компакт диск. Гастролирует по всему миру. Один из самых востребованных и популярных русскоязычных актеров.

Первый вопрос, который задал В. Топаллер:

– А правда ли, что еще в Советском Союзе ты стал лауреатом Ленинского Комсомола?

Ответ:

–Так и было. Я, мои друзья актер Геннадий Поляков и режиссер спектакля Юрий Пахомов удостоены премии **Томского** Комсомола за спектакль «Эмигранты» в 1989 г. Более того, до сих пор считаю, что это моя лучшая роль, сыгранная в театре.

С этого момента, как говорят в компетентных органах, более подробно, ибо в данный период (а это была перестройка) особо ярко проявились переплетения судеб личностей и страны в целом.

Автор пьесы «Эмигранты» польский драматург, прозаик, художник - карикатурист, лауреат премии Черного юмора Славомир Мрожек, который 45 лет находился в эмиграции, и знает проблему не понаслышке. Пьеса переведена на многие языки, постановку ее осуществили более чем в 30 странах,

экранизирована известным режиссёром Анджеем Вайдой (1975 г.). В СССР известен только во время "оттепели".

Пьеса написана в 1973 г., а в СССР первая постановка осуществлена в театре-студии "Человек" только через 10 лет. Это было бесплатное мероприятие, на которое пускали по спискам, но говорят, что там перебивала вся театральная Москва. Создатели же спектакля немало претерпели за такую дерзость, их чуть было не лишили дипломов, не пускали за границу.

Тема злободневна и сейчас, спектакль появляется и в современном репертуаре – Сатирикон им. А. Райкина в Москве, в «Маленьком театре» в Израиле, в тюменском самостоятельном театре, в Грузии, в Украине и других странах.

Любопытна история создания «Эмигрантов» в Томске. Идею высказал молодой начинающий актер Володя Фридман, главный режиссер ТЮЗа Олег Афанасьев вопреки существующим правилам пригласил на постановку «Эмигрантов» Юрия Пахомова (однокурсника В.Фридмана по ГИТИСу), который еще формально не имел режиссерского образования. Замечу, что Юрий Алексеевич (Заслуженный деятель искусств России, ныне Главный режиссер томской драмы) почитает Олега Алексеевича (Заслуженный артист РСФСР) своим крестным отцом в профессии.

По пути: – знаменитый российский режиссер Роман Виктюк, выступая по телевидению в Израиле, вспомнил и очень тепло отозвался о Юрии Пахомове, который когда-то учился в его мастерской при Театре им. Вахтангова на Высших режиссерских курсах. И еще, недавно узнал, что дочь Ю. Пахомова Ксения (по мужу Рабинович), живет и работает в Израиле – актриса театра Зеро. Есть и внук Итай!

В пьесе Славомира Мрожека все минимизировано: действующих лиц всего два, у них даже имен нет, они названы **АА** (В.Фридман) и **ЯЯ** (Г.Поляков), время – одна новогодняя ночь, место действия – убогое жилище (две кровати и стол) под лестницей ветхого дома. У автора нет разъяснения, кто они, откуда и где все происходит. Это дало возможность режиссерам и рецензентам давать различную интерпретацию. Чаще считают, что герои спектакля из Польши эмигрировали в Америку, **АА** интеллигент-диссидент, **ЯЯ** – по нынешней терминологии гастарбайтер. На мой взгляд в разных вариантах подобное могло случиться и в Израиле и в России. Главное, что волнует зрителя всегда – **диспут о рабстве и свободе** («Правда людям везде нужна» – говорит **АА**).

Юрий Пахомов о той работе вспоминает:

– *Мы все открывали для себя что-то очень важное в*

профессии. Было удивительно легко, потому что мы очень много работали и не замечали, как нам трудно...

«Эмигранты» в Томске. 1989 год

Успех постановки был потрясающий. Борис Привалихин в томской газете «Молодой Ленинец» от 19.01.1990 г. (спасибо сотруднику Государственного архива Томской области Марине Марковой за помощь в поиске архивной информации) подчеркнул: *«Действительно это лучший, виденный мною на томской сцене за последние два года»*. Он же, далее (о присуждении премии): *«Сменился критерий отбора в сферу общечеловеческих чувств и оценок. Проблемы спектакля волнуют каждого. Выиграли не только те, кто награжден, но и те, кто награждал»*.

В дополнение современный взгляд. И.Травина на юбилее Пахомова: *«Тогда, в 1989-м зрителям показалось, что это не про нас. Оказалось, очень даже про нас. Принявшие этот спектакль тогда помнят его и сейчас, двадцать лет спустя»*.

Спектакль был представлен на Международном фестивале молодежного экспериментального театра "Золотой лев".

Вскоре после премьеры «Эмигрантов» В. Фридман **репатрировался** в Израиль. Журналисты-острословы нередко обыгрывают этот факт, как воплощение образа из пьесы на сцене в жизнь. Решительно возражаю, эмиграция и репатриация два разных понятия в принципе.

Эмиграция (лат. *emigro* — «выселяюсь») – переселение из одной страны в другую по экономическим, политическим, личным обстоятельствам.

Репатриация – возвращение на родину – свою или своих предков. По отношению к Израилю есть и другой термин – Алия (ивр. буквально «подъём», «восхождение», «возвышение»). Массовая алия из СССР и стран СНГ началась с 1989 г. С приходом к власти М. Горбачёва (Генеральный секретарь ЦК

КПСС, Председатель Верховного Совета, а затем Президент СССР) были существенно облегчены правила отъезда.

Евреев настойчиво звала Земля Обетованная. Владимир откликнулся на зов и полюбил эту страну. Как оказалось, любовь эта взаимна. В различных интервью он с большой теплотой и признательностью вспоминал жизнь в России, ведь у него все было стабильно. Корреспонденту газеты "Едиот Ахронот" («Последние известия», ежедневная израильская газета) он сказал:

– Я ощущаю глубокую привязанность к исторической родине. Как бы наивно это не звучало, но я верю в идеи сионизма. Я приехал сюда не потому, что хотел сбежать оттуда, а потому что я – еврей (а его герой в «Эмигрантах» восклицал: – Убегают не к чему-то, а от чего-то).

Начало жизни в Израиле

Две иллюстрации:

Первая – поэтическая (фрагмент песни-письма)

Здравствуй, Лева. Наконец-то до письма черед дошел.
У меня теперь есть место, я нашел на свалке стол.
Правда, нету еще стула, ну да это не беда.
Вместо стула два баула, и, поверь мне, ерунда.
Ах, Лева, Лева, как тут красиво!
Мой городок недалеко от Тель-Авива.
Цветы и пальмы, все люди в шортах
Ну, как в кино на фешенебельных курортах.
Начал я довольно скромно, не работаю пока.
Снял квартиру из 3-х комнат в самом центре городка.
Есть балкон и два сортира, вход с фасада, вход со двора.
Там по-нашему – квартира, тут по-ихнему – «дира».
("Ах, Лева!" сл. и муз. М. Фрянзель, В. Фридман)

Вторая – прозаическая

(обобщенный монолог по различным интервью)

*Первое время жизнь в Израиле складывалась нелегко.
Мечты о работе по специальности, таяли, а надо было платить*

за квартиру и кормить семью. По большой протекции устроился на работу по уборке мусора, и стало понятно, сразу и окончательно, что мое место не на подножке мусороуборочной машины, а на подмостках сцены. Уволился через сутки по взаимному согласию. Так закончился мой первый трудовой день, а первый год ушел у меня на "легкую" абсорбцию, и это был единственный год за все двадцать лет моей карьеры, когда я не работал артистом.

Ох, и побегал я на прослушивания. Вроде бы нравится, подхожу по всем статьям, а приглашений нет.

Помню такой случай, иду я из "лишкат аводы" (биржи труда) грустный. В "лишкатке" мне предложили работу по специальности: "У нас есть работа для тебя – в каньоне в Кфар-Сабе на Пурим (веселый еврейский праздник В.С.) нужны будут клоуны для детей. Ты умеешь жонглировать?" - "Нет". "А играть пантомиму?" - "Нет". "А на ходулях?" - "Нет". "А написано, что ты артист. Что ж ты умеешь?" Я подумал: а ведь и вправду ничего не умею, но вслух пояснил: "Ани сахкан театр драма" (Я – драматический актер – ивр.). В общем, служащая очень удивилась, а я по-прежнему возвращался домой без работы.

Однажды в русскоязычной газете прочитал объявление, что требуются артисты с высшим театральным образованием, русскоязычные, умеющие играть на сцене, владеющие музыкальным инструментом (а я умел играть на гитаре) и умеющие петь. Обращайся к Жанне. Я долго сомневался, но поехал. Так я получил роль в спектакле на русском языке "Остров Субботы" (сценарист и режиссер Джойс Кляйн). Он был сделан специально для показа в России. Работа по профессии на своем языке! Это было огромное счастье - прожить одиннадцать месяцев в стране - и вдруг - получать зарплату! Плюс ты едешь на гастроли в Россию. Играл разные роли. Русские израильтяне. Это было приятно, и гордость была, и радость от встречи с родными местами. Так продолжалось, пока в один прекрасный момент нам не сказали: все, господа, кончилось! Как кончилось? Проект кончился, деньги кончились. Все! Возвратились в Израиль. Нас распустили, и я опять был в шоке.

После этого спектакля меня пригласили на фестиваль альтернативного театра в Акко. Получил большую роль (нужен был человек, выходец из России, говорящий на иврите с акцентом) в антрепризе по роману известного Израильского писателя (номинанта на Нобелевскую премию) Амоса Оза «Менуха нехона» («Праведный покой»). Актуальная тема – непонимание людей разных поколений, живущих в киббуце. Я сыграл это, и мне

показалось, что удача вновь ко мне вернулась. Десять раз еще отыграли и получили только удовольствие от игры, а денег, увы – нет. Таков капитализм – это другой строй, другой менталитет.

И все же меня заметили и пригласили работать в израильский ТЮЗ, но там проработал недолго. Возник конфликт, я надолго запомнил слова директора: «Ты вообще должен говорить спасибо, потому что полстраны безработных артистов, и если я тебя выгоню – тут же на твоё место прибежит 150 человек». И я ушел. А куда ушел – не понял. Знал только одно, что обратно не вернусь, потому что "у советских собственная гордость". Я решил начать самостоятельную жизнь – «пустился на вольные хлеба», в «свободное плавание» и пока не жалею, есть достижения, есть успех, есть своя независимая ниша в кинотеатральном мире Израиля и не только.

Здесь уместно напомнить японский диалог из романа Х. Муруками «Норвежский лес». (2005 г.):

– Иногда смотрю на людей – и становится тошно. Почему они не пытаются стараться? Палец о палец не ударят, а только кричат на всех углах о несправедливости.

Я удивленно посмотрел в лицо Нагасавы.

– На мой взгляд, люди и так работают на износ. Или я не прав?

– Это не старание, а простой труд. Под старанием я имею в виду другое. Старание – это нечто более активное и целенаправленное. И не надо жалеть себя. Себя жалеют только ничтожества.

Как это похоже и на Израиль и на все бывшие советские республики...

Третий российско-израильский проект – спектакль по произведению израильской писательницы Ганны Слуцки "Поза эмигранта". Это был тоже краткосрочный проект, но важно, что в нем участвовали российские театральные звезды Наталья Гундарева, Игорь Костолевский, Евгения Симонова.

Здесь Владимир не только познакомился, но и подружился с Евгенией, и здесь же он воочию увидел самоотверженность великой русской актрисы Натальи Гундаревой, Это был удивительный мастер-класс актерского подвига, но лучше об этом расскажет очевидец Игорь Костолевский:

(привожу его полностью, ибо очень люблю эту актрису).

Однажды мы играли вместе в Израиле, куда нас - Наташу, Женю Симонову и меня – пригласили выступить в пьесе «Поза эмигранта». И вот я помню, как в очередной раз мы с Наташей прилетели, и она почувствовала себя нехорошо. А перед

выходом на сцену ей просто физически стало плохо, поскольку она лежала в фойе, а уж о том, чтобы играть, казалось, не могло быть и речи. Врачи настаивали на том, чтобы забрать ее в больницу.

Н. Гундарева Е. Симонова И. Костолевский
Партнеры. В. Фридман играл с ними в спектакле «Поэза эмигранта»

Но в последний момент, когда уже решили отменять спектакль, а зал был полон, Наташа вдруг поднялась и сказала: «Нет, я буду играть», – и вышла на сцену. Когда она появилась в своем эпизоде, все, кто был тогда рядом, не могли поверить в то, что такое возможно – такое невероятное преображение, такое перевоплощение! Казалось, все, что она делала, уже делала не Наташа Гундарева, а кто-то помимо нее. Это была какая-то нечеловеческая воля. Острую, комедийную роль она играла настолько феерически, что зал просто ревел! Причем, помимо текста, в паузах была сплошная импровизация, какой-то совершенно непредсказуемый фейерверк!

Но когда мы ушли за кулисы, она буквально рухнула. При этом настояла, чтобы ее отвезли не в больницу, а в гостиницу, и еще просила меня не звонить Мише (ее мужу, артисту Михаилу Филиппову), не говорить, что ей плохо, чтобы не волновать его. Мы ее привезли в гостиницу и всю ночь постоянно заглядывали в номер, чтобы проверить, как она.

А потом на следующий день... у нее все прошло, и она снова играла спектакль. Вот такие перепады были свойственны ей в жизни: казалось, она буквально умирала и тут же вставала, опять шла и что-то делала. Причем - на полную катушку, с каким-то удивительным самосожжением. Отдача была просто фантастическая!

2004 г. Девятым канал израильского телевидения назвал победителей конкурса "Человек года". Владимиру Фридману была вручена в призовая статуэтка «Золотая девятка» в номинации

«Вклад в развитие израильского театра и кино» Замечу, что в том же году победителем номинации «Вклад в современную еврейскую культуру» стал хор Турецкого.

Прошло 2 года, Владимир Фридман получает высшую театральную награду страны – «Золотой еж» – главный приз Израильской Театральной Академии в номинации «Актер года» – за лучшую мужскую роль в спектакле "Аль аСафсаль". «Аль аСафсаль» в переводе с иврита. «На скамейке» – это израильский вариант знаменитой «Скамейки» Александра Гельмана. Она «ковровой дорожкой» прошла по всему Советскому и в 30 странах мира (во Франции в 6 театрах!), её играли знаменитые артисты, достаточно вспомнить Т. Доронину и О. Табакова.

Дошел черед и до Израиля. Владимир Фридман осуществил проект, начиная от получения личного разрешения Александра Исааковича Гельмана, перевода пьесы на иврит с учетом специфики Израиля (например, «превратить двух героев из провинциального фабричного городка в двух репатриантов из России»), а затем обратный адаптированный перевод на русский (спектакль получил название «Московский роман в Тель-Авивском парке»). Это была колоссальная работа, она длилась 7 лет (одних переводов только 120 вариантов), выполнена совместно с актрисой Еленой Сухановой и режиссером Захарьей Туби.

«Скамейка» в Израиле. Елена Саханова и Владимир Фридман

Владимир: – *Еще в молодости я думал "какая классная пьеса, дай Б-г приведется ее сыграть" и вот либо Бог нам помог,*

либо мы сами, но мы ее сыграли. Успех спектакля достойно оценен и публикой и профессионалами.

Кинематограф и телевидение

Судя по израильской прессе, Владимир Фридман самый снимающийся русскоязычный актер Израиля (на сегодняшний день речь идёт о 55 кино- и телефильмах). Два фильма с его участием – «Друзья Яны» и «Сломанные крылья» – удостоены премии "Офир" (израильский аналог "Оскара").

При анализе рецензий и отзывов о его творчестве в кинематографии и телевидении, я обратил внимание на то, что довольно часто встречается слово **Первый**. Действительно это так.

Он первый израильский актер, воплотивший на экране образ легендарного Йосефа Трумпельдора (фильм «Битва за Тель-Хай» признанного лучшим телефильмом 2000 года). И. Трумпельдор – участник обороны Порт Артура, георгиевский кавалер, командовал отрядом еврейской самообороны в Палестине, ему принадлежат слова смертельно раненого патриота **«Как хорошо умереть за Родину!»**. Этот герой заслуживает отдельного рассказа.

В. Фридман исполняет главную роль в Первом русскоязычном израильском сериале "Между строк".

Особое место в кинематографии Израиля занимает фильм «Сломанные крылья» режиссера Нира Бергмана, (2002 г.). Комментарий Владимира: *«Это картина, абсолютно не связанная с израильскими реалиями. Эта человеческая история могла с таким же успехом произойти в Париже, Риме, Москве. Тогда-то все и поняли, что у нас есть не только арабо-израильский конфликт. Фильм получил десятки призов на международных кинофестивалях, это был настоящий прорыв»*.

В 2011 г. прошла премьера нового фильма «Ленин в октябре», основное действие которого происходит в израильском русском ресторане «Красный Октябрь» с лозунгом «кто не работает – тот не ест». Незадачливый ресторатор должен получить наследство от внезапно умершего московского дядюшки-коммуниста, но при условии, что он найдет и установит в центре ресторана бюст Ленина. Владимир Фридман играет роль Владлена, идейного скульптора, пожилого человека пытающегося отстоять марксизм. Кто-то уже сострил: Фридман – сионист в жизни – коммунист на экране!

Известно, что для съемки в кино, кроме таланта (а без него, куда?) и видения режиссера, важную роль играют Случай и Удача. Два показательных примера.

1. Владимир должен был сыграть эпизодическую, но важную для него роль в фильме голливудского культового режиссера Тони Скотта "Шпионские игры". Но из-за страшного теракта в «Дельфинариуме» (17 детей погибли при взрыве, еще четверо скончались в больнице. 120 человек получили ранения), съемки перенесли в Марокко, и как раз в эти дни с этой страной были разорваны дипломатические отношения, роль досталась венгерскому актеру. *«Все деньги и славу получил он, а не я»* – самоиронично вздохнул Владимир.

Фильм «Ленин в октябре»

2. Фильм «Стены» израильско-французский-американский проект, первый израильский боевик с бюджетом 3 млн. долларов. В главной роли Ольга Куриленко, голливудская звезда – она прославилась как последняя «девушка Джеймса Бонда» (фильм «Квант Милосердия»).

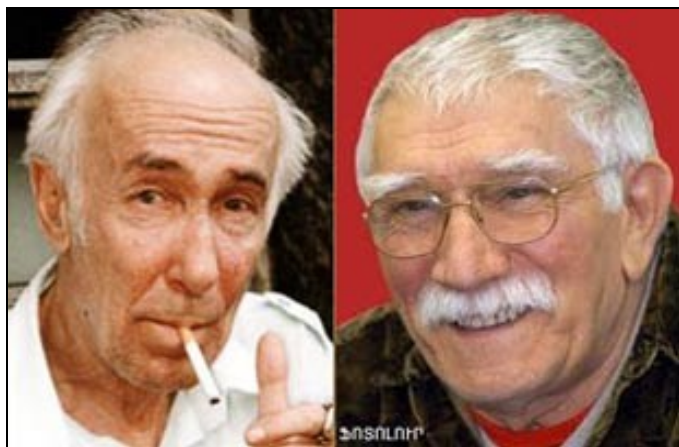

Голливудская звезда Ольга Куриленко

Ее партнер по каким-то причинам не смог приехать в Израиль. Роль поручили В. Фридману. По его словам, когда он

прочел биографию Ольги, у него в глазах потемнело, и все-таки блестяще справился с ролью! Партнеры стали друзьями, им было о чем поговорить, ведь она родом из Бердянска (Украина), а он оттуда отправлял свой багаж, который, переплыв Азовское, Черное и Средиземное моря, пришел в Израиль.

Работа в кинематографе познакомила его с выдающимися российскими актерами, среди них Армен Джигарханян, Валентин Никулин, а это не только просто жизненный, но и громадный творческий опыт.

Российские партнеры

Валентин Никулин

Армен Джигарханян

По пути замечу, что Владимир познакомился (в Биробиджане на фестивале) и подружился с легендарным Левонем Оганезовым. Они создали музыкальную программу "Без женщин жить нельзя на свете, нет?". По совету Левона Владимир в свои выступления включил и записал на диск песню «Парус», которую 5 лет исполнял Андрей Миронов под аккомпанемент Л. Оганезова («Андрюшкина песня» говорил Левон).

Есть еще одна грань таланта Владимира Фримана – он поет под собственный аккомпанемент на гитаре и свои и чужие песни, его уже называют бардом. Это могут быть сольные концерты ("Я другой такой страны не...") или участие в популярных шоу-программах на телевидении («Семь сорок», «Музыкальный саквояж»), их можно теперь смотреть и за рубежом. В. Фриман Лауреат 1-го Всеизраильского конкурса артистов эстрады.

Выпустил двойной компакт-диск – лучшие песни, за 15

лет жизни в Израиле и еще пять дисков

"Мой выход, господи!",

"Палата № 6",

"Я хотел бы пройти сто дорог",

"Я давно уже не тот, да пока не этот..."

"Безбилетный пассажир"

С Левном Оганезовым

Кассеты распространяются официально и пиратским (к сожалению, но с другой стороны – свидетельство о популярности) образом во многих странах.

Владимир – автор и исполнитель автобиографического («смеюсь и плачу над собой») моноспектакля "Шам ноялдети" ("Там родился»). ... Невероятный успех – с момента его создания спектакль прошел около 2000 раз на различных площадках Израиля. К моему (я пока еще не выучил новый язык) сожалению, спектакль идет только на иврите.

И, наконец, совсем свежая музыкальная программа 2011 года «Ма зе Валенки?» – «Что это, валенки?». Такой и подобные вопросы может задать не только малыш, но и любой взрослый, проживший всю жизнь в солнечном Израиле.

В Программе звучат много других прекрасных, душевных песен советского периода, которые исполняются сольно и дуэтом с молодой актрисой Люси Дубинчик, которую привезли в Израиль в 7-летнем возрасте (может быть, читатели ее помнят в сериале «Под небом Вероны»).

В. Фридман неперенный участник престижных Фестивалей Булата Окуджавы, регулярно проводимых в Израиле, а в них принимают участие такие исполнители, как Елена Камбурова, Александр Градский, поэты и барды: Вероника Долина, Александр Городницкий, Юлий Ким, Нателла Болтянская, Виктор Берковский и многие, многие другие...Он не только участвует, но активно пропагандирует благотворительные мероприятия, совсем недавно состоялся концерт «Актерское братство» (тяжело заболел артист театра «Гешер»).

С концертами выступает не только в Израиле, но и России, СНГ, Германии, Канаде, США, короче везде, где говорят по-русски и помнят Россию (или Советский Союз). На его концертах всегда аншлаги.

В мае 2011 г. Принимал участие в днях еврейской культуры в Томске.

После концерта в Томской синагоге, май 2011 г.
Дни еврейской культуры

Афиши в Торонто сообщают, что его ждут в декабре с новой музыкальной программой «АХ, НЕ ЛЕТИ ТАК, ЖИЗНЬ!». Все средства от концерта будут переданы в фонд Хайфы (северная столица Израиля - В.С.) для проекта, направленного на работу с детьми – репатриантами, говорящими по-русски

Предстоящий концерт в Канаде

Наблюдая и восхищаясь творческой деятельностью В. Фридмана, я бы подчеркнул три особенности:

- тесное и взаимное переплетение двух культур (Израиль и Россия);
- осуществление мечты жить и трудиться на Обетованной

земле (исторической Родине) с постоянной ностальгией старшего поколения репатриантов по «биологической» Родине. Именно, там прошла большая часть жизни. Вспоминается не только плохое, было много хорошего (друзья, природа, климат, песни, фильмы), а, главное там прошла молодость. Вот почему на концертах В. Фридмана раздается не только смех, но видны и слезы;

– оптимизм, его кредо жизни он выразил словами одного из героев фильма:

«...ты знаешь, я понял, для чего мы живем. Понимаешь, наша планета для веселья оборудована плохо. Мы все в печали. Поэтому жить нужно для того, чтобы у другого человека было, как можно меньше поводов печалиться. И мы должны уменьшать печаль друг друга. Наверное, в этом и есть смысл нашего существования».

Закончу свои записки словами песни на слова Роберт Рождественский, ее часто поет Владимир Фридман на своих концертах (это тоже его кредо):

Спасибо, жизнь, за то, что вновь приходит день,
Что зреет хлеб и что взрослеют дети.
Спасибо, жизнь, тебе за всех родных людей,
Живущих на таком огромном свете.
Спасибо, жизнь, за то, что этот щедрый век
Звучал во мне то щедростью, то болью,
За ширь твоих дорог, в которых человек,
Все испытал, становится собою.
За то, что ты река без берегов,
За каждую весну твою и зиму,
За всех друзей и даже за врагов -
Спасибо жизнь. За все тебе спасибо!
За слезы и за счастье наяву,
За то, что ты жалеть меня не стала,
За каждый миг, в котором я живу,
Но не за тот в котором перестану.
Спасибо жизнь, что я перед тобой в долгу,
За прошлую и завтрашнюю силу.
За все что я еще успею и смогу,
Спасибо, жизнь, воистину спасибо.

P.S. Жизнеописание основано на личной переписке автора, частично использованы материалы персонального сайта В. Фридмана, портала IzRus, электронной и бумажной информации израильской и томской прессы.

Фотографии томского периода из личных архивов заслуженных артистов России Г. Полякова и В. Тарасова. Израильский период – сайт В. Фридмана и различных сайтов Интернета.

Соня Тучинская

Встреча с Бродским в Пало Алто

давно, открыв наугад Бродского на странице «На смерть Жукова», вспомнила вдруг, как он читал эти стихи на своем вечере, в Palo Alto. Было это, если мне верно помнится, в начале весны 1995-го. Никто еще не знал, что это весна - последняя в его жизни. Возможно, что в тот день он в последний раз читал на публике.

Выглядел он скверно: мучнисто-белое лицо, лоб – в невысыхающей испарине. Он был в джинсах, в рубашке с распахнутым воротом, в твидовом пиджаке. Стоя на сцене, беспрерывно запаливал сигарету за сигаретой. Когда начинал читать, остервенело давил в пепельнице длинный окурочок. Заканчивал и тут же доставал из пачки новую сигарету, вызывая у курящей части зала мучительное желание курить, у тех же, кто знал о его болезни – подлинный ужас и страх за него, за его изношенное, и, кажется, не однажды уже оперированное сердце.

Зал внимал ему благоговейно, прощая то, что никому другому бы не простилось. Но он был залом недоволен и открыто ему это демонстрировал. Требовал от публики вопросов, но отвечал на них неприязненно-раздраженно, доходя иногда до откровенного хамства. Вопросы и вправду были часто нелепые, неумные или просто неуместные, как, впрочем, это бывает всегда и везде, на любом другом вечере подобного рода.

Молодой человек выкрикивает с «галерки»:

- Правда ли, что Вы крестились в католичество?

- А вот это - не Ваше дело, - кричит ему в ответ Бродский.

- А Вы читали «Воскресение Маяковского» Карабчиевского», - не унимается все тот же настырный юноша

- Читал, но не до конца – молниеносно парирует Бродский.

Чтобы оценить красоту этого ответа, надо знать, что о Бродском Карабчиевский говорит именно в финальной части своего гениального эссе. И говорит так убедительно, что, судя по всему, Бродский предпочел не делать ему рекламу на своем творческом вечере. А между тем, убийственный анализ

Карабчиевского стоит того, чтобы хотя бы частично привести его здесь¹.

Моя соседка справа, с очаровательно-некрасивым и совсем еще юным лицом, несколько раз порывается задать мэтру какой-то вопрос. Но ее перебивают другие. Наконец, доходит очередь и до нее. Прерывающимся от волнения голосом она спрашивает, кто для него, Поэта, является светилОЙ, в жизни и в поэзии. Со злым сарказмом, не адекватным совершенному прегрешению, снобистски ее поправляет, «не светилОЙ, дорогая, а светилОМ», - и читает из Владимира Уфлянда:

*Мы Светила заменим Темнилами,
Сердцу нашему более милыми.*

¹ Есть нечто унижительное в этом чтении. Состояние – как после раута в высшем свете. То же стыдливо-лестное чувство приобщенности неизвестно к чему, то же нервное и физическое утомление, та же эмоциональная пустота. Трудно поверить, что после того, как так много, умно и красиво сказано, – так и не сказано ничего.

Приходилось ли вам обращать внимание, как тяжело запоминаются эти стихи? Мало кто знает Бродского наизусть и только тот, кто учил специально. Это оттого, что внутренняя логика образа почти всюду подменяется внешней логикой синтаксиса. "Часть речи" называется книга Бродского и так же – сборник, ему посвященный. Это грамматическое название, конечно же, дано не случайно. Но, быть может, было бы еще точнее – "Член предложения". Потому что, при всем внимании к слову, не слово составляет у Бродского основу стиха, и не строчка, и даже не строфа – а фраза. Наиболее ярко этот принцип проявляется там, где одно предложение тянется через несколько искусно построенных строф, но он, как правило, сохраняется и в самых коротких стихах.

Неизменно соблюдаемое расстояние между ритмическим и синтаксическим строем и дает мгновенное чувство глубины и объема, пропадающее после чтения. Оттого, кстати, большие стихи, из строфы в строфу переносящие фразу, выглядят всегда значительней и глубже. Фраза может и не быть формально четко очерченной, а существовать как некая недоговоренная в строфе, никак не договариваемая мысль. Она переливается, переливается, каждый раз сливаясь еще с одной каплей, вызывая томительное ожидание, что вот-вот прорвется свободным потоком и станет ясно, куда и зачем. Но в конце так и остается лежать ртутным выпуклым озерцом на дне последней строфы.

Посрамленная Любимым Поэтом, с пылающим от стыда лицом, она опускается в кресло.

На следующий, нелепый, но, тем не менее, вполне безобидный вопрос, без которого, увы, не обходится ни один вечер поэзии, отвечает без снисхождения к возрасту убежденного сединой поклонника Есенина: «Я скорее разделяю мнение Ахматовой, что Есенин, в основном, был озабочен проблемой, на какую сторону зачесывать чубчик, на левую или на правую».

Оробевшая публика просит продолжить чтение стихов.

Читал он, в основном, свое «позднее, начала 90-х. Но, к моей вящей радости, читает вдруг «Дорогая, я вышел сегодня из дому..», и, даже, совсем раннее, прелестное, мучительно-ностальгическое «От окраины к центру».

Добрый день. Ну и встреча у нас.
До чего ты бесплотна:
рядом новый закат
гонит вдаль огневые полотна.
До чего ты бедна. Столько лет,
а промчались напрасно.
Добрый день, моя юность. Боже мой, до чего ты
прекрасна.

Дерзну заметить, что из того, что он читал в тот вечер, среди бесспорных шедевров, попадалось и нечто, как бы, не совсем достойное его имени. Какая-то надуманная и тягостная заумь, рассудочное, безмелодийное трюкачество, без единого живого чувства, «без слез, без жизни, без любви». Страшно сказать, но в какие-то моменты, не делай он короткие передышки между «стишками», трудно было бы определить, где кончается один и начинается другой. Случайный выбор слов или их непроизносимый порядок, навязчиво-избыточная образность, существительные, так далеко разбежавшиеся со своими глаголами, что ни глазом, ни ухом их уже нельзя было притянуть друг к другу...

Тем не менее, я
существую, и мне,
искренне говоря,
в результате вполне
единственного бытия
дороже всего моря.

Это нельзя было уже спасти ничем. Даже его знаменитая, завораживающая, шаманская манера нараспев читать свои стихи,

неоднократно описанная всеми, кто слышал его «живьем» была здесь бессильна.

Тем не менее, зал продолжал в благоговейной тишине внимать каждому его слову. Но тишина эта была не того восторженного свойства, которое он ожидал, а скорее выражением почтительного пиетета к имени, к избранничеству, к нобелевской славе. Бродский безошибочно почувал, что публика скучает, что она ждет от него старого, ностальгического, и бросил в зал, почти дословно, следующее:

Вчера я читал эти же стихи перед англоязычной аудиторией Стэнфордского Университета. Так вот, они воспринимали их значительно адекватней, чем вы, носители языка, на котором они написаны. Сейчас я прочту вам несколько достаточно механистических стихков, которые, я уверен, в силу этого и будут вам понятны.

Вот тогда-то он и прочел свое «На смерть Жукова», чеканные строки которого, как, впрочем, и породившие их строки державинского «Снегиря», запоминаются сразу и навсегда, сами собой, без труда и усилий.

*Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же, прими их - жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта,
громко свисти на манер снегиря.*

Зал ожил, загудел одобрительно. Тогда, окончательного осознав, насколько простецкие вкусы зрителей не дотягивают до горних вершин подлинной поэзии, он решил прочесть еще что-нибудь "механистическое", но на злобу дня. Это было - "На независимость Украины". С сожалением привожу его здесь целиком - так как без этого не обойтись.

*Дорогой Карл XII, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
"время покажет Кузькину мать", руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.
То не зелено-квитный, траченный изотопом, –
жовто-блакытний реет над Конотопом,
скроенный из холста, знать, припасла Канада.
Даром что без креста, но хохлам не надо.
Гой ты, рушник, карбованец, семечки в полной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.*

*Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзанае.
Скажем им, звонкой матерью паузы медля строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога!
Ступайте от нас в жупане, не говоря - в мундире,
по адресу на три буквы, на все четыре
стороны. Пусть теперь в мазанке хором гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть -- так сообщца, путь выбирая в чаще,
а курицу из борца грызть в одиночку слаще.
Процевайте, хохлы, пожили вместе - хватит!
Плюнуть, что ли, в Днипро, может, он вспать покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
кожаными углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом. Вашего хлеба, неба,
нам, подавись мы жмыхом и колобом, не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.
Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом?
Вас родила земля, грунт, чернозем с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Это земля не дает вам, кавунам, покоя.
Ой да Левада-степь, краля, баштан, вареник!
Больше, поди, теряли – больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза –
нет на нее указа, ждать до другого раза.
С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи!
Только когда придет и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.*

Жизнь прекрасна своей непредсказуемостью. Лет мне уже немерено, а русский рэп «Ой да Левада-степь, краля, баштан, вареник!», в исполнении нобелевского лауреата по литературе довелось услышать впервые. Нет, пожалуй, не «рэп», а скорее разухабистый частушечный перебор, с духовитым великоросским подголоском. Комичность ситуации была очевидной: умильная гордость материальным и культурным превосходством "титულიной нации" исходила от специфически картавившего, и к тому же откровенно семитской наружности американского поэта-лауреата.

Я любила и люблю Бродского, но не религиозно, как моя соседка справа, а избирательно, без фанатизма. Люблю я немногое, хотя стихов его знаю порядочно, но об этих гадских стишках не слыхала никогда. Поэтому, наверное, в голове у меня пронеслась

совершенно дикая мысль, что он сочиняет их прямо здесь, на сцене Еврейского Культурного центра в Palo Alto². Оглядываясь, я пыталась вычислить, если ли в зале украинцы. Нет, слава богу, в зале чинными рядами сидели евреи. Так мне, по крайней мере, хотелось тогда думать.

Что он еще читал в тот вечер, не знаю, так как, осторожно переступив через ноги юной поклонницы Бродского тихо покинула взорвавшийся аплодисментами зал. Произошло это как раз в тот момент, когда он, характерно грассируя, дошел до бесславного финала, до этой постыдной строки про Александра и Тараса.

Сан-Франциско

² В шеститомнике Бродского изданном Пушкинским Фондом, 1992, это стихотворение не представлено.

Александр Бураковский

Двенадцать мнений о последней волне «русской» эмиграции в Америку

Из книги публицистики «Спокойно, вы в Америке!»

1. “Вертикальная” энциклопедия “русской” эмиграции

Сколько десятилетий Российская Империя, затем СССР, теперь уже – страны СНГ, некоторые из которых стали независимыми государствами, все продолжают и продолжают исторгать из своих недр “ненужных” людей, чаще всего – элиту, интеллигенцию. Сколько драматических историй, изуродованных судеб, недожитых жизней знает эта тотальнейшая из тотальнейших в мире эмиграция многих сотен тысяч людей разного этнического и религиозного происхождения, продолжающих именоваться в мире интегральным именем: “русские”.

Если проследить историю многих европейских государств, вдруг окажется, что часть ведущих их политиков, ученых, экономистов, военачальников были и есть выходцами из “русских”. Если построить семейное древо многих известнейших американских конгрессменов, бизнесменов, ученых, актеров – окажется, что корни их – из России. И, в то же время, многие американцы понятия не имеют, где находится Россия, об Украине, или, например, Грузии – и говорить-то нечего. Однако все они хорошо знают, что живут в Америке такие люди: «русские».

То, что творит с “русскими” эмигрантами история – не поддается логическому осмыслению. Пройдитесь по старинным кладбищам Парижа, Праги, Берлина, Вены, Бухареста – и вы увидите, сколько утерянных для истории судеб хранит приютившая их земля. Но разве только именитые были

вынуждены бежать! Сколько “маленьких” людей хранит в себе земля только одной Америки. И память о них теплится разве что в виде затертых фотографий на стенах квартир их внуков, или в невестребованных документах эмиграционных властей Америки.

Приедете на остров Эллис Айленд, что у статуи Свободы, куда до 1954 г. привозили на океанских пароходах эмигрантов. И посмотрите внимательно на развешанные вдоль стен музея эмиграции фотографии беженцев. И снова столкнетесь с тем, что многие из них – “русские”. Вы увидите их одежду, облик, выражение глаз и почувствуете огромную тяжесть, муку, страдания, связывающие вас с этими незнакомыми и близкими людьми. Ибо то, на что были вынуждены решиться они, бросая в одночасье все нажитое, достигнутое, оставляя, наконец, Родину и могилы предков, не только сходно с тем, что произошло и с вами, но вызывает и мысль о фатальном злом роке, висящем над Россией до сих пор. Вы проникнетесь состраданием к судьбам и воле этих людей. Тем более что не исключено: среди них есть и ваши дальние родственники, бежавшие и во времена работы Паленской комиссии, и перед первой мировой войной и после революции... Родители спасали детей, дети увозили стариков. Этой боли и этой музыке нет конца...

И возникает вопрос: неужели память обо всем этом постепенно исчезнет, оставаясь лишь в сухих цифрах ученых, историков, социологов, политиков, экономистов? Неужели следующее поколение эмигрантов “из нашей бучи, боевой, кипучей” ожидает лишь новый музей эмиграции, расположенный, соответственно, где-нибудь в районе аэропорта Кеннеди, где они смогут рассматривать фотографии уже нас с вами? И наша жизнь во все ускоряющемся современном мире промелькнет незаметно, еще более увеличив провал в памяти поколений?

Известны книги, посвященные эмиграции и эмигрантам. Известны кинофильмы, посвященные трагедии отдельных поколений, судьбам народов. Но разве этого достаточно!

Многие авторы, побывавшие в Англии, писали об английской традиции – отводить в домах наиболее почетные места фотографиям и реликвиям, связывающим их с предками. И потому многие английские семьи прослеживают свои родословные деревья на много поколений вспять. Впрочем, такая традиция существует не только в Англии.

Кто бывал в Израиле, знает о “зале памяти” в музее Яд Вашем, где аккумулируется информация о погибших в Катастрофе. Во многих странах Европы скрупулезно собирается эта информация, составляется жуткий мартиролог памяти для

будущих поколений. По этим уничтоженным “деревьям” многие смогут найти и свои разорванные фамильные связи. И уже находят.

После распада СССР судьба разбросала многие семьи: бабушки и дедушки, например, остались доживать свой век в России, дети уехали в Америку, внуки – в Израиль, а разуверившиеся во всем правнуки подались в Австралию, Канаду, Германию... И, может быть, еще не поздно, пока жива, пусть и зыбкая, связь поколений, сохранить память обо всех. И углубить ее во времена довоенные, дореволюционные...

Для этого совершенно неважно, кто мы есть в этническом смысле, какую исповедуем религию, какие метаморфозы приключались с нами и нашими предками во времена цветения или увядания нашего древа жизни: у одних – с огромной, буйной кроной, у других – с едва заметной единственной хрупкой веточкой...

Идею создания банка фамильных деревьев в среде “русских” эмигрантов в Америке я услышал от Г. Вайнера. Он говорил мне об этом с некоторым обреченным энтузиазмом, когда очевидное не кажется вероятным. И, все же, все же!

Недавно попала мне в руки чудесная неоконченная книга в 4-х томах, изданная энтузиастами в Иерусалиме: “Евреи в культуре русского зарубежья”. Сколько в ней судеб, сколько незабытых, к счастью, имен! Известны и десятки других книг, посвященных памяти русских, украинцев, поляков... Но все они “горизонтальные”, ибо описывают людей и события в одном, максимум – двух исторических пластах жизни страны, общества, культуры... Но не менее интересен и совершенно иной эволюционный путь: “вертикальный”! Проследить, как развивались наши семейные древа вглубь, как разветвлялись, трансформировались, или гибли. Как растворялись в космополитическом мире, или, напротив, углублялись в ортодоксальности своей. Как менялись их профессиональные, культурные, политические, социальные, национальные условия жизни, выживания. Какие демографические перемены внесла судьба в вертикаль каждого фамильного рода.

Восемь лет тому назад Ю. Мушкетик, тогдашний и нынешний председатель Союза писателей Украины, рассказывал мне, что пишет книгу об известнейших родовых фамилиях на Украине. И с удивлением обнаружил многократное смещение этнических родовых связей в среде известнейших традиционно украинских фамилий, например, Галаганов, Полуботков, мн. др.

Один из моих друзей, сын раввина из Бессарабии, приехал в Америку велед за сыном-вундеркиндом, приглашенным с

первого курса МИФИ в Гарвард американским профессором-селекционером. И внук раввина, окончив Гарвард и получив блестящее приглашение на работу во всемирно известную научную лабораторию, вдруг женился на японке. У них родился мальчик очень похожий на мать, и они уехали жить в город Нагасаки. Такая вот “вертикаль”.

А моя бывшая сотрудница, русская, отправила после Чернобыля 10-летнего сына в Израиль на лечение в группе других детей. Мальчик очень быстро выучил иврит, увлекся иудаизмом, окончил религиозную школу, затем – религиозный колледж. Сегодня он – самый молодой ученый – толкователь Торы среди раввинов Израиля. И такие вот “вертикали”. Так что, любые национальные “метаморфозы” возможны в родовых деревьях, особенно в американской среде эмигрантов.

Думаю, многим из нас интересно не только проследить свое вертикальное фамильное древо, но и прочитать, услышать, узнать и о других “деревьях”, раскидистых и величавых, или тонких и беззащитных, как березки на ветру. Время жить – это не просто библейская мудрость: в ней отражена связь поколений – от прошлых до грядущих, в ней память, передающаяся веками.

(газета «Новое русское слово», №1-2, февр. 1997)

2. БЕСЕДЫ О ЖИЗНИ “РУССКОЙ” ЭМИГРАЦИИ

Какова дальнейшая судьбы евреев, выходцев из бывшего СССР? В самом деле: кто они? Станут ли они частью не только американского народа, но и еврейства? Кем будут их дети, внуки? По национальности? По вероисповеданию? Ведь уже нет пятой графы в паспорте, которая определяла и одновременно поддерживала национальную принадлежность. Что удержит их от, кажется, неминуемой ассимиляции. В Америке путь сохранения национальных, этнических корней (любой национальности) - принадлежность к определенной религиозно-культурной общине. У русскоязычных евреев есть пока община, но что с ней произойдет за каких-нибудь два поколения без глубоких корней и традиций? Нынешняя беседа об этом - с **профессором А.Лакшиным**, русскоязычным, нашедшим свою нишу в ортодоксальном иудаизме.

А.Б. Бытует, и не без оснований, мнение, что евреи Нью-Йорка разных волн эмиграции не только не имеют контактов между собой, но и относятся недружелюбно друг к другу. Одни поясняют это явление естественным языковым барьером, другие - разной ментальностью и культурной базой, третьи - ханжеством американских евреев и чрезмерным самомнением “русских”,

четвертые - разным положением в обществе, и.т.д.

Как бы там ни было, действительно, мягко говоря, разобщенность есть. Есть даже разобщенность среди русскоязычных евреев, которые, не имея в массе своей контактов с англоязычными, организуют десятки своих враждующих между собой общественных организаций, каждая из которых, тем не менее, называет себя еврейской.

Англоязычные евреи разобщены, как минимум, религиозными привязанностями на ортодоксов, консерваторов и реформистов. “Русские” же, не веря ни в Бога, ни в Дьявола, предпочитают земляческие связи, замыкаясь, тем самым, в своеобразных гетто, типа Брайтона, где можно прожить и без знаний английского языка, где к их услугам десятки русскоязычных газет, русское радио и телевидение, русскоговорящие продавцы в магазинах. Либо бегут подальше из этого “болота”, чтобы побыстрее адаптироваться в американской среде, стать элементом какого-либо профессионального слоя американского общества.

Но чем объяснить, что в “глубинке”, где-нибудь в Денвере, Атланте или Сент-Луисе контакты между евреями разных волн эмиграции куда более тесны, нежели в Нью-Йорке?

Есть, правда, исключения из складывающегося советско-еврейского пасьянса: люди, преодолевшие языковой, профессиональный и, в какой-то степени, элитарный барьер, являются частью не только “русской” общины Америки, но и ее еврейско-американской составляющей. К таким людям я отношу и вас. И потому, весьма интересно узнать, как вам удалось это? Поделитесь опытом.

А.Л. Родился я в Ленинграде 40 лет назад в нормальной интеллигентной семье. Родители преподавали немецкий язык: папа в университете, мама - в военной академии. Папа, надо отдать ему должное, проявил большую дальновидность и отдал меня учиться в английскую спецшколу, так что с 17 лет я совершенно свободно владею английским языком и это, конечно, облегчило многое в жизни. Затем окончил химфак университета, там же занимался научными исследованиями и, в это же время, уже всерьез заинтересовался еврейством. Стал ходить в синагогу. Стал завязывать контакты с другими евреями. Я стал посещать первый тогда в Ленинграде подпольный семинар по изучению Торы и еврейской религии. Это было в 1979 году, но продолжалось недолго. Вскоре всех “семинаристов” стали по очереди вызывать в КГБ. Все контакты пришлось на время прервать, и стал я самостоятельно изучать Тору. Мне было проще, ибо я мог

пользоваться книгами на английском языке.

А через несколько лет я окончательно понял, что есть вещи намного важнее, чем карьера и деньги. У меня налажился контакт с серьезными религиозными кругами, с отказниками. Для меня главным стержнем в жизни стало еврейство. И, несмотря на то, что в 1990 году мне, наконец, “разрешили” защитить кандидатскую диссертацию в области химии, я в 1992 г. эмигрировал в Америку. И тут свершилось своеобразное чудо: в первый же день приезда в Нью-Йорк, а это был день 90-летия тогда уже больного ребе Шнеерсона, я зашел в синагогу и тут ко мне подходит человек (им оказался Алекс Полторак, который в Москве случайно слышал мое выступление на ступеньках синагоги) и говорит: у меня есть для тебя работа в Туро-колледже. Так я стал преподавателем.

Кроме того, мне вскоре предложили работать консультантом в Объединенном Совете еврейских общин Нью-Йорка (JCRC), в котором представлены почти все еврейские организации. Но это не еврейский парламент города. Совет лишь формирует и выражает общие интересы еврейских организаций в отношениях с администрацией города и штата, с полицией, с общественными организациями других религиозных общин города, с другими странами и зарубежными организациями. Постоянных сотрудников в Совете - 11 человек и каждый отвечает за свои направления. Коротко говоря, я начал жить еврейской жизнью в России и, приехав сюда, как бы влился в новый поток, не снижая скорости, как машина, въезжающая на хайвэй.

А.Б. Вы считаете, что единственный путь для вхождения в американскую еврейскую среду, это соблюдение Торы, жизнь по ее законам? А что делать тем евреям-атеистам, которые хотели бы жить в среде еврейской культуры, ее традиций, не желают ассимилироваться, забыть о своем еврействе, но не посещают синагог. Им никогда не стать частью американского еврейства?

А.Л. Нет, это не является непременным условием. Это лишь во многом облегчает вхождение в общеврейскую жизнь. Поясню. Жизнь религиозного еврея подчиняется строго регламентированному распорядку. И независимо от страны происхождения эти законы обязательны для всех евреев. Те, кто их придерживается, находят общие интересы, общее занятие и общее место для встреч. Необходимо только желание. А непонимание между евреями-американцами и “русскими” последних волн эмиграции возникает, как мне представляется, по следующим причинам.

Во-первых, нас в советской жизни приучали, что главное -

это профессиональная работа, а любая общественная деятельность вызывала подозрение. Сразу же возникал сакраментальный вопрос: а зачем и кому это надо?

Во-вторых, львиная доля наших с вами соотечественников прекрасно находят дорогу в различные еврейские организации, когда от них можно получить какую-то реальную помощь: материальную, моральную, образовательную, политическую, и т.д. Но как только мы становимся на ноги, тут же забываем об этих организациях. И этого американцы, действительно, не понимают. Еврейский мир построен на взаимопомощи: материальной, волонтерской работе и др. Потому, нельзя с одной стороны жаловаться на то, что мы не можем войти в состав американского еврейства, а с другой - свое это желание сопровождать лишь хватательными инстинктами.

Если мы хотим участвовать, мы должны участвовать, что-то делать. Тогда - не будет никаких проблем.

А.Б. Но движение к взаимопониманию и взаимопроникновению, это обоюдный процесс. Нельзя ограничивать условия сближения евреев разных волн эмиграции единственным критерием: давай деньги, деньги давай! Какие встречные шаги делаются американскими евреями для сближения?

А.Л. Такие шаги делаются. К этим шагам американские еврейские организации подталкивает тот факт, что число евреев в Нью-Йорке, например, с одной стороны сокращается, с другой - увеличивается процент эмигрантов из стран бывшего СССР. По прогнозам, очень скоро мы будем составлять четверть всей еврейской общины города.

А.Б. Мы так часто, как заклинание, употребляем эти слова: “еврейская жизнь”. Что это означает с точки зрения еврейства Америки в реальной жизни новых эмигрантов, большая часть которых - неверующие?

А.Л. Участие в работе любой еврейской организации, светской или религиозной. Можно водить ребенка в кружок израильского танца, или самому петь в хоре еврейские песни - это все формы еврейской жизни. Опять-таки, можно давать деньги на любые благотворительные еврейские цели.

А.Б. Мы снова о деньгах! Но вы ведь прекрасно знаете, в прошлой жизни советского человека со всех сторон окружало лицемерие, обман и ханжество. Люди разучились доверять. “Доверяй, но проверяй”, стало девизом. Здесь мощные еврейские организации призывают сдавать деньги на благотворительные нужды, но оперируют при этом общими словами об их предназначении, не учитывая ментальность “советского человека”,

не утруждая себя поиском более приемлемых и понятных форм сбора денег. Например, на конкретные программы с именем и фамилией, а не в общий котел, откуда некий дядя будет черпать. А тот, кто ему не доверяет, тот плохой еврей, агу его! Вот вы даете пожертвования, например, в УЈА?

А.Л. Я даю пожертвования в те 2-3 синагоги, в которых молюсь. В УЈА я пожертвований не даю. В то же время я считаю, что в Америке главным является не вопрос о том, куда давать деньги, сколько - где их взять.

А.Б. Забудем о деньгах, которых у нас нет. Так, все-таки, как реальным “русским” с их достоинствами и недостатками стать полноправной и полноценной частью еврейства Америки, также - далеко небезгрешного? Ведь американское еврейство по своей силе и возможностям - это “слон” по сравнению с “москвой” - эмигрантами из бывшего СССР. Неужели необходимо “лять на слона”, чтобы он обратил внимание на нужды и ситуацию “русских”.

А.Л. Американцы - реалисты, они умеют реально прогнозировать и оценивать ситуацию. Вопрос же в том, что многие из них, боровшихся за выпуск советских евреев, представляли, что приедут люди типа известных им диссидентов, либо люди, похожие на их дедушек и бабушек, портреты которых висят на стене. И станут говорить с ними на забываемом языке идиш, ходить в синагогу и есть кошерную пищу. Однако, в массе своей ни того, ни другого, ни третьего не произошло.

А.Б. Вопрос, значит, в том, что русскоязычные евреи слишком далеко ушли из местечка, которое им заново предложили обрести в Столице мира...

А.Л. Я только говорю, что в Нью-Йорке контраст между ожидаемым и действительным был большим... Потому, вы правы, непонимания и разобщенности здесь больше, чем в более мелких городах.

Другая причина - наша забывчивость. Никто не просит, чтобы получатель фудстемпов отдавал часть их в виде благотворительности. Но когда мы осваиваем профессии, становимся врачами, программистами, адвокатами и забываем, с чьей помощью приехали в Америку, рвем со своим еврейским прошлым, отказываемся помогать другим евреям, это дурно пахнет. Не только мы тяжело работаем, американские евреи очень тяжело и много работают также. В этом не надо сомневаться.

А.Б. В этом нет сомнения. Но не будем больше говорить о благотворительности. Вы-то понимаете, что большинству иммигрантов в первом поколении она не по силам. Поговорим о

наших детей, ради которых многие эмигрировали и вырастающих представителями неизвестно какого народа, о возможности получения ими еврейского образования. Могут ли дети или внуки среднестатистической “русской” семьи, пусть уже ставших здесь программистами или врачами (о внуках вэлферщиков - нет вопросов) пойти учиться в нормальные еврейские школы, абсолютное большинство которых платные? Я уже не говорю, что подавляющее большинство их в районах проживания русскоязычных абсолютно ортодоксальные, что, скажем прямо, не соответствует менталитету нашей иммиграции...

А.Л. Что касается еврейского образования, оно действительно дорого. Но и тут есть варианты, их нужно рассматривать в каждом конкретном случае. Но мне известны примеры, в среде бухарских евреев, например, в районе Квинса, которые многие, в том числе и образовательные вопросы, успешно и самостоятельно решают.

А.Б. К “самостоятельно решаемым” вопросам, похоже, надо отнести и русскоязычную прессу, которая судя по преобладающим на ее страницах материалам, продвигают идею, что мы - русскоязычные, продолжатели и творцы русской культуры и традиций... А бухарские евреи, соответственно творцы культуры и традиций Средней Азии...

А.Л. Все дело в том, что газеты, о которых вы говорите, печатают то, что желает читать среднестатистическая публика...

А.Б. А как они могут иначе? Иначе им просто придется закрыться, ведь пожертвования, о которых вы говорили, как-то их обходят.

А.Б. Опыт еврейской эмиграции, а это одна из наиболее длительных эмиграций в мире, длится уже 2500 лет, приводит к очень интересным выводам. В долговременном плане ни одному народу не удавалось на протяжении 3-5 поколений сохранить культуру страны исхода. Еврейская же культура, основанная на Торе, это единственное, что сохранялось столетиями на протяжении всех переходов евреев из страны в страну. Если посмотреть в исторической перспективе, наши дети и внуки будут не носителями русской культуры в Америке, а американцами. Главное: останутся ли они при этом евреями, вот в чем вопрос! Нравится мне, или нет, я уверен, моему сыну строки А. Пушкина будут говорить не больше, чем слова на листе бумаги. Мы, конечно, носители русской культуры, но далеко ее не унесем.

А.Б. Снова хочу вернуть вас к главной теме: возможное взаимопроникновение еврейских общин разных волн эмиграции.

А.Л. Давайте отметим одно обстоятельство. В Америке 92

процента евреев отмечают по всем традициям пасхальный седер и зажигают свечи на хануку. Субботние свечи же зажигают регулярно лишь 42 процента. А каков аналогичный процент среди советских эмигрантов-евреев? Комментарии, думаю, излишни.

А.Б. Иными словами, единственный для нас путь к взаимопониманию и взаимопониманию с евреями Америки разных волн иммиграции: стараться быть такими же. Встречных же шагов от близких нам по ментальности еврейских общин ждать не приходится?

А.Л. Это путь. Хотя рассмотрение вопроса о том, кого считать евреем, требует отдельного разговора. Что касается вживания русских евреев в новую общинную жизнь, этот процесс отнюдь не требует от них растворения и исчезновения, как наследника своеобразной и богатой культуры. Например, сирийские евреи живут в Америке обособленно, ни с кем не перемешиваются, стараясь сохранить свои традиции. И, в то же время, идут на постоянный контакт с американским еврейством. Те же процессы наблюдаются и у бухарских евреев, старающихся сохранить язык фарси, культуру и самобытность. Они открыли свои синагоги. Проводят музыкальные, художественные, театральные конкурсы. Открывают школы, клубы.

А.Б. С какой целью? Объединения с американским еврейством?

А.Л. Да! Ничего нет в этом противоречивого. А средством для достижения этой цели может быть не только культура на языке фарси, но и на языке идиш. Нужно идти вперед. Когда евреи шли через Красное море, оно расступилось перед ними только тогда, когда вода дошла под ноздри, когда уже нельзя было дышать. Нужно, чтобы и мы дошли до такого же уровня, тогда “море расступится”.

Американские и российские евреи имеют одних и тех же прабабушек и прадедушек. Но за прошедшие 3-5 поколения, жившие в разных условиях, изменилось восприятие окружающего мира, изменилась ментальность. Теперь мы не всегда адекватно оцениваем взаимные шаги. Нужны “переводчики” с каждой из сторон, которые бы “перевели” суть поступков, правильно объяснили. Переводчики не с английского языка на русский и наоборот, а от одной еврейской души к другой. Тогда и наступит объединение и взаимопонимание наших общин.

А.Б. Вы один из “переводчиков”. Говорю это безо всякого ёрничества. Много ли вы знаете среди советских евреев таких же людей, которые безболезненно вошли в среду американского еврейства, приняты им, и, в то же время, не порвали с

соплеменниками?

А.Л. Ну, если за последние 10 лет эмиграции. Можно упомянуть того же рабби Кацина. И...

А.Б. Смелее! Не можете никого больше вспомнить? Трудно? Не обязательно раввина, назовите известное вам имя любого бизнесмена, ученого, инженера, учителя, врача, который бы приехал в последние 5-10 лет и влился в среду американского еврейства... Не можете! Видите, как вам сложно вспомнить хоть одно имя.

А.Л. Да, оказывается, сложно, согласен. Но я могу назвать десятки людей, кто успешно адаптировался, работает.

А.Б. Таких людей и я могу назвать десятки. Но они нашли работу и свое место в Америке, а не в Нью-Йоркской еврейской общине. Они не имеют ничего общего с этой общиной, живущей по своим законам. Она закрыта для большинства из нас. О причинах я сейчас не говорю.

А.Л. А следовало бы говорить. Например, сегодня брак между евреем, или еврейкой, последней волны эмиграции с девушкой или парнем из американской еврейской общины - большое исключение. В то же время круг друзей, например, моей семьи, включает молодые семьи американских евреев. Но нас объединяет соблюдение законов традиционного ортодоксального иудаизма.

А.Б. Хорошо. Много ли вы знаете людей в среде десятков тысяч эмигрантов последних 10 лет эмиграции, которые стали, как вы, жить по Торе? Пусть даже не строго соблюдая ее законы. Соблюдая, скажем, Шабат. Причем, подчеркиваю, я не говорю, что это хорошо или плохо. Только констатирую факт. Причины и следствия - другая тема. И что делать тому еврею, который гордится своей историей и культурой, уважительно относится к религиозным своим собратьям, но далек от религии. И не потому, что он плохой, не умный, так сложилась жизнь. Он занимается бизнесом, или работает программистом, рождает детей. А податься ему некуда. В синагоге, особенно - ортодоксальной, ему все непонятно. И люди там, при появлении такого субъекта, весьма неприветливы. Других мест, где бы он мог спокойно чувствовать себя евреем, не существует. Местные евреи начисто отвергают его прошлое. Куда податься такому человеку?

Не кажется ли вам, что отвергая таких людей, а их большинство, американское еврейство подталкивает их к ассимиляции, с которой само же и борется. На словах. А фактически, исключает из списка евреев сотни тысяч человек, солидную часть и без того небольшого еврейского народа.

Сегодня еще можно исправить положение, если американское еврейство поймет, что творит. Если в Бруклин и Квинс, где, в основном, живут нью-йоркские “русские”, действительно, придет весь спектр американского еврейства. Не сомневаюсь, мы найдем близкие нам цвета. Те же местные евреи, которые сейчас окружают, похожи на врача, говорящего больному: “Вам лекарства уже не помогут...”

А.Л. Нравится нам, или не нравится, история учит: во всех случаях, когда еврей утрачивал связь со своей религией, ассимиляция наступала неизбежно. Отчаянная попытка, скажем, Алана Дершовица выдвинуть сегодня новое определение еврейства, введя термин “культурный еврей”, ни что иное, как попытка ухватиться за соломинку. Поймите, должна быть база. База - это иудаизм. Если она есть, то надстройка может быть самой разнообразной формы. Если базы нет, все надстройки - карточные домики.

Куда пойти такому еврею? Куда угодно, например, в еврейские танцевальные клубы, еврейский театр на идиш, Я слышал, существует даже общество еврейских мотоциклистов. Можно, в конце концов, создать свою организацию, общество, если это человека развлечет.

А.Б. Слава Богу, что существует некая интегральная сила, которая объединяет всех евреев из СССР - это Израиль! Это отличительная наша черта. Мы воспринимаем беду или радость Израиля, как свои собственные. Это уникальный показатель, который я не берусь объяснять. Но вот что удивительно: этот факт не является бесспорным для американских евреев. Отнюдь! Почему?

А.Л. Вы правы. Ситуация складывается уникальная. Американская еврейская община, если говорить об отношении к будущему Израиля, к “мирному процессу”, сегодня неоднородна. Впервые за 50 лет. Отношение к будущему Израиля фактически не объединяет, а разделяет американское еврейство. Трудно понять, вы правы. И надо сказать, американская администрация прекрасно чувствует это разделение и ведет свою политику соответствующим образом. Не воспринимая уже шестимиллионное еврейство Америки как единую силу.

Я думаю, что причины кроются в том, что у “русских” гораздо меньше иллюзий, нежели у американцев. Мы гораздо менее склонны смотреть на мир через розовые очки. И я согласен с вами, что Израиль - мощнейший объединяющий фактор для всех евреев мира. И физический - для тех, кто там живет, и моральный - для всех остальных.

К великому сожалению, Израиль до сих пор недооценивает потенциал “русских”. В частности, в Нью-Йорке это относится к израильскому консульству. Работал здесь ранее в течение нескольких лет вице-консул Роберт Зингер, уроженец Черновиц, который занимался связями консульства с “русскими” в Нью-Йорке. И делал это великолепно и профессионально. В 1997 году эта должность, к сожалению, была сокращена.

Я считаю, что “русские” в Америке должны сами подумать о прямых контактах с Израилем. Тем более что у абсолютного большинства из нас есть там родственники. То есть, у нас не только кровные узы с Израилем, но и непосредственные семейные связи.

А.Б. К сожалению, не только американские евреи, но и израильтяне неоднородны в понимании возможного будущего еврейского государства. Одни и те же факты одна часть населения называет единственно правильными для выживания, другая, не менее уверенно, называет самоубийством.

А.Л. Согласен. Такое разделение народа Израиля чревато глубоким кризисом, который может разразиться в любую минуту. По сравнению с ним любой политический кризис, перестановки в правительстве, или шаги американских евреев могут показаться детскими игрушками. Что делать, я не знаю.

Единственное, что можно утверждать, хотим мы того или не хотим, мир всех евреев воспринимает как единое целое. И если мы своими руками разрушим такое восприятие, это будет катастрофой для всех нас, где бы мы ни жили. Однако, это тема для отдельного разговора.

А.Б. Согласен. Итак, какими словами можно было бы подытожить наш разговор, не обобщая чрезмерно, но и не завуалируя проблему “взаимоотношений” евреев в Америке разных волн эмиграции? С вашей иммигрантской колокольни человека, который за пять лет жизни смог “прорвать” круговую оборону американских евреев и стать ее частью.

А.Л. Здоровья, счастья, работы, достатка во всем. И все это должно помочь людям развить в себе ощущение еврейства. Я говорю, естественно, о тех, кому еврейство дорого. И посоветовал бы, что обычно советуют всем начинающим плавать: войти в воду. Если человек хочет стать частью еврейской общины, пусть он попробует это сделать практически. Пусть реально выразит свою заинтересованность в этом. И он найдет людей, которые ему помогут. Непременно.

Первый шаг к еврейству каждый из нас должен сделать сам. Так же, как научиться плавать. Нет таблеток, приняв которые

вы становитесь евреями. Это - путь. Не всегда простой.
(журнал «Вестник», 7 июля 1998)

3. ТИШИНУ ШАГАМИ МЕРЯ

Мы встретились с Леонидом Пинчевским в его мастерской на West 16 Street в Манхеттене. Он эмигрировал из Союза почти 18 лет тому назад, будучи преуспевающим членом Союза художников СССР, участником многих выставок, например, первой молодежной выставки в Москве 1967 г., лауреатом премии Комсомола. И, одновременно, участником первых нонконформистских тусовок в Москве. Однако, в 1979 г. неожиданно для многих подал заявление на эмиграцию. Это время совпало с началом войны в Афганистане, и трагико-детективная борьба за выезд продолжалась 3 года. Лишь в декабре 1981 г. Л.П. вместе с семьей по личному указанию начальника ОВИР СССР генерала Зотова (сверхуникальный случай) смог эмигрировать в Америку.

Его жизнь в Америке, чем-то похожая на жизнь среднестатистического эмигранта, в то же время протекала своеобразно. Он очень быстро адаптировался в американском обществе, стал ее востребованной частью, и уже не мыслит себя вне его, оставаясь русским художником. Он является частью того элитного общества русских эмигрантов, приехавших сюда около 20 лет тому назад и ставших уже “русскими ватиками”. Имена многих из них связывают с именами И. Бродского, В. Аксенова, М. Туровского, Д. Мерецкого, М. Давлатова, С. Волкова, А. Гениса, сотен других, сумевших еще большие раскрыть свой талант после эмиграции.

Ныне Л.П. кроме повседневной работы в мастерской, ведет и постоянную страничку искусства в идишистской газете “Форвертс”.

Проблемы, возникшие перед эмигрантами из стран бывшего СССР последних волн эмиграции, стояли в свое время и перед “ватиками”. Как они их преодолевали, их взгляды на жизнь, эмиграцию, адаптацию в американской среде, отношение к творчеству - весьма любопытны.

На первый-второй, рассчитайсь!

А.Б. От чего вы уезжали - благополучный художник, у которого не было видимых проблем?

Л.П. В первую очередь от того, что не мог быть рабом, даже привилегированным. Хотел видеть мир, понимал, что не то читаю, не то рисую. Меня дико огорчало, куда бы я ни приезжал в Союзе, это всегда было нечто “второе”: Карпаты - “вторая Швейцария”, Одесса - “второй Париж”, в Москве - “второй в мире

оперный театр”, и т.д. Хотелось жить там, где все первое.

А.Б. Много ли художников эмигрировало из России в те же времена, что и вы? И куда их путь лежал: в Израиль, или в Америку?

Л.П. Художнику уезжать навсегда - очень сложно, тебя знают, имеешь свой почерк, творческую нишу. Кроме того, очень тяжело вывезти свои работы. Мне удалось вывезти около 140 работ, это неслыханная детективная история. Но, все равно, художники уезжали. Правда, разрозненно, никто никому ничего не говорил, люди боялись.

И ехали кто куда. В Вене, когда мы туда прибыли, людей рассортировывали на две группы: кто ехал в Израиль, направляли в прекрасный замок, на остальных не обращали внимания. Там я встретил нескольких знакомых художников, они возвратились из Израиля и просились обратно в СССР. У них периодически брали интервью представители советской печати, но обратно не впускали. С некоторыми до сих пор поддерживаю контакты, они так и остались жить в Вене, счастливы, что их тогда не пустили, и очень стесняются вспоминать о тех годах.

А.Б. Как дальше сложилась ваша жизнь?

Л.П. Сначала наступили эмигрантские будни. Жена страдала, а я плясал от радости и свободы. Мы жили всей семьей на 600 долларов в месяц, в эту сумму входили все расходы, включая транспорт и телефон. Затем стали покупать мои работы, жена пошла работать, учиться, освоила знаменитую эмигрантскую профессию - программист, меня стали приглашать на выставки, жизнь потекла. Я выставлялся с Неизвестным в Колумбии, с Немухиным во Франции, имел персональные выставки в двух музеях, с первых дней чувствовал себя востребованным.

Через два года после эмиграции сбылась мечта моей жизни: поехал в Париж. Для меня Париж - это Эренбург, Хемингуэй, вся история авангарда. Галерея Мари Терез пригласила на персональную выставку. Я приехал, ужасно нервничая, и вдруг обнаружил, что Париж - очень маленький город, очень милый, но и очень напоминающий старую молодящуюся даму. Месяц я был на выставке в Париже. Было много интересного. Я застал Галича, В. Максимова, писал портрет В. Некрасова. Встречался с моим другом писателем “папой русского вампира” Ю. Мамлеевым, художником О. Целковым, Б. Заборовым, мн. др. Там издавались забавные журналы. Например, Кира - жена поэта Г. Сапгира, издавала феминистский женский журнал под названием “Назад”, а называли себя авторы журнала “назадочками”.

Когда я возвратился в Нью-Йорк, мы смогли переехать в более благоустроенную квартиру, шикарный кооперативный апартамент с видом на канал. Я стал иллюстрировать книги, многим другим занимался, чтобы стать на ноги. Думаю, любой инженер или врач, сдавший здесь на лиценс, прошел не меньшие трудности, чем я. В этом мало интересного. Через несколько лет мы переехали в Лонг-Айленд, с улучшением условий, естественно, жизнь покатила вперёд.

А.Б. Вы приехали, зная английский язык?

Л.П. Нет. Я не мог учить английский по советской методике: как можно начинать изучение языка с грамматики, не умея разговаривать, ничего не понимая? Абсурд! Я пошел своим путем, стал читать журналы по искусству, общался, как мог, попадал во множество смешных историй, на то и эмиграция, вещь полезная, я думаю.

А.Б. Изменился ли ваш профессиональный стиль после эмиграции, пересмотрели ли вы свои взгляды на искусство?

Л.П. Я приехал сложившимся художником, имел свою художественную эстетику и стиль, был узнаваем. Мне было 40 лет и 20 лет профессиональной работы. Художник, это не человек, умеющий рисовать, а человек, сумевший создать мир через свою эстетику и стиль. Это правило распространяется на любые виды искусств.

В Америке, окунувшись в замкнутую эмигрантскую жизнь, я испытал тяжелую душевную катастрофу, серьезный стресс, ибо вдруг обнаружил, что я, как бы, коммерческий художник. Да, в моих работах была чистота, почерк, но по стилистике, по языку, они принадлежали прошлому. По моим работам любой грамотный студент мог спросить: когда умер художник? Художник всегда связан со временем. Поскольку мы все жили в Союзе с чудовищным опозданием во времени, то и наше развитие было соответствующим. Мы, по сути, были культуртрегерами, восстанавливали разрушенный Сталиным культурный мост. Я увидел работы Ван-Гога, когда мне было 20 лет.

Поэтому в Америке я принял решение совершить творческое самоубийство, добровольно отказался от своего стиля и стал искать другой, адекватный моему месту и времени жизни.

Нежное прощанье с искусством.

А.Б. Что это значит?

Л.П. Художник, это существо, которое рефлектирует на мир, если он не ремесленник. Меня удивляет, когда люди,

проявлявшие действительный героизм и рисовавшие в СССР страшных монстров, окровавленные головы, которые можно было увидеть только в московских подвалах и страшно впечатляло, переехав в Париж - продолжают рисовать те же головы, тех же монстров. Вокруг прекрасная погода, гуляют очаровательные люди, пьют кофе, атмосфера праздника, и эти же страшные головы! Закономерный вопрос: зачем, почему? Я такому не верю.

Жизнь на Западе полностью изменила меня. Даже критики сразу же отметили, что моя палитра здесь резко просветлела. Но, тем не менее, я устроил выставку, которую назвал “Конец”. И после этого у меня ушло несколько лет на отчаянный поиск, тяжелую, напряженную, изнурительную работу. Но очень рад, что пошел по этому пути. Я бы не мог быть художником, если бы чувствовал, что вру в том, что делаю. Теперь у меня другой стиль, опять же, узнаваемый, личный.

А.Б. Как бы вы назвали свой новый стиль, с каким направлением его можно сравнить?

Л.П. Я бы назвал так: концептуальный реализм. 19 веков история изобразительного искусства развивалась в духе реализма, т.е. были форма и содержание, выполняя при этом разные задачи. Например, передвижники хотели служить народу, а не писать академические модели, маньеристы предпочитали писать картины для дворцов, и.т.д. Они были большими мастерами. И вот 150 лет тому назад начался научно-технический прогресс. А 156 лет тому назад человек по имени Дагер изобрел “дагерротип”, а к концу прошлого века фотография захватила мир. И, с ужасом восприняв это, возникло в искусстве направление, названное “импрессионизм”. Импрессионисты первыми стали расщеплять форму, стали работать на подсознательном уровне, служить обществу красотой импрессии, впечатлений, цвета, и.т.д. С этого начались и другие поиски формальной школы, то, что до середины 20-го века называлось “модернизмом”.

Это течение развивалось и в литературе, например, В. Хлебников, В. Гнедов, разные футуристы, новые лефы, и др. В начале 20-го века был такой художник Марсель Дюшан. Он автор дадаизма, вобравшего в себя такое количество идей, что уже почти 100 лет художники пользуются этим пиршеством. Он как бы открыл дверь в огромный мир, в результате чего родились все основные течения 20-го века: поп-арт, оп-арт, боди-арт, земляное искусство, искусство тела, и.т.д. Такой революции в искусстве не было 2000 лет.

Но в 70-х годах все идеи исчерпали себя. И на этом реальном ощущении, на базе концептуализма, родилось новое

искусство под названием “постмодернизм”. Концептуализм, это, когда как написано, не имеет значения, важно - сообщение. Форма перестала интересовать. Искусство стало беспредметным, бессодержательным и в этом его содержание.

Я рисую как бы реалистические картины, достаточно философские, с одной стороны простые, с другой - очень сложные, они требуют подготовки. Но в них есть красота цвета.

Был у меня в гостях профессор М. Эпштейн, один из ведущих нынешних русских философов, работает в университете Атланты. Он написал мне в книгу посетителей: “Найден еще один язык для разложения классической картины мира. На лицах Богов и героев проступают черты дегенератов, а ренессансные пышные формы превращаются в варево. Глупость восхищает нас не только потому, что она противостоит разуму, а и потому, что она естественна, а значит, требует от художника долгого и нежного прощания с искусством”.

Я занимаюсь проблемами глупости. Десять лет рисовал банальные сцены, связанные с человеческим сознанием, его уровнем. Теперь сам изменился. Во многом. Например, могу утверждать, что являюсь единственным русским художником, который 65 дней постился, т.е. только пил соки. Давно занимаюсь буддийской практикой. Но это не значит, что я отказался от своего еврейства, отнюдь. По буддийской практике - Бога нет. Я Бог, вы Бог. Мы все - Боги. Я могу приехать в буддийский храм и праздновать там Пурим. Но для того, чтобы быть Богом, необходимо познать себя. С другой стороны я вас буду любить, потому что вы Бог. А вы, соответственно, будете любить меня. По буддийской практике человек должен быть чистым, ибо главное - его душа, находящаяся в теле. Тело - это тот самый храм, синагога, куда мы приходим. И этот храм должен быть идеально чистым. Очищение дает и уникальный духовный опыт. Помогает в творчестве.

А.Б. Что касается изобразительного искусства, мой духовный опыт остановился на сюрреализме, дальше Модильяни, Ренуара, Мане, Сутина, Шагала, он не пошел. Когда я вижу на холсте бычьей головы, окровавленные разделанные туши, я вижу за этим нечто, что сам себе придумываю, но не воспринимаю, как произведение искусства. И когда рядом люди этим восхищаются, я чувствую свою ущербность от непонимания.

Например, ваши картины. Две крохотных девочки с лицами познавших жизнь женщин, сидящие на горшочках на фоне луга, уходящего в таинственную бесконечность, вызвали, извините, даже чувства сексуального характера. В то же время,

другая картина, где ангел с крылышками, стоящий рядом с девочкой, пишет сквозь пальцы, не вызвала духовного подъема.

Я прихожу в музей и вижу на стене висящие обломки потерпевшего катастрофу автомобиля. У меня эта картина вызывает саркастическую улыбку. Но если я вижу такую же изуродованную машину на дороге, я вижу не ее, а людей, попавших в катастрофу. Эта “картина” запоминается надолго и действует на душевное состояние.

Л.П. Все, что вы видите, вы видите адекватно своему сознанию. Это уровень вашего интеллектуального сознания. Искусство - вещь придуманная. Например, “редкая птица долетит до середины Днепра”. Искусство и жизнь - вещи абсолютно разные. При внешнем подобии они не связаны друг с другом. Пастернак говорит: “тишину шагами мера”. Как в реальности мерить тишину шагами, а не специальным счетчиком, фиксирующим уровень звука? Потому и восприятие искусства - чрезвычайно сложный процесс. Важно понять художника.

Вы трактуете свое невосприятие обломков машины на стене музея непониманием. Это правда. Для вас авангард в живописи остановился на сюрреализме. Сюрреализм, действительно, уникальное, гениальное явление. Но с тех пор произошли не менее выдающиеся открытия в живописи. Изменилась ее философия, ее мир. И двигался этот прогресс семимильными шагами. Сегодня мы уже вступаем в страшное явление - компьютерное искусство: информация, книги, контакты, архивы, документы, библиотеки, все что хотите! Компьютер изменит и живопись, появятся и “компьютерные художники”. Появилась уже “интернетовская литература”, люди пишут друг другу письма по электронной почте, и, может быть, классическая почта вскоре прекратит существование.

Авангард 20-го века был задуман как антиискусство, он отторгал все законы и приемы. Авангард стремился к непониманию, к элитарности, к узкому кругу. Настолько, насколько передвижники стремились к пониманию и диалогу, настолько авангард избегал этого. Авангард считает, что он заменил философию, которая притворна и лукава.

Я горд, что вы, глядя на мои картины, испытали какие-то чувства. Ибо если я “украду” у вас 15 минут вашей жизни на мое искусство, а жизнь человеческая по своей концентрации в мироздании - вещь невероятная, вы мне сделали самый большой подарок, какой только могли сделать. Точно также как я, прочитав вашу книгу, делаю подарок вам.

Нью-Йорк - город хлебный!

А.Б. Можно ли в равной степени говорить о гениальности художника, прожившего и творившего в Париже, знающего все передовые течения, следующего им, и художника, никогда не выезжавшего, скажем, с острова Мадагаскар?

Л.П. Художник, живущий на острове Мадагаскар, или в Житомире мечтает стать лучшим художником Мадагаскара, или Житомира, это предел его мечтаний. Хорошо знаю это по себе и своим друзьям. Художник, живущий сегодня в Киеве, или Москве, в какой-то степени человек провинциальный. До второй мировой войны Меккой всех художников был Париж. Однако сегодня художник, живущий в Нью-Йорке, должен участвовать в определенных правилах игры, требующих высочайшего уровня. Так уж случилось. Этот уровень базируется на американском оптимизме, деньгах, мобильности, технологии и прочее. Мир избрал Нью-Йорк столицей мира, как чудо 20 века, во многих отношениях: в бизнесе, политике, архитектуре, авангардном искусстве, и.т.д. Здесь царит огромное, страшное соревнование, которое неизбежно одних поднимает, других - опрокидывает в бездну.

В Москве в 70-е годы художников авангарда было всего триста человек. В Нью-Йорке на каждом углу триста человек заявляют, что они художники.

20-й век характерен тремя видами искусств: авангардом, соцреализмом и фашистским искусством. Два последних скончались вместе с системами, их породившими. 20-й век, век пиршества идей. Сюрреализм - тоже была идея: как черпать из-под сознания, психоанализа новые, невиданные идеи.

А.Б. Какой критерий выживаемости художника в Нью-Йорке?

Л.П. Здесь происходит колоссальная выставочная жизнь, огромное количество салонов и музеев, в том числе пять музеев, показывающих самое передовое современное искусство. В них ничего не продается. В них создается карьера художника, а число купленных картин абсолютно ничего не отражает, кроме фактора рынка. Все, что я говорил, говорил о чистом искусстве, никак не связанном с рынком. Рынок живописи - совершенно другая область, пусть и очень интересная.

А.Б. Вы могли бы назвать общепризнанного Бога в художественном мире Нью-Йорка?

Л.П. Джефф Кунс - человек с мировым именем, Мэтью Малли. Боюсь, многим читателям их искусство и в страшном сне не приснится, ибо оно напоминает некий поведенческий стандарт, абсолютную безграничность, в их искусство чрезвычайно тяжело

включиться человеку неподготовленному. Как, впрочем, неподготовленному читателю трудно сразу понять творчество Ахматовой, или Ходасевича. Единственно, что можно гарантировать: как только человек включается в искусство, отдача неминуема.

А.Б. Вы могли бы сравнить свое искусство с искусством других мастеров живописи, живущих в Нью-Йорке и эмигрировавших примерно в те же времена из СССР: М.Туровский, Д.Мерецкий, мн. др.? Поддерживаете ли творческие и личные контакты?

Л.П. Безусловно. Я занимаюсь и кураторской деятельностью. Как куратор, устраивал много выставок. Мы организовали в прошлом году выставку на 57-й стрит, которая называлась “Американские художники русского происхождения”. Хочу подчеркнуть, художники, приехавшие из СССР, становятся здесь не русскими художниками, живущими в Нью-Йорке, а американскими художниками, приехавшими из России. Таким человеком является и чрезвычайно талантливый Д.Мерецкий. Он приехал в Нью-Йорк намного раньше меня, мы здесь познакомились. Я впервые увидел его работы у другого моего приятеля покойного замечательного художника М.Вайнштейна.

М.Туровский здесь чрезвычайно преуспел, у него было масса хороших выставок. Он преуспел и в создании серии картин на еврейские темы. Вообще, хочу подчеркнуть, все художники из Союза, как правило, люди талантливые, профессиональные, получившие очень хорошую школу. Не могу назвать ни единого неталантливого имени среди наших художников. Удивительно, какое количество талантливых людей сюда приехало. Естественно, кто-то мне ближе, кто-то - дальше.

А.Б. Как вы относитесь к тем художникам, кто вынужденно, или целенаправленно, посвящает творчество коммерческому искусству, прихотям рынка?

Л.П. Я знаю свой путь. И могу говорить только о нем. Но на какой бы путь не стал талантливый художник, знаю одно: каждый из них заслуживает уважения, почитания и признания за свой тяжкий труд. Я люблю всех своих коллег.

А.Б. У всех ли наших художников-эмигрантов складывалась жизнь, не было ли и трагических судеб?

Л.П. К сожалению. Например, в 1982 г. последовала целая цепочка трагических развязок. В.Гаузбрант, одессит, с которым я учился в художественном училище в Кишиневе, отчаялся и бросился под рельсы поезда в Нью-Йоркском метро. Ладыженский приехал в Израиль, оказался не ко двору, тоже покончил с собой.

Сазонов покончил с собой в Мюнхене. Много художников очень рано скончалось, например, А.Крейн, который мне так помогал, когда я приехал. В.Длугий. Все это связано со сложными психофизическими переживаниями.

А.Б. Кроме художников, в Нью-Йорке и много писателей, выходцев из СССР. Вы и сами, кроме живописи, успешно работаете в эпистолярном жанре. Могли бы провести аналогию между авангардом в живописи и в писательском искусстве?

Л.П. Пройдя все авангардные течения в живописи, в литературе я очень консервативный человек. Например, мимо меня прошел “серебряный век” литературы, я его “догоняю”. Тем не менее, я отнес бы к авангардной литературе таких авторов, как москвичи Сорокин, Кебиров, Парщиков, мн.др. В эмиграции ситуация с русской литературой несколько иная. Великая русская литература оставалась в метрополии. Но здесь несколько писателей было такого уровня, что метрополии как бы не было. Литературный конкурс выдерживался с большим достоинством. Вот только несколько имен: Бродский, Солженицын, Аксенов и.т.д.

Яркий представитель эмигрантской литературы, например, Саша Соколов, Эдуард Лимонов, мн. др. талантливых писателей. Но если художникам было трудно, то писателям - в десять раз труднее, ибо они оставили Там своего читателя. Здесь читатель другой. А литература не может не быть контактной. Литература на много консервативней живописи по своему существу. Я здесь продолжаю общаться с целым рядом писателей. После начала “перестройки” многие не публиковавшиеся писатели открылись, исчезло резко очерченное понятие метрополии. Когда-то Тургенев жил в Париже, Гоголь - в Риме, Герцен - в Лондоне и никто не расценивал их местожительство, как эмиграцию.

А.Б. Что собой представляет русская литература в Нью-Йорке сегодня, какова вершина этого айсберга?

Л.П. Это тема большого исследования. Но общие черты такие: этот “айсберг” после смерти Бродского, безусловной его вершины, несколько утратил свои контуры. Ушел Бродский, исчезла вершина. Но у подножья есть целый ряд талантливых людей: Аксенов, Межиров, Генис, Волков, другие. Мой любимый эмигрантский писатель живет в Берлине - Ф.Горенштейн. У него вышло очень много книг. В Лондоне живет З.Зинник, целый ряд писателей - в Париже, и.т.д. Так что для читателей в эмиграции открыт огромный мир русской литературы.

“ХЛАМ” Нью-Йорка.

А.Б. Есть ли в Нью-Йорке место, где собираются писатели, художники, где бы они представляли на первый суд свои произведения, встречались в элитном кругу знакомых друг другу людей, общались. Например, в Киеве до революции таким местом было кафе “Хлам” (художники, литераторы, артисты, музыканты), где читал прозу Паустовский, стихи Маяковский, Каменский, а картины демонстрировал Бурлюк? Такие места были в Москве, Париже, Праге, Варшаве.

Л.П. Нет. Главная причина: у большинства творческих людей сегодня нет желания объединяться. Общения построены по личностному принципу, общим интересам. Был “круг Бродского”. Он был очень жестким в общении человеком и не хотел дарить время людям неинтересным, даже если они опубликовали по десять книг, у него были другие критерии. Так было, и так будет всюду: в Петербурге, Москве, Киеве, Париже, Лондоне. Сегодня и в Нью-Йорке существуют подобные “кружки”, куда можно попасть только будучи приглашенным. Для этого нужно быть интересным этим людям. Искусственно такие клубы не создать. Существуют, правда, открытые клубы, например, “клуб литераторов” при Колумбийском университете, другие, но я туда никогда не ходил, мне было неинтересно. Но я уважаю желание пишущих людей собраться, поговорить, почему нет!

А.Б. Как вы относитесь к литературным журналам, издающимся в Америке?

Л.П. Выходит целый ряд русских журналов, не смотря на то, что они никем не поддерживаются, их почти никто не покупает, не смотря на то, что жизнь устроила все возможное, чтобы они погибли. Я бы назвал их в такой последовательности: журнал “Время и мы”, издающийся около 25 лет, редактор - В. Перельман. Это подвиг. В журнале было опубликовано ряд потрясающих вещей Б. Хазанова, Ф. Горенштейна, Л. Наврозова, мн. др.

“Новый журнал”, редактор В. Крейд, чрезвычайно серьезный литературный журнал, не поддающийся никаким бурям.

В этом году отмечается 10-летие журнала “Черновик”, издает киевский в прошлом поэт Саша Очеретянский, меня попросили написать рецензию на это событие.

Журнал “Слово” Л.Шенкер, печатавший философа Парамонова, Эпштейна, других. И это все только в Нью-Йорке!

А.Б. Вы знаете литераторов, которые живут в эмиграции литературным трудом?

Л.П. Соловьев и Клепикова очень хорошо живут литературным трудом. Пишут они на английском языке. С.Волков, его книги переведены на многие языки мира. А.Генис, критик и

писатель, сейчас выходит его филологический роман, вышла книжка “Тишина и пустота”. В.Аксенов профессорствует много лет. Довлатов был первым русским писателем, который опубликовался в журнале “Ньюйоркер”, это чрезвычайно престижно, своеобразное присуждение Нобелевской премии. Например, Набоков не мог получить публикацию в “Ньюйоркере”. В то же время, средняя сумма доходов американского писателя - пять тысяч долларов в год.

А.Б. В среде русскоязычных эмигрантов много разговоров о русской общине, русской культуре, нашем прошлом, настоящем и будущем, как вы к этому относитесь, что за этим стоит?

Л.П. Не знаю. Я принадлежу, к сожалению, или к счастью, к американской общине. Живу в Лонг-Айленде, где в радиусе сто миль не купишь ни единой русской газеты. В Манхэттене тоже живу в мире, где нет контактов ни с русскими людьми, ни с русскоязычными газетами. Единственное место, где я сталкиваюсь с общиной, когда приезжаю на Брайтон-Бич к отцу. Потому меня проблема русской общины как бы не волнует. Но я желаю успеха и удачи всем, кого это интересует.

Когда-то в нижнем Ист-Сайде в Манхэттене, где расцвел гений Гершвина и тысячи других великих евреев, пока люди не знали английского языка, работало 22 еврейских театра, выходило 18 еврейских газет и прочее. А накануне 2-й мировой войны ничего не осталось. Сегодня во всем этом районе функционирует одна синагога.

А.Б. Что означает для вас принадлежность к американской общине?

Л.П. Все: волноваться о судьбе президента Клинтона, делах в стране, судьбах ее людей, проблемах города. Меня абсолютно не интересуют события в России, абсолютно! Когда знакомые пытаются рассказывать о ее проблемах, меня это удивляет. Я полноправный член американского общества, говорю с американцами на одном языке, живу такой же жизнью, делаю с ними бизнес, переживаю, когда на Уолл-Стрит падают акции, когда повышаются цены на Real Estate, у нас все общее. Моя жена работает в американской компании, ни она, ни я, слава Богу, не связаны с русским бизнесом, русскими компаниями, ничего не продаем русским покупателям, не ездим на русских автомобилях, не едим русскую пищу, и.т.д.

А.Б. Многие эмигранты из России считают, что среднестатистический русский стоит в своем интеллектуальном развитии на много выше среднестатистического американца. Как вы к этому относитесь?

Л.П. Полная чушь. В жизни случайностей не бывает. Каждый человек, который так думает, свидетельствует о своем полном дисконтакте с американским обществом. Он попал в лес, в котором не читает следов, ничего не видит и не понимает. Американское общество - самое уникальное в мире, а я поездил по миру, по разным странам, многое повидал. Весь мир инвестирует в это общество, оно является примером для всей Европы. Здесь все приобретает финальные, завершенные формы. Если речь идет об интеллекте, он здесь грандиозного, ни с чем несравнимого уровня. Например, университетская Америка - чрезвычайно сильная интеллектуальная структура с развитой системой профессуры, публикующая огромную массу, казалось бы, бессмысленных книг, многотысячные исследования. А американский театр, а кино!

Недавно был у меня в гостях Слава Цукерман, он первым из русских сделал фильм в американском кино. Его фильм "Жидкое небо" получил большую известность. Он сказал, что раньше думал, будто американское кино - кино коммерческое, бездуховное, а теперь пришел к прямо противоположному выводу. Ибо русская культура была построена на сострадании, это удел иудейско-христианской культуры, а американская - построена на позитивных ценностях.

При этом я это хочу подчеркнуть, в России было, есть и будет огромное число гениальных и талантливых людей: философов, поэтов, ученых. Они все безумно интересны. Русская культура имеет чрезвычайно высокий уровень. Но подчеркиваю: американская культура не менее интересна и высока. Нужно только уметь ее увидеть и понять. И она очень доступна, было бы желание. И дай Бог каждому ее постичь, стать ее частичкой.

(газета «Русский базар», 17-24 окт., 1998)

4. В БЕЛО-РОЗОВОМ ЦВЕТУ САД МОЙ.

Помню в Киеве в послевоенные годы в клубе завода "Ленинская кузница" на Евбазе выступал с сольным концертом прославленный Михаил Александрович. Слова из арии, которую он пел, помню до сих пор со всеми нюансами его уникального голоса: "В бело-розовом цвету сад мой, сад мой любимый. Я люблю и берегу сад мой, сад мой любимый. Всех людей любовь находит, как не прячься – все равно, милый образ в сердце входит и как сад цветет оно..."

Давно минули те дни. Но детская память причудливо хранит удивительные детали былого. И вдруг узнаю, что **Раиса Ходорова, бывшая актриса Одесского ТЮЗа**, поэт и нынешний собиратель музыкальных талантов уже в Нью-Йорке, приехав в эмиграцию 20 лет тому назад, встречалась и работала вместе с

М.Александровичем. Но это было только началом. Судьба счастливо свела Р. Ходорову со многими музыкальными талантами, десятками творческих личностей, певцами, композиторами, музыкантами, актерами. Многие из них состоялись Там, некоторые - выросли Здесь. Но и тех и других объединяло одно: стремлении не потерять, сохранить вдохновенное искусство еврейской песни, музыки, театра.

Уже в Америке Р. Ходорова стала писать “еврейские стихи” и многие композиторы написали музыку к ним. Песни эти стали победителями всевозможных конкурсов и даже вошли в репертуар американских театров, в том числе - на Бродвее. А впервые все написанное, выстраданное исполняется обычно в доме Р. Ходоровой, многим известном как “гостиная Шалом”, куда стремятся быть приглашенными все, кто любит еврейские мелодии. Здесь бывали народные и заслуженные артисты России, Белоруссии, Азербайджана, Армении, Молдавии Л. Андреева, В. Пархоменко, И. Ибрагимова, В. Локшин, Н. Аклян, Ф. Калинин. Известные канторы Израиля, Америки. Известные композиторы, певцы и певицы, многоопытные и только начинающие свой путь.

Именно о певцах, композиторах, актерах, о людях, с которыми судьба свела Раису Ходорову, об их творческих и житейских судьбах в условиях эмиграции и состоялся наш разговор.

А.Б. Ваша жизнь в эмиграции, ее, так сказать, надводная часть, многим любителям песни и музыки известна. Расскажите о “подводной части” своей творческой судьбы, о людях, годах, о жизни. О взлетах и падениях, без которых невозможен нелегкий хлеб эмиграции.

Р.Х. Я приехала в Америку 20 лет тому назад большой семьей, всего - 8 человек, где, с одной стороны, на руках были две больные мамы - моя и мужа, с другой - 10-месячная внучка, наш луч солнца. Поначалу мы арендовали квартиру в Бронксе. А рядом, к счастью, оказался Джуишцентр (Bronks House). Он стал для меня вторым домом на многие годы. И именно поэтому я познакомилась с М. Александровичем. А вскоре он пригласил меня вести его концерт. Это было огромным счастьем. И не только потому, что репертуар его был насыщен проникновенно, блестяще исполняющимися еврейскими песнями. Главное: он обладал уникальным талантом цементировать зал, превращать его в одну слитую воедино восторженную массу, где каждый в отдельности и все вместе становились участниками, героями его песен и арий. Эти выступления невозможно забыть.

Встречалась я с изумительной актрисой - А. Гузик,

тонкой, пластичной, необычайно вдохновенной. Ей было 87 лет, когда эта огненно талантливая женщина приехала в Нью-Йорк из Израиля. И однажды, когда я вела ее концерт, она сказала: я родилась на сцене и на сцене умру.

Вела я и концерты звезд Израильской и Бразильской эстрады, многих других. Уже ушли из жизни солист Метрополитен-Опера М. Райцен и солист московского радио и телевидения М. Марков, который был обладателем уникального баса. С Марковым мы были большими друзьями. Он приехал в Америку в 60-м возрасте, знал в совершенстве английский, французский, немецкий языки. Но неожиданно для многих решил петь на идиш на всеамериканском конкурсе еврейской песни. Он занимался этим неистово, отбросив все. Я написала для него стихи на музыку из кинофильма “Искатели счастья”. Он выступил на конкурсе блестяще, разделив 1-2 место с солистом кишиневского оперного театра Ф. Калининским.

И, тем не менее, М. Марков был в Америке совершенно одиноким человеком. И, как все интеллигентные, высокоинтеллектуальные люди, носил душевные переживания в сердце. И однажды не вынес одиночества, покончил с собой. Это произвело на всех, кто его знал, катастрофическое впечатление, до сих пор не хочется верить. Его детская застенчивость, доброта, искренняя открытая улыбка, постоянно висят надо мной укором: не уберегли, не заметили, не поняли.

Однажды пришла ко мне очаровательная Машенька Шафран, племянница и ученица известного виолончелиста Д. Шафрана. Блестящая пианистка. Около 2-х лет она пыталась найти себя в Америке как пианистка. Не вышло. Она оставила музыку, поступила в колледж и стала адвокатом. Это тоже - эмиграция.

Свела меня судьба и с американскими композиторами Сарой Хершбург, Паулом Соломоном, Терри Сингер. Они писали музыку на мои стихи. С Соломоном и Сингер я познакомилась 6 лет тому назад в Монреале на международном конкурсе еврейской песни. Было представлено 175 песен, 15 - попали в финал, из них - 2 были написаны на мои стихи композиторами Гарриком Шахневичем и Евой Черной. Е. Черная родилась в религиозной семье. Ее дедушка был кантором. А теперь песни, которые она пишет на мои стихи, поют известные канторы в Канаде и Израиле, лауреаты всеамериканских конкурсов.

Особенно приятно работать с прекрасным певцом Ф. Калининским. Он говорит, что теперь песен разных композиторов, написанных на мои стихи, хватает ему почти на два отделения работы хора и вокала.

Совсем недавно приехал в Нью-Йорк известный композитор из Киева, лауреат всесоюзных и международных конкурсов, Ю. Исаров. Его песни пели С. Ротару, И.Кобзон. И с ним мы написали много песен.

Третий год пишу песни с композитором С. Ароновичем, заслуженным деятелем искусств нашей бывшей родины. Эти песни блестяще исполняет С. Гринберг. Готовлю к изданию книгу моих стихов-песен, многие из которых написаны С. Ароновичем. Кроме того, он автор драматической симфонии для фортепиано и виолончели, которая будет исполняться Вашингтонским симфоническим оркестром. Партию фортепиано будет исполнять композитор.

А сколько обаяния в исполнении С. Палея, участника всеамериканских конкурсов еврейской песни! Нужно увидеть, как не только взрослые, дети буквально влюбляются в обаятельного С.Палея, когда он исполняет шуточные и лирические песни.

Всего 4 года живет в Нью-Йорке Д. Степановский, но уже заканчивает канторскую академию и при любом удобном случае пропагандирует еврейскую песню. Он не только кантор от Бога, но и прекрасный композитор. Написанные им песни уже звучали на американском и русском радио.

Судьба счастливо свела меня со многими талантливыми певцами и композиторами, но далеко не у всех сложилась успешно творческая судьба. Лауреат многих конкурсов гитарист и композитор болгарин А. Попов не прижился в Нью-Йорке и уехал в Бостон. Исполнительница песен Ира Ибрагимова возвратилась в Союз. Этот список можно продолжать и продолжать.

А.Б. Вы рассказали, в основном, о надводной части “айсберга”. Можно подумать, что музыкально одаренные люди, приехав в эмиграцию, только и хлопот имеют, как бы удачнее выступить на очередном международном конкурсе еврейской песни! Расскажите об их адаптации в американскую жизнь, начиная с себя. Так уж ли все было гладко?

Р.Х. У меня лично творческая судьба сложилась удачно. Я не отношусь к тем людям, кто, приехав из Союза, заявляет: как же так, я Там был Заслуженным артистом, победителем международных конкурсов, многие театры за честь считали пригласить меня к себе с концертом, а Здесь даже Джуншцентры не обращают на меня внимания, не организывают для меня сольного концерта. Я рано лишилась отца, он не вернулся с фронта. И дедушка вложил в меня всю свою нерастраченную любовь.

Мой сын в 3 года начал играть на скрипке, а в 6 - играл на

открытых концертах. И не случайно, ибо и муж начинал играть на скрипке, будучи учеником Столярского. Когда мы привели сына в первый класс общеобразовательной школы, он свободно читал. Его, конечно же, приняли. Я его оставила на минутку в коридоре, переговорила несколько минут с директором школы, а когда вышла в коридор, он стоял весь окровавленный. Оказалось, к нему подошел какой-то парень, поднял за рубашечку, сказал: что, еще одного вундеркинда-жида привели к нам в школу, и стал избивать.

И, самое страшное, мой сын, глотая кровь и слезы, сказал мне, оправдываясь: мама, я кричал им, что я украинец, украинец, но они мне не поверили. До сих пор его слова звучат у меня в ушах.

В 7 лет он уже не только превосходно играл, но и начал писать музыку. Но тот случай в школе сыграл решающую роль, когда надо было решать: ехать, не ехать. Хотя у меня лично никогда не было проблем “на еврейскую тему”.

Окончил сын музыкальную школу, окончила музыкальное училище по классу фортепиано и моя дочь. Но! Мы уехали. Сыну было 15 лет, дочери - 20. В Америке я помогла многим исполнителям стать на ноги, но не сумела помочь своей дочери, своему сыну. Это моя боль. Они не стали музыкантами. Дочь тяжело работает. Сын пошел в Summer school, в общеобразовательной школе он учиться не смог. И пока он учился, мне и мужу приходилось делать все, чтобы зарабатывать на жизнь. Он успешно окончил школу, затем - в Нью-Йоркский университет и стал дизайнером по компьютерам. У него прекрасная работа, двое чудесных детей и они уже учатся в частных школах.

А.Б. Эмиграция распорядилась судьбой вашего сына и дочери вовсе не так, как вы того желали и к чему всю жизнь их готовили. Тем более, как сложились судьбы тех уже полностью сформировавшихся Там людей, с которыми вас свела судьба?

Р.Х. Например, Ева Черная, тонкая, хрупкая женщина. Приехала 20 лет тому назад без мужа и с тремя маленькими детьми 2-х, 4-х и 6-и лет. Там она была певицей и артисткой. Здесь - мыла полы в Боро-парке, как и все другие эмигранты, и занималась в колледже. Не каждый мужчина способен на такое. Сегодня двое ее детей уже закончили колледж, младшая - заканчивает. А Ева лечит людей музыкотерапией. И пишет музыку. Вот так.

Семен Гринберг. О нем уже много писали. У него не только уникальный голос и доброе сердце, но и огромная сила воли. Он, в первую очередь, мужчина. Не один год он Здесь “крутил баранку”, хотя и ненавидит этим заниматься. А последние

годы, наконец, очень удачно поет и пишет музыку. У него выходят в записи кассеты. Это дает ему определенный доход. Но таких людей очень мало.

Юлиан Исаров. Прекрасный композитор. Уже в возрасте. А это чрезвычайно важно. Нет английского языка, нет взаимопонимания с окружающими. Жизнь заставляет перечеркнуть все прошлое, не отталкиваться от него, а начинать все сначала. Далеко не всем удается. И этот высочайший профессионал пишет музыку, за которую ничего не получает в материальном смысле. Пишет “в стол”, но только не в тот “стол”, в который складывали написанное сотни талантливых людей Там. Но разве от этого легче! И иногда он в отчаянии говорит: не знаю, зачем я сюда приехал?

К сожалению, разве такое происходит только с Ю. Исаровым? Я уже говорила о катастрофе, которая произошла с М. Марковым. У него был уникальный бас, уникальный! А не было выхода на большую сцену. Артист не может жить без аудитории.

А.Б. Почему же уникальный бас, солист центрального московского телевидения и радио не мог найти место, скажем, на русском телевидении и радио WMNB, где нет подобных актеров и далеко не все - профессионалы?

Р.Х. На этот вопрос нет вразумительного ответа. В том-то и дело: непрофессионалы не хотели брать на работу профессионала. Его не брали, хоть он стремился туда попасть. После смерти И. Каца, с которым я была очень близка, там многое изменилось. Но я не слушаю русское радио, не могу. Не понимаю, как можно было не взять на русское радио такого человека, как В. Марков, блестяще знавшего английский и русский языки? Не понимаю до сих пор!

А.Б. У Маркова был тяжелый характер?

Р.Х. Могу сразу сказать: все очень талантливые люди имеют не простой характер. Что же из этого? В. Марков был одиноким человеком. Он считал, что его место в Америке, что здесь он раскроется полностью. Это была его ошибка. Эту ошибку повторяют очень многие высокоталантливые люди, надеясь на здравый смысл. В Америке действуют другие законы.

А.Б. Как вы считаете, те творческие люди, которые приехав сюда и придя в отчаяние от безысходности, считая, что они ошиблись, действительно ошиблись, или поступили правильно? Если, естественно, положить на весы все в совокупности.

Р.Х. Не знаю. Кто-то везучий, кто-то - нет! Все зависит от того, как сложится судьба. И, не забывайте, Америка всех ломает, а

людям старшего возраста очень трудно ломаться. Для В. Маркова оказалось легче пойти к океану и сознательно утопиться, чем сломать себя в рамках новой жизни. Это ужасно! Его три дня искали. А потом оказалось, что у него нет ни единой близкой души в Америке, некому даже было дать некролог в газете. Мы с мужем это сделали. Именно поэтому, самое главное для всех нас: бережно относиться друг к другу в любой ситуации.

Не могу не вспомнить о С. Гольдвиге, прекрасном пианисте-виртуозе, композиторе, аранжировщике и концертмейстере, не находящем себе здесь места. Чтобы подработать, ему приходится на много чаще играть в разных христианских храмах, нежели в Джуишцентрах. Не приглашают они его, нет денег. Его жена волонтирит второй год в госпитале, в надежде на будущую зарплату, дети учатся в колледже, расходы на них большие и семья элементарно бедствует.

А.Б. Почему такое положение в еврейской среде, близкое к формуле: человек человеку - волк! Почему у евреев, поставленных во главе Джуишцентров, где главная теоретическая цель - милосердие, оно, это "милосердие", чаще покупается и продается, нежели исходит от доброты душевной? В какой момент мы утратили эти традиции? Может быть не так уж неправы ортодоксальные евреи, живущие замкнуто своей общиной, по своим законам, никого не впуская в узкий круг?

Р.Х. Я когда-то провела бесплатно в общей сложности более 250 концертов в различных еврейских центрах. У них не было денег, но они с удовольствием принимали бесплатные выступления актеров и музыкантов. Теперь я давно уже этого не делаю. Ибо я знаю: все они получают на эти нужды деньги. Но куда их расходуют? Для такой великолепной эстрадной певицы, как Нина Бродская, у них не нашлось денег, не дали ей выступить и она уехала обратно в Москву. Кому они платят, попробуйте выяснить? Никогда!

Нина Бродская жила здесь около 18 лет. А сейчас работает в Москве, там ей нашлось место, но не здесь.

А.Б. Что, началась вторичная эмиграция: русскоязычные эмигранты творческих профессий теперь уже с американским гражданством возвращаются в нищую Россию на заработки?

Р.Х. Так получается. Горько и больно это наблюдать. Такое происходит все чаще и чаще. И вот почему. Американские актеры и музыканты с удовольствием и большой помпой проводят один, максимум два концерта в год на благотворительные цели, но остальное время работают за зарплату, и немалую. А русским предлагают все наоборот: отработай 200 концертов бесплатно, а на

201 - я тебя возьму.

А.Б. Или 2 года поволонтирь в госпитале, а там - посмотрим.

Р.Х. Совершенно верно! И, кроме того, горько и больно, ибо этим занимаются еще и не профессионалы, а гешефтмахеры.

А.Б. Вы можете назвать конкретные имена?

Р.Х. Нет, я не буду называть имена. Люди, о которых я говорю, себя отлично узнают. И другие узнают тоже.

А.Б. С 6 по 8 сентября Найяна проводит фестиваль в Баттери-Парке, посвященный 25-летию эмиграции из бывшего СССР. Первоначально было много нареканий, что фестиваль в честь, фактически, еврейской эмиграции, а исполнители программы задумали его как интернациональное совково-советское действо по образцу небезызвестных в свое время московских “декад дружбы народов”. Теперь, как будто, дело выправили.

Р.Х. Меня это тоже крайне удивляло. Например, Ф. Калинского, прекрасного оперного певца с уникальным лирическим баритоном, победителя всеамериканского конкурса еврейской песни, вообще не пригласили. А известному в Америке кантору Б.Певзнеру и кантору, еще студенту - Д.Степановскому, первоначально было предложено петь на этом фестивале на украинском языке, и петь песни Р. Паулса. Я не знаю зачем? Можно, конечно, канторам петь песни на любом языке. Разве имеет значение, на каком языке мы слушаем Лучано Паваротти? Но, в то же время, покажите мне хоть одну украинскую организацию, где бы во время украинских празднеств пели еврейские песни? Покажите!

Например, В. Пархоменко - заслуженная артистка Белоруссии, которая в 18 лет получила золотую медаль в Сопоте, пела 15 моих песен на идиш. И до сих пор поет. Но где? Только в еврейской аудитории, там, где ей удобно это делать. Но ни в какой другой, я это хорошо знаю! Почему китайцы в Нью-Йорке, корейцы, итальянцы, другие национальные группы, имеют постоянные центры для своих певцов и актеров? Это их рабочие места. Только у нас этого нет! Покажите место, где бы мне, или любому другому из тех, кого я вам сегодня назвала, было предложено постоянно выступать, собирать публику? Нет этого! Ни у единого исполнителя-профессионала, о которых я рассказывала, нет постоянного рабочего места. Единственная возможность пробиться, стыдно говорить, это - не иметь дело с нашими русскоязычными и американскими евреями-эмигрантами, а попытаться связаться с американцами.

Например, повезло С. Ароновичу, он был принят в члены Союза композиторов Америки (ЭСКАП), есть такая организация. Он написал симфонию для фортепиано и виолончели, я уже об этом рассказывала. Это большой успех.

А.Б. Могли бы вы назвать еще какие-то имена русскоязычных композиторов, певцов или музыкантов, которые бы сделали карьеру в Америке?

Р.Х. Я бы назвала имя Г. Гройсмана, приехавшего 14 лет тому назад. Он чудесный оперный певец, но пел и канторский репертуар. И однажды узнал о канторском конкурсе в Майями. Туда приехало более 150 канторов-профессионалов. И надо же такому случиться, Гриша занял первое место и стал кантором на том месте, где работал М. Александрович.

Могу назвать еще певца Шаламаева, принятого в Метрополитен-опера. Дай ему Бог прижиться там. М. Райцен тоже был в Метрополитене. Но умер от инфаркта, не так там все просто и гладко.

А.Б. Америке нужны молодые и здоровые, как везде. А если люди в возрасте, то вынуждены идти на черные работы: водителями, развозчиками пиццы, охранниками, грузчиками, старшими “куда пошлют”. Но не нужны певцы, композиторы и музыканты. Может быть, все эти трудности специфичны только для людей искусства?

Р.Х. Очевидно. И это надо принимать. Мы приехали сюда. Слава Богу, что нет проблем для наших детей. Но видеть, как заслуженные артисты, талантливые композиторы, певцы, музыканты ночью дежурят с тяжелобольными, моют полы, подрабатывают в химчистках, для того чтобы днем написать или выучить новую песню, попадая при этом периодически в тяжелейшую депрессию, чрезвычайно тяжело. Мы Там привыкли к общению, потому Здесь погибаем без него. Люди угасают на глазах.

Сколько людей я могу пригласить к себе на встречи “Шалом”? Максимум: 50-60 человек. Люди стоят в коридоре, в проходах. А если бы Джуишцентры дали нам такую возможность! Но нет этого. Сейчас я открываю 5-й сезон. Все знают, что проходят наши встречи блестяще, ибо участвуют в них талантливейшие люди, профессионалы своего дела. И что же: хоть один Джуишцентр предложил взять все заботы по организации и финансированию этих уникальных концертов на себя? Нет! Им это не нужно. Вот если бесплатно поставить галочку за “их работу”, а они распишутся в платежной ведомости, тогда - пожалуйста. Уже 4 года после смерти мамы я не имею контактов ни с одним из них.

А.Б. Почему мы так недоброжелательны друг к другу? У вас есть свое объяснение?

Р.Х. Не знаю. Обратите внимание, когда негры собираются на pool party, сколько их приходит! И как они держатся друг за друга! А евреи?

Не знаю. Мы, в массе своей, не уважаем, не имеем взаимной ответственности друг перед другом. А меня с пеленок учили учителя-режиссеры именно этому качеству. Когда у меня встреча, выступление, даже разговор, например, как с вами сегодня, я не ем ничего с утра, я готовлюсь, я полна ответственности перед тем с кем встречаюсь. Так меня учили. Этот вопрос и меня мучит всю жизнь.

Закончился разговор с Раисой Ходоровой. И она сказала, когда подошло время прощаться:

- А теперь я приглашаю вас позавтракать со мной, все уже приготовлено и ждет. Очевидно, и вы проголодались.

Но мне пришлось отказаться, даже от сагэ, которое я невероятно люблю с детства. И тогда она с обидой сказала.

- Вы первый, кто отказывается позавтракать в моем доме, будете жалеть.

Я это знал, чувствовал. И всю дорогу к дому безостановочно, словно заведенный, напевал: “В бело-розовом цветку, сад мой, сад любимый...” и думал о Р.Ходоровой, о тех людях, с кем свела ее судьба, о жизни и, к своему стыду, о сагэ, которого не отведал.

(газеты: «Вечерний Нью-Йорк», 18 сентября 1998;
«МИР», Филадельфия, 1 января 1999)

5. КРИТИЧЕСКАЯ МАССА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ.

Сэм Клигер, социолог одного из академических институтов Москвы, приехал в Америку 8 лет тому назад. Сейчас - работник Найаны, член Совета Директоров нескольких еврейских организаций, лидер RINA (Russian Institute for New Americans), главной целью которого являются разнообразные социологические исследования эмиграции из стран бывшего СССР, его адаптации в американское общество, научные исследования в разных областях жизни эмигрантов последних волн эмиграции, которых в Америке называют интегральным словом: “русские”.

С. Клигера можно вполне отнести к тем эмигрантам, которые уже вошли в американскую жизнь, понимают и принимают ее “правила игры” и, в то же время, не ассимилировались, не растворились, не отбросили культуру и традиции прошлой жизни.

А.Б. Сэм, расскажите сперва о себе, от чего вы уехали,

причины эмиграции?

С.К. Уехал в 1990 г. от того же, отчего уезжало большинство. Пытался уехать в 1980 г. Был 10 лет в отказе. Работал в Институте социологии СССР, занимался социологией культуры, религии и методологией социологических исследований. В 1990 г. был приглашен на Чикагскую конференцию с докладом. И остался.

А.Б. В Америке, работая в Найяне, вы встречаетесь с эмигрантами. Знаете их проблемы на “хирургическом” уровне, во всех болевых точках. Что представляет собой сегодня русскоязычная община Нью-Йорка? И характерны ли ее проблемы для всех эмигрантов из стран бывшего СССР последних волн эмиграции в Америку?

С.К. Чрезвычайно трудно однозначно ответить на этот вопрос. Начнем с количественных показателей, которые, кстати, весьма не однозначны. По моим наблюдениям, в Нью-Йорке насчитывается от 400 до 500 тысяч русскоязычных эмигрантов, приехавших за последние 25 лет. Это количество - своеобразная критическая масса. Ибо полмиллиона людей, говорящих на одном языке и сосредоточенных в одном месте - это критическая масса во многих отношениях. И последствия ее влияние на жизнь города весьма трудно предсказать.

В 70-е годы “русские” селились небольшими архипелагами в разных местах города. Еще в 1990 г. можно было стоять в центре Манхэттена часами и не услышать ни единого русского слова. Сегодня, в какой бы точке Бродвея вы не стояли, через несколько минут услышите русскую речь.

Когда я приехал, здесь была одна русскоязычная газета: “Новое русское слово”, теперь - более сорока. Тогда русская эмиграция была малозначительна, малочисленна и малозаметна.

Сегодня - это большая потенциальная, но разрозненная сила. В первую очередь потому, что это - голоса избирателей. В Америке не столько считают число населения, сколько число избирательных голосов, ибо это - власть, путь к власти. А власть - это сила, это работа, это процветание. Не зря серьезные американские политики уже обратили внимание на потенциал “русских”. Ищут к нему пути.

Во-вторых, это большая экономическая сила. Еще 15-20 лет тому назад эмигранты из СССР не числились среди богатых людей Америки. Сегодня - огромная масса “русских” достаточно хорошо зарабатывают, даже по высоким американским меркам. Статистические данные показывают, в течение 5-6 лет среднестатистический “русский” эмигрант Нью-Йорка догоняет и

начинает перегонять среднестатистического американца по доходам. Эти данные, думаю, можно экстраполировать и на другие регионы Америки. Появилось много филантропических организаций, финансируемых “русскими”. И.т.д.

В-третьих - культурная сторона вопроса. Невозможно не обратить внимания на то, сколько в Нью-Йорке различного рода культурных мероприятий: приезжают из России с гастрольями лучшие театры, танцевальные и концертные коллективы, писатели, актеры, художники. Открывается множество художественных выставок, музеев, новые газеты, журналы. Русское радио и телевидение. И на все есть спрос.

Итак, “русские” имеют и успешно реализуют свой культурный и экономический потенциал. Что касается политического - он пока скрыт, но имеет большое будущее. Нужно только “проснуться”. Этим и отличается наша община от других, уже более адаптировавшихся общин города.

А.Б. Какой, на ваш взгляд, процент евреев среди русскоязычных эмигрантов города. И почему, по вашему, эмигранты уже в 3-5 поколении из бывшего Юго-Западного Края Российской Империи, выходцы из тех же местечек, откуда и бабушки-дедушки нынешних “русских”, абсолютно не воспринимают их культуры, ментальности, традиций. Не понимают и не желают идти на сближение? Между этими группами людей сегодня нет почти никакого контакта. Существуют мощные американские еврейские организации и созданы десятки хилых, едва существующих “русских” еврейских организаций, между которыми - пропасть непонимания. Что разделяет эти организации? И что бы могло их объединить?

С.К. Среди “русских” Нью-Йорка евреев, я думаю, не больше 70%. Но это - около 300 тысяч, огромная сила! Что объединяет русских и американских евреев? Очень мало. Разъединяют же достаточно серьезные причины. Когда в начале века евреи приезжали, их встречали такие же евреи, вчерашние соседи по местечкам. Они мало чем отличались. Других практически не было. Сегодня имеют место две группы людей со следующими обобщенными векторными системами.

Американские евреи по вектору - американцы. Русские евреи по вектору - русские. То, что мы и они евреи - это маленькая добавка к главному, основному и мощному вектору. И у нас, и у них. Таким образом, разъединяет нас то, что они - американцы, а мы - русские. А объединяет - наше еврейство. Но и оно воспринимается по-разному. И получается, что они и мы пытаемся (или говорим, что пытаемся) на этом маленьком векторе нашего

общего еврейства построить отношения.

А.Б. И в то же время этот маленький “общий вектор” на поверку оказывается направленным в противоположные стороны. Казалось бы, мы вышли из одной культуры и одной религии. Но американские евреи в массе своей отбросили, игнорируют, не признают ашкеназийскую культуру, культуру Шолом-Алейхема и всей последующей плеяды выдающихся еврейских писателей, актеров, музыкантов, на знании и понимании которых выросли мы. Но они сохранили религию. Нас же почти поголовно сделали атеистами, но мы сохранили святое отношение к еврейской культуре и традициям.

Что же делать, они нас готовы воспринимать только “вдоль своего вектора” - отправления (хотя бы формального) религиозных обрядов. Мы же пытаемся строить мосты на пути общности культуры и истории. И снова - тупик.

Приведу два примера. Первый. Два года тому назад, и в эти дни снова, была сделана попытка наладить “Шолом-Алейхемовские чтения” - т.е. культурно-просветительские лекции-беседы на высоком профессиональном уровне о разных аспектах еврейской жизни ашкеназийского ее периода. Привлечены, естественно - на общественных началах, известные профессора, писатели, ученые, все-эмигранты. И что же? Американское еврейство, в частности - некоторые раввины крупнейших синагог города, отказались предоставить бесплатно помещения для проведения лекций, мотивируя отказ незаинтересованностью в тематике.

Второй пример. Год-полтора тому назад в один из муниципалитетов города были выдвинуты две кандидатуры уже адаптировавшихся “русских”, материально вполне ставших на ноги, с тем, чтобы в случае избрания лоббировать в администрации интересы русской общины. Но их не только русская община не поддержала, но и американские евреи все сделали для того, чтобы избрали не “русского”, а американца. Такое вот “взаимопонимание” между нашими “векторами”. То есть, фактически теряется целое поколение людей.

С.К. Политическая борьба - это нормальное явление. Люди борются за власть, за влияние. В то же время, я не согласен с вами в том, что американские евреи нас отменяют и не признают.

Даже если пренебречь тем, что они очень много сделали для возможности нашей эмиграции (именно они добились принятия в Конгрессе поправки Лаутенберга, которая открыла дорогу в Америку советским евреям), можно утверждать и другое.

Вызволяя нас из СССР, американские евреи ожидали

увидеть людей, которые, попав в Америку, станут жить религиозной жизнью, а увидели совсем другие интересы. Они были разочарованы. Мы же, приехав на их деньги, продолжаем думать о том, почему эти богатые евреи нам мало помогают. Мы ожидаем от них помощи в нахождении работы по специальности, в изучении английского языка, улучшении бытовых условий. Мы вовсе не против, чтобы американские евреи занимались нашим патронажем, помогали интегрироваться в американскую жизнь, и.т.д. То есть, наша заинтересованность в них дальше прагматических интересов не идет. В то же время, сами мы материально не готовы принимать участие в их проектах. И нам кажется, что американцы накладывают на нас свою идеологическую структуру.

В то же время они имеют в нас свой интерес. Даже арифметически, чем больше в городе евреев, тем лучше. С любой нормальной точки зрения. Они надеются, что постепенно мы интегрируемся в их среду. И все для этого делают. Но, в то же время, существует взаимная отчужденность, непонимание и невосприятие. Мы смотрим на одну и ту же проблему через разные идеологические очки.

А.Б. Вы, как социолог, что в первую очередь стали бы изучать в среде русской эмиграции? И с какой целью?

С.К. Трудно поставить приоритеты. Интересно все. Ибо это - Terra incognita. О русских никто ничего глубоко не знает. Некоторые исследования проводились американцами в конце 70-х, начале 80-х годов. Но они страдали целым рядом больших недостатков: не учитывали реальной ментальности эмигрантов, проводились на английском языке, многое другое. И потому дали курьезные результаты. Например, что 90% русских евреев, живя в СССР, постились на Йом Кипур. Или, что 70% посещали пасхальный седер. Что касается огромной волны эмиграции после 1989 года - почти ничего не известно.

Сколько “русских” считают себя евреями, сколько - людьми других национальностей и каких именно? Как различные этнические группы себя ведут на американской земле? Каково социально-экономическое положение различных групп эмигрантов через 1, 2, 5 и.т.д. лет после эмиграции? Каковы демографические процессы в среде эмигрантов уже на американской земле, и как меняются их предпочтения, убеждения, новые установки в новой жизни? Никто по существу не знает, как эмигранты относятся к американской демократии, муниципальным властям, мэру, губернатору штата, конгрессменам, другим этническим группам, к американским евреям, исповедующим различные течения

иудаизма. Как они, наконец, относятся друг к другу, ходят ли голосовать и понимают ли, что это значит в Америке, и т.д. Тысячи вопросов, на которые ответа нет.

А.Б. Известны попытки наладить некоторые социологические исследования в русской среде. Например, в газете “Новое русское слово” во времена короткого “правления” Г. Вайнера возник Центр изучения общественного мнения. Что вы думаете об этих начинаниях?

С.К. Я знаю об этом. Это, конечно же, имеет большое значение с точки зрения газеты, ее привлекательности для читателя. И только. Но не могу оценить научную сторону деятельности, поскольку никогда не видел их опросов. И потому ничего не могу сказать на эту тему.

А.Б. Вы надеетесь, что социологические исследования существенно сдвинут с мертвой точки положение и социальный статус русской общины?

С.К. Без этого безнадежны все попытки понять общину и занять ей достойное место в американской экономической и общественно-политической жизни.

А.Б. Известны ли вам в современных социологических структурах Америки какие-нибудь группы, которые бы ориентировались на исследование русских? Или же в мощнейших международных еврейских организациях Америки, например, American Jewish Committee, существуют ли русские отделы, занимающиеся взаимодействием, привлечением русских эмигрантов к активной еврейской жизни?

С.К. Нет. Такого нет. Никто не занимается изучением русской эмиграции в социологических структурах Америки. Не занимаются русскими и в Комитете. Но существует русский отдел в UJA. В нем объединены люди состоятельные, ставшие на ноги в Америке, достаточно давно приехавшие. Они богаты, имеют некоторое влияние в русской общине, сами дают деньги и помогают собирать деньги на нужды UJA. Дело это достаточно благородное.

А.Б. Существуют ли хоть какие-нибудь контакты между этими людьми и русскими, прибывшими в последние годы, так сказать, между бедными и богатыми, или пропасть, как всегда и везде? И помогают ли богатые русские непосредственно русской общине, эмигрантам последних лет?

С.К. Пропасть естественная, которая усугубляется не только разным финансовым статусом, но и ментальностью: с одной стороны - уже американизированной, с другой - советско-совковой. Пропасть, обусловленная знанием английского языка с

одной стороны, и незнанием - с другой. В то же время, я бы предпочел, чтобы большая часть денег, которые собирает русский отдел UJA, шел непосредственно на нужды русской общины. Но я всего в совокупности не знаю и потому никого не хочу критиковать.

А.Б. Вы сказали, что АЖС не имеет русского отдела и не занимается русской эмиграцией. А почему?

С.К. Это интересный вопрос. Могу сказать, что они уже обратили на нас внимание. Их некоторые программы, пока что - ознакомительного характера, направлены на контакты с русскими. Мы с вами были участниками первой из них летом прошлого года, ориентированной на подготовку будущих потенциальных лидеров русской коммюнити.

А.Б. Мне показалось, что эта программа была больше “для галочки”, нежели по существу.

С.К. Не забывайте, было важно посмотреть друг другу в лицо. Где бы еще мы могли вести обстоятельные беседы с первыми лицами АЖС? С людьми достаточно умными, эрудированными, профессиональными, знающими еврейские проблемы в международном, межгосударственном их понимании. И учтите, это был первый шаг в сближении. С другой стороны, не надо романтизировать, преувеличивать роль таких контактов. Кроме того, такие организации как АЖС - политизированы, занимаются защитой еврейских интересов в международном плане, в своем, конечно, разумении, и не занимаются локальным социальным сервисом. Не занимаются адаптацией русских в американскую жизнь.

А.Б. Не кажется ли вам, что часто “адаптация русских в американскую жизнь” трактуется как ассимиляция, как тотальный путь отказа от традиций и культуры прошлого. Совместимо ли “стать американцами” и сохранить свое еврейство в культурном понимании этого слова, не только религиозном? Возможно ли нашим детям и внукам стать гражданами Америки, жить по ее законам и почитать их, сохранив русский язык и знание культуры?

С.К. Это наисложнейший вопрос. Действительно, перед многими эмигрантами из стран бывшего СССР стоит триединая задача: не только сохранить свое еврейство и интегрироваться в американское общество, но и сохранить свой русский вектор, самобытность русской культуры, языка, даже - характера. Это чрезвычайной сложности задача. У меня, к сожалению, нет рецептов и ответов на этот вопрос. Я бы расставил эти три проблемы в приоритетной последовательности: вне конкуренции - оставаться евреями, а затем адаптироваться в американскую жизнь

и сохранить свою русскость.

А.Б. Для русских евреев Восточной Европы сохранение еврейства, это сохранение ашкеназийской культуры, это все то, что пришло с современниками Шолом-Алейхема и убиенными в августе 1952 года классиками еврейской культуры. Около 500 профессиональных известных писателей, так или иначе уничтоженных за время советской власти, это все то, что также ассоциируется с нашей русскостью. Но американские евреи все это отметаю. И не только не знают этой культуры, но и не хотят о ней слышать. Как совместить несовместимое в реальной жизни?

С.К. И этот вопрос чрезвычайно сложен. В еврейской культуре есть несколько компонент. Самый мощный и ключевой - религиозный компонент еврейской жизни. Если мы откажемся от иудаизма, от Торы, Танаха, от всего глубочайшего религиозно-философского наследия, которым владеет еврейский народ несколько тысяч лет, то мы навсегда утратим и еврейскую культуру.

С другой стороны очень важно знание, например, ашкеназийской культуры, всего того, что с этим периодом жизни еврейства связано. И, вы правы, для американских евреев этот компонент нашей культуры не очень важен. Они опираются, в большинстве своем, на религиозный вектор. Это серьезная проблема.

А.Б. Проблема не только в этом. Не в меньшей мере - в различных ориентирах. Для американского еврейства вопросы бизнеса - главное. Деньги, их количество, определяют все. И в этом компоненте евреи и не евреи, если они хотят адаптироваться в американскую жизнь, становятся едиными, другого пути нет. Новенькие же русские пришли из другого мира, где деньги никогда не были главенствующим параметром уровня, интеллекта, положения в обществе. Теперь эти люди пришли в Америку, где доминируют иные законы, иные культурные и социальные ценности. И надо в них вживаться. Как?

С.К. Вопрос не в бровь, а в глаз. К сожалению, на него нет у меня ответа. Можно только констатировать следующее. Да, мы пришли, как, скажем, на Марс. Что делать? Наводить мосты! Пусть сначала узкие и неустойчивые, но мосты. Сначала пройдет один человек туда, другой - оттуда. Затем - уже по двое, и т.д. Только так можно открыть широкую двухстороннюю дорогу между нами. Иного пути я не вижу.

А.Б. Процессы адаптации русских в Америке неожиданно для многих стали сопряжены с возрастающей проблемой отцов и детей, их взаимным непониманием. Это часто приводит к

непоправимым результатам, полному отчуждению во вчера еще благополучных русских семьях. Дети и внуки, приехавшие в школьном возрасте, не хотят разговаривать даже дома на русском языке. Начинаются семейные трагедии. Вы с этим не столкнулись?

С.К. Мой сын попал в Америку в 13 лет, он говорит по-русски хорошо. А дочь младше, по-русски говорит хуже, учится читать, но писать не может. В паблик-скул и с подружками говорит только на английском языке. Надеюсь, что она сохранит русский язык и в будущем. Во всяком случае, мы в семье все делаем для этого.

А.Б. Вас устраивает уровень образования, который получает ваша дочь в школе?

С.К. Абсолютно нет! Я хочу ее отдать в ешиву. Но вопрос еврейского образования не менее большой. К сожалению, от русских мало что зависит и в этом деле, это проблема американских евреев. Но надо пытаться сложившуюся ситуацию кардинально изменить. Есть три тезиса. Первый. Еврейское образование должно быть бесплатно. Это принцип Торы. Это принцип, которому следовали евреи на протяжении трех тысяч лет. И все те миллионы долларов, которые собирают различные еврейские организации Америки, не стоят ничего, пока они не пущены для обеспечения этой идеи.

Когда нам говорят, что учеба в ешиве стоит 10 тысяч долларов в год, то ответ напрашивается только один: это не еврейское образование, это образование для богачей.

Второй принцип: еврейское образование общедоступно. Что означает - наличие ешив, еврейских школ не только в центре Манхеттена, но и в различных иных районах города.

Третий тезис: еврейское образование с глубокими и широкими научными знаниями и подготовкой для жизни в современном мире.

Если этого не сделать, большая часть наших детей будет ходить в общедоступные американские школы, наверняка оторвется от культурных корней и от еврейства. А те, кто будет ходить в религиозные ешивы, оторвется от светской жизни и никогда не поймут “бедных”. И только небольшая часть русских, кто может платить по 10 тысяч и более в год, сможет дать своим детям полноценное образование, и светское и религиозное. Но таких, к сожалению, не очень много.

А.Б. Американские евреи этого не понимают? Почему американские евреи-меценаты отдали еврейское образование в руки бизнесменов, которые если и знают Тору, не всегда следуют ей? Одно дело молиться, ходить регулярно в синагогу и формально

соблюдать традиции, совсем другое - в повседневной жизни соблюдать ее законы. Разве это не очевидно?

С.К. К сожалению, эти три критерия вместе не встречаются. Есть бесплатное еврейское образование, но это в строго ортодоксальных ешивах. Не все дети и родители готовы к такому будущему. Порядок должен быть таким: никто в общеобразовательных еврейских школах не должен интересоваться доходом родителей.

А.Б. Кто должен оплачивать такую форму еврейского образования?

С.К. Должна, видимо, быть создана единая еврейская образовательная организация, куда вносят деньги UJA, AJC, десятки других мощных международных еврейских организаций, миллионеры и миллиардеры-филантропы, другие частные лица. И в эту единую организацию под условным названием “Еврейское образование” должны стекаться деньги для широкого, глубокого, всеобъемлющего начального образования еврейских детей. Иначе все заклинания по поводу неизбежной ассимиляции - хамелеонство. И говорить о еврейской коммюнити - бессмысленно. В Израиле - школьное образование бесплатно.

А.Б. Может быть единственным объединяющим фактором для всех евреев мира должен и может быть Израиль?

С.К. Несомненно. Однако не надо идеализировать Израиль. Действительно, 90% евреев мира симпатизируют этой стране. Но как только разговор заходит о внутрисударственных проблемах, мнения резко разделяются. Примером тому - мирный процесс. Мы много спорим о будущем Израиля, но опускаем самое главное. Можно говорить о победе над палестинцами в локальной войне. Можно говорить о прогрессе технологий и науки в Израиле. Можно обыграть палестинцев в политике, экономике, культуре, но невозможно, извините, выиграть у них в постели. Сегодня в среднем в каждой палестинской семье, которая живет на территории Израиля, а таких палестинцев около 800 тысяч, рождается 5-7 детей. Это - демографическая бомба замедленного действия. В еврейских же семьях - 2-3 ребенка. Палестинцам не надо воевать, через 40-50 лет эволюционным путем их станет в Израиле больше, чем евреев. Поэтому, реальное будущее Израиля - это секулярное государство общенациональной демократии

А.Б. Но в ортодоксальных семьях число детей - не меньше чем у арабов.

С.К. Вот-вот. Помимо всего прочего, евреев надо рожать. И чем больше, тем лучше.

Кстати, если бы не ортодоксальные евреи Нью-Йорка, у

которых рождаемость высокая, еврейская община города была на много слабее и малочисленнее.

А.Б. Может быть, исходя из принципов максимальной рождаемости, ортодоксальные евреи Нью-Йорка правы, предлагая русским единственную форму сотрудничества - следование законам Торы, в соответствии с которыми детей в семье должно быть много? Все остальное - от лукавого, включая и попытки сохранить свою русскость, ашкеназийскую культуру, желание обучать детей в секулярных, высоконаучных и бесплатных общеобразовательных еврейских школах. Не правда ли, к любопытному выводу можно прийти?

С.К. Однако, это провокационный вопрос.

А.Б. Вы правы. Потому, ограничимся беседой о реальных обстоятельствах нашей сегодняшней жизни. Может быть, читатели продолжат тему?

(газета «Вечерний Нью-Йорк», 31 июля 1998;

Журнал «Вестник», 15 сентября 1998)

6. КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ОДЕССЕ.

Город Одесса известен не только теплым морем, некогда прекрасными пляжами и курортами, не только еще недавно своеобразным и искрящимся юмором его жителей, но и своей музыкальностью. Еще во времена Российской Империи Одесса считалась Южной школой (наряду с Северной, Санкт-Петербургской) русского музыкального искусства. Отсюда вышли выдающиеся музыканты, особенно - скрипичной школы.

В начале XX века здесь жили мощные колонии итальянцев, армян, греков, евреев, французов, цыган, русских, украинцев, немцев, чехов. Этот конгломерат народов дал миру выдающиеся имена: Иосиф Прибик (“божественный чех”, руководитель Одесской оперы) Петр Соломонович Столярский (“школа Столярского”), Давид Ойстрах (“царь Давид”), и.т.д.

После ВМВ, особенно - после распада СССР, город очень изменился, и многие его жители эмигрировали в Нью-Йорк, образовав, например, в районе Брайтона, “маленькую Одессу”. А многие его выдающиеся музыканты в поисках “Синей птицы” стали профессорами консерваторий, солистами филармонических оркестров, руководителями престижных музыкальных коллективов во всех концах мира. Опустела музыкальная Одесса. Многие из ее “птенцов” осели в Нью-Йорке, привезя с собой неповторимый колорит русской Южной музыкальной школы.

Об этом, о творческой и житейской судьбе и разговор с некоторыми из них.

Мы жили, как в детском саду.

Леонид Мордкович, более 30 лет профессор школы Столярского и Одесской консерватории, с 1990 г. - профессор консерватории в Хельсинки и Лахти, Финляндия. Профессор мастер-классов в Италии и Швейцарии. С 1997 г. - житель Нью-Йорка. Его ученики, ныне - профессора: М Вайман (Тель-Авив и Нагоя), П. Верников (Лион и Порто-Груаре), А. Винницкий (Турку и Москва) П. Котлярская (Мадрид), и.т.д.

Моя дочь и внук эмигрировали в Америку, поехал и я, хочу быть с ними. Огромная разница: приехать по контракту, или эмигрантом. В первом случае о тебе заботятся, во втором - ты обо всем должен думать сам.

До революции в Одессе только выдающихся скрипачей, не считая других музыкантов, писателей, актеров и ученых, было множество. Например: Н. Мильштейн, Л. Ортенберг, М. Файнгин. В 20-е годы: Д. Ойстрах, Б. Гольдштейн, М. Фихтенгольц, Е. Гилельс, Н. Пелех, С. Фурер. Более молодое поколение: Р. Файн, С. Снитковский, В. Климов, Э. Грач, Г. Кнеллер, и.т.д. И почти все они оказались за границей, преимущественно - в Америке.

В Одессе пели Батистини и Тито Руффа, Нежданова и Собинов. А сегодня единственный музыкальный очаг - симфонический оркестр, руководимый дирижером Хобертом Эрлом. Он же субсидирует оркестр и организует его гастроли по всему миру. А здание знаменитого оперного театра по-прежнему в аварийном состоянии, трещины в стенах, нет денег на ремонт.

Америка и Финляндия, например, государства с молодой культурой. В обеих культуру предпочитают покупать и продавать за деньги. Но в Финляндии государство вкладывает огромные средства в развитие культуры, приглашая педагогов со всего мира. И на глазах - растет молодое поколение музыкантов. А в Америку и без того стремятся попасть все знаменитые артисты, дирижеры и композиторы любой страны, правительству нет необходимости думать о развитии музыкального образования. Потому оно здесь и находится на дилетантском уровне.

Например, в знаменитой школе Судзуки, где даются основы музыки на потоке сразу огромному количеству одаренных детей, профессионализмом и не пахнет. Нет никакого индивидуального выращивания и шлифовки талантов. После этой школы все творческие задатки в человеке нивелируются, уже почти ничего невозможно исправить. Это - бизнес.

В Италии, некогда колыбели музыкальной культуры мира, государство тоже не вкладывает деньги в развитие культуры. Мало того, ограничивает доступ в страну иностранных специалистов. В результате, выдающаяся в прошлом итальянская музыкальная

культура несколько деградировала.

Меня часто спрашивают: почему большинство музыкальных знаменитостей Одессы - евреи? Отвечаю словами известного украинского композитора Кос-Анатольского на вопрос о причине отсутствия украинской скрипичной школы на Украине.

Даже талантливым евреям много столетий трудно было попасть в университет, медицинский или технический институт. Единственное место, где они могли проявить себя, это торговля и искусство. Потому именно в этих сферах наиболее и проявился талант еврейского народа.

Сегодня не только учеников Одесской музыкальной школы можно встретить почти в любом штате и городе Америки. Е. Гилельс, москвичка, работает в Бостоне, к ней, как в скрипичную Мекку, тянутся студенты. Н. Сук, выдающийся киевский пианист, лауреат многих международных конкурсов, живет в Америке и гастролирует по миру. А. Мешберг профессор, закончила аспирантуру Джульярда в Манхеттене, играет в Нью-Йоркском симфоническом оркестре и руководит прекрасным струнным квартетом. Р. Лехтер - работал в оркестре Мравинского, сейчас - в Миннеаполисском симфоническом оркестре, одном из лучших коллективов мира, и т.д.

Не все, к сожалению, нашли себя. Прекрасная известная Одесская пианистка Л. Лехтер, воспитавшая массу учеников, живет в Нью-Йорке, но работу найти не может. А. Гельперн, работал режиссером театра комедии в С. Петербурге, вынужден работать экскурсоводом. Но и здесь он превратил туристические экскурсии в своеобразный спектакль, где актеры - все туристы.

Нас в прошлой жизни учили творчеству, но не науке продавать свои таланты, быть менеджером самому себе. Мы были, как в детском саду, за нас кто-то все это решал. На своем опыте могу дать несколько советов: учите язык, не бросайтесь на первую попавшуюся работу, проявите волю, не надейтесь на друзей и родственников - только на себя. Чтобы научиться плавать, надо прыгнуть в воду!

Мы живем на реальной земле.

Валерий Климов, профессор Московской консерватории, лауреат первой премии скрипачей на конкурсе Чайковского, ученик Д. Ойстраха. Ныне - профессор консерватории в городе Саарбрюккен, Германия.

Я горжусь тем, что был учеником выдающегося скрипача XX столетия Д. Ойстраха. Он оказал на меня влияние не только как блестящий виртуоз, музыкант и педагог, но и как человек. Все, кто его близко знал, очень любили. Я был его студентом, затем -

аспирантом. Учась в его классе, был участником многих международных конкурсов. А когда в 1974 г. Давид Федорович скончался, это была невосполнимая утрата всего советского искусства, мне была оказана огромная честь: возглавить его кафедру в Московской консерватории. И главной моей целью было - сохранить традиции, заложенные Д. Ойстрахом.

Сейчас продолжаю эту же школу в консерватории г. Саарбрюккен. Веду большой международный класс, где учатся представители разных стран: Австрии, Франции, Бельгии, Австралии и, конечно же, Германии. Надеюсь, что мне удастся сохранить традиции Д. Ойстраха, многие мои ученики добились успеха на международных конкурсах, стали концертмейстерами в больших оркестрах.

Много концертирую и сам, но, уже не столь насыщенно, педагогическая деятельность отнимает много сил. Являюсь и членом жюри многих конкурсов, таких как имени Жака Тибо, Жана Сибелиуса, Паганини, им. Чайковского в Москве, и т.д.

В Америке концертировал много раз, правда, во времена выдающегося менеджера Сола Юрока. После его смерти больше ездил по странам Европы, Азии. Был в Австралии. Канаде.

Конечно же, весьма печален процесс, когда выдающиеся музыканты вынуждены разбредаться по странам мира. Но это не случайно. Мы живем на реальной земле.

Развал СССР, видимо, был неизбежен. После чего начался такой беспорядок, который работающие серьезно люди не могли воспринять. Эти люди стали заброшенными, им необходимо было заботиться самим о себе. И, слава Богу, что стало возможным спокойно выехать, чтобы продолжать работу, не нуждаться, не быть подверженным случайным катаклизмам. Это вполне естественное желание!

Борьба и конкурс продолжают всю жизнь.

Александр Винницкий, в прошлом - профессор Московской консерватории, ныне - профессор консерватории в городе Турку, Финляндия; лауреат конкурса им. Чайковского. Ученик Л. Мордковича, затем - Д. Ойстраха, сравнившего А. Винницкого с "молодым Хейфецом".

Мое самое яркое впечатление - первая встреча с Д. Ойстрахом. Когда я, мальчик-подросток, пришел к нему на прослушивание, первое, что он спросил у меня, были слова:

- Могу ли я вас называть на "ты"?

Меня это поразило. Д. Ойстрах оказался очень простым, добрым и уютным в общении человеком. Все пять лет, которые я занимался в его классе, были удивительными. Я их часто

вспоминаю и буду всю жизнь вспоминать.

После смерти Д. Ойстраха я учился в аспирантуре у Ю. Климова, позже - стал его ассистентом и работал с ним десять лет.

Валерий Климов прав: с распадом СССР возникло много бытовых и экономических проблем. Я их решил так: живу и работаю большую часть времени в Финляндии, но продолжаю работать и в Московской консерватории. Кроме того, я профессор консерватории во Флоренции. Так что у меня много педагогических обязанностей. Однако успеваю и концерттировать.

Что касается того, что многие творческие люди не смогли найти себя после распада СССР, я придерживаюсь следующей точки зрения: развитие музыканта с детских лет - это постоянная борьба, постоянный конкурс. И конкурс этот продолжается всю жизнь: борьба за лучшие оценки на экзаменах, затем - кто лучший на конкурсах, борьба за сцену, за зрителя, и т.д. И потому в разные моменты жизни лидерами стают разные люди.

К сожалению, хороших музыкантов становится все больше, а потому и конкурс становится все жестче и жестче. Я так смотрю на жизнь. Нужно постоянно быть в отличной форме. А при эмиграции, в житейских конкурсах, далеко не все показывают себя профессионалами. Новый язык, незнакомая система взаимоотношений, это непросто.

Но есть и другая сторона медали: новое творческое обогащение. В СССР мы варились в собственном соку за каменной стеной. А теперь можно свободно общаться с другими культурами и традициями. В этом процессе талантливый человек может многое приобрести.

Одни “играли”, другие - “говорили” на инструменте.

Альберт Марков - в прошлом, ученик Харьковского профессора Лецинского, ныне - профессор Манхэттенской школы музыки, композитор, дирижер, скрипач.

Я не был учеником Д. Ойстраха, но общался с этим выдающимся скрипачом, неким идеалом, эталоном, к которому стремились многие. Он оставил неизгладимый след и в моей жизни. У него была безупречная инструментальная игра и безупречное поведение на сцене, в обществе, со студентами.

В то же время, я отдавал себе отчет в том, что он принадлежал к группе артистов, “играющих на инструменте”. В то же время существовал и другой “лагерь” музыкантов, которые не играли а “говорили на инструменте”. Это, например, Полякин, Шафран, Софроницкий. Так я для себя разграничивал известных музыкантов.

Уже более сорока лет задаю себе вопрос, кто я: скрипач,

композитор, педагог, дирижер? В разные периоды жизни у меня был крен то в одну, то другую сторону. В детстве я начинал пианистом, а в 1943 г. встретил Столярского и увлекся скрипкой, его воздействие было абсолютно несокрушимым.

Затем очень увлекался занятиями по гармонии у профессора Г. Литинского, занимался и сочинительством, но наибольшую часть жизни посвящал концертному исполнительству.

В Америке увлекся композицией, здесь написал скрипичный концерт, сюиту для скрипки, симфонию, и.т.д. Но я не знаю формулы успеха. Не знаю. Каждый человек строит свою судьбу по собственным рецептам, сам придумывает правила игры.

Я начинал свою творческую жизнь в Америке с нуля, у меня даже не было скрипки, мой итальянский инструмент я не имел права вывезти за пределы СССР. Сперва я попытался наладить контакты с известными мне музыкантами, но не малую роль сыграл случай и в моей судьбе.

В те годы в Америке существовала возможность купить право дирижировать с симфоническим оркестром. Один из молодых дирижеров использовал право дирижировать Хьюстонским оркестром за 14 тысяч долларов и в поисках солистов наткнулся на меня. Я поехал с ним. И сразу же на другой день после этого дебюта получил сорок приглашений по всей Америке. Это была большая удача. Правда, нужно было быть готовым к этой удаче. Я себя к ней готовил.

В тот сезон я сыграл 17 или 18 скрипичных концертов, это были замены заболевших артистов, таких, как Мильштейн, Игорь Ойстрах. И я играл их концерты.

Острова в океане!

Нина Бейлина - любимая ученица Д. Ойстраха, профессор музыкального колледжа в Манхеттене.

Мы называли Д. Ойстраха "Царь Давид". Я была его студенткой. Летом он отдыхал обычно в Пярну, и я тоже ездила сюда для отдыха и занятий музыкой. Я была удостоена чести приходить к 5 часам вечера в дом к Д. Ойстраху, и мы ходили гулять. Но я хитрила, приходила раньше и подслушивала, как он работал. Мое поклонение перед ним возросло во много раз. Я слышала, как этот Царь, когда ему было уже за 50 лет, поменял вибрацию. Я слышала, как он это делал! В другой раз он менял систему переходов глассандо. А когда мы с ним гуляли, он однажды признался, что хотел бы уничтожить все свои прежние пластинки.

- У меня стали другие уши,- сказал он,- я по-другому слышу, и я хотел бы все изменить.- Можете такое представить!? Д.

Ойстрах был большим ребенком.

У него был диабет. Мы ходили в “down town” Пярну пить кофе. И его супруга Тамара Ивановна каждый раз мне говорила: - Ниночка, помните, Давиду Федоровичу нельзя есть сладкое.

Мы приходили в кафе, он брал для нас обоих кофе, а для меня еще и пирожное. А затем с моей тарелочки его съедал. Но я ничего не могла поделать, могла ли я перечить своему профессору!

Был еще Д. Ойстрах потрясающим рассказчиком анекдотов. В то время мой, ныне покойный, муж И. Чудновский тоже отличался даром рассказа анекдотов. И по вечерам начинался иногда бой на анекдотных шпагах, это было очень увлекательно, неповторимо!

Сейчас в Нью-Йорке в моей творческой жизни главенствуют три “би”: Брамс, Бах и Баханалия. В недалеком будущем буду играть двойной концерт Брамса в Риме с Натание Розеном, известным лауреатом-виолончелистом конкурса им. Чайковского.

Мне уже посчастливилось сыграть с другим лауреатом конкурса Чайковского Давидом Гиригасом. На очереди и камерный оркестр Баханалия.

Жизнь такова, что мы все, бывшие ученики “Царя Давида”, живем на своих островах, в своих монастырях, почти ничего не зная друг о друге, такова жизнь! Я лично ни с кем из учеников Д. Ойстраха в Америке не общалась, нет времени. Даже не знаю, кто, где сегодня, на каких островах в океане жизни?

Мы все, эмигрировав, начинали с гарбиджа.

Марк Зингер, *бывший солист Одесской консерватории, ныне - профессор Чикагского университета по классу скрипки.*

Хочу рассказать о малоизвестном эпизоде. Д. Ойстрах был еще и прекрасным шахматистом и увлекался кино. В 1968 г. он приехал в Одессу с концертом. Вечером он играл концерт Чайковского, а с утра попросил меня (я тоже тогда увлекался съемками) вместе снять фильм об Одессе. Нас было трое: Вениамин Мордкович, друг и коллега Д. Ойстраха, Д. Ойстрах и я. Около трех часов мы разъезжали по городу и фотографировали: Давид Федорович - Одессу, а я - его самого.

Мы начали с ул. Полицейской, Розы Люксембург, с дома, где родился Д. Ойстрах. Из домов вышли соседи, было ужасно интересно. Затем мы двинулись к бульвару, снимали лестницу, Д. Ойстрах вспоминал много забавных историй. Затем мы снимали школу Столярского, Дом ученых. Теперь Д. Ойстрах вспомнил, как играл первый концерт Прокофьева в присутствии самого Прокофьева в зале.

Еще мы поехали на дачу Столярского, на ул. Преображенскую. Заходили в дом и фотографировали, фотографировали, а Давид Федорович рассказывал. Были и в консерватории...

А затем на протяжении дня я успел проявить пленки и вечером, когда Д. Ойстрах возвратился с концерта, я ему показал результаты. Он даже отказался снимать фрак, сказал:

- Мара, покажите, пожалуйста, немедленно. Я должен видеть!

Мы натянули простыню, и я стал показывать. Это было прекрасное зрелище: как он реагировал, сколько было тепла в его реакции.

Я отдал фильм Д. Ойстраху. Он повез его в Москву, показал там. Затем он проявил свой фильм, который сам снимал. Кстати, это был первый его цветной фильм. И после передал мне этот фильм с длинным письмом. Я его храню.

А судьба у фильма ужасная. Мой фильм у меня забрали на границе в Чопе. Но должен быть экземпляр и у Д. Ойстраха, у его наследников. Но я об этом ничего не знаю. Я до сих пор очень сожалею о потере моего фильма...

А эмигрантская моя жизнь ничем не отличается от жизни других эмигрантов. Мы все начинали с гарбиджа. И сперва всюду ходили пешком. Затем мне удалось работать в симфоническом оркестре Сент-Луиса. Работал и ассистентом концертмейстера Чикагского оркестра. Играл много и сольных концертов. И, конечно же, начал преподавать.

Мы, музыканты, счастливые люди, потому что обладаем универсальным языком общения. Это облегчало жизнь.

Американцы никуда не спешат и потому, видимо, адаптация - очень медленный процесс. Правда, когда стареешь, все чаще чувствуешь себя "островом в океане", к сожалению, увы!

Теперь я общаюсь часто лишь с Абрашей Штерном из Киева. И еще рядом живет Эллочка Бракер, ученица Д. Ойстраха, работает в Чикаго-симфони. Да еще не дают скучать мои ученики: работают в Берлине, Лиссабоне, Лондоне. Недавно моя ученица выиграла первую премию в конкурсе И. Менухина, так что, слава Богу!

Птицы одного гнезда

Семен Ярошевич: *бывший аспирант Д. Ойстраха, профессор консерваторий в городах Владивосток, Горький. Сейчас: профессор Тель-авивского университета.*

Я окончил школу Столярского, Одесскую консерваторию у профессора В. Мордковича и аспирантуру в Москве у Д. Ойстраха.

Но когда меня в 1962 г. пригласили на преподавательскую работу в новый Институт искусств во Владивостоке, я поехал. Начал все с нуля. Через 12 лет, будучи завкафедрой, деканом музыкального факультета, что практически означает - ректором консерватории, по конкурсу был принят профессором в Горьковскую консерваторию и через год стал завкафедрой. Затем получил звание заслуженного деятеля искусств, стал лауреатом Всероссийских и международных конкурсов, организовал камерный оркестр, которым руководил 10 лет.

Но в 1972 г. моя мама и сестра переехали в Израиль, я стал невыездной. И только в 1990 г. впервые выехал за границу, в Израиль, увы - на похороны мамы.

Там я познакомился с видными музыкантами, дал несколько уроков и получил письменное приглашение на работу в Тель-Авивский университет, в котором указывалось, что все, кого это касается, должны оказывать мне любое содействие, чтобы я мог приступить к работе 1 октября 1990 г. С этим письмом меня оформили на выезд за несколько недель. Думаю, что я поступил правильно, хоть был момент (перед самым отъездом едва не сбылась давнишняя мечта - меня формально пригласили работать в Московской консерватории), когда я очень колебался.

Через 5 лет работы в Израиле я получил весьма престижный статус постоянного штатного профессора. Много работаю, много разъезжаю по миру.

Главным недостатком музыкального образования в Израиле является отсутствие преемственности. Нет школы. Каждый педагог - сам по себе. Но любое новаторство, не подкрепленное традициями, школой, ничего не стоит.

В Израиле детей учат сразу всему: спорту, музыке, дают общее образование, но нет профессионализма ни в чем. Похоже, такова ситуация и в Америке.

Все методические пособия мира ничего не стоят рядом с практическим опытом. Мы учились в классе у своих соучеников. Рядом со мной учились В. Климов, Р. Файн, С. Снитковский, десятки других прекрасных музыкантов.

А сегодня нас разбросало по миру. В Израиле работают несколько профессоров Горьковской консерватории. Многие - в Европе. В Америке работают С. Шустер, М. Зингер, С. Урицкий, О. Крыса, О. Яблонская, Б. Давидович, Н. Бейлина, десятки других личностей. Такова жизнь. Мы все - работоголики. Мы все - дети советской музыкальной школы. Нас разбросало по миру. Недавно в Горьком мы открывали музыкальный лицей. Масса талантливых детей, но нет средств, нет педагогов, все уехали!

Когда-то в Москве работали Ойстрах, Коган, Янкелевич, Беленький, Цыганов. Никого уже нет. Всюду молодые люди. Дай-то Бог!

Бостон M-Graphics Publishing, 2011, 647 С, ISBN: 978-1-934881-63-7.

(журнал «Вестник», 6 июля 1998)

(С вопросами можно связаться с автором по адресу: aleksbur@gmail.com.)

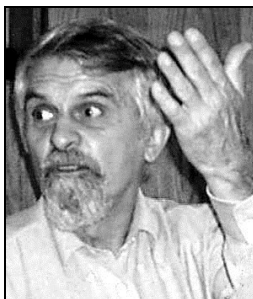

Об авторах

Эдуард Бормашенко – публицист, физик. Живет в Ариэле, Израиль.

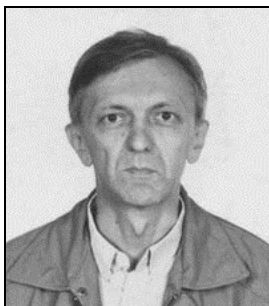
Оскар Шейнин – историк математики, почетный член лондонского Королевского статистического общества.

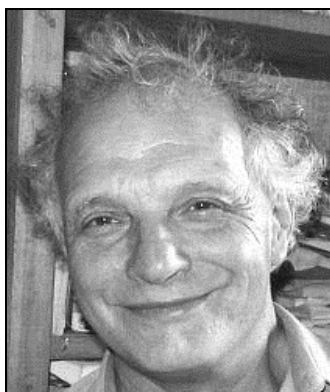
Владимир Тихомиров – российский математик, писатель и педагог, профессор МГУ, член Московского математического общества.

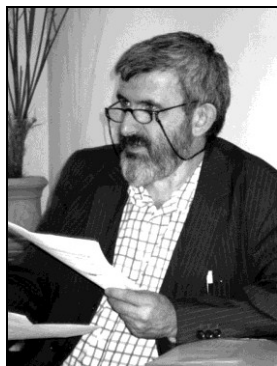
Тамара Локуциевская – вдова Олега Вячеславовича Локуциевского.

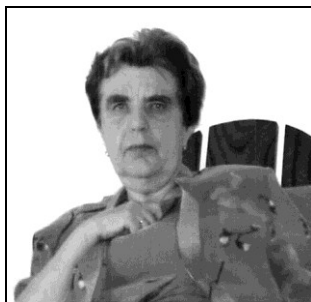
Михаил Гавриков – российский математик, старший научный сотрудник Института прикладной математики РАН.

Борис Альтшулер – Старший научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН

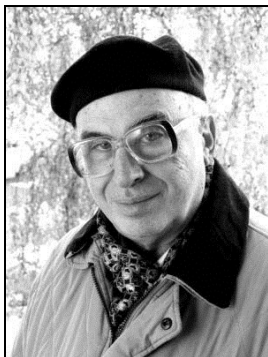

Павел Нерлер – историк, географ, литератор

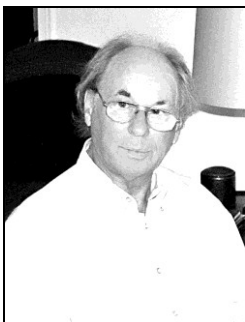

Исанна Лихтенштейн – врач, литератор.

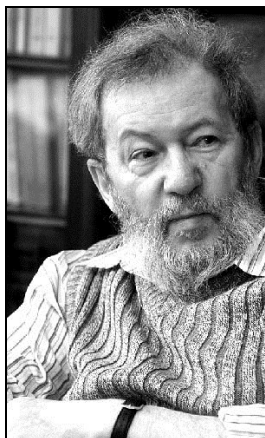
Григорий Фридман – инженер-электрик, историк-любитель.

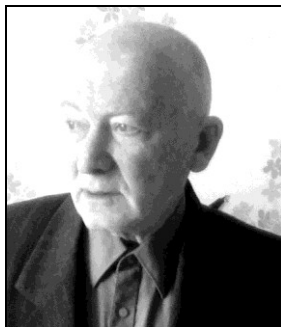
Борис Рубенчик (Рублов) – профессор, доктор биологических наук

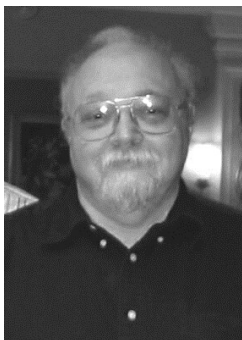
Наум Зайдель – музыкант с многолетним стажем.

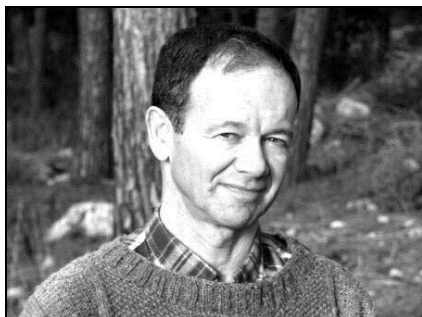
Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Леонид Шейнин – экономист, географ, историк-любитель

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

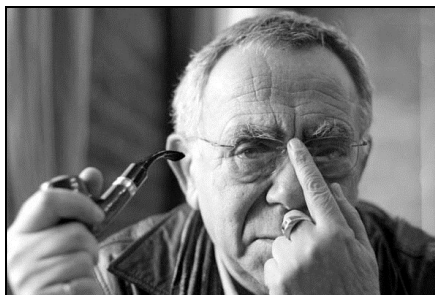
Леонид Смиловицкий – доктор исторических наук, научный сотрудник Центра еврейской диаспоры при Тель-авивском университете.

Эмма Шкурко – врач-невролог, краевед-любитель.

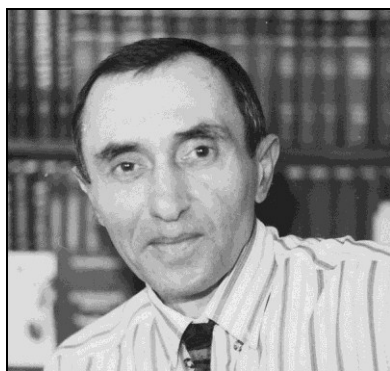
Татьяна Разумовская – филолог, литератор, член СП
Израиля

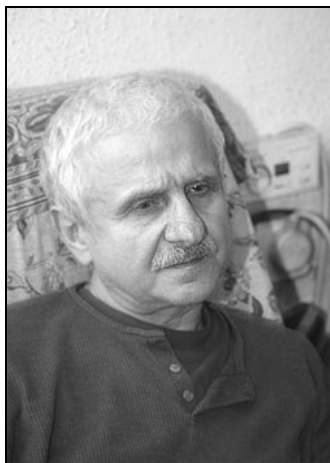
Виктор Каган – доктор медицинских наук. Член Союза Писателей Санкт-Петербурга.

Алексей Борычев – поэт.

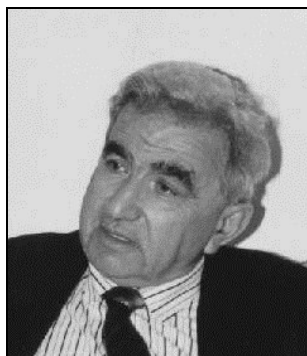
Анатолий Николин – поэт, прозаик, член-корреспондент Крымской литературной академии.

Виктор Голков – литератор

Михаил Юдсон – литератор.

Григорий Канович – писатель, лауреат премии Союза писателей Израиля.

Елена Мазур-Матусевич – писатель, художник, филолог.

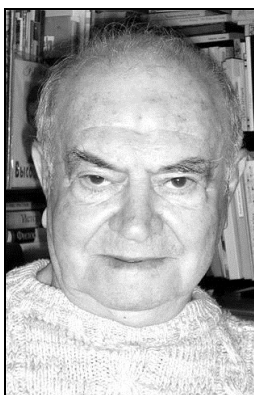
Иохвидович Инна – прозаик. Публикуется в русскоязычных изданиях Германии, Англии, Израиля.

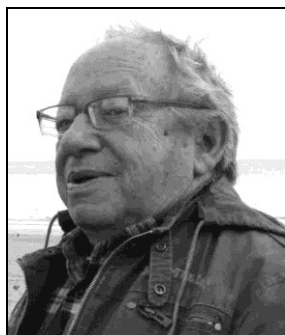
Моисей Борода – композитор, писатель, поэт.

Александр Ласкин – историк, прозаик, профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусств.

Леонид Столович – профессор Тартуского университета.

Владимир Слуцкий – к.г.н., доцент Томского университет (42 года). Живёт в Израиле.

Соня Тучинская – программист, публицист

Александр Бураковский – писатель

Журнал «Семь искусств», май 2012
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2012, 530 стр. 25,01 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины